3 1761 08821050 5

А. Куприн

Kuprin, Aleksandr Ivanovich

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ

СОЧИНЕНІЙ

Polnoe sobranie sochinenу

А. И. КУПРИНА.

Съ портретомъ автора.

---

t. 1-2.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

Приложеніе къ журналу „Нива“ на 1912 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе Т-ва А. Ф. МАРКСЪ.

1912.

Артистическое заведеніе Т-ва А. Ф. Маркъ, Измайл. просп., № 29.

LR
K9655
1912

670559
24.12.57

МОЛОХЪ.

I.

Заводскій гудокъ протяжно ревѣлъ, возвѣщая начало рабочаго дня. Густой, хриплый, непрерывный звукъ, казалось, выходилъ изъ-подъ земли и низко разстилался по ея поверхности. Мутный разсвѣтъ дождливаго августовскаго дня придавалъ ему суровый оттѣнокъ тоски и угрозы.

Гудокъ засталъ инженера Боброва за чаемъ. Въ послѣдніе дни Андрей Ильичъ особенно сильно страдалъ безсонницей. Вечеромъ, ложась въ постель съ тяжелой головой и поминутно вздрагивая, точно отъ внезапныхъ толчковъ, онъ все-таки забывался довольно скоро безпокойнымъ, нервнымъ сномъ, но просыпался задолго до свѣта, совсѣмъ разбитый, обезсиленный и раздраженный.

Причиной этому, безъ сомнѣнія, было нравственное и физическое переутомленіе, а также давняя привычка къ подкожнымъ впрыскиваніямъ морфія,—привычка, съ которой Бобровъ на-дняхъ началъ упорную борьбу.

Теперь онъ сидѣлъ у окна и маленькими глотками прихлебывалъ чай, казавшійся ему травянистымъ и безвкуснымъ. По стекламъ зигзагами сбѣгали капли. Лужи на дворѣ морщило и рябило отъ дождя. Изъ окна было видно небольшое квадратное озеро, окруженное, точно

рамкой, косматыми ветлами, съ ихъ низкими, голыми стволами и сѣрой зеленью. Когда поднимался вѣтеръ, то на поверхности озера вздувались и бѣжали, будто торопясь, мелкія, короткія волны, а листья ветелъ вдругъ подергивались серебристой сѣдиной. Блеклая трава безсильно приникала подъ дождемъ къ самой землѣ. Дома ближайшей деревушки, деревья лѣса, протянувшагося зубчатой темной лентой на горизонтѣ, поле въ черныхъ и желтыхъ заплатахъ,—все вырисовывалось сѣро и неясно, точно въ туманѣ.

Было семь часовъ, когда, надѣвъ на себя клеенчатый плащъ съ капюшономъ, Бобровъ вышелъ изъ дому. Какъ многіе нервные люди, онъ чувствовалъ себя очень нехорошо по утрамъ: тѣло было слабо, въ глазахъ ощущалась тупая боль, точно кто-то давилъ на нихъ сильно снаружи, во рту—непріятный вкусъ. Но всего больнѣе дѣйствовалъ на него тотъ внутренній, душевный разладъ, который онъ примѣчалъ въ себѣ съ недавняго времени. Товарищи Боброва, инженеры, глядѣвшіе на жизнь съ самой несложной, веселой и практической точки зрѣнія, навѣрно, осмѣяли бы то, что̀ причиняло ему столько тайныхъ страданій, и ужъ во всякомъ случаѣ не поняли бы его. Съ каждымъ днемъ въ немъ все больше и больше нарастало отвращеніе, почти ужасъ къ службѣ на заводѣ.

По складу его ума, по его привычкамъ и вкусамъ ему лучше всего было посвятить себя кабинетнымъ занятіямъ, профессорской дѣятельности или сельскому хозяйству. Инженерное дѣло не удовлетворяло его, и, если бы не настоятельное желаніе матери, онъ оставилъ бы институтъ еще на третьемъ курсѣ.

Его нѣжная, почти женственная натура жестоко страдала отъ грубыхъ прикосновеній дѣйствительности, съ ея будничными, но суровыми нуждами. Онъ самъ себя сравнивалъ, въ этомъ отношеніи, съ человѣкомъ, съ ко-

тораго заживо содрали кожу. Иногда мелочи, не замѣченныя другими, причиняли ему глубокія и долгія огорченія.

Наружность у Боброва была скромная, неяркая... Онъ былъ невысокъ ростомъ и довольно худъ, но въ немъ чувствовалась нервная, порывистая сила. Большой бѣлый прекрасный лобъ прежде всего обращалъ на себя вниманіе на его лицѣ. Расширенные и при томъ неодинаковой величины зрачки были такъ велики, что глаза, вмѣсто сѣрыхъ, казались черными. Густыя, неровныя брови сходились у переносья и придавали этимъ глазамъ строгое, пристальное и точно аскетическое выраженіе. Губы у Андрея Ильича были нервныя, тонкія, но не злыя, и немного несимметричныя: правый уголъ рта приходился немного выше лѣваго; усы и борода маленькіе, жидкіе, бѣлесоватые, совсѣмъ мальчишескіе. Прелесть его, въ сущности, некрасиваго лица заключалась только въ улыбкѣ. Когда Бобровъ смѣялся, глаза его становились нѣжными и веселыми, и все лицо дѣлалось привлекательнымъ.

Пройдя полверсты, Бобровъ взобрался на пригорокъ. Прямо подъ его ногами открылась огромная панорама завода, раскинувшагося на пятьдесятъ квадратныхъ верстъ. Это былъ настоящій городъ изъ краснаго кирпича, съ лѣсомъ высоко торчащихъ въ воздухѣ закопченныхъ трубъ,—городъ, весь пропитанный запахомъ сѣры и желѣзнаго угара, оглушаемый вѣчнымъ, несмолкаемымъ грохотомъ. Четыре доменныя печи господствовали надъ заводомъ своими чудовищными трубами. Рядомъ съ ними возвышалось восемь кауперовъ, предназначенныхъ для циркуляціи нагрѣтаго воздуха,—восемь огромныхъ желѣзныхъ башенъ, увѣнчанныхъ круглыми куполами. Вокругъ доменныхъ печей разбросались другія зданія: ремонтныя мастерскія, литейный дворъ, промыв-

ная, паровозная, рельсопрокатная, мартиновскія и пудлинговыя печи и т. д.

Заводъ спускался внизъ тремя громадными природными площадями. Во всѣхъ направленіяхъ сновали маленькіе паровозы. Показываясь на самой нижней ступени, они съ пронзительнымъ свистомъ летѣли наверхъ, исчезали на нѣсколько секундъ въ туннеляхъ, откуда вырывались, окутанные бѣлымъ паромъ, гремѣли по мостамъ и наконецъ, точно по воздуху, неслись по каменнымъ эстокадамъ, чтобы сбросить руду и коксъ въ самую трубу доменной печи.

Дальше, за этой природной террасой, глаза разбѣгались на томъ хаосѣ, который представляла собою мѣстность, предназначенная для возведенія пятой и шестой доменныхъ печей. Казалось, какой-то страшный подземный переворотъ выбросилъ наружу эти безчисленныя груды щебня, кирпича разныхъ величинъ и цвѣтовъ, песчаныхъ пирамидъ, горъ плитняка, штабелей желѣза и лѣса. Все это было нагромождено какъ будто бы безъ толку, случайно. Сотни подводъ и тысячи людей суетились здѣсь, точно муравьи на разоренномъ муравейникѣ. Бѣлая тонкая и ѣдкая известковая пыль стояла, какъ туманъ, въ воздухѣ.

Еще дальше, на самомъ краю горизонта, около длиннаго товарнаго поѣзда толпились рабочіе, разгружавшіе его. По наклоннымъ доскамъ, спущеннымъ изъ вагоновъ, непрерывнымъ потокомъ катились на землю кирпичи; со звономъ и дребезгомъ падало желѣзо; летѣли въ воздухѣ, изгибаясь и пружинясь на лету, тонкія доски. Одни подводы направлялись къ поѣзду порожнякомъ, другія вереницей возвращались оттуда, нагруженныя до верху. Тысячи звуковъ смѣшивались здѣсь въ длинный скачущій гулъ: тонкіе, чистые и твердые звуки каменщичьихъ зубилъ, звонкіе удары кленальщиковъ, че-

канящихъ заклепы на котлахъ, тяжелый грохотъ паровыхъ молотовъ, могучіе вздохи и свистъ паровыхъ трубъ и изрѣдка глухіе подземные взрывы, заставлявшіе дрожать землю.

Это была страшная и захватывающая картина. Человѣческій трудъ кипѣлъ здѣсь, какъ огромный, сложный и точный механизмъ. Тысячи людей, инженеровъ, каменщиковъ, механиковъ, плотниковъ, слесарей, землекоповъ, столяровъ и кузнецовъ собрались сюда съ разныхъ концовъ земли, чтобы, повинуясь желѣзному закону борьбы за существованіе, отдать свои силы, здоровье, умъ и энергію за одинъ только шагъ впередъ промышленнаго прогресса.

Нынѣшній день Бобровъ особенно нехорошо себя чувствовалъ. Иногда, хотя и очень рѣдко—раза три или четыре въ годъ у него являлось весьма странное, меланхолическое и вмѣстѣ съ тѣмъ раздражительное настроеніе духа. Случалось это обыкновенно въ пасмурныя осеннія утра, или по вечерамъ, во время зимней ростепели. Все въ его глазахъ пріобрѣтало скучный и безцвѣтный видъ, человѣческія лица казались мутными, некрасивыми или болѣзненными, слова звучали откуда-то издали, не вызывая ничего, кромѣ скуки. Особенно раздражали его сегодня, когда онъ обходилъ рельсопрокатный цехъ, блѣдныя, выпачканныя углемъ и высушенныя огнемъ лица рабочихъ. Глядя на ихъ упорный трудъ въ то время, когда ихъ тѣла обжигалъ жаръ раскаленныхъ желѣзныхъ массъ, а изъ широкихъ дверей дулъ пронзительный осенній вѣтеръ, онъ самъ какъ будто бы испытывалъ часть ихъ физическихъ страданій. Ему тогда становилось стыдно и за свой выхоленный видъ, и за свое тонкое бѣлье, и за три тысячи своего годового жалованья...

II.

Онъ стоялъ около сварочной печи, слѣдя за работой. Каждую минуту громадный пылающій зѣвъ печи широко раскрывался, чтобы поглощать одинъ за другимъ двадцатипудовые «пакеты» раскаленной добѣла стали, только-что вышедшіе изъ пламенныхъ печей. Черезъ четверть часа они, протянувшись съ страшнымъ грохотомъ черезъ десятки станковъ, уже складывались на другомъ концѣ мастерской длинными, гладкими, блестящими рельсами.

Кто-то тронулъ Боброва сзади за плечо. Онъ досадливо обернулся и увидѣлъ одного изъ сослуживцевъ—Свѣжевскаго.

Этотъ Свѣжевскій съ его всегда немного согнутой фигурой,—не то крадущейся, не то кланяющейся,—съ его вѣчнымъ хихиканьемъ и потираньемъ холодныхъ, мокрыхъ рукъ, очень не нравился Боброву. Въ немъ было что-то заискивающее, обиженное и злобное. Онъ вѣчно зналъ раньше всѣхъ заводскія сплетни и выкладывалъ ихъ съ особеннымъ удовольствіемъ передъ тѣмъ, кому онѣ были наиболѣе непріятны; въ разговорѣ же нервно суетился и ежеминутно притрогивался къ бокамъ, плечамъ, рукамъ и пуговицамъ собесѣдника.

— Что это васъ, батенька, такъ давно не видно?—спросилъ Свѣжевскій; онъ хихикалъ и мялъ въ своихъ рукахъ руку Андрея Ильича.—Все сидите и книжки почитываете? Почитываете все?

— Здравствуйте, — отозвался нехотя Бобровъ, отымая руку.—Просто мнѣ нездоровилось это время.

— У Зиненко за вами всѣ соскучились,—продолжалъ многозначительно Свѣжевскій.—Отчего вы у нихъ не бываете? А тамъ третьяго-дня былъ директоръ и о васъ справлялся. Разговоръ зашелъ какъ-то о доменныхъ ра-

ботахъ, и онъ о васъ отзывался съ большой похвалой.

— Весьма польщенъ,— насмѣшливо поклонился Бобровъ.

— Нѣтъ, серьезно... Говорилъ, что правленіе васъ очень цѣнитъ, какъ инженера, обладающаго большими знаніями, и что вы, если бы захотѣли, могли бы пойти очень далеко. По его мнѣнію, намъ вовсе не слѣдовало бы отдавать французамъ вырабатывать проектъ завода, если дома есть такіе свѣдущіе люди, какъ Андрей Ильичъ. Только...

«Сейчасъ что-нибудь непріятное скажетъ», — подумалъ Бобровъ.

— Только, говоритъ, нехорошо, что вы такъ удаляетесь отъ общества и производите впечатлѣніе замкнутаго человѣка. Никакъ не поймешь, кто вы такой на самомъ дѣлѣ, и не знаешь, какъ съ вами держаться. Ахъ, да!—вдругъ хлопнулъ себя по лбу Свѣжевскій:—я вотъ болтаю, а самое важное позабылъ вамъ сказать... Директоръ просилъ всѣхъ быть непремѣнно завтра къ двѣнадцатичасовому поѣзду на вокзалѣ.

— Опять будемъ встрѣчать кого-нибудь?

— Совершенно вѣрно. Угадайте, кого?

Лицо Свѣжевскаго приняло лукавое и торжествующее выраженіе. Онъ потиралъ руки и, повидимому, испытывалъ большое удовольствіе, готовясь сообщить интересную новость.

— Право, не знаю, кого... Да я и не мастеръ вовсе угадывать,—сказалъ Бобровъ.

— Нѣтъ, голубчикъ, отгадайте, пожалуиста... Ну, хоть такъ, наугадъ, кого-нибудь назовите...

Бобровъ замолчалъ и сталъ съ преувеличеннымъ вниманіемъ слѣдить за дѣйствіями парового крана. Свѣжевскій замѣтилъ это и засуетился еще больше прежняго.

— Ни за что не скажете... Ну, да я уже не буду васъ больше томить. Ждутъ самого Квашнина.

Фамилію онъ произнесъ съ такимъ откровеннымъ подобострастіемъ, что Боброву даже сдѣлалось противно.

— Что же вы тутъ находите особенно важнаго?—спросилъ небрежно Андрей Ильичъ.

— Какъ «что же особеннаго»? Помилуйте. Вѣдь онъ въ правленіи, что захочетъ, то и дѣлаетъ: его, какъ оракула, слушаютъ. Вотъ и теперь: правленіе уполномочило его ускорить работы, то-есть, иными словами, онъ самъ себя уполномочилъ къ этому. Вы увидите, какіе громы и молніи у насъ пойдутъ, когда онъ пріѣдетъ. Въ прошломъ году онъ постройку осматривалъ—это, кажется, до васъ еще было?.. Такъ директоръ и четверо инженеровъ полетѣли со своихъ мѣстъ къ чорту. У васъ задувка *) скоро окончится?

— Да, уже почти готова.

— Ну, это хорошо. При немъ, значитъ, и открытіе отпразднуемъ и начало каменныхъ работъ. Вы Квашнина самого встрѣчали когда-нибудь?

— Ни разу. Фамилію, конечно, слышалъ...

— А я такъ имѣлъ удовольствіе. Это жъ, я вамъ доложу, такой типъ, какихъ больше не увидите. Его весь Петербургъ знаетъ. Во-первыхъ, такъ толстъ, что у него руки на животѣ не сходятся. Не вѣрите? Честное слово. У него и особая карета такая есть, гдѣ вся правая сторона отворяется на шарнирахъ. При этомъ огромнаго роста, рыжій, и голосъ, какъ труба іерихонская. Но что за умница! Ахъ, Боже мой!.. Во всѣхъ акціонерныхъ обществахъ состоитъ членомъ правленія... получаетъ двѣ-

*) Задувкой доменной печи называется разогрѣваніе ея передъ началомъ работы до температуры плавленія руды, приблизительно до 1600° С. Самое дѣйствіе печи называется „кампаніей". Задувка продолжается иногда нѣсколько мѣсяцевъ.

сти тысячъ всего только за семь засѣданій въ годъ! За то уже, когда на общихъ собраніяхъ надо спасать ситуацію—лучше его не найти. Самый сомнительный годовой отчетъ онъ такъ доложитъ, что акціонерамъ черное бѣлымъ покажется, и они потомъ уже не знаютъ, какъ имъ выразить правленію свою благодарность. Главное: онъ никогда и съ дѣломъ-то вовсе не знакомъ, о которомъ говоритъ, и беретъ прямо апломбомъ. Вы завтра послушаете его, такъ, навѣрно, подумаете, что онъ всю жизнь только и дѣлалъ, что около доменныхъ печей возился, а онъ въ нихъ столько же понимаетъ, сколько я въ санскритскомъ языкѣ.

— На-ра-ра-ра-рамъ! — фальшиво и умышленно небрежно запѣлъ Бобровъ, отворачиваясь.

— Да вотъ... на что лучше... Знаете, какъ онъ принимаетъ въ Петербургѣ? Сидитъ голый въ ваннѣ по самое горло, только голова его рыжая надъ водою сіяетъ,— и слушаетъ. А какой-нибудь тайный совѣтникъ стоитъ, почтительно передъ нимъ согнувшись, и докладываетъ... Обжора онъ ужасный... и, дѣйствительно, умѣетъ поѣсть; во всѣхъ лучшихъ ресторанахъ извѣстны битки à la Квашнинъ. А ужъ насчетъ бабья и не говорите. Три года тому назадъ съ нимъ прекомичный случай вышелъ...

И, видя, что Бобровъ собирается уйти, Свѣжевскій схватилъ его за пуговицу и умоляюще зашепталъ:

— Позвольте... это такъ смѣшно... позвольте, я сейчасъ... въ двухъ словахъ. Видите ли, какъ дѣло было. Пріѣзжаетъ осенью, года три тому назадъ, въ Петербургъ одинъ бѣдный молодой человѣкъ—чиновникъ, что ли, какой-то... я даже его фамилію знаю, только не могу теперь вспомнить. Хлопочетъ этотъ молодой человѣкъ о спорномъ наслѣдствѣ и каждое утро, возвращаясь изъ присутственныхъ мѣстъ, заходитъ въ Лѣтній садъ, по-

сидѣть четверть часа на скамеечкѣ... Ну-съ, хорошо. Сидитъ онъ три дня, четыре, пять и замѣчаетъ, что ежедневно съ нимъ гуляетъ по саду какой-то рыжій господинъ необычайной толщины... Они знакомятся. Рыжій, который оказывается Квашнинымъ, разузнаетъ отъ молодого человѣка всѣ его обстоятельства, принимаетъ въ немъ участіе, жалѣетъ... Однако фамиліи ему своей не говоритъ. Ну-съ, хорошо. Наконецъ, однажды рыжій предлагаетъ молодому человѣку: «А что, согласились ли бы вы жениться на одной особѣ, но съ уговоромъ—сейчасъ же послѣ свадьбы съ ней разъѣхаться и больше не видаться?» А молодой человѣкъ какъ разъ въ это время чуть съ голоду не умиралъ. «Согласенъ, говоритъ, только смотря по тому, какое вознагражденіе, и деньги впередъ». Замѣтьте, тоже молодой человѣкъ знаетъ, съ какого конца спаржу ѣдятъ. Ну-съ, хорошо... Сговорились они. Черезъ недѣлю рыжій одѣваетъ молодого человѣка во фракъ и, чуть свѣтъ, везетъ куда-то за городъ, въ церковь. Народу никого; невѣста уже дожидается, вся закутанная въ вуаль, однако видно, что хорошенькая и совсѣмъ молодая. Начинается вѣнчаніе. Только молодой человѣкъ замѣчаетъ, что его невѣста стоитъ какая-то печальная. Онъ ее и спрашиваетъ шопотомъ: «Вы, кажется, противъ своей охоты сюда пріѣхали?» А она говоритъ: «Да и вы, кажется, тоже?» Такъ они и объяснились между собой. Оказывается, что дѣвушку принудила выйти замужъ ея же мать. Прямо-то отдать дочь Квашнину маменькѣ все-таки мѣшала совѣсть... Ну-съ, хорошо... Стоятъ они, стоятъ... молодой человѣкъ-то и говоритъ: «А давайте-ка удеремъ такую штуку: оба мы съ вами молоды, впереди еще для насъ можетъ быть много хорошаго, давайте-ка оставимъ Квашнина на бобахъ». Дѣвица рѣшительная и съ быстрымъ соображеніемъ. «Хорошо, говоритъ, давайте». Окончилось вѣнчанье, выходятъ всѣ изъ церкви, Кваш-

нинъ такъ и сіяетъ. А молодой человѣкъ даже и деньги съ него впередъ получилъ, да и немалыя деньги, потому что Квашнинъ въ этихъ случаяхъ ни за какими капиталами не постоитъ. Подходитъ онъ къ молодымъ и поздравляетъ съ самымъ ироническимъ видомъ. Тѣ слушаютъ его, благодарятъ, посаженымъ папенькой называютъ, и вдругъ оба—прыгъ въ коляску. «Что такое? Куда?»—«Какъ куда? На вокзалъ, свадебную поѣздку совершать. Кучеръ, пошелъ!..»—Такъ Василій Терентьевичъ и остался на мѣстѣ съ разинутымъ ртомъ... А то вотъ однажды... Что это? Вы уже уходите, Андрей Ильичъ?—прервалъ свою болтовню Свѣжевскій, видя, что Бобровъ съ рѣшительнымъ видомъ поправляетъ на головѣ шляпу и застегиваетъ пуговицы пальто.

— Извините, мнѣ некогда,—сухо отвѣтилъ Бобровъ.—А что касается вашего анекдота, то я его еще раньше гдѣ-то слышалъ или читалъ... Мое почтеніе.

И, повернувшись спиной къ Свѣжевскому, озадаченному его рѣзкостью, онъ быстро вышелъ изъ мастерской.

III.

Вернувшись съ завода и наскоро пообѣдавъ, Бобровъ вышелъ на крыльцо. Кучеръ Митрофанъ, еще раньше получившій приказаніе осѣдлать «Фарватера», гнѣдую донскую лошадь, съ усиліемъ затягивалъ подпругу англійскаго сѣдла. Фарватеръ надувалъ животъ и нѣсколько разъ быстро изгибалъ шею, ловя зубами рукавъ митрофановой рубашки. Тогда Митрофанъ кричалъ на него сердитымъ и ненатуральнымъ басомъ: «Но-о! Балуй, идолъ!» и прибавлялъ, кряхтя отъ напряженія: «Ишь ты, животная».

Фарватеръ—жеребецъ средняго роста, съ массивною

грудью, длиннымъ туловищемъ и поджарымъ, немного висльмъ задомъ,—легко и стройно держался на крѣпкихъ мохнатыхъ ногахъ, съ надежными копытами и тонкой бабкой. Знатокъ остался бы недоволенъ его горбоносой мордой и длинной шеей съ острымъ, выдающимся кадыкомъ. Но Бобровъ находилъ, что эти особенности, характерныя для всякой донской лошади, составляютъ красоту Фарватера такъ же, какъ кривыя ноги у таксы и длинныя уши у сетера. Зато во всемъ заводѣ не было лошади, которая могла бы обскакать Фарватера.

Хотя Митрофанъ и считалъ необходимымъ, какъ и всякій хорошій русскій кучеръ, обращаться съ лошадью сурово, отнюдь не позволяя ни себѣ ни ей никакихъ проявленій нѣжности, и поэтому называлъ ее и «каторжной», и «падалью», и «убивцею», и даже «Хамлетомъ», тѣмъ не менѣе онъ въ глубинѣ души страстно любилъ Фарватера. Эта любовь выражалась въ томъ, что донской жеребчикъ былъ и вычищенъ лучше и овса получалъ больше, чѣмъ другія казенныя лошади Боброва: «Ласточка» и «Черноморецъ».

— Поилъ ты его, Митрофанъ?—спросилъ Бобровъ.

Митрофанъ отвѣтилъ не сразу. У него была и еще одна повадка хорошаго кучера — медлительность и степенность въ разговорѣ.

— Попоилъ, Андрей Ильичъ, какъ же не попоимши-то. Но, ты, озирайся, лѣшій! Я тебѣ поверчу морду-то!—крикнулъ онъ сердито на лошадь.—Страсть, баринъ, какъ ему охота нынче подъ сѣдломъ итти. Не терпится.

Едва только Бобровъ подошелъ къ Фарватеру и, взявъ въ лѣвую руку поводья, обмоталъ вокругъ пальцевъ гривку, какъ началась исторія, повторявшаяся чуть ли не ежедневно. Фарватеръ, уже давно косившійся большимъ, сердитымъ глазомъ на подходившаго Боброва, началъ плясать на мѣстѣ, выгибая шею и разбрасывая зад-

ними ногами комья грязи. Бобровъ прыгалъ около него на одной ногѣ, стараясь вдѣть ногу въ стремя.

— Пусти, пусти поводья, Митрофанъ! — крикнулъ онъ, поймавъ наконецъ стремя, и въ тотъ же моментъ, перебросивъ ногу черезъ крупъ, очутился въ сѣдлѣ.

Почувствовавъ шенкеля всадника, Фарватеръ тотчасъ же смирился и, перемѣнивъ нѣсколько разъ ногу, фыркая и мотая головой, взялъ отъ воротъ широкимъ, упругимъ галопомъ...

Быстрая ѣзда, холодный вѣтеръ, свистѣвшій въ уши, свѣжій запахъ осенняго, слегка мокраго поля очень скоро успокоили и оживили вялые нервы Боброва. Кромѣ того каждый разъ, отправляясь къ Зиненкамъ, онъ испытывалъ пріятный и тревожный подъемъ духа.

Семья Зиненокъ состояла изъ отца, матери и пятерыхъ дочерей. Отецъ служилъ на заводѣ и завѣдывалъ складомъ. Этотъ лѣнивый и добродушный съ виду гигантъ былъ въ сущности очень пронырливымъ и каверзнымъ господиномъ. Онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ людей, которые, подъ видомъ высказыванія всякому въ глаза «истинной правды», грубо, но пріятно льстятъ начальству, откровенно ябедничаютъ на сослуживцевъ, а съ подчиненными обращаются самымъ безобразно-деспотическимъ образомъ. Онъ спорилъ изъ-за всякаго пустяка, не слушая возраженій и хрипло крича; любилъ поѣсть и питалъ слабость къ хоровому малорусскому пѣнію, при чемъ неизмѣнно фальшивилъ. Онъ, незамѣтно для самого себя, находился подъ башмакомъ у своей жены, — женщины маленькаго роста, болѣзненной и жеманной, съ крошечными сѣрыми глазками, до смѣшного близко поставленными къ переносью.

Дочерей звали: Мака, Бета, Шурочка, Нина и Кася.

Каждой изъ нихъ въ семьѣ было отведено свое амплуа. Мака, дѣвица съ рыбьимъ профилемъ, пользовалась ре-

путаціей ангельскаго характера. «Ужъ эта Мака — сама простота»,—говорили про нее родители, когда она, во время прогулокъ и вечеровъ, стушевывалась на задній планъ, въ интересахъ младшихъ сестеръ (Макѣ уже перевалило за тридцать).

Бета считалась умницей, носила пенсне и, какъ говорили, хотѣла даже когда-то поступить на курсы. Она держала голову склоненной на бокъ и внизъ, какъ старая пристяжная, и ходила ныряющей походкой, то подымаясь, то опускаясь при каждомъ шагѣ. Къ новымъ гостямъ она приставала со спорами о томъ, что женщины лучше и честнѣе мужчинъ, или съ наивной игривостью просила: «Вы такой проницательный... ну вотъ, опредѣлите мой характеръ». Когда разговоръ переходилъ на одну изъ классическихъ домашнихъ темъ: «Кто выше: Лермонтовъ или Пушкинъ?» или: «Способствуетъ ли природа смягченію нравовъ?» — Бету выдвигали впередъ, какъ боевого слона.

Третья дочь, Шурочка, избрала спеціальностью игру въ дурачки со всѣми холостыми инженерами поочереди. Какъ только узнавала она, что ея старый партнеръ собирается жениться, она, подавляя огорченіе и досаду, избирала себѣ новаго. Конечно, игра велась съ милыми шутками и маленькимъ плѣнительнымъ плутовствомъ, при чемъ партнера называли «противнымъ» и били по рукамъ картами.

Нина считалась въ семьѣ общей любимицей, избалованнымъ, но прелестнымъ ребенкомъ. Она была выродкомъ среди своихъ сестеръ, съ ихъ массивными фигурами и грубоватыми, вульгарными лицами. Можетъ-быть, одна только m-me Зиненко могла бы удовлетворительно объяснить, откуда у Ниночки взялась эта нѣжная, хрупкая фигурка, эти почти аристократическія руки, хорошенькое, смугловатое личико, все въ родинкахъ, малень-

кія розовыя уши и пышные, тонкіе, слегка вьющіеся волосы. На нее родители возлагали большія надежды, и ей поэтому разрѣшалось все: и объѣдаться конфетами, и мило картавить, и даже одѣваться лучше сестеръ.

Самой младшей, Касѣ, исполнилось недавно четырнадцать лѣтъ, но этотъ феноменальный ребенокъ переросъ на цѣлую голову свою мать, далеко превзойдя старшихъ сестеръ могучей рельефностью формъ. Ея фигура давно уже вызывала пристальные взоры заводской молодежи, совершенно лишенной, по отдаленности отъ города, женскаго общества, и Кася принимала эти взоры съ наивнымъ безстыдствомъ рано созрѣвшей дѣвочки.

Это раздѣленіе семейныхъ прелестей было хорошо извѣстно на заводѣ, и одинъ шутникъ сказалъ какъ-то, что, если ужъ жениться на Зиненкахъ, то непремѣнно на всѣхъ пятерыхъ сразу. Инженеры и студенты-практиканты глядѣли на домъ Зиненко какъ на гостиницу, толклись тамъ съ утра до ночи, много ѣли, еще больше пили, но съ удивительной ловкостью избѣгали брачныхъ сѣтей.

Въ этой семьѣ Боброва недолюбивали. Мѣщанскіе вкусы m-me Зиненко, стремившейся все подвести подъ линію пошлаго и благополучно-скучнаго провинціальнаго приличія, оскорблялись поведеніемъ Андрея Ильича. Его желчныя остроты, когда онъ бывалъ въ духѣ, встрѣчались съ широко раскрытыми глазами, и, наоборотъ, когда онъ молчалъ цѣлыми вечерами, вслѣдствіе усталости и раздраженія, его подозрѣвали въ скрытности, въ гордости, въ молчаливомъ иронизированіи, даже — о! это было всего ужаснѣе! — даже подозрѣвали, что онъ «пишетъ въ журналы повѣсти и собираетъ для нихъ типы».

Бобровъ чувствовалъ эту глухую вражду, выражавшуюся въ небрежности за столомъ, въ удивленномъ пожиманіи плечей матери семейства, но все-таки продолжалъ бывать у Зиненокъ. Любилъ ли онъ Нину? На

это онъ самъ не могъ бы отвѣтить. Когда онъ трое или четверо сутокъ не бывалъ въ ихъ домѣ, воспоминаніе о ней заставляло его сердце биться со сладкой и тревожной грустью. Онъ представлялъ себѣ ея стройную, граціозную фигурку, улыбку ея томныхъ, окруженныхъ тѣнью глазъ и запахъ ея тѣла, напоминавшій ему почему-то запахъ молодыхъ клейкихъ почекъ тополя.

Но стоило ему побывать у Зиненокъ три вечера подъ рядъ, какъ его начинало томить ихъ общество, ихъ фразы, — всегда одинѣ и тѣ же въ одинаковыхъ случаяхъ, — шаблоныя и неестественныя выраженія ихъ лицъ. Между пятью «барышнями» и «ухаживавшими» за ними «кавалерами» (слова Зиненковскаго обихода) разъ навсегда установились пошло-игривыя отношенія. И тѣ и другіе дѣлали видъ, будто они составляютъ два враждующихъ лагеря. То и дѣло одинъ изъ кавалеровъ, шутя, похищалъ у барышни какую-нибудь вещь и увѣрялъ, что не отдастъ ея; барышни дулись, шептались между собой, называли шутника «противнымъ» и все время хохотали деревяннымъ, громкимъ, непріятнымъ хохотомъ. И это повторялось ежедневно, сегодня совершенно въ тѣхъ же словахъ и съ тѣми же жестами, какъ вчера. Бобровъ возвращался отъ Зиненокъ съ головной болью и съ нервами, утомленными ихъ провинціальнымъ ломаньемъ.

Такимъ образомъ въ душѣ Боброва чередовалась тоска по Нинѣ, по нервному пожатію ея всегда горячихъ рукъ, съ отвращеніемъ къ скукѣ и манерности ея семьи. Бывали минуты, когда онъ уже совершенно готовился сдѣлать ей предложеніе. Тогда его не остановило бы даже сознаніе, что она, съ ея кокетствомъ дурного тона и душевной пустотой, устроитъ изъ семейной жизни адъ, что онъ и она думаютъ и говорятъ на разныхъ языкахъ. Но онъ не рѣшался и молчалъ.

Теперь, подъѣзжая къ Шепетовкѣ, онъ уже заранѣе

зналъ, что̀ и какъ тамъ будутъ говорить въ томъ или другомъ случаѣ, даже представлялъ себѣ выраженіе лицъ. Онъ зналъ, что когда съ ихъ террасы увидятъ его верхомъ на лошади, то сначала между барышнями, всегда находящимися въ ожиданіи «пріятныхъ кавалеровъ», подымется длинный споръ о томъ, кто это ѣдетъ. Когда же онъ приблизится, то угадавшая начнетъ подпрыгивать, бить въ ладоши, прищелкивать языкомъ и задорно выкрикивать: «А что̀? А что̀? Я угадала, я угадала!» Вслѣдъ за тѣмъ она побѣжитъ къ Аннѣ Аѳанасьевнѣ. «Мама, Бобровъ ѣдетъ, я первая угадала!» А мама, лѣниво перетирая чайныя чашки, обратится къ Нинѣ — непремѣнно къ Нинѣ — такимъ тономъ, какъ будто бы она передаетъ что-то смѣшное и неожиданное: «Нипочка, знаешь, Бобровъ ѣдетъ». И уже послѣ этого всѣ онѣ вмѣстѣ чрезвычайно и очень громко изумятся, увидя входящаго Андрея Ильича.

IV.

Фарватеръ шелъ, звучно фыркая и попрашивая поводьевъ. Вдали показался домъ Шепетовской экономіи. Изъ густой зелени сиреней и акацій едва виднѣлись его бѣлыя стѣны и красная крыша. Подъ горой небольшой прудъ выпукло подымался изъ окружавшихъ его зеленыхъ береговъ.

На крыльцѣ стояла женская фигура. Бобровъ издали узналъ въ ней Нину, по ярко-желтой кофточкѣ, такъ красиво оттѣнявшей смуглый цвѣтъ ея лица, и тотчасъ же, подтянувъ Фарватеру поводья, выпрямился и высвободилъ носки ногъ, далеко залѣзшіе въ стремена.

— Вы опять на своемъ сокровищѣ пріѣхали? Ну, вотъ, просто видѣть не могу этого урода! — крикнула съ крыльца Нина веселымъ и капризнымъ голосомъ избалованнаго ребенка. У нея уже давно вошло въ при-

вычку дразнить Боброва его лошадью, къ которой онъ былъ такъ привязанъ. Вообще, въ домѣ Зиненокъ вѣчно кого-нибудь и чѣмъ-нибудь дразнили.

Бросивъ поводья подбѣжавшему заводскому конюху, Бобровъ похлопалъ крутую, потемнѣвшую отъ пота шею лошади и вошелъ вслѣдъ за Ниной въ гостиную. Анна Аѳанасьевна, сидѣвшая за самоваромъ, сдѣлала видъ, будто необычайно поражена пріѣздомъ Боброва.

— А-а-а! Андрей Ильичъ! Наконецъ-то вы къ намъ пожаловали!.. — воскликнула она нараспѣвъ.

И, ткнувъ ему руку прямо въ губы, когда онъ здоровался съ ней, она своимъ громкимъ носовымъ голосомъ спросила:

— Чаю? Молока? Яблоковъ? Говорите, чего хотите.

— Mercі, Анна Аѳанасьевна.

— Mercі oui, ou mercі non?

Подобныя французскія фразы были неизмѣнны въ семьѣ Зиненко. Бобровъ отказался отъ всего.

— Ну, такъ идите на террасу, тамъ молодежь затѣяла какіе-то фанты, что ли, — милостиво разрѣшила m-me Зиненко.

Когда онъ вышелъ на балконъ, всѣ четыре барышни разомъ, совершенно тѣмъ же тономъ и такъ же въ носъ, какъ ихъ маменька, воскликнули:

— А-а-а! Андрей Ильичъ? Вотъ ужъ кого давно-то не было видно! Чего вамъ принести? Чаю? Яблоковъ? Молока? — Не хотите? Нѣтъ, правда? А можетъ-быть, хотите? Ну, въ такомъ случаѣ садитесь здѣсь и принимайте участіе.

Играли въ «барыня прислала сто рублей», въ «мнѣнія» и еще въ какую-то игру, которую шепелявая Кася называла «играть въ пошуду». Изъ гостей были: три студента-практиканта, которые все время выпячивали грудь и принимали пластическія позы, выставивъ впередъ

ногу и заложивъ руку въ задній карманъ сюртука; былъ техникъ Миллеръ, отличавшійся красотою, глупостью и чудеснымъ баритономъ, и наконецъ какой-то молчаливый господинъ въ сѣромъ, не обращавшій на себя ничьего вниманія.

Игра не ладилась. Мужчины исполняли свои фанты со снисходительнымъ и скучающимъ видомъ; дѣвицы вовсе отъ нихъ отказывались, перешептывались и напряженно хохотали.

Смеркалось. Изъ-за крышъ ближней деревни медленно показывалась огромная красная луна.

— Дѣти, идите въ комнаты! — крикнула изъ столовой Анна Аѳанасьевна. — Попросите Миллера, чтобы онъ намъ спѣлъ что-нибудь.

Черезъ минуту голоса барышенъ уже слышались въ комнатахъ. — Намъ было очень весело, — щебетали онѣ вокругъ матери: — мы такъ смѣялись, такъ смѣялись...

На балконѣ остались только Нина и Бобровъ. Она сидѣла на перилахъ, обхвативши столбъ лѣвой рукой и прижавшись къ нему въ безсознательно-граціозной позѣ. Бобровъ помѣстился на низкой садовой скамеечкѣ у самыхъ ея ногъ и снизу вверхъ, заглядывая ей въ лицо, видѣлъ нѣжныя очертанія ея шеи и подбородка.

— Ну, разскажите же что-нибудь интересное, Андрей Ильичъ, — нетерпѣливо приказала Нина.

— Право, я не знаю, что̀ бы вамъ разсказать, — возразилъ Бобровъ. — Ужасно трудно говорить по заказу. Я и то ужъ думаю: нѣтъ ли такого разговорнаго сборника, на разныя темы...

— Фу-у! Какой вы ску-учный, — протянула Нина. — Скажите, когда вы бываете въ духѣ?

— А вы мнѣ скажите, почему вы такъ боитесь молчанія? Чуть разговоръ немножко изсякъ, вамъ уже и не по себѣ... А развѣ дурно разговаривать молча?

— «Мы будемъ съ тобой молчали-ивы»... — пропѣла насмѣшливо Нина.

— Конечно, будемъ молчаливы. Посмотрите: небо ясное, луна рыжая, большущая, на балконѣ такъ тихо... Чего же еще?..

— «И эта глупая луна на этомъ глупомъ небосклонѣ»,— продекламировала Нина. — А propos, вы слышали, что Зиночка Маркова выходитъ замужъ за Протопопова? Выходитъ-таки! Удивительный человѣкъ этотъ Протопоповъ. — Она пожала плечами. — Три раза ему Зина отказывала, и онъ все-таки не могъ успокоиться, сдѣлалъ въ четвертый разъ предложеніе. И пускай на себя пеняетъ. Она его, можетъ-быть, будетъ уважать, но любить — никогда!

Этихъ словъ было достаточно, чтобы расшевелить желчь въ душѣ Боброва. Его всегда выводилъ изъ себя узкій, мѣщанскій словарь Зиненокъ, съ выраженіями въ родѣ: «Она его любитъ, но не уважаетъ», «Она его уважаетъ, но не любитъ». Этими словами въ ихъ понятіяхъ исчерпывались самыя сложныя отношенія между мужчиной и женщиной, точно такъ же, какъ для опредѣленія нравственныхъ, умственныхъ и физическихъ особенностей любой личности у нихъ существовало только два выраженія: «брюнетъ» и «блондинъ».

И Бобровъ, изъ смутнаго желанія разбередить свою злобу, спросилъ:

— Что же такое представляетъ собою этотъ Протопоповъ?..

— Протопоповъ? — задумалась на секунду Нина. — Онъ... какъ бы вамъ сказать... довольно высокаго роста... шатенъ!..

— И больше ничего?

— Чего же еще? Ахъ, да: служитъ въ акцизѣ...

— И только? Да неужели, Нина Григорьевна, у васъ

для характеристики человѣка не найдется ничего, кромѣ того, что онъ шатенъ и служитъ въ акцизѣ! Подумайте: сколько въ жизни встрѣчается намъ интересныхъ, талантливыхъ и умныхъ людей. Неужели все это только «шатены» и «акцизные чиновники»? Посмотрите, съ какимъ жаднымъ любопытствомъ наблюдаютъ жизнь крестьянскія дѣти и какъ они мѣтки въ своихъ сужденіяхъ. А вы, умная и чуткая дѣвушка, проходите мимо всего равнодушно, потому что у васъ есть въ запасѣ десятокъ шаблонныхъ, комнатныхъ фразъ. Я знаю: если кто-нибудь упомянетъ въ разговорѣ про луну, вы сейчасъ же вставите: «Какъ эта глупая луна» и т. д. Если я разскажу, положимъ, какой-нибудь выходящій изъ ряда обыкновенныхъ случай, я напередъ знаю, что вы замѣтите: «Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ». И такъ во всемъ, во всемъ... Повѣрьте мнѣ, ради Бога, что все самобытное, своеобразное...

— Я васъ прошу не читать мнѣ нравоученій! — отозвалась рѣзко Нина.

Онъ замолчалъ, съ ощущеніемъ горечи во рту, и они оба сидѣли минутъ пять тихо и не шевелясь. Вдругъ изъ гостиной послышались звучные аккорды, и немного тронутый, но полный глубокаго выраженія голосъ Миллера запѣлъ:

Средь шумнаго бала, случайно,
Въ тревогѣ мірской суеты,
Тебя я увидѣлъ, но тайна
Твои покрывала черты.

Озлобленное настроеніе Боброва быстро улеглось, и онъ жалѣлъ теперь, что огорчилъ Нину. «Для чего вздумалъ я требовать отъ ея наивнаго, свѣжаго, дѣтскаго ума оригинальной смѣлости? — думалъ онъ. — Вѣдь она, какъ птичка: щебечетъ первое, что̀ ей приходитъ въ голову, и, почемъ знать, можетъ-быть, это щебетанье даже

гораздо лучше, чѣмъ разговоры объ эмансипаціи, и о Ницше, и о декадентахъ?»

— Нина Григорьевна, не сердитесь на меня. Я увлекся и наговорилъ глупостей, — сказалъ онъ вполголоса.

Нина молчала, отвернувшись отъ него и глядя на восходившую луну. Онъ отыскалъ въ темнотѣ ея свѣсившуюся руку и, нѣжно пожавъ ее, прошепталъ:

— Нина Григорьевна... Пожалуйста...

Нина вдругъ быстро повернулась къ нему и, отвѣтивъ на его пожатіе быстрымъ, нервнымъ пожатіемъ, воскликнула тономъ прощенія и упрека:

— Злючка! Всегда вы меня обижаете... пользуетесь тѣмъ, что я на васъ не умѣю сердиться!..

И, оттолкнувъ его внезапно задрожавшую руку, почти вырвавшись отъ него, она перебѣжала балконъ и скрылась въ дверяхъ.

...И въ грезахъ невѣдомыхъ сплю...
Люблю ли тебя — я не знаю,
Но кажется мнѣ, что люблю...

пѣлъ со страстнымъ и тоскливымъ выраженіемъ Миллеръ.

— Но кажется мнѣ, что люблю! — повторилъ взволнованнымъ шопотомъ Бобровъ, глубоко переводя духъ и прижимая руку къ забившемуся сердцу.

«Зачѣмъ же, — растроганно думалъ онъ: — утомляю я себя безплодными мечтами о какомъ-то невѣдомомъ, возвышенномъ счастьѣ, когда здѣсь, около меня — простое, но глубокое счастье? Чего же еще нужно отъ женщины, отъ жены, если въ ней столько нѣжности, кротости, изящества и вниманія? Мы, бѣдные, нервные, больные люди, не умѣемъ брать просто отъ жизни ея радостей, мы ихъ нарочно отравляемъ ядомъ нашей неутомимой потребности копаться въ каждомъ чувствѣ, въ каждомъ своемъ и чужомъ помышленіи... Тихая ночь, близость любимой дѣвушки, милыя незатѣйливыя рѣчи, минутная вспышка

гнѣва и потомъ внезапная ласка — Господи! Развѣ не въ этомъ вся прелесть существованія?»

Онъ вошелъ въ гостиную повеселѣвшій, бодрый, почти торжествующій. Глаза его встрѣтились съ глазами Нины, и въ ея долгомъ взорѣ онъ прочелъ нѣжный отвѣтъ на свои мысли. «Она будетъ моей женой», — подумалъ Бобровъ, ощущая въ душѣ спокойную радость.

Разговоръ шелъ о Квашнинѣ. Анна Аѳанасьевна, наполняя своимъ увѣреннымъ голосомъ всю комнату, говорила, что она думаетъ завтра тоже повести «своихъ дѣвочекъ» на вокзалъ.

— Очень можетъ быть, что Василій Терентьевичъ захочетъ сдѣлать намъ визитъ. По крайней мѣрѣ о его пріѣздѣ мнѣ еще за мѣсяцъ писала племянница мужа моей двоюродной сестры — Лиза Бѣлоконская...

— Это, кажется, та Бѣлоконская, братъ которой женатъ на княжнѣ Муховецкой? — покорно вставилъ заученную реплику господинъ Зиненко.

— Ну да, та самая, — снисходительно кивнула въ его сторону головой Анна Аѳанасьевна. — Она еще приходится дальней родней по бабушкѣ Стремоуховымъ, которыхъ ты знаешь. И вотъ Лиза Бѣлоконская писала мнѣ, что встрѣтилась въ одномъ обществѣ съ Василіемъ Терентьевичемъ и рекомендовала ему побывать у насъ, если ему, вообще, вздумается ѣхать когда-нибудь на заводъ.

— Сумѣемъ ли мы принять, Нюся? — спросилъ озабоченно Зиненко.

— Какъ ты смѣшно говоришь! Мы сдѣлаемъ, что̀ можемъ. Вѣдь ужъ во всякомъ случаѣ мы не удивимъ ничѣмъ человѣка, который имѣетъ триста тысячъ годового дохода.

— Господи! Триста тысячъ! — простоналъ Зиненко. — Просто страшно подумать.

— Триста тысячъ! — вздохнула, точно эхо, Нина.

— Триста тысячъ! — воскликнули восторженно хоромъ дѣвицы.

– Да, и все это онъ проживаетъ до копеечки, — сказала Анна Аѳанасьевна. Затѣмъ, отвѣчая на невысказанную мысль дочерей, она прибавила: — Женатый человѣкъ. Только, говорятъ, очень неудачно женился. Его жена какая-то безцвѣтная личность и совсѣмъ не представительна. Что ни говорите, а жена должна быть вывѣской въ дѣлахъ мужа.

— Триста тысячъ! — повторила еще разъ, точно въ бреду, Нина. — Чего только на эти деньги ни сдѣлаешь!..

Анна Аѳанасьевна провела рукой по ея пышнымъ волосамъ.

— Вотъ бы тебѣ такого мужа, дѣточка. А?

Эти триста тысячъ чужого годового дохода точно наэлектризовали все общество. Съ блестящими глазами и разгорѣвшимися лицами разсказывались и слушались анекдоты о жизни милліонеровъ, разсказы о баснословныхъ меню обѣдовъ, о великолѣпныхъ лошадяхъ, о балахъ и исторически-безумныхъ тратахъ денегъ.

Сердце Боброва похолодѣло и до боли сжалось. Онъ тихонько отыскалъ свою шляпу и осторожно вышелъ на крыльцо. Его ухода, впрочемъ, и такъ никто бы не замѣтилъ.

И когда онъ крупною рысью ѣхалъ домой и представилъ себѣ томные, мечтательные глаза Нины, шептавшей почти въ забытьѣ: «Триста тысячъ!» — ему вдругъ припомнился утренній анекдотъ Свѣжевскаго.

— Эта... тоже сумѣетъ себя продать! — прошепталъ онъ, судорожно стиснувъ зубы и съ бѣшенствомъ ударивъ Фарватера хлыстомъ по шеѣ.

V.

Подъѣзжая къ своей квартирѣ, Бобровъ замѣтилъ свѣтъ въ окнахъ. «Должно-быть, безъ меня пріѣхалъ докторъ и теперь валяется на диванѣ, въ ожиданіи моего пріѣзда», — подумалъ онъ, сдерживая взмыленную лошадь. Въ теперешнемъ настроеніи Боброва докторъ Гольдбергъ былъ единственнымъ человѣкомъ, присутствіе котораго онъ могъ перенести безъ болѣзненнаго раздраженія.

Онъ любилъ искренно этого безпечнаго, кроткаго еврея за его разносторонній умъ, юношескую живость характера и добродушную страсть къ спорамъ отвлеченнаго свойства. Какой бы вопросъ ни затрогивалъ Бобровъ, докторъ Гольдбергъ возражалъ ему съ одинаковымъ интересомъ къ дѣлу и съ неизмѣнной горячностью. И хотя между обоими, въ ихъ безконечныхъ спорахъ, до сихъ поръ возникали только противорѣчія, тѣмъ не менѣе они скучали другъ безъ друга и видѣлись чуть не ежедневно.

Докторъ, дѣйствительно, лежалъ на диванѣ, закинувъ ноги на его спинку, и читалъ какую-то брошюру, держа ее вплотную у своихъ близорукихъ глазъ. Быстро скользнувъ взглядомъ по корешку, Бобровъ узналъ «Учебный курсъ металлургіи» Мевіуса и улыбнулся. Онъ хорошо зналъ привычку доктора читать съ одинаковымъ увлеченіемъ, и непремѣнно изъ середины, все, что только попадалось ему подъ руку.

— А я безъ васъ распорядился чайкомъ, — сказалъ докторъ, отбросивъ въ сторону книгу и глядя поверхъ очковъ на Боброва. — Ну, какъ попрыгиваете, государь мой Андрей Ильичъ? У-у, да какой же вы сердитый. Что? Опять веселая меланхолія?

— Ахъ, докторъ, скверно на свѣтѣ жить, — сказалъ устало Бобровъ.

— Отчего же такъ, голубчикъ?

— Да такъ... вообще... все скверно. Ну, какъ, докторъ, ваша больница?

— Наша больница ничего... живетъ. Сегодня очень интересный хирургическій случай былъ. Ей-Богу, и смѣшно и трогательно. Представьте себѣ, приходитъ на утренній осмотръ парень, изъ масальскихъ каменщиковъ. Эти масальскіе ребята, какого ни возьми, всѣ, какъ на подборъ, богатыри. «Что̀ тебѣ?» — спрашиваю.—«Да вотъ, господинъ дохтуръ, рѣзалъ я хлѣбъ для артели, такъ только вотъ што, этто башка у меня трешшытъ, такъ, палецъ маненечко попортилъ, руду никакъ не уймешь». Осмотрѣлъ я его руку: такъ себѣ, царапинка, пустяки, но нагноилась немного; я приказалъ фельдшеру положить пластырь. Только, вижу, парень мой не уходитъ. — «Ну, чего тебѣ еще надо? Заклеили тебѣ руку, и ступай».—«Это вѣрно, говоритъ, заклеили, дай Богъ тебѣ здоровья, а только вотъ што, этто башка у меня трешшыть, такъ думаю, заодно и напротивъ башки чего-нибудь дашь». — «Что̀ же у тебя съ башкой? Треснулъ кто-нибудь, вѣрно?»— Парень такъ и обрадовался, загоготалъ. — «Есть, говоритъ, тотъ грѣхъ. Ономнясь, на Спаса (это, значитъ, выпили ведра полтора, ну, ребята и зачали баловать промежъ себя... Ну, и я тоже. А опосля... въ дракѣ-то нешто разберешься?.. ка-акъ онъ меня зубиломъ сданулъ по балдѣ... починилъ, стало-быть... Сначала-то оно ничего было, не больно, а вотъ теперь трешшытъ башкато». Сталъ я осматривать «балду», и, что̀ же вы думаете? — прямо въ ужасъ пришелъ! Черепъ проломленъ насквозь, дыра съ пятакъ мѣдный будетъ величиною, и обломки кости въ мозгъ врѣзались... Теперь лежитъ въ больницѣ безъ сознанія. Изумительный, я вамъ скажу,

народецъ: младенцы и герои въ одно и то же время. Ей-Богу, я не шутя думаю, что только русскій терпѣливый мужикъ и вынесетъ такую починку балды. Другой, не сходя съ мѣста, испустилъ бы духъ. И потомъ, какое наивное незлобіе: «Въ дракѣ нешто разберешь?..» Чортъ знаетъ, что̀ такое!

Бобровъ ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ, щелкалъ хлыстомъ по голенищамъ высокихъ сапогъ и разсѣянно слушалъ доктора. Горечь, осѣвшая ему на душу еще у Зиненокъ, до сихъ поръ не могла успокоиться.

Докторъ помолчалъ немного и, видя, что его собесѣдникъ не расположенъ къ разговору, сказалъ съ участіемъ:

— Знаете что̀, Андрей Ильичъ? Попробуемте-ка на минуточку лечь спать, да хватимъ на ночь ложечку-другую брому. Оно полезно въ вашемъ настроеніи, а вреда, все равно, никакого не будетъ...

Они оба легли въ одной комнатѣ: Бобровъ на кровати, докторъ на томъ же диванѣ. Но и тому и другому не спалось. Гольдбергъ долго слушалъ въ темнотѣ, какъ ворочался съ боку на бокъ и вздыхалъ Бобровъ, и наконецъ заговорилъ первый:

— Ну, что̀ вы, голубчикъ? Ну, что̀ терзаетесь? Ужъ говорите лучше прямо, что̀ такое тамъ въ васъ засѣло? Все легче будетъ. Чай, все-таки не чужой я вамъ человѣкъ, не изъ празднаго любопытства спрашиваю.

Эти простыя слова тронули Боброва. Хотя его и связывали съ докторомъ почти дружескія отношенія, однако ни одинъ изъ нихъ до сихъ поръ ни словомъ не подтвердилъ этого вслухъ: оба были люди чуткіе и боялись колючаго стыда взаимныхъ признаній. Докторъ первый открылъ свое сердце. Ночная темнота и жалость къ Андрею Ильичу помогли этому.

— Все мнѣ тяжело и гадко, Осипъ Осиповичъ, — ото-

звался тихо Бобровъ. — Первое, мнѣ гадко то, что я служу на заводѣ и получаю за это большія деньги, а мнѣ это заводское дѣло противно и противно! Я считаю себя честнымъ человѣкомъ и потому прямо себя спрашиваю: «Что ты дѣлаешь? Кому ты приносишь пользу?» Я начинаю разбираться въ этихъ вопросахъ и вижу, что, благодаря моимъ трудамъ, сотня французскихъ лавочниковъ-рантье и десятокъ ловкихъ русскихъ пройдохъ со временемъ положатъ въ карманъ милліоны. А другой цѣли, другого смысла нѣтъ въ томъ трудѣ, на подготовку къ которому я убилъ лучшую половину жизни!..

— Ну, ужъ это даже смѣшно, Андрей Ильичъ, — возразилъ докторъ, повернувшись въ темнотѣ лицомъ къ Боброву. — Вы требуете, чтобы какіе-то буржуи прониклись интересами гуманности. Съ тѣхъ поръ, голубчикъ, какъ міръ стоитъ, все впередъ движется брюхомъ, иначе не было и не будетъ. Но суть-то въ томъ, что вамъ наплевать на буржуевъ, потому что вы гораздо выше ихъ. Неужели съ васъ не довольно мужественнаго и гордаго сознанія, что вы толкаете впередъ, выражаясь языкомъ передовыхъ статей, «колесницу прогресса»? Чортъ возьми! Акціи пароходныхъ обществъ приносятъ колоссальные дивиденды, но развѣ это мѣшаетъ Фультону считаться благодѣтелемъ человѣчества?

— Ахъ, докторъ, докторъ! — Бобровъ досадливо поморщился. — Вы не были, кажется, сегодня у Зинченокъ, а вашими устами вдругъ заговорила ихъ житейская мудрость. Слава Богу, мнѣ не придется ходить далеко за возраженіями, потому что я сейчасъ разобью васъ вашей же возлюбленной теоріей.

— То-есть какой это теоріей?.. Позвольте... я что-то не помню никакой теоріи... право, голубчикъ, не помню... забылъ что-то...

— Забыли? А кто здѣсь же, на этомъ самомъ ди-

ванѣ, съ пѣной у рта кричалъ, что мы, инженеры и изобрѣтатели, своими открытіями ускоряемъ пульсъ общественной жизни до горячечной скорости? Кто сравнивалъ эту жизнь съ состояніемъ животнаго, заключеннаго въ банку съ кислородомъ? О, я отлично помню, какой страшный перечень дѣтей двадцатаго вѣка, неврастениковъ, сумасшедшихъ, переутомленныхъ, самоубійцъ, кидали вы въ глаза этимъ самымъ благодѣтелямъ рода человѣческаго. Телеграфъ, телефонъ, стодвадцативерстные поѣзда, говорили вы, сократили разстояніе до minimum'а, — уничтожили его... Время вздорожало до того, что скоро начнутъ ночь превращать въ день, ибо уже чувствуется потребность въ такой удвоенной жизни. Сдѣлка, требовавшая раньше цѣлыхъ мѣсяцевъ, теперь оканчивается въ пять минутъ. Но ужъ и эта чертовская скорость не удовлетворяетъ нашему нетерпѣнію... Скоро мы будемъ видѣть другъ друга по проволокѣ на разстояніи сотенъ и тысячъ верстъ!.. А между тѣмъ всего пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ наши предки, собираясь изъ деревни въ губернію, не спѣша, служили молебенъ и пускались въ путь съ запасомъ, достаточнымъ для полярной экспедиціи... И мы несемся, сломя голову, впередъ и впередъ, оглушенные грохотомъ и трескомъ чудовищныхъ машинъ, одурѣвшіе отъ этой бѣшеной скачки, съ раздраженными нервами, извращенными вкусами и тысячами новыхъ болѣзней... Помните, докторъ? Все это ваши собственныя слова, поборникъ благодѣтельнаго прогресса!

Докторъ, уже нѣсколько разъ тщетно пытавшійся возразить, воспользовался минутной передышкой Боброва.

— Ну да, ну да, голубчикъ, все это я говорилъ, — заторопился онъ не совсѣмъ однако увѣренно. — Я и теперь это утверждаю. Но надо же, голубчикъ, такъ сказать, приспособляться. Какъ же жить-то иначе? Во всякой профессіи есть эти скользкіе пунктики. Вотъ, взять

хоть насъ, напримѣръ, докторовъ... Вы думаете, у насъ все это такъ ясно и хорошо, какъ въ книжечкѣ? Да вѣдь мы дальше хирургіи ничего ровнешенько не знаемъ навѣрняка. Мы выдумываемъ новыя лѣкарства и системы, но совершенно забываемъ, что изъ тысячи организмовъ нѣтъ двухъ, хоть сколько-нибудь похожихъ составомъ крови, дѣятельностью сердца, условіями наслѣдственности и чортъ знаетъ чѣмъ еще! Мы удалились отъ единаго вѣрнаго терапевтическаго пути — отъ медицины звѣрей и знахарокъ, мы наводнили фармакопею разными кокаинами, атропинами, фенацетинами, но мы упустили изъ виду, что если простому человѣку дать чистой воды, да увѣрить его хорошенько, что это сильное лѣкарство, то простой человѣкъ выздоровѣетъ. А между тѣмъ въ девяноста случаяхъ изъ ста въ нашей практикѣ помогаетъ только эта увѣренность, внушаемая нашимъ профессіональнымъ жреческимъ апломбомъ. Повѣрите ли? Одинъ хорошій врачъ, и въ то же время умный и честный человѣкъ, признавался мнѣ, что охотники лѣчатъ собакъ гораздо раціональнѣе, чѣмъ мы людей. Тамъ одно средство — сѣрный цвѣтъ, — вреда особеннаго онъ не принесетъ, а иногда все-таки и помогаетъ... Не правда ли, голубчикъ, пріятная картинка? А однако и мы дѣлаемъ, что̀ можемъ... Нельзя, мой дорогой, иначе: жизнь требуетъ компромиссовъ... Иной разъ, хоть своимъ видомъ всезнающаго авгура, а все-таки облегчишь страданія ближняго. И на томъ спасибо.

— Да, компромиссы—компромиссами,—возразилъ мрачнымъ тономъ Бобровъ: — а однако вы у масальскаго каменщика кости изъ черепа-то сегодня извлекли...

— Ахъ, голубчикъ, что̀ значитъ одинъ исправленный черепъ? Подумайте-ка, сколько ртовъ вы кормите и сколькимъ рукамъ даете работу. Еще въ исторіи Иловайскаго сказано, что «царь Борисъ, желая снискать расположе-

ніе народныхъ массъ, предпринималъ въ голодные годы постройку общественныхъ зданій». Что-то въ этомъ родѣ... Вотъ вы и посчитайте, какую колоссальную сумму пользы вы...

При послѣднихъ словахъ Боброва точно подбросило на кровати, и онъ быстро усѣлся на ней, свѣсивъ внизъ голыя ноги.

— Пользы!? — закричалъ онъ изступленно. — Вы мнѣ говорите о пользѣ? Въ такомъ случаѣ, ужъ если подводить итоги пользѣ и вреду, то, позвольте, я вамъ приведу маленькую страничку изъ статистики. — И онъ началъ мѣрнымъ и рѣзкимъ тономъ, какъ будто бы говорилъ съ каѳедры: — Давно извѣстно, что работа въ рудникахъ, шахтахъ, на металлическихъ заводахъ и на большихъ фабрикахъ сокращаетъ жизнь рабочаго приблизительно на цѣлую четверть. Я не говорю уже о несчастныхъ случаяхъ или непосильномъ трудѣ. Вамъ, какъ врачу, гораздо лучше моего извѣстно, какой процентъ приходится на долю сифилиса, пьянства и чудовищныхъ условій прозябанія въ этихъ проклятыхъ баракахъ и землянкахъ... Постойте, докторъ, прежде чѣмъ возражать, вспомните, много ли вы видѣли на фабрикѣ рабочихъ старѣе 40 — 45 лѣтъ? Я положительно не встрѣчалъ. Иными словами, это значитъ, что рабочій отдаетъ предпринимателю три мѣсяца своей жизни въ годъ, недѣлю — въ мѣсяцъ, или, короче, шесть часовъ въ день... Теперь слушайте дальше... У насъ, при шести домнахъ, будетъ занято до 30.000 человѣкъ — царю Борису, вѣрно, и не снились такія цифры! Тридцать тысячъ человѣкъ, которые всѣ вмѣстѣ, такъ сказать, сжигаютъ въ сутки 180.000 часовъ своей собственной жизни, то-есть семь съ половиной тысячъ дней, то-есть наконецъ, сколько же это будетъ лѣтъ?

— Около двадцати лѣтъ, — подсказалъ послѣ небольшого молчанія докторъ.

— Около двадцати лѣтъ въ сутки! — закричалъ Бобровъ. — Двое сутокъ работы пожираютъ цѣлаго человѣка. Чортъ возьми! Вы помните изъ Библіи, что какіе-то тамъ ассиріяне или моавитяне приносили своимъ богамъ человѣческія жертвы? Но вѣдь эти мѣдные господа, Молохъ и Дагонъ, покраснѣли бы отъ стыда и отъ обиды передъ тѣми цифрами, что̀ я сейчасъ привелъ...

Эта своеобразная математика только-что пришла въ голову Боброву (онъ, какъ и многіе очень впечатлительные люди, находилъ новыя мысли только среди разговора). Тѣмъ не менѣе и его самого и Гольдберга поразила оригинальность вычисленія.

— Чортъ возьми, вы меня ошеломили, — отозвался съ дивана докторъ. — Хотя цифры могутъ быть и не совсѣмъ точными...

— А извѣстна ли вамъ, — продолжалъ съ еще большей горячностью Бобровъ: — извѣстна ли вамъ другая статистическая таблица, по которой вы съ чертовской точностью можете вычислить, во сколько человѣческихъ жизней обойдется каждый шагъ впередъ вашей дьявольской колесницы, каждое изобрѣтеніе какой-нибудь поганой вѣялки, сѣялки или рельсопрокатки? Хороша, нечего сказать, ваша цивилизація, если ея плоды исчисляются цифрами, гдѣ въ видѣ единицъ стоитъ желѣзная машина, а въ видѣ нулей — цѣлый рядъ человѣческихъ существованій!

— Но, послушайте, голубчикъ вы мой, — возразилъ докторъ, сбитый съ толку пылкостью Боброва: — тогда, по-вашему, лучше будетъ возвратиться къ первобытному труду, что ли? Зачѣмъ же вы все черныя стороны берете? Вѣдь вотъ у насъ, несмотря на вашу матема-

тику, и школа есть при заводѣ, и церковь, и больница хорошая, и общество дешеваго кредита для рабочихъ...

Бобровъ совсѣмъ вскочилъ съ постели и босой забѣгалъ по комнатѣ.

— И больница ваша и школа — все это пустяки! Цаца дѣтская для такихъ гуманистовъ, какъ вы, — уступка общественному мнѣнію... Если хотите, я вамъ скажу, какъ мы на самомъ дѣлѣ смотримъ... Вы знаете, что̀ такое финишъ?

— Финишъ? Это что-то лошадиное, кажется? Что-то такое на скачкахъ?

— Да, на скачкахъ. Финишемъ называются послѣднія сто саженъ передъ верстовымъ столбомъ. Лошадь должна ихъ проскакать съ наибольшей скоростью,—за столбомъ она можетъ хоть издохнуть. Финишъ—это полнѣйшее, максимальное напряженіе силъ, и, чтобы выжать изъ лошади финишъ, ее истязаютъ хлыстомъ до крови... Такъ вотъ и мы. А когда финишъ выжатъ и кляча упала съ переломленной спиной и разбитыми ногами — къ чорту ее, она больше никуда не годится! Вотъ тогда и извольте утѣшать павшую на финишѣ клячу вашими школами да больницами... Вы видѣли ли когда-нибудь, докторъ, литейное и прокатное дѣло? Если видали, то вы должны знать, что оно требуетъ адской крѣпости нервовъ, стальныхъ мускуловъ и ловкости цирковаго артиста... Вы должны знать, что каждый мастеръ нѣсколько разъ въ день избѣгаетъ смертельной опасности только благодаря удивительному присутствію духа... И сколько за этотъ трудъ рабочій получаетъ, хотите вы знать?

— А все-таки, пока стоитъ заводъ, трудъ этого рабочаго обезпеченъ, — сказалъ упрямо Гольдбергъ.

— Докторъ, не говорите наивныхъ вещей! — воскликнулъ Бобровъ, садясь на подоконникъ. — Теперь рабочій болѣе чѣмъ когда-либо зависитъ отъ рыночнаго спроса,

отъ биржевой игры, отъ разныхъ закулисныхъ интригъ. Каждое громадное предпріятіе, прежде чѣмъ оно пойдетъ въ ходъ, насчитываетъ трехъ или четырехъ покойниковъ-патроновъ. Вамъ извѣстно, какъ создалось наше общество? Его основала за наличныя деньги небольшая компанія капиталистовъ. Дѣло предполагалось устроить сначала въ небольшихъ размѣрахъ. Но цѣлая банда инженеровъ, директоровъ и подрядчиковъ ухнула капиталъ такъ скоро, что предприниматели не успѣли и оглянуться. Возводились громадныя постройки, которыя потомъ оказывались негодными... Капитальныя зданія шли, какъ у насъ говорятъ, «на мясо», то-есть рвались динамитомъ. И когда въ концѣ концовъ предпріятіе пошло по 10 коп. за рубль, только тогда стало понятно, что вся эта сволочь дѣйствовала по заранѣе обдуманной системѣ и получала за свой подлый образъ дѣйствій опредѣленное жалованье отъ другой, болѣе богатой и ловкой компаніи. Теперь дѣло идетъ въ гораздо бо́льшихъ размѣрахъ, но мнѣ хорошо извѣстно, что при крахѣ перваго покойника 800 рабочихъ не получили двухмѣсячнаго жалованья. Вотъ вамъ и обезпеченный трудъ! Да стоитъ только акціямъ упасть на биржѣ, какъ это сейчасъ же отражается на заработной платѣ. А вамъ, я думаю, извѣстно, какъ поднимаются и падаютъ на биржѣ акціи? Для этого нужно мнѣ пріѣхать въ Петербургъ—шепнуть маклеру, что вотъ, молъ, хочу я продать тысячъ на триста акцій, «только, молъ, ради Бога, это между нами, ужъ лучше я вамъ заплачу́ хорошій куртажъ, только молчите»... Потомъ другому и третьему шепнуть то же самое по секрету, и акціи мгновенно падаютъ на нѣсколько десятковъ рублей. И чѣмъ больше секретъ, тѣмъ скорѣе и вѣрнѣе упадутъ акціи... Хороша обезпеченность!..

Сильнымъ движеніемъ руки Бобровъ разомъ распахнулъ окно. Въ комнату ворвался холодный воздухъ.

— Посмотрите, посмотрите сюда, докторъ!—крикнулъ Андрей Ильичъ, показывая пальцемъ по направленію завода.

Гольдбергъ приподнялся на локтѣ и устремилъ глаза въ ночную темноту, глядѣвшую изъ окна. На всемъ громадномъ пространствѣ, разстилавшемся вдали, рдѣли разбросанныя въ безчисленномъ множествѣ кучи раскаленнаго известняка, на поверхности которыхъ то и дѣло вспыхивали голубоватые и зеленые сѣрные огни... Это горѣли известковыя печи *). Надъ заводомъ стояло огромное красное колеблющееся зарево. На его кровавомъ фонѣ стройно и четко рисовались темныя верхушки высокихъ трубъ, между тѣмъ какъ нижнія части ихъ расплывались въ сѣромъ туманѣ, шедшемъ отъ земли. Разверстыя пасти этихъ великановъ безостановочно изрыгали густые клубы дыма, которые смѣшивались въ одну сплошную, хаотическую, медленно ползущую на востокъ тучу, мѣстами бѣлую, какъ комья ваты, мѣстами грязно-сѣрую, мѣстами желтоватаго цвѣта желѣзной ржавчины. Надъ тонкими, длинными дымоотводами, придавая имъ видъ исполинскихъ факеловъ, трепетали и метались яркіе снопы горящаго газа. Отъ ихъ невѣрнаго отблеска нависшая надъ заводомъ дымная туча, то вспыхивая, то потухая, принимала странные и грозные оттѣнки. Время отъ времени, когда, по рѣзкому звону сигальнаго молотка, опускался внизъ колпакъ доменной печи, изъ ея устья съ ревомъ, подобнымъ отдаленному грому, вырывалась къ самому небу цѣлая буря пламени и копоти. Тогда на нѣсколько мгновеній весь заводъ рѣзко и страшно выступалъ изъ мрака, а тѣсный рядъ черныхъ

*) Известковыя печи устраиваются такимъ образомъ: складывается изъ известковаго камня холмъ, величиною съ человѣческій ростъ, и разжигается дровами или каменнымъ углемъ. Этотъ холмъ раскаляется около недѣли, до тѣхъ поръ, пока изъ камня не образуется негашеная известь.

круглыхъ кауперовъ казался башнями легендарнаго желѣзнаго замка. Огни коксовыхъ печей тянулись длинными правильными рядами. Иногда одинъ изъ нихъ вдругъ вспыхивалъ и разгорался, точно огромный красный глазъ. Электрическіе огни примѣшивали къ пурпуровому свѣту раскаленнаго желѣза свой голубоватый мертвый блескъ... Несмолкаемый лязгъ и грохотъ желѣза несся оттуда.

Отъ зарева заводскихъ огней лицо Боброва приняло въ темнотѣ зловѣщій мѣдный оттѣнокъ, въ глазахъ блестѣли яркіе красные блики, спутавшіеся волосы упали безпорядочно на лобъ. И голосъ его звучалъ пронзительно и злобно.

— Вотъ онъ, — Молохъ, требующій теплой человѣческой крови! — кричалъ Бобровъ, простирая въ окно свою тонкую руку. — О, конечно, здѣсь прогрессъ, машинный трудъ, успѣхи культуры... Но подумайте же, ради Бога,— двадцать лѣтъ! Двадцать лѣтъ человѣческой жизни въ сутки!.. Клянусь вамъ, — бываютъ минуты, когда я чувствую себя убійцей!..

«Господи! Да вѣдь онъ — сумасшедшій», — подумалъ докторъ, у котораго по спинѣ забѣгали мурашки, и онъ принялся успокаивать Боброва.

— Голубчикъ, Андрей Ильичъ, да оставьте же, мой милый, ну что за охота изъ-за глупостей разстраиваться. Смотрите, окно раскрыто, а на дворѣ сырость... Ложитесь, да нате-ка вамъ бромку. «Маніакъ, совершенный маніакъ», — думалъ онъ, охваченный одновременно жалостью и страхомъ.

Бобровъ слабо сопротивлялся, обезсиленный только-что миновавшей вспышкой. Но когда онъ легъ въ постель, то внезапно разразился истерическими рыданіями. И долго докторъ сидѣлъ возлѣ него, гладя его по головѣ, какъ ребенка, и говоря ему первыя попавшіяся ласковыя, успокоительныя слова.

VI.

На другой день состоялась торжественная встрѣча Василія Терентьевича Квашнина на станціи Иванково. Ужъ къ одиннадцати часамъ все заводское управленіе съѣхалось туда. Кажется, никто не чувствовалъ себя спокойнымъ. Директоръ—Сергѣй Валерьяновичъ Шелковниковъ—пилъ стаканъ за стаканомъ сельтерскую воду, поминутно вытаскивалъ часы и, не успѣвъ взглянуть на циферблатъ, тотчасъ же машинально пряталъ ихъ въ карманъ. Только это разсѣянное движеніе и выдавало его безпокойство. Лицо же директора—красивое, холеное, самоувѣренное лицо свѣтскаго человѣка—оставалось неподвижнымъ. Лишь весьма немногіе знали, что Шелковниковъ только офиціально, такъ сказать, на бумагѣ, числился директоромъ постройки. Всѣми дѣлами, въ сущности, ворочалъ бельгійскій инженеръ Андреа, полу-полякъ, полу-шведъ по національности, роли котораго на заводѣ никакъ не могли понять непосвященные. Кабинеты обоихъ директоровъ были расположены рядомъ и соединены дверью. Шелковниковъ не смѣлъ положить резолюціи ни на одной важной бумагѣ, не справившись сначала съ условнымъ знакомъ, сдѣланнымъ карандашомъ гдѣ-нибудь на уголкѣ страницы рукою Андреа. Въ экстренныхъ же случаяхъ, исключавшихъ возможность совѣщанія, Шелковниковъ принималъ озабоченный видъ и говорилъ просителю небрежнымъ тономъ:

— Извините... положительно не могу удѣлить вамъ ни минуты... заваленъ по горло... Будьте добры изъяснить ваше дѣло господину Андреа, а онъ мнѣ потомъ изложитъ его отдѣльной запиской.

Заслуги Андреа передъ правленіемъ были неисчислимы. Изъ его головы цѣликомъ вышелъ геніально-мошенниче-

скій проектъ разоренія первой компаніи предпринимателей, и его же твердая, но незримая рука довела интригу до конца. Его проекты, отличавшіеся изумительной простотой и стройностью, считались въ то же время послѣднимъ словомъ горнозаводской науки. Онъ владѣлъ всѣми европейскими языками и — рѣдкое явленіе среди инженеровъ—обладалъ, кромѣ своей спеціальности, самыми разнообразными знаніями.

Изо всѣхъ, собравшихся на станціи, только одинъ этотъ человѣкъ, съ чахоточной фигурой и лицомъ старой обезьяны, сохранялъ свою обычную невозмутимость. Онъ пріѣхалъ позднѣе всѣхъ и теперь медленно ходилъ взадъ и впередъ по платформѣ, засунувъ руки по локоть въ карманы широкихъ, обвисшихъ брюкъ и пожевывая свою вѣчную сигару. Его свѣтлые глаза, за которыми чувствовался большой умъ ученаго и сильная воля авантюриста, какъ и всегда, неподвижно и равнодушно глядѣли изъ-подъ опухшихъ, усталыхъ вѣкъ.

Пріѣзду семейства Зиненокъ никто не удивился. Ихъ почему-то всѣ давно привыкли считать неотъемлемой принадлежностью заводской жизни. Дѣвицы внесли съ собой въ мрачную залу станціи, гдѣ было и холодно и скучно, свое натянутое оживленіе и ненатуральный хохотъ. Ихъ окружили утомившіеся долгимъ ожиданіемъ инженеры помоложе. Дѣвицы, тотчасъ же принявъ обычное оборонительное положеніе, стали сыпать налѣво и направо милыми, но давно всѣмъ наскучившими наивностями. Среди своихъ суетившихся дочерей Анна Аѳанасьевна, маленькая, подвижная, суетливая, казалась безпокойной насѣдкой

Бобровъ, усталый, почти больной послѣ вчерашней вспышки, сидѣлъ одиноко въ углу станціонной залы и очень много курилъ. Когда вошло и съ громкимъ щебетаніемъ разсѣлось у круглаго стола семейство Зиненокъ,

Андрей Ильичъ испыталъ одновременно два весьма смутныхъ чувства. Съ одной стороны, ему стало стыдно за безтактный, какъ онъ думалъ, пріѣздъ этого семейства, стало стыдно жгучимъ, удручающимъ стыдомъ за другого. Съ другой стороны, онъ обрадовался, увидѣвъ Нину, разрумяненную быстрой ѣздой, съ возбужденными, блестящими глазами, очень мило одѣтую и, какъ всегда это бываетъ, гораздо красивѣе, чѣмъ ее рисовало ему воображеніе. Въ его больной, издерганной душѣ вдругъ зажглось нестерпимое желаніе нѣжной, благоухающей, дѣвической любви, жажда привычной и успокоительной женской ласки.

Онъ искалъ случая подойти къ Нинѣ, но она все время была занята болтовней съ двумя горными студентами, которые наперерывъ старались ее разсмѣшить. И она смѣялась, сверкая мелкими бѣлыми зубами, болѣе кокетливая и веселая, чѣмъ когда-либо. Однако два или три раза она встрѣтилась глазами съ Бобровымъ, и ему почудился въ ея слегка приподнятыхъ бровяхъ молчаливый, но не враждебный вопросъ.

На платформѣ раздался продолжительный звонокъ, возвѣщавшій отходъ поѣзда съ ближайшей станціи. Между инженерами произошло смятеніе. Андрей Ильичъ наблюдалъ изъ своего угла съ насмѣшкой на губахъ, какъ одна и та же трусливая мысль мгновенно овладѣла этими двадцатью слишкомъ человѣками, какъ ихъ лица вдругъ стали серьезными и озабоченными, руки невольнымъ быстрымъ движеніемъ прошлись по пуговицамъ сюртуковъ, по галстукамъ и фуражкамъ, глаза обратились въ сторону звонка. Скоро въ залѣ никого не осталось.

Андрей Ильичъ вышелъ на платформу. Барышни, покинутыя занимавшими ихъ мужчинами, безпомощно толпились около дверей, вокругъ Анны Аѳанасьевны. Нина обернулась на пристальный, упорный взглядъ Боброва.

и, точно угадывая его желаніе поговорить съ нею наединѣ, пошла ему навстрѣчу.

— Здравствуйте. Что̀ вы такой блѣдный сегодня? Вы больны?—спросила она, крѣпко и нѣжно пожимая его руку и заглядывая ему въ глаза серьезно и ласково.—Почему вы вчера такъ рано уѣхали и даже не хотѣли проститься? Разсердились на что-нибудь?

— И да и нѣтъ,—отвѣтилъ Бобровъ, улыбаясь.—Нѣтъ,—потому что я вѣдь не имѣю никакого права сердиться.

— Положимъ, всякій человѣкъ имѣетъ право сердиться. Особенно, если знаетъ, что его мнѣніемъ дорожатъ. А почему же да?

— Потому что... Видите ли, Нина Григорьевна,—сказалъ Бобровъ, почувствовавъ внезапный приливъ смѣлости.—Вчера, когда мы съ вами сидѣли на балконѣ,—помните?—я, благодаря вамъ, пережилъ нѣсколько чудныхъ мгновеній. И я понялъ, что вы, если бы захотѣли, то могли бы сдѣлать меня самымъ счастливымъ человѣкомъ въ мірѣ... Ахъ, да что̀ же я боюсь и медлю. Вѣдь вы знаете, вы догадались, вѣдь вы давно знаете, что я...

Онъ не договорилъ... Нахлынувшая на него смѣлость вдругъ исчезла.

— Что̀ вы... что̀ такое?—переспросила Нина съ притворнымъ равнодушіемъ, однако голосомъ, внезапно, противъ ея воли, задрожавшимъ, и опуская глаза въ землю.

Она ждала признанія въ любви, которое всегда такъ сильно и пріятно волнуетъ сердца молодыхъ дѣвушекъ, все равно, отвѣчаетъ ли ихъ сердце взаимностью на это признаніе или нѣтъ. Ея щеки слегка поблѣднѣли.

— Не теперь... потомъ, когда-нибудь,—замялся Бобровъ.—Когда-нибудь, при другой обстановкѣ я вамъ это скажу... Ради Бога, не теперь,—добавилъ онъ умоляюще.

— Ну, хорошо. Все-таки, почему же вы разсердились?

— Потому что послѣ этихъ нѣсколькихъ минутъ я вошелъ въ столовую въ самомъ,—ну, какъ бы это сказать,—въ самомъ растроганномъ состояніи... И когда я вошелъ...

— То васъ непріятно поразилъ разговоръ о доходахъ Квашнина?—догадалась Нина съ той внезапной, инстинктивной проницательностью, которая иногда осѣняетъ даже самыхъ недалекихъ женщинъ.—Да? Я угадала?—Она повернулась къ нему и опять обдала его глубокимъ, ласкающимъ взоромъ.—Ну, говорите откровенно. Вы ничего не должны скрывать отъ своего друга.

Когда-то, мѣсяца три или четыре тому назадъ, во время катанья по рѣкѣ большимъ обществомъ, Нина, возбужденная и разнѣженная красотой теплой лѣтней ночи, предложила Боброву свою дружбу на вѣки вѣчные,—онъ принялъ этотъ вызовъ очень серьезно и въ продолженіе цѣлой недѣли называлъ ее своимъ другомъ, такъ же, какъ и она его. И когда она говорила ему медленно и значительно со своимъ обычнымъ томнымъ видомъ: «м о й д р у г ъ», то эти два коротенькихъ слова заставляли его сердце биться крѣпко и сладко. Теперь онъ вспомнилъ эту шутку и отвѣчалъ со вздохомъ:

— Хорошо, «мой другъ», я вамъ буду говорить правду, хотя мнѣ это немного тяжело. По отношенію къ вамъ я вѣчно нахожусь въ какой-то мучительной двойственности. Бываютъ минуты въ нашихъ разговорахъ, когда вы однимъ словомъ, однимъ жестомъ, даже однимъ взглядомъ вдругъ сдѣлаете меня такимъ счастливымъ!.. Ахъ, развѣ можно передать такія ощущенія словами?.. Скажите только, замѣчали ли вы это?

— Замѣчала,—отозвалась она почти шопотомъ и низко, съ лукавой дрожью въ рѣсницахъ, опустила глаза.

— А потомъ... потомъ вдругъ, тотчасъ же, на моихъ

глазахъ вы превращались въ провинціальную барышню, съ шаблоннымъ обиходомъ фразъ и съ какою-то заученной манерностью во всѣхъ поступкахъ... Не сердитесь на меня за откровенность... Если бы это не мучило меня такъ страшно, я не говорилъ бы...

— Я и это тоже замѣтила...

— Ну, вотъ видите... Я вѣдь всегда былъ увѣренъ, что у васъ отзывчивая, нѣжная и чуткая душа. Отчего же вы не хотите всегда быть такой, какъ теперь?

Она опять повернулась къ Боброву и даже сдѣлала рукой такое движеніе, какъ будто бы хотѣла прикоснуться къ его рукѣ. Они въ это время ходили взадъ и впередъ по свободному концу платформы.

— Вы не хотѣли никогда меня понять, Андрей Ильичъ,—сказала она съ упрекомъ.—Вы нервны и нетерпѣливы. Вы преувеличиваете все, что во мнѣ есть хорошаго, но зато не прощаете мнѣ того, что я не могу же быть иной въ той средѣ, гдѣ я живу. Это было бы смѣшно, это внесло бы въ нашу семью несогласіе. Я слишкомъ слаба и, надо правду сказать, слишкомъ ничтожна для борьбы и для самостоятельности... Я иду туда, куда идутъ всѣ, гляжу на вещи и сужу о нихъ, какъ всѣ. И вы не думайте, чтобы я не сознавала своей обыденности... Но я съ другими не чувствую ея тяжести, а съ вами... Съ вами я всякую мѣру теряю, потому что... — она запнулась:—ну, да все равно... потому что вы совсѣмъ другой, потому что такого, какъ вы, человѣка я никогда еще въ жизни не встрѣчала.

Ей казалось, что она говоритъ искренно. Бодрящая свѣжесть осенняго воздуха, вокзальная суета, сознаніе своей красоты, удовольствіе чувствовать на себѣ влюбленный взглядъ Боброва—все это наэлектризовало ее до того состоянія, въ которомъ истеричныя натуры лгутъ такъ вдохновенно, такъ плѣнительно и такъ незамѣтно

для самихъ себя. Съ наслажденіемъ любуясь собой въ новой роли дѣвицы, жаждущей духовной поддержки, она чувствовала потребность говорить Боброву пріятное.

— Я знаю, что вы меня считаете кокеткой... Пожалуйста, не оправдывайтесь... И я согласна, я даю поводъ такъ думать... Напримѣръ, я смѣюсь и болтаю часто съ Миллеромъ. Но если бы вы знали, какъ мнѣ противенъ этотъ вербный херувимъ! Или эти два студента... Красивый мужчина уже по тому одному непріятенъ, что вѣчно собой любуется... Повѣрите ли, хотя это, можетъ-быть, и странно, но мнѣ всегда были особенно симпатичны некрасивые мужчины.

При этой милой фразѣ, произнесенной самымъ нѣжнымъ тономъ, Бобровъ грустно вздохнулъ. Увы! Онъ уже не разъ изъ женскихъ устъ слышалъ это жестокое утѣшеніе, въ которомъ женщины никогда не отказываютъ своимъ некрасивымъ поклонникамъ.

— Значитъ, и я могу надѣяться заслужить когда-нибудь вашу симпатію? — спросилъ онъ шутливымъ тономъ, въ которомъ однако явственно прозвучала горечь насмѣшки надъ самимъ собой.

Нина быстро спохватилась.

— Ну вотъ, какой вы, право. Съ вами нельзя разговаривать... Зачѣмъ вы напрашиваетесь на комплименты, милостивый государь? Стыдно!..

Она сама немного сконфузилась своей неловкости и, чтобы перемѣнить разговоръ, спросила съ игривой повелительностью:

— Ну-съ, что же вы это собирались мнѣ сказать при другой обстановкѣ? Извольте немедленно отвѣчать!

— Я не знаю... не помню,—замялся расхоложенный Бобровъ.

— Я вамъ напомню, мой скрытный другъ. Вы начали говорить о вчерашнемъ днѣ, потомъ о какихъ-то пре-

красныхъ мгновеніяхъ, потомъ сказали, что я, навѣрно, давно уже замѣтила... но что? Вы этого не докончили... Извольте же говорить теперь. Я требую этого, слышите!..

Она глядѣла на него глазами, въ которыхъ сіяла улыбка—лукавая, и обѣщающая, и нѣжная въ одно и то же время... Сердце Боброва сладко замерло въ груди, и онъ почувствовалъ опять приливъ прежней отваги. «Она знаетъ, она сама хочетъ, чтобы я говорилъ»,—подумалъ онъ, собираясь съ духомъ.

Они остановились на самомъ краю платформы, гдѣ совсѣмъ не было публики. Оба были взволнованы. Нина ждала отвѣта, наслаждаясь остротой затѣянной ею игры, Бобровъ искалъ словъ, тяжело дышалъ и волновался. Но въ это время послышались рѣзкіе звуки сигнальныхъ рожковъ, и на станціи поднялась суматоха.

— Такъ слышите же... Я жду,—шепнула Нина, быстро отходя отъ Боброва.—Для меня это гораздо важнѣе, чѣмъ вы думаете...

Изъ-за поворота желѣзной дороги выскочилъ окутанный чернымъ дымомъ курьерскій поѣздъ. Черезъ нѣсколько минутъ, громыхая на стрѣлкахъ, онъ плавно и быстро замедлилъ ходъ и остановился у платформы... На самомъ концѣ его былъ прицѣпленъ длинный, блестящій свѣжей синей краской служебный вагонъ, къ которому устремились всѣ встрѣчающіе. Кондуктора почтительно бросились раскрывать дверь вагона; изъ нея тотчасъ же выскочила, съ шумомъ развертываясь, складная лѣстница. Начальникъ станціи, красный отъ волненія и бѣготни, съ перепуганнымъ лицомъ торопилъ рабочихъ съ отцѣпкой служебнаго вагона. Квашнинъ былъ однимъ изъ главныхъ акціонеровъ N—ской желѣзной дороги и ѣздилъ по ея вѣтвямъ съ почетомъ, какого не всегда удостоивалось даже самое высшее желѣзнодорожное начальство.

Въ вагонъ вошли только Шелковниковъ, Андреа и двое

вліятельныхъ инженеровъ-бельгійцевъ. Квашнинъ сидѣлъ въ креслѣ, разставивъ свои колоссальныя ноги и выпятивъ впередъ животъ. На немъ была круглая фетровая шляпа, изъ-подъ которой сіяли огненные волосы; бритое, какъ у актера, лицо съ обвисшими щеками и тройнымъ подбородкомъ, испещренное крупными веснушками, казалось заспаннымъ и недовольнымъ; губы складывались въ презрительную, кислую гримасу.

При видѣ инженеровъ онъ съ усиліемъ приподнялся.

— Здравствуйте, господа,—сказалъ онъ сиплымъ басомъ, протягивая имъ поочередно для почтительныхъ прикосновеній свою огромную пухлую руку.—Ну-съ, какъ у васъ на заводѣ?

Шелковниковъ началъ докладывать языкомъ служебной бумаги. На заводѣ все благополучно. Ждутъ только пріѣзда Василія Терентьевича, чтобы въ его присутствіи пустить доменную печь и сдѣлать закладку новыхъ зданій... Рабочіе и мастера наняты по хорошимъ цѣнамъ. Наплывъ заказовъ такъ великъ, что побуждаетъ какъ можно скорѣе приступить къ работамъ.

Квашнинъ слушалъ, отворотясь лицомъ къ окну, и разсѣянно разглядывалъ собравшуюся у служебнаго вагона толпу. Лицо его ничего не выражало, кромѣ брезгливаго утомленія.

Вдругъ онъ прервалъ директора неожиданнымъ вопросомъ:

— Э... па.... послушайте.... Кто эта дѣвочка?

Шелковниковъ заглянулъ въ окно.

—Ну, вотъ эта... съ желтымъ перомъ на шляпѣ,— нетерпѣливо показалъ пальцемъ Квашнинъ.

— Ахъ, эта?—встрепенулся директоръ и, наклонившись къ уху Квашнина, прошепталъ таинственно по-французски:—Это дочь нашего завѣдующаго складомъ. Его фамилія Зиненко.

Квашнинъ грузно кивнулъ головой. Шелковниковъ продолжалъ свой докладъ, но принципалъ опять перебилъ его:

— Зиненко... Зиненко...—протянулъ онъ задумчиво и не отрываясь отъ окна.—Зиненко... кто же такой этотъ Зиненко?.. Гдѣ я эту фамилію слышалъ?.. Зиненко?

— Онъ у насъ завѣдуетъ складомъ, — почтительно и умышленно безстрастно повторилъ Шелковниковъ.

— Ахъ, вспомнилъ!—догадался вдругъ Василій Терентьевичъ.—Мнѣ о немъ въ Петербургѣ говорили... Ну-съ, продолжайте, пожалуйста.

Нина безошибочнымъ женскимъ чутьемъ поняла, что именно на нее смотритъ Квашнинъ и о ней говоритъ въ настоящую минуту. Она немного отвернулась, но лицо ея, разрумянившееся отъ кокетливаго удовольствія, все-таки было, со всѣми своими хорошенькими родинками, видно Василію Терентьевичу.

Наконецъ докладъ окончился, и Квашнинъ вышелъ на площадку, устроенную въ видѣ просторнаго стекляннаго павильона сзади вагона.

Это былъ моментъ, для увѣковѣченія котораго, какъ подумалъ Бобровъ, не хватало только хорошаго фотографическаго аппарата. Квашнинъ почему-то медлилъ сходить внизъ и стоялъ за стеклянной стѣной, возвышаясь своей массивной фигурой надъ тѣснящейся около вагона группой, съ широко разставленными ногами и брезгливой миной на лицѣ, похожій на японскаго идола грубой работы. Эта неподвижность патрона, очевидно, коробила встрѣчающихъ: на ихъ губахъ застыли, сморщивъ ихъ, заранѣе приготовленныя улыбки, между тѣмъ какъ глаза, устремленные вверхъ, смотрѣли на Квашнина съ подобострастіемъ, почти съ испугомъ. По сторонамъ дверцы застыли въ солдатскихъ позахъ молодцоватые кондукторы. Заглянувъ случайно въ лицо опередившей его Нины, Бобровъ съ горечью замѣтилъ и на ея лицѣ ту же улыбку

и тотъ же тревожный страхъ дикаря, взирающаго на своего идола.

«Неужели же здѣсь только безкорыстное, почтительное изумленіе передъ тремястами тысячами годового дохода?— подумалъ Андрей Ильичъ.—Что же заставляетъ всѣхъ этихъ людей такъ униженно вилять хвостомъ передъ человѣкомъ, который даже и не взглянетъ на нихъ никогда внимательно? Или здѣсь есть какой-нибудь недоступный пониманію психологическій законъ подобострастія?»

Постоявъ немного, Квашнинъ рѣшился двинуться и, предшествуемый своимъ животомъ, поддерживаемый бережно подъ руки поѣздной прислугой, спустился по ступенямъ на платформу.

На почтительные поклоны быстро разступившейся передъ нимъ вправо и влѣво толпы онъ небрежно кивнулъ головой, выпятивъ впередъ толстую нижнюю губу, и сказалъ гнусаво:

— Господа, вы свободны до завтрашняго дня.

Не дойдя до подъѣзда, онъ знакомъ подозвалъ къ себѣ директора.

— Такъ вы, Сергѣй Валерьяновичъ, представьте мнѣ его,—сказалъ онъ вполголоса.

— Зиненку?—предупредительно догадался Шелковниковъ.

— Ну да, чортъ возьми!—внезапно раздражаясь, буркнулъ Квашнинъ.—Только не здѣсь, не здѣсь,—остановилъ онъ за рукавъ устремившагося-было директора. — Когда я буду на заводѣ...

VII.

Закладка каменныхъ работъ и открытіе кампаніи новой домны произошли черезъ четыре дня послѣ пріѣзда Квашнина. Предполагалось отпраздновать оба эти собы-

тія съ возможно бо̀льшимъ торжествомъ, почему на сосѣдніе металлургическіе заводы: Крутогорскій, Воронинскій и Львовскій были заранѣе разосланы печатныя приглашенія.

Вслѣдъ за Василіемъ Терентьевичемъ изъ Петербурга прибыли еще два члена правленія, четверо бельгійскихъ инженеровъ и нѣсколько крупныхъ акціонеровъ. Между заводскими служащими носились слухи, будто бы правленіе ассигновало на устройство параднаго обѣда около двухъ тысячъ рублей, однако эти слухи пока ничѣмъ еще не оправдались, и вся закупка винъ и припасовъ легла тяжелой данью на подрядчиковъ.

День выдался очень удачный для торжества,—одинъ изъ тѣхъ яркихъ, прозрачныхъ дней ранней осени, когда небо кажется такимъ густымъ, синимъ и глубокимъ, а прохладный воздухъ пахнетъ тонкимъ, крѣпкимъ вином̀ъ. Квадратныя ямы, вырытыя подъ фундаменты для новой воздуходувной машины и бессемеровой печи, были окружены въ видѣ «покоя» густой толпою рабочихъ. Въ серединѣ этой живой ограды, надъ самымъ краемъ ямы, возвышался простой, некрашеный столъ, покрытый бѣлой скатертью, на которомъ лежали крестъ и Евангеліе, рядомъ съ жестяной чашей для святой воды и кропилом̀ъ. Священникъ, уже облаченный въ зеленую, затканную золотыми крестами ризу, стоялъ въ сторонѣ, впереди пятнадцати рабочихъ, вызвавшихся быть пѣвчими. Открытую сторону покоя занимали инженеры, подрядчики, старшіе десятники, конторщики—пестрая, оживленная группа изъ двухсотъ слишкомъ человѣкъ. На насыпи помѣстился фотографъ, который, накрывъ чернымъ платкомъ и себя и свой аппаратъ, давно уже возился, отыскивая удачную точку.

Черезъ десять минутъ Квашнинъ быстро подкатилъ къ площадкѣ на тройкѣ великолѣпныхъ сѣрыхъ лоша-

дей. Онъ сидѣлъ въ коляскѣ одинъ, потому что, при всемъ желаніи, никто не смогъ бы помѣститься рядомъ съ нимъ. Слѣдомъ за Квашнинымъ подъѣхало еще пять или шесть экипажей. Увидѣвъ Василія Терентьевича, рабочіе инстинктомъ узнали въ немъ «набольшаго» и тотчасъ же, какъ одинъ человѣкъ, поснимали шапки. Квашнинъ величественно прошелъ впередъ и кивнулъ головой священнику.

— Благословенъ Богъ нашъ, всегда, нынѣ, и присно, и во вѣки вѣко-овъ,—раздался среди быстро наступившей тишины дребезжащій, кроткій и гнусавый тенорокъ священника.

— Аминь,—подхватилъ довольно стройно импровизированный хоръ.

Рабочіе—ихъ было до трехъ тысячъ человѣкъ—такъ же дружно, какъ кланялись Квашнину, перекрестились широкими крестами, склонили головы и потомъ, поднявъ ихъ, встряхнули волосами... Бобровъ сталъ невольно присматриваться къ нимъ. Впереди стояли двумя рядами степенные русаки-каменщики, всѣ до одного въ бѣлыхъ фартукахъ, почти всѣ со льняными волосами и рыжими бородами, сзади нихъ—литейщики и кузнецы въ широкихъ темныхъ блузахъ, перенятыхъ отъ французскихъ и англійскихъ рабочихъ, съ лицами, никогда неотмываемыми отъ желѣзной копоти,—между ними виднѣлись и горбоносые профили иноземныхъ увріеровъ; сзади, изъза литейщиковъ, выглядывали рабочіе при известковыхъ печахъ, которыхъ издали можно было узнать по лицамъ, точно обсыпаннымъ густо мукою, и по воспаленнымъ, распухшимъ, краснымъ глазамъ...

Каждый разъ, когда хоръ громко и стройно, хотя нѣсколько въ носъ, пѣлъ «Спаси отъ бѣдъ рабы твоя, Богородице», всѣ эти три тысячи человѣкъ съ однообразнымъ тихимъ шелестомъ творили свои усердныя крестныя

знаменія и клали низкіе поклоны. Что-то стихійное, могучее и въ то же время что-то дѣтское и трогательное почудилось Боброву въ этой общей молитвѣ сѣрой огромной массы. Завтра всѣ рабочіе примутся за свой тяжкій, упорный, полусуточный трудъ. Почемъ знать: кому изъ нихъ уже предначертано судьбою поплатиться на этомъ трудѣ жизнью: сорваться съ высокихъ лѣсовъ, опалиться расплавленнымъ металломъ, быть засыпаннымъ щебнемъ или кирпичомъ? И не объ этомъ ли непреложномъ рѣшеніи судьбы думаютъ они теперь, отвѣшивая низкіе поклоны и встряхивая русыми кудрями, въ то время, когда хоръ проситъ Богородицу—спасти отъ бѣдъ рабы своя... И на кого, какъ не на одну только Богородицу, надѣяться этимъ большимъ дѣтямъ, съ мужественными и простыми сердцами, этимъ смиреннымъ воинамъ, ежедневно выходящимъ изъ своихъ промзглыхъ, настуженныхъ землянокъ на привычный подвигъ терпѣнія и отваги?

Такъ, или почти такъ, думалъ Бобровъ, всегда склонный къ широкимъ, поэтическимъ картинамъ, и хотя онъ давно уже отвыкъ молиться, но каждый разъ, когда дребезжащій, далекій голосъ священника смѣнялся дружнымъ возгласомъ клира, по спинѣ и по затылку Андрея Ильича пробѣгала холодная волна нервнаго возбужденія. Было что-то сильное, покорное и самоотверженное въ наивкой молитвѣ этихъ сѣрыхъ тружениковъ, собравшихся Богъ вѣсть откуда, изъ далекихъ губерній, оторванныхъ отъ роднаго, привычнаго угла для тяжелой и опасной работы...

Молебенъ кончился. Квашнинъ съ небрежнымъ видомъ бросилъ въ яму золотой, но нагнуться съ лопаточкой никакъ не могъ—это сдѣлалъ за него Шелковниковъ. Потомъ вся группа двинулась къ доменнымъ печамъ, возвышавшимся на каменныхъ фундаментахъ своими круглыми черными массивными башнями.

Пятая, вновь выстроенная домна шла, какъ говорится

на техническомъ жаргонѣ, «спѣлымъ ходомъ». Изъ продѣланнаго внизу ея, на аршинной высотѣ, отверстія билъ широкимъ огненно-бѣлымъ клокочущимъ потокомъ расплавленный шлакъ, отъ котораго прыгали во всѣ стороны голубые сѣрные огоньки. Шлакъ стекалъ по наклонному жолобу въ котлы, подставленные къ отвѣсному краю фундамента, и застывалъ въ нихъ зеленоватой густой массой, похожей на леденецъ. Рабочіе, находившіеся на самой верхушкѣ печи, продолжали безъ отдыха забрасывать въ нее руду и каменный уголъ, которые то и дѣло подымались наверхъ въ желѣзныхъ вагонеткахъ.

Священникъ окропилъ домну со всѣхъ сторонъ святою водой и, боязливо торопясь, спотыкающейся, старческой походкой отошелъ въ сторону. Горновой мастеръ, жилистый, чернолицый старикъ, перекрестился и поплевалъ на руки. То же сдѣлали четверо его подручныхъ. Потомъ они подняли съ земли очень длинный стальной ломъ, долго раскачивали его и, одновременно крякнувъ, ударили имъ въ самый низъ печи. Ломъ звонко стукнулся въ глиняную втулку. Зрители, въ боязливо-нервномъ ожиданіи, зажмурили глаза; нѣкоторые подались назадъ. Рабочіе ударили въ другой разъ, потомъ въ третій, въ четвертый... и вдругъ изъ-подъ острея лома брызнулъ фонтанъ нестерпимо-яркаго жидкаго металла. Тогда горновой мастеръ кругообразными движеніями лома расширилъ отверстіе, и чугунъ медленно полился по песчаной бороздкѣ, принимая оттѣнокъ огненной охры. Цѣлые снопы блестящихъ крупныхъ звѣздъ летѣли во всѣ стороны изъ отверстія печи, громко треща и исчезая въ воздухѣ. Отъ этого, тихо, какъ будто лѣниво текущаго металла шелъ такой страшный жаръ, что непривычные гости все время отодвигались и закрывали щеки руками.

Отъ доменныхъ печей инженеры двинулись въ отдѣлъ

воздуходувныхъ машинъ. Квашнинъ заранѣе распорядился такъ, чтобы пріѣхавшіе съ нимъ акціонеры увидѣли заводъ во всей его колоссальной величинѣ и сутолокѣ. Онъ совершенно вѣрно разсчиталъ, что эти господа, пораженные массою сильныхъ и совершенно новыхъ для нихъ впечатлѣній, будутъ потомъ разсказывать чудеса уполномочившему ихъ общему собранію. И, глубоко зная психологію дѣловыхъ людей, Василій Терентьевичъ уже считалъ дѣломъ рѣшеннымъ—новый и весьма выгодный лично для него выпускъ акцій, на который до сихъ поръ не соглашалось общее собраніе.

И акціонеры дѣйствительно были поражены до головной боли, до дрожи въ ногахъ... Въ помѣщеніи воздуходувныхъ машинъ они слышали, блѣдные отъ волненія, какъ воздухъ, нагнетаемый четырьмя вертикальными двухсаженными поршнями въ трубы, устремлялся по нимъ съ ревомъ, заставляющимъ трястись каменныя стѣны зданія. По этимъ чугуннымъ, массивнымъ, въ два обхвата шириною трубамъ воздухъ проходилъ сквозь каупера, нагрѣвался въ нихъ горящими газами до 600 градусовъ и оттуда уже проникалъ во внутренность доменной печи, расплавляя руду и уголь своимъ жаркимъ дуновеніемъ. Инженеръ, завѣдывающій воздуходувнымъ отдѣленіемъ, давалъ объясненія. И хотя онъ нагибался поочередно къ самымъ ушамъ акціонеровъ и кричалъ во весь голосъ, надсаживая грудь, но за страшнымъ гуломъ машинъ его словъ не было слышно, а казалось только, что онъ беззвучно и напряженно шевелитъ губами.

Потомъ Шелковниковъ повелъ гостей въ сарай пудлинговыхъ печей,—высокое желѣзное зданіе такой длины, что съ одного его конца другой конецъ казался едва замѣтнымъ просвѣтомъ. Вдоль одной изъ стѣнъ сарая тянулась каменная платформа, на которой помѣщалось двадцать пудлинговыхъ печей, формой напоминавшихъ сня-

тые съ колесъ вагоны. Въ этихъ печахъ жидкій чугунъ смѣшивался съ рудой и перерабатывался въ сталь. Готовая сталь, стекая внизъ по трубамъ, наполняла собой высокія желѣзныя штамбы — нѣчто въ родѣ футляровъ безъ дна, но съ ручками наверху — и застывала въ нихъ сплошными кусками, пудовъ по сорока вѣсомъ. Свободная сторона сарая была занята рельсовымъ путемъ, по которому сновали, пыхтя, шипя и стуча, паровые краны, похожіе на послушныхъ и ловкихъ животныхъ, снабженныхъ гибкими хоботами. Одинъ кранъ хваталъ штамбу крючкомъ за ручку, поднималъ ее кверху, и изъ нея тяжело вываливался кусокъ стали въ видѣ длиннаго правильнаго бруска ослѣпительно-краснаго цвѣта. Но прежде, чѣмъ этотъ кусокъ успѣвалъ упасть на землю, рабочій съ необыкновенной ловкостью обматывалъ его цѣпью, въ руку толщиной. Второй кранъ, ухвативъ крючкомъ эту цѣпь, плавно несъ «штуку» въ воздухѣ и клалъ рядомъ съ другими на платформу, прикрѣпленную къ третьему крану. Третій—влекъ этотъ грузъ на другой конецъ сарая, гдѣ четвертый, снабженный вмѣсто крючка щипцами, снималъ «штуки» съ вагона и опускалъ ихъ въ раскрытые люки газовыхъ печей, устроенныхъ подъ поломъ. Наконецъ пятый кранъ вытаскивалъ ихъ изъ этихъ люковъ совершенно бѣлыми отъ жара, клалъ поочередно подъ круглое колесо съ острыми зубьями, вращавшееся чрезвычайно быстро на горизонтальной оси, и сорокапудовая стальная «штука» въ теченіе пяти секундъ разрѣзалась на двѣ половины, какъ кусокъ мягкаго пряника. Каждая половина поступала подъ семисотпудовый прессъ парового молота, обжимавшаго ее съ такой силой и такой легкостью, точно она была изъ воска. Рабочіе подхватывали ее тотчасъ же на ручныя телѣжки и бѣгомъ тащили дальше, обдавая всѣхъ встрѣчныхъ блескомъ и жаромъ раскаленнаго желѣза.

Затѣмъ Шелковниковъ показалъ своимъ гостямъ рельсопрокатный цехъ. Огромный брусокъ раскаленнаго металла проходилъ черезъ цѣлый рядъ станковъ, катясь отъ одного къ другому по валикамъ, которые вращались подъ поломъ, виднѣясь на его поверхности только самой верхней своей частью. Брусокъ втискивался въ отверстіе, образуемое двумя стальными, вертѣвшимися въ разныя стороны цилиндрами, и пролѣзалъ между ними, заставляя ихъ раздаваться и дрожать отъ напряженія. Дальше его ждалъ станокъ съ еще меньшимъ отверстіемъ между цилиндрами. Кусокъ стали дѣлался послѣ каждаго станка все тоньше и длиннѣе и, нѣсколько разъ перебѣжавъ рельсопрокатку взадъ и впередъ, принималъ мало-по-малу форму десятисаженнаго краснаго рельса. Сложнымъ движеніемъ пятнадцати станковъ управлялъ всего одинъ человѣкъ, помѣщавшійся надъ паровой машиной, на возвышеніи въ родѣ капитанскаго мостика. Онъ двигалъ рукоятку впередъ, и всѣ цилиндры и валики начинали вертѣться въ одну сторону; двигалъ ее назадъ—и цилиндры и валики вертѣлись въ обратную сторону. Когда рельсъ окончательно вытягивался, круглая пила, оглушительно визжа и сыпля фонтаномъ золотыхъ искръ, разрѣзала его на три части.

Затѣмъ всѣ перешли въ токарный цехъ, гдѣ главнымъ образомъ отдѣлывались вагонныя и паровозныя колеса. Кожаные приводы спускались тамъ съ потолка отъ толстаго стального стержня, проходившаго черезъ весь сарай, и приводили въ движеніе сотни двѣ или три станковъ самыхъ разныхъ величинъ и фасоновъ. Этихъ приводовъ было такъ много, и они перекрещивались во столькихъ направленіяхъ, что производили впечатлѣніе одной сплошной, запутанной и дрожащей ременной сѣти. Колеса нѣкоторыхъ станковъ вращались съ быстротой двадцати оборотовъ въ секунду, движеніе же другихъ было

такъ медленно, что почти не замѣчалось глазомъ. Стальныя, желѣзныя и мѣдныя стружки, въ видѣ красивыхъ длинныхъ спиралей, густо покрывали полъ. Сверлильные станки оглашали воздухъ нестерпимымъ, тонкимъ и рѣзкимъ визжаніемъ. Тамъ же была показана гостямъ машина, работающая гайки—нѣчто въ родѣ двухъ огромныхъ стальныхъ регулярно чавкающихъ челюстей. Двое рабочихъ всовывали въ эту пасть конецъ накаленнаго длиннаго прута, и машина, равномѣрно отгрызая по куску металла, выплевывала ихъ на землю въ видѣ совершенно готовыхъ гаекъ.

Когда, выйдя изъ токарнаго цеха, Шелковниковъ предложилъ акціонерамъ (онъ все время исключительно къ нимъ обращался со своими разъясненіями) осмотрѣть гордость завода, девятисотсильный «Компаундъ», то петербургскіе господа уже въ достаточной степени были оглушены и разстроены всѣмъ видѣннымъ и слышаннымъ. Новыя впечатлѣнія не внушали имъ болѣе никакого интереса, а только еще сильнѣе утомляли ихъ. Лица ихъ пылали отъ жара рельсопрокатки, руки и костюмы были перепачканы угольной сажей. На предложеніе директора они согласились, повидимому, скрѣпя сердце, чтобы только не уронить достоинства уполномочившаго ихъ собранія.

Девятисотсильный «Компаундъ» помѣщался въ отдѣльномъ зданіи, очень чистенькомъ и нарядномъ, со свѣтлыми окнами и мозаичнымъ поломъ. Несмотря на громадность машины, она почти не издавала стука... Два поршня, въ четыре сажени каждый, мягко и быстро ходили въ цилиндрахъ, обитыхъ деревянными планками. Двадцатифутовое колесо, со скользящими по немъ двѣнадцатью канатами, вращалось также беззвучно и быстро; отъ его широкаго движенія суховатый жаркій воздухъ машиннаго отдѣленія колебался сильными, равномѣрными порывами. Эта машина приводила въ движеніе и воздухо-

дувки, и прокатные станки, и всѣ машины токарнаго цеха.

Осмотрѣвъ «Компаундъ», акціонеры были уже совершенно убѣждены, что ихъ испытанія окончились, но неутомимый Шелковниковъ вдругъ обратился къ нимъ съ новымъ любезнымъ предложеніемъ:

— Теперь, господа, я вамъ покажу сердце всего завода, тотъ пунктъ, отъ котораго онъ получаетъ свою жизнь.

Онъ не повелъ, а почти повлекъ ихъ въ отдѣленіе паровыхъ котловъ. Однако послѣ всего видѣннаго «сердце завода» — двѣнадцать цилиндрическихъ котловъ пятисаженной длины и полутора саженъ высоты каждый—не произвело на уставшихъ акціонеровъ особенно внушительнаго впечатлѣнія. Ихъ мысли давно вращались вокругъ ожидавшаго ихъ обѣда, и они уже ничего не разспрашивали, какъ раньше, а только разсѣянно и равнодушно кивали головами на всѣ разъясненія Шелковникова. Когда директоръ кончилъ, акціонеры вздохнули съ облегченіемъ и очень искренно, съ нескрываемымъ удовольствіемъ принялись жать ему руку.

Теперь только одинъ Андрей Ильичъ остался около паровыхъ котловъ. Стоя на краю глубокой полутемной каменной ямы, въ которой помѣщались топки, онъ долго глядѣлъ внизъ на тяжелую работу шестерыхъ обнаженныхъ до пояса людей. На ихъ обязанности лежало безпрерывно, и днемъ и ночью, подбрасывать каменный уголь въ топочныя отверстія. То и дѣло со звономъ отворялись круглыя чугунныя заслонки, и тогда видно было, какъ въ топкахъ съ гудѣніемъ и ревомъ клокотало ярко-бѣлое бурное пламя. То и дѣло голыя тѣла рабочихъ, высушенныя огнемъ, черныя отъ пропитавшей ихъ угольной пыли, нагибались внизъ, при чемъ на ихъ спинахъ рѣзко

выступали всѣ мускулы и всѣ позвонки спинного хребта. То и дѣло худыя, цѣпкія руки набирали полную лопатку угля и затѣмъ быстрымъ, ловкимъ движеніемъ всовывали его въ раскрытое пылающее жерло. Двое другихъ рабочихъ, стоя наверху и также не останавливаясь ни на мгновеніе, сбрасывали внизъ все новыя и новыя кучи угля, который громадными черными валами возвышался вокругъ котельнаго отдѣленія. Что-то удручающее, нечеловѣческое чудилось Боброву въ безконечной работѣ кочегаровъ. Казалось, какая-то сверхъестественная сила приковала ихъ на всю жизнь къ этимъ разверстымъ пастямъ, и они, подъ страхомъ ужасной смерти, должны были безъ устали кормить и кормить ненасытное, прожорливое чудовище...

— Что, коллега, смотрите, какъ вашего Молоха упитываютъ? — услышалъ Бобровъ за своей спиной веселый, добродушный голосъ.

Андрей Ильичъ задрожалъ и чуть-чуть не полетѣлъ въ кочегарную яму. Его поразило, почти потрясло это неожиданное соотвѣтствіе шутливаго восклицанія доктора съ его собственными мыслями. Даже и овладѣвъ собою, онъ долго не могъ отдѣлаться отъ странности такого совпаденія. Его всегда интересовали и казались ему загадочными тѣ случаи, когда, задумавшись о какомъ-нибудь предметѣ или читая о чемъ-нибудь въ книгѣ, онъ тотчасъ же слышалъ рядомъ съ собою разговоръ о томъ же самомъ.

— Я васъ, кажется, напугалъ, дорогой мой?—спросилъ докторъ, внимательно заглянувъ въ лицо Боброва.— Прошу прощенія.

— Да, немножко... вы такъ неслышно подошли... я совсѣмъ не ожидалъ.

— Охъ, батенька Андрей Ильичъ, давайте-ка полѣчимъ наши нервы. Никуда они у насъ не годятся... По-

слушайтесь моего совѣта: берите отпускъ, да махните куда-нибудь за границу... Ну, что вамъ себя здѣсь растравлять? Поживите полгодика въ свое удовольствіе: пейте хорошее вино, ѣздите верхомъ побольше, насчетъ ламура пройдитесь...

Докторъ подошелъ къ краю кочегарки.

— Вотъ такъ преисподняя! — воскликнулъ онъ, заглянувъ внизъ. — Сколько каждый такой самоварчикъ долженъ вѣсить? Пудовъ восемьсотъ, я думаю?..

— Нѣтъ, побольше. Тысячи полторы.

— Ой, ой, ой... А ну какъ такая штучка вздумаетъ того... лопнуть? Эффектное выйдетъ зрѣлище? А?

— Очень эффектное, докторъ. Навѣрно, отъ всѣхъ этихъ зданій не останется камня на камнѣ...

Гольдбергъ покачалъ головой и многозначительно свистнулъ.

— Отчего же это можетъ случиться?

— Причины разныя бываютъ... но чаще всего это случается такимъ образомъ: когда въ котлѣ остается очень мало воды, то его стѣнки раскаляются все больше и больше, чуть не докрасна. Если въ это время пустить въ котелъ воду, то сразу получается громадное количество паровъ, стѣнки не выдерживаютъ давленія, и котелъ разрывается.

— Такъ что это можно сдѣлать нарочно?

— Сколько угодно... Не хотите ли попробовать? Когда вода совсѣмъ упадетъ въ водомѣрѣ, нужно только повернуть вентиль... видите, маленькій круглый рычажокъ... И все тутъ.

Бобровъ шутилъ, но голосъ его былъ странно-серьезенъ, а глаза смотрѣли сурово и печально. «Чортъ его знаетъ, — подумалъ докторъ: — милый онъ человѣкъ, а все-таки... психопатъ»...—Вы что же на обѣдъ-то не пошли, Андрей Ильичъ? — спросилъ Гольдбергъ, отходя

отъ кочегарки: — хоть поглядѣли бы, какой зимній садъ изъ лабораторіи устроили. А сервировка, — такъ прямо на удивленіе.

— А ну ихъ! Терпѣть не могу инженерныхъ обѣдовъ, — поморщился Бобровъ. — Хвастаются, орутъ, безобразно льстятъ другу другу, и потомъ эти неизмѣнные пьяные тосты, во время которыхъ ораторы обливаютъ виномъ себя и сосѣдей... Отвращеніе!..

— Да, да, совершенно вѣрно, — разсмѣялся докторъ.— Я захватилъ начало. Квашнинъ — одно великолѣпіе: «Милостивые государи, призваніе инженера — высокое и отвѣтственное призваніе. Вмѣстѣ съ рельсовымъ путемъ, съ доменной печью и съ шахтой онъ несетъ въ глубь страны сѣмена просвѣщенія, цвѣты цивилизаціи и...» какіе-то еще плоды, я ужъ не помню хорошенько... Но вѣдь каковъ оберъ-жуликъ!.. «Сплотимтесь же, господа, и будемъ высоко держать святое знамя нашего благодѣтельнаго искусства!..» Ну, конечно, бѣшеныя рукоплесканія.

Они прошли нѣсколько шаговъ молча. Лицо доктора вдругъ омрачилось, и онъ заговорилъ со злобой въ голосѣ:

— Да! Благодѣтельное искусство! А вотъ рабочіе бараки изъ щепокъ выстроены. Больныхъ не оберешься... дѣти, какъ мухи, мрутъ. Вотъ тебѣ и сѣмена просвѣщенія! То-то они запоютъ, когда брюшной тифъ разгуляется въ Иванковѣ.

— Да что вы, докторъ? Развѣ уже есть больные? Это совсѣмъ ужасно было бы при такой тѣснотѣ.

Докторъ остановился, тяжело переводя духъ.

— Да какъ же не быть? — сказалъ онъ съ горечью. — Вчера двухъ человѣкъ привезли. Одинъ сегодня утромъ скончался, а другой, если еще не умеръ, то вечеромъ умретъ непремѣнно... А у насъ ни медикаментовъ,

ни помѣщенія, ни фельдшеровъ опытныхъ... Подождите, доиграются они!.. — прибавилъ Гольдбергъ сердито и погрозилъ кому-то въ пространство кулакомъ.

VIII.

Злые языки начали звонить. Про Квашнина еще до его пріѣзда ходило на заводѣ такъ много пикантныхъ анекдотовъ, что теперь никто не сомнѣвался въ настоящей причинѣ его внезапнаго сближенія съ семействомъ Зиненокъ. Дамы говорили объ этомъ съ двусмысленными улыбками, мужчины въ своемъ кругу называли вещи съ циничной откровенностью ихъ именами. Однако навѣрняка никто ничего не зналъ. Всѣ съ удовольствіемъ ждали соблазнительнаго скандала

Въ сплетнѣ была доля правды. Сдѣлавъ визитъ семейству Зиненокъ, Квашнинъ сталъ ежедневно проводить у нихъ вечера. По утрамъ, около 11-ти часовъ, въ Шепетовскую экономію пріѣзжала его прекрасная тройка сѣрыхъ, и кучеръ неизмѣнно докладывалъ, что «баринъ проситъ барыню и барышень пожаловать къ нимъ на завтракъ». Къ этимъ завтракамъ посторонніе не приглашались. Кушанье готовилъ поваръ-французъ, котораго Василій Терентьевичъ всюду возилъ за собою въ своихъ частыхъ разъѣздахъ, даже и за границу.

Вниманіе Квашнина къ его новымъ знакомымъ выражалось очень своеобразно. Относительно всѣхъ пятерыхъ дѣвицъ онъ сразу сталъ на безцеремонную ногу холостого и веселаго дядюшки. Черезъ три дня онъ уже называлъ ихъ уменьшительными именами съ прибавленіемъ отчества — Шура Григорьевна, Ниночка Григорьевна, а самую младшую, Касю, часто бралъ за пухлый, съ ямочкой, подбородокъ и дразнилъ «младенцемъ» и «цыпленочкомъ», отчего она краснѣла до слезъ, но не сопротивлялась.

Анна Аѳанасьевна съ игривой ворчливостью пеняла ему, что онъ совсѣмъ избалуетъ ея дѣвочекъ! Дѣйствительно, стоило только одной изъ нихъ выразить какое-нибудь мимолетное желаніе, какъ оно тотчасъ же исполнялось. Едва Мака запнулась, безъ всякаго, впрочемъ, задняго умысла, что ей хотѣлось бы выучиться ѣздить на велосипедѣ, какъ на другой же день нарочный привезъ изъ Харькова прекрасную машину, стоившую по меньшей мѣрѣ рублей триста... Бетѣ онъ проигралъ, держа съ нею пари по поводу какихъ-то пустяковъ, пудъ конфетъ, а Касѣ — брошку, въ которой послѣдовательно чередовались камни — кораллъ, аметистъ, сапфиръ и яшма,—обозначавшіе составныя буквы ея имени. Онъ услышалъ однажды, что Нина любитъ верховую ѣзду и лошадей. Черезъ два дня ей привели кровную англійскую кобылу, въ совершенствѣ выѣзженную подъ дамское сѣдло. Барышни были очарованы. Въ ихъ домѣ поселился добрый сказочный духъ, угадывавшій и тотчасъ же исполнявшій ихъ малѣйшіе капризы. Анна Аѳанасьевна смутно чувствовала въ этой щедрости что-то неприличное для хорошей семьи, но у нея не хватало ни смѣлости ни такта, чтобы дать незамѣтно понять это Квашнину. На ея льстивые выговоры онъ только махалъ рукой и отвѣчалъ своимъ грубоватымъ, рѣшительнымъ басомъ:

— Ну вотъ еще, дорогая моя... пустяки какіе выдумали...

Однако ни одну изъ ея дочерей онъ не предпочиталъ явно, всѣмъ имъ одинаково угождая и надъ всѣми безцеремонно подтрунивая. Молодые люди, посѣщавшіе раньше домъ Зиненокъ, предупредительно и безслѣдно исчезли. Зато постояннымъ гостемъ сдѣлался Свѣжевскій, бывшій у нихъ до того всего-на-всего раза два или три. Его никто не звалъ; онъ явился самъ, точно по

чьему-то таинственному приглашенію, и сразу сумѣлъ сдѣлаться необходимымъ для всѣхъ членовъ семьи.

Впрочемъ, появленію его у Зиненокъ предшествовалъ маленькій анекдотъ. Какъ-то, мѣсяцевъ пять тому назадъ, Свѣжевскій проговорился въ кругу своихъ сослуживцевъ, что мечта его жизни — сдѣлаться со временемъ милліонеромъ, и что онъ къ сорока годамъ непремѣнно будетъ имъ.

— Какъ же вы этого добьетесь, Станиславъ Ксаверьевичъ? — спросили его.

Свѣжевскій захихикалъ и, загадочно потирая свои мокрыя руки, отвѣтилъ:

— Всѣ дороги ведутъ въ Римъ.

Чутье ему подсказывало, что теперь въ Шепетовской экономіи обстоятельства складываются весьма удобно для его будущей карьеры. Такъ или иначе, онъ могъ пригодиться всемогущему патрону. И Свѣжевскій, ставя все на карту, смѣло лѣзъ Квашнину на глаза со своимъ угодливымъ хихиканьемъ. Онъ заигрывалъ съ нимъ, какъ веселый дворовый щенокъ со свирѣпымъ меделянскимъ псомъ, выражая и лицомъ и голосомъ ежеминутную готовность учинить какую угодно пакость по одному только мановенію Василія Терентьевича.

Патронъ не препятствовалъ. Тотъ самый Квашнинъ, который прогонялъ со службы безъ объясненія причинъ директоровъ и управляющихъ заводами, — этотъ самый Квашнинъ молча терпѣлъ въ своемъ присутствіи какого-то Свѣжевскаго... Тутъ пахло важной услугой, и будущій милліонеръ напряженно ждалъ своего момента.

Все это, передаваясь изъ устъ въ уста, стало извѣстно и Боброву. Онъ не удивился: на семейство Зиненокъ у него сложился свой твердый и точный взглядъ. Его взволновало лишь то, что сплетня не преминетъ задѣть грязнымъ хвостомъ и Нину... Послѣ разговора на вокзалѣ

эта дѣвушка стала ему еще милѣе и дороже. Ему одному она довѣрчиво открыла свою душу, прекрасную даже въ колебаніяхъ и въ слабостяхъ. Всѣ другіе знали — думалось ему — только ея костюмъ и наружность. Ревность же съ ея циничными сомнѣніями, вѣчно раздраженнымъ самолюбіемъ, съ ея мелочностью и грубостью, была чужда довѣрчивой и нѣжной натурѣ Боброва.

Хорошая, искренняя женская любовь ни разу еще не улыбнулась Андрею Ильичу. Онъ былъ слишкомъ застѣнчивъ и неувѣренъ въ себѣ, чтобы брать отъ жизни то, что̀ ему, можетъ-быть, принадлежало по праву. Неудивительно, что теперь его душа радостно устремилась навстрѣчу новому, сильному чувству.

Всѣ эти дни Бобровъ находился подъ обаяніемъ разговора на вокзалѣ. Сотни разъ онъ вспоминалъ его въ мельчайшихъ подробностяхъ и съ каждымъ разомъ прозрѣвалъ въ словахъ Нины болѣе глубокое значеніе. По утрамъ онъ просыпался со смутнымъ сознаніемъ чего-то большого и свѣтлаго, что̀ посѣтило его душу и обѣщаетъ ему въ будущемъ много блаженства.

Его неудержимо тянуло къ Зиненкамъ: хотѣлось еще разъ убѣдиться въ своемъ счастьѣ, еще разъ слышать отъ Нины то робкія, то наивно-смѣлыя полупризнанія. Но его стѣсняло присутствіе Квашнина, и онъ утѣшалъ себя только тѣмъ, что патронъ ни въ какомъ случаѣ не могъ пробыть въ Иванковѣ болѣе двухъ недѣль.

Однако случай помогъ ему увидѣться съ Ниной до отъѣзда Квашнина. Это произошло въ воскресенье, черезъ три дня послѣ торжественнаго открытія кампаніи доменной печи. Бобровъ ѣхалъ верхомъ на Фарватерѣ по широкой, хорошо набитой дорогѣ, ведущей съ завода на станцію. Было часа два прохладнаго, безоблачнаго дня. Фарватеръ шелъ бойкой ходой, прядая ушами и мотая косматой головой. На поворотѣ около склада Бобровъ

замѣтилъ даму въ амазонкѣ, спускавшуюся съ горы на крупной гнѣдой лошади, и слѣдомъ за нею — всадника на маленькомъ бѣломъ киргизѣ. Скоро онъ убѣдился, что это была Нина въ темно-зеленой длинной развѣвающейся юбкѣ, въ желтыхъ перчаткахъ съ крагами, съ низенькимъ блестящимъ цилиндромъ на головѣ. Она увѣренно и красиво сидѣла въ сѣдлѣ. Стройная англійская кобыла шла подъ нею эластической, широкой рысью, круто собравъ шею и высоко подымая тонкія, сухія ноги. Сопровождавшій Нину Свѣжевскій далеко отсталъ и старался, болтая локтями, трясясь и горбясь, поймать носкомъ потерянное стремя.

Замѣтивъ Боброва, Нина пустила лошадь галопомъ. Встрѣчный вѣтеръ заставлялъ ее придерживать правой рукой передъ шляпы и наклонять внизъ голову. Поровнявшись съ Андреемъ Ильичомъ, она сразу осадила лошадь, и та остановилась, нетерпѣливо переступая ногами, раздувая широкія, породистыя поздри и звучно перебирая зубами удила, съ которыхъ комьями падала пѣна. Отъ ѣзды у Нины раскраснѣлось лицо, и волосы, выбившіеся на вискахъ изъ-подъ шляпы, откинулись назадъ длинными, тонкими завитками.

— Откуда у васъ такая прелесть? — спросилъ Бобровъ, когда ему наконецъ удалось осадить танцовавшаго Фарватера и, перегнувшись на сѣдлѣ, пожать кончики пальцевъ Нины.

— А, правда, красавица? Это — подарокъ Квашнина.

— Я бы отказался отъ такого подарка, — грубо сказалъ Андрей Ильичъ, внезапно разсерженный безпечнымъ отвѣтомъ Нины.

Нина вспыхнула.

— На какомъ основаніи?

— Да на томъ, что... кто же для васъ, въ самомъ дѣлѣ, Квашнинъ?.. Родственникъ?.. Женихъ?..

— Ахъ, Боже мой, какъ вы щепетильны за другихъ! — воскликнула Нина язвительно.

Но, увидѣвъ его страдающее лицо, она тотчасъ же смягчилась.

— Вѣдь ему это ничего не стóитъ... Онъ такъ богатъ...

Свѣжевскій былъ уже въ десяти шагахъ. Нина вдругъ нагнулась къ Боброву, ласково дотронулась концомъ хлыста до его руки и сказала вполголоса, тономъ маленькой дѣвочки, сознающейся въ своей винѣ:

— Ну, будетъ... будетъ, не сердитесь... Я ему возвращу лошадь назадъ, злючка вы этакій!.. Видите, чтó значитъ для меня ваше мнѣніе.

Глаза Андрея Ильича засіяли счастьемъ, и руки невольно протянулись къ Нинѣ. Но онъ ничего не сказалъ, а только глубоко, всей грудью, вздохнулъ. Свѣжевскій подъѣзжалъ къ нему, раскланиваясь и стараясь принять небрежную посадку.

— Вы, конечно, знаете о нашемъ пикникѣ? — крикнулъ еще издали Свѣжевскій.

— Въ первый разъ слышу, — отвѣтилъ Андрей Ильичъ.

— Пикникъ по иниціативѣ Василія Терентьевича? Въ Бѣшеной балкѣ?..

— Не слыхалъ.

— Да, да. Пожалуйста, пріѣзжайте же, Андрей Ильичъ, — вмѣшалась Нина. — Въ среду, въ пять часовъ вечера... сборный пунктъ — станція...

— Пикникъ по подпискѣ?

— Кажется. Навѣрно не знаю.

Нина вопросительно и растерянно взглянула на Свѣжевскаго.

— По подпискѣ, — подтвердилъ Свѣжевскій. — Василій Терентьевичъ поручилъ мнѣ исполнить нѣкоторыя его распоряженія. И я вамъ скажу, пикникъ будетъ колоссальный. Нѣчто сверхъ-шикарное... Только все это

покамѣстъ секретъ. Вы будете поражены неожиданностью...

Нина не утерпѣла и прибавила кокетливо:

— Все это вѣдь изъ-за меня вышло. Третьяго-дня я говорила, что хорошо бы компаніей куда-нибудь въ лѣсъ проѣхаться, а Василій Терентьевичъ...

— Я не поѣду, — сказалъ Бобровъ рѣзко.

— Нѣтъ, поѣдете! — сверкнула глазами Нина. — Господа, маршъ, маршъ! — крикнула она, подымая лошадь съ мѣста галопомъ. — Андрей Ильичъ! Слушайте, что̀ я вамъ скажу.

Свѣжевскій остался сзади. Нина и Бобровъ скакали рядомъ, она — улыбаясь и заглядывая ему въ глаза, онъ — хмурый и недовольный.

— Вѣдь это я для васъ выдумала пикникъ, мой нехорошій, подозрительный другъ, — сказала она съ глубокой нѣжностью въ голосѣ. — Я хочу непремѣнно узнать то, что̀ вы не договорили тогда, на вокзалѣ... Намъ никто не помѣшаетъ на пикникѣ.

И опять мгновенная перемѣна произошла въ душѣ Боброва. Чувствуя у себя на глазахъ слезы умиленія, онъ воскликнулъ страстно:

— О, Нина! Какъ я люблю васъ!

Но Нина какъ будто бы не слыхала этого внезапнаго признанія. Она потянула поводья, заставила лошадь перейти въ шагъ и спросила:

— Такъ будете? Да?

— Непремѣнно. Непремѣнно буду!

— Смотрите же... А теперь подождемъ моего кавалера и — до свиданья. Я тороплюсь домой...

Прощаясь съ ней, онъ чувствовалъ черезъ перчатку теплоту ея руки, отвѣтившей ему долгимъ и крѣпкимъ пожатіемъ. Темные глаза Нины смотрѣли влюбленно.

IX.

Въ среду, уже съ четырехъ часовъ, станція была битком-набита участниками пикника. Всѣ чувствовали себя весело и непринужденно. Пріѣздъ Василія Терентьевича на этотъ разъ окончился такъ благополучно, какъ никто даже не смѣлъ ожидать. Ни громовъ ни молній не послѣдовало, никого не попросили оставить службу, и даже, наоборотъ, носились слухи о прибавкѣ въ недалекомъ будущемъ жалованья большинству служащихъ. Кромѣ того, пикникъ обѣщалъ выйти очень занимательнымъ. До Бѣшеной балки, куда условились отправиться, считалось, если ѣхать на лошадяхъ, не болѣе десяти верстъ очень красивой дороги... Ясная и теплая погода, прочно установившаяся въ теченіе послѣдней недѣли, никакъ не могла помѣшать поѣздкѣ.

Приглашенныхъ было до девяноста человѣкъ; они толпились оживленными группами на платформѣ, со смѣхомъ и громкими восклицаніями. Русская рѣчь перемѣшивалась съ французскими, нѣмецкими и польскими фразами. Трое бельгійцевъ захватили съ собой фотографическіе аппараты, разсчитывая дѣлать при свѣтѣ магнія моментальные снимки... Всѣхъ интересовала полнѣйшая неизвѣстность относительно подробностей пикника. Свѣжевскій, съ таинственнымъ и важнымъ видомъ, намекалъ о какихъ-то «сюрпризахъ», но отъ объясненій всячески уклонялся.

Первымъ сюрпризомъ оказался экстренный поѣздъ. Ровно въ пять часовъ изъ паровознаго депо вышелъ новый американскій десятиколесный паровозъ. Дамы не могли удержаться отъ криковъ удивленія и восторга: вся громадная машина была украшена флагами и живыми цвѣтами. Зеленыя гирлянды дубовыхъ листьевъ, перемѣ-

шанныя съ букетами астръ, георгинъ, левкоевъ и гвоздики, обвивали спиралью ея стальной корпусъ, вились вверхъ по трубѣ, свѣшивались оттуда внизъ, къ свистку, и вновь подымались вверхъ, покрывая цвѣтущей стѣной будку машиниста. Изъ-подъ зелени и цвѣтовъ стальныя и мѣдныя части машины эффектно сверкали въ золотыхъ лучахъ осенняго заходящаго солнца. Шесть вагоновъ перваго класса, вытянувшіеся вдоль платформы, должны были отвезти участниковъ пикника на 303-ю версту, откуда до Бѣшеной балки оставалось пройти не болѣе пятисотъ шаговъ.

— Господа, Василій Терентьевичъ просилъ меня сообщить вамъ, что онъ беретъ всѣ расходы по пикнику на себя, — говорилъ Свѣжевскій, торопливо переходя отъ одной группы къ другой. — Господа, Василій Терентьевичъ просилъ меня передать всѣмъ приглашеннымъ...

Около него составилась большая кучка, онъ объяснилъ, въ чемъ дѣло:

— Василій Терентьевичъ остался чрезвычайно доволенъ тѣмъ пріемомъ, который ему сдѣлало общество, и ему очень пріятно отплатить любезностью за любезность. Онъ беретъ всѣ расходы на себя...

И, не утерпѣвъ, движимый тѣмъ чувствомъ, которое заставляетъ лакея хвастать щедростью своего барина, онъ добавилъ вѣско:

— Мы истратили на этотъ пикникъ 3.590 рублей!

— Пополамъ съ господиномъ Квашнинымъ? — послышался сзади насмѣшливый голосъ. Свѣжевскій быстро обернулся и убѣдился, что этотъ ядовитый вопросъ задалъ Андреа, глядѣвшій на него со своимъ обычнымъ невозмутимымъ видомъ, заложивъ руки глубоко въ карманы брюкъ.

— Что вы изволили сказать? — переспросилъ Свѣжевскій, густо краснѣя.

— Нѣтъ, это вы изволили сказать: «мы истратили три тысячи», и я имѣю полное основаніе думать, что вы подразумѣваете себя и г. Квашнина подъ этимъ «мы»... въ такомъ случаѣ я считаю пріятнымъ долгомъ заявить вамъ, что, если я принимаю эту любезность отъ г. Квашнина, то вѣдь отъ г. Свѣжевскаго я ея могу и не принять...

— Ахъ, нѣтъ, нѣтъ... Вы не такъ меня поняли, — залепеталъ переконфуженный Свѣжевскій. — Это все Василій Терентьевичъ. Я просто только... какъ довѣренное лицо... Ну, въ родѣ какъ приказчикъ, что ли, — добавилъ онъ съ кислой усмѣшкой.

Почти одновременно съ подачей экстреннаго поѣзда пріѣхали Зиненки, въ сопровожденіи Квашнина и Шелковникова. Но не успѣлъ еще Василій Терентьевичъ вылѣзть изъ коляски, какъ случилось никѣмъ непредвидѣнное происшествіе траги-комическаго свойства. Еще съ утра жены, сестры и матери заводскихъ рабочихъ, прослышавъ о предстоящемъ пикникѣ, стали собираться на вокзалѣ; многія принесли съ собою и грудныхъ ребятъ. Съ выраженіемъ деревяннаго терпѣнія на загорѣлыхъ, изнуренныхъ лицахъ, сидѣли онѣ уже много часовъ на ступеняхъ вокзальнаго крыльца и на землѣ, вдоль стѣнъ, бросавшихъ длинныя тѣни. Ихъ было болѣе двухсотъ. На разспросы станціоннаго начальства онѣ отвѣчали, что имъ нужно «рыжаго и толстаго начальника». Сторожъ пробовалъ ихъ устранить, но онѣ подняли такой оглушительный гвалтъ, что онъ только махнулъ рукой и оставилъ бабъ въ покоѣ.

Каждый подъѣзжавшій экипажъ вызывалъ между ними минутный переполохъ, но такъ какъ «рыжаго и толстаго начальника» до сихъ поръ еще не было, то онѣ тотчасъ же успокаивались.

Едва только Василій Терентьевичъ, схватившись ру-

ками за козлы, кряхтя и накренивъ всю коляску, ступилъ на подножку, какъ бабы быстро окружили его со всѣхъ сторонъ и повалились на колѣни. Испуганныя шумомъ толпы, молодыя, горячія лошади захрапѣли и стали метаться; кучеръ, натянувъ вожжи и совсѣмъ перевалившись назадъ, едва сдерживалъ ихъ на мѣстѣ. Сначала Квашнинъ ничего не могъ разобрать: бабы кричали всѣ сразу и протягивали къ нему грудныхъ младенцевъ. По бронзовымъ лицамъ вдругъ потекли обильныя слезы...

Квашнинъ увидѣлъ, что ему не вырваться изъ этого живого кольца, обступившаго его со всѣхъ сторонъ.

— Стой, бабы! Не галдѣть! — крикнулъ онъ, покрывая сразу своимъ басомъ ихъ голоса.—Орете всѣ, какъ на базарѣ. Ничего не слышу. Говори кто-нибудь одна: въ чемъ дѣло?

Но каждой хотѣлось говорить одной. Крики еще больше усилились, и слезы еще обильнѣе потекли по лицамъ.

— Кормилецъ... родной... разсмотри ты насъ... Никакъ не можно терпѣть... Отошшали!.. Помираемъ... съ ребятами помираемъ... Отъ холода, можно сказать, прямо дохнемъ!

— Что же вамъ нужно? Отъ чего вы помираете? — крикнулъ опять Квашнинъ. — Да не орите всѣ разомъ! Вотъ ты, молодка, разсказывай, — ткнулъ онъ пальцемъ въ рослую и, несмотря на блѣдность усталаго лица, красивую калужскую бабу. — Остальныя молчи!

Большинство замолкло, только продолжало всхлипывать и слегка подвывать, утирая глаза и носы грязными подолами...

Все-таки за разъ говорило не менѣе двадцати бабъ.

— Помираемъ отъ холоду, кормилецъ... Ужъ ты сдѣлай милость, обдумай насъ какъ-нибудь... Никакой намъ возможности нѣту больше... Загнали насъ на зиму въ бараки, а въ нихъ нешто можно жить-то? Одна только

слава, что бараки, а то какъ есть изъ лучины выстроены... И теперь-то по ночамъ невтерпежъ отъ холоду... зубъ на зубъ не попадаетъ... А зимой что̀ будемъ дѣлать? Ты хоть нашихъ робятокъ-то пожалѣй, пособи, голубчикъ, хоть печи-то прикажи поставить... Пишшу варить негдѣ... На дворѣ пишшу варимъ... Мужики наши цѣльный день на работѣ... Иззябши... намокши... Придутъ домой — обсушиться негдѣ.

Квашнинъ попалъ въ засаду. Въ какую сторону онъ ни оборачивался, вездѣ ему путь преграждали валявшіяся на землѣ и стоявшія на колѣняхъ бабы. Когда онъ пробовалъ протиснуться между ними, онѣ ловили его за ноги и за полы длиннаго сѣраго пальто. Видя свое безсиліе, Квашнинъ движеніемъ руки подозвалъ къ себѣ Шелковникова, и, когда тотъ пробрался сквозь тѣсную толпу бабъ, Василій Терентьевичъ спросилъ его по-французски, съ гнѣвнымъ выраженіемъ въ голосѣ:

— Вы слышали? Что̀ все это значитъ?

Шелковниковъ безпомощно развелъ руками и забормоталъ:

— Я писалъ въ правленіе, докладывалъ... Очень ограниченное число рабочихъ рукъ... лѣтнее время... косовица... высокія цѣны... правленіе не разрѣшило... ничего не подѣлаешь...

— Когда же вы начнете перестраивать рабочіе бараки? — строго спросилъ Квашнинъ.

— Положительно неизвѣстно... Пусть потерпятъ какънибудь... Намъ раньше надо торопиться съ помѣщеніями для служащихъ.

— Чортъ знаетъ, что̀ за безобразія творятся подъ вашимъ руководствомъ, — проворчалъ Квашнинъ. И, обернувшись опять къ бабамъ, онъ сказалъ громко:

— Слушай, бабы! Съ завтрашняго дня вамъ будутъ строить печи и покроютъ ваши бараки тесомъ. Слышали?

— Слышали, родной... Спасибо тебѣ... Какъ не слышать, — раздались обрадованные голоса. — Такъ-то лучше, небось, когда самъ начальникъ приказалъ... спасибо тебѣ... ты ужъ намъ, соколикъ, позволь и щепки собирать съ постройки.

— Хорошо, хорошо, и щепки позволяю собирать.

— А то поставили вездѣ черкесовъ *), чуть придешь за щепками, а онъ такъ сейчасъ нагайкой и норовитъ полоснуть...

— Ладно, ладно... Приходите смѣло за щепками, никто васъ не тронетъ, — успокаивалъ ихъ Квашнинъ. — А теперь, бабье, маршъ по домамъ, щи варить! Да смотрите у меня, живо! — крикнулъ онъ подбодряющимъ, молодцоватымъ голосомъ. — Вы распорядитесь, — сказалъ онъ вполголоса Шелковникову:—чтобы завтра сложили около бараковъ воза два кирпича... Это ихъ надолго утѣшитъ. Пусть любуются.

Бабы расходились совсѣмъ осчастливленныя.

— Ты смотри, коли намъ печей не поставятъ, такъ мы анжинеровъ позовемъ, чтобы насъ грѣть приходили, — крикнула та самая калужская баба, которой Квашнинъ приказалъ говорить за всѣхъ.

— А то какъ же, — отозвалась бойко другая: — пусть насъ тогда самъ генералъ грѣетъ. Ишь, какой толстой да гладкой... Съ нимъ теплѣй будетъ, чѣмъ на печкѣ.

Этотъ неожиданный эпизодъ, окончившійся такъ благополучно, сразу развеселилъ всѣхъ. Даже Квашнинъ, хмурившійся сначала на директора, разсмѣялся послѣ приглашенія бабъ отогрѣвать ихъ и примирительно взялъ Шелковникова подъ локоть.

— Видите ли, дорогой мой, — говорилъ онъ директору,

*) Въ южномъ краѣ на заводахъ и въ экономіяхъ сторожами охотнѣе всего нанимаютъ черкесовъ, отличающихся вѣрностью и внушающихъ страхъ населенію.

тяжело подымаясь вмѣстѣ съ нимъ на ступеньки станціи: — нужно умѣть объясняться съ этимъ народомъ. Вы можете обѣщать имъ все, что̀ угодно — алюминіевыя жилища, восьмичасовой рабочій день и бифштексы на завтракъ, — но дѣлайте это очень увѣренно. Клянусь вамъ: я въ четверть часа потушу одними обѣщаніями самую бурную народную сцену...

Вспоминая подробности только-что потушеннаго бабьяго бунта и громко смѣясь, Квашнинъ сѣлъ въ вагонъ. Черезъ три минуты поѣздъ вышелъ со станціи. Кучерамъ было приказано ѣхать прямо на Бѣшеную балку, потому что назадъ предполагалось возвратиться на лошадяхъ, съ факелами.

Поведеніе Нины смутило Андрея Ильича. Онъ ждалъ на станціи ея пріѣзда съ нетерпѣливымъ волненіемъ, начавшимся еще вчера вечеромъ. Прежнія сомнѣнія исчезли изъ его души; онъ вѣрилъ въ свое близкое счастье, и никогда еще міръ не казался ему такимъ прекраснымъ, люди такими добрыми, а жизнь такой легкой и радостной. Думая о свиданіи съ Ниной, онъ старался заранѣе его себѣ представить, невольно готовилъ нѣжныя, страстныя и краснорѣчивыя фразы и потомъ самъ смѣялся надъ собою... Для чего сочинять слова любви? Когда будетъ нужно, они придутъ сами и будутъ еще красивѣе, еще теплѣе. И Боброву вспоминались читанные имъ въ какомъ-то журналѣ стихи, въ которыхъ поэтъ говоритъ своей милой, что они не будутъ клясться другъ другу, потому что клятвы оскорбили бы ихъ довѣрчивую и горячую любовь.

Бобровъ видѣлъ, какъ подъѣхали, слѣдомъ за тройкой Квашнина, двѣ коляски Зиненокъ. Нина сидѣла въ первой. Въ легкомъ платьѣ палеваго цвѣта, изящно отдѣланномъ у полукруглаго вырѣза корсажа широкими блѣдными кружевами того же тона, въ широкой бѣлой итальян-

ской шляпѣ, украшенной букетомъ чайныхъ розъ, она показалась ему блѣднѣе и серьезнѣе, чѣмъ обыкновенно. Она издали замѣтила Боброва, стоявшаго на крыльцѣ, но не послала ему, какъ онъ ожидалъ, долгаго, многозначительнаго взгляда. Наоборотъ, ему даже показалось, будто она нарочно отвернулась отъ него. Когда же Андрей Ильичъ подбѣжалъ къ ея коляскѣ, чтобы помочь ей изъ нея выйти, Нина, точно предупреждая его, быстро и легко выскочила изъ экипажа на другую сторону. Нехорошее, зловѣщее чувство кольнуло сердце Андрея Ильича, но онъ тотчасъ же поспѣшилъ себя успокоить. «Бѣдная, она стыдится своего рѣшенія и своей любви. Ей кажется, что теперь всякій можетъ свободно читать въ ея глазахъ самыя сокровенныя мысли... О, святая, прелестная наивность!»

Андрей Ильичъ былъ увѣренъ, что Нина, какъ и въ прошлый разъ на вокзалѣ, сама найдетъ случай подойти къ нему, чтобы съ глазу на глазъ перекинуться нѣсколькими фразами. Однако она, повидимому, вся поглощенная объясненіемъ Квашнина съ бабами, не торопилась этого сдѣлать... Она ни разу, даже украдкой, не обернулась назадъ, чтобы увидѣть Боброва. Сердце Андрея Ильича забилось вдругъ тревожно и тоскливо. Онъ рѣшилъ подойти къ семейству Зиненокъ, державшемуся тѣсной кучкой — остальныя дамы ихъ, видимо, избѣгали, — и подъ шумъ, привлекавшій общее вниманіе, спросить Нину, если не словами, то хоть взглядомъ, о причинѣ ея невниманія.

Кланяясь Аннѣ Аѳанасьевнѣ и цѣлуя ея руку, онъ заглядывалъ ей въ лицо и старался прочесть въ немъ, знаетъ ли она что-нибудь. Да, она несомнѣнно знала: ея надломленныя угломъ тонкія брови — признакъ лживаго характера, какъ думалъ нерѣдко Бобровъ — недовольно сдвинулись, а губы приняли надменное выраженіе.

Должно-быть, Нина разсказала все матери и получила отъ нея выговоръ,—догадался Бобровъ и подошелъ къ Нинѣ.

Но Нина даже не взглянула на него. Ея рука неподвижно и холодно лежала въ его дрожащей рукѣ, когда они здоровались. Вмѣсто отвѣта на привѣтствіе Андрея Ильича она тотчасъ же повернула голову къ Бетѣ и обмѣнялась съ нею какими-то пустыми замѣчаніями... Въ этомъ поспѣшномъ маневрѣ Боброву почудилось что-то виноватое, что-то трусливое, отступающее предъ прямымъ отвѣтомъ... Онъ почувствовалъ, что у него сразу ослабѣли ноги, а во рту стало холодно... Онъ не зналъ, что̀ подумать. Если бы Нина даже и проболталась матери, развѣ не могла она однимъ изъ тѣхъ быстрыхъ, говорящихъ взглядовъ, которыми всегда инстинктивно располагаютъ женщины, сказать ему: «Да, ты угадалъ, нашъ разговоръ извѣстенъ... но я все та же, милый, я все та же, не тревожься». Однако она предпочла отвернуться. «Все равно, я во что̀ бы то ни стало на пикникѣ дождусь ея отвѣта, — подумалъ Бобровъ, въ смутной тоскѣ предчувствуя что-то тяжелое и грязное. — Такъ или иначе, она должна будетъ отвѣтить».

X.

На 303 верстѣ общество вышло изъ вагоновъ и длинной пестрой вереницей потянулось мимо сторожевой будки, по узкой дорожкѣ, спускающейся въ Бѣшеную балку... Еще издали на разгоряченныя лица пахнуло свѣжестью и запахомъ осенняго лѣса... Дорожка, становясь все круче, исчезала въ густыхъ кустахъ орѣшника и дикой жимолости, которые сплелись надъ ней сплошнымъ темнымъ сводомъ. Подъ ногами уже шелестѣли желтые, сухіе, скоробившіеся листья. Вдали сквозь густую сѣть чащи алѣла вечерняя заря.

Кусты окончились. Передъ глазами гостей неожиданно открылась окруженная лѣсомъ широкая площадка, утрамбованная и усыпанная мелкимъ пескомъ. На одномъ ея концѣ стоялъ восьмигранный павильонъ, весь разукрашенный флагами и зеленью, на другомъ — крытая эстрада для музыкантовъ. Едва только первыя пары показались изъ чащи, какъ военный оркестръ грянулъ съ эстрады веселый маршъ. Рѣзвые, красивые мѣдные звуки игриво понеслись по лѣсу, звонко отражаясь отъ деревьевъ и сливаясь гдѣ-то далеко въ другой оркестръ, который, казалось, то перегонялъ первый, то отставалъ отъ него. Въ восьмигранномъ павильонѣ вокругъ столовъ, разставленныхъ покоемъ и уже покрытыхъ новыми бѣлыми скатертями, суетилась прислуга, гремя посудой...

Какъ только музыканты кончили маршъ, всѣ приглашенные на пикникъ разразились дружными аплодисментами. Они были, въ самомъ дѣлѣ, изумлены, потому что не далѣе, какъ двѣ недѣли тому назадъ, эта площадка представляла собою косогоръ, усѣянный рѣдкими кустами...

Оркестръ заигралъ вальсъ.

Бобровъ видѣлъ, какъ Свѣжевскій, стоявшій рядомъ съ Ниной, тотчасъ же, безъ приглашенія, обхватилъ ея талію, и они понеслись, быстро вертясь, по площадкѣ.

Едва Нину оставилъ Свѣжевскій, какъ къ ней подбѣжалъ горный студентъ, за нимъ еще кто-то. Бобровъ танцовалъ плохо, да и не любилъ танцовать. Однако ему пришло въ голову пригласить Нину на кадриль. «Можетъ-быть, — думалъ онъ: — мнѣ удастся улучить минуту для объясненія». Онъ подошелъ къ ней, когда она, только-что сдѣлавъ два тура, сидѣла и торопливо обмахивала вѣеромъ пылавшее лицо.

— Надѣюсь, Нина Григорьевна, что вы оставили для меня одну кадриль?

— Ахъ, Боже мой... Такая досада! У меня всѣ кадрили разобраны,—отвѣтила она, не глядя на него.

— Неужели? Такъ скоро?—спросилъ глухимъ голосомъ Бобровъ.

— Ну да,—Нина нетерпѣливо и насмѣшливо приподняла плечи.—Зачѣмъ же вы опоздали? Я еще въ вагонѣ обѣщала всѣ кадрили...

— Вы, значитъ, совсѣмъ позабыли обо мнѣ!—сказалъ онъ печально.

Звукъ его голоса тронулъ Нину. Она нервно сложила и опять развернула вѣеръ, но не подняла глазъ.

— Вы сами виноваты. Почему вы не подошли?..

— Но вѣдь я только для того и пріѣхалъ на пикникъ, чтобы васъ видѣть... Неужели вы шутили со мной, Нина Григорьевна?

Она молчала, въ замѣшательствѣ теребя вѣеръ. Ее выручилъ подлетѣвшій къ ней молодой инженеръ. Она быстро встала и, даже не обернувшись на Боброва, положила свою тонкую руку, въ длинной бѣлой перчаткѣ, на плечо инженера. Андрей Ильичъ слѣдилъ за нею глазами... Сдѣлавъ туръ, она сѣла, — конечно, умышленно, подумалъ Андрей Ильичъ,—на другомъ концѣ площадки. Она почти боялась его или стыдилась передъ нимъ.

Прежняя, давно знакомая, тупая и равнодушная тоска овладѣла Бобровымъ. Всѣ лица стали казаться ему пошлыми, жалкими, почти комичными. Размѣренные звуки музыки непрерывными глухими ударами отзывались въ его головѣ, причиняя раздражающую боль. Но онъ еще не потерялъ надежды и старался утѣшить себя разными предположеніями: «Не сердится ли она за то, что я не прислалъ ей букета? Или, можетъ-быть, ей просто не хочется танцовать съ такимъ мѣшкомъ, какъ я?—догадался онъ.—Ну, что же, она, пожалуй, и права. Вѣдь для дѣвушекъ эти пустяки такъ много значатъ... Развѣ

не они составляютъ ихъ радости и огорченія, всю поэзію ихъ жизни?»

Когда стало смеркаться, вокругъ павильона зажгли длинныя цѣпи изъ разноцвѣтныхъ китайскихъ фонарей. Но этого оказалось мало: площадка оставалась почти не освѣщенною. Вдругъ съ обоихъ ея концовъ вспыхнули ослѣпительнымъ голубоватымъ свѣтомъ два электрическія солнца, до сихъ поръ тщательно замаскированныя зеленью деревьевъ. Березы и грабы, окружавшіе площадку, сразу выдвинулись впередъ. Ихъ неподвижныя кудрявыя вѣтви, ярко и фальшиво освѣщенныя, стали похожи на театральную декорацію перваго плана. За ними, окутанныя въ сѣро-зеленую мглу, слабо вырисовывались на совершенно черномъ небѣ круглыя и зубчатыя деревья чащи. Кузнечики въ степи, не заглушаемые музыкой, кричали такъ странно, громко и дружно, что казалось, будто кричитъ только одинъ кузнечикъ, но кричитъ отовсюду: и справа, и слѣва, и сверху.

Балъ длился, становясь все оживленнѣе и шумнѣе. Одинъ танецъ слѣдовалъ за другимъ. Оркестръ почти не отдыхалъ... Женщины, какъ отъ вина, опьянѣли отъ музыки и отъ сказочной обстановки вечера.

Ароматъ ихъ духовъ и разгоряченныхъ тѣлъ странно смѣшивался съ запахомъ степной полыни, увядающаго листа, лѣсной сырости и съ отдаленнымъ тонкимъ запахомъ скошенной отавы. Повсюду—то медленно, то быстро колыхались вѣера, точно крылья красивыхъ разноцвѣтныхъ птицъ, собирающихся летѣть... Громкій говоръ, смѣхъ, шарканье ногъ о песокъ площадки сплетались въ одинъ монотонный и веселый гулъ, который вдругъ съ особенной силой вырывался впередъ, когда музыка переставала играть.

Бобровъ все время неотступно слѣдилъ за Ниной. Раза два она чуть-чуть не задѣла его своимъ платьемъ. На

него даже пахнуло вѣтромъ, когда она пронеслась мимо. Танцуя, она красиво и какъ будто безпомощно изгибала лѣвую руку на плечѣ своего кавалера и такъ склоняла голову, какъ будто бы хотѣла къ этому плечу прислониться... Иногда мелькалъ край ея нижней, бѣлой кружевной юбки, развѣваемой быстрымъ движеніемъ, и маленькая ножка въ черномъ чулкѣ съ тонкой щиколоткой и крутымъ подъемомъ икры. Тогда Боброву становилось почему-то стыдно, и онъ чувствовалъ въ душѣ злобу на всѣхъ, кто могъ видѣть Нину въ эти моменты.

Началась мазурка. Было уже около девяти часовъ. Нина, танцовавшая со Свѣжевскимъ, воспользовалась тѣмъ временемъ, когда ея кавалеръ, дирижировавшій мазуркой, устраивалъ какую-то сложную фигуру, и побѣжала въ уборную, легко и быстро скользя ногами въ тактъ музыкѣ и придерживая обѣими руками распустившіеся волосы. Бобровъ, видѣвшій это съ другого конца площадки, тотчасъ же поспѣшилъ за нею слѣдомъ и сталъ у дверей... Здѣсь было почти темно; вся уборная—маленькая досчатая комнатка, пристроенная сзади павильона —находилась въ густой тѣни. Бобровъ рѣшился дождаться Нины и, во что бы то ни стало, заставить ее объясниться. Сердце его часто и больно билось, пальцы, которые онъ судорожно стискивалъ, сдѣлались влажными и холодными.

Черезъ пять минутъ Нина вышла. Бобровъ выдвинулся изъ тѣни и преградилъ ей дорогу. Нина слабо вскрикнула и отшатнулась.

— Нина Григорьевна, за что вы меня такъ мучите?— сказалъ Андрей Ильичъ, незамѣтно для себя складывая руки умоляющимъ жестомъ.—Развѣ вы не видите, какъ мнѣ больно. О! Вы забавляетесь моимъ горемъ... Вы смѣетесь надо мной...

— Я не понимаю, что вамъ нужно. Я и не думала

смѣяться надъ вами,—отвѣтила Нина упрямо и заносчиво.

Въ ней проснулся духъ ея семейства.

— Нѣтъ?—уныло спросилъ Бобровъ.—Что же значитъ ваше сегодняшнее обращеніе со мной?

— Какое обращеніе?

— Вы холодны со мной, почти враждебны. Вы отворачиваетесь отъ меня... Вамъ даже самое присутствіе мое на вечерѣ непріятно...

— Мнѣ рѣшительно все равно...

— Это еще хуже... Я чувствую въ васъ какую-то непостижимую для меня и ужасную перемѣну... Ну, будьте же откровенны, Нина, будьте такой правдивой, какой я васъ еще сегодня считалъ... Какъ бы ни была страшна истина, скажите ее. Лучше ужъ для васъ и для меня сразу кончить...

— Что кончить? Я не понимаю васъ...

Бобровъ сжалъ руками виски, въ которые лихорадочно билась кровь.

— Нѣтъ, вы понимаете. Не притворяйтесь. Намъ есть что кончить. У насъ были нѣжныя слова, почти граничившія съ признаніемъ, у насъ были прекрасныя минуты, соткавшія между нами какія-то нѣжныя, тонкія узы... Я знаю,—вы хотите сказать, что я заблуждаюсь... Можетъ-быть, можетъ-быть... Но развѣ не вы велѣли мнѣ пріѣхать на пикникъ, чтобы имѣть возможность поговорить безъ постороннихъ?

Нинѣ вдругъ стало жаль его.

— Да... Я просила васъ пріѣхать....—произнесла она, низко опустивъ голову.—Я хотѣла вамъ сказать... Я хотѣла... что намъ надо проститься навсегда.

Бобровъ покачнулся, точно его толкнули въ грудь. Даже въ темнотѣ было замѣтно, какъ его лицо поблѣднѣло.

— Проститься...—проговорилъ онъ, задыхаясь.—Нина Григорьевна!.. Слово прощальное — тяжелое, горькое слово... Не говорите его...

— Я его должна сказать.

— Должны?

— Да, должна. Это не моя воля.

— Чья же?

Кто-то подходилъ къ нимъ. Нина вглядѣлась въ темноту и прошептала:

— Вотъ чья.

Это была Анна Аѳанасьевна. Она подозрительно оглядѣла Боброва и Нину и взяла свою дочь за руку.

— Зачѣмъ ты, Нина, убѣжала отъ танцевъ?—сказала она тономъ выговора:—стала гдѣ-то въ темнотѣ и болтаешь... Хорошее, нечего сказать, занятіе... А я тебя ищи по всѣмъ закоулкамъ. Вы, сударь,—обратилась она вдругъ бранчиво и громко къ Боброву:—вы, сударь, если сами не умѣете или не любите танцовать, то хоть барышнямъ бы не мѣшали и не компрометировали бы ихъ бесѣдой tête-à-tête... въ темныхъ углахъ...

Она отошла и увлекла за собою Нину.

— О! Не безпокойтесь, сударыня: вашу барышню ничто не скомпрометируетъ!—закричалъ ей вдогонку Бобровъ и вдругъ расхохотался такимъ страннымъ, горькимъ смѣхомъ, что и мать и дочь невольно обернулись.

— Ну! Не говорила я тебѣ, что это дуракъ и нахалъ?—дернула Анна Аѳанасьевна Нину за руку.—Ему хоть въ глаза наплюй, а онъ хохочетъ... утѣшается... Сейчасъ будутъ дамы выбирать кавалеровъ,—прибавила она другимъ, болѣе спокойнымъ тономъ.—Ступай и пригласи Квашнина. Онъ только-что кончилъ играть. Видишь, стоитъ въ дверяхъ бесѣдки.

— Мама! Да куда же ему танцовать? Онъ и поворачивается-то насилу-насилу.

— А я тебѣ говорю: ступай. Онъ когда-то считался однимъ изъ лучшихъ танцоровъ въ Москвѣ... Во всякомъ случаѣ ему будетъ пріятно.

Точно въ далекомъ, сѣромъ колыхающемся туманѣ видѣлъ Бобровъ, какъ Нина быстро перебѣжала всю площадку и, улыбающаяся, кокетливая, легкая, остановилась передъ Квашнинымъ, граціозно и просительно наклонивъ на-бокъ голову. Василій Терентьевичъ слушалъ ее, слегка надъ ней нагнувшись; вдругъ онъ расхохотался, отчего вся его огромная фигура затряслась, и замоталъ отрицательно головою. Нина долго настаивала, потомъ вдругъ сдѣлала обиженное лицо и капризно повернулась, чтобы отойти. Но Квашнинъ, съ вовсе несвойственной ему живостью, догналъ ее и, пожавъ плечами съ такимъ видомъ, какъ будто бы хотѣлъ сказать: «Ну, ужъ ничего не подѣлаешь... надо баловать дѣтей...» протянулъ ей руку. Всѣ танцующіе остановились и съ любопытствомъ устремили глаза на новую пару. Зрѣлище Квашнина, танцующаго мазурку, обѣщало быть чрезвычайно комичнымъ.

Василій Терентьевичъ выждалъ тактъ и вдругъ, повернувшись къ своей дамѣ движеніемъ, исполненнымъ тяжелой, но своеобразно-величественной красоты, такъ самоувѣренно и ловко сдѣлалъ первое pas, что всѣ сразу въ немъ почуяли бывшаго отличнаго танцора. Глядя на Нину сверху внизъ, съ гордымъ, вызывающимъ и веселымъ поворотомъ головы, онъ сначала не танцовалъ, а шелъ подъ музыку эластичной, слегка покачивающейся походкой. И огромный ростъ и толщина, казалось, не только не мѣшали, но, наоборотъ, увеличивали въ эту минуту тяжеловѣсную грацію его фигуры. Дойдя до поворота, онъ остановился на одну секунду, стукнулъ вдругъ каблукомъ о каблукъ, быстро завертѣлъ Нину на мѣстѣ и плавно, съ улыбающимся снисходительно ли-

цомъ, пронесся по самой серединѣ площадки на толстыхъ, упругихъ ногахъ. Передъ тѣмъ мѣстомъ, откуда Квашнинъ взялъ Нину, онъ опять завертѣлъ свою даму въ быстромъ, красивомъ движеніи и, неожиданно посадивъ на стулъ, самъ остановился передъ ней съ низко опущенной головой.

Его тотчасъ же окружили со всѣхъ сторонъ дамы, упрашивая пройтись еще одинъ туръ. Но онъ, утомленный непривычнымъ движеніемъ, тяжело дышалъ и обмахивался платкомъ.

— Довольно, mesdames... пощадите старика...— говорилъ онъ, смѣясь и насилу переводя духъ.—Не въ мои годы пускаться въ плясъ. Пойдемте лучше ужинать...

Общество садилось за столы, гремя придвигаемыми стульями... Бобровъ продолжалъ стоять на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ его покинула Нина. Чувства униженія, обиды и безнадежной, отчаянной тоски поперемѣнно терзали его. Слезъ не было, но что-то жгучее щипало глаза, и въ горлѣ стоялъ сухой и колючій клубокъ... Музыка продолжала болѣзненно и однообразно отзываться въ его головѣ.

— Батюшка мой! А я-то васъ ищу-ищу и никакъ не найду. Что это, вы куда запропастились?— услышалъ Андрей Ильичъ рядомъ съ собой веселый голосъ доктора.—Какъ только пріѣхалъ, меня сейчасъ же за винтъ усадили, насилу вырвался... Идемъ ужинать. Я нарочно два мѣста захватилъ, чтобы вмѣстѣ...

— Ахъ, докторъ! Идите одинъ. Я не пойду, не хочется,—черезъ силу отозвался Бобровъ.

— Не пойдете? Вотъ такъ исторія!—Докторъ пристально поглядѣлъ въ лицо Боброву.—Да что съ вами, голубушка? Вы совсѣмъ раскисли,—заговорилъ онъ серьезно и съ участіемъ.—Ну, ужъ какъ хотите, а я васъ не оставлю одного. Идемъ, идемъ, безъ всякихъ разговоровъ.

— Тяжело мнѣ, докторъ. Гадко мнѣ,—отвѣтилъ тихо Бобровъ, машинально однако слѣдуя за увлекавшимъ его Гольдбергомъ.

— Пустяки, пустяки, идемъ! Будьте мужчиной, плюньте... «Или есть недугъ сердечный? Иль на совѣсти гроза?»—неожиданно продекламировалъ Гольдбергъ, нѣжно и крѣпко обвивая рукой талію Боброва и ласково заглядывая ему въ лицо.—Я вамъ сейчасъ пропишу универсальное средство: «Выпьемъ, что ли, Ваня, съ холода да съ горя?».. Мы, по правдѣ сказать, съ этимъ Андреа уже порядочно наконьячились... Ахъ, и пьетъ же, курицынъ сынъ! Точно въ пустую бочку льетъ... Ну, будьте мужчиной, милочка... Знаете ли, Андреа вами очень интересуется. Идемъ, идемъ!..

Говоря такимъ образомъ, докторъ тащилъ Боброва въ павильонъ. Они усѣлись рядомъ. Сосѣдомъ Андрея Ильича, съ другой стороны, оказался Андреа.

Андреа, еще издали улыбавшійся Боброву, потѣснился, чтобы дать ему мѣсто, и ласково погладилъ его по спинѣ.

— Очень радъ, очень радъ, садитесь къ намъ поближе, — сказалъ онъ дружелюбно. — Симпатичный человѣкъ... люблю такихъ... хорошій человѣкъ... Коньякъ пьете?

Андреа былъ пьянъ. Его стеклянные глаза странно оживились и блестѣли на поблѣднѣвшемъ лицѣ (только полгода спустя стало извѣстно, что этотъ безупречно-сдержанный, трудолюбивый, талантливый человѣкъ каждый вечеръ напивался въ совершенномъ одиночествѣ до потери сознанія)...

«А и въ самомъ дѣлѣ, можетъ-быть, станетъ легче, если выпить,—подумалъ Бобровъ:—надо попробовать, чортъ возьми!»

Андреа дожидался съ наклоненной бутылкой въ рукѣ. Бобровъ подставилъ стаканъ.

— Та-акъ?—протянулъ Андреа, высоко подымая брови.

— Такъ,—отвѣтилъ Бобровъ съ печальной и кроткой улыбкой.

— Ладно! До которыхъ поръ?

— Стаканъ самъ скажетъ.

— Прекрасно. Можно подумать, что вы служили въ шведскомъ флотѣ. Довольно?

— Лейте, лейте.

— Другъ мой, но вы, вѣроятно, выпустили изъ виду, что это Martel подъ маркой V. S. O. P. — настоящій, строгій, старый коньякъ.

— Лейте, не безпокойтесь...

И Бобровъ подумалъ съ злорадствомъ:

«Ну что жъ, и буду пьянъ, какъ сапожникъ. Пусть полюбуется...»

Стаканъ былъ полонъ. Андреа поставилъ бутылку на столъ и сталъ съ любопытствомъ наблюдать за своимъ сосѣдомъ. Бобровъ залпомъ выпилъ вино и весь содрогнулся отъ непривычки.

— Дитя мое, у васъ червякъ?—спросилъ Андреа, серьезно поглядѣвъ въ глаза Боброва.

— Да, червякъ,—уныло покачалъ головою Андрей Ильичъ.

— Въ сердцѣ?

— Да.

— Гм!.. Значитъ, вы хотите еще?

— Лейте,—сказалъ Бобровъ покорно и печально.

Онъ съ жадностью и съ отвращеніемъ пилъ коньякъ, стараясь забыться. Но странно,—вино не оказывало на него никакого дѣйствія. Наоборотъ, ему становилось еще тоскливѣе, и слезы еще больше жгли глаза.

Между тѣмъ лакеи разнесли шампанское, Квашнинъ всталъ со стула, держа двумя пальцами свой бокалъ и разглядывая черезъ него огонь высокаго канделябра. Всѣ

затихли. Слышно было только, какъ шипѣлъ уголь въ электрическихъ фонаряхъ и звонко стрекоталъ неугомонный кузнечикъ.

Квашнинъ откашлялся.

— Милостивыя государыни и милостивые государи!— началъ онъ и сдѣлалъ внушительную паузу. — Я думаю, никто изъ васъ не усомнится въ томъ искреннемъ чувствѣ признательности, съ которымъ я подымаю этотъ бокалъ! Я никогда не забуду сдѣланнаго мнѣ въ Иванковѣ радушнаго пріема, и сегодняшній маленькій пикникъ, благодаря очаровательной любезности посѣтившихъ его дамъ, останется для меня навсегда пріятнѣйшимъ воспоминаніемъ. Пью за ваше здоровье, mesdames!

Онъ поднялъ кверху свой бокалъ, сдѣлалъ имъ въ воздухѣ широкій полукругъ, отпилъ изъ него немного и продолжалъ:

— Къ вамъ, мои ближайшіе сотрудники и товарищи, обращаю слово. Не осудите, если оно будетъ носить характеръ поученія: по лѣтамъ я старикъ, сравнительно съ большинствомъ присутствующихъ, а на старика за поученіе можно и не обижаться.

Андреа нагнулся къ уху Боброва и прошепталъ:

— Посмотрите, какія рожи дѣлаетъ этотъ каналья Свѣжевскій.

Свѣжевскій дѣйствительно выражалъ своимъ лицомъ самое подобострастное и преувеличенное вниманіе. Когда Василій Терентьевичъ упомянулъ о своей старости, онъ и головой и руками началъ дѣлать протестующіе жесты.

— Я все-таки повторю старое, избитое выраженіе газетныхъ передовыхъ статей,—продолжалъ Квашнинъ.— Держите высоко наше знамя. Не забывайте, что мы соль земли, что намъ принадлежитъ будущее... Не мы ли опутали весь земной шаръ сѣтью желѣзныхъ дорогъ? Не мы ли разверзаемъ нѣдра земли и превращаемъ ея сокро-

вища въ пушки, мосты, паровозы, рельсы и колоссальныя машины? Не мы ли, исполняя силой нашего генія почти невѣроятныя предпріятія, приводимъ въ движеніе тысячемилліонные капиталы?.. Знайте, господа, что премудрая природа тратитъ свои творческія силы на созданіе цѣлой націи только для того, чтобы изъ нея вылѣпить два или три десятка избранниковъ. Имѣйте же смѣлость и силу быть этими избранниками, господа! Ура!

— Ура! Ура!—закричали гости, и громче всѣхъ выдѣлился голосъ Свѣжевскаго.

Всѣ встали со своихъ мѣстъ и пошли чокаться съ Василіемъ Терентьевичемъ.

— Гнусная рѣчь,—сказалъ докторъ вполголоса.

Послѣ Квашнина поднялся Шелковниковъ и закричалъ:

— Господа! За здоровье нашего уважаемаго патрона, нашего дорогого учителя и въ настоящее время нашего амфитріона: за здоровье Василія Терентьевича Квашнина! Ура!

— Ура-а!—подхватили единодушно всѣ гости и опять пошли чокаться съ Квашнинымъ.

Потомъ началась какая-то оргія краснорѣчія. Произносили тосты и за успѣхъ предпріятія, и за отсутствующихъ акціонеровъ, и за дамъ, участвующихъ на пикникѣ, и за всѣхъ дамъ вообще. Нѣкоторые тосты были двусмысленны и игриво-неприличны.

Шампанское, истребляемое дюжинами, оказывало свое дѣйствіе: сплошной гулъ стоялъ въ павильонѣ, и произносившему тостъ приходилось каждый разъ прежде, чѣмъ начать говорить, долго и тщетно стучать ножомъ по стакану. Въ сторонѣ, на отдѣльномъ маленькомъ столикѣ, красавецъ Миллеръ приготовлялъ въ большой серебряной чашѣ жженку... Вдругъ опять поднялся Квашнинъ, на лицѣ его играла добродушно-лукавая улыбка.

— Мнѣ очень пріятно, господа, что нашъ праздникъ

какъ разъ совпалъ съ однимъ торжествомъ семейнаго характера,—сказалъ онъ съ обворожительной любезностью.—Поздравимте отъ всей души и пожелаемъ счастья нареченнымъ жениху и невѣстѣ: за здоровье Нины Григорьевны Зиненко и...—онъ замялся, потому что позабылъ имя и отчество Свѣжевскаго...—и нашего товарища, господина Свѣжевскаго...

Крики, встрѣтившіе слова Квашнина, были тѣмъ громче, что сообщаемая имъ новость оказалась совсѣмъ неожиданной. Андреа, услышавшій рядомъ съ собою восклицаніе, болѣе похожее на мучительный стонъ, обернулся и увидѣлъ, что блѣдное лицо Боброва искривлено внутреннимъ страданіемъ.

— Коллега, вы еще не все знаете,—шепнулъ Андреа.—Послушайте-ка, я сейчасъ скажу пару теплыхъ словъ.

Онъ увѣренно поднялся, уронивъ при этомъ свой стулъ и расплескавъ половину бокала, и воскликнулъ:

— Милостивые государи! Нашъ многоуважаемый хозяинъ, изъ весьма понятной, великодушной скромности, не докончилъ своего тоста... Мы должны поздравить нашего дорогого товарища, Станислава Ксаверьевича Свѣжевскаго, съ новымъ назначеніемъ: съ будущаго мѣсяца онъ займетъ отвѣтственный постъ управляющаго дѣлами правленія общества... Это назначеніе будетъ, такъ сказать, свадебнымъ подаркомъ для молодыхъ отъ глубокоуважаемаго Василія Терентьевича... Я вижу на лицѣ нашего высокочтимаго патрона неудовольствіе... Вѣроятно, я нечаянно выдалъ приготовленный имъ сюрпризъ и потому прошу прощенія. Но, движимый чувствомъ дружбы и уваженія, я не могу не пожелать, чтобы нашъ дорогой товарищъ, Станиславъ Ксаверьевичъ Свѣжевскій, и на новомъ своемъ поприщѣ въ Петербургѣ оставался такимъ же дѣятельнымъ работникомъ и такимъ же любимымъ товарищемъ, какъ и здѣсь... Но я знаю, господа,

никто изъ насъ не позавидуетъ Станиславу Ксаверьевичу (онъ остановился и съ ѣдкой насмѣшкой посмотрѣлъ на Свѣжевскаго)... потому что всѣ мы такъ дружно желаемъ ему всего хорошаго, что...

Рѣчь его была внезапно прервана громкимъ лошадинымъ топотомъ. Изъ чащи точно вынырнулъ верхомъ на взмыленной лошади какой-то человѣкъ безъ шапки, съ лицомъ, на которомъ застыло, перекосивъ его, выраженіе ужаса. Это былъ десятникъ, служившій у подрядчика Дехтерева. Бросивъ на срединѣ площадки лошадь, дрожавшую отъ усталости, онъ подбѣжалъ къ Василію Терентьевичу и, фамильярно нагнувшись къ его уху, сталъ что-то шептать... Въ павильонѣ сдѣлалось вдругъ страшно тихо, и, какъ раньше, слышно было только шипѣніе угля и назойливый крикъ кузнечика.

Красное отъ вина лицо Квашнина поблѣднѣло. Онъ нервно поставилъ на столъ бокалъ, который держалъ въ рукѣ, и вино изъ бокала расплескалось по скатерти.

— А бельгійцы?—спросилъ онъ отрывисто и хрипло.

Десятникъ отрицательно замоталъ головой и опять зашепталъ что-то подъ самымъ ухомъ Квашнина.

— А, чортъ!—воскликнулъ вдругъ Квашнинъ, вставая съ мѣста и комкая въ рукахъ салфетку.—Надо же было... Подожди, ты сейчасъ же отвезешь на станцію телеграмму къ губернатору. Господа,—громко и взволнованно обратился онъ къ присутствующимъ: — на заводѣ — безпорядки... Надо принимать мѣры, и... и, кажется, намъ лучше всего будетъ немедленно уѣхать отсюда...

— Такъ я и зналъ,—презрительно, со спокойной злобой сказалъ Андреа.

И въ то время, когда всѣ засуетились, онъ медленно досталъ новую сигару, нащупалъ въ карманѣ спички и налилъ себѣ въ стаканъ коньяку.

XI.

Началась безтолковая, нелѣпая сумятица. Всѣ поднялись съ мѣстъ и забѣгали по павильону, толкаясь, крича и спотыкаясь объ опрокинутые стулья. Дамы торопливо надѣвали дрожащими руками шляпки. Кто-то распорядился вдобавокъ погасить электрическіе фонари, и это еще больше усилило общее смятеніе... Въ темнотѣ послышались истерическіе женскіе крики.

Было около пяти часовъ. Солнце еще не всходило, но небо замѣтно посвѣтлѣло, предвѣщая своимъ сѣрымъ, однообразнымъ тономъ начало ненастнаго дня. Блѣдный, тусклый, однообразный полусвѣтъ занимающагося утра, такъ быстро и неожиданно смѣнившій яркое сіяніе электричества, придавалъ картинѣ общаго смятенія страшный, удручающій, почти фантастическій характеръ. Человѣческія фигуры казались привидѣніями изъ какой-то фантастической бредовой сказки. Измятыя безсонной ночью, взволнованныя лица были страшны. Обѣденный столъ, залитый виномъ и безпорядочно загроможденный посудой, напоминалъ о какомъ-то чудовищномъ, внезапно прерванномъ пиршествѣ.

Около экипажей суматоха была еще безобразнѣе: испуганныя лошади храпѣли, взвивались на дыбы и не давались зануздывать; колеса сцѣплялись съ колесами, и слышался трескъ ломающихся осей; инженеры выкрикивали по именамъ своихъ кучеровъ, озлобленно ругавшихся между собою. Въ общемъ получалось впечатлѣніе того оглушительнаго хаоса, который бываетъ только на большихъ ночныхъ пожарахъ. Кого-то переѣхали, или, можетъ-быть, раздавили. Былъ слышенъ вопль.

Бобровъ никакъ не могъ отыскать Митрофана. Раза два или три ему послышалось, будто его кучеръ отзы-

вается на крикъ откуда-то изъ самой середины перепутавшихся экипажей. Но проникнуть туда не было никакой возможности, потому что давка становилась съ каждой минутой все сильнѣе и сильнѣе.

Вдругъ въ темнотѣ вспыхнулъ высоко надъ толпой краснымъ пламенемъ огромный керосиновый факелъ. Послышались крики: «Съ дороги! Съ дороги! Посторонитесь, господа! Съ дороги!» Стремительная человѣческая волна, гонимая сильнымъ напоромъ, подхватила Андрея Ильича, понесла его за собой, чуть не сбросивъ съ ногъ, и плотно прижала между задкомъ одной пролетки и дышломъ другой. Отсюда Бобровъ увидѣлъ, какъ между экипажами быстро образовалась широкая дорога, и какъ по этой дорогѣ проѣхалъ на своей тройкѣ сѣрыхъ лошадей Квашнинъ. Факелъ, колебавшійся надъ коляской, обливалъ массивную фигуру Василія Терентьевича зловѣщимъ, точно кровавымъ, дрожащимъ свѣтомъ.

Вокругъ его коляски выла отъ боли, страха и озлобленія стиснутая со всѣхъ сторонъ обезумѣвшая толпа... У Боброва что-то стукнуло въ вискахъ. На мгновеніе ему показалось, что это ѣдетъ вовсе не Квашнинъ, а какое-то окровавленное, уродливое и грозное божество, въ родѣ тѣхъ идоловъ восточныхъ культовъ, подъ колесницы которыхъ бросаются во время религіозныхъ шествій опьянѣвшіе отъ экстаза фанатики. И онъ задрожалъ отъ безсильнаго бѣшенства.

Когда проѣхалъ Квашнинъ, сразу стало немного свободнѣе, и Бобровъ, обернувшись назадъ, увидѣлъ, что дышло, давившее ему спину, принадлежало его же собственной пролеткѣ. Митрофанъ стоялъ около колесъ и зажигалъ факелъ.

— Скорѣй на заводъ, Митрофанъ,—крикнулъ Андрей Ильичъ, садясь.—Чтобъ черезъ десять минутъ поспѣть, слышишь!

— Слушаю-съ,—отвѣтилъ мрачно Митрофанъ.

Онъ обошелъ пролетку кругомъ, чтобы влѣзть на козлы, какъ подобаетъ всякому хорошему кучеру, справа, разобралъ вожжи и прибавилъ, полуобернувшись назадъ:

— Только ежели лошадей зарѣжемъ, вы тогда, баринъ, не серчайте.

— Ахъ, все равно...

Осторожно, съ громаднымъ трудомъ выбравшись изъ этой массы сбившихся въ кучу лошадей и экипажей и выѣхавъ на узкую лѣсную дорогу, Митрофанъ пустилъ вожжи. Застоявшіяся, возбужденныя лошади подхватили, и началась сумасшедшая скачка. Пролетка подпрыгивала на длинныхъ, протянувшихся поперекъ дороги корняхъ, раскатывалась на ухабахъ и сильно накренялась то на лѣвый, то на правый бокъ, заставляя и кучера и сѣдока балансировать.

Красное пламя факела металось во всѣ стороны съ бурнымъ ропотомъ. Вмѣстѣ съ нимъ метались вокругъ пролетки длинныя, причудливыя тѣни деревьевъ... Казалось, что тѣсная толпа высокихъ, тонкихъ и расплывчатыхъ призраковъ неслась рядомъ съ пролеткой въ какой-то нелѣпой пляскѣ. Призраки то перегоняли лошадей, вырастая до исполинскихъ размѣровъ, то вдругъ падали на землю и, быстро уменьшаясь, исчезали за спиной Боброва, то забѣгали на нѣсколько секундъ въ чащу и опять внезапно появлялись около самой пролетки, то сдвигались тѣсными рядами и покачивались и вздрагивали, точно перешептываясь о чемъ-то между собою... Нѣсколько разъ вѣтви частаго кустарника, окаймлявшаго дорогу, хлестали Митрофана и Боброва по лицамъ, будто чьи-то цѣпкія, тонкія, протянутыя впередъ руки.

Лѣсъ кончился. Лошади зашлепали ногами по какой-то лужѣ, въ которой запрыгало и зарябилось багровое блестящее пламя факела, и вдругъ дружнымъ галопомъ вы-

везли на крутой пригорокъ. Впереди разстилалось черное, однообразное поле.

— Да погоняй же, Митрофанъ, мы съ тобой никогда не доѣдемъ!—крикнулъ Бобровъ нетерпѣливо, хотя пролетка и безъ того неслась такъ, что дыханіе захватывало. Митрофанъ проворчалъ что-то недовольнымъ басомъ и ударилъ кнутомъ Фарватера, скакавшаго, изогнувшись кольцомъ, на пристяжкѣ. Кучеръ недоумѣвалъ, что̀ сдѣлалось съ его барином̀ъ, всегда любившимъ и жалѣвшимъ своихъ лошадей.

На горизонтѣ огромное зарево отражалось неровнымъ трепетаніемъ въ ползущихъ по небу тучахъ. Бобровъ глядѣлъ на вспыхивающее небо, и торжествующее, нехорошее злорадство шевелилось въ немъ. Дерзкій, жестокій тостъ Андреа сразу открылъ ему глаза на все: и на холодную сдержанность Нины въ продолженіе нынѣшняго вечера, и на негодованіе ея мамаши во время мазурки, и на близость Свѣжевскаго къ Василію Терентьевичу, и на всѣ слухи и сплетни, ходившіе по заводу объ ухаживаніи самого Квашнина за Ниной... «Такъ и надо ему, такъ и надо, рыжему чудовищу,—шепталъ Бобровъ, ощущая такой приливъ злобы и такое глубокое сознаніе своего униженія, что даже во рту у него пересохло.— О, если бы мнѣ теперь встрѣтиться съ нимъ лицомъ къ лицу, я бы надолго смутилъ самодовольный покой этого покупателя свѣжаго мяса, этого грязнаго, жирнаго мѣшка, биткомъ набитаго золотомъ. Я бы оставилъ хорошую печать на его мѣдномъ лбу!..»

Чрезмѣрное количество выпитаго сегодня вина не опьянило Андрея Ильича, но дѣйствіе его выразилось въ необычайномъ подъемѣ энергіи, въ нетерпѣливой и болѣзненной жаждѣ движенія... Сильный ознобъ потрясалъ его тѣло, зубы такъ сильно стучали, что приходилось крѣпко стискивать челюсти, мысль работала быстро, ярко и без-

порядочно, какъ въ горячкѣ. Андрей Ильичъ, незамѣтно для самого себя, то разговаривалъ вслухъ, то стоналъ, то громко и отрывисто смѣялся, между тѣмъ какъ пальцы его сами собой крѣпко сжимались въ кулаки.

— Баринъ, да вы никакъ больны? Намъ бы домой ѣхать,—сказалъ несмѣло Митрофанъ.

Эти слова вдругъ привели Боброва въ неистовство, и онъ закричалъ хрипло:

— Не разговаривай, дуракъ!.. Гони!..

Скоро съ горы сталъ виденъ и весь заводъ, окутанный молочно-розовымъ дымомъ. Сзади, точно исполинскій костеръ, горѣлъ лѣсной складъ. На яркомъ фонѣ огня суетливо копошилось множество маленькихъ черныхъ человѣческихъ фигуръ. Еще издали было слышно, какъ трещало въ пламени сухое дерево. Круглыя башни каупероръ и доменныхъ печей то рѣзко и отчетливо выдвигались изъ мрака, то опять совершенно тонули въ немъ. Красное зарево пожара яркимъ и грознымъ блескомъ отражалось въ бурой водѣ большого четырехугольнаго пруда. Высокая плотина этого пруда вся сплошь, безъ просвѣтовъ, была покрыта огромной черной толпой, которая медленно подвигалась впередъ и, казалось, кипѣла. И необычайный—смутный и зловѣщій—гулъ, похожій на ревъ отдаленнаго моря, доносился отъ этой страшной, густой, сжатой на узкомъ пространствѣ человѣческой массы.

— Куда тебя несетъ, дьяволъ! Не видишь развѣ, что ѣдешь на людей, сволочь!—услыхалъ Бобровъ впереди грубый окрикъ, и на дорогѣ, точно вынырнувъ изъ-подъ лошадей, показался рослый, бородатый мужикъ, безъ шапки, съ головой, сплошь забинтованной бѣлыми тряпками.

— Погоняй, Митрофанъ!—крикнулъ Бобровъ.

— Баринъ! Подожгли,—услышалъ онъ дрожащій голосъ Митрофана.

Но тотчасъ же онъ услышалъ свистъ брошеннаго сзади камня и почувствовалъ острую боль удара немного выше праваго виска. На рукѣ, которую онъ поднесъ къ ушибленному мѣсту, оказалась теплая, липкая кровь.

Пролетка опять понеслась съ прежней быстротой. Зарево становилось все сильнѣе. Длинныя тѣни отъ лошадей перебѣгали съ одной стороны дороги на другую. Временами Боброву начинало казаться, что онъ мчится по какому-то крутому косогору и вотъ-вотъ, вмѣстѣ съ экипажемъ и лошадьми, полетитъ съ отвѣсной кручи въ глубокую пропасть. Онъ совершенно потерялъ способность опознаваться и никакъ не могъ узнать мѣста, по которому проѣзжалъ. Вдругъ лошади стали.

— Ну, чего же ты остановился, Митрофанъ?—раздражительно закричалъ Бобровъ.

— А куда жъ я поѣду, коли впереди люди?—отозвался Митрофанъ, съ угрюмымъ озлобленіемъ въ голосѣ.

Бобровъ, какъ ни всматривался въ сѣрый предутренній полумракъ, ничего не видѣлъ, кромѣ какой-то черной неровной стѣны, надъ которою пламенѣло небо.

— Какихъ ты тамъ еще людей видишь, чортъ возьми!—выругался онъ, слѣзая съ пролетки и обходя лошадей, покрытыхъ бѣлыми комьями пѣны.

Но едва онъ отошелъ пять шаговъ отъ лошадей, какъ убѣдился, что то, что онъ принималъ за черную стѣну, была большая, тѣсная толпа рабочихъ, запружавшая дорогу и медленно, въ молчаніи подвигавшаяся впередъ. Пройдя машинально вслѣдъ за рабочими шаговъ пятьдесятъ, Андрей Ильичъ повернулъ назадъ, чтобы найти Митрофана и объѣхать заводъ съ другой стороны. Но ни Митрофана ни лошадей на дорогѣ не было. Митрофанъ ли поѣхалъ въ другую сторону отыскивать барина, или самъ Бобровъ заблудился—понять этого Андрей Ильичъ не могъ. Онъ сталъ кричать кучера—никто ему

не откликался. Тогда Бобровъ рѣшилъ догнать только-что оставленныхъ рабочихъ и съ этой цѣлью опять повернулся и побѣжалъ, какъ ему казалось, въ прежнюю сторону. Но, странно, рабочіе точно провалились сквозь землю, и вмѣсто нихъ. Бобровъ уперся съ разбѣгу въ невысокій деревянный заборъ.

Забору этому не было конца ни вправо ни влѣво. Бобровъ перелѣзъ черезъ него и сталъ взбираться по какому-то длинному, крутому откосу, поросшему частымъ бурьяномъ. Холодный потъ струился по его лицу, языкъ во рту сдѣлался сухъ и неподвиженъ, какъ кусокъ дерева; въ груди при каждомъ вздохѣ ощущалась острая боль; кровь сильными, частыми ударами била въ темя; ушибленный високъ нестерпимо ныл...

Ему казалось, что подъемъ безконеченъ, и тупое отчаяніе овладѣвало его душой. Но онъ продолжалъ карабкаться наверхъ, ежеминутно падая, ссаживая колѣни и хватаясь руками за колючіе кусты. Временами ему представлялось, что онъ спитъ и видитъ одинъ изъ своихъ лихорадочныхъ, болѣзненныхъ сновъ. И паническій переполохъ послѣ пикника, и долгое блужданіе по дорогѣ, и безконечное карабканье по насыпи—все было такъ же тяжело, нелѣпо, неожиданно и ужасно, какъ эти кошмары.

Наконецъ откосъ кончился, и Бобровъ сразу узналъ желѣзнодорожную насыпь. Съ этого мѣста фотографъ снималъ наканунѣ, во время молебна, группу инженеровъ и рабочихъ. Совершенно обезсиленный, онъ сѣлъ на шпалу, и въ ту же минуту съ нимъ произошло что-то странное: ноги его вдругъ болѣзненно ослабли, въ груди и въ брюшной полости появилось тягучее, щемящее, отвратительное раздраженіе, лобъ и щеки сразу похолодѣли. Потомъ все повернулось передъ его глазами и вихремъ понеслось мимо, куда-то въ безпредѣльную глубину.

Андрей Ильичъ очнулся отъ обморока по крайней мѣрѣ черезъ полчаса. Внизу, у подножія насыпи, тамъ, гдѣ обыкновенно съ несмолкаемымъ грохотомъ день и ночь работалъ исполинскій заводъ, была необычная, жуткая тишина. Бобровъ съ трудомъ поднялся на ноги и пошелъ по направленію къ доменнымъ печамъ. Голова его была такъ тяжела, что съ трудомъ держалась на плечахъ, больной високъ при каждомъ движеніи причинялъ невыносимую боль. Ощупывая рану, онъ опять почувствовалъ пальцами липкое и теплое прикосновеніе крови. Кровь была также у него во рту и на губахъ: онъ слышалъ ея соленый, металлическій вкусъ. Сознаніе еще не вполнѣ вернулось къ нему, и усиліе вспомнить и уяснить прошедшее причиняло ему сильную головную боль. Острая тоска и отчаянная, безпредметная злоба переполняли его душу...

Утро замѣтно уже близилось. Все было сѣро, холодно и мокро: и земля, и небо, и тощая желтая трава, и безформенныя кучи камня, сваленнаго по сторонамъ дороги. Бобровъ безцѣльно бродилъ между опустѣвшихъ заводскихъ зданій и, какъ это случается иногда при особенно сильныхъ душевныхъ потрясеніяхъ, говорилъ самъ съ собою вслухъ. Ему хотѣлось удержать, привести въ порядокъ разбѣгавшіяся мысли.

— Ну, скажи же, скажи, что̀ мнѣ дѣлать? Скажи, ради Бога,—страстно шепталъ онъ, обращаясь къ кому-то другому, п о с т о р о н н е м у, какъ будто сидѣвшему внутри его.—Ахъ, какъ мнѣ тяжело! Ахъ, какъ мнѣ больно!.. Невыносимо больно!.. Мнѣ кажется, я убью себя... Я не выдержу этой муки...

А другой, п о с т о р о н н і й, возражалъ изъ глубины его души, также в с л у х ъ, но насмѣшливо-грубо:

— Нѣтъ, ты не убьешь себя. Зачѣмъ передъ собой притворяться?.. Ты слишкомъ любишь ощущеніе жизни

для того, чтобы убить себя. Ты слишкомъ немощенъ духомъ для этого. Ты слишкомъ боишься физической боли. Ты слишкомъ много размышляешь.

— Что же мнѣ дѣлать? Что же мнѣ дѣлать?—шепталъ опять Андрей Ильичъ, ломая руки.—Она такая нѣжная, такая чистая—моя Нина! Она была у меня одна во всемъ мірѣ. И вдругъ—о, какая гадость!—продать свою молодость, свое дѣвственное тѣло!..

— Не ломайся, не ломайся; къ чему эти пышныя слова старыхъ мелодрамъ, — иронически говорилъ другой.— Если ты такъ ненавидишь Квашнина, поди и убей его.

— И убью!—закричалъ Бобровъ, останавливаясь и бѣшено подымая кверху кулаки.—И убью! Пусть онъ не заражаетъ больше честныхъ людей своимъ мерзкимъ дыханіемъ. И убью!

Но другой замѣтилъ съ ядовитой насмѣшкой:

— И не убьешь... И отлично знаешь это. У тебя нѣтъ на это ни рѣшимости ни силы... Завтра же опять будешь благоразуменъ и слабъ...

Среди этого ужаснаго состоянія внутренняго раздвоенія наступали минутные проблески, когда Бобровъ съ недоумѣніемъ спрашивалъ себя: что съ нимъ, и какъ онъ попалъ сюда, и что ему надо дѣлать? А сдѣлать что-то нужно было непремѣнно, сдѣлать что-то большое и важное, но что именно,—Бобровъ забылъ и морщился отъ боли, стараясь вспомнить. Въ одинъ изъ такихъ свѣтлыхъ промежутковъ онъ увидѣлъ себя стоящимъ надъ кочегарной ямой. Ему тотчасъ же съ необычайной яркостью вспомнился недавній разговоръ съ докторомъ на этомъ самомъ мѣстѣ.

Внизу никого изъ кочегаровъ не было: всѣ они разбѣжались. Котлы давно успѣли охладѣть. Только въ двухъ крайнихъ топкахъ еще рдѣлъ еле-еле каменный уголь... Безумная мысль вдругъ, какъ молнія, мелькъ-

нула въ мозгу Андрея Ильича. Онъ быстро нагнулся, свѣсилъ ноги внизъ, потомъ повисъ на рукахъ и спрыгнулъ въ кочегарку.

Въ кучѣ угля была воткнута лопата. Бобровъ схватилъ ее и торопливыми движеніями принялся совать уголь въ оба топочныя отверстія. Черезъ двѣ минуты бѣлое бурное пламя уже гудѣло въ топкахъ, а въ котлѣ глухо забурлила вода. Бобровъ все бросалъ и бросалъ, лопату за лопатой, уголь; въ то же время онъ лукаво улыбался, кивалъ кому-то невидимому головой и издавалъ отрывистыя, безсмысленныя восклицанія. Болѣзненная, мстительная и страшная мысль, мелькнувшая еще тамъ, на дорогѣ, овладѣвала имъ все болѣе. Онъ смотрѣлъ на огромное тѣло котла, начинавшаго гудѣть и освѣщаться огненными отблесками, и оно казалось ему все болѣе живымъ и ненавистнымъ.

Никто не мѣшалъ. Вода быстро убавлялась въ водомѣрѣ. Клокотаніе котла и гудѣніе топокъ становилось все грознѣе и громче.

Но непривычная работа скоро утомила Боброва. Жилы въ вискахъ стали биться съ горячечной быстротой и напряженностью, кровь изъ раны потекла по щекѣ теплой струей. Безумная вспышка энергіи прошла, а внутренній, посторонній голосъ заговорилъ громко и насмѣшливо:

— Ну, что же, остается сдѣлать одно еще движеніе! Но ты его не сдѣлаешь... Basta... Вѣдь все это смѣшно, и завтра ты не посмѣешь даже признаться, что ночью хотѣлъ взрывать паровые котлы.

Солнце уже показалось на горизонтѣ, въ видѣ тусклаго большого пятна, когда Андрей Ильичъ пришелъ въ заводскую больницу.

Докторъ, только-что прервавшій на минуту перевязку

раненыхъ и изувѣченныхъ людей, умывалъ руки подъ мѣднымъ рукомойникомъ. Фельдшеръ стоялъ рядомъ и державъ полотенце. Увидѣвъ вошедшаго Боброва, докторъ попятился назадъ отъ изумленія.

— Что съ вами, Андрей Ильичъ, на васъ лица нѣтъ,— проговорилъ онъ съ испугомъ.

Дѣйствительно, видъ у Боброва былъ ужасный. Кровь запеклась черными сгустками на его блѣдномъ лицѣ, выпачканномъ во многихъ мѣстахъ угольною пылью. Мокрая одежда висѣла клочьями на рукавахъ и на колѣняхъ; волосы падали безпорядочными прядями на лобъ.

— Да говорите же, Андрей Ильичъ, ради Бога, что съ вами случилось?—повторилъ Гольдбергъ, наскоро вытирая руки и подходя къ Боброву.

— Ахъ, это все пустяки... — простоналъ Бобровъ. — Ради Бога, докторъ, дайте морфія... Скорѣе морфія, или я сойду съ ума!.. Я невыразимо страдаю!..

Гольдбергъ взялъ Андрея Ильича за руку, поспѣшно увелъ въ другую комнату и, плотно притворивъ дверь, сказалъ:

— Послушайте, я догадываюсь, что васъ терзаетъ... Повѣрьте, мнѣ васъ глубоко жаль, и я готовъ помочь вамъ... Но... голубушка моя,—въ голосѣ доктора послышались слезы:—милый мой Андрей Ильичъ... не можете ли вы перетерпѣть какъ-нибудь?.. Вы только вспомните, сколькихъ намъ трудовъ стоило побороть эту поганую привычку! Бѣда, если я вамъ теперь сдѣлаю инъекцію... вы уже больше никогда... понимаете, никогда не отстанете.

Бобровъ повалился на широкій клеенчатый диванъ лицомъ внизъ и пробормоталъ сквозь стиснутые зубы, весь дрожа отъ озноба:

— Все равно... мнѣ все равно, докторъ... Я не могу больше выносить.

Докторъ вздохнулъ, пожалъ плечами и вынулъ изъ аптечнаго шкапа футляръ съ правацовскимъ шприцемъ. Черезъ пять минутъ Бобровъ уже лежалъ на клеенчатомъ диванѣ въ глубокомъ снѣ. Сладкая улыбка играла на его блѣдномъ, исхудавшемъ за ночь лицѣ. Докторъ осторожно обмывалъ его голову.

КОНОКРАДЫ.

I.

Вечеромъ, въ серединѣ іюля, на берегу полѣсской рѣчонки Зульин лежали въ густомъ лозникѣ два человѣка: нищій изъ села Казимирки Онисимъ Козелъ и его внукъ, Василь, мальчишка лѣтъ 13-ти. Старикъ дремалъ, прикрывъ лицо отъ мухъ рваной бараньей шапкой, а Василь, подперевъ подбородокъ ладонями и сощуривъ глаза, разсѣянно смотрѣлъ на рѣку, на теплое, безоблачное небо, на дальній сосновый лѣсъ, рѣзко чернѣвшій среди пожара зари.

Тихая рѣка, неподвижная, какъ болото, вся была скрыта подъ сплошной твердой зеленью кувшинокъ, которыя томно выставляли наружу свои прелестные, бѣлые, непорочные вѣнчики. Лишь на той сторонѣ, у берега, оставалась чистая, гладкая, не застланная листьями полоса воды, и въ ней мальчикъ видѣлъ отраженные съ необыкновенной отчетливостью: и прибрежную осоку, и черный зубчатый лѣсъ, и горѣвшее за нимъ зарево. А на этомъ берегу, у самой рѣки, въ равномъ разстояніи другъ отъ друга стояли древнія, дуплистыя ветлы. Короткія, прямыя вѣтки топорщились у нихъ кверху, и сами онѣ — низкія, корявыя, толстыя — походили на приземистыхъ старцевъ, воздѣвшихъ къ небу тощія руки.

Тонкимъ, печальнымъ свистомъ перекликались кулички. Изрѣдка въ водѣ тяжело бултыхалась крупная рыба. Мошкара дрожала надъ водой прозрачнымъ, тонкимъ столбомъ.

Козелъ вдругъ приподнялъ голову съ земли и уставился на Василія оторопѣлымъ, безсмысленнымъ взглядомъ.

— Ты что сказалъ? — спросилъ онъ невнятно, хриплымъ голосомъ.

Мальчикъ ничего не отвѣтилъ. Онъ даже не обернулся на старика, а только медленно, съ упрямымъ, скучающимъ выраженіемъ опустилъ и поднялъ свои длинныя рѣсницы.

— Скоро придутъ, — продолжалъ старикъ, точно разговаривая самъ съ собой. — Треба, пока-что, покурить.

Онъ вяло перевалился на бокъ и сѣлъ на корточки, по-турецки. На обѣихъ рукахъ у него были отрублены всѣ пальцы, за исключеніемъ большого на лѣвой рукѣ, но этимъ единственнымъ пальцемъ онъ ловко и быстро набилъ трубку, придерживая ее культяпкой правой руки о колѣно, досталъ изъ шапки спички и закурилъ. Сладковатый, похожій сначала запахомъ на резеду, дымокъ махорки поплылъ синими струйками въ воздухѣ.

— Что же, ты самъ видѣлъ Бузыгу? — какъ будто нехотя спросилъ Василь, не отводя глазъ отъ зарѣчной дали.

Козелъ вынулъ трубку изо рта и, нагнувшись на сторону, звучно сплюнулъ.

— А какъ же? Извѣстно, самъ... Ухъ, отчаянный человѣга. Совсѣмъ, какъ я въ старые годы. Гуляетъ по цѣлому селу, пья-а-ный-распьяный... какъ ночь!.. Жидковъ-музыкантовъ нанялъ, тѣ попереди его зажариваютъ, а онъ себѣ никакихъ. Въ правой рукѣ платокъ, сапоги въ новыхъ, калошахъ, на жилеткѣ серебряная чѣпка.

Пришелъ до Грипы Ковалевой: «Гей, курва, горилки!» Въ стаканъ бросилъ серебрянаго рубля, горилку выпилъ, а деньги музыкантамъ кинулъ. Хлопцы за нимъ такъ чередой и ходятъ, такъ и ходятъ... Косятся, какъ тѣ собаки на волка, но а ни-ни! Ничего не могутъ, только зубами на него клямкаютъ.

— О? — воскликнулъ съ восторженнымъ недовѣріемъ мальчикъ.

— Обыкновенно... А ему что? О-го-го!.. Ему плевать на нихъ. Я твоихъ коней не кралъ? — значитъ, и ты до меня не цѣпляйся. Отъ, если бы я твои кони укралъ, да ты бы словилъ меня, — ну, тогда твой верхъ: имѣешь полное право бить. А то — нѣ-ѣтъ, шалишь... Это не проходитъ.

Мальчикъ молча глядѣлъ на рѣку. На ней уже начали покрикивать, сперва изрѣдка, точно лѣниво, звонкіе лягушечьи голоса. Вечерній туманъ дымился въ камышѣ и легкимъ, какъ кисея, паромъ вился надъ водой. Небо потемнѣло и позеленѣло, и на немъ яснѣе выступилъ незамѣтный до сихъ поръ полукругъ молодого мѣсяца.

— Козелъ, а правду говорятъ, что у Бузыги ребра двойныя? — спросилъ задумчиво Василь. — Что будто его никогда убить нельзя? Правда тому?

— Истинная правда. Какъ же иначе? У него всѣ ребра срослись, до самаго пупа. Такого, какъ Бузыга, хоть тѣмъ хочешь бей, а ужъ печенокъ ты ему, братъ, нѣ-ѣтъ... не отобьешь. Потому что у него печенки къ ребрамъ приросли. А у человѣка печенки—это первая штука. Если у человѣка отбиты печени, то тому человѣку больше не жить. Заслабнетъ, начнетъ харкать кровью: ни ѣсть ни пить не можетъ, а тамъ и дуба дастъ...

Мальчикъ пощупалъ свою грудь, тонкіе бока, впалый животъ и протяжно вздохнулъ.

— А то еще, вотъ, говорятъ, что двойная спина бываетъ... какъ у лошадей, — сказалъ онъ печально. — Правда это, Козелъ?

— Это тоже правда. Бываетъ.

— А у Бузыги?

— Что у Бузыги?

— У него тоже двойная спина?

— Ну, ужъ этого я не знаю. Не могу сказать.

— Я думаю, у него тоже двойная...

— Все можетъ быть, — покачалъ головой старикъ. — Все можетъ быть... Главное, Бузыга — онъ хитрый на голову. О-го-го! Это такой человѣкъ! Въ Шепелевкѣ онъ разъ попался... Хотя, скажемъ, и не попался, а выдалъ его одинъ хлопецъ. Изъ-за бабы у нихъ зашлось. Накрыли его съ конями въ полѣ... Было это вечеромъ. Ну, обыкновенно, привезли въ хату, зажгли огня и стали бить. Всю ночь били на-смерть, чѣмъ попало. Мужики, если бьютъ, такъ ужъ у нихъ, извѣстно, такой законъ, чтобы каждый билъ. Дѣтей, бабъ приводятъ, чтобы били. Чтобы, значитъ, потомъ всей громадѣ за разъ отвѣчать. Вотъ, бьютъ они его, бьютъ, — устанутъ, давай горилку возлѣ него пить, отдышутся трошки — опять бьютъ. А Митро Гундосый видитъ, что Бузыга ужъ ледве дыхаетъ, и говоритъ: «Почекайте, хлопцы, какъ бы злодій у насъ не кончился. Заждите, я ему воды дамъ». Но Бузыга — онъ хитрый — онъ знаетъ, что если человѣку послѣ такого боя дать воды напиться, то тутъ ему и смерть. Справился онъ какъ-то и проситъ: «православные христьяне, господа громада, какъ бы вы мнѣ поднесли одну пляшечку горилки, а тамъ хоть снова бейте. Чую я, что конецъ мой подходитъ, и мнѣ хочется передъ смертью въ опушный разъ попробовать вина». Тѣ засмѣялись, дали ему склянку. Потомъ уже больше не мучили — все равно, видятъ, человѣкъ и самъ помираетъ, — а отвезли

его въ Басовъ Кутъ и бросили, какъ то стерво. Думали, тамъ и кончится. Однако ничего: не поддался Левонтій, выдыхалъ... Черезъ два мѣсяца у Митра Гундосаго пара коней сгинула. Добрые были кони...

— О! Это Бузыга? — радостно вскрикнулъ мальчикъ.

— Кто бы ни былъ, не наше дѣло, — значительно и злобно возразилъ Козелъ. — Приходилъ послѣ того Гундосый до Бузыги, въ ногахъ у него валялся, ноги ему цѣловалъ. «Возьми гроши, только укажи, гдѣ кони. Ты знаешь!» А тотъ ему отвѣчаетъ: «ты бы, Митро, воды пошелъ напился». Вотъ онъ какой Бузыга!..

Старый нищій замолчалъ и сталъ съ ожесточеніемъ насасывать трубку. Она сочно хрипѣла, но не давала уже больше дыму. Козелъ вздохнулъ, выколотилъ трубку о свою босую подошву и спряталъ ее за пазуху.

Лягушки заливались теперь со всѣхъ сторонъ. Казалось, что весь воздухъ дрожалъ отъ ихъ страстныхъ, звенящихъ криковъ, которымъ вторили глухіе, болѣе рѣдкіе, протяжные стоны большихъ жабъ. Небо изъ зеленаго сдѣлалось темно-синимъ, и луна сіяла на немъ, какъ кривое лезвее серебряной алебарды. Заря погасла. Только у того берега, въ чистой рѣчной заводи, рдѣли длинныя кровавыя полосы.

— Козелъ, я, когда выросту, тоже буду коней красть! — произнесъ вдругъ тихимъ, горячимъ шопотомъ мальчикъ. — Не хочу милостыню собирать. Я буду, какъ Бузыга.

— Тсс... постой...—встрепенулся старикъ. Онъ поднялъ кверху свой страшный палецъ и, наклонивъ голову на бокъ, внимательно прислушался. — Идутъ!

Василь быстро вскочилъ на ноги. Въ густой заросли ивняка чуть слышно шлепала вода подъ чьими-то шагами. Мужскіе голоса говорили глухо и монотонно.

— Гукни, Василь, — приказалъ старикъ. — Только не швидко.

— Гопъ-гопъ! — крикнулъ мальчикъ сдавленнымъ отъ волненія голосомъ.

— Гопъ! — коротко отозвался издали сдержанный, спокойный басъ.

II.

Кудрявыя верхушки лозняка закачались, раздвигаемыя осторожной рукой. Изъ кустовъ на притоптанное, сухое мѣстечко, гдѣ дожидались нищій и мальчикъ, безшумно вынырнулъ, согнувшись вдвое, коротконогій, бородатый, неуклюжій съ виду мужичонка въ рваной коричневой свиткѣ. Прямые, жесткіе волосы падали у него изъ-подъ капелюха на брови, почти закрывая черные косые глаза, глядѣвшіе мрачно и недовѣрчиво исподлобья. Голову онъ держалъ наклоненной внизъ и немного на бокъ, по-медвѣжьи, и когда ему приходилось посмотрѣть въ сторону, то онъ не повертывалъ туда шею, а медленно и неловко поворачивался всѣмъ тѣломъ, какъ это дѣлаютъ люди кривошеи или больные горломъ. Это былъ Акимъ Шпакъ, извѣстный пристанодержатель и укрыватель краденаго. Онъ же указывалъ вѣрныя мѣста для дѣла и «подводилъ» конокрадамъ лошадей.

Шпакъ пристально, съ враждебнымъ видомъ оглядѣлъ старика и мальчика и, затоптавшись на мѣстѣ, повернулъ назадъ свое несуразное тѣло съ неподвижной шеей.

— Бузыга, сюда! — сказалъ онъ сипло.

— Здѣсь! — весело, по-солдатски отвѣтилъ низкій, самоувѣренный голосъ. — Бывайте здоровенькіе, панове злодіи.

На прогалину вышелъ рослый рыжій человѣкъ, въ городскомъ платьѣ и высокихъ щегольскихъ сапогахъ. Онъ

протянулъ-было руку Козлу, но, замѣтивъ свою ошибку, тотчасъ же спохватился.

— А, чортъ... Я забылъ, что тебѣ нечѣмъ здороваться, — сказалъ онъ небрежно. — Ну, здравствуй такъ. А это тотъ самый хлопецъ, про котораго говорили? — показалъ онъ на Василя.

— Тотъ, тотъ, — поспѣшно закивалъ головой старый нищій. — О, это такой проворный хлопецъ... все равно, какъ пуля. Что жъ, сѣдай, Левонтій?

— Сяду — гостемъ буду; угощу горилкой — хозяиномъ буду, — равнодушно пошутилъ Бузыга, опускаясь на землю. — Акимъ, достань тамъ, что есть.

Акимъ вынулъ изъ холщевой торбы полштофъ водки, нѣсколько каленыхъ темныхъ яицъ, половину большого хлѣба и положилъ все это на траву, подлѣ Бузыги. Козелъ жадно слѣдилъ за каждымъ движеніемъ и своимъ единственнымъ пальцемъ нервно теребилъ сѣдой подстриженный усъ.

— А я ужъ думалъ, что не придешь ты. — сказалъ старый нищій, обративъ лицо къ Бузыгѣ, но не отрывая глазъ отъ рукъ Акима. — Видѣлъ я тебя днемъ въ Березной... пьянѣй вина... Ну, думаю, не придетъ вечеромъ Бузыга. Куда ему... Х-ха! А но тебѣ и не видно.

— Меня горилка не беретъ, — вяло уронилъ Бузыга.— Прикидывался я. Да и спалъ до вечера.

— У Грипы спалъ?

— А тебѣ что? Ну, у Грипы.

— Нѣтъ, я такъ, ничего... Любятъ тебя бабы.

— А чортъ ихъ дери. Пускай любятъ, — равнодушно пожалъ плечами Бузыга. — Или тебѣ завидно?

— Гдѣ ужъ мнѣ! Я забылъ, какъ и думаютъ про это... Небось, не пускала она тебя?

— Еще бы! Меня не пустишь!.. — Бузыга прищурился и самоувѣренно мотнулъ подбородкомъ вверхъ. — Пей

лучше горилку, старый. Ты, я вижу, все около чего-то крутишься. Спросилъ бы прямо.

— Чего мнѣ спрашивать? Мнѣ нечего спрашивать. Я просто такъ... Пью до васъ, пане Бузыга. Бывайте здоровенькіе, пошли вамъ Богъ успѣха во всѣхъ дѣлахъ вашихъ. — Старикъ ухватилъ своимъ пальцемъ, какъ подвижнымъ крючкомъ, горлышко бутылки и дрожащей рукой поднесъ его ко рту. Долго цѣдилъ онъ по каплямъ сквозь зубы водку, потомъ передалъ бутылку Бузыгѣ, утерся рукавомъ и спросилъ съ дѣланной развязностью:

— Пытала она тебя, куда собрался?

— Кто?

— Да Грипа же.

Бузыга внимательно и серьезно поглядѣлъ старику въ лобъ.

— Спрашивала. Ну? — протяжно произнесъ онъ, сдвигая брови.

— Да я же... Да, Господи... я просто такъ себѣ... Я же знаю, что ты все равно не скажешь...

— Вы бы заткнулись лучше, дядько Козелъ, — вѣско посовѣтовалъ, глядя куда-то вбокъ, молчаливый Акимъ.

— Ой, хитришь ты, старая собака, — сказалъ Бузыга, и въ его сильномъ голосѣ дрогнули, нежданно прорвавшись, какіе-то звѣриные звуки. — Смотри, братъ, — тебѣ Бузыгу не учить. Когда Бузыга сказалъ, что онъ въ Крешевѣ, то, значитъ, его будутъ шукать въ Филипповичахъ, а Бузыга тѣмъ часомъ въ Степани на ярмаркѣ коней продаетъ. Тебѣ Шпакъ правду говоритъ: лучше молчи.

Во все время, пока Бузыга говорилъ, Василь не сводилъ съ него пристальнаго и тревожнаго взгляда. Въ наружности конокрада не было ничего необыкновеннаго. Его большое, изрытое оспой лицо, съ крутыми, рыжими солдатскими усами, было неподвижно и казалось скучающимъ. Маленькіе голубые глаза, окруженные бѣлыми

рѣсницами, смотрѣли сонно, и только въ самую послѣднюю минуту въ нихъ зажглось странное — острое и жестокое выраженіе. Движенія у него были медленныя, лѣнивыя и какъ будто разсчитанныя на то, чтобы тратить на нихъ наименьшія усилія, но его могучая, круглая шея, выступавшая изъ косого ворота рубашки, длинныя руки съ огромными рыжеволосыми кистями, наконецъ широкая, свободно согнувшаяся спина — говорили о тѣлесной силѣ необычайныхъ размѣровъ.

Подъ вліяніемъ упорнаго взгляда мальчика, Бузыга невольно повернулъ къ нему голову. Глаза его сразу погасли, и лицо сдѣлалось равнодушнымъ.

— Ты что на меня задивился, хлопчикъ? — спросилъ онъ спокойно. — Какъ тебя зовутъ?

— Василь, — отвѣтилъ мальчикъ и тотчасъ же откашлялся: такимъ слабымъ и свистящимъ показался ему собственный голосъ.

Козелъ угодливо хихикнулъ.

— Хе-хе-е! Ты его, Бузыга, спроси, что онъ будетъ дѣлать, когда подрастетъ? Передъ тобой мы съ нимъ балакали. Не хочу, говоритъ, Христа ради просить, какъ ты. А я, говоритъ, буду, какъ Бузыга... Я ужъ съ него смѣялся, ажъ боки рвалъ! — совралъ для чего-то Козелъ.

Мальчикъ быстро повернулся къ дѣду. Его большіе сѣрые глаза потемнѣли, расширились и загорѣлись гнѣвомъ.

— Ладно. Молчи ужъ, — сказалъ онъ грубо, срывающимся дѣтскимъ басомъ.

— Ахъ, ты, подсвинокъ!—воскликнулъ съ удивленіемъ и съ неожиданной лаской въ голосѣ Бузыга. — А ну-ка, ходи ко мнѣ. Горилку пьешь?

Онъ поставилъ Василя между своими колѣнами и большими, сильными руками плотно обнялъ его тонкое тѣло.

— Пью! — храбро отвѣтилъ мальчикъ.

— Эге, съ тебя добрый воряга будетъ. Ну-ка, тяни.

— Какъ бы не завредило? — съ лицемѣрной заботливостью замѣтилъ Козелъ, жадно глядя на бутылку.

— Молчи, старый лисъ. Останется и тебѣ, — успокоилъ его Бузыга.

Василь сдѣлалъ большой глотокъ и закашлялся. Что-то отвратительное на вкусъ, горячее, какъ огонь, обожгло ему горло и захватило дыханіе. Нѣсколько минутъ онъ, какъ рыба, вытащенная изъ воды, ловилъ открытымъ ртомъ воздухъ и страшно хрипѣлъ. Изъ глазъ у него покатились слезы.

— Отъ такъ. Теперь садись, казакъ, промежъ казаками, — сказалъ Бузыга и легонько оттолкнулъ отъ себя Василя. И, точно сразу забывъ о мальчикѣ, онъ равнодушно заговорилъ съ Козломъ.

— Давно я собираюсь тебя спросить, гдѣ ты свои пальцы загубилъ? — медленно ронялъ Бузыга низкіе, лѣнивые звуки.

— Случай былъ такой, — съ притворной неохотой отвѣтилъ нищій. — Вышла гисторія изъ-за коней.

— Слыхалъ, что изъ-за коней... Ну?

— Ну, вотъ... Да тутъ нема ничего интереснаго, — мямлилъ Козелъ, протягивая слова. Ему чрезвычайно хотѣлось подробно и долго поговорить объ этомъ страшномъ случаѣ, разрѣзавшемъ пополамъ всю его жизнь, и онъ нарочно настраивалъ вниманіе слушателей. — Тридцать лѣтъ назадъ это было. Можетъ-быть, теперь нема и на свѣтѣ того человѣка, который мнѣ это сдѣлалъ. Былъ онъ нѣмецъ. Колонистъ...

Василь лежалъ на спинѣ. Всему его тѣлу становилось тепло и какъ-то необыкновенно, до смѣшного легко, а передъ глазами зароилось безчисленное множество крошечныхъ свѣтлыхъ точечекъ. Около него что-то говорили, двигались чьи-то руки и головы, надъ нимъ тихо

колебались низкія, черныя вѣтви какихъ-то кустовъ, и простиралось темное небо, но онъ видѣлъ и слышалъ все это, не понимая, какъ будто не онъ, а кто-то чужой ему лежалъ здѣсь, на травѣ, въ густомъ лозникѣ. Потомъ онъ вдругъ съ удивительной ясностью услышалъ голосъ стараго нищаго, и сознаніе вернулось къ нему съ новой обостренной силой и съ неожиданнымъ, глубокимъ вниманіемъ къ окружающему. И разсказъ, который онъ слышалъ отъ Козла, по крайней мѣрѣ, разъ тридцать, снова наполнилъ его душу любопытствомъ, волненіемъ и ужасомъ.

III.

— ...Гляжу, у корчмы привязана до столба пара коней, — разсказывалъ Козелъ пѣвучимъ, жалобнымъ голосомъ. — Сразу я по хургону призналъ, что кони нѣмецкіе: колонисты завсегда въ такихъ хургонахъ ѣздіютъ. Ну жъ, и кони были! Сердце у меня въ грудяхъ заходило... О-го-го! Я толкъ понимаю въ коняхъ. Стоятъ оба два, какъ тѣ лялечки, ножки въ землю вросли, ушки маленькія, торчкомъ, глазомъ косятъ на меня, какъ звѣрюки... И не то, чтобы очень изъ себя видные, нѣтъ — не панскіе кони, но ужъ мнѣ-то отъ разу видно, что они за два. Такіе кони тебѣ пробѣгутъ хоть сто верстъ — и ничего имъ не станетъ. Вытри имъ только морду сѣномъ, дай воды по корцу и ѣзжай опять дальше. Ну, что тамъ толковать! Я скажу одно: вотъ нехай сейчасъ придетъ ко мнѣ Господь Богъ, альбо самъ святый Юрко, и нехай онъ скажетъ мнѣ: «слухай, Онисиме, на тебѣ назадъ твои пальцы, но чтобы ты больше никогда не смѣлъ коней красть»... Такъ что ты думаешь, Бузыга? Вѣдь я бы тѣхъ коней опять увелъ. Накажи меня Богъ, увелъ бы...

— Что же дальше? — перебилъ его Бузыга.

— Сейчасъ будетъ дальше. Акимъ, сверни-ка мнѣ по-

курить. Да... Ходилъ я, ходилъ округъ того хургона, мабуть цѣлую половину часа ходилъ. Главное, я тебѣ скажу — что̀? Главное, что человѣкъ никогда своего времени не знаетъ. Коли бы я ихъ сразу отвязалъ да поѣхалъ — все бы у меня сошлось ладно. Дорога все время лѣсомъ, ночь темная, грязюка, вѣтеръ... чего бы лучше. А я заробѣлъ. Толкусь возлѣ коней, какъ дурень, а самъ все думаю: «Эхъ, упустилъ я свой часъ! Выйдетъ нѣмецъ изъ корчмы, и всему конецъ». Потомъ снова похожу-похожу и снова думаю: «эхъ, и опять потерялъ я время задаромъ! — теперь ужъ и совсѣмъ нельзя». И все чего-то я робѣю и самъ не знаю, съ чего...

— Надо сразу, — рѣшительно молвилъ Бузыга.

— Ахъ, Левонтій, Левонтій, отчего тебя тогда со мной не было? — со страстной укоризной воскликнулъ Козелъ. — Ну, да что̀ тамъ!.. Тебя еще и на свѣтѣ тогда не было... Да. Такъ я, значитъ, и ходилъ округъ тѣхъ лошадей и того хургона и все боялся. Можетъ-быть, оттого это такъ вышло, что былъ я тогда трезвый и голодный... развѣ я знаю? Сначала все марудился безъ толку, а потомъ — точно меня по потылицѣ ударили сзади — кинулся я до коней, распуталъ вожжи, сталъ колокольцы подвязывать... — Только вдругъ — хлопъ! — выходитъ изъ корчмы той самый нѣмецъ, въ шапкѣ, съ кнутомъ. Увидѣлъ меня и кричитъ съ лѣстницы: «Эй, ты, сукинъ котъ, что̀ ты тамъ около коней околачиваешься? Украсть хочешь?» Я ему отвѣчаю: «Зачѣмъ же мнѣ твою худобу красть? Своей у меня, что ли, нѣтъ? Ты меня поблагодари, говорю, что я твоихъ коней до столба привязалъ, а то утекли бы». — «Ладно, говоритъ, знаемъ мы, какъ вы привязываете. Пошелъ вонъ, свинья!» Ну, я, конечно, отошелъ въ сторону, спрятался по-за корчму и стою. Зло меня взяло, ажъ трясусь весь. «Нѣтъ, думаю, этого я тебѣ такъ не оставлю».

— Понятно. Развѣ же можно простить? — увѣренно подтвердилъ Бузыга. — Я бы, хоть черезъ годъ, а увелъ у него коней.

— Нѣтъ, Бузыга, не увелъ бы! — съ глубокимъ убѣжденіемъ возразилъ Козелъ. — У этого нѣмца и ты бы не увелъ. Ты постой, не сердись... Ты послушай, что дальше было. Сховался я за корчмой и смотрю. Вотъ нѣмецъ покрутился возлѣ хургона и кричитъ. «Лейба, неси сюда овесъ!» Лейба, корчмарь, вынесъ ему четверть и спрашиваетъ: «А отчего бы вамъ у меня въ корчмѣ не заночевать? Коней бы покормили». А тотъ говоритъ: «Нѣтъ, спасибо вамъ, мнѣ нема часу, дуже далеко ѣхать. А коней, говоритъ, я въ лѣсу покормлю, у Волчьяго Разлога. До свиданья вамъ». — «До свиданья». — Сѣлъ колонистъ въ хургонъ и поѣхалъ. Я за нимъ. До Мысловой онъ шибко гналъ рысью, но я дорогу зналъ добре, пустился тропкой черезъ казенный лѣсъ напрямки. Вышелъ на шляхъ, сѣлъ въ канаву, гляжу — ѣдетъ нѣмецъ шагомъ. Далъ я ему проѣхать впередъ — пошелъ за нимъ слѣдомъ. Онъ коней въ бѣгъ пуститъ—и я бѣгу, онъ шагомъ—и я шагомъ. О-го-го! Двадцать пять лѣтъ тогда мнѣ было. Былъ я хлопецъ крѣпкій, не хуже тебя, Бузыга. Что ты думаешь: тридцать верстовъ я за нимъ отодралъ—до самого Волчьяго Разлога. По правдѣ сказать, не надѣялся я, что онъ станетъ на ночь въ лѣсу, какъ говорилъ. Думалъ: нарочно это онъ мнѣ баки забиваетъ, чтобы сбить меня. Но гляжу—нѣтъ,—и въ самдѣлѣ свертаетъ со шляха въ лѣсъ, на поляну. Разнуздалъ коней, все какъ слѣдуетъ быть, оглобли у хургона кверху поднялъ. А я пролѣзъ на животѣ, какъ та гадюка, легъ за кустомъ и все вижу. Потому что ночью, если съ горы смотрѣть, то ничего не увидишь, а въ гору все видно...

— Знаемъ,—нетерпѣливо сказалъ Бузыга.—Ну?..

— Потомъ, гляжу, онъ надѣлъ конямъ на ноги путы. Путы желѣзныя, я ужъ издали слышу, какъ ляскаютъ. «Эге-ге, думаю,—значитъ, ты тутъ и вправду заночуешь». Лежу... А холодно! А вѣтеръ!.. Зубы у меня такъ и стукотятъ. Но ничего, скрѣпился я, жду. Вижу, полѣзъ нѣмецъ въ хургонъ, поворошился тамъ трошки и затихъ. Много времени прошло, можетъ, часъ, а можетъ, два, развѣ я знаю? Сталъ я понемногу подниматься. Думаю: спитъ нѣмецъ, или только такъ, дурака валяетъ? Взялъ грудку земли, бросилъ впередъ. Нѣмецъ—а ни муръ-муръ. А у меня на него злоба такъ и кипитъ. Вспомню, какъ онъ меня обругалъ—ажъ зубами заскриплю. Поднялся я, сѣлъ на корячки, гляжу, а оба кони прямо на меня шкандыбаютъ, одинъ попереди, другой сзаду. Остановятся, пощиплютъ траву, скубнутъ съ куста сухой листикъ, и снова—трюхъ-трюхъ—и все на меня. А меня, я тебѣ скажу, Бузыга, никакой конь ночью не испугается. Потому что есть такое слово...

— Знаю. Враки!—сердито возразилъ конокрадъ.—Говори дальше.

— Ну, все равно, какъ хочешь... Подошли ко мнѣ кони такъ близко, что до морды только руку протянуть. Я имъ сейчасъ: шш... о-о! милый!.. Огладилъ одного конька—ничего... дается... Сталъ я ему желѣзку распиливать. Напилокъ всегда при мнѣ былъ. Пилю-пилю, самъ все поглядываю: что нѣмецъ? Рѣшилъ я тогда второго коня не брать: дуже тяжко пилить приходилось, желѣзки были новыя, толстыя, да и думаю: все равно—онъ меня на одномъ конѣ не догонитъ. Перепилилъ я одинъ прутъ до середины. Сталъ пробовать, могу ли разломать. Напружился я, стараюсь со всѣхъ силъ... вдругъ кто-то меня сзади торкъ въ плечо. Обернулся я, а около меня нѣмецъ. Какъ онъ ко мнѣ подобрался?—чортъ его вѣдаетъ. Стоитъ и зубы оска-

лилъ, точно смѣется. «А ну-ка, говоритъ, пойдемъ со мной. Я тебя научу, какъ коней воруютъ». У меня отъ страха ноги отнялись и языкъ въ ротѣ какъ присохъ. А онъ взялъ меня подъ мышку, поднялъ съ земли.

— А ты что же?—со злобой крикнулъ Бузыга.

Старикъ скорбно развелъ своими изуродованными руками.

— Не знаю,—сказалъ онъ тихо.—Вотъ пускай меня Богъ покараетъ, — до сего часу не знаю, что онъ со мной сдѣлалъ. Маленькій былъ такой нѣмчикъ, ледащій, всего мнѣ по плечо, а взялъ меня, какъ дитину малую, и ведетъ. И я, братъ, иду. Чую, что не только утечь отъ него—куда тамъ утечь!—поворохнуться не могу. Зажалъ онъ меня, какъ коваль въ тиски, и тащитъ. Почемъ я знаю, можетъ, это совсѣмъ и не человѣкъ былъ?

«Дошли мы до хургона. Одной рукой онъ меня держитъ, а самъ нагнулся надъ хургономъ и что-то лапаетъ. Думаю я: «Что онъ будетъ дѣлать?» А онъ поискалъ и говоритъ: «Нѣтъ, должно-быть, не здѣсь». Опять за руку повелъ меня вокругъ хургона. Зашелъ съ другой стороны, полапалъ-полапалъ и вытаскиваетъ топоръ. «Вотъ онъ, говоритъ. Нашелъ. Ну, теперь, говоритъ, ложи руку на драбину». Тихо такъ говоритъ, безъ гнѣва. Понялъ я тогда, что онъ хочетъ мнѣ руку рубить. Затрясся я весь, заплакалъ... А онъ мнѣ говоритъ: «Не плачь, это не долго»...

«Стою я, какъ тотъ быкъ подъ обухомъ, сказать ничего не могу, а только дрожу. Взялъ онъ мою руку, положилъ на полудрабокъ—хрясь! «Не воруй, говоритъ, коней, коли не умѣешь». Три пальца сразу отсѣкъ. Одинъ отскочилъ, въ лицо мнѣ ударился. А онъ опять—хрясь! хрясь! — и самъ все приговариваетъ: «не воруй, коли не умѣешь, не воруй чужихъ коней»... Потомъ велитъ онъ мнѣ дать другую руку. Я его, какъ малое дитя, слу-

хаюсь, ложу и лѣвую руку. И снова онъ мнѣ говоритъ: «Не воруй коней», и хррясь топоромъ!.. Отсѣкъ онъ мнѣ всѣ пальцы, оставилъ только одинъ, вотъ этотъ,—Козелъ протянулъ впередъ свою изуродованную руку съ торчащимъ вверхъ большимъ пальцемъ.—Посмотрѣлъ на него, посмотрѣлъ и говоритъ: «Ну, говоритъ, все равно ты этимъ пальцемъ лошадей красть не будешь, развѣ что другому вору поможешь. Дарю его тебѣ, чтобы ты имъ лилъ, ѣлъ, трубку закуривалъ, и чтобы обо мнѣ завсегда помнилъ».

«Кровь такъ и хлестала изъ меня... жжжи!.. въ девять ручьевъ бѣгла. Не выдержалъ я. Стало мнѣ такъ тошно, такъ скверно... А онъ взялъ меня, какъ котенка, за воротъ, сгребъ и понесъ. Стояла тутъ большая калюжа. Ночь была холодная—страсть! Ажъ воду сверху затянуло льдомъ. Притащилъ меня нѣмецъ къ той калюжѣ, разбилъ сапогомъ ледъ и велитъ мнѣ сунуть руки въ воду. Послушался его—сразу мнѣ стало легче. А онъ мнѣ говоритъ: «Такъ и сиди, говоритъ, до утра. Вынешь руки—тебѣ же хуже будетъ». Съ этими словами отошелъ отъ меня, словилъ коней, запрягъ и уѣхалъ. Тогда я себѣ думаю: «дойду до фершала»... Вынулъ руки — да какъ закричу на весь лѣсъ! Больно въ пальцахъ, будто ихъ огнемъ пекутъ, а руки такъ и сводитъ въ суставахъ. Я опять ихъ въ воду—ничего, отпускаетъ, полегче стало... Такъ я—правду нѣмецъ сказалъ—и проспдѣлъ до утра. Выну руки—ну, просто гвалтъ, вытерпѣть невозможно, опущу въ воду—проходитъ боль. Къ утру я совсѣмъ закоченѣлъ, а вода стала въ калюжкѣ красная, какъ кровь. Ѣхалъ мимо посесоръ изъ Нагорной, такъ онъ забралъ меня въ шарабанъ и привезъ въ больницу. Перевязали меня тамъ, вылѣчили, подкормили, а черезъ мѣсяцъ и на волю пустили. И на кой чортъ!—воскликнулъ онъ со страстной горечью.—Въ сто разъ

лучше было бы для меня тамъ и околѣть въ Волчьемъ Разлогѣ!..»

Онъ замолчалъ и весь согнулся, низко опустивъ голову. Нѣсколько минутъ конокрады сидѣли, не говоря ни слова, не двигаясь. Вдругъ Бузыга содрогнулся всѣмъ тѣломъ, точно просыпаясь отъ какихъ-то страшныхъ грезъ, и шумно вздохнулъ.

— Что же ты сдѣлалъ потомъ съ этимъ нѣмцемъ?— спросилъ онъ сдержаннымъ, но вздрагивающимъ отъ злобы голосомъ.

— А что бы я могъ сдѣлать съ нимъ? — печально спросилъ въ свою очередь Козелъ.—Что бы ты на моемъ мѣстѣ сдѣлалъ?

— Я бы!.. Я бы!.. У-у-у!..—зарычалъ Бузыга, яростно царапая пальцами землю. Онъ задыхался отъ гнѣва, и глаза его свѣтились въ темнотѣ, какъ у дикаго звѣря.— Я бы его соннаго зарѣзалъ... Я бы ему зубами глотку перервалъ!.. Я бы...

— Ты-ы бы!—съ горькой усмѣшкой перебилъ его Козелъ.—А какъ бы ты его нашелъ? Кто онъ? Гдѣ онъ живетъ? Какъ его звать? Можетъ, это и не человѣкъ совсѣмъ былъ...

— Брехня!—медленно произнесъ молчавшій до сихъ поръ Акимъ Шпакъ. — На свѣтѣ нема никого — ни Бога ни чорта...

— Все одно!—воскликнулъ Бузыга, стукнувъ кулакомъ о землю.—Все одно: я бы тогда сталъ безъ разбору всѣхъ колонистовъ подпаливать. Скотъ бы ихній портилъ, дѣтей бы ихнихъ калѣчилъ... И до самой смерти бы такъ!..

Козелъ тихо засмѣялся и еще ниже опустилъ голову.

— Ухъ, бра-атъ,—протянулъ онъ съ ядовитой укоризной.— Хорошо подпаливать съ десятью пальцами... А когда у тебя всего одинъ остался,—старикъ опять ткнулъ

впередъ свои ужасные обрубки: — тогда тебѣ и дорога одна — на церковную паперть, со слѣпцами и калѣками...

И онъ вдругъ запѣлъ старческимъ, дребезжащимъ голосомъ мрачныя слова древней нищенской пѣсни:

Ой, лыхо мини, лыхо уб-о-о-гому...
Сотворите милостыню, Христа ра-а-а-ди...
Благодѣтели вы на-а-ши...
Ой, сидимъ мы, безногіе, безру-у-у-кіе,
Калики злосчастные край доро-о-ози-и...

Онъ мучительнымъ крикомъ, фальшиво оборвалъ пѣсню, уткнулъ голову между поднятыми вверхъ колѣнями и глухо зарыдалъ.

Никто не произнесъ больше ни слова. На рѣкѣ, въ травѣ и въ кустахъ, точно силясь перегнать и заглушить другъ друга, неумолчно кричали лягушки. Полукруглый мѣсяцъ стоялъ среди неба—ясный, одинокій и печальный. Старыя ветлы, зловѣще темнѣвшія на ночномъ небѣ, съ молчаливой скорбью подымали вверхъ свои узловатыя, изсохшія руки...

IV.

Тяжелые, частые шаги послышались въ лозникѣ, съ той стороны, откуда недавно пришли Бузыга съ Акимомъ. Кто-то торопливо бѣжалъ черезъ чащу, шлепая безъ разбора по водѣ и ломая на своемъ пути сухія вѣтки. Конокрады насторожились. Акимъ Шпакъ сталъ на колѣни. Бузыга оперся руками о землю, готовый каждую секунду вскочить и броситься впередъ.

— Кто это?—шопотомъ спросилъ Василь.

Никто ему не отвѣтилъ. Грузные шаги раздавались все ближе. Среди всплесковъ воды и треска вѣтвей уже слышалось чье-то сильное, хриплое и свистящее ды-

ханіе. Бузыга быстро сунулъ руку за голенище, и передъ глазами Василя блеснула сталь ножа.

Шумъ шаговъ внезапно прекратился. Наступилъ моментъ удивительной, глубокой тишины. Даже всполошенныя лягушки перестали кричать. Что-то огромное, тяжеловѣсное затопталось въ кустахъ, свирѣпо фыркнуло и засопѣло.

— Эге, да это кабанъ,—сказалъ Бузыга, и всѣ вздрогнули отъ его громкаго голоса.—До воды пришелъ.

— И то правда,—согласился Шпакъ, спокойно валясь на землю.

Кабанъ еще разъ негодующе фыркнулъ и кинулся назадъ. Долго было слышно, какъ хрустѣлъ онъ кустами въ своемъ могучемъ бѣгѣ. Потомъ все стихло. Лягушки, точно раздраженныя минутной помѣхой, закричали съ удвоенной силой.

— Когда пойдешь, Бузыга?—спросилъ старикъ.

Бузыга поднялъ голову и внимательно посмотрѣлъ на небо.

— Рано еще,—сказалъ онъ, зѣвая. — Пойду передъ утромъ. Къ зарѣ мужики спятъ, какъ куры...

Сонъ понемногу охватывалъ Василя. Земля заколыхалась подъ нимъ вверхъ и внизъ и медленно поплыла куда-то въ сторону. На мгновеніе мальчикъ увидѣлъ, съ трудомъ открывая глаза, темныя фигуры трехъ людей, безмолвно сидѣвшихъ другъ возлѣ друга, но онъ уже не зналъ, кто они и зачѣмъ они сидятъ такъ близко около него. Изъ кустовъ, гдѣ тѣснились, гнѣвно сопя и фыркая, дикіе кабаны, вдругъ вышелъ сынъ церковнаго старосты—Зинька, засмѣялся и сказалъ: «Василько, вотъ лошади, поѣдемъ». И они сѣли вдвоемъ на маленькія санки и понеслись съ пріятной быстротой въ темнотѣ, по узкой, бѣлой, беззвучной дорожкѣ, между высокими соснами. Сзади бѣжалъ дѣдушка, онъ махалъ своими обрублен-

ными руками и не могъ ихъ догнать, и это было необыкновенно смѣшно и радостно. Въ гривы и въ хвосты лошадей были вплетены бубенчики, и на вѣткахъ темныхъ сосенъ висѣли бубенчики—со всѣхъ сторонъ доносился ихъ однообразный, торопливый и веселый звонъ... Потомъ Василь съ размаху быстро въѣхалъ въ какую-то темную, мягкую стѣну—и все исчезло...

Онъ проснулся отъ холодной сырости, которая забралась ему подъ одежду и трясла его тѣло. Стало темнѣе, и поднялся вѣтеръ. Все странно измѣнилось за это время. По небу быстро и низко мчались большія, пухлыя, черныя тучи, съ растрепанными и расщипанными бѣлыми краями. Верхушки лозняка, спутанныя вѣтромъ, суетливо гнулись и вздрагивали, а старыя ветлы, вздѣвшія кверху тощія руки, тревожно наклонялись въ разныя стороны, точно онѣ старались и не могли передать другъ другу какую-то страшную вѣсть.

Конокрады неподвижно лежали, головами внутрь, слабо и плоско чернѣя своими тѣлами въ темнотѣ. У кого-то изъ нихъ рдѣла во рту трубка. Она то погасала, то опять вспыхивала на секунду, и красный свѣтъ, въ перемежку съ длинными косыми тѣнями, бѣгалъ по бронзовымъ лицамъ. Отъ холода и прерваннаго сна мальчикомъ овладѣла усталость и длительная равнодушная скука. Онъ безъ интереса вслушивался въ тихій разговоръ конокрадовъ и съ тупой обидой чувствовалъ, что имъ нѣтъ до него никакого дѣла, какъ не было до него дѣла этимъ огромнымъ, быстро несущимся, молчаливымъ тучамъ и этимъ встревоженнымъ ветламъ. И то, къ чему онъ готовился въ эту ночь и что прежде наполняло его душу волненіемъ и гордостью, показалось ему вдругъ ненужной, мелкой и скучной выдумкой.

— Ты все свое. Истинный ты Козелъ!—съ досадой говорилъ Бузыга.—Куда мнѣ твой соловый жеребенокъ

къ чорту? Его же въ каждомъ селѣ знаютъ, какъ облупленнаго. Въ позапрошломъ году угналъ я верхового коня у бухгалтера съ сахарнаго завода. Весь гнѣдой, сукинъ сынъ, безъ отмѣтины, а лѣвая передняя нога, шутъ ее дери, бѣлая. Я съ нимъ туда, я съ нимъ сюда—всѣ съ меня смѣются, какъ съ дурня. «Мы, говорятъ, съ глудзу еще не съѣхали. Такого коня и въ Ровномъ не продашь, онъ по всей губерніи извѣстенъ». Ты не знаешь, Козелъ, за что я его продалъ? За кувшинъ кислаго молока. Что свистишь? Вѣрно тебѣ говорю. Волька Фишкинъ купилъ. Увидѣлъ шибенникъ, что я отъ жары языкъ высунулъ, и зоветъ меня: «Слухайте, Бузыга, а ну, зайдите трошки до меня, кислаго молока выпить». Зашелъ я, а онъ мнѣ потомъ говоритъ: «Послушайте, Бузыга, мнѣ съ вами всегда пріятно имѣть дѣло, но этого коня у васъ купитъ только дурень. Все равно, вы его вечеромъ бросите, куда попало. Лучше бы вы его отдали мнѣ, а я его отведу назадъ, на заводъ. Можетъ-быть, заработаю сколько-нибудь грошей на чай?» Я ему и отдалъ лошадь, а онъ ее потомъ въ Подольской губерніи, на Ярмолинецкой ярмаркѣ, продалъ за сто тридцать карбованцевъ. Такъ вотъ что значитъ, Козелъ, такихъ коней уводить.

— Н-на... это такъ,—въ раздумьѣ протянулъ старикъ и почавкалъ беззубымъ ртомъ.—А вотъ тоже хороши караковые коньки у Викентія Сироты... И подвести легко...

— У Викентія... да, оно, конечно...—нерѣшительно согласился Бузыга.—Викентій, это вѣрно... Только, знаешь, Козелъ, жалко мнѣ Викентія обижать. Небогатый онъ мужикъ и всегда такой ласковый... Сколько разъ, бывало, голова трещитъ, какъ котелъ,—скажешь ему: «Опохмели, Викентій»—сейчасъ постарается. Нѣтъ, жаль мнѣ Викентія...

— Ерунда! Никого не жаль,—злобно сказалъ Акимъ Шпакъ.

— Нѣтъ, Викентія ты оставь,—твердо приказалъ Бузыга.—Говори другихъ.

— Кто же еще? Микола Грачъ развѣ?

— Микола Грачъ, это—другой табакъ. Только хитрый, дьяволъ. Ну, да все одно—Грача будемъ помнить, на всякій случай.

— Можно еще Андрееву кобылу подвести, бѣлую. Ничего кобылка...

— Къ чорту бѣлую!—сердито воскликнулъ Бузыга.—И стара, и волосы вездѣ налѣзутъ. Первая примѣта... Помнишь, какъ Жгунъ съ бѣлой лошадью вляпался?.. Тсс... Помолчи-ка, Козелъ,—махнулъ онъ рукой на старика.—Что это съ нашимъ хлопчикомъ?

Василь корчился на землѣ, изо всѣхъ силъ стараясь съежиться такимъ образомъ, чтобы въ него какъ можно меньше проникала холодная болотная сырость. Зубы его громко стучали другъ о друга.

— Что, хлопецъ, проняло тебя?—услышалъ онъ вдругъ надъ своей головой густой голосъ, звучавшій съ непривычной мягкостью.

Мальчикъ открылъ глаза и увидѣлъ склонившееся надъ нимъ большое лицо Бузыги.

— Постой-ка, я тебя укрою,—говорилъ конокрадъ, снимая съ себя пиджакъ.—Что же ты раньше-то не сказалъ, дурной, что тебѣ холодно? Повернись трошки... Вотъ такъ...

Бузыга заботливо подтыкалъ полы пиджака подъ бока мальчику, а самъ сѣлъ подлѣ него и положилъ ему на плечо свою широкую, тяжелую руку. Чувство невыразимаго удовольствія и благодарности задрожало у Василя въ груди, волной подкатилось къ горлу и защипало глаза. Пиджакъ былъ большой и очень толстый,

еще теплый отъ тѣла Бузыги и пахнувшій запахомъ здороваго пота и махорки. Мальчикъ быстро сталъ согрѣваться подъ нимъ. Съежившись въ комочекъ и плотно зажмуривъ глаза, онъ ощупью отыскалъ большую, пріятно-тяжелую руку Бузыги и ласково прикоснулся къ ней кончиками пальцевъ. И уже опять въ его затуманившемся сознаніи побѣжала черезъ темный лѣсъ бѣлая длинная дорога.

Онъ заснулъ такъ крѣпко, что ему показалось, будто онъ только на мигъ закрылъ глаза и тотчасъ же открылъ ихъ. Но когда открылъ ихъ, то повсюду уже былъ разлитъ тонкій, невѣрный полусвѣтъ, въ которомъ кусты и деревья выдѣлялись сѣрыми, холодными пятнами. Вѣтеръ усилился. Попрежнему нагибались верхушки лозняка и раскачивались старыя ветлы, но въ этомъ уже не было ничего тревожнаго и страшнаго. Надъ рѣкой поднялся туманъ. Разорванными косыми клочьями, наклоненными въ одну и ту же сторону, онъ быстро несся по водѣ, дыша сыростью.

Бузыга съ посинѣвшимъ отъ холода, но веселымъ лицомъ легонько толкалъ Василя въ плечо и говорилъ нараспѣвъ, подражая колокольному звону:

По-опъ Ма-а-ртынъ,
Спи-ишь ли-и ты?
Звонятъ въ колокольню...

— Вставай, хлопчикъ,—сказалъ онъ, встрѣтивъ улыбающійся взглядъ Василя.—Время итти...

Козелъ глухо кашлялъ старческимъ, утреннимъ, затяжнымъ кашлемъ, закрывая ротъ рукавомъ и такъ давясь горломъ, какъ будто его рвало. Лицо у него было сѣро-зеленое, точно у трупа. Онъ долго и безпомощно махалъ своими культяпками по направленію Василя, но кашель мѣшалъ ему заговорить. Наконецъ, справившись и тяжело переводя духъ, онъ сказалъ:

— Такъ ты, Василь, проводишь Бузыгу черезъ Маринкино болото до Переброда...

— Знаю я,—нетерпѣливо прервалъ его мальчикъ.

— А ты, щенокъ, помолчи!—сердито крикнулъ старикъ и опять надолго закашлялся.—Смотри, чтобы вамъ въ казенномъ лѣсу въ окно не провалиться. Тамъ трясина...

— Да знаю же я... Говорилъ ты...

— Дай досказать... Помни, мимо млина не идите, лучше по-подъ горой пройти—на млинѣ работники рано встаютъ. Возлѣ панскихъ пряселъ человѣкъ будетъ держать четырехъ лошадей. Такъ двухъ Бузыга возьметъ въ поводъ, а на одну ты садись и ѣзжай за нимъ до Крешева. Ты слушай, что тебѣ Бузыга будетъ говорить. Ничего не бойся. Пойдешь назадъ,—если тебя спросятъ, куда ходилъ?—говори: ходили съ дѣдомъ въ казенный лѣсъ лыки драть... Ты только не бойся, Василь...

— Ну тебя къ чорту! Ничего я не боюсь, — небрежно огрызнулся Василь, отворачиваясь отъ старика. — Бузыга, пойдемъ, что ли...

— Ахъ, ты, кашшукъ. Какой сердитый!—радостно засмѣялся Бузыга.—Такъ его, такъ, стараго пса... Ну, айда. Иди впередъ.

Акимъ Шпакъ вдругъ засопѣлъ и затопался на одномъ мѣстѣ. Его хмурое лицо было измято безсонной ночью и казалось еще больше свороченнымъ на бокъ: бѣлки черныхъ глазъ были желтые, съ кровавыми жилками и точно налитые какой-то грязной слизью.

— Деньги пополамъ, Бузыга,—сказалъ онъ мрачно.—Мы тебя не обижаемъ. Половина тебѣ, а половина намъ троимъ: мнѣ, Козлу и Кубику... Такъ чтобы безъ обмана. Мы все равно потомъ узнаемъ...

— Ладно!—крикнулъ безпечно Бузыга.—Прощайте!

— Съ Богомъ!—сказалъ Козелъ.

Акимъ Шпакъ неуклюже, всѣмъ туловищемъ повернулся къ старику, поглядѣлъ на него съ ненавистью и крѣпко сплюнулъ:

— Тьфу, нищ-щій!—прошипѣлъ онъ сквозь стиснутые зубы.

V.

Онисимъ Козелъ жилъ со своимъ внукомъ на краю села, около моста, въ покосившейся на бокъ и глубоко вросшей въ землю хатенкѣ, у которой давнымъ-давно развалилась труба, бѣлая наружная обмазка отпала извилистыми кусками, оголивъ внутренній слой желтой глины, а стекла, кое-гдѣ замѣненныя толстыми тряпками, стали отъ времени зелено-матовыми и отливали радужными цвѣтами. Кромѣ ихъ двоихъ, здѣсь жила еще Прохоровна — глухая, столѣтняя, выжившая изъ ума одинокая старуха. Всѣ трое пользовались жильемъ безплатно, изъ милости односельчанъ, тѣмъ болѣе, что въ эту же вымороченную хату, по распоряженію начальства, свозили со всей волости, для вскрытія, удавленниковъ, утопленниковъ, скоропостижно умершихъ и убитыхъ въ дракѣ крестьянъ. Тотъ самый столъ, на которомъ обыкновенно обѣдали трое отщепенцевъ деревенской жизни, служилъ въ этихъ случаяхъ для помѣщенія труповъ.

Василь вернулся домой усталый и встревоженный (Козелъ пришелъ раньше и уже лежалъ на печкѣ, прикрывшись съ головой рваным зимнимъ кожухомъ). Мальчику удалось благополучно проводить Бузыгу до Переброда. Съ мельницы ихъ, кажется, не замѣтили, хотя тамъ уже копошились люди и стояли телѣги. Они нашли въ указанномъ мѣстѣ, у панскихъ прясель, четырехъ привязанныхъ лошадей, но Кубика при нихъ не было. Это обстоятельство такъ сильно обезпокоило Бузыгу,

что онъ взялъ съ собой только двухъ коней, какіе были получше, остальныхъ же бросилъ привязанными, а мальчику велѣлъ немедля бѣжать домой и бѣжать не по дорогѣ, а напрямикъ черезъ Маринкино болото и черезъ казенный лѣсъ.

— Испугался Бузыга? — торопливо спросилъ Козелъ.

— Испугался — нѣтъ, — отвѣтилъ Василь, тяжело переводя дыханіе. — А разсердился крѣпко. Кубика грозился зарѣзать... И на меня разсердился... Я ему говорю: «все равно, Бузыга, я не боюсь, возьмемъ всѣхъ коней и поѣдемъ»... Какъ онъ закричитъ и на меня! Я думалъ, прибьетъ... Побѣжалъ я отъ него...

— А мнѣ? Мнѣ онъ ничего не велѣлъ сказать?

— Велѣлъ. Скажи, говоритъ, старику, чтобы весь день сидѣлъ дома и никуда чтобы не рипался. А если будутъ тебя спрашивать про Бузыгу и про коней, то чтобы ты отвѣчалъ, что ничего не знаешь и ничего не слыхалъ...

— Господи, Царица Небесная, что же это такое... — плаксиво и безпомощно воскликнулъ Козелъ.

Василь жадно, большими глотками, пилъ изъ деревяннаго ковша воду.

— Должно-быть, за Бузыгой погнались, — сказалъ онъ, отрывая на минуту отъ ковша вспотѣвшее лицо. — Я, когда болотомъ бѣжалъ, слышалъ: много народу по шляху поскакало. Верхомъ и на телѣгахъ...

Старикъ растерянно моргалъ своими красными, точно вывороченными, слезящимися вѣками. Лицо у него отъ страха перекосилось и одинъ уголъ рта задергался.

— Ложись, Василь, ложись скорѣй на лавку! — лепеталъ онъ срывающимся голосомъ. — Ложись скорѣй. Ой, горе наше, Господи, Господи!.. Чьихъ лошадей онъ увелъ? Ты не видалъ? Охъ, да ложись же ты!..

— Одну я не знаю, а другая наша, Кузьмы Сотника чалая кобылка...

— Кузьмы? О, Господи!.. Что же теперь будетъ? Какъ вѣдь просилъ я Бузыгу: не трогай изъ нашего села коней — на̀ тебѣ! — вздыхалъ Козелъ, возясь у себя на печкѣ. — Василь, ты помни, если будутъ спрашивать, куда ходили, — говори — въ казенный лѣсъ за лыками. А лыки, скажи, лѣсникъ отнялъ. Слышишь?

— Ну тебя, слышу! — сурово отозвался мальчикъ.

— Святители и чудотворцы наши, угодники Божіи! — продолжалъ причитать Козелъ. — Не можетъ же это быть, чтобы Кубикъ донесъ: не такой онъ хлопецъ. А все Бузыга — чугунная голова!.. На кой ему чортъ было двухъ коней угонять? Ты говоришь, много народу скакало? Господи, Господи!.. И всегда онъ такъ: своей головы ему не жаль, такъ и на чужую наплевать. Вѣдь самъ видитъ, подлецъ, что дѣло дрянь, ну, и утекалъ бы скорѣй, — нѣтъ, ему надо гусара доказать, передъ мальчишкой ему стыдно... Господи, Господи!.. Василь, ты спишь?

Мальчикъ сердито промолчалъ. Старикъ долго еще коношился на печкѣ, кряхтя и охая и разговаривая самъ съ собой быстрымъ, испуганнымъ шопотомъ. Онъ хотѣлъ увѣрить себя, что никакой опасности нѣтъ, что отсутствіе Кубика объяснится со временемъ какой-нибудь пустой случайностью, что верховые по дорогѣ просто померещились мальчику отъ страха, и хотя ему удавалось на короткія минуты обмануть свой умъ, но въ глубинѣ души онъ ясно и безошибочно видѣлъ, какъ на него надвигалась грозная, неотвратимая смерть. Порою онъ прерывалъ свой безсмысленный шопотъ и напряженно прислушивался. Каждый шорохъ, каждый отдаленный стукъ или голосъ заставляли его вздрагивать и замирать. Одинъ разъ, когда подъ самымъ окномъ оглушительно заоралъ и захлопалъ крыльями чей-то сосѣдскій пѣтухъ, — старый нищій почувствовалъ, какъ вся кровь

отхлынула у него отъ головы къ затрепетавшему сердцу, и мгновенно ослабѣвшее тѣло покрылось горячей, колючей испариной.

Такъ прошло около часа. Изъ-за желтыхъ полей, по ту сторону моста, поднялось солнце. Въ темную закопченную хату, пропитанную запахомъ овчины и вчерашнихъ щей, хлынули черезъ два окна два воздушные столба веселаго золотого свѣта, въ которыхъ радостно заплясали безчисленныя пылинки. Козелъ вдругъ быстро сбросилъ съ себя кожухъ и сѣлъ на печкѣ. Его старческіе безцвѣтные глаза широко раскрылись, съ выраженіемъ безумнаго ужаса. Посинѣвшія губы криво шевелились, не произнося ни звука.

— Ид...дутъ! — наконецъ проговорилъ онъ, заикаясь и тряся головой. — В-васи-иль, идутъ... Смерть наша... Василь...

Мальчикъ уже давно слышалъ неясный, глухой и низкій гулъ, который, какъ раскачавшіяся волны, то подымался, то падалъ, становясь съ каждой минутой все страшнѣе и понятнѣе. Но, казалось, какая-то отдаленная, твердая преграда еще сдерживала его. И вотъ эта невидимая стѣна внезапно раздвинулась, и долго сдерживаемые звуки хлынули изъ-за нея съ ужасающей силой.

— Къ намъ повернули. Убьютъ насъ, Василь! — дико вскрикнулъ Козелъ.

Теперь стало слышно, какъ по улицѣ бѣжала, тяжело громыхая подкованными сапогами и яростно рыча, огромная толпа, обезумѣвшая и ослѣпшая отъ жестокаго, не знающаго предѣловъ, безпощаднаго мужицкаго гнѣва.

— Тащи ихъ сюда! Ломай двери! — заревѣлъ подъ окномъ чей-то голосъ, въ которомъ не было ничего человѣческаго.

Незапертая дверь, сорванная съ клямки, распахнулась, оглушительно хлопнувъ о стѣну, и въ яркій про-

свѣтъ, образованный ею, ворвалась черная кричащая толпа. Съ исковерканными злобою лицами, давя и толкая другъ друга и сами не замѣчая этого, въ хату стремительно ввергались, тѣснимые сзади, десятки потерявшихъ разсудокъ людей. Растрепанныя, волосатыя, озвѣрѣлыя лица нагромоздились снаружи по окнамъ, загородивъ собою золотые пыльные столбы свѣта и затемнивъ комнату.

Васильсидѣлъ, не шевелясь, плотно прижавшись спиной къ стѣнѣ, блѣдный и дрожащій, но не испуганный. Онъ видѣлъ, какъ сначала слетѣлъ съ печки дѣдушкинъ кожухъ, и какъ потомъ свалился оттуда, безпомощно мелькнувъ надъ головами толпы, и самъ Козелъ. Старый нищій что-то кричалъ, широко разѣвая беззубый ротъ, съ безстыдными гримасами ужаса и подобострастія, отвратительными на его старомъ, изъѣденномъ морщинами лицѣ, потрясалъ своими поднятыми кверху обрубками, показывалъ ими на образъ, торопливо крестился и съ размаху билъ себя ими въ грудь. А на него лѣзли со всѣхъ сторонъ налившіеся кровью, остеклѣвшіе отъ гнѣва глаза, искривленныя бѣшенымъ крикомъ губы, его сжимали жаркія, потныя тѣла, подъ натискомъ которыхъ старикъ вертѣлся, какъ щепка, попавшая въ водоворотъ.

— Бей его, бей, злодія!.. Что? Врешь, сук-кинъ сынъ! Цыпенюкъ, дай ему раза!.. На улицу его, хлопцы, волоките на улицу! Ты у насъ давно, какъ чирей, сидишь. Въ землю живого закопаемъ... Бей! — вырывались изъ общаго рева отдѣльныя восклицанія.

— Господа громада!.. Ей-Богу!.. Вотъ какъ передъ Богомъ! — выкрикивалъ визгливо Козелъ... — Нехай меня Богъ убьетъ на этомъ мѣстѣ, нехай меня болячка задавитъ!.. Чтобъ мнѣ, какъ той собакѣ, подохнуть безъ святого причастія!..

Вдругъ, покрывая сразу эту бурю проклятій, божбы и ругани, раздался громадный голосъ Кузьмы Сотника,

который, возвышаясь по плечи надъ толпою, кричалъ, побагровѣвъ отъ напряженія:

— Стой, братцы!.. Надо это дѣло обслѣдовать. Тащите его до Бузыги!

— Тащи!.. У-у-у!.. Бери!.. Всѣмъ имъ конецъ сдѣлаемъ!..

Съ той же стихійной стремительностью, съ какой эта толпа вторгалась въ хату, она кинулась на улицу. Кто-то схватилъ Василя сзади и швырнулъ его въ кучу барахтающихся тѣлъ, и, стиснутый со всѣхъ сторонъ, оглушенный, измятый въ дверяхъ кулаками и локтями, онъ былъ выброшенъ общимъ потокомъ наружу.

Необычное, странное зрѣлище представляло село въ это прелестное лѣтнее утро. Несмотря на будній, рабочій день, оно все кипѣло народомъ. Уже запряженныя въ телѣги и въ сохи, но впопыхахъ брошенныя людьми лошади стояли почти у каждыхъ воротъ. Ребятишки и бабы бѣжали, не оглядываясь, и все въ одномъ направленіи — къ церкви. Собаки заливались лаемъ, куры съ тревожнымъ кудахтаньемъ, безтолково махая крыльями, разлетались въ разныя стороны изъ-подъ ногъ. Толпа быстро увеличилась новыми людьми и раздалась во всю ширину улицы. Сбившись въ густую массу, задыхаясь въ давкѣ, разгорячаясь отъ прикосновенія другъ къ другу, люди бѣжали съ хриплыми криками, съ пѣной у рта, точно стая бѣшеныхъ животныхъ.

На лужайкѣ, передъ винной лавкой, сплошнымъ чернымъ кругомъ тѣснился народъ. Обѣ толпы слились, перепутались и сжали другъ друга. Какая-то чудовищная упругая сила выбросила впередъ Козла и Василя.

Въ серединѣ, на узкомъ, свободномъ пространствѣ, инстинктивно огороженномъ толпой, лежалъ на сырой и темной отъ крови травѣ Бузыга. Все лицо его представляло собою большой кусокъ окровавленнаго, разо-

драннаго въ клочья мяса. Одинъ глазъ былъ вырванъ и висѣлъ на чемъ-то, похожемъ на красную, мокрую тряпку. Другой глазъ былъ закрытъ. Вмѣсто носа по щекамъ разляпалась большая, мягкая кровяная лепешка. Усы были залиты кровью. Но самое ужасное, невыразимо-ужасное, было въ томъ, что этотъ обезображенный человѣкъ лежалъ на землѣ и молчалъ въ то время, когда вокругъ него клокоталъ и ревѣлъ опьяненный злобой народъ.

Кузьма Сотникъ схватилъ Козла за воротъ свитки и съ такой силой пригнулъ его внизъ, что старикъ упалъ на колѣни.

— Гей! Тихо! — крикнулъ Кузьма, обернувшись назадъ. — Молчите.

Онъ былъ сегодня вождемъ и возбудителемъ страстей. Его послушались. Ревъ толпы понемногу стихъ, точно убѣгая отъ переднихъ къ заднимъ.

— Бузыга! — раздѣльно и внятно крикнулъ среди наступившей тишины Кузьма, низко наклоняясь надъ конокрадомъ. — Слышишь, больше тебя бить не станемъ... Отвѣчай по совѣсти: былъ съ тобой Козелъ или нѣтъ?

Бузыга молчалъ, не открывая своего единственнаго глаза. Его грудь подымалась такъ часто и такъ высоко, что казалось невѣроятнымъ, что человѣкъ можетъ такъ дышать, и при каждомъ вздохѣ въ горлѣ у него что-то свистѣло и всхлипывало, точно тамъ съ трудомъ просачивалась сквозь узкую трубку какая-то жидкость.

— Ты не прикидывайся, сволочь! — грозно возвысилъ голосъ Кузьма и, высоко занесши ногу и крякнувъ отъ натуги, онъ со страшной силой ударилъ своимъ подкованнымъ сапогомъ Бузыгу въ низъ груди, въ то мѣсто, гдѣ начинаютъ расходиться ребра.

— У-ухъ! — тяжело и жадно вздохнула разомъ вся толпа.

Бузыга застоналъ и медленно поднялъ вѣко.

Первое, что̀ онъ увидѣлъ, было лицо Василя. Бузыга долго, пристально и равнодушно глядѣлъ на мальчика, и вдругъ Василю показалось, что запекшійся ротъ конокрада чуть-чуть тронулся страдальческой и ласковой улыбкой, и это было такъ неестественно, такъ жалко и такъ страшно, что Василь невольно вскрикнулъ, всплеснулъ руками и закрылъ лицо.

— Говори же, сатана! — крикнулъ въ ухо Бузыгѣ Сотникъ. — Слухай: если скажешь, кто тебѣ подмогалъ, сейчасъ отпустимъ. А то убьемъ, какъ собаку. Господа громада, скажите ему: правду я говорю, чи нѣтъ?..

— Правду... Говори, Бузыга, ничего тебѣ больше не будетъ, — глухой волной перекатилось въ толпѣ.

Бузыга тѣмъ же долгимъ, страннымъ взглядомъ поглядѣлъ на Василя и, съ усиліемъ раздвинувъ свои разбитыя губы, произнесъ еле слышно:

— Никто... не былъ... одинъ...

Онъ закрылъ глазъ, и опять его грудь заходила высоко и часто.

— Бей его! — пронзительно вырвался изъ заднихъ рядовъ чей-то дрожащій, нервный, полудѣтскій голосъ. Толпа шатнулась, глухо заворчала и плотнѣе надвинулась на узкое пространство, гдѣ лежалъ конокрадъ.

Козелъ, не вставая съ колѣнъ, подползъ къ Кузьмѣ и обхватилъ его ноги.

— Миленькіе!.. благодѣтели! — лепеталъ онъ безсмысленно и слезливо. — Ножки, ножки ваши цѣлую... Видитъ Богъ, дома былъ... ходилъ лыки драть... видитъ Богъ!.. Матерь Божія!.. Голубеночки жъ вы мои... миленькіе!.. Стопочки ваши цѣлую!.. Калѣка я...

И онъ, на самомъ дѣлѣ, ползая на колѣняхъ и не выпуская изъ рукъ сапогъ Кузьмы, такъ изступленно цѣловалъ ихъ, какъ будто въ этомъ одномъ заключа-

лось его спасеніе. Кузьма медленно оглянулся назадъ на толпу.

— Чортъ съ нимъ! — вяло произнесъ какой-то древній старикъ, стоявшій впереди.

— Чортъ съ нимъ! — подхватило нѣсколько голосовъ. — Може, и не онъ. Это крешевскіе, ихній и конь былъ!.. Чего тамъ?.. Отпустить Козла... Это крешевскіе... допросить старосту...

Козелъ продолжалъ ползать на колѣняхъ отъ одного мужика къ другому. Отъ ужаса близкой и жестокой смерти онъ уже перешелъ къ блаженной радости, но нарочно изъ угодливости притворялся непонимающимъ. Слезы бѣжали по его безобразно кривившемуся лицу. Онъ хваталъ, не разбирая, чьи-то жесткія мозолистыя руки, чьи-то вонючіе сапоги и въ засосъ, жадно цѣловалъ ихъ. Василь стоялъ, блѣдный и неподвижный, съ горящими глазами. Онъ не отрывался отъ страшнаго лица Бузыги, ища и боясь его взгляда.

— Уходи! — сурово сказалъ Кузьма Сотникъ и толкнулъ старика ногой въ спину. — Уходи и ты, Василько!.. Бузыга! — крикнулъ онъ тотчасъ же, повернувшись къ умиравшему конокраду. — Слышь! Я тебя въ послѣдній разъ спрашиваю: кто съ тобой былъ?

Толпа опять надвинулась ближе. Та же самая сила, которая только-что выбросила Козла и мальчика впередъ, теперь несла ихъ назадъ. И встрѣчные люди нетерпѣливо давали имъ дорогу, такъ какъ они мѣшали ихъ напряженному вниманію. Сквозь мягкую и плотную преграду человѣческихъ тѣлъ Василь слышалъ глухой, точно задавленный басъ Кузьмы, продолжавшаго допрашивать Бузыгу. Вдругъ прежній тонкій истеричный голосъ крикнулъ надъ самой головой мальчика:

— Бей Бузыгу!..

Всѣ, что стояли сзади, тяжело навалились, тѣсня пе-

рединхъ, и горячо задышали. Козелъ съ Василемъ очутились на свободѣ.

— Господи, Царица наша небесная! — радостно бормоталъ старикъ, однимъ обрубкомъ вытирая слезы, а другимъ торопливо крестясь. — Василь, родненькій ты мой! Господи!.. Выскочили мы съ тобой... Василь!.. Господи... выскочили! Что жъ ты стоишь? Бѣжимъ до хаты!..

— Иди, я не пойду, — мрачно сказалъ Василь.

Онъ, казалось, былъ не въ силахъ отвести свои горящіе глаза отъ черной, неподвижной, страшно молчаливой толпы. Его побѣлѣвшія губы шептали, дрожа и дергаясь, какія-то непонятныя слова.

— Василько, ходимъ же! — умолялъ Козелъ, хватая внука за руку.

Въ это время черная масса дрогнула и закачалась, точно лѣсъ подъ внезапно налетѣвшимъ вѣтромъ. Глухой и короткій стонъ ярости прокатился надъ ней. Въ одинъ мигъ она тѣсно сжалась и тотчасъ же опять раздалась, разорвавшись клочьями, и опять сжалась. И, оглушая другъ друга неистовыми криками, люди сплелись въ безобразной свалкѣ.

— Василь, миленькій, ради Бога! — бормоталъ заплетающимся языкомъ старикъ. — Пойдемъ... убьютъ вѣдь насъ!..

Ему удалось съ трудомъ оттащить мальчика отъ лужайки. Но на углу Василь, пораженный внезапно наступившей тишиной, вырвался отъ дѣда и оглянулся назадъ.

Толпа не бурлила больше. Она стояла неподвижнымъ, чернымъ кольцомъ и уже начинала таять: отдѣльныя фигуры — понурыя, съ робкими движеніями, точно прячась и стыдясь, медленно расползались въ разныя стороны.

— Господи, помяни раба Твоего, грѣшнаго Левонтія и учини его въ раи, — привычной пищенской скорого-

воркой зашепталъ Козелъ. — Убили Бузыгу, — сказалъ онъ съ притворной печалью.

Онъ зналъ, что народный гнѣвъ уже достаточно насытился кровью, и что смерть прошла мимо его головы, и не умѣлъ скрыть своей глубокой животной радости. Онъ заливался старческимъ, безшумнымъ длиннымъ смѣхомъ и плакалъ; болталъ лихорадочно, безъ остановки и безъ смысла, и дѣлалъ самъ себѣ лукавыя, странныя гримасы. Василь съ ненавистью поглядывалъ на него искоса и брезгливо хмурился.

БОЛОТО.

Лѣтній вечеръ гаснетъ. Въ засыпающемъ лѣсу стоитъ гулкая тишина. Вершины огромныхъ строевыхъ сосенъ еще алѣютъ нѣжнымъ отблескомъ догорѣвшей зари, но внизу уже стало темно и сыро. Острый, жаркій, сухой ароматъ смолистыхъ вѣтвей слабѣетъ, зато сильнѣе чувствуется сквозь него приторный запахъ дыма, которымъ тянуло весь день съ дальняго лѣсного пожарища. Неслышно и быстро опускается на землю мягкая сѣверная ночь. Птицы замолчали съ заходомъ солнца. Одни только дятлы еще выбиваютъ лѣниво, точно сквозь сонъ, свою глухую, монотонную дробь.

Вольнопрактикующій землемѣръ Жмакинъ и студентъ Николай Николаевичъ, сынъ небогатой вдовы-помѣщицы Сердюковой, возвращаются со съемки. Итти домой, въ Сердюковку, имъ поздно и далеко: они заночуютъ сегодня въ казенномъ лѣсу, у знакомаго лѣсника — Степана. Узкая тропинка вьется между деревьями, исчезая въ двухъ шагахъ впереди. Высокій и худой землемѣръ идетъ, сгорбившись и опустивъ внизъ голову, — идетъ тѣмъ рѣдкимъ, присѣдающимъ, но размашистымъ шагомъ, какимъ ходятъ привычные къ длиннымъ дорогамъ люди: мужики, охотники и землемѣры. Коротконогій, низенькій и полный студентъ едва поспѣваетъ за нимъ. Онъ вспотѣлъ и тяжело дышитъ открытымъ ртомъ; бѣлая

фуражка сбита на затылокъ; рыжеватые спутанные волосы упали на лобъ; пенсне сидитъ бокомъ на мокромъ носу. Ноги его то скользятъ и разъѣзжаются по прошлогодней, плотно улежавшейся хвоѣ, то съ грохотомъ цѣпляются за узловатыя корневища, протянувшіяся черезъ дорогу. Землемѣръ отлично видитъ это, но нарочно не убавляетъ шагу. Онъ усталъ, золъ и голоденъ. Затрудненія, испытываемыя студентомъ, доставляютъ ему злорадное удовольствіе.

Землемѣръ Жмакинъ дѣлаетъ, по приглашенію г-жи Сердюковой, упрощенный планъ хозяйства въ ея жиденькихъ, потравленныхъ скотомъ и вырубленныхъ крестьянами лѣсныхъ урочищахъ. Николай Николаевичъ добровольно вызвался помогать ему. Помощникъ онъ старательный и толковый, и характеръ у него самый удобный для компаніи: свѣтлый, ровный, безхитростный и ласковый, только въ немъ много еще осталось чего-то дѣтскаго, что̀ сказывается въ нѣкоторой наивной торопливости и восторженности. Землемѣръ же, наоборотъ, человѣкъ старый, одинокій, подозрительный и черствый. Всему уѣзду извѣстно, что онъ подверженъ тяжелымъ, продолжительнымъ запоямъ, и потому на работу его приглашаютъ рѣдко и платятъ скупо.

Днемъ у него еще кое-какъ ладятся отношенія съ молодымъ Сердюковымъ. Но къ вечеру землемѣръ обыкновенно устаетъ отъ ходьбы и отъ крика, кашляетъ и становится мелочно-раздражительнымъ. Тогда ему снова начинаетъ казаться, что студентъ только притворяется, что его интересуетъ съемка и болтовня съ крестьянами на привалахъ, а что на самомъ дѣлѣ онъ приставленъ помѣщицей съ тайнымъ наказомъ наблюдать, не пьетъ ли землемѣръ во время работы. И то обстоятельство, что студентъ такъ живо, въ недѣлю, освоился со всѣми тонкостями астролябической съемки, возбуждаетъ ревнивую

и оскорбительную зависть въ Жмакинѣ, который три раза проваливался, держа экзаменъ на частнаго землемѣра. Раздражаетъ старика и неудержимая разговорчивость Николая Николаевича, и его свѣжая, здоровая молодость, и заботливая опрятность въ одеждѣ, и мягкая, вѣжливая уступчивость, но мучительнѣе всего для Жмакина сознаніе своей собственной жалкой старости, грубости, пришибленности и безсильной, несправедливой злости.

Чѣмъ ближе подходитъ дневная съемка къ концу, тѣмъ ворчливѣе и безцеремоннѣе дѣлается землемѣръ. Онъ желчно подчеркиваетъ промахи Николая Николаевича и обрываетъ его на каждомъ шагу. Но въ студентѣ такая бездна молодой, неисчерпаемой доброты, что онъ, повидимому, совершенно неспособенъ обижаться. Въ своихъ ошибкахъ онъ извиняется съ трогательной готовностью, а на угловатыя выходки Жмакина отвѣчаетъ оглушительнымъ хохотомъ, который долго и раскатисто гуляетъ между деревьями. Точно не замѣчая мрачнаго настроенія землемѣра, онъ засыпаетъ его шутками и разспросами съ тѣмъ же веселымъ, немного неуклюжимъ и немного назойливымъ добродушіемъ, съ какимъ жизнерадостный щенокъ теребитъ за ухо большого, стараго, угрюмаго пса.

Землемѣръ шагаетъ молча и понуро. Николай Николаевичъ старается итти рядомъ съ нимъ, но такъ какъ онъ путается между деревьями и спотыкается, то ему часто приходится догонять своего спутника вприпрыжку. Въ то же время, несмотря на одышку, онъ говоритъ громко и горячо, съ оживленными жестами и съ неожиданными выкриками, отъ которыхъ идетъ гулъ по заснувшему лѣсу.

— Я живу въ деревнѣ недолго, Егоръ Иванычъ, — говоритъ онъ, стараясь сдѣлать свой голосъ проникновеннымъ, и убѣдительно прижимаетъ руки къ груди. — И я согласенъ, я абсолютно согласенъ съ вами въ томъ,

что я не знаю деревни. Но во всемъ, что я до сихъ поръ видѣлъ, такъ много трогательнаго, и глубокаго, и прекраснаго... Ну да, вы, конечно, возразите, что я молодъ, что я увлекаюсь... Я и съ этимъ готовъ согласиться, но, жестоковыйный практикъ, поглядите на народную жизнь съ философской точки зрѣнія...

Землемѣръ презрительно пожалъ однимъ плечомъ, усмѣхнулся криво и язвительно, но продолжалъ молчать.

— Посмотрите, дорогой Егоръ Иванычъ, какая страшная историческая древность во всемъ укладѣ деревенской жизни. Соха, борона, изба, телѣга — кто ихъ выдумалъ? Никто. Весь народъ скопомъ. Двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ эти предметы были точка въ точку въ такомъ же видѣ, какъ и теперь. Совсѣмъ такъ же люди тогда и сѣяли, и пахали, и строились. Двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ!.. Но когда же, въ какія чертовски отдаленныя времена сложился этотъ циклопическій обиходъ? Мы объ этомъ не смѣемъ даже думать, милый Егоръ Иванычъ. Здѣсь мы съ вами проваливаемся въ бездонную пропасть вѣковъ. Мы ровно ничего не знаемъ. Какъ и когда додумался народъ до своей первобытной телѣги? Сколько сотенъ, можетъ-быть, тысячъ лѣтъ ушло на эту творческую работу? Чортъ его знаетъ! — вдругъ крикнулъ во весь голосъ студентъ и торопливо передвинулъ фуражку съ затылка на самые глаза. — Я не знаю, и никто ничего не знаетъ... И такъ — все, чего только ни коснись: одежда, утварь, лапти, лопата, прялка, рѣшето!.. Вѣдь поколѣнія за поколѣніями, милліоны людей послѣдовательно ломали голову надъ ихъ изобрѣтеніемъ. У народа своя медицина, своя поэзія, своя житейская мудрость, свой великолѣпный языкъ, и при этомъ, — замѣтьте, — ни одного имени, ни одного автора! И хотя все это жалко и скудно въ сравненіи съ броненосцами и

телескопами, но — простите — меня какія-нибудь вилы удивляютъ и умиляютъ несравненно больше!..

— Ту-ру-ру, ти-лю-лю, — запѣлъ фальшиво Жмакинъ и завертѣлъ рукой, подражая шарманщику. — Завели машину. Удивляюсь, какъ это вамъ не надоѣсть: каждый день одно и то же?

— Нѣтъ, Егоръ Иванычъ, ради Бога! — заторопился студентъ. — Вы только послушайте, только послушайте меня. Мужикъ, куда онъ у себя ни оглянется, на что ни посмотритъ, вездѣ кругомъ него старая-престарая, сѣдая и мудрая истина. Все освѣщено дѣдовскимъ опытомъ, все просто, ясно и практично. А главное — абсолютно никакихъ сомнѣній въ цѣлесообразности труда. Возьмите вы доктора, судью, литератора. Сколько спорнаго, условнаго, скользкаго въ ихъ профессіяхъ! Возьмите педагога, генерала, чиновника, священника...

— Попросилъ бы не касаться религіи, — внушительнымъ басомъ замѣтилъ Жмакинъ.

— Ахъ, не въ этомъ дѣло, Егоръ Иванычъ, — нетерпѣливо и досадливо замахалъ рукой Сердюковъ. — Возьмите наконецъ прокурора, художника, музыканта. Я ничего не говорю, все это лица почтенныя. Но каждому изъ нихъ, навѣрное, хоть разъ приходила въ голову мысль: а вѣдь, чортъ побери, такъ ли ужъ нуженъ человѣчеству мой трудъ, какъ это кажется? У мужика же все удивительно стройно и ясно. Если ты весною посѣялъ, то зимою ты сытъ. Корми лошадь, и она тебя прокормитъ. Что можетъ быть вѣрнѣе и проще? И вотъ этого самаго практическаго мудреца извлекаютъ за шиворотъ изъ нѣдръ его удобопонятной жизни и тычутъ лицомъ къ лицу съ цивилизаціей. «Въ силу статьи такой-то и на основаніи кассаціоннаго рѣшенія за номеромъ такимъ-то, крестьянинъ Иванъ Сидоровъ, нарушившій интересы черезполоснаго владѣнія, приговаривается», и такъ

далѣе. Иванъ Сидоровъ на это весьма резонно отвѣчаетъ: «Ваше благородіе, да вѣдь еще наши дѣды-прадѣды пахали по эту вербу, вотъ и пень отъ нея остался». Но тогда является на сцену землемѣръ Егоръ Иванычъ Жмакинъ.

— Прошу безъ намековъ по моему адресу, — обидчиво прервалъ Жмакинъ.

— Является... ну, скажемъ, землемѣръ Сердюковъ, если это вамъ больше нравится, и изрекаетъ: «Линія АВ, отграничивающая владѣнія Ивана Сидорова, идетъ по румбу зюйдъ-остъ, сорокъ градусовъ тридцать минутъ». Очевидно, что Иванъ Сидоровъ, совмѣстно съ дѣдомъ и прадѣдомъ, запахалъ чужую землю. И вотъ Иванъ Сидоровъ сидитъ въ кутузкѣ, сидитъ совершенно правильно, по всѣмъ статьямъ уложенія о наказаніяхъ, но все-таки онъ ровно ничего не понимаетъ и хлопаетъ глазами. Что значитъ для него вашъ румбъ въ сорокъ градусовъ, если онъ съ молокомъ матери всосалъ убѣжденіе, что чужой земли на свѣтѣ не бываетъ, а что вся земля Божья?..

— Къ чему вы все это выражаете? — угрюмо спросилъ Жмакинъ.

— Или вотъ еще: гонятъ Ивана Сидорова на военную службу, — горячо продолжалъ Сердюковъ, не слушая землемѣра. — И вотъ дядька учитъ его: «Доверни прикладъ, втяни животъ, дѣлай — разъ! Подавайся всѣмъ корпусомъ впередъ...» Да позвольте же, господа! Я самъ прослужилъ отечеству два мѣсяца и охотно вѣрю, что для военной службы эти куништюки необходимы. Но вѣдь это же для мужика чистая абракадабра, колокольня въ уксусѣ, сапоги всмятку! Какъ хотите, но не можетъ же взрослый человѣкъ, оторванный отъ простой, серьезной и понятной жизни, повѣрить вамъ на слово, что эти фокусы дѣйствительно необходимы и имѣютъ разумное осно-

ваніе. И, конечно, онъ глядитъ на васъ, какъ баранъ на новыя ворота.

— Не довольно ли на сегодняшній разъ, Николай Николаевичъ? — сказалъ землемѣръ. — Мнѣ, по правдѣ говоря, надоѣла уже эта антимонія. Что-то вы такое изъ себя хотите изобразить, но толку у васъ ничего не выходитъ. Какого-то донъ-жуана изъ себя строите! И къ чему весь этотъ разговоръ, не понимаю я.

Огибавшій кустъ студентъ рысцой догналъ мрачно шагавшаго землемѣра.

— Вотъ вы сегодня утромъ говорили, что мужикъ глупъ, что мужикъ лѣнивъ, мужика надо драть, мужикъ раздурачился. Говорили вы это съ ненавистью и потому, конечно, были несправедливѣе, чѣмъ хотѣли бы. Но поймите же, дорогой Егоръ Иванычъ, что у насъ съ мужикомъ разныя измѣренія: онъ съ трудомъ постигаетъ третье, а мы уже начинаемъ предчувствовать четвертое. Сказать, что мужикъ глупъ! Послушайте, какъ онъ говоритъ о погодѣ, о лошади, о сѣнокосѣ. Чудесно: просто, мѣтко, выразительно, каждое слово взвѣшено и прилажено... Но послушайте вы того же мужика, когда онъ разсказываетъ о томъ, какъ онъ былъ въ городѣ, какъ заходилъ въ театръ и какъ по-благородному провелъ время въ трактирѣ съ машиной... Какія хамскія выраженія, какія дурацкія, исковерканныя слова, что̀ за подлый, лакейскій языкъ. Господа, нельзя же такъ! — воскликнулъ студентъ, обращаясь въ пространство и разводя руками съ такимъ видомъ, какъ будто весь лѣсъ былъ наполненъ слушателями. — Ну да, я знаю, мужикъ бѣденъ, невѣжественъ, грязенъ... Но дайте же ему вздохнуть. У него отъ вѣчной натуги грыжа, — историческая, соціальная грыжа. Накормите его, вылѣчите, выучите грамотѣ, а не пришибайте его вашимъ четвертымъ измѣреніемъ. Потому что я твердо увѣренъ, что, пока вы не

просвѣтите народа, всѣ ваши кассаціонныя рѣшенія, румбы, нотаріусы и сервитуты будутъ для него мертвыми словами четвертаго измѣренія!..

Жмакинъ вдругъ рѣзко остановился и повернулся къ студенту.

— Николай Николаевичъ! Да прошу же я васъ, наконецъ! — воскликнулъ онъ плачущимъ, бабьимъ голосомъ. — Такъ вы много разговариваете, что терпѣніе мое лопнуло. Не могу я больше, не желаю!.. Кажется, интеллигентный человѣкъ, а не понимаете такой простой вещи. Ну, говорили бы дома или съ товарищемъ своимъ. А какой же я вамъ товарищъ, спрашивается? Вы сами по себѣ, я самъ по себѣ и... и не желаю я этихъ разговоровъ. Имѣю полное право...

Николай Николаевичъ бокомъ, поверхъ стеколъ пенсне, поглядѣлъ на Жмакина. У землемѣра было необыкновенное лицо: спереди узкое, длинное и острое до карикатурности, но широкое и плоское, если глядѣть на него сбоку, — лицо безъ фаса, а съ однимъ только профилемъ и съ унылымъ, висячимъ носомъ. И въ мягкомъ, отчетливомъ сумракѣ поздняго вечера студентъ увидѣлъ на этомъ лицѣ такое скучное, тяжелое и сердитое отвращеніе къ жизни, что у него сердце заныло мучительной жалостью. Сразу, съ какой-то проникновенною, больною ясностью онъ вдругъ понялъ и почувствовалъ въ самомъ себѣ всю ту мелочность, ограниченность и безцѣльное недоброжелательство, которыя наполняли скудную и одинокую душу этого неудачника.

— Да вы не сердитесь, Егоръ Иванычъ, — сказалъ онъ примирительно и смущенно. — Я не хотѣлъ васъ обидѣть. Какой вы раздражительный!

— Раздражительный, раздражительный, — съ безтолковою злостью подхватилъ Жмакинъ. — Вполнѣ станешь раздражительнымъ. Не люблю я этихъ разговоровъ... вотъ

что... Да и вообще, какая я вамъ компанія? Вы человѣкъ образованный, аристократъ, а я что? Сѣрое существо, и ничего больше.

Студентъ разочарованно замолчалъ. Ему всегда становилось грустно, когда онъ въ жизни натыкался на грубость и несправедливость. Онъ отсталъ отъ землемѣра и молча шелъ за нимъ, глядя ему въ спину. И даже эта согнутая, узкая, жесткая спина, казалось, безъ словъ, но съ мрачною выразительностью говорила о нелѣпо и жалко проволочившейся жизни, о нескончаемомъ рядѣ пошлыхъ обидъ судьбы, объ упрямомъ и озлобленномъ самолюбіи...

Въ лѣсу совсѣмъ стемнѣло, но глазъ, привыкшій къ постепенному переходу отъ свѣта къ темнотѣ, различалъ вокругъ неясные, призрачные силуэты деревьевъ. Былъ тихій, дремотный часъ между вечеромъ и ночью. Ни звука ни шороха не раздавалось въ лѣсу, и въ воздухѣ чувствовался тягучій, медвяный травяной запахъ, плывшій съ далекихъ полей.

Дорога шла внизъ. На поворотѣ въ лицо студента вдругъ пахнуло, точно изъ глубокаго погреба, сырымъ холодкомъ.

– Осторожнѣе, здѣсь болото, — отрывисто и не оборачиваясь, сказалъ Жмакинъ.

Николай Николаевичъ только теперь замѣтилъ, что ноги его ступали неслышно и мягко, какъ по ковру. Вправо и влѣво отъ тропинки шелъ невысокій путаный кустарникъ, и вокругъ него, цѣпляясь за вѣтки, колеблясь и вытягиваясь, бродили разорванные неясно-бѣлые клочья тумана. Странный звукъ неожиданно пронесся по лѣсу. Онъ былъ протяженъ, низокъ и гармонично-печаленъ и, казалось, выходилъ изъ-подъ земли. Студентъ сразу остановился и затрясся на мѣстѣ отъ испуга.

— Что это, что?—спросилъ онъ дрожащимъ голосомъ.

— Вынь, — коротко и угрюмо отвѣтилъ землемѣръ. — Идемте, идемте. Это плотина.

Теперь ничего нельзя было разобрать. И справа и слѣва туманъ стоялъ сплошными бѣлыми мягкими пеленами. Студентъ у себя на лицѣ чувствовалъ его влажное и липкое прикосновеніе. Впереди равномѣрно колыхалось темное расплывающееся пятно: это была спина шедшаго впереди землемѣра. Дороги не было видно, но по сторонамъ отъ нея чувствовалось болото. Изъ него подымался тяжелый запахъ гнилыхъ водорослей и сырыхъ грибовъ. Почва плотины пружинилась и дрожала подъ ногами, и при каждомъ шагѣ гдѣ-то сбоку и внизу раздавалось жирное хлюпанье просачивающейся тины.

Землемѣръ вдругъ остановился. Сердюковъ съ размаху уткнулся лицомъ ему въ спину.

— Тише. Экъ васъ несетъ! — сердито огрызнулся Жмакинъ. — Подождите, я покричу лѣсника. Еще ухнешь, пожалуй, въ эту чортову трясину.

Онъ приложилъ ладони трубой ко рту и закричалъ протяжно:

— Степ-а-анъ!

Уходя въ мягкую бездну тумана, голосъ его звучалъ слабо и безцвѣтно, точно онъ отсырѣлъ въ мокрыхъ болотныхъ испареніяхъ.

— А чортъ его знаетъ, куда тутъ итти! — злобно проворчалъ, стиснувъ зубы, землемѣръ. — Впору хоть на четверенькахъ ползти. Степ-а-анъ! — крикнулъ онъ еще разъ раздраженнымъ и плачущимъ голосомъ.

— Степанъ! — поддержалъ отрывистымъ и глухимъ басомъ студентъ.

Они долго кричали по очереди, кричали до тѣхъ поръ, пока въ страшномъ отдаленіи отъ нихъ туманъ не засвѣтился въ одномъ мѣстѣ большимъ желтымъ безформеннымъ сіяніемъ. Но это свѣтящееся мутное пятно, ка-

залось, не приближалось къ нимъ, а медленно раскачивалось влѣво и вправо.

— Степанъ, ты, что ли? — крикнулъ въ эту сторону землемѣръ.

— Гопъ-гопъ! — отозвался изъ безконечной дали задушенный голосъ. — Никакъ Егоръ Иванычъ?

Мутное пятно въ одно мгновеніе приблизилось, разрослось, весь туманъ вокругъ сразу засіялъ золотымъ дымнымъ свѣтомъ, чья-то огромная тѣнь заметалась въ освѣщенномъ пространствѣ, и изъ темноты вдругъ вынырнулъ маленькій человѣкъ съ жестянымъ фонаремъ въ рукахъ.

— Такъ и есть, онъ самый, — сказалъ лѣсникъ, подымая фонарь на высоту лица. — А это кто съ вами? Никакъ сердюковскій барчукъ? Здравія желаемъ, Миколай Миколаичъ. Должно, ночевать будете? Милости просимъ. А я-то думаю себѣ: кто такой кричитъ? Ружье захватилъ на всякій случай.

Въ желтомъ свѣтѣ фонаря лицо Степана рѣзко и выпукло выдѣлялось изъ мрака. Все оно сплошь заросло русыми, курчавыми, мягкими волосами бороды, усовъ и бровей. Изъ этого лѣса выглядывали только маленькіе голубые глаза, вокругъ которыхъ лучами расходились тонкія морщинки, придававшія имъ всегдашнее выраженіе ласковой, усталой и въ то же время дѣтской улыбки.

— Такъ пойдемте, — сказалъ Степанъ и, повернувшись, вдругъ исчезъ, какъ будто растаялъ въ туманѣ. Большое желтое пятно его фонаря закачалось низко надъ землей, освѣщая кусочекъ узкой тропинки.

— Ну, что, Степанъ, все еще трясетъ тебя? — спросилъ Жмакинъ, идя вслѣдъ за лѣсникомъ.

— Все трясетъ, батюшка Егоръ Иванычъ, — отвѣтилъ издалека голосъ невидимаго Степана. — Днемъ еще крѣпимся понемногу, а какъ вечеръ, такъ и пошло трясти.

Да вѣдь, Егоръ Иванычъ, ничего не подѣлаешь... Привыкли мы къ этому.

— А Марьѣ не лучше?

— Гдѣ ужъ тамъ лучше. И жена и ребятишки всѣ извелись, просто бѣда. Грудной еще ничего покуда, да къ нимъ, конечно, не пристанетъ... А мальчонку, вашего крестника, на прошлой недѣлѣ свезли въ Никольское... Это ужъ мы третьяго по счету схоронили... Позвольте-ка, Егоръ Иванычъ, я вамъ посвѣчу. Поосторожнѣе тутъ.

Сторожка лѣсника, какъ успѣлъ замѣтить Николай Николаевичъ, была поставлена на сваяхъ, такъ что между ея поломъ и землею оставалось свободное пространство, аршина въ два высотою. Раскосая, крутая лѣстница вела на крыльцо. Степанъ свѣтилъ, поднявъ фонарь надъ головой, и, проходя мимо него, студентъ замѣтилъ, что лѣсникъ весь дрожитъ мелкой, ознобной дрожью, ежась въ своемъ сѣромъ форменномъ кафтанѣ и пряча голову въ плечи.

Изъ отворенной двери пахнуло теплымъ, прѣлымъ воздухомъ мужичьяго жилья вмѣстѣ съ кислымъ запахомъ дубленыхъ полушубковъ и печенаго хлѣба. Землемѣръ первый шагнулъ черезъ порогъ, низко согнувшись подъ притолкой.

— Здравствуй, хозяюшка! — сказалъ онъ привѣтливо и развязно.

Высокая, худая женщина, стоявшая у открытаго устья печи, слегка повернулась въ сторону Жмакина, сурово и безмолвно поклонилась, не глядя на него, и опять закопошилась у шестка. Изба у Степана была большая, но закопченная, пустая и холодная и потому производила впечатлѣніе заброшеннаго, нежилого мѣста. Вдоль двухъ темныхъ бревенчатыхъ стѣнъ, сходясь къ переднему углу, шли узкія и высокія дубовыя скамейки, неудобныя ни для лежанья, ни для сидѣнья. Передній

уголъ былъ занятъ множествомъ совершенно черныхъ образовъ, а вправо и влѣво висѣли, приклеенныя къ стѣнамъ хлѣбнымъ мякишемъ, извѣстныя лубочныя картины: страшный судъ со множествомъ зеленыхъ чертей и бѣлыхъ ангеловъ съ овечьими лицами, притча о Богатомъ и Лазарѣ, ступени человѣческой жизни, русскій хороводъ. Весь противоположный уголъ, тотъ, что былъ сейчасъ же влѣво отъ входа, занимала большая печь, разъѣхавшаяся на треть избы. Съ нея глядѣли, свѣсившись внизъ, двѣ дѣтскія головки, съ такими бѣлыми, выгорѣвшими на солнцѣ волосами, какіе бываютъ только у деревенскихъ ребятишекъ. Наконецъ у задней стѣны стояла широкая, двухспальная кровать съ краснымъ ситцевымъ пологомъ. На ней, далеко не доставая ногами до пола, сидѣла дѣвочка лѣтъ десяти. Она качала скрипучую дѣтскую люльку и съ испугомъ въ огромныхъ свѣтлыхъ глазахъ глядѣла на вошедшихъ

Въ углу, передъ образомъ, стоялъ пустой столъ, и надъ нимъ на металлическомъ прутѣ спускалась съ потолка висячая убогая лампа съ чернымъ отъ копоти стекломъ. Студентъ присѣлъ около стола, и тотчасъ же ему стало такъ скучно и тяжело, какъ будто бы онъ уже пробылъ здѣсь много-много часовъ въ томительномъ и вынужденномъ бездѣйствіи. Отъ лампы шелъ керосиновый чадъ, и запахъ его вызвалъ въ умѣ Сердюкова какое-то далекое, смутное, какъ сонъ, воспоминаніе. Гдѣ и когда это было? Онъ сидѣлъ одинъ въ пустой, сводчатой, гулкой комнатѣ, похожей на коридоръ; пахло ѣдкимъ чадомъ керосиновой лампы; за стѣной съ усыпляющимъ звономъ, капля по каплѣ, падала вода на чугунную плиту, а въ душѣ Сердюкова была такая длительная, сѣрая, терпѣливая скука.

— Поставь намъ самоварчикъ, Степанъ, и взбодри яишенку,—приказалъ Жмакинъ,

— Сейчасъ, батюшка Егоръ Иванычъ, сейчасъ,—засуетился Степанъ.—Марья,—неувѣренно обратился онъ къ женѣ:—какъ бы ты тамъ постаралась самоваръ? Господа будутъ чай пить.

— Да ужъ ладно. Не толкись, толкачъ,—съ неудовольствіемъ отозвалась Марья.

Она вышла въ сѣни. Землемѣръ покрестился на образа и сѣлъ за столъ. Степанъ помѣстился поодаль отъ господъ, на самомъ краю скамейки, тамъ, гдѣ стояли ведра съ водой.

— А я думаю себѣ, кто такой кричитъ?—началъ добродушно Степанъ.—Ужъ не лѣсничій ли нашъ? Да нѣтъ, думаю, куда ему ночью,—онъ ночью и дороги сюда не найдетъ. Чудной онъ у насъ баринъ. Непремѣнно, чтобы ему лѣсники ружьемъ на караулъ дѣлали, по-солдатски. Первое для него удовольствіе. Выйдешь съ ружьемъ и, конечно, рапортуешь: «Ваше-скородіе, во ввѣренномъ мнѣ обходѣ чернятинской лѣсной дачи все обстоитъ благополучно»... Ну, а впрочемъ, баринъ ничего, справедливый. А что касаемо, что дѣвокъ онъ портитъ, ну, это, конечно, не наше дѣло...

Онъ замолчалъ. Слышно было, какъ рядомъ, въ сѣняхъ, Марья со звономъ накладывала угли въ самоваръ, какъ на печкѣ громко дышали дѣти. Люлька продолжала скрипѣть монотонно и жалобно. Сердюковъ вглядѣлся внимательнѣе въ лицо дѣвочки, сидѣвшей на кровати, и оно поразило его своею болѣзненною красотой и необычайнымъ, непередаваемымъ выраженіемъ. Черты этого лица, несмотря на нѣкоторую одутловатость щекъ, были такъ нѣжны и тонки, что казались нарисованными безъ тѣней и безъ красокъ на прозрачномъ фарфорѣ, и тѣмъ ярче выступали среди нихъ неестественно большіе, свѣтлые, прекрасные глаза, которые глядѣли съ задумчивымъ и наивнымъ удивленіемъ, какъ глаза у святыхъ дѣвственницъ на картинахъ прерафаэлитовъ.

— Какъ тебя зовутъ, красавица? — спросилъ ласково студентъ.

Большеглазая дѣвочка закрыла лицо руками и быстро спряталась за пологъ.

— Боится. Ну, чего ты, глупая? — сказалъ Степанъ, точно извиняясь за дочь. Онъ неловко и добродушно улыбнулся, отчего все его лицо ушло въ бороду и стало похоже на свернувшагося клубкомъ ежа.—Варей ее звать. Да ты не бойся, дурочка, баринъ добрый,—успокаивалъ онъ дѣвочку.

— И она тоже больна?—спросилъ Николай Николаевичъ.

— Что-съ?—переспросилъ Степанъ. Густая щетина на его лицѣ разошлась, и опять изъ нея выглянули добрые, усталые глаза.—Больная, вы спрашиваете? Всѣ мы тутъ больные. И жена, и эта вотъ, и тѣ, что̀ на печкѣ. Всѣ. Во вторникъ третье дитя хоронили. Конечно, мѣстность у насъ сырая, это главное. Трясемся вотъ, и шабашъ!..

— Лѣчились бы, — сказалъ, покачавъ головой, студентъ.—Зайди какъ-нибудь ко мнѣ въ Сердюковку, я хины дамъ.

— Спасибо, Миколай Миколаевичъ, дай вамъ Богъ здоровья. Пробовали мы лѣчиться, да что-то ничего не выходитъ, — безнадежно развелъ руками Степанъ. — Трое вотъ, конечно, умерли у меня... Главная сила, мокреть здѣсь, болото, ну и духъ отъ него тяжелый, ржавый.

— Отчего же вы не переведетесь куда-нибудь въ другое мѣсто?

— Чего-съ? Да, въ другое мѣсто, вы сказываете?— опять переспросилъ Степанъ. Казалось, онъ не сразу понималъ то, что̀ ему говорятъ, и съ видимымъ усиліемъ, точно стряхивая съ себя дремоту, направлялъ на слова Сердюкова свое вниманіе.—Оно бы, баринъ, чего лучше перевестись. Да вѣдь все равно, кому-нибудь и

здѣсь жить надо. Дача, конечно, аграматная, и безъ лѣсника никакъ невозможно. Не мы—такъ другіе. До меня въ этой самой сторожкѣ жилъ лѣсникъ Галактіонъ, трезвый былъ такой человѣкъ, самостоятельный... Ну, конечно, похоронилъ сначала двоихъ ребятокъ, потомъ жену, а потомъ и самъ померъ. Я такъ полагаю, Миколай Миколаичъ, что это все равно, гдѣ жить. Ужъ Батюшка, Царь небесный, Онъ лучше знаетъ, кому гдѣ надлежитъ жить и что̀ дѣлать.

Марья вошла съ самоваромъ, отворивъ и затворивъ за собою дверь локтемъ.

— Усѣлся, трутень безмедовый!—накинулась она на Степана.—Подай хоть чашки-то!..

Она съ такою силой поставила на столъ самоваръ, точно хотѣла бросить его. Лицо у нея было не по лѣтамъ старое, изможденное, землистаго цвѣта; на щекахъ сквозь кору мелкихъ, частыхъ морщинъ горѣлъ нездоровый кирпичный румянецъ, а глаза неестественно сильно блестѣли. Съ такимъ же сердитымъ видомъ она швырнула на столъ чашки, блюдечки и коровай хлѣба.

Сердюковъ отказался отъ чая. Онъ сидѣлъ разстроенный, недоумѣвающій, удрученный всѣмъ, что̀ онъ видѣлъ и слышалъ сегодня. Мелочное, безсильно-язвительное недоброжелательство землемѣра, тихая покорность Степана передъ таинственной и жестокой судьбой, молчаливое раздраженіе его жены, видъ дѣтей, медленно, одинъ за другимъ, умирающихъ отъ болотной лихорадки,—все это сливалось въ одно гнетущее впечатлѣніе, похожее на болѣзненную, колючую, виноватую жалость, которую мы чувствуемъ, глядя пристально въ глаза умной больной собаки или въ печальные глаза идіота, которая овладѣваетъ нами, когда мы слышимъ или читаемъ про̀ добрыхъ, ограниченныхъ и обманутыхъ людей. И здѣсь, казалось Сердюкову, въ этой бѣдной,

узкой и скучной жизни, былъ чей-то злой и несправедливый обманъ.

Землемѣръ молча пилъ чашку за чашкой и жадно ѣлъ хлѣбъ, откусывая прямо отъ ломтя большими полукруглыми кусками. Во время ѣды связки сухожилій ходили у него подъ скулами, точно пучки струнъ, обтянутыхъ тонкою кожей, а глаза глядѣли равнодушно и тускло, какъ глаза жующаго животнаго. Изъ всей семьи только одинъ Степанъ согласился, послѣ долгихъ уговоровъ, выпить чашку чаю. Онъ пилъ ее долго и шумно, дуя на блюдечко, вздыхая и съ трескомъ грызя сахаръ. Окончивъ чай, онъ перекрестился, перевернулъ чашку вверхъ дномъ, а оставшійся у него въ рукахъ крошечный кусочекъ сахару бережливо положилъ обратно въ засиженную мухами жестяную коробочку.

Вяло и тоскливо тянулось время, и Сердюковъ думалъ о томъ, какъ много еще будетъ впереди скучныхъ и длинныхъ вечеровъ въ этой душной избѣ, затерявшейся одинокимъ островкомъ въ морѣ сырого, ядовитаго тумана. Потухавшій самоваръ вдругъ запѣлъ тонкимъ воющимъ голосомъ, въ которомъ слышалось привычное безысходное отчаяніе. Люлька не скрипѣла больше, но въ углу за печкой однообразно, черезъ правильные промежутки, кричалъ, навѣвая дремоту, сверчокъ. Дѣвочка, сидѣвшая на кровати, уронила руки между колѣнъ и задумчиво, какъ очарованная, глядѣла на огонь лампы. Ея громадные, съ неземнымъ выраженіемъ глаза еще больше расширились, а голова склонилась набокъ съ безсознательной и покорной граціей. О чемъ думала она, что̀ чувствовала, глядя такъ пристально на огонь? Временами ея худенькія ручки тянулись въ долгой, лѣнивой истомѣ, и тогда въ ея глазахъ мелькала на мгновеніе странная, едва уловимая улыбка, въ которой было что-то лукавое, нѣжное и ожидающее: точно она знала,

тайкомъ отъ остальныхъ людей, о чемъ-то сладкомъ, болѣзненно-блаженномъ, что̀ ожидало ее въ тишинѣ и въ темнотѣ ночи. И въ голову студента пришла странная, тревожная, почти суевѣрная мысль о таинственной власти болѣзни надъ этой семьей. Глядя въ необыкновенные глаза дѣвочки, онъ думалъ о томъ, что, можетъ-быть, для нея не существуетъ обыкновенной, будничной жизни. Медленно и равнодушно проходитъ для нея длинный день, съ его однообразными заботами, съ его безпокойнымъ шумомъ и суетой, съ его назойливымъ свѣтомъ. Но наступаетъ вечеръ, и вотъ, вперивъ глаза въ огонь, дѣвочка томится нетерпѣливымъ ожиданіемъ ночи. А ночью духъ неизлѣчимой болѣзни, измозжившій слабое дѣтское тѣло, овладѣваетъ ея маленькимъ мозгомъ и окутываетъ его дикими, мучительно-блаженными грезами...

Гдѣ-то давнымъ-давно Сердюковъ видѣлъ сцену извѣстнаго художника. Картина эта такъ и называлась «Малярія». На краю болота, около воды, въ которой распустились бѣлыя кувшинки, лежитъ дѣвочка, широко разметавъ во снѣ руки. А изъ болота, вмѣстѣ съ туманомъ, теряясь въ немъ легкими складками одежды, подымается тонкій, неясный призракъ женской фигуры съ огромными дикими глазами и медленно, страшно медленно тянется къ ребенку. Сердюковъ вспомнилъ вдругъ эту забытую картину и тотчасъ же почувствовалъ, какъ мистическій страхъ холодною щеткой проползъ у него по спинѣ отъ затылка до поясницы.

— Ну-съ, въ Америкѣ такой обычай: посидятъ-посидятъ, да и спать, — сказалъ землемѣръ, вставая со стула.—Стели-ка намъ, Марья.

Всѣ поднялись съ своихъ мѣстъ. Дѣвочка заложила за голову сцѣпленные пальцы рукъ и сильно потянулась всѣмъ тѣломъ. Она зажмурила глаза, но губы ея улыбались радостно и мечтательно. Зѣвая и потягиваясь,

Марья принесла двѣ большихъ охапки сѣна. Съ лица ея сошло сердитое выраженіе, блестящіе глаза смотрѣли мягче, и въ нихъ было то же странное выраженіе нетерпѣливаго и томнаго ожиданія.

Покуда она сдвигала лавки и стелила на нихъ сѣно, Николай Николаевичъ вышелъ на крыльцо. Ни впереди ни по сторонамъ ничего не было видно, кромѣ плотнаго, сѣраго, влажнаго тумана, и высокое крыльцо, казалось, плавало въ немъ, какъ лодка въ морѣ. И когда онъ вернулся обратно въ избу, то его лицо, волосы и одежда были холодны и мокры, точно они насквозь пропитались ѣдкимъ болотнымъ туманомъ.

Студентъ и землемѣръ легли на лавки, головами подъ образа и ногами врозь. Степанъ устроился на полу, около печки. Онъ потушилъ лампу, и долго было слышно, какъ онъ шепталъ молитвы и, кряхтя, укладывался. Потомъ откуда-то прошмыгнула на кровать Марья, безшумно ступая босыми ногами. Въ избѣ было тихо. Только сверчокъ однообразно, черезъ каждыя пять секундъ, издавалъ свое монотонное, усыпляющее цырканье, да муха билась объ оконное стекло и настойчиво жужжала, точно повторяя все одну и ту же докучную, безконечную жалобу.

Несмотря на усталость, Сердюковъ не могъ заснуть. Онъ лежалъ на спинѣ съ открытыми глазами и прислушивался къ осторожнымъ ночнымъ звукамъ, которые въ темнотѣ, во время безсонницы, пріобрѣтаютъ такую странную отчетливость. Землемѣръ заснулъ почти мгновенно. Онъ дышалъ открытымъ ртомъ, и казалось, что при каждомъ вздохѣ у него въ горлѣ лопалась тоненькая перепонка, сквозь которую быстро и сразу прорывался задержанный воздухъ. Дѣвочка, лежавшая на кровати рядомъ съ матерью, вдругъ проговорила торопливо и неясно длинную фразу... Двое дѣтей на печкѣ дышали часто и усиленно, точно стараясь сдунуть со своихъ губъ

палящій лихорадочный зной... Степанъ тихо, протяжно стоналъ при каждомъ вздохѣ.

— М-а-а-мка, пи-и-ить! — капризно и сонно запросилъ дѣтскій голосъ.

Марья послушно вскочила съ кровати и зашлепала босыми ногами къ ведру. Студентъ слышалъ, какъ заплескалась вода въ желѣзномъ ковшѣ, и какъ ребенокъ долго и жадно пилъ большими, громкими глотками, останавливаясь, чтобы перевести духъ. И опять все стихло, Размѣренно лопалась въ груди землемѣра тонкая перепонка, жалобно билась о стекло муха, и часто-часто, какъ маленькіе паровозики, дышали дѣтскія грудки. Старшая дѣвочка вдругъ проснулась и сѣла на кровати. Она долго силилась что-то выговорить, но не могла и только стучала зубами въ страшномъ ознобѣ. «Хо-о-ло-дно!»— разслышалъ наконецъ Сердюковъ прерывистые, заикающіеся звуки. Марья со вздохами и нѣжнымъ шопотомъ укутала дѣвочку тулупомъ, но студентъ долго еще слышалъ въ темнотѣ сухое и частое щелканье ея зубовъ.

Сердюковъ напрасно употреблялъ всѣ знакомыя ему средства, чтобы уснуть. Считалъ онъ до ста и далѣе, повторялъ знакомые стихи и jus'ы изъ пандектовъ, старался представить себѣ блестящую точку и волнующуюся поверхность моря. Но испытанныя средства не помогали. Кругомъ часто и жарко дышали больныя груди, и въ душной темнотѣ чудилось таинственное присутствіе кровожаднаго и незримаго духа, который, какъ проклятіе, поселился въ избѣ лѣсника.

Около кровати заплакалъ ребенокъ. Мать спросонья толкнула люльку и, сама борясь съ дремотой, запѣла подъ жалобный скрипъ веревокъ старинную колыбельную пѣсню:

Аа—аа—аа—а!
И всѣ лю-ю-ди-и спятъ,
И всѣ звѣ-ѣ-ри-и спятъ...

Лѣниво и зловѣще раздавалась въ тишинѣ, переходя изъ полутона въ полутонъ, эта печальная, усыпляющая пѣсня, и чѣмъ-то древнимъ, чудовищно-далекимъ вѣяло отъ ея наивной, грубой мелодіи. Казалось, что именно такъ, хотя и безъ словъ, должны были пѣть загадочные и жалкіе полулюди на зарѣ человѣческой жизни, глубоко за предѣлами исторіи. Вымирающіе, подавленные ужасами ночи и своею безпомощностью, сидѣли они голые въ прибрежныхъ пещерахъ, у первобытнаго огня, глядѣли на таинственное пламя и, обхвативъ руками острыя колѣни, качались взадъ и впередъ подъ звуки унылаго, безконечно долгаго, воющаго мотива.

Кто-то постучалъ снаружи въ окно, надъ самой головой студента, который вздрогнулъ отъ неожиданности. Степанъ поднялся съ полу. Онъ долго стоялъ на одномъ мѣстѣ, чмокалъ губами и, точно жалѣя разстаться съ дремотою, лѣниво чесалъ грудь и голову. Потомъ, сразу очнувшись, онъ подошелъ къ окну, прильнулъ къ нему лицомъ и крикнулъ въ темноту:

— Кто тамъ?

— Гу-у-у, — глухо, черезъ стекло, загудѣлъ чей-то голосъ.

— Въ Кислинской? — спросилъ вдругъ Степанъ невидимаго человѣка. — Ага, слышу. Поѣзжай съ Богомъ, я сейчасъ.

— Что̀? Что̀ такое, Степанъ? — тревожно спросилъ студентъ.

Степанъ шарилъ наугадъ рукой въ печкѣ, ища спичекъ.

— Эхъ... иттить надо-ть, — сказалъ онъ съ сожалѣніемъ. — Ну, да ничего не подѣлаешь... Пожаръ, видишь, перекинулся къ намъ въ Кислинскую дачу, такъ вотъ лѣсничій велѣлъ всѣхъ лѣсниковъ согнать... Сейчасъ объѣзчикъ пріѣзжалъ верхомъ.

Вздыхая, кряхтя и позѣвывая, Степанъ зажегъ лампу и одѣлся. Когда онъ вышелъ въ сѣни, Марья быстро и легко скользнула съ кровати и пошла затворить за нимъ двери. Изъ сѣней вдругъ ворвался въ нагрѣтую комнату вмѣстѣ съ холодомъ, точно чье-то ядовитое дыханіе, гнилой, приторный запахъ тумана.

— Взялъ бы фонарь-то съ собою, — сказала за дверями Марья.

— Чего тамъ! Съ фонаремъ еще хуже дорогу потеряешь, — отвѣтилъ глухо, точно изъ-подъ полу, спокойный голосъ Степана.

Опершись подбородкомъ о подоконникъ, Сердюковъ прижался лицомъ къ стеклу. На дворѣ было темно отъ ночи и сѣро отъ тумана. Изъ отверстій, которыя оставались между рамой и плохо пригнанными стеклами, дулъ острыми, тонкими струйками холодный воздухъ. Подъ окномъ послышались тяжелые, торопливые шаги Степана, но его самого не было видно, — туманъ и ночь поглотили его. Безъ разсужденій, безъ жалобъ, разбитый лихорадкой, онъ всталъ среди ночи и пошелъ въ эту сырую тьму, въ это ужасное, таинственное безмолвіе. Здѣсь было что-то совершенно непонятное для студента. Онъ вспомнилъ сегодняшнюю вечернюю дорогу, мутно-бѣлыя завѣсы тумана по сторонамъ плотины, мягкое колебаніе почвы подъ ногами, низкій протяжный крикъ выпи, — и ему стало нестерпимо, по-дѣтски жутко. Какая загадочная, невѣроятная жизнь копошилась по ночамъ въ этомъ огромномъ, густомъ, мѣстами бездонномъ болотѣ? Какіе уродливые гады извивались и ползали въ немъ между мокрымъ камышомъ и корявыми кустами вербы? А Степанъ шелъ теперь черезъ это болото, совсѣмъ одинъ, тихо повинуясь судьбѣ, безъ страха въ сердцѣ, но дрожа отъ холода, отъ сырости и отъ пожиравшей его лихорадки, отъ той самой лихорадки, которая унесла въ мо-

гилу трехъ его дѣтей и, навѣрное, унесетъ остальныхъ. И этотъ простосердечный человѣкъ, съ его наѣженной бородой и кроткими, усталыми глазами, былъ теперь непостижимъ, почти жутокъ для Сердюкова.

На студента нашло тяжелое, чуткое забытье. Онъ видѣлъ блѣдные, неясные образы лицъ и предметовъ и въ то же время сознавалъ, что спитъ, и говорилъ себѣ: «Вѣдь это сонъ, это мнѣ только кажется...» Въ смутныхъ и печальныхъ грезахъ мѣшались все тѣ же самыя впечатлѣнія, которыя онъ переживалъ днемъ: съемка въ пахучемъ сосновомъ лѣсу, подъ солнечнымъ припекомъ, узкая лѣсная тропинка, туманъ по бокамъ плотины, изба Степана и онъ самъ съ его женой и дѣтьми. Снилось также Сердюкову, что онъ горячо, до боли въ сердцѣ, споритъ съ землемѣромъ. «Къ чему эта жизнь? — говоритъ онъ со страстными слезами на глазахъ.—Кому нужно это жалкое, нечеловѣческое прозябаніе? Какой смыслъ въ болѣзняхъ и въ смерти милыхъ, ни въ чемъ неповинныхъ дѣтей, у которыхъ высасываетъ кровь уродливый болотный вампиръ? Какой отвѣтъ, какое оправданіе можетъ дать судьба въ ихъ страданіяхъ?» Но землемѣръ досадливо морщился и отворачивалъ лицо. Ему давно надоѣли философскіе разговоры. А Степанъ стоялъ тутъ же и улыбался ласково и снисходительно. Онъ тихо покачивалъ головой, какъ будто жалѣя этого нервнаго и добраго юношу, который не понимаетъ, что человѣческая жизнь скучна, бѣдна и противна, и что не все ли равно, гдѣ умереть, — на войнѣ или въ путешествіи, дома или въ гнилой болотной трясинѣ?

И когда Сердюковъ очнулся, то ему показалось, что онъ не спалъ, а только думалъ упорно и безпорядочно объ этихъ вещахъ. На дворѣ уже начиналось утро. Въ туманѣ попрежнему нельзя было ничего разобрать, но онъ былъ уже бѣлаго молочнаго цвѣта и медленно

колебался, какъ тяжелая, готовая подняться занавѣсь.

Сердюкову вдругъ жадно, до страданія, захотѣлось увидѣть солнце и вздохнуть яснымъ, чистымъ воздухомъ лѣтняго утра. Онъ быстро одѣлся и вышелъ на крыльцо. Влажная волна густого ѣдкаго тумана, хлынувъ ему въ ротъ, заставила его раскашляться. Низко нагибаясь, чтобы различить дорогу, Сердюковъ перебѣжалъ плотину и быстрыми шагами пошелъ вверхъ. Туманъ садился ему на лицо, смачивалъ усы и рѣсницы, чувствовался на губахъ, но съ каждымъ шагомъ дышать становилось легче и легче. Точно карабкаясь изъ глубокой и сырой пропасти, взбѣжалъ наконецъ Сердюковъ на высокій песчаный бугоръ и задохнулся отъ прилива невыразимой радости. Туманъ лежалъ бѣлой колыхающейся безконечною гладью у его ногъ, но надъ нимъ сіяло голубое небо, шептались душистыя зеленыя вѣтви, а золотые лучи солнца звенѣли ликующимъ торжествомъ побѣды.

НА ПОКОЪ.

I.

Когда единственный сынъ купца I-й гильдіи Пила Овсянникова, послѣ долгихъ безпутныхъ скитаній изъ труппы въ труппу, умеръ отъ чахотки и пьянства въ наровчатской городской больницѣ, то отецъ, не только отказывавшій сыну при его жизни въ помощи, но даже грозившій ему торжественнымъ проклятіемъ при отверстыхъ царскихъ вратахъ, основалъ въ годовщину его смерти «Убѣжище для престарѣлыхъ и немощныхъ артистовъ, имени Алексѣя Ниловича Овсянникова». Оттого ли, что учрежденіе это находилось въ глухомъ губернскомъ городѣ, или по другимъ причинамъ, но жильцовъ въ немъ всегда бывало мало. Убѣжище помѣщалось въ опустѣвшемъ барскомъ особнякѣ, всѣ комнаты котораго давнымъ-давно пришли въ ветхость, за исключеніемъ громадной залы съ паркетнымъ поломъ, венеціанскими окнами и бѣлыми, крашеными известкой, кривыми отъ времени колоннами. Въ этой залѣ и ютились осенью 1899-го года пятеро старыхъ, бездомныхъ актеровъ, загнанныхъ сюда нуждой и болѣзнями.

Посрединѣ залы стоялъ овальный обѣденный столъ, обтянутый желтой, подъ мраморъ, клеенкой, а у стѣнъ между колоннами размѣщались кровати, и около каждой

по шкапчику, совершенно такъ же, какъ это заведено въ больницахъ и пансіонахъ. Венеціанскихъ оконъ никогда не отворяли, изъ боязни сквозняка, отъ этого въ комнатѣ прочно установился запахъ нечистоплотной, холостой старости, — запахъ застоявшагося табачнаго дыма, грязнаго бѣлья и больницы. Вверху, между стѣнами и потолкомъ, всегда висѣла сѣрая, пыльная бахрома прошлогодней паутины.

Лучшимъ мѣстомъ считался уголъ около большой голландской печи, старинные изразцы которой были разрисованы синими тюльпанами. Здѣсь зимой бывало очень тепло, а широкая печь, отгораживая съ одной стороны кровать, придавала ей, до нѣкоторой степени, видъ отдѣльнаго жилья. Въ этомъ привилегированномъ мѣстѣ устроился самый давній обитатель Овсянниковскаго дома, бывшій опереточный теноръ Лидинъ-Байдаровъ, слабоумный, тупой и необыкновенно спѣсивый мужчина, съ трудомъ носившій на тонкихъ, изуродованныхъ подагрой ногахъ свое грузное и немощное тѣло. Попавъ въ убѣжище съ самаго дня его основанія, онъ держалъ себя въ немъ хозяиномъ и первый далъ тонъ сквернымъ анекдотамъ и циничнымъ ругательствамъ, никогда не прекращавшимся въ общихъ разговорахъ. Онъ же покрывалъ бѣлыя колонны залы и стѣнки уборной тѣми гнусными рисунками и омерзительными изреченіями въ стихахъ и прозѣ, на которые было неистощимо его болѣзненное воображеніе тайнаго эротомана.

По другую сторону печи, ближе къ окнамъ, помѣщался бывшій суфлеръ Иванъ Степановичъ, — плѣшивый, беззубый, сморщенный старикашка. Въ былыя времена весь театральный міръ звалъ его фамильярно «Стаканычемъ»; это прозвище сохранилось за нимъ и въ убѣжищѣ. Стаканычъ былъ человѣкъ кроткій, набожный, сильно глуховатый на оба уха и, какъ всѣ глухіе, застѣн-

чивый. Ежедневно, по нѣскольку разъ, Лидинъ-Байдаровъ развлекался тѣмъ, что, сохраняя на лицѣ озабоченное выраженіе, говорилъ старому суфлеру издали всякія сальности, на что Стаканычъ улыбался ласковой смущенной улыбкой, торопливо кивалъ головой и отвѣчалъ невпопадъ, къ великому удовольствію бывшаго опереточнаго премьера, которому эта шутка никогда не надоѣдала.

Съ утра до вечера Стаканычъ мастерилъ изъ разноцвѣтныхъ бумажекъ, тонкой проволоки и бисера какія-то удивительно хитрыя коробочки. Разъ или два въ годъ онъ отсылалъ ихъ партіями своему сыну Васѣ, служившему гдѣ-то въ уѣздномъ театрѣ, «на выходахъ». Если же онъ не клеилъ коробочекъ, то раскладывалъ на своей кровати пасьянсы, которыхъ зналъ чрезвычайно много.

По ту же сторону, но совсѣмъ у оконъ, обиталъ старый трагикъ Славяновъ-Райскій. Изо всѣхъ пятерыхъ онъ одинъ пользовался нѣкогда широкой и шумной извѣстностью. Въ продолженіе семи лѣтъ его имя, напечатанное въ афишахъ аршинными буквами, гремѣло по всѣмъ провинціальнымъ городамъ Россіи. Но черезъ годъ послѣ его угарнаго заката публика и печать сразу и совершенно позабыли о немъ. За кулисами, впрочемъ, старые актеры долго еще вспоминали о небывалыхъ и безумныхъ успѣхахъ его гастролей, о бѣшеныхъ деньгахъ, которыя онъ разбрасывалъ въ своихъ легендарныхъ кутежахъ, и о скандалахъ и дракахъ, которые онъ устраивалъ въ каждомъ городѣ.

Съ товарищами по общежитію Славяновъ-Райскій держался надменно и былъ презрительно неразговорчивъ. По цѣлымъ днямъ онъ лежалъ на кровати, молчалъ и безъ перерыва курилъ огромныя самодѣльныя папиросы. Иногда же, внезапно вскочивъ, онъ принимался ходить взадъ и впередъ по залѣ, отъ оконъ къ дверямъ и обратно, мел-

кими и быстрыми шагами. И во время этой лихорадочной бѣготни онъ дѣлалъ руками передъ лицомъ короткія негодующія движенія и отрывисто бормоталъ непонятныя фразы...

Напротивъ стояла кровать «дѣдушки», котораго, такъ же, какъ и Стаканыча, весь актерскій міръ зналъ больше по этому прозвищу, чѣмъ по фамиліи. Уже цѣлыхъ три мѣсяца дѣдушка не вставалъ съ постели и, обросшій бѣлыми мягкими длинными волосами, лежалъ изсохшій и благообразный, напоминая въ своей бѣлой рубашкѣ иконописное изображеніе отходящаго угодника. Онъ говорилъ мало, съ передышками, глухимъ и тонкимъ старческимъ голосомъ и съ такимъ трудомъ, какъ будто бы стоналъ на каждомъ словѣ. У него болѣла грудь, но кашлять по-настоящему ему было трудно, и онъ только крякхтѣлъ слабо и жалобно. Дѣдушка былъ очень старъ, вѣроятно, старше всѣхъ современныхъ русскихъ актеровъ. Въ прежнее же время онъ былъ извѣстенъ во многихъ труппахъ, какъ хорошій актеръ на амплуа резонеровъ и дѣльный, грамотный режиссеръ.

Пятымъ и послѣднимъ обитателемъ убѣжища былъ комическій актеръ Михаленко, — раздутый водянкой, задыхающійся отъ астмы цинкъ. Хрипя, еле переводя дыханіе, съ трудомъ выжимая изъ своей оплывшей груди слова, онъ, едва проснувшись, принимался браниться съ кѣмъ-нибудь изъ сосѣдей и прекращалъ это занятіе, только ложась вечеромъ въ постель. Языкъ у него былъ острый, злой и безпощадно, по-актерски, грубый. Въ немъ вѣчно кипѣла завистливая, истерическая злоба, заставлявшая его интриговать, сплетничать и писать на своихъ товарищей нелѣпые анонимные доносы попечителямъ убѣжища. Въ сквернословіи Михаленко состязался съ Лидинымъ-Байдаровымъ, уступая опереточному тенору въ изумительной способности изобрѣтать и сплетать между со-

бою самыя невѣроятныя гнусности, но превосходя его злой и мѣткой язвительностью. Живая память сохранила ему неизсякаемый запасъ мерзостей закулисной жизни: любовныхъ связей, скандаловъ, дракъ, неудачъ и преступленій. Ссорясь съ сосѣдями, онъ умѣлъ извлекать изъ ихъ театральнаго прошлаго наиболѣе постыдныя, наиболѣе чувствительныя страницы и такъ разрисовывалъ ихъ своимъ беззастѣнчивымъ юморомъ, что за нимъ всегда оставалось послѣднее слово. Одинъ глазъ у него былъ вставной, — тусклый, маленькій и слезливый, зато здоровый огромнымъ голубымъ шаромъ вылѣзалъ изъ своей орбиты и всегда носилъ разгнѣванное выраженіе.

Жизнь въ убѣжищѣ текла однообразно и скучно. Просыпались актеры очень рано, зимою задолго до свѣта, и тотчасъ же, въ ожиданіи чая, еще не умывшись, принимались курить. Со сна всѣ чувствовали себя злыми и обезсилѣвшими и кашляли утреннимъ старческимъ, давящимся кашлемъ. И такъ какъ въ этой убогой жизни неизмѣнно повторялись не только дни, но и слова и жесты, то всякій заранѣе ждалъ, что Михаленко, задыхаясь и откашливаясь, непремѣнно скажетъ старую остроту:

— Вотъ это настоящій акцизный кашель!..

А дѣдушка, знавшій когда-то иностранные языки и до сихъ поръ не упускавшій случая хвастнуть этимъ, прибавлялъ своимъ стонущимъ фальцетомъ:

— Bierhusten. Это у нѣмцевъ называется Bierhusten. Пивной кашель...

Потомъ служившій при убѣжищѣ отставной николаевскій солдатъ Тихонъ приносилъ кипятокъ и неизмѣнныя сайки. Актеры заваривали чайники и уносили ихъ къ своимъ столикамъ. Пили чай очень долго и по многу, пили съ кряхтѣньемъ и вздохами, но молча. Послѣ чая разсказывали сны и толковали ихъ: видѣть рѣку означало близкую дорогу, вши и грязь предвѣщали неожиданныя

деньги, мертвецъ — дурную погоду. Сновидѣнья Лидина-Байдарова всегда заключали въ себѣ какую-нибудь сладострастную пакость. Затѣмъ шло на цѣлый день лежанье на грязныхъ, всклоченныхъ постеляхъ съ неприбранными, засаленными одѣялами. Отъ скуки и бездѣлья курили страшно много. Иногда посылали Тихона за газетой, но читали ее только двое: Михаленко, ревниво слѣдившій до сихъ поръ за именами бывшихъ товарищей по сценѣ, и Стаканычъ, котораго больше всего интересовали описанія грабежей, столкновеній поѣздовъ и военныхъ парадовъ. Дѣдушка плохо видѣлъ и потому просилъ изрѣдка почитать себѣ вслухъ. Но изъ этого мало выходило толку: беззубый суфлеръ шепелявилъ, брызгалъ слюной, и у него нельзя было разобрать ни слова, а Михаленко, читая, придѣлывалъ къ каждой фразѣ такія непристойныя окончанія, что дѣдушка въ концѣ концовъ махалъ рукою и говорилъ сердито:

— Ну, пошелъ врать, дуракъ. Эка мелетъ мелево!.. Уходи, не хочу слушать.

Разговаривали рѣдко, но подолгу, и всегда кончали ссорой и уличали другъ друга въ лганьѣ. Въ большомъ ходу были анекдоты, при чемъ у каждаго обозначалась своя область... Стаканычъ, который происходилъ изъ духовнаго званія, умѣлъ разсказывать про семинаристовъ, поповъ и архіереевъ; Михаленко былъ неистощимъ въ закулисныхъ исторіяхъ и помнилъ наизусть безчисленное множество неприличныхъ стихотворныхъ эпиграммъ, приписываемыхъ Ленскому, Милославскому, Каратыгину и другимъ актерамъ; Байдаровъ говорилъ противоестественныя и совершенно нелѣпыя гадости о женщинахъ. Впрочемъ, на послѣднюю тему всѣ они, не исключая набожнаго Стаканыча и не встававшаго съ постели дѣдушки, любили поговорить, и ихъ собственное безсиліе, ихъ физическая и душевная немощь придавали этимъ

разговорамъ уродливый и страшный характеръ. Ни разу, хотя бы случайно, ни одинъ изъ нихъ не помянулъ приличнымъ словомъ женщину, какъ мать, жену или сестру; женщина была въ ихъ представленіи исключительно самкой, — красивымъ, лукавымъ и безобразно-похотливымъ животнымъ.

Иногда актеры вспоминали и свои собственныя театральныя приключенія. Михаленко называлъ это «кислыми разсказами изъ прежней жизни». И, сами не замѣчая, они передавали одинъ и тотъ же эпизодъ по нѣскольку разъ, въ однихъ и тѣхъ же выраженіяхъ, съ одинаковыми жестами и интонаціями; даже цѣплялись у нихъ анекдоты и кислые разсказы одинъ за другой все въ томъ же порядкѣ, по однѣмъ и тѣмъ же ассоціаціямъ мыслей. Отъ этого часто случалось, что, проговоривъ часъ или два подъ рядъ, актеры вдругъ ощущали вмѣстѣ съ усталостью и скукой чувство нестерпимаго отвращенія къ самимъ себѣ и къ своимъ сожителямъ.

Для нихъ не было ничего святого. Всѣ они, не переставая, богохульствовали, и даже полумертвый дѣдушка любилъ разсказывать очень длинный и запутанный анекдотъ, гдѣ Авраамъ и три странника у дуба Мамврійскаго играли въ карты и совершали разныя неприличныя вещи. Но по ночамъ, во время тоскливой старческой безсонницы, когда такъ назойливо лѣзли въ голову мысли о безтолково прожженной жизни, о собственномъ немощномъ одиночествѣ, о близкой смерти, — актеры горячо и трусливо вѣровали въ Бога, и въ ангеловъ-хранителей, и въ святыхъ чудотворцевъ, и крестились тайкомъ подъ одѣяломъ и шептали дикія, импровизированныя молитвы. Утромъ вмѣстѣ съ ночными страхами проходила и вѣра. Одинъ только Стаканычъ былъ сдержаннѣе и послѣдовательнѣе другихъ. Онъ даже пробовалъ кое-когда, вставши съ постели, торопливо, украдкой, креститься на образъ, но

каждый разъ ему мѣшалъ Михаленко, который, стоя за нимъ, шутовски кланялся, размахивалъ правой рукой, какъ будто въ ней было кадило, и хриплымъ дьячковскимъ басомъ вытягивалъ:

— Паки и паки, съѣли попа собаки, если бы не дьячки, разорвали бы въ клочки...

Въ два часа актеры обѣдали и за обѣдомъ неизмѣнно ругали непечатной бранью основателя убѣжища, купца 1-й гильдіи Овсянникова. Прислуживалъ имъ все тотъ же солдатъ Тихонъ; его огорчало, что господа говорятъ за столомъ гадости, и иногда онъ пробовалъ остановить Михаленку, который былъ на языкъ невоздержаннѣе прочихъ:

— Не выражались бы вы, господинъ Михаленко. Кажется, образованный человѣкъ, а такія послѣднія слова за хлѣбомъ-солью... Совсѣмъ даже некрасиво.

Послѣ обѣда актеры спали тяжелымъ, нездоровымъ сномъ, съ храпѣньемъ и стонами, спали очень долго, часа по четыре, и просыпались только къ вечернему чаю, съ налитыми кровью глазами, со скверным вкусомъ во рту, съ шумомъ въ ушахъ и съ вялымъ тѣломъ. Во время сна они отлеживали себѣ руки, ноги и даже головы и, вставши съ кроватей, шатались, какъ пьяные, и долго не могли сообразить, утро теперь или вечеръ. Послѣ чая опять лежали, курили и разсказывали анекдоты. Часто играли въ карты, — въ пикетъ и въ шестьдесятъ шесть, — и непремѣнно на деньги, а проигрышъ приписывали къ старымъ карточнымъ долгамъ, которые иногда достигали десятковъ тысячъ рублей. Удивительнѣе всего было то, что всѣ они не переставали вѣрить въ свое будущее: пройдетъ сама собою болѣзнь, подвернется ангажементъ, найдутся старые товарищи, и опять начнется веселая, пряная актерская жизнь. Поэтому-то они и хранили, какъ святыню, въ глубинѣ своихъ

спальныхъ шкапчиковъ старыя афиши и газетныя вырѣзки, на которыхъ стояли ихъ имена.

Въ 8 часовъ подавали ужинъ, состоявшій изъ разогрѣтыхъ остатковъ отъ обѣда. Тотчасъ же послѣ ужина актеры раздѣвались и укладывались спать. Но засыпали не скоро. Долго всѣ пятеро ворочались на своихъ кроватяхъ, и это было самое мучительное время сутокъ. Сильнѣе давали о себѣ знать старыя, запущенныя болѣзни, нельзя было отогнать печальныхъ и ядовитыхъ мыслей о прошломъ, оскорбительнѣе чувствовалось убожество настоящей жизни. Но страшнѣе всего было думать о томъ, что, быть-можетъ, одинъ изъ сосѣдей тихо, незамѣтно ни для кого, уже умеръ среди этой ночи и будетъ лежать до самаго утра молчаливый, таинственный, ужасный. И актеры по нѣскольку разъ въ ночь окликали другъ друга, спрашивая дрожащими и кроткими голосами, который часъ, или прося одолжить спичку. И долго, долго, до ранняго свѣта, слышались въ большой комнатѣ, вмѣстѣ съ трескомъ разсыхающагося паркета, старческіе вздохи, невнятный бредъ, глухое покашливаніе и торопливый шопотъ...

И такъ тянулось изо дня въ день сѣрое, мелочное существованіе этихъ людей, когда-то жадно объѣдавшихся жизнью. Пріятно разнообразилось оно хожденіемъ въ городъ, но это удовольствіе было сравнительно очень рѣдкимъ, потому что деньги почти никогда не водились въ убѣжищѣ, а безъ денегъ не стоило и выходить за ворота. Безъ денегъ нельзя было ни купить табаку, ни прокатиться на извозчикѣ, ни зайти къ дешевой раскрашенной проституткѣ, ни посидѣть часокъ-другой въ излюбленномъ ресторанѣ, который болѣе всего притягиваетъ къ себѣ бродяжническіе вкусы старыхъ актеровъ.

II.

14 сентября, въ праздникъ Воздвиженія, въ убѣжищѣ остались только двое жильцовъ: суфлеръ Стаканычъ и дѣдушка. Остальные ушли съ утра въ городъ. Михаленко принималъ участіе въ какомъ-то утреннемъ спектаклѣ (онъ время отъ времени добивался для себя такихъ приглашеній отъ бывшихъ товарищей по сценѣ). Поэтому онъ еще за два дня началъ низко и безъ всякой мѣры льстить Лидину-Байдарову, превознося его замѣчательный голосъ и поразительные успѣхи у женщинъ, и въ концѣ концовъ выпросилъ у опереточнаго премьера бумажный воротничокъ и манжеты, бывшіе всего разъ въ употребленіи, а также красный, заношенный до лоска галстукъ. Самъ Байдаровъ по большимъ праздникамъ ходилъ обѣдать въ знакомое купеческое семейство, гдѣ его снабжали кое-какимъ застиранным и перештопаннымъ бѣльишкомъ, папиросами, мелкими деньгами и кирпичнымъ чаемъ. Впрочемъ, эти унизительныя подробности своихъ праздничныхъ визитовъ онъ скрывалъ отъ товарищей, отчасти изъ боязни насмѣшекъ, а отчасти изъ скупости, такъ какъ онъ очень не любилъ, если у него просили взаймы. Что касается Славянова-Райскаго, то онъ наканунѣ получилъ субсидію изъ театральнаго фонда и теперь отправился въ городъ съ единственной цѣлью — провести весь день въ излюбленномъ трактирчикѣ, носившемъ библейское названіе «Капернаумъ», и вернуться въ убѣжище совершенно пьянымъ.

Дѣдушка лежалъ, сложивъ на животѣ и сцѣпивъ одну съ другой большія исхудалыя руки съ коричневой кожей и рѣзко выступающими наружу костяжками. Весь бѣлый, съ бѣлыми волосами, неподвижный и благообразный, онъ теперь болѣе чѣмъ когда-либо походилъ на

святого старца, готовящагося къ праведной кончинѣ. Его блѣдно-сѣрые, выцвѣтшіе глаза были упорно устремлены въ широкое венеціанское окно, гдѣ на густой осенней синевѣ неба медленно раскачивалась, вся озаренная солнцемъ, золотая круглая верхушка липы. Даже здѣсь, въ душной, пропитанной тяжелымъ запахомъ, комнатѣ, чувствовалось, что тамъ, за окномъ, стоитъ бодрый и холодный осенній день, сіяетъ яркое, но не грѣющее солнце и тянетъ крѣпкимъ ароматомъ увядающаго листа.

Стаканычъ, сидя на кровати по-турецки, раскладывалъ на одѣялѣ старыми, почернѣвшими и распухшими отъ времени картами одинъ изъ самыхъ длинныхъ своихъ пасьянсовъ, — «двѣнадцать спящихъ дѣвъ», который онъ, изъ уваженія къ его сложности и числовому наименованію, раскладывалъ только по двунадесятымъ праздникамъ. Видъ у Стаканыча былъ сосредоточенный. Онъ то подымалъ вверхъ брови, морща дряблую кожу на лбу въ длинныя, волнообразныя складки, то опускалъ ихъ внизъ и сдвигалъ вмѣстѣ, отчего надъ переносьемъ появлялась короткая, прямая, озабоченная морщинка. Когда же онъ муслилъ во рту палецъ, чтобы взять съ колоды карту, отъ которой пахло стекольной замазкой, и въ то же время задумчиво пробѣгалъ прищуренными глазами пасьянсъ, то его губы круглились, какъ будто онъ собирался свистать.

— Иванъ Степанычъ, поди-ка, братецъ, ко мнѣ, — позвалъ вдругъ дѣдушка своимъ тонкимъ старческимъ голосомъ.

— А? Ты меня, что̀ ли, дѣдушка? — обернулся суфлеръ.

— Поди, говорю, на минуточку. Поговорить хочу.

— Сейчасъ, сейчасъ, дѣдушка, дай только рядъ докончу. Ну вотъ, и вся недолга̀.

Стаканычъ перешелъ на кровать дѣдушки и усѣлся

у него въ ногахъ. Старикъ опять посмотрѣлъ въ окно на густое, синее, спокойное небо, потомъ пошевелилъ сложенными на животѣ пальцами и длинно вздохнулъ.

— Ну, что, дѣдушка, скажешь? — осторожно спросилъ Стаканычъ, слегка похлопывая старика по большой ступнѣ, которая горбомъ выпячивалась подъ одѣяломъ.

— Вотъ что, Стаканычъ... — Дѣдушка перевелъ глаза на суфлера, но глядѣлъ на него такъ равнодушно, какъ будто бы разглядывалъ что-то сквозь него. — Вотъ какую я тебѣ исторію скажу. Видѣлъ я сегодня во снѣ Машутку, свою внучку... Есть, братъ, у меня такая внучка въ Ростовѣ-на-Дону, Марьей ее зовутъ. Она портниха...

— Портниха? — озабоченно спросилъ Стаканычъ. — Портниха видѣть — не знаю, что значитъ. А вотъ иголку съ ниткой или вообще шить что-нибудь, — это непремѣнно къ дорогѣ...

— Къ дорогѣ, такъ къ дорогѣ. Оно такъ, пожалуй, и выходитъ, что къ дальней дорогѣ... Но очень бы мнѣ хотѣлось ее еще разъ повидать передъ тѣмъ, какъ закончу земныя гастроли.

— Что кончу? — переспросилъ Стаканычъ, приставивъ ладонь рупоромъ къ уху.

— Аберъ глупости... ничего. — У дѣдушки было любимое словцо «аберъ», которое онъ безъ нужды совалъ въ свою рѣчь. — Потомъ глядѣлъ я все на небо. Осень теперь, Стаканычъ, и воздухъ на дворѣ, какъ вино... Прежде, бывало, въ такіе ядреные дни все куда-то тянуло... на мѣстѣ не усидишь... Бывало, нюхаешь-нюхаешь воздухъ, да ни съ того ни съ сего и закатишь изъ Ярославля въ Одессу.

— Изъ Вологды въ Керчь, — подсказалъ Стаканычъ, вспомнивъ, по суфлерской привычкѣ, слова изъ старой пьесы.

— Чушь! — съ усиліемъ поморщился дѣдушка. —

Аберъ... я думалъ, что прошло ужъ это у меня. Но, какъ сегодня съ утра поглядѣлъ туда, — дѣдушка медленно перевелъ глаза на окно: — такъ и сталъ собираться. Выражаясь высокимъ штилемъ, вижу, что мое земное турне окончено. Но... все равно.

— Что за мысли, дѣдушка! — разсудительнымъ баскомъ перебилъ Стаканычъ и развелъ руки съ растопыренными пальцами. — Просто напустилъ ты на себя мехлюзію. Еще на наши могилки пескомъ посыплешь.

— Нѣ-ѣтъ, братъ... Вижу, что довольно. Поигралъ пятакомъ, да и за щеку, какъ говорили у насъ въ Орлѣ уличные мальчишки. Аберъ ты постой, Стаканычъ, не егози, — остановилъ онъ рукой суфлера. — Мнѣ, братъ, это все равно...

— И не боишься, дѣдушка? — спросилъ вдругъ неожиданно для самого себя съ жаднымъ любопытствомъ Стаканычъ.

— Ни чуточки. Наплевать!.. Гнусно мы съ тобой, братецъ, нашу жизнь прошлепали! Это вотъ плохо... А бояться — чего же? «Таковъ нашъ жребій, всѣхъ живущихъ — умиратъ». Ты не думай, Стаканычъ, и тебѣ не долго ждать своей очереди.

Дѣдушка говорилъ эти страшныя слова со своими обычными передышками, такимъ слабымъ и безучастнымъ голосомъ, съ такимъ равнодушнымъ выраженіемъ усталыхъ, запавшихъ глазъ, что казалось, будто внутри его говорила старая, испорченная машина.

— Такъ-то вотъ, Стаканычъ. Рожденіе человѣка — случайность, а смерть — законъ. Но ты былъ все-таки добрый малый и самый замѣчательный изъ суфлеровъ, какихъ я только встрѣчалъ въ своей большой и дурацкой жизни. Знакомы мы съ тобой безъ малаго лѣтъ сто, и никогда ты не былъ противъ меня жуликомъ. Поэтому я хочу тебѣ сдѣлать презентъ. Возьми, братъ, себѣ на

память портсигаръ... вотъ онъ на столикѣ... бери, бери, не стѣсняйся... Портсигаръ хорошій, черепаховый... теперь такихъ больше не дѣлаютъ. Антикъ. Была на немъ даже золотая монограмма, аберъ украли гдѣ-то, а то, можетъ-быть, я и самъ ее потерялъ, или того... какъ его... продалъ. Возьми, Стаканычъ.

— Спасибо, дѣдушка... Только напрасно ты все это...

— Ну, ну, ну, чего тамъ!.. Въ немъ еще лежитъ мундштукъ пѣнковый. И мундштукъ возьми. Хорошій мундштукъ, обкуренный...

Стаканычъ вынулъ мундштукъ, повертѣлъ его и вздохнулъ.

— Спасибо, дѣдушка. Штучка великолѣпная. А у меня вотъ былъ тесть-брандмейстеръ, знаешь, стараго закала человѣкъ, изъ кантонистовъ. Такъ онъ давалъ пѣнки обкуривать своимъ пожарнымъ. Совсѣмъ черныя дѣлались.

— Очень просто, — равнодушно согласился дѣдушка.— Такъ бери, Стаканычъ, и мундштукъ. Все-таки когда-никогда вспомнишь товарища. А вотъ только о чемъ я тебя попрошу. Тутъ останется послѣ меня разная хурда-мурда... одѣялишко, подушки и изъ платья кое-что... Конечно, рухлядь, аберъ на худой конецъ все рублей пятнадцать дадутъ.

— Да? — выжидательно произнесъ суфлеръ.

— Жду я, видишь, не пріѣдетъ ли внучка. Писала она мнѣ письмо. Такъ отдашь ей. Путь не близкій, большихъ денегъ стоитъ.

Оба помолчали. Дѣдушка поигралъ пальцами по одѣялу и протянулъ суфлеру руку.

— Ну, а теперь того... прощай, Стаканычъ. Полежу, подумаю...

— Священника бы? — нерѣшительно предложилъ Стаканычъ.

— Аберъ... оставь. Былъ у насъ въ Крыжополѣ па-

рикмахеръ Теофиль... изъ хохловъ. Такъ онъ все говорилъ: обойдется цыганское веселье безъ марцыпановъ. Чудакъ былъ человѣкъ. Смѣшно мнѣ всегда это бывало, Стаканычъ, что какъ ни парикмахеръ, такъ самый строгій театральный критикъ... Эхъ, Стаканычъ, помнишь Тамбовъ? Конскія ярмарки? Смольскую? Гусаровъ? Много, братъ, мы съ тобой пережили, аберъ все впустую, и все это мнѣ теперь кажется, точно старая-престарая повѣсть... Ну, иди, иди, братъ...

Стаканычъ пожалъ его холодную, негнущуюся большую руку и, вернувшись на свою кровать, сѣлъ за прерванный пасьянсъ. И до самаго обѣда оба старика не произнесли больше ни слова, и въ комнатѣ стояла такая, по-осеннему, ясная, задумчивая и грустная тишина, что обманутыя ею мыши, которыхъ пропасть водилось въ старомъ домѣ, много разъ пугливо и нагло выбѣгали изъ своего подполья на середину комнаты и, блестя черными глазенками, суетливо подбирали разсыпанныя вокругъ стола хлѣбныя крошки.

III.

Передъ обѣдомъ пришли столкнувшіеся на подъѣздѣ Михаленко и Лидинъ-Байдаровъ. У опереточнаго премьера торчалъ подъ мышкой красный платочекъ, въ который были завязаны какіе-то припасы. Михаленко же вернулся въ убѣжище злой и усталый. Ему не заплатили обѣщанной за спектакль платы, а такъ какъ свои деньги онъ оставилъ въ театральномъ буфетѣ, то ему и пришлось возвращаться черезъ весь городъ пѣшкомъ. Войдя въ залу, онъ съ силою швырнулъ свою шляпу-котелокъ о полъ, цинично и длинно выругался и повалился на кровать. Онъ задыхался; его жирное лицо было блѣдно, единственный глазъ выкатился наружу съ выраженіемъ ненависти,

а отвисшія щеки блестѣли отъ пота. Безпредметная злоба, сдавливавшая ему горло и разливавшаяся горечью во рту, искала какого-нибудь выхода. Онъ увидѣлъ на шкапчикѣ у Лидина-Байдарова свою мѣдную машинку для папиросъ и тотчасъ же придрался къ этому.

— Послушай ты, старый павіанъ, надо раньше спрашиваться, когда берешь чужую собственность. Подай сюда машинку, — сказалъ Михаленко.

— Какую тамъ еще машинку? — надменно и въ носъ спросилъ Лидинъ-Байдаровъ. — Вотъ тебѣ твоя машинка, подавись!

— Прошу не швыряться чужими вещами, которыя вы украли! — закричалъ Михаленко страшнымъ голосомъ и быстро сѣлъ на кровати. Глазъ его еще больше вылѣзъ изъ орбиты, а дряблыя щеки запрыгали. — Вы мерзавецъ! Я знаю васъ, вамъ не въ первый разъ присваивать чужое. Вы въ Перми свели изъ гостиницы чужую собаку и сидѣли за это въ тюрьмѣ. Арестантъ вы!

Отъ злости, болѣзни и усталости у него не хватало въ груди воздуха, и концы фразъ онъ выдавливалъ изъ груди хрипящимъ и кашляющимъ шопотомъ.

Байдаровъ обидѣлся. Обычная спѣсивая манера покинула его, и онъ визгливо закричалъ, брызгая отъ торопливости слюнями:

— А я васъ попрошу, господинъ Михаленко, немедленно возвратить мнѣ взятые у меня манжеты и галстукъ. И десять штукъ папиросъ, которыя вы мнѣ должны. Х-ха! Нечего сказать, хорошъ драматическій актеръ: никогда своего табаку не имѣетъ. Потерянная личность!..

— Молчите, старый дуракъ. Я вамъ размозжу голову первымъ попавшимся предметомъ! — захрипѣлъ Михаленко, хватаясь за спинку стула и тряся имъ. — Я могу быть страшенъ, чортъ возьми!..

— Ак-теръ! — язвилъ тономъ театральнаго презрѣнія

Лидинъ-Байдаровъ. — Вы на ярмаркахъ карликовъ представляли.

— А вы — воръ! Вы въ Иркутскѣ свистнули изъ уборной у Вилламова серебряный вѣнокъ и потомъ подпесли его сами себѣ въ бенефисъ. Низкій, слюнявый субъектъ!

Они ругались долго и ожесточенно, ругались до тѣхъ поръ, пока самыя безобразныя слова не потеряли своего смысла и перестали быть обидными. И самое нелѣпое въ этой руготнѣ было то, что они съ обычнаго актерскаго «ты» перешли для большей язвительности на «вы», и это вѣжливое мѣстоименіе смѣшно и дико звучало рядомъ съ бранными выраженіями кабаковъ и базаровъ. Потомъ, уставши, они стали браниться лѣнивѣе, съ большими перерывами, подобно тому, какъ ворчатъ, постепенно затихая, но все-таки огрызаясь время отъ времени, окончившія драку собаки. Но изъ Михаленки не успѣло еще выкипѣть безсильное, старческое раздраженіе. Когда принесли обѣдъ, онъ сначала привязался къ Стаканычу за то, что тотъ взялъ стулъ, который Михаленко считалъ почему-то принадлежащимъ ему, а затѣмъ напалъ на Тихона, разставлявшаго посуду.

— Ты, гарнизонная крыса, не мажь пальцами по тарелкѣ. Ты думаешь, пріятно ѣсть послѣ твоихъ поганыхъ рукъ!

— Да развѣ я... Ахъ, Господи! — обидѣлся Тихонъ.— Откуда же у меня руки будутъ поганыя, когда я мылъ ихъ передъ обѣдомъ съ мыломъ?

— Знаю я тебя, кислая шерсть, — продолжалъ ворчать Михаленко. — Тоже подумаешь — севастополецъ. Герой съ дырой... Севастополь-то вы свой за картошку продали... герои...

Тихонъ всегда довольно терпѣливо сносилъ крупную соль актерскихъ остротъ, но онъ никогда не прощалъ Михаленкѣ Севастополя и легендарной картошки. И те-

перь, побагровѣвъ отъ негодованія, съ дрожащими руками, онъ закричалъ плачущимъ и угрожающимъ голосомъ:

— А вы вотъ что̀, господинъ Михаленко! Если вы про Севастопюль еще одно слово, я завтра же пойду къ смотрителю. Такъ и скажу, что житья мнѣ отъ васъ нѣтъ. Только пьянствуете и ругаетесь. Небось, какъ изъ богадѣльни васъ попросятъ, куда вы сунетесь? Одно останется: руку горсточкой протягивать.

Передъ обѣдомъ Стаканычъ готовилъ себѣ салатъ изъ свеклы, огурцовъ и прованскаго масла. Всѣ эти припасы принесъ ему Тихонъ, дружившій со старымъ суфлеромъ. Лидинъ-Байдаровъ жадно слѣдилъ за стряпней Стаканыча и разговаривалъ о томъ, какой онъ замѣчательный салатъ изобрѣлъ въ Екатеринбургѣ.

— Стоялъ я тогда въ Европейской, — говорилъ онъ, не отрывая глазъ отъ рукъ суфлера. — Поваръ, понимаешь, французъ, шесть тысячъ жалованья въ годъ. Тамъ вѣдь на Уралѣ, когда наѣдутъ золотопромышленники, такіе кутежи идутъ... милліонами пахнетъ!..

— Все вы врете, актеръ Байдаровъ, — вставилъ, прожевывая говядину, Михаленко.

— Убирайтесь къ чорту! Можете спросить кого угодно въ Екатеринбургѣ, вамъ всякій подтвердитъ... Вотъ я этого француза и научилъ. Потомъ весь городъ нарочно ѣздилъ въ гостиницу пробовать. Такъ и въ меню стояло: салатъ а ла Лидинъ-Байдаровъ. Понимаешь: положить груздочковъ солененькихъ, нарѣзать тоненько крымское яблоко и одинъ помидорчикъ и накрошить туда головку лука, картофеля варенаго, свеклы и огурчиковъ. Потомъ все это, понимаешь, смѣшать, посолить, поперчить и полить уксусомъ съ прованскимъ масломъ, а сверху чуть-чуть посыпать мелкимъ сахаромъ. И къ этому еще подается въ соусникѣ растопленное малороссійское сало;

знаешь, чтобы въ немъ шкварки плавали и шипѣли... Уд-дивительная вещь! — прошепталъ Байдаровъ, даже зажмурясь отъ удовольствія. — А ну-ка, Стаканычъ, дай-ка попробовать, что̀ ты тамъ накулинарилъ?..

Дѣдушка отказался отъ обѣда. Садясь за столъ, Михаленко и его задѣлъ ядовитымъ словомъ:

— Что̀, дѣдушка, помирать собрался? Пора бы ужъ, старикъ, пора; землей пахнешь. Тебѣ, чай, на томъ свѣтѣ давно провіантъ отпускаютъ.

Дѣдушка спокойно, безъ всякаго выраженія скользнулъ взглядомъ по Михаленкѣ, точно поглядѣлъ мимоходомъ на неодушевленный предметъ.

— Противный ты человѣкъ, Михаленко, — сказалъ онъ равнодушно.

Когда актеры кончили обѣдъ и Тихонъ принялся убирать со стола, дѣдушка поманилъ его къ себѣ рукой и спросилъ:

— А что̀, Тихонъ, обо мнѣ никто тамъ не справлялся?

— Гдѣ-съ, Николай Николаевичъ?—изумился Тихонъ.

— Говорю, не приходили ли ко мнѣ?.. Дама одна...

— Никакъ нѣтъ, никто не приходилъ.

Тихонъ отъ удивленія даже развелъ руками, нагруженными посудой.

— Аберъ... ты вотъ что̀, Тихонъ... Если я засну, или что̀, а тамъ придутъ ко мнѣ, такъ ты меня того... разбуди. Барыня одна придетъ... внучка моя... Такъ ты разбуди...

Дѣдушка слабо махнулъ рукой и отвернулся отъ Тихона. И до глубокой ночи онъ лежалъ молча, еле замѣтно двигая пальцами по одѣялу и пристально, со строгой важностью глядя то въ противоположную стѣну, то въ широкое венеціанское окно, за которымъ тихо и ярко горѣла вечерняя заря.

А Михаленко съ Лидинымъ-Байдаровымъ послѣ обѣда,

какъ ни въ чемъ не бывало, сѣли играть въ шестьдесятъ шесть. Но Михаленкѣ не везло и въ картахъ. Онъ проигралъ два съ полтиной, что̀ вмѣстѣ со старымъ долгомъ составило круглую сумму въ двѣ тысячи рублей. Это разсердило Михаленку. Онъ сталъ провѣрять записи партнера и кончилъ тѣмъ, что уличилъ его въ нечестной игрѣ. Актеры опять сцѣпились и въ продолженіе двухъ часовъ выдумывали другъ о другѣ самыя грязныя и неправдоподобныя исторіи.

IV.

Славяновъ-Райскій съ утра не покидалъ Капернаума. Стоя у прилавка, онъ держалъ рюмку двумя пальцами, оттопыривъ мизинецъ, и жирнымъ актерскимъ баритономъ благосклонно и вѣско бесѣдовалъ съ хозяиномъ о томъ, какъ идутъ дѣла ресторана, и о старыхъ актерахъ, посѣщавшихъ въ былыя времена изъ года въ годъ Капернаумъ. Ресторанный воздухъ точно воскресилъ въ немъ ту наигранную, преувеличенную и манерную любезность, которой отличаются актеры внѣ кулисъ, на глазахъ публики. Случалось, что кто-нибудь тянулся черезъ него къ стойкѣ. Тогда онъ учтиво и предупредительно отодвигался вбокъ, дѣлалъ свободной отъ рюмки рукой плавный, приглашающій жестъ и произносилъ великолѣпнымъ тономъ театральнаго стараго барина:

— Тысячу извиненій... Пра-ашу васъ.

Уставъ стоять, онъ сѣлъ за ближайшій къ прилавку столикъ, облюбованный, по старой привычкѣ, завсегдатаями Капернаума, и спросилъ газету. Ресторанъ быстро наполнялся. Сюда обыкновенно ходили, привлекаемые дешевизной и уютностью, студенты, мелкіе чиновники и приказчики. Скоро не осталось ни одного свободнаго мѣста. Два запоздавшіе посѣтителя — одинъ, постарше,

хохластый, съ крючковатымъ носомъ, похожій на степеннаго попугая, а другой маленькій, подвижный, съ длинными маслеными волосами и въ пенсне — не находили гдѣ присѣсть и, смѣясь, озирались по сторонамъ. Райскій перехватилъ взглядъ длинноволосаго. Слегка приподнявшись, онъ произнесъ съ напыщенной вѣжливостью:

— Если васъ только не стѣснитъ... э-э... я позволю себѣ предложить вамъ мѣсто за своимъ столомъ...

Посѣтители разсыпались въ благодарностяхъ и пошли къ буфету пить водку. Оба они считались въ ресторанѣ почетными гостями, «дававшими хорошо торговать». Они поздоровались съ хозяиномъ за руку и заговорили съ нимъ вполголоса. Славяновъ-Райскій понялъ, что рѣчь шла о немъ. Притворяясь углубленнымъ въ «Новое Время», онъ ловилъ привычнымъ ухомъ отрывки фразъ, которыя шопотомъ говорилъ хозяинъ, наклоняясь черезъ стойку.

— Ну да, тотъ самый... Помилуйте, пятьсотъ за выходъ. Это въ тѣ-то времена! Талантище зам-мѣчательный... Только двое: онъ да Ивановъ-Козельскій... Что?.. Ну, конечно, если бы не пилъ...

Гости, дававшіе торговать, были польщены. Прежде, чѣмъ сѣсть, тотъ, что былъ похожъ на попугая, сморщилъ лицо въ заискивающую улыбку и, кланяясь и потирая руки, сказалъ:

— Въ такомъ случаѣ... хе-хе-хе... нельзя ли ужъ намъ всѣмъ познакомиться... Знаете ли, въ тѣснотѣ, да не въ обидѣ... Позвольте представиться...

Онъ оказался оцѣнщикомъ земельнаго банка, а его товарищъ — воскреснымъ фельетонистомъ мѣстнаго листка. Фельетонистъ встряхивалъ маслеными волосами и бормоталъ:

— Мы оба съ вами представители искусства... Ваше

громкое имя... Печать и сцена, какъ два полюса, всегда должны итти рука объ руку.

Славяновъ-Райскій, падкій на ресторанныя знакомства, пожималъ имъ руки, привѣтливо кивалъ головой и улыбался широкой, дѣланной актерской улыбкой, обнаруживавшей беззубый ротъ.

— Очень пріятно встрѣтиться... Въ теперешнее время забываютъ насъ, старыхъ артистовъ, и тѣмъ болѣе отрадно... Нѣтъ, нѣтъ, благодарствуйте, отъ завтрака я откажусь... Но если вы уже такъ настаиваете, то развѣ одну только м-маленькую рюмочку водки... за компанію. Только уговоръ: расчетъ по-американски, каждый за себя... Merçi. Ваше здоровье!.. Пожалуйста, не безпокойтесь, мнѣ отлично сидѣть. Благодарю васъ, коллега, благодарю, — говорилъ онъ покровительственнымъ баскомъ, пожимая съ фамильярной лаской руку фельетониста выше локтя.

Славяновъ и вправду не хотѣлъ ѣсть, потому что, какъ застарѣлый алкоголикъ, давно страдалъ отсутствіемъ аппетита. Водку же и пиво онъ пилъ благосклонно, но опьянѣлъ отъ четырехъ рюмокъ и сталъ врать. Поклонники ѣли порціонный завтракъ, а онъ критиковалъ кушанья и объяснялъ подробно, какъ выкармливаютъ въ Тамбовѣ поросятъ, какъ отпаиваютъ телятъ въ Суздалѣ, и какую уху онъ ѣлъ у рыбаковъ на Волгѣ. Потомъ онъ разсказывалъ о баснословныхъ кутежахъ, которые въ его честь задавалъ въ какомъ-то губернскомъ городѣ директоръ банка, угодившій впослѣдствіи подъ судъ, и о торжественномъ обѣдѣ, устроенномъ ему въ Москвѣ печатью. При этомъ онъ безъ затрудненія сыпалъ фамиліями, выхватывая ихъ изъ старыхъ пьесъ или просто сочиняя, и всѣхъ называлъ уменьшительными именами: — «Сашка Путята... сверхъестественный мужчина... двадцать четыре тысячи въ годъ, не считая суточныхъ!.. И съ

нимъ вмѣстѣ Измаилка Александровскій... Измаилушка! Вотъ это были люди! Измаилъ на вытянутой рукѣ подымалъ восемнадцать пудовъ... Пойми ты, огарокъ, восем-надцать пудовъ! — Онъ уже обращался къ своимъ новымъ знакомымъ на ты и, забывъ американскій расчетъ, безцеремонно распоряжался за столомъ.

Затѣмъ онъ началъ читать монологи пьянымъ, хриплымъ голосомъ, съ воплями, завываніями и неожиданной икотой въ драматическихъ мѣстахъ. Иногда онъ забывалъ слова и, съ трудомъ вспоминая ихъ, дѣлалъ видъ, что длинной паузой усиливаетъ смыслъ фразы; тогда онъ молча и безсильно раскачивался на стулѣ съ рукой, застывшей въ трагическомъ жестѣ, и со страшными, вращающимися глазами. Но такъ какъ оба его сосѣда начинали чувствовать себя неловко, а многіе посѣтители, оставивъ свои мѣста, собирались вокругъ почетнаго столика, то самъ хозяинъ подошелъ къ пьяному актеру и сталъ его уговаривать:

— Меркурій Иванычъ, не разоряйтесь, пожалуйста. Знаете ли, безобразно... и другіе гости обижаются. Ну развѣ нельзя честь-честью? Тихо, мирно, благородно...

— Уйди отъ меня, буржуй! — закричалъ Славяновъ, отмахиваясь отъ хозяина локтемъ и мѣряя его грознымъ взглядомъ. — Съ кѣмъ говоришь!..

И онъ принялся скандалить, какъ скандалилъ послѣ выпивки всю свою жизнь, во всѣхъ городахъ и во всѣхъ ресторанахъ. Сначала онъ обозвалъ скверными словами хозяина, потомъ своихъ собесѣдниковъ, пытавшихся его образумить, и наконецъ обрушился на всю глазѣвшую на него публику.

— Всѣ вы свиньи, ненавидимыя мной! — кричалъ онъ, качаясь взадъ и впередъ на стулѣ и стуча кулаками по столу. — Ненавижу васъ и презираю!.. Публика! Есть ли на свѣтѣ слово низменнѣе этого? А-а! Вы сбѣжались

посмотрѣть на скандалъ? Ну, такъ вотъ вамъ, глядите!— Славяновъ съ размаху хлопнулъ себя ладонью по груди.— Вотъ передъ вами первый въ Россіи трагическій актеръ, который влачитъ нищенское существованіе. Любопытно? И все-таки я презираю васъ, хамы, всѣми фибрами своей души! Вы, кажется, смѣетесь, молодой идіотъ въ розовомъ галстукѣ? — обратился онъ вдругъ къ кому-то за сосѣднимъ столикомъ. — Кто вы такой? Вы приказчикъ? Камердинеръ? Бильярдный шулеръ? Парикмахеръ? Ага! Улыбка уже исчезла съ вашего лошадинаго лица. Вы — букашка, вы въ жизни жалкій статистъ, и ваши полосатыя панталоны переживутъ ваше ничтожное имя. Да, да, смотрите на меня, жвачныя животныя! Я былъ гордостью русской сцены, я оставилъ слѣдъ въ исторіи русскаго театра, и если я палъ, то въ этомъ трагедія, болваны! А вы, — Славяновъ обвелъ широкимъ пьянымъ жестомъ всѣхъ глазѣвшихъ на него встревоженныхъ людей: — вы мелочь, соръ, инфузоріи!..

— Позвольте!.. Это скандалъ!.. Мы этого не потерпимъ! — раздались негодующія восклицанія. — Гдѣ хозяинъ? Выкинуть этого субъекта! Послать за полиціей!..

Трактирный слуга бережно взялъ Славянова подъ мышки и повлекъ къ выходу. Славяновъ не сопротивлялся, но и не переставалъ браниться. Когда же его просовывали въ двери, онъ разбилъ кулакомъ оконное стекло и окровянилъ себѣ руку. Оцѣнщикъ банка и фельетонистъ рѣшили вдругъ, что съ ихъ стороны будетъ постыдно бросить на произволъ судьбы пьянаго, больного старика. Съ большимъ трудомъ узнали они у перваго трагическаго актера его адресъ и при помощи дворника усадили его на пролетку. Но, отъѣхавъ два шага, Славяновъ вдругъ остановилъ извозчика.

— Послушайте, какъ васъ? — пьянымъ движеніемъ

руки подозвалъ онъ къ себѣ оцѣнщика. — Это я съ вами, кажется, сидѣлъ? Дайте рубль.

— Ахъ, пожалуйста, — любезно заторопился бухгалтеръ, вынимая изъ кармана портмоне.

— Давайте сюда... Отлично. Запишите этотъ день красными чернилами въ своемъ гроссбухѣ. Сегодня вы подали милостыню артисту Славянову-Райскому. Чортъ васъ побери!..

И всю дорогу, до самаго убѣжища, онъ бранился скверными словами, раскачиваясь въ разныя стороны на пролеткѣ.

V.

Въ убѣжище онъ явился совершенно пьяный. Глаза у него остеклянѣли, нижняя челюсть отвисла, изъ-подъ сидѣвшей на затылкѣ шляпы спускались на лобъ мокрыми сосульками волосы. Войдя въ общую комнату, онъ скрестилъ руки, свѣсилъ низко на грудь голову и, глядя впередъ изъ-подъ грозно нахмуренныхъ бровей, такъ что вмѣсто глазъ виднѣлись одни только бѣлки, началъ неистовымъ голосомъ гамлетовскій монологъ:

Для чего
Ты не растаешь, ты не распадешься прахомъ,
О, для чего ты крѣпко, тѣло человѣка!

— Н-да-а, хоро-ошъ! — сказалъ Стаканычъ, качая головой.

— Тихонъ, — взвизгнулъ фистулой Михаленко: — уберите немедленно этого пьянаго господина!

Но Славяновъ продолжалъ декламировать, не обращая на него вниманія. И, несмотря на сильное опьянѣніе, несмотря на хрипоту и блеяніе въ голосѣ, онъ все-таки, по безсознательной привычкѣ, читалъ очень хорошо, въ старинной благородной и утрированной манерѣ:

И если бы Всесильный намъ не запретилъ
Самоубійства... Боже мой, великій Боже!
Какъ гнусны, безполезны, какъ ничтожны
Дѣянья человѣка на землѣ!

— Эй, суфлеръ, что же ты не подаешь? Заснулъ! — крикнулъ Славяновъ на Стаканыча, который смотрѣлъ на него, сидя на кровати и кривя ротъ въ довольную усмѣшку.

— Меркурь Иванычъ, вы же знаете, что я по Полевому не могу. Я по Кронебергу.

— Подавай, какъ тебѣ велятъ...

Жизнь! Что ты? Садъ, заглохшій
Подъ дикими безплодными травами!..
Едва лишь шесть недѣль прошло...

— Прошу васъ, пьяный актеръ Райскій, прекратить вашу дурацкую декламацію! — опять закричалъ Михаленко. — Вы не въ кабакѣ, гдѣ вы привыкли кривляться за рюмку водки и бутербродъ съ килькой.

— Молчи, червякъ! — бросилъ ему съ трагическимъ жестомъ Славяновъ. — Съ кѣмъ говоришь?.. Подумай, съ кѣмъ ты говоришь... Ты, считавшій за честь подать калоши артисту Славянову-Райскому, когда онъ уходилъ съ репетиціи, ты, актеръ, игравшій толпу и голоса за сценой! Рабъ! Неодушевленная вещь!..

— У! Дуракъ пьяный! — выдавилъ изъ себя вмѣстѣ съ припадкомъ кашля Михаленко.

— А-а! Ты забылъ разницу между нами? Негодный! Это цѣлая бездна. Во мнѣ каждый вершокъ — великій артистъ, вы же всѣ — гниль и паразиты сцены.

— Однако вы потише, господинъ Райскій, — гордымъ тономъ вмѣшался Лидинъ-Байдаровъ. — Если вы будете продолжать ваши пьяныя оскорбленія людей, которые васъ не трогаютъ, то вы можете сильно за это поплатиться, чортъ возьми!..

— Ты... ты... ты!.. — захлебнулся Славяновъ отъ негодованія. — Какъ у тебя повернулся языкъ? Этотъ вотъ, — онъ величественно указалъ на Михаленку:—этотъ хоть ходилъ по сценѣ, подавая стаканы, но онъ все-таки актеръ...

— Эѳіопъ вы! — болѣе спокойнымъ тономъ огрызнулся Михаленко.

— А ты, кан-налья, ты вылѣзъ на сцену, не имѣя на это никакихъ правъ, кромѣ толстыхъ ляжекъ въ розовомъ трико. Ты пѣлъ козломъ и дѣлалъ гнусныя тѣлодвиженія. — «О, сновидѣнье, о, наслажденье!», — передразнилъ Славяновъ, сдѣлавъ непристойный жестъ. — Ты попалъ въ храмъ искусства по недоразумѣнію, случайно, какъ могъ бы попасть въ распорядители кафе-шантана или открыть публичный домъ. Ты — мѣдная голова, ты— безстыдникъ! Вотъ, именно, без-стыд-никъ! У тебя, какъ у мелкаго, гаденькаго и похотливаго звѣрюшки, никогда не было стыда за свой жестъ, за свою мимику, не было стыда лица и тѣла. Тебѣ, съ твоей развязностью продажнаго мужчины, ничего не стоило бы голымъ выскочить предъ публику, если бы только на это далъ позволеніе околоточный надзиратель, котораго одного ты боялся и уважалъ во всю свою презрѣнную жизнь.

— Я не понимаю, что̀ меня удерживаетъ отъ удовольствія вышвырнуть васъ въ окно! — воскликнулъ напыщенно Лидинъ-Байдаровъ.

— У-у, кретинъ! Вѣдь въ каждомъ звукѣ твоего голоса слышна глупость, въ каждомъ твоемъ движеніи видно разжиженіе мозга. Но у тебя никогда нельзя было разобрать, гдѣ у тебя кончается глупость и гдѣ начинается подлость. Даже отъ твоего театральнаго имени вѣетъ пошлостью и нахальствомъ. «Лидинъ-Байдаровъ»! Скажите, пожалуйста!.. А ты просто шкловскій мѣщанинъ Мовша Розентулъ, сынъ старьевщика и самъ въ душѣ ростовщикъ.

— Пропойца, скандалистъ, дутая знаменитость!

— Пропойца! — презрительнымъ басомъ и выпятивъ нижнюю губу, протянулъ Славяновъ. — Соглашаюсь, былъ Славяновъ-Райскій пропойцей. Пилъ чрезмѣрно и много безобразничалъ, билъ портныхъ и реквизиторовъ, билъ антрепренеровъ и рецензятъ, іудино племя. Но спроси, кто помнитъ зло на Славяновѣ-Райскомъ? Черезъ мои руки прошли сотни тысячъ денегъ, но спроси, гдѣ онѣ? Отъ меня ни одинъ бѣднякъ, ни одинъ маленькій актеришка не вышелъ безъ помощи. Шарманщики, уличные акробаты, слѣпые музыканты были моими друзьями. А сколько піявокъ питалось около меня!.. И такъ я жилъ!.. Широко жилъ, съ размахомъ. Вонъ Стаканычъ знаетъ меня пятнадцать лѣтъ, онъ скажетъ. Правду я говорю, Стаканычъ?

— Вы мнѣ, что ли, Меркурь Иванычъ? — спросилъ суфлеръ, отрываясь отъ своихъ коробочекъ и дѣлая руку надъ глазами щиткомъ.

— Всегда первый номеръ въ самой дорогой гостиницѣ. Прислугѣ швырялъ золото, какъ индійскій принцъ. Лучшій экипажъ, лошади — львы, кучеръ — страшилище, идоломъ сидитъ на козлахъ. Свой собственный лакей былъ — Мишка. Кто не зналъ моего Мишку? Антрепренеры въ немъ заискивали, чтобы узнать, въ какомъ духѣ я проснулся сегодня... за руку съ нимъ здоровались. А какъ я одѣвался! Всегда фракъ и англійское бѣлье. Каждый день Мишка покупалъ для меня новую сорочку: стиранаго не носилъ, гнушался. Портные за честь считали шить для меня въ долгъ. Городскіе франты нарочно ходили въ театръ поучиться у меня, какъ надо носить платье.

— Вотъ, братъ, и проносился, — ехидно вставилъ Лидинъ-Байдаровъ.

— О, тварь, ненавидимая мною! — завопилъ Славя-

новъ. — Да, я проносился, пропился и палъ до того, что живу въ одной грязной клѣткѣ съ такой мерзкой обезьяной, какъ ты. Но я прожилъ огромную жизнь, я испыталъ сладость вдохновенія, и за мною шла сказочная, царственная слава. Я заставлялъ людей плакать и радоваться. О, что̀ я дѣлалъ съ толпой! Когда въ «Макбетѣ» въ сценѣ съ кинжаломъ я показывалъ рукой въ пространство, то полторы тысячи зрителей вставали съ своихъ мѣстъ, какъ одинъ человѣкъ. А какимъ я былъ Корадо! Въ Харьковѣ полиція не дала мнѣ доиграть послѣдняго акта, потому что тогда разрыдались всѣ, — и мужчины и женщины, и даже на глазахъ у актеровъ, игравшихъ со мною, я видѣлъ слезы. Пойми же, орангутангъ, слезы!.. Ты, балаганный Петрушка, безчестилъ швеекъ, обѣщая сдѣлать изъ нихъ опереточныхъ примадоннъ, въ тебя стрѣляли, какъ въ бѣшеную собаку, когда ты убѣгалъ изъ опозоренныхъ тобою спаленъ, ты дрожалъ надъ каждой копейкой и отдавалъ тайкомъ деньги въ незаконный ростъ, и только потому не сдѣлался подъ старость содержателемъ ссудной кассы, что тебя, когда ты сталъ скорбенъ главою, обобрала первая попавшаяся судомойка. Ты въ каждомъ городѣ оставлялъ грязные хвосты, и есть тысячи людей, которымъ ты, при всей своей наглости, не посмѣешь поглядѣть въ глаза. А я по всей Россіи, отъ Архангельска до Ялты и отъ Варшавы до Томска, прошелъ съ гордо поднятой головой, не чувствуя ни стыда ни страха. Со мною губернаторы считались! Когда на Волгѣ описали за долги мой театръ и ко всѣмъ дверямъ приложили печати, что̀ я сдѣлалъ? Я не тронулъ печатей, но снялъ съ петель всѣ двери и все-таки далъ спектакль. Кто бы могъ это сдѣлать, кромѣ Славянова-Райскаго?.. Стой, Тихонъ! — остановилъ онъ солдата, который въ это время бережно несъ къ образу зажженную лампадку. — Дай закурить...

Славяновъ потянулся къ огню, но Тихонъ сурово посмотрѣлъ на актера и отвелъ руку съ лампадкой въ сторону.

— Стыдитесь, господинъ Райскій, — сказалъ онъ внушительно. — Пора бы ужъ и о смертномъ часѣ подумать, а вы святотатствуете. Гдѣ же это видано, чтобы отъ лампадки закуривали? Да еще въ такой праздникъ?

— Ну, ну, гарниза-пуза, пошелъ разговаривать! — крикнулъ со своей кровати Михаленко. — Вотъ, постой, я перебью всѣ твои лампадки. Только вонь разводишь. Идолопоклонникъ!..

— Эхъ, ужъ вы-ы! — безнадежно махнулъ рукой Тихонъ. — Одно слово, безбожники вы, господинъ Михаленко. Вотъ господинъ Райскій... они хоть и выпитши, а я на нихъ никакъ не надѣюсь, чтобы они такое слово сказали.

Обличительная рѣчь Тихона дала вдругъ новое направленіе пьянымъ мыслямъ Славянова. Онъ умилился и со слезами полѣзъ цѣловать солдата.

— Тихонъ, душа моя!.. Добрый, старый, вѣрный Тихонъ! Понимаешь ты Славянова-Райскаго? Жалѣешь? Дай, я поцѣлую твою честную, сѣдую голову.

— Господи, да какъ же намъ не понимать! — расчувствовался въ свою очередь Тихонъ. Онъ утерся рукавомъ и съ готовностью подставилъ губы Славянову. Потомъ, съ кряхтѣньемъ установивъ лампадку и слѣзая съ табурета, онъ сказалъ, добродушно и укоризненно покачивая головой:

— А нѣтъ того, чтобы отставному севастопольцу пожертвовать на построеніе полдиковинки. Сами кушаете водочку, а свою вѣрную слугу забываете.

— Тихонъ! Радость моя! Голубка! Все я растранжирилъ, старый крокодилъ... Впрочемъ, постой... Тамъ у меня, кажется, еще что-то осталось. — Онъ пошарилъ

въ карманѣ и вытащилъ оттуда вмѣстѣ съ грязной ватой, обломками спичекъ, крошками табаку и другимъ соромъ, нѣсколько мѣдныхъ монетъ. — На, получай, старый воинъ. И знай, Тихонъ, — вдругъ съ паѳосомъ воскликнулъ Славяновъ, ударивъ себя въ грудь кулакомъ: — знай, что тебя одного даритъ своей дружбой жалкая развалина того, что̀ раньше называлось великимъ артистомъ Славяновымъ-Райскимъ!

И онъ расплакался обильными, пьяными, истерическими слезами. Оплакивалъ онъ свою погибшую шумную жизнь, и свою сиротливую старость, и то, что его никто не понимаетъ, и то, что его давеча такъ оскорбительно вывели изъ ресторана. Его сожители давно уже лежали подъ одѣялами, а онъ все говорилъ и говорилъ, изрѣдка обращаясь къ своему сосѣду Стаканычу, который отвѣчалъ соннымъ, невнятнымъ мычаніемъ. И въ этомъ неясномъ бредѣ безобразно сплетались экипажи, фраки, губернаторы, серебряные сервизы, отрывки ролей и грязная ругань. И когда онъ наконецъ заснулъ, то все еще продолжалъ бормотать въ тяжеломъ, полномъ призраковъ, пьяномъ снѣ.

VI.

Къ часу ночи на дворѣ поднялся упорный осенній вѣтеръ съ мелкимъ дождемъ. Липа подъ окномъ раскачивалась широко и шумно, а горѣвшій на улицѣ фонарь бросалъ сквозь ея вѣтви слабый, причудливый свѣтъ, который узорчатыми пятнами ходилъ взадъ и впередъ по потолку. Лампадка передъ образомъ теплилась розовымъ, кротко мерцающимъ сіяніемъ, и каждый разъ, когда длинный язычокъ огня съ легкимъ трескомъ вспыхивалъ сильнѣе, то изъ угла вырисовывалось въ золоченой ризѣ темное лицо Спасителя и Его благословляющая рука.

Всѣ актеры, кромѣ Славянова, бредившаго во снѣ, проснулись среди ночи и лежали молча, со страхомъ и тоскою въ душѣ. Лидинъ-Байдаровъ, у котораго отъ прежнихъ привычекъ осталась только жадная любовь къ сладкому, ѣлъ принесенную имъ днемъ ватрушку съ вареньемъ и старался дѣлать это какъ можно тише, чтобы не услыхали сосѣди. Михаленко, покрывшись съ головой одѣяломъ, пугливо прислушивался къ глухому и тревожному біенію своего сердца. Каждый разъ, когда вѣтеръ, напирая на стекла и потрясая ими, бросалъ въ нихъ съ яростной силой брызги дождя, Михаленко глубже прятался головой въ подушку и наивно, какъ это дѣлаютъ въ темнотѣ боязливыя дѣти, закрещивалъ мелкими быстрыми крестами всѣ щелочки между своимъ тѣломъ и одѣяломъ. Стаканычъ слѣзъ съ кровати и стоялъ на колѣняхъ. Въ темнотѣ слышались его глубокіе вздохи, однообразный, непрерывный и торопливый шопотъ и глухой стукъ его лба о полъ. Напротивъ его, все такъ же прямо и неподвижно вытянувшись, лежалъ дѣдушка. Глаза его медленно переходили съ чернаго окна на нѣжно-розовый мерцающій свѣтъ лампадки и на тѣни, качавшіяся по потолку. Лицо у него было важное, спокойное и задумчивое.

Позднѣе другихъ проснулся Славяновъ-Райскій. Онъ былъ въ тяжеломъ, грузномъ похмельѣ, съ оцѣпенѣвшими руками и ногами, съ отвратительнымъ вкусомъ во рту. Сознаніе возвращалось къ нему очень медленно, и каждое движеніе причиняло боль въ головѣ и тошноту. Ему съ трудомъ удалось вспомнить, гдѣ онъ былъ днемъ, какъ напился пьянымъ и какъ попалъ изъ ресторана въ убѣжище.

Онъ вспомнилъ также, что у него въ карманѣ пальто лежитъ полбутылка водки, которую онъ всегда, даже въ самомъ пьяномъ состояніи, запасалъ себѣ на утро.

Это у него была своеобразная, пріобрѣтенная долгимъ пьянымъ опытомъ и обратившаяся въ инстинктъ привычка стараго алкоголика. Онъ всталъ и прошелъ босикомъ къ шкапу, гдѣ висѣло верхнее платье. Черезъ минуту оттуда послышалось, какъ задребезжало въ его дрожащихъ рукахъ, стуча о зубы, горлышко бутылки, какъ забулькала въ ней жидкость, и какъ самъ Славяновъ закряхтѣлъ и зафыркалъ губами отъ отвращенія.

— Райскій, душечка, одолжи и мнѣ, — молящимъ шопотомъ попросилъ Михаленко: — такая тоска... такая тоска...

Славяновъ поднялъ бутылку и нерѣшительно посмотрѣлъ сквозь нее на свѣтъ лампадки. Ему было жаль водки, но онъ никогда не умѣлъ отказать, если его о чемъ-нибудь просили.

— Эхъ, ну ужъ ладно, давай стаканъ, — сказалъ онъ, сморщившись.

Въ темнотѣ опять заплескала жидкость и зазвенѣло стекло о стаканъ.

— Ну, вотъ, спасибо, братикъ, спасибо, — говорилъ Михаленко. — Ффа-а-а, ожгло!.. Славный ты товарищъ, Меркурій Иванычъ...

— Ну ладно ужъ... чего ужъ тамъ... Давеча я наговорилъ тебѣ непріятностей, такъ ты ужъ того... не очень сердись.

— Вотъ глупости. Чай, мы съ тобой не чужіе. Свой братъ, Исакій. Ты мнѣ, я тебѣ, безъ этого не обойдешься.

— Вѣрно, вѣрно, милый... именно не обойдешься, — со вздохомъ зашепталъ Славяновъ, усаживаясь на кровати Михаленки. — Трудно безъ этого. Живемъ мы кучей, тѣсно и все другъ о друга тремся. Видалъ ты, въ нѣкоторыхъ домахъ ставятъ такія стеклянныя мухоловки съ пивомъ? Наберется туда мухъ видимо-невидимо, и всѣ

онѣ въ собственномъ соку киснутъ да киснутъ, пока не подохнутъ. Такъ и мы, братъ Саша, въ своей мухоловкѣ закисли и обозлились... А кромѣ того, я и особо сердитъ на этого идіота, Байдарова. Ну, скажи на милость, какой онъ намъ товарищъ? Какой онъ артистъ? Все равно, что изъ грязи пуля. Другое дѣло, взять хоть бы насъ съ тобой, Сашуха... все-таки мы какъ-никакъ, а послужили театру.

— Что̀ ужъ вы, Меркурій Иванычъ, ровняете меня съ собой. Вы, можно сказать — китъ сцены, а я такъ... пескаришка маленькій...

— Оставь, Саша. Оставь это, братецъ мой. У тебя тоже талантище былъ: теплота, юморъ, свѣжести сколько. У теперешнихъ механиковъ этого нѣтъ. Другой шерсти люди. Нутра имъ вовсе не дадено отъ природы. А ты нутромъ игралъ.

— Гдѣ ужъ намъ, Меркурій Иванычъ! Наше дѣло маленькое. За васъ вотъ обидно.

— Нѣтъ, нѣтъ, ты не грѣши, Саша, ты этого не говори. Я вѣдь тебя хорошо помню въ «Женитьбѣ Бѣлугина». Весь театръ ты тогда морилъ со смѣху. Я стою за кулисами и злюсь: сейчасъ мой выходъ, сильное мѣсто, а ты публику въ лоскъ уложилъ хохотомъ. «Эка, думаю, переигрываетъ, прохвостъ! Весь мой выходъ обгадилъ». А самъ, понимаешь, не могу отъ смѣха удержаться, трясусь, прыскаю, и шабашъ. Вотъ ты какъ игралъ, Сашецъ! У нынѣшнихъ этого не сыщешь. Шалишь!.. Но не везло тебѣ, Михаленко, судьбы не было.

— Что̀ жъ, Меркурій Иванычъ, — согласился польщенный Михаленко: — это вѣрно, что и меня публика хорошо принимала. Только голосу у меня нѣтъ настоящаго, вотъ что̀ скверно. Астма эта проклятая.

— Вотъ, вотъ, вотъ... я это самое и говорю. Астма, или тамъ, скажемъ, судьба, — это все равно. Мнѣ вотъ

повезло, и я покатилъ въ гору, а ты хоть и талантливъ, и знаешь сцену, какъ никто, а тебѣ не поперло. Но это и не суть важно. Главное, что упали-то мы съ тобой все равно въ одно мѣсто, въ одну и ту же отравленную мухоловку, и тутъ намъ пришелъ и сундукъ и крышка.

— Не пили бы, такъ и не падали бы, Меркурій Иванычъ, — съ горькой насмѣшкой вставилъ Михаленко.

— Молчи, молчи, Саша, — испуганно и умоляюще зашепталъ Славяновъ: — не смѣйся надъ этимъ... Развѣ легко падать-то? Погляди на меня. Я ли не былъ вознесенъ, а теперь что? Живу на иждивеніи купчишки, хожу по трактирамъ, норовлю выпить на чужой счетъ, кривляюсь... Бываетъ вѣдь и мнѣ стыдно, Саша... охъ, какъ стыдно!.. Вѣдь мнѣ, Саша, голубушка ты моя, шестьдесятъ пять лѣтъ въ декабрѣ стукнетъ. Шестьдесятъ пя-ать... Цифра!.. Въ дѣтствѣ, я помню, начну, бывало, считать свои года и все радуюсь, какой я большой, сколько времени на одинъ счетъ уходитъ. А нука, посчитай теперь-то! — неудержимо зарыдалъ вдругъ Славяновъ. — Дѣдушка вѣдь я, маститый старецъ, патріархъ, а гдѣ мои внуки, гдѣ мои дѣти? Чортъ!

Темнота ночи все сильнѣе взвинчивала нервы Славянова, разбитые тяжелымъ похмельемъ. Онъ билъ себя въ грудь кулаками, плакалъ, сморкался въ рубашку и, качаясь, точно отъ зубной боли, взадъ и впередъ на кровати Михаленки, говорилъ всхлипывающимъ, тоскливымъ шопотомъ:

— Мира я хочу, тишины, простого мѣщанскаго счастья!.. Иду я иной разъ вечеромъ по улицѣ и — привычка у меня такая — все въ чужія окна гляжу. И вотъ, бывало, видишь: комнатка этакая мирная, лампа, круглый столъ, самоварчикъ... тепло, должно-быть, тамъ... пахнетъ жильемъ, домовитостью, геранью. А кругомъ народъ, молодой, бодрый, веселый, любящій... И стари-

кашка тутъ же гдѣ-нибудь пристроился, — сѣденькій, опрятненькій, благодушный. Сидитъ себѣ съ черешневымъ чубукомъ, и всѣ къ нему такъ ласково, съ почтеніемъ... А я, старый шутъ, стою на улицѣ и мерзну, и плачу, и все смотрю... Слыхалъ я и по пьесамъ знаю, что бываютъ милыя, вѣрныя на всю жизнь женщины, сидѣлки въ болѣзни, добрые друзья въ старости. Гдѣ онѣ, эти женщины, Михаленко? Любили, братъ, и меня,— но какая это была любовь? Послѣ бенефиса поѣхали за городъ, тройки, галдежъ, пьяное вранье, закулисныя прибаутки, и тутъ же затрепанныя, загаженныя слова: «Люблю тебя свободною любовью! Возьми меня, я вся твоя!» Отдѣльный кабинетъ, грязь, пьяная, угарная любовь, скитаніе вмѣстѣ по трупамъ, и вѣчно — старый, гнусный водевиль: «Ревнивый мужъ и храбрый любовникъ». И вотъ жизнь прошла, и нѣтъ у меня во всемъ мірѣ ни души. Н-ни души! Тоска, мерзость... Знаешь, Саша, — Славяновъ наклонился къ самому уху Михаленки, и въ его шопотѣ послышался ужасъ: — знаешь, вижу я теперь часто во снѣ, будто меня кто-то все догоняетъ. Бѣгу я будто по комнатѣ, и много-много этихъ комнатъ впереди, и всѣ онѣ заперты... И знаю я, что надо мнѣ успѣть открыть двери, вытащить ключъ и запереться съ другой стороны. И тороплюсь я, тороплюсь, и страшно мнѣ до тошноты, до боли... Но ключи заржавѣли, не слушаются, и руки у меня, какъ деревянныя. А «онъ» все ближе, все ближе... Едва успѣю я запереться, а онъ ужъ тутъ, рядомъ, напираетъ на двери и гремитъ ключомъ въ замкѣ... И знаю я, чувствую я, что не спастись мнѣ отъ него, но бѣгу изъ комнаты въ комнату, бѣгу, бѣгу, бѣгу...

— Эхъ, не скулилъ бы ты, Меркурій Ивановичъ, — съ безнадежнымъ унынiемъ перебилъ Михаленко.

— Но хуже всего, что гадокъ я себѣ самому, га-

докъ! — страстнымъ шопотомъ восклицалъ Славяновъ.— Отвратителенъ!.. Милостыней вѣдь живу, Христа ради... И всѣ, всѣ мы такіе. Мертвецы ходячіе, рухлядь! Старая бутафорская рухлядь! О-о-о, гнусно, гнусно мнѣ!..

Онъ схватился обѣими руками за воротъ рубашки и разодралъ ее съ верху до низу. Въ груди у него что-то клокотало и взвизгивало, а плечи тряслись.

— Уйди ты, уйди, ради Бога, Меркурій Ивановичъ! — умолялъ Михаленко. — Не надо, родной... боюсь я... страшно мнѣ...

Шлепая по полу босыми ногами, съ мокрымъ лицомъ, шатаясь на ходу отъ рыданій, Славяновъ тяжело перевалился на свою кровать. Но онъ еще долго метался головой по подушкѣ и всхлипывалъ, и горячо шепталъ что-то, сморкаясь въ простыню. Не спалъ и Лидинъ-Байдаровъ. Крошки отъ ватрушки набились ему подъ одѣяло, прилипали къ тѣлу и царапались, а въ голову лѣзли все такія скучныя, ненужныя и позорныя мысли о прошломъ. Стаканычъ, намазавшій на ночь грудь и поясницу бобковой мазью, кряхтѣлъ и ворочался съ боку на бокъ. Его грызъ застарѣлый ревматизмъ, который всегда съ особенной силой разыгрывался въ непогоду. И вмѣстѣ со словами молитвъ и привычными мыслями о сынѣ въ его памяти назойливо вставали отрывки изъ старыхъ, забытыхъ всѣмъ міромъ пьесъ.

Одинъ дѣдушка лежалъ неподвижно. Его руки были сложены на груди, поверхъ одѣяла, и не шевелились больше, а глаза были устремлены впередъ съ такимъ строгимъ и глубокимъ выраженіемъ, какъ будто дѣдушка думалъ о чемъ-то громадномъ и неизмѣримо превышающемъ всѣ человѣческіе помыслы. И въ этихъ немигающихъ, полузакрытыхъ глазахъ, не проникая въ нихъ, отражался стекляннымъ блескомъ розовый свѣтъ лампадки.

А ночь тянулась нестерпимо долго и тоскливо. Было еще темно, когда Михаленко, охваченный внезапнымъ страхомъ, вдругъ сѣлъ на кровати и спросилъ громкимъ, дрожащимъ шопотомъ:

— Дѣдушка, ты спишь?

Но дѣдушка не отвѣтилъ. Въ комнатѣ была грозная, точно стерегущая кого-то тишина, а за чернымъ окномъ бушевалъ вѣтеръ и бросалъ въ стекла брызги дождя.

ВЪ ЦИРКѢ.

I.

Докторъ Луховицынъ, считавшійся постояннымъ врачомъ при циркѣ, велѣлъ Арбузову раздѣться. Несмотря на свой горбъ, а можетъ-быть, именно вслѣдствіе этого недостатка, докторъ питалъ къ цирковымъ зрѣлищамъ острую и нѣсколько смѣшную для человѣка его возраста любовь. Правда, къ его медицинской помощи прибѣгали въ циркѣ очень рѣдко, потому что въ этомъ мірѣ лѣчатъ ушибы, выводятъ изъ обморочнаго состоянія и вправляютъ вывихи своими собственными средствами, передающимися неизмѣнно изъ поколѣнія въ поколѣніе, вѣроятно, со временъ олимпійскихъ игръ. Это однако не мѣшало ему не пропускать ни одного вечерняго представленія, знать близко всѣхъ выдающихся наѣздниковъ, акробатовъ и жонглеровъ и щеголять въ разговорахъ словечками, выхваченными изъ лексикона цирковой арены и конюшни.

Но изъ всѣхъ людей, причастныхъ цирку, атлеты и профессіональные борцы вызывали у доктора Луховицына особенное восхищеніе, достигавшее размѣровъ настоящей страсти. Поэтому, когда Арбузовъ, освободившись отъ крахмаленной сорочки и снявъ вязаную фуфайку, которую обязательно носятъ всѣ цирковые, остался голымъ до пояса, маленькій докторъ отъ удовольствія даже потеръ ладонь о ладонь, обходя атлета со всѣхъ сторонъ и любуясь его огромнымъ, выхоленнымъ, блестящимъ, блѣдно-розовымъ тѣломъ, съ рѣзко выступающими буграми твердыхъ, какъ дерево, мускуловъ.

— И чортъ же васъ возьми, какая силища! — говорилъ онъ, тиская изо всѣхъ силъ своими тонкими, цѣпкими пальцами поперемѣнно то одно, то другое плечо Арбузова. — Это ужъ что-то даже не человѣческое, а лошадиное, ей-Богу. На вашемъ тѣлѣ хоть сейчасъ лекцію по анатоміи читай — и атласа никакого не нужно. Ну-ка, дружокъ, согните-ка руку въ локтѣ.

Атлетъ вздохнулъ и, сонно покосившись на свою лѣвую руку, согнулъ ее, отчего выше сгиба подъ тонкой кожей, надувая и растягивая ее, выросъ и прокатился къ плечу большой и упругій шаръ, величиной съ дѣтскую голову. Въ то же время все обнаженное тѣло Арбузова отъ прикосновенія холодныхъ пальцевъ доктора вдругъ покрылось мелкими и жесткими пупырышками.

— Да, батенька, ужъ подлинно надѣлилъ васъ Господь, — продолжалъ восторгаться докторъ. — Видите эти вотъ шары? Они у насъ въ анатоміи называются бицепсами, т.-е. двухглавыми. А это—такъ называемые супинаторы и пронаторы. Поверните кулакъ, какъ будто вы отворяете ключомъ замокъ. Такъ, такъ, прекрасно. Видите, какъ они ходятъ? А это — слышите, я нащупываю на плечѣ? Это — дельтовидныя мышцы. Онѣ у васъ точно полковничьи эполеты. Ахъ, и сильный же вы человѣчина. Что, если вы кого-нибудь этакъ... нечаянно? А? Или, если съ вами этакъ... въ темномъ мѣстѣ встрѣтиться? А? Я думаю, не приведи Богъ! Хе-хе-хе! Ну-съ, итакъ, значитъ, мы жалуемся на плохой сонъ и на легкую общую слабость?

Атлетъ все время улыбался застѣнчиво и снисходительно. Хотя онъ уже давно привыкъ показываться полуобнаженнымъ передъ одѣтыми людьми, но въ присутствіи тщедушнаго доктора ему было неловко, почти стыдно, за свое большое, мускулистое, сильное тѣло.

— Боюсь, докторъ, не простудился ли, — сказалъ онъ

тонкимъ, слабымъ и немного сиплымъ голосомъ, совсѣмъ не идущимъ къ его массивной фигурѣ. — Главное дѣло — уборныя у насъ безобразныя, вездѣ дуетъ. Во время номера, сами знаете, вспотѣешь, а переодѣваться приходится на сквознякѣ. Такъ и прохватываетъ.

— Голова не болитъ? Не кашляете ли?

— Нѣтъ, кашлять не кашляю, а голова, — Арбузовъ потеръ ладонью низко остриженный затылокъ: — голова, правда, что-то не въ порядкѣ. Не болитъ, а такъ... будто тяжесть какая-то... И вотъ еще сплю плохо. Особенно сначала. Знаете, засыпаю-засыпаю, и вдругъ меня точно что-то подброситъ на кровати; точно, понимаете, я чего-то испугался. Даже сердце заколотится отъ испуга. И этакъ раза три-четыре: все просыпаюсь. А утромъ голова и вообще... кисло какъ-то себя чувствую.

— Кровь носомъ не идетъ ли?

— Бываетъ иногда, докторъ.

— Мн-да-съ. Такъ-съ... — значительно протянулъ Луховицынъ и, поднявъ брови, тотчасъ же опустилъ ихъ.— Должно-быть, много упражняетесь въ послѣднее время? Устаете?

— Много, докторъ. Вѣдь масленица теперь, такъ каждый день приходится съ тяжестями работать. А иногда, съ утренними представленіями, и по два раза въ день. Да еще черезъ день, кромѣ обыкновеннаго номера, приходится бороться... Конечно, устанешь немного...

— Такъ, такъ, такъ, — втягивая въ себя воздухъ и тряся головой, поддакивалъ докторъ. — А вотъ мы васъ сейчасъ послушаемъ. Раздвиньте руки въ стороны. Прекрасно. Дышите теперь. Спокойно, спокойно. Дышите... глубже... ровнѣй...

Маленькій докторъ, едва доставая до груди Арбузова, приложилъ къ ней стетоскопъ и сталъ выслушивать. Испуганно глядя доктору въ затылокъ, Арбузовъ шумно

вдыхалъ воздухъ и выпускалъ его изо рта, сдѣлавъ губы трубочкой, чтобы не дышать на ровный, глянцовитый проборъ докторскихъ волосъ.

Выслушавъ и выстукавъ паціента, докторъ присѣлъ на уголъ письменнаго стола, положивъ ногу на ногу и обхвативъ руками острыя колѣни. Его птичье, выдавшееся впередъ лицо, широкое въ скулахъ и острое къ подбородку, стало серьезнымъ, почти строгимъ. Подумавъ съ минуту, онъ заговорилъ, глядя мимо плеча Арбузова на шкапъ съ книгами:

— Опаснаго, дружочекъ, я у васъ ничего не нахожу, хотя эти перебои сердца и кровотеченіе изъ носа можно, пожалуй, считать деликатными предостереженіями съ того свѣта. Видите ли, у васъ есть нѣкоторая склонность къ гипертрофіи сердца. Гипертрофія сердца — это, какъ бы вамъ сказать, это такая болѣзнь, которой подвержены всѣ люди, занимающіеся усиленной мускульной работой: кузнецы, матросы, гимнасты и такъ далѣе. Стѣнки сердца у нихъ отъ постояннаго и чрезмѣрнаго напряженія необыкновенно расширяются, и получается то, что̀ мы въ медицинѣ называемъ «cor bovinum», т.-е. бычачье сердце. Такое сердце въ одинъ прекрасный день отказывается работать, съ нимъ дѣлается параличъ—и тогда—баста, представленіе окончено. Вы не безпокойтесь, вамъ до этого непріятнаго момента очень далеко, но на всякій случай посовѣтую: не пить кофе, крѣпкаго чаю, спиртныхъ напитковъ и прочихъ возбуждающихъ вещей. Понимаете? — спросилъ Луховицынъ, слегка барабаня пальцами по столу и исподлобья взглядывая на Арбузова.

— Понимаю, докторъ.

— И въ остальномъ рекомендуется такое же воздержаніе. Вы, конечно, понимаете, про что я говорю?

Атлетъ, который въ это время застегивалъ запонки у рубашки, покраснѣлъ и смущенно улыбнулся.

— Понимаю... но вѣдь вы знаете, докторъ, что въ нашей профессіи и безъ того приходится быть умѣреннымъ. Да, по правдѣ, и думать-то объ этомъ некогда.

— И прекрасно, дружочекъ. Затѣмъ отдохните денекъ-другой, а то и больше, если можете. Вы сегодня, кажется, съ Ребером боретесь? Постарайтесь отложить борьбу на другой разъ. Нельзя? Ну, скажите, что нездоровится, и все тутъ. А я вамъ прямо запрещаю, слышите? Покажите-ка языкъ. Ну вотъ, и языкъ скверный. Вѣдь слабо себя чувствуете, дружочекъ? Э! Да говорите прямо. Я васъ все равно никому не выдамъ, такъ какого же чорта вы мнетесь! Попы и доктора за то и деньги берутъ, чтобы хранить чужіе секреты. Вѣдь совсѣмъ плохо? Да?

Арбузовъ признался, что и въ самомъ дѣлѣ чувствуетъ себя нехорошо. Временами находитъ слабость и точно лѣнь какая-то, аппетита нѣтъ, по вечерамъ знобитъ. Вотъ если бы докторъ прописалъ какихъ-нибудь капель?

— Нѣтъ, дружочекъ, какъ хотите, а бороться вамъ нельзя, — рѣшительно сказалъ докторъ, соскакивая со стола. — Я въ этомъ дѣлѣ, какъ вамъ извѣстно, не новичокъ, и всѣмъ борцамъ, которыхъ мнѣ приходилось знать, я всегда говорилъ одно: передъ состязаніемъ соблюдайте четыре правила: первое — наканунѣ нужно хорошо выспаться, второе — днемъ вкусно и питательно пообѣдать, но при этомъ—третье—выступать на борьбу съ пустымъ желудкомъ, и наконецъ четвертое — это уже психологія — ни на минуту не терять увѣренности въ побѣдѣ. Спрашивается, какъ же вы будете состязаться, если вы съ утра обрѣтаетесь въ такой мехлюзіи? Вы извините меня за нескромный вопросъ... я вѣдь человѣкъ свой... у васъ борьба не того?.. Не фиктивная? То-есть заранѣе не условлено, кто кого и въ какое состязаніе положитъ?

— О, нѣтъ, докторъ, что вы... Мы съ Реберомъ уже давно гонялись по всей Европѣ другъ за другомъ. Даже и залогъ настоящій, а не для приманки. И онъ и я внесли по сто рублей въ третьи руки.

— Все-таки я не вижу резона, почему нельзя отложить состязаніе на будущее время.

— Наоборотъ, докторъ, очень важные резоны. Да вы посудите сами. У насъ борьба состоитъ изъ трехъ состязаній. Положимъ, первое взялъ Реберъ, второе — я, третье, значитъ, остается рѣшающимъ. Но ужъ мы настолько хорошо узнали другъ друга, что можно безошибочно сказать, за кѣмъ будетъ третья борьба, и тогда — если я не увѣренъ въ своихъ силахъ—что мнѣ мѣшаетъ заболѣть, или захромать и т. д. и взять свои деньги обратно? Тогда выходитъ, для чего же Реберъ боролся первые два раза? Для своего удовольствія? Вотъ на этотъ случай, докторъ, мы и заключаемъ между собой условіе, по которому тотъ, кто въ день рѣшительной борьбы окажется больнымъ, считается все равно проигравшимъ, и деньги его пропадаютъ.

— Да-съ, это дѣло скверное, — сказалъ докторъ и опять значительно поднялъ и опустилъ брови. — Ну, что же, дружочекъ, чортъ съ ними, съ этими ста рублями?

— Съ двумястами, докторъ, — поправилъ Арбузовъ: — по контракту съ дирекціей я плачу неустойку въ сто рублей, если откажусь въ самый день представленія, хотя бы по болѣзни, отъ работы.

— Ну, чортъ... ну, двѣсти! — разсердился докторъ. — Я бы на вашемъ мѣстѣ все равно отказался... Чортъ съ ними, пускай пропадаютъ, свое здоровье дороже. Да наконецъ, дружочекъ, вы и такъ рискуете потерять вашъ залогъ, если будете больной бороться съ такимъ опаснымъ противникомъ, какъ этотъ американецъ.

Арбузовъ самоувѣренно мотнулъ головой, и его крупныя губы сложились въ презрительную усмѣшку.

— Э, пустяки, — уронилъ онъ пренебрежительно: — въ Реберѣ всего шесть пудовъ вѣсу, и онъ едва достаетъ мнѣ подъ подбородокъ. Увидите, что я его черезъ три минуты положу на обѣ лопатки. Я бы его бросилъ и во второй борьбѣ, если бы онъ не прижалъ меня къ барьеру. Собственно говоря, со стороны жюри было свинствомъ засчитать такую подлую борьбу. Даже публика, и та протестовала.

Докторъ улыбнулся чуть замѣтной лукавой улыбкой. Постоянно сталкиваясь съ цирковой жизнью, онъ уже давно изучилъ эту непоколебимую и хвастливую самоувѣренность всѣхъ профессіональныхъ борцовъ, атлетовъ и боксеровъ и ихъ наклонность сваливать свое пораженіе на какія-нибудь случайныя причины. Отпуская Арбузова, онъ прописалъ ему бромъ, который велѣлъ принять за часъ до состязанія, и, дружески похлопавъ атлета по широкой спинѣ, пожелалъ ему побѣды.

II.

Арбузовъ вышелъ на улицу. Былъ послѣдній день масленой недѣли, которая въ этомъ году пришлась поздно. Холода еще не сдали, но въ воздухѣ уже слышался неопредѣленный, тонкій, радостно щекочущій грудь запахъ весны. По наѣзженному грязному снѣгу безшумно неслись, въ противоположныхъ направленіяхъ, двѣ вереницы саней и каретъ, и окрики кучеровъ раздавались съ особенно ясной и мягкой звучностью. На перекресткахъ продавали моченыя яблоки въ бѣлыхъ новыхъ ушатахъ, халву, похожую цвѣтомъ на уличный снѣгъ, и воздушные шары. Эти шары были видны издалека. Разноцвѣтными блестящими гроздьями они подымались и плавали

надъ головами прохожихъ, запрудившихъ черными кипящимъ потокомъ тротуары, и въ ихъ движеніяхъ — то стремительныхъ, то лѣнивыхъ — было что-то весеннее и дѣтски-радостное.

У доктора Арбузовъ чувствовалъ себя почти здоровымъ, но на свѣжемъ воздухѣ имъ опять овладѣли томительныя ощущенія болѣзни. Голова казалась большой, отяжелѣвшей и точно пустой, и каждый шагъ отзывался въ ней непріятнымъ гуломъ. Въ пересохшемъ рту опять слышался вкусъ гари, въ глазахъ была тупая боль, какъ будто кто-то надавливалъ на нихъ снаружи пальцами, а когда Арбузовъ переводилъ глаза съ предмета на предметъ, то вмѣстѣ съ этимъ по снѣгу, по домамъ и по небу двигались два большія желтыя пятна.

У перекрестка на кругломъ столбѣ Арбузову кинулась въ глаза его собственная фамилія, напечатанная крупными буквами. Машинально онъ подошелъ къ столбу. Среди пестрыхъ афишъ, объявлявшихъ о праздничныхъ развлеченіяхъ, подъ обычной красной цирковой афишей былъ приклеенъ отдѣльный зеленый аншлагъ, и Арбузовъ равнодушно, точно во снѣ, прочиталъ его съ начала до конца.

ЦИРКЪ бр. ДЮВЕРНУА.

Сегодня состоится 3-я рѣшительная борьба

ПО РИМСКО-ФРАНЦУЗСКИМЪ ПРАВИЛАМЪ

МЕЖДУ ИЗВѢСТНЫМЪ АМЕРИКАНСКИМЪ ЧЕМПІОНОМЪ

Г. ДЖОНОМЪ РЕБЕРОМЪ

и ЗНАМЕНИТЫМЪ РУССКИМЪ БОРЦОМЪ и ГЕРКУЛЕСОМЪ

Г. АРБУЗОВЫМЪ,

на призъ въ 100 руб. Подробности въ афишахъ.

У столба остановились двое мастеровыхъ, судя по запачканнымъ копотью лицамъ, слесарей, и одинъ изъ нихъ сталъ читать объявленіе о борьбѣ вслухъ, коверкая слова. Арбузовъ услышалъ свою фамилію, и она прозвучала для него блѣднымъ, оборваннымъ, чуждымъ, потерявшимъ всякій смыслъ звукомъ, какъ это бываетъ иногда, если долго повторяешь подъ-рядъ одно и то же слово. Мастеровые узнали атлета. Одинъ изъ нихъ толкнулъ товарища локтемъ и почтительно посторонился. Арбузовъ сердито отвернулся и, засунувъ руки въ карманы пальто, пошелъ дальше.

Въ циркѣ уже отошло дневное представленіе. Такъ какъ свѣтъ проникалъ на арену только черезъ стеклянное, заваленное снѣгомъ окно въ куполѣ, то въ полумракѣ циркъ казался огромнымъ, пустымъ и холоднымъ сараемъ.

Войдя съ улицы, Арбузовъ съ трудомъ различалъ стулья перваго ряда, бархатъ на барьерахъ и на канатахъ, отдѣляющихъ проходы, позолоту на бокахъ ложъ и бѣлые столбы съ прибитыми къ нимъ щитами, изображающими лошадиныя морды, клоунскія маски и какіе-то вензеля. Амфитеатръ и галлерея тонули въ темнотѣ. Вверху, подъ куполомъ, подтянутыя на блокахъ, холодно поблескивали сталью и никелемъ гимнастическія машины: лѣстницы, кольца, турники и трапеціи.

На аренѣ, припавъ къ полу, барахтались два человѣка. Арбузовъ долго всматривался въ нихъ, щуря глаза, пока не узналъ своего противника, американскаго борца, который, какъ и всегда по утрамъ, тренировался въ борьбѣ съ однимъ изъ своимъ помощниковъ, тоже американцемъ, Гарваномъ. На жаргонѣ профессіональныхъ атлетовъ такихъ помощниковъ называютъ «волками» или «собачками». Разъѣзжая по всѣмъ странамъ и городамъ вмѣстѣ съ знаменитымъ борцомъ, они помогаютъ ему въ ежедневной тренировкѣ, заботятся объ его гардеробѣ, если ему не

сопутствуетъ въ поѣздкѣ жена, растираютъ, послѣ обычной утренней ванны и холоднаго душа, жесткими рукавицами его мускулы и вообще оказываютъ ему множество мелкихъ услугъ, относящихся непосредственно къ его профессіи. Такъ какъ въ «волки» идутъ или молодые, неувѣренные въ себѣ атлеты, еще не овладѣвшіе разными секретами и не выработавшіе пріемовъ, или старые, но посредственные борцы, то они рѣдко одерживаютъ побѣды въ состязаніяхъ на призы. Но передъ матчемъ съ серьезнымъ борцомъ профессоръ непремѣнно сначала выпуститъ на него своихъ «собачекъ», чтобы, слѣдя за борьбой, уловить слабыя стороны и привычные промахи своего будущаго противника и оцѣнить его преимущества, которыхъ слѣдуетъ остерегаться. Реберъ уже спускалъ на Арбузова одного изъ своихъ помощниковъ — англичанина Симпсона, второстепеннаго борца, сырого и неповоротливаго, но извѣстнаго среди атлетовъ чудовищной силой грифа, т.-е. кистей и пальцевъ рукъ. Борьба велась безъ приза, по просьбѣ дирекціи, и Арбузовъ два раза бросалъ англичанина, почти шутя, рѣдкими и эффектными трюками, которые онъ не рискнулъ бы употребить въ состязаніи съ мало-мальски опаснымъ борцомъ. Реберъ уже тогда отмѣтилъ про себя главные недостатки и преимущества Арбузова: тяжелый вѣсъ и большой ростъ, при страшной мускульной силѣ рукъ и ногъ, смѣлость и рѣшительность въ пріемахъ, а также пластическую красоту движеній, всегда подкупающую симпатіи публики, но въ то же время сравнительно слабыя кисти рукъ и шею, короткое дыханіе и чрезмѣрную горячность. И онъ тогда же рѣшилъ, что съ такимъ противникомъ надо держаться системы обороны, обезсиливая и разгорячая его до тѣхъ поръ, пока онъ не выдохнется; избѣгать охватовъ спереди и сзади, отъ которыхъ трудно будетъ защищаться, и главное — сумѣть выдержать первые на-

тиски, въ которыхъ этотъ русскій дикарь проявляетъ дѣйствительно чудовищную силу и энергію. Такой системы Реберъ и держался въ первыхъ двухъ состязаніяхъ, изъ которыхъ одно осталось за Арбузовымъ, а другое за нимъ.

Привыкнувъ къ полусвѣту, Арбузовъ явственно различилъ обоихъ атлетовъ. Они были въ сѣрыхъ фуфайкахъ, оставлявшихъ руки голыми, въ широкихъ кожаныхъ поясахъ и въ панталонахъ, прихваченныхъ у щиколотокъ ремнями. Реберъ находился въ одномъ изъ самыхъ трудныхъ и важныхъ для борьбы положеній, которое называется «мостомъ». Лежа на землѣ, лицомъ вверхъ, и касаясь ея затылкомъ съ одной стороны, а пятками — съ другой, круто выгнувъ спину и поддерживая равновѣсіе руками, которыя глубоко ушли въ тырсу *), онъ изображалъ такимъ образомъ изъ своего тѣла живую упругую арку, между тѣмъ какъ Гарванъ, навалившись сверху на выпяченный животъ и грудь профессора, напрягалъ всѣ силы, чтобы выпрямить эту выгнувшуюся массу мускуловъ, опрокинуть ее, прижать къ землѣ.

Каждый разъ, когда Гарванъ дѣлалъ новый толчокъ, оба борца съ напряженіемъ кряхтѣли и съ усиліемъ, огромными вздохами, переводили дыханіе. Большіе, тяжелые, со страшными выпучившимися мускулами голыхъ рукъ и точно застывшіе на полу арены въ причудливыхъ позахъ, они напоминали при невѣрномъ полусвѣтѣ, разлитомъ въ пустомъ циркѣ, двухъ чудовищныхъ краббовъ, оплетшихъ другъ друга клешнями.

Такъ какъ между атлетами существуетъ своеобразная этика, въ силу которой считается предосудительнымъ глядѣть на упражненія своего противника, то Арбузовъ,

*) Смѣсь песка и деревянныхъ опилковъ, которой посыпается арена цирка.

огибая барьеръ и дѣлая видъ, что не замѣчаетъ борцовъ, прошелъ къ выходу, ведущему въ уборныя. Въ то время, когда онъ отодвигалъ массивную красную занавѣсь, отдѣляющую манежъ отъ коридоровъ, кто-то отодвинулъ ее съ другой стороны, и Арбузовъ увидѣлъ передъ собой, подъ блестящимъ, сдвинутымъ на бокъ цилиндромъ — черные усы и смѣющіеся черные глаза своего большого пріятеля, акробата Антоніо Батисто.

— Bone giorne, mon cher monsieur Arbusoffff! — воскликнулъ нараспѣвъ акробатъ, сверкая бѣлыми, прекрасными зубами и широко разводя руки, точно желая обнять Арбузова. — Я только чичасъ окончилъ мой répetition. Allons donc prendre quelque chose. Пойдемъ что-нибудь себѣ немножко взять? Одинъ рюмокъ коньякъ? О-о, только не сломай мнѣ руку. Пойдемъ на буфетъ.

Этого акробата любили въ циркѣ всѣ, начиная съ директора и кончая конюхами. Артистъ онъ былъ исключительный и всесторонній: одинаково хорошо жонглировалъ, работалъ на трапеціи и на турникѣ, подготовлялъ лошадей высшей школы, ставилъ пантомимы и, главное, былъ неистощимъ въ изобрѣтеніи новыхъ «номеровъ», что̀ особенно цѣнится въ цирковомъ мірѣ, гдѣ искусство, по самымъ своимъ свойствамъ, почти не двигается впередъ, оставаясь и теперь чуть ли не въ такомъ же видѣ, въ какомъ оно было при римскихъ цезаряхъ.

Все въ немъ нравилось Арбузову: веселый характеръ, щедрость, утонченная деликатность, выдающаяся даже въ средѣ цирковыхъ артистовъ, которые внѣ манежа — допускающаго по традиціи нѣкоторую жестокость въ обращеніи — отличаются обыкновенно джентльменской вѣжливостью. Несмотря на свою молодость, онъ успѣлъ объѣхать всѣ большіе города Европы и во всѣхъ труппахъ считался наиболѣе желательнымъ и популярнымъ товарищемъ. Онъ владѣлъ одинаково плохо всѣми европей-

скими языками и въ разговорѣ постоянно перемѣшивалъ ихъ, коверкая слова, можетъ-быть, нѣсколько умышленно, потому что въ каждомъ акробатѣ всегда сидитъ немного клоуна.

— Не знаете ли, гдѣ директоръ? — спросилъ Арбузовъ.

— Il est à l'écurie. Онъ ходилъ на конюшенъ, смотрѣлъ одинъ больной лошадь. Mais allons donc. Пойдемъ немножка. Я очень имѣю радъ васъ видѣть. Мой голюбушка? — вдругъ вопросительно сказалъ Антоніо, смѣясь самъ надъ своимъ произношеніемъ и продѣвая руку подъ локоть Арбузова. — Карашо, будьте здоровы, самоваръ, извочикъ, — скороговоркой добавилъ онъ, видя, что атлетъ улыбнулся.

У буфета они выпили по рюмкѣ коньяку и пожевали кусочки лимона, обмокнутаго въ сахаръ. Арбузовъ почувствовалъ, что послѣ вина у него въ животѣ стало сначала холодно, а потомъ тепло и пріятно. Но тотчасъ же у него закружилась голова, а по всему тѣлу разлилась какая-то сонная слабость.

— Oh, sans doute, вы будетъ имѣть une victoire, — одна побѣда, — говорилъ Антоніо, быстро вертя между пальцевъ лѣвой руки палку и блестя изъ-подъ черныхъ усовъ бѣлыми, ровными, крупными зубами. — Вы такой brave homme, такой прекрасный и сильный борецъ. Я зналъ одинъ замѣчательный борецъ — онъ назывался Карлъ Абсъ... да, Карлъ Абсъ. И онъ теперь уже ist gestorben... онъ есть умеръ. О, хотя онъ былъ нѣмецъ, но онъ былъ великій профессоръ! И онъ однажды сказалъ: французскій борьба есть одна пустячокъ. И хорошій борецъ, ein guter Kämpfer, долженъ имѣть очень, очень мало: всего только сильный шея, какъ у одинъ буйволъ, весьма крѣпкій спина, какъ у носильщикъ, длинная рука съ твердымъ мускулъ und ein

gewaltiger Griff... Какъ это называется по-русску? (Антоніо нѣсколько разъ сжалъ и разжалъ передъ своимъ лицомъ пальцы правой руки). О! Очень сильный пальцы. Et puis, тоже необходимо имѣть устойчивый нога, какъ у одинъ монументъ, и, конечно, самый большой... какъ это?.. самый большой тяжесть въ корпусъ. Если еще взять здоровый сердца, les poumons... какъ это по-русску?.. легкія, точно у лошадь, потомъ еще немножко кладнокровіе и немножко смѣлость, и еще немножко savoir les rêgles de la lutte, знать всѣ правила борьба, то консѣ консовъ вотъ и всѣ пустячки, которые нуженъ для одинъ хорошій борецъ! Ха-ха-ха!

Засмѣявшись своей шуткѣ, Антоніо нѣжно схватилъ Арбузова поверхъ пальто подъ мышками, точно хотѣлъ его пощекотать, и тотчасъ же лицо его сдѣлалось серьезнымъ. Въ этомъ красивомъ, загорѣломъ и подвижномъ лицѣ была одна удивительная особенность: переставая смѣяться, оно принимало суровый и сумрачный, почти трагическій характеръ, и эта смѣна выраженій наступала такъ быстро и такъ неожиданно, что казалось, будто у Антоніо два лица, — одно смѣющееся, другое серьезное, — и что онъ непонятнымъ образомъ замѣняетъ одно другимъ, по своему желанію.

— Конечно, Реберъ есть опасный соперникъ... У нихъ въ Америкѣ борются comme les bouchers, какъ мясники. Я видѣлъ борьба въ Чикаго и въ Нью-Іоркѣ... Пфуй, какая гадость!

Со своими быстрыми итальянскими жестами, поясняющими рѣчь, Антоніо сталъ подробно и занимательно разсказывать объ американскихъ борцахъ. У нихъ считаются дозволенными всѣ тѣ жестокіе и опасные трюки, которые безусловно запрещено употреблять на европейскихъ аренахъ. Тамъ борцы давятъ другъ друга за горло, зажимаютъ противнику ротъ и носъ, охватывая его голову

страшнымъ пріемомъ, называемымъ желѣзнымъ ошейникомъ — collier de fer, лишаютъ его сознанія искуснымъ нажатіемъ на сонныя артеріи. Тамъ передаются отъ учителей къ ученикамъ, составляя непроницаемую профессіональную тайну, ужасные секретные пріемы, дѣйствіе которыхъ не всегда бываетъ ясно даже для врачей. Обладая знаніемъ такихъ пріемовъ, можно, напримѣръ, легкимъ и какъ будто нечаяннымъ ударомъ по triceps'у вызвать минутный параличъ въ рукѣ у противника, или незамѣтнымъ ни для кого движеніемъ причинить ему такую нестерпимую боль, которая заставитъ его забыть о всякой осторожности. Тотъ же Реберъ привлекался недавно къ суду за то, что въ Лодзи, во время состязанія съ извѣстнымъ польскимъ атлетомъ Владиславскимъ, онъ, захвативъ его руку черезъ свое плечо пріемомъ tour de bras, сталъ ее выгибать, несмотря на протесты публики и самого Владиславскаго, въ сторону, противоположную естественному сгибу, и выгибалъ до тѣхъ поръ, пока не разорвалъ ему сухожилій, связывающихъ плечо съ предплечьемъ. У американцевъ нѣтъ никакого артистическаго самолюбія, и они борются, имѣя въ виду только одинъ денежный призъ. Завѣтная цѣль американскаго атлета— скопить свои 50.000 долларовъ, тотчасъ же послѣ этого разжирѣть, опуститься и открыть гдѣ-нибудь въ Санъ-Франциско кабачокъ, въ которомъ потихоньку отъ полиціи процвѣтаютъ травля крысъ и самые жестокіе виды американскаго бокса.

Все это, не исключая лодзинскаго скандала, было давно извѣстно Арбузову, и его больше занимало не то, что̀ разсказывалъ Антоніо, а свои собственныя, странныя и болезненныя ощущенія, къ которымъ онъ съ удивленіемъ прислушивался. Иногда ему казалось, что лицо Антоніо придвигается совсѣмъ вплотную къ его лицу, и каждое слово звучитъ такъ громко и рѣзко, что даже отдается

смутнымъ гуломъ въ его головѣ, но минуту спустя Антоніо начиналъ отодвигаться, уходилъ все дальше и дальше, пока его лицо не становилось мутнымъ и до смѣшного маленькимъ, и тогда его голосъ раздавался тихо и сдавленно, какъ будто бы онъ говорилъ съ Арбузовымъ по телефону или черезъ нѣсколько комнатъ. И всего удивительнѣе было то, что перемѣна этихъ впечатлѣній зависѣла отъ самого Арбузова и происходила отъ того, поддавался ли онъ пріятной, лѣнивой и дремотной истомѣ, овладѣвавшей имъ, или стряхивалъ ее съ себя усиліемъ воли.

— О, я не сомнѣваюсь, что вы будете его бросать. mon cher Arbusoff, мой дюшенька, мой голюпшикъ, — говорилъ Антоніо, смѣясь и коверкая русскія ласкательныя имена. — Реберъ c'est un animal, un accapareur. Онъ есть ремесленникъ, какъ бываетъ одинъ водовозъ, одинъ сапожникъ, одинъ... un tailleur, который шить панталонъ. Онъ не имѣетъ себѣ вотъ тутъ... dans le coeur... ничего, никакой чувство и никакой tempérament. Онъ есть одинъ большой грубый мьясникъ, а вы есть настоящій артистъ. Вы есть кудожникъ, и я всегда имѣю удовольствіе на васъ смотрѣть.

Въ буфетъ быстро вошелъ директоръ, маленькій, толстый и тонконогій человѣкъ, съ поднятыми вверхъ плечами, безъ шеи, въ цилиндрѣ и распахнутой шубѣ, очень похожій своимъ круглымъ бульдожьимъ лицомъ, толстыми усами и жесткимъ выраженіемъ бровей и глазъ на портретъ Бисмарка. Антоніо и Арбузовъ слегка притронулись къ шляпамъ. Директоръ отвѣтилъ тѣмъ же и тотчасъ же, точно онъ долго воздерживался и ждалъ только случая, принялся ругать разсердившаго его конюха.

— Мужикъ, русская каналья... напоилъ потную лошадь, чортъ его побирай!.. Я буду ходить на мировой судья, и онъ будетъ мнѣ присудить триста рублей штрафъ

съ этого мерзавца. Я... чортъ его побирай!.. Я пойду и буду ему разбивать морду, я его буду стегать съ моимъ Reitpeitsch!

Точно ухватившись за эту мысль, онъ быстро повернулся и, сѣменя тонкими, слабыми ногами, побѣжалъ въ конюшню. Арбузовъ нагналъ его у дверей.

— Господинъ директоръ...

Директоръ круто остановился и съ тѣмъ же недовольнымъ лицомъ выжидательно засунулъ руки въ карманы шубы.

Арбузовъ сталъ просить его отложить сегодняшнюю борьбу на день или на два. Если директору угодно, онъ, Арбузовъ, дастъ за это внѣ заключенныхъ условій два или даже три вечернихъ упражненій съ гирями. Вмѣстѣ съ тѣмъ не возьметъ ли на себя г. директоръ трудъ переговорить съ Ребером объ относительно перемѣны дня состязанія.

Директоръ слушалъ атлета, повернувшись къ нему въ полъ-оборота и глядя мимо его головы въ окно. Убѣдившись, что Арбузовъ кончилъ, онъ перевелъ на него свои жесткіе глаза, съ нависшими подъ ними землистыми мѣшками, и отрѣзалъ коротко и внушительно:

— Сто рублей неустойки.

— Господинъ директоръ...

— Я, чортъ побирай, самъ знаю, что я есть господинъ директоръ,— перебилъ онъ, закипая. — Устраивайтесь съ Ребером сами, это не мое дѣло. Мое дѣло — контрактъ, ваше дѣло — неустойка.

Онъ рѣзко повернулся спиной къ Арбузову и пошелъ, часто перебирая присѣдающими ногами, къ дверямъ, но передъ ними вдругъ остановился, обернулся и внезапно, затрясшись отъ злости, съ прыгающими дряблыми щеками, съ побагровѣвшимъ лицомъ, раздувшейся шеей и выкатившимися глазами, закричалъ, задыхаясь:

— Чортъ побирай! У меня подыхаетъ Фатиница, первая лошадь парфорсной ѣзды!.. Русскій конюхъ, сволочь, свинья, русская обезьяна опоилъ самую лучшую лошадь, а вы позволяете просить разныя глупости. Чортъ побирай! Сегодня послѣдній день этой идіотской русской масленицы, и у меня не хватаетъ даже приставной стулья, и публикумъ будетъ мнѣ дѣлать ein grosser Scandal, если я отмѣню борьбу. Чортъ побирай! У меня потребуютъ назадъ деньги и разломатъ мой циркъ на маленькіе кусочки! Schwamm drüber! Я не хочу слушать глупости, я ничего не слышалъ и ничего не знаю!

И онъ выскочилъ изъ буфета, захлопнувъ за собой тяжелую дверь съ такой силой, что рюмки на стойкѣ отозвались тонкимъ, дребезжащимъ звономъ.

III.

Простившись съ Антоніо, Арбузовъ пошелъ домой. Надо было до борьбы пообѣдать и постараться выспаться, чтобы хоть немного освѣжить голову. Но опять, выйдя на улицу, онъ почувствовалъ себя больнымъ. Уличный шумъ и суета происходили гдѣ-то далеко-далеко отъ него и казались ему такими посторонними, ненастоящими, точно онъ разсматривалъ пеструю движущуюся картину. Переходя черезъ улицы, онъ испытывалъ острую боязнь, что на него налетятъ сзади лошади и собьютъ съ ногъ.

Онъ жилъ недалеко отъ цирка въ меблированныхъ комнатахъ. Еще на лѣстницѣ онъ услышалъ запахъ, который всегда стоялъ въ коридорахъ, — запахъ кухни, керосиноваго чада и мышей. Пробираясь ощупью темнымъ коридоромъ въ свой номеръ, Арбузовъ все ждалъ, что онъ вотъ-вотъ наткнется впотьмахъ на какое-нибудь препятствіе, и къ этому чувству напряженнаго ожиданія невольно и мучительно примѣшивалось чувство

тоски, потерянности, страха и сознанія своего одиночества.

Ѣсть ему не хотѣлось, но когда снизу, изъ столовой «Эврика», принесли обѣдъ, онъ принудилъ себя съѣсть нѣсколько ложекъ краснаго борща, отдававшаго грязной кухонной тряпкой, и половину блѣдной волокнистой котлеты съ морковнымъ соусомъ. Послѣ обѣда ему захотѣлось пить. Онъ послалъ мальчишку за квасомъ и легъ на кровать.

И тотчасъ же ему показалось, что кровать тихо заколыхалась и поплыла подъ нимъ, точно лодка, а стѣны и потолокъ медленно поползли въ противоположную сторону. Но въ этомъ ощущеніи не было ничего страшнаго или непріятнаго; наоборотъ, вмѣстѣ съ нимъ въ тѣло вступала все сильнѣе усталая, лѣнивая, теплая истома. Закоптѣлый потолокъ, изборожденный, точно жилами, тонкими извилистыми трещинами, то уходилъ далеко вверхъ, то надвигался совсѣмъ близко, и въ его колебаніяхъ была разслабляющая дремотная плавность.

Гдѣ-то за стѣной гремѣли чашками, по коридору безпрерывно сновали торопливые, заглушаемые половикомъ, шаги, въ окно широко и неясно несся уличный гулъ. Всѣ эти звуки долго цѣплялись, перегоняли другъ друга, спутывались и вдругъ, слившись на нѣсколько мгновеній, выстраивались въ чудесную мелодію, такую полную, неожиданную и красивую, что отъ нея становилось щекотно въ груди и хотѣлось смѣяться.

Приподнявшись на кровати, чтобы напиться, атлетъ оглядѣлъ свою комнату. Въ густомъ лиловомъ сумракѣ зимняго вечера вся мебель представилась ему совсѣмъ не такой, какой онъ ее привыкъ до сихъ поръ видѣть: на ней лежало странное, загадочное, живое выраженіе. И низенькій, приземистый, серьезный комодъ, и высокій узкій шкапъ, съ его дѣловитой, но черствой и

насмѣшливой наружностью, и добродушный круглый столъ, и нарядное, кокетливое зеркало — всѣ они сквозь лѣнивую и томную дремоту зорко, выжидательно и угрожающе стерегли Арбузова.

«Значитъ, у меня лихорадка», — подумалъ Арбузовъ и повторилъ вслухъ: — У меня лихорадка, — и его голосъ отозвался въ его ушахъ откуда-то издалека слабымъ, пустымъ и равнодушнымъ звукомъ.

Подъ колыханіе кровати, съ пріятной сонной рѣзью въ глазахъ, Арбузовъ забылся въ прерывистомъ, тревожномъ, лихорадочномъ бредѣ. Но въ бреду, какъ и наяву, онъ испытывалъ такую же чередующуюся смѣну впечатлѣній. То ему казалось, что онъ ворочаетъ со страшными усиліями и громоздитъ одна на другую гранитныя глыбы съ отполированными боками, гладкими и твердыми наощупь, но въ то же время мягко, какъ вата, поддающимися подъ его руками. Потомъ эти глыбы рушились и катились внизъ, а вмѣсто нихъ оставалось что-то ровное, зыбкое, зловѣще-спокойное; имени ему не было, но оно одинаково походило и на гладкую поверхность озера, и на тонкую проволоку, которая, безконечно вытягиваясь, жужжитъ однообразно, утомительно и сонно. Но исчезала проволока, и опять Арбузовъ воздвигалъ громадныя глыбы, и опять онѣ рушились съ громомъ, и опять оставалась во всемъ мірѣ одна только зловѣщая, тоскливая проволока. Въ то же время Арбузовъ не переставалъ видѣть потолокъ съ трещинами и слышать странно переплетающіеся звуки, но все это принадлежало къ чужому, стерегущему, враждебному міру, жалкому и неинтересному по сравненію съ тѣми грезами, въ которыхъ онъ жилъ.

Было уже совсѣмъ темно, когда Арбузовъ вдругъ вскочилъ и сѣлъ на кровати, охваченный чувствомъ дикаго ужаса и нестерпимой физической тоски, которая начина-

лась отъ сердца, переставшаго биться, наполняла всю грудь, подымалась до горла и сжимала его. Легкимъ не хватало воздуху, что-то изнутри мѣшало ему войти. Арбузовъ судорожно раскрывалъ ротъ, стараясь вздохнуть, но не умѣлъ, не могъ этого сдѣлать и задыхался. Эти страшныя ощущенія продолжались всего три-четыре секунды, но атлету казалось, что припадокъ начался много лѣтъ тому назадъ, и что онъ успѣлъ состариться за это время. «Смерть идетъ!» — мелькнуло у него въ головѣ, но въ тотъ же моментъ чья-то невидимая рука тронула остановившееся сердце, какъ трогаютъ остановившійся маятникъ, и оно, сдѣлавъ бѣшеный толчокъ, готовый разбить грудь, забилось пугливо, жадно и безтолково. Вмѣстѣ съ тѣмъ жаркія волны крови бросились Арбузову въ лицо, въ руки и въ ноги и покрыли все его тѣло испариной.

Въ отворенную дверь просунулась большая стриженая голова, съ тонкими, оттопыренными, какъ крылья у летучей мыши, ушами. Это пришелъ Гришутка, мальчишка, помощникъ коридорнаго, справиться о чаѣ. Изъ-за его спины весело и ободряюще скользнулъ въ номеръ свѣтъ отъ лампы, зажженной въ коридорѣ.

— Прикажете самоварчикъ, Никитъ Іонычъ?

Арбузовъ хорошо слышалъ эти слова, и они ясно отпечатлѣлись въ его памяти, но онъ никакъ не могъ заставить себя понять, что они значатъ. Мысль его въ это время усиленно работала, стараясь уловить какое-то необыкновенное, рѣдкое и очень важное слово, которое онъ слышалъ во снѣ передъ тѣмъ, какъ вскочить въ припадкѣ.

— Никитъ Іонычъ, подавать, что ли, самоваръ-то? Седьмой часъ.

— Постой, Гришутка, постой, сейчасъ, — отозвался Арбузовъ, попрежнему слыша и не понимая мальчишки.

и вдругъ поймалъ забытое слово: «Бумерангъ». Бумерангъ — это такая изогнутая, смѣшная деревяжка, которую въ циркѣ на Монмартрѣ бросали какіе-то черные дикари, маленькіе, голые, ловкіе и мускулистые человѣчки. И тотчасъ же, точно освободившись отъ путъ, вниманіе Арбузова перенеслось на слова мальчишки, все еще звучавшія въ памяти.

— Седьмой часъ, ты говоришь? Ну, такъ неси скорѣе самоваръ, Гриша.

Мальчикъ ушелъ. Арбузовъ долго сидѣлъ на кровати, спустивъ на полъ ноги, и прислушивался, глядя въ темные углы, къ своему сердцу, все еще бившемуся тревожно и суетливо. А губы его тихо шевелились, повторяя раздѣльно все одно и то же, поразившее его, звучное, упругое слово:

— Бу-ме-рангъ!

IV.

Къ девяти часамъ Арбузовъ пошелъ въ циркъ. Большеголовый мальчишка изъ номеровъ, страстный поклонникъ цирковаго искусства, несъ за нимъ соломенный сакъ съ костюмомъ. У ярко освѣщеннаго подъѣзда было шумно и весело. Непрерывно, одинъ за другимъ, подъѣзжали извозчики и, по мановенію руки величественнаго, какъ статуя, городового, описавъ полукругъ, отъѣзжали дальше, въ темноту, гдѣ длинной вереницей стояли вдоль улицы сани и кареты. Красныя цирковыя афиши и зеленые анонсы о борьбѣ видиѣлись повсюду — по обѣимъ сторонамъ входа, около кассъ, въ вестибюлѣ и коридорахъ, и вездѣ Арбузовъ видѣлъ свою фамилію, напечатанную громаднымъ шрифтомъ. Въ коридорахъ пахло конюшней, газомъ, тырсой, которой посыпаютъ арену, и обыкновеннымъ запахомъ зрительныхъ залъ — смѣшан-

нымъ запахомъ новыхъ лайковыхъ перчатокъ и пудры. Эти запахи, всегда немного волновавшіе и возбуждавшіе Арбузова въ вечера передъ борьбою, теперь болѣзненно и непріятно скользнули по его нервамъ.

За кулисами, около того прохода, изъ котораго выходятъ на арену артисты, висѣло за проволочной сѣткой освѣщенное газовымъ рожкомъ, рукописное расписаніе вечера съ печатными заголовками: «Arbeit. Pferd. Klown». Арбузовъ заглянулъ въ него съ неясной и наивной надеждой не найти своего имени. Но во II-мъ отдѣленіи, противъ знакомаго ему слова — Kampf, — стояли написанныя крупнымъ, катящимся внизъ почеркомъ полуграмотнаго человѣка двѣ фамиліи: Arbusow u. Roeber.

На аренѣ кричали картавыми деревянными голосами и хохотали идіотскимъ смѣхомъ клоуны. Антоніо Батисто и его жена, Генріетта, дожидались въ проходѣ окончанія номера. На обоихъ были одинаковые костюмы изъ нѣжно-фіолетоваго, расшитаго золотыми блестками трико, отливавшаго на сгибахъ противъ свѣта шелковымъ глянцемъ, и бѣлыя атласныя туфли.

Юбки на Генріеттѣ не было, вмѣсто нея вокругъ пояса висѣла длинная и частая золотая бахрома, сверкавшая при каждомъ ея движеніи. Атласная рубашечка фіолетоваго цвѣта, надѣтая прямо поверхъ тѣла, безъ корсета, была свободна и совсѣмъ не стѣсняла движеній гибкаго торса. Поверхъ трико на Генріеттѣ былъ наброшенъ длинный бѣлый арабскій бурнусъ, мягко оттѣнявшій ея хорошенькую, черноволосую, смуглую головку.

— Et bien, monsieur Arbusoff? — сказала Генріетта, ласково улыбаясь и протягивая изъ-подъ бурнуса обнаженную, тонкую, но сильную и красивую руку — Какъ вамъ нравятся наши новые костюмы? Это идея моего Антоніо. Вы придете на манежъ смотрѣть нашъ номеръ?

Пожалуйста, приходите. У васъ хорошій глазъ, и вы мнѣ приносите удачу.

Подошедшій Антоніо дружелюбно похлопалъ Арбузова по плечу.

— Ну какъ дѣла, мой голюбушка? All right! Я держу за васъ пари съ Винченцо на одна бутылка коньякъ. Смотрите же!

По цирку прокатился смѣхъ, и затрещали аплодисменты. Два клоуна съ бѣлыми лицами, вымазанными черной и малиновой краской, выбѣжали съ арены въ коридоръ. Они точно позабыли на своихъ лицахъ широкія, безсмысленныя улыбки, но ихъ груди послѣ утомительныхъ сальто-мортале дышали глубоко и быстро. Ихъ вызвали и заставили еще что-то сдѣлать, потомъ еще разъ, и еще, и только, когда музыка заиграла вальсъ, и публика утихла, они ушли въ уборную, оба потные, какъ-то сразу опустившіеся, разбитые усталостью.

Незанятые въ этотъ вечеръ артисты, во фракахъ и въ панталонахъ съ золотыми лампасами, быстро и ловко опустили съ потолка большую сѣтку, притянувъ ее веревками къ столбамъ. Потомъ они выстроились по обѣ стороны прохода, и кто-то отдернулъ занавѣсъ. Ласково и кокетливо сверкнувъ глазами изъ-подъ тонкихъ смѣлыхъ бровей, Генріетта сбросила свой бурнусъ на руку Арбузову, быстрымъ женскимъ привычнымъ движеніемъ поправила волосы и, взявшись съ мужемъ за руки, граціозно выбѣжала на арену. Слѣдомъ за ними, передавъ бурнусъ конюху, вышелъ и Арбузовъ.

Въ труппѣ всѣ любили смотрѣть на ихъ работу. Въ ней, кромѣ красоты и легкости движеній, изумляло цирковыхъ артистовъ доведенное до невѣроятной точности чувство темпа — особенное, шестое чувство, врядъ ли понятное гдѣ-нибудь, кромѣ балета и цирка, но необходимое при всѣхъ трудныхъ и согласованныхъ дви-

женіяхъ подъ музыку. Не теряя даромъ ни одной секунды и соразмѣряя каждое движеніе съ плавными звуками вальса, Антоніо и Генріетта проворно поднялись подъ куполъ, на высоту верхнихъ рядовъ галлереи. Съ разныхъ концовъ цирка они посылали публикѣ воздушные поцѣлуи: онъ, сидя на трапеціи, она, стоя на легкомъ табуретѣ, обитомъ такимъ же фіолетовымъ атласомъ, какой былъ на ея рубашкѣ, съ золотой бахромой на краяхъ и съ иниціалами А и В посрединѣ.

Все, что они дѣлали, было одновременно, согласно и, повидимому, такъ легко и просто, что даже у цирковыхъ артистовъ, глядѣвшихъ на нихъ, исчезало представленіе о трудности и опасности этихъ упражненій. Опрокинувшись всѣмъ тѣломъ назадъ, точно падая въ сѣтку, Антоніо вдругъ повисалъ внизъ головой и, уцѣпившись ногами за стальную палку, начиналъ раскачиваться взадъ и впередъ. Генріетта, стоя на своемъ фіолетовомъ возвышеніи и держась вытянутыми руками за трапецію, напряженно и выжидательно слѣдила за каждымъ движеніемъ мужа и вдругъ, поймавъ темпъ, отталкивалась отъ табурета ногами и летѣла навстрѣчу мужу, выгибаясь всѣмъ тѣломъ и вытягивая назадъ стройныя ноги. Ея трапеція была вдвое длиннѣе и дѣлала вдвое большіе размахи: поэтому ихъ движенія то шли параллельно, то сходились, то расходились...

И вотъ, по какому-то незамѣтному ни для кого сигналу, она бросала палку своей трапеціи, падала ничѣмъ не поддерживаемая внизъ и вдругъ, скользнувъ руками вдоль рукъ Антоніо, крѣпко сплеталась съ нимъ кисть за кисть. Нѣсколько секундъ ихъ тѣла, связавшись въ одно гибкое, сильное тѣло, плавно и широко качались въ воздухѣ, и атласныя туфельки Генріетты чертили по поднятому вверхъ краю сѣтки; затѣмъ онъ переворачивалъ ее и опять бросалъ въ пространство, какъ разъ

въ тотъ моментъ, когда надъ ея головою пролетала брошенная ею и все еще качающаяся трапеція, за которую она быстро хваталась, чтобы однимъ размахомъ вновь перенестись на другой конецъ цирка, на свой фіолетовый табуретъ.

Послѣднимъ упражненіемъ въ ихъ номерѣ былъ полетъ съ высоты. Шталмейстеры подтянули трапецію на блокахъ подъ самый куполъ цирка, вмѣстѣ съ сидящей на ней Генріеттой. Тамъ, на семисаженной высотѣ, артистка осторожно перешла на неподвижный турникъ, почти касаясь головой стеколъ слухового окна. Арбузовъ смотрѣлъ на нее, съ усиліемъ подымая вверхъ голову, и думалъ, что, должно-быть, Антоніо кажется ей теперь сверху совсѣмъ маленькимъ, и у него отъ этой мысли кружилась голова.

Убѣдившись, что жена прочно утвердилась на турникѣ, Антоніо опять свѣсился головой внизъ и сталъ раскачиваться. Музыка, игравшая до сихъ поръ меланхолическій вальсъ, вдругъ рѣзко оборвала его и замолкла. Слышалось только однотонное, жалобное шипѣніе углей въ электрическихъ фонаряхъ. Жуткое напряженіе чувствовалось въ тишинѣ, которая наступила вдругъ среди тысячной толпы, жадно и боязливо слѣдившей за каждымъ движеніемъ артистовъ...

— Pronta! — рѣзко, увѣренно и весело крикнулъ Антоніо и бросилъ внизъ, въ сѣтку, бѣлый платокъ, которымъ онъ до сихъ поръ, не переставая качаться взадъ и впередъ, вытиралъ руки. Арбузовъ увидѣлъ, какъ при этомъ восклицаніи Генріетта, стоявшая подъ куполомъ и державшаяся обѣими руками за проволоки, нервно, быстро и выжидательно подалась всѣмъ тѣломъ впередъ.

— Attenti! — опять крикнулъ Антоніо.

Угли въ фонаряхъ тянули все ту же жалобную, одно-

образную ноту, а молчаніе въ циркѣ становилось тягостнымъ и грознымъ.

— Allez! — раздался отрывисто и властно голосъ Антоніо.

Казалось, этотъ повелительный крикъ столкнулъ Генріетту съ турника. Арбузовъ увидѣлъ, какъ въ воздухѣ, падая стремглавъ внизъ и крутясь, пронеслось что-то большое фіолетовое, сверкающее золотыми искрами. Съ похолодѣвшимъ сердцемъ и съ чувствомъ внезапной раздражающей слабости въ ногахъ, атлетъ закрылъ глаза и открылъ ихъ только тогда, когда, вслѣдъ за радостнымъ, высокимъ, гортаннымъ крикомъ Генріетты, весь циркъ вздохнулъ шумно и глубоко, какъ великанъ, сбросившій со спины тяжкій грузъ. Музыка заиграла бѣшеный галопъ, и, раскачиваясь подъ него въ рукахъ Антоніо, Генріетта весело перебирала ногами и била ими одна о другую. Брошенная мужемъ въ сѣтку, она провалилась въ нее глубоко и мягко, но тотчасъ же, упруго подброшенная обратно, стала на ноги, и, балансируя на трясущейся сѣткѣ, вся сіяющая неподдѣльной, радостной улыбкой, раскраснѣвшаяся, прелестная, кланялась кричащимъ зрителямъ... Накидывая на нее за кулисами бурнусъ, Арбузовъ замѣтилъ, какъ часто подымалась и опускалась ея грудь, и какъ напряженно бились у нея на вискахъ тонкія голубыя жилки...

V.

Звонокъ прозвонилъ антрактъ, и Арбузовъ пошелъ въ свою уборную одѣваться. Въ сосѣдней уборной одѣвался Реберъ. Арбузову сквозь широкія щели наскоро сколоченной перегородки было видно каждое его движеніе. Одѣваясь, американецъ то напѣвалъ фальшивымъ баскомъ какой-то мотивъ, то принимался насвистывать и изрѣдка

обмѣнивался со своимъ тренеромъ короткими, отрывистыми словами, раздававшимися такъ странно и глухо, какъ будто бы они выходили изъ самой глубины его желудка. Арбузовъ не зналъ англійскаго языка, но каждый разъ, когда Реберъ смѣялся, или когда интонація его словъ становилась сердитой, ему казалось, что рѣчь идетъ о немъ и о его сегодняшнемъ состязаніи, и отъ звуковъ этого увѣреннаго, квакающаго голоса имъ все сильнѣе овладѣвало чувство страха и физической слабости.

Снявъ верхнее платье, онъ почувствовалъ холодъ и вдругъ задрожалъ крупной дрожью лихорадочнаго озноба, отъ которой затряслись его ноги, животъ и плечи, а челюсти громко застукали одна о другую. Чтобы согрѣться, онъ послалъ Гришутку въ буфетъ за коньякомъ. Коньякъ нѣсколько успокоилъ и согрѣлъ атлета, но послѣ него, такъ же, какъ и утромъ, по всему тѣлу разлилась тихая, сонная усталость.

Въ уборную поминутно стучали и входили какіе-то люди. Тутъ были кавалерійскіе офицеры, съ ногами, обтянутыми, точно трико, тѣсными рейтузами, рослые гимназисты въ смѣшныхъ узенькихъ шапкахъ и всѣ почему-то въ пенсне и съ папиросами въ зубахъ, щеголеватые студенты, говорившіе очень громко и называвшіе другъ друга уменьшительными именами. Всѣ они трогали Арбузова за руки, за грудь и за шею, восхищались видомъ его напруженныхъ мускуловъ. Нѣкоторые ласково, одобрительно похлопывали его по спинѣ, точно призовую лошадь, и давали ему совѣты, какъ вести борьбу. Ихъ голоса то звучали для Арбузова откуда-то издали, снизу, изъ-подъ земли, то вдругъ надвигались на него и невыносимо болѣзненно били его по головѣ. Въ то же время онъ одѣвался машинальными, привычными движеніями, заботливо расправляя и натягивая на своемъ тѣлѣ тонкое трико и крѣпко затягивая вокругъ живота широкій кожаный поясъ.

Заиграла музыка, и назойливые посѣтители одинъ за другимъ вышли изъ уборной. Остался только докторъ Луховицынъ. Онъ взялъ руку Арбузова, нащупалъ пульсъ и покачалъ головой.

— Вамъ теперь бороться — чистое безуміе. Пульсъ какъ молотокъ, и руки совсѣмъ холодныя. Поглядите въ зеркало, какъ у васъ расширены зрачки.

Арбузовъ взглянулъ въ маленькое наклонное зеркало, стоявшее на столѣ, и увидѣлъ показавшееся ему незнакомымъ, большое, блѣдное, равнодушное лицо.

— Ну, все равно, докторъ, — сказалъ онъ лѣниво и, поставивъ ногу на свободный стулъ, сталъ тщательно обматывать вокругъ икры тонкіе ремни отъ туфли.

Кто-то, пробѣгая быстро по коридору, крикнулъ поочередно въ двери обѣихъ уборныхъ:

— Monsieur Реберъ, monsieur Арбузовъ, на манежъ!

Непобѣдимая истома вдругъ охватила тѣло Арбузова, и ему захотѣлось долго и сладко, какъ передъ сномъ, тянуться руками и спиной. Въ углу уборной были навалены большой безпорядочной кучей черкесскіе костюмы для пантомимы III-го отдѣленія. Глядя на этотъ хламъ, Арбузовъ подумалъ, что нѣтъ ничего лучше въ мірѣ, какъ забраться туда, улечься поуютнѣе и зарыться съ головой въ теплыя, мягкія одежды.

— Надо итти, — сказалъ онъ, подымаясь со вздохомъ. — Докторъ, вы знаете, что̀ такое бумерангъ?

— Бумерангъ? — съ удивленіемъ переспросилъ докторъ. — Это, кажется, такой особенный инструментъ, которымъ австралійцы бьютъ попугаевъ. А впрочемъ, можетъ-быть, вовсе и не попугаевъ... Такъ въ чемъ же дѣло?

— Просто вспомнилось... Ну, пойдемте, докторъ.

У занавѣса въ дощатомъ широкомъ проходѣ тѣснились завсегдатаи цирка — артисты, служащіе и конюхи;

когда показался Арбузовъ, они зашептались и быстро очистили ему мѣсто передъ занавѣсомъ. Слѣдомъ за Арбузовымъ подходилъ Реберъ. Избѣгая глядѣть другъ на друга, оба атлета стали рядомъ, и въ эту минуту Арбузову съ необыкновенной ясностью пришла въ голову мысль о томъ, какъ дико, безполезно, нелѣпо и жестоко то, что онъ собирается сейчасъ дѣлать. Но онъ также зналъ и чувствовалъ, что его держитъ здѣсь и заставляетъ именно такъ поступать какая-то безыменная безпощадная сила. И онъ стоялъ неподвижно, глядя на тяжелыя складки занавѣса съ тупой и печальной покорностью.

— Готово? — спросилъ сверху, съ музыкантской эстрады, чей-то голосъ.

— Готово, давай! — отозвались внизу.

Послышался тревожный стукъ капельмейстерской палочки, и первые такты марша понеслись по цирку веселыми, возбуждающими, мѣдными звуками. Кто-то быстро распахнулъ занавѣсъ, кто-то хлопнулъ Арбузова по плечу и отрывисто скомандовалъ ему: «allez!». Плечо о плечо, ступая съ тяжелой, самоувѣренной граціей, попрежнему не глядя другъ на друга, борцы прошли между двухъ рядовъ выстроившихся артистовъ и, дойдя до средины арены, разошлись въ разныя стороны.

Одинъ изъ шталмейстеровъ также вышелъ на арену и, ставъ между атлетами, началъ читать по бумажкѣ съ сильнымъ иностраннымъ акцентомъ и со множествомъ ошибокъ объявленіе о борьбѣ.

— Сейчасъ состоится борьба, по римско-французскимъ правиламъ, между знаменитыми атлетами и борцами, г. Джономъ Реберомъ и г. Арбузовымъ. Правила борьбы заключаются въ томъ, что борцы могутъ, какъ угодно, хватать другъ друга отъ головы до пояса. Побѣжденнымъ считается тотъ, кто коснется двумя лопатками земли. Царапать другъ друга, хватать за ноги и за волосы и

душить за шею — запрещается. Борьба эта — третья, рѣшительная и послѣдняя. Поборовшій своего противника получаетъ призъ въ 100 рублей... Передъ началомъ состязанія борцы подаютъ другъ другу руки, какъ бы въ видѣ клятвеннаго обѣщанія, что борьба будетъ вестись ими честно и по всѣмъ правиламъ.

Зрители слушали его въ такомъ напряженномъ, внимательномъ молчаніи, что казалось, будто каждый изъ нихъ удерживаетъ дыханіе. Вѣроятно, это былъ самый жгучій моментъ во всемъ вечерѣ, — моментъ нетерпѣливаго ожиданія. Лица поблѣднѣли, рты полураскрылись, головы выдвинулись впередъ, глаза съ жаднымъ любопытствомъ приковались къ фигурамъ атлетовъ, неподвижно стоявшихъ на брезентѣ, покрывавшемъ песокъ арены.

Оба борца были въ черномъ трико, благодаря которому ихъ туловища и ноги казались тоньше и стройнѣе, чѣмъ они были въ самомъ дѣлѣ, а обнаженныя руки и голыя шеи—массивнѣе и сильнѣе. Реберъ стоялъ, слегка выдвинувъ впередъ ногу, упираясь одной рукой въ бокъ, въ небрежной и самоувѣренной позѣ, и, закинувъ назадъ голову, обводилъ глазами верхніе ряды. Онъ зналъ по опыту, что симпатіи галлереи будутъ на сторонѣ его противника, какъ болѣе молодого, красиваго, изящнаго, а главное, носящаго русскую фамилію борца, и этимъ небрежнымъ, спокойнымъ взглядомъ точно посылалъ вызовъ разглядывавшей его толпѣ. Онъ былъ средняго роста, широкій въ плечахъ и еще болѣе широкій къ тазу, съ короткими, толстыми и кривыми, какъ корни могучаго дерева, ногами, длиннорукій и сгорбленный, какъ большая, сильная обезьяна. У него была маленькая лысая голова съ бычачьимъ затылкомъ, который, начиная отъ макушки, ровно и плоско, безъ всякихъ изгибовъ, переходилъ въ шею, такъ же, какъ и шея, расширяясь книзу, непосредственно сливалась съ плечами. Этотъ

страшный затылокъ невольно возбуждалъ въ зрителяхъ смутное и боязливое представленіе о жестокой, нечеловѣческой силѣ.

Арбузовъ стоялъ въ той обычной позѣ профессіональныхъ атлетовъ, въ которой они снимаются всегда на фотографіяхъ, т.-е. со скрещенными на груди руками и со втянутымъ въ грудь подбородкомъ. Его тѣло было бѣлѣе, чѣмъ у Ребера, а сложеніе почти безукоризненное: шея выступала изъ низкаго вырѣза трико ровнымъ, круглымъ, мощнымъ стволомъ, и на ней держалась свободно и легко красивая, рыжеватая, коротко остриженная голова съ низкимъ лбомъ и равнодушными чертами лица. Грудныя мышцы, стиснутыя сложенными руками, обрисовывались подъ трико двумя выпуклыми шарами, круглыя плечи отливали блескомъ розоваго атласа подъ голубымъ сіяніемъ электрическихъ фонарей.

Арбузовъ пристально глядѣлъ на читающаго шталмейстера. Одинъ только разъ онъ отвелъ отъ него глаза и обернулся на зрителей. Весь циркъ, съ верху до низу наполненный людьми, былъ точно залитъ сплошной черной волной, на которой, громоздясь одно надъ другимъ, выдѣлялись правильными рядами бѣлыя круглыя пятна лицъ. Какимъ-то безпощаднымъ, роковымъ холодомъ повѣяло на Арбузова отъ этой черной, безличной массы. Онъ всѣмъ существомъ понялъ, что ему уже нѣтъ возврата съ этого ярко освѣщеннаго заколдованнаго круга, что чья-то чужая, огромная воля привела его сюда, и нѣтъ силы, которая могла бы заставить его вернуться назадъ. И отъ этой мысли атлетъ вдругъ почувствовалъ себя безпомощнымъ, растеряннымъ и слабымъ, какъ заблудившійся ребенокъ, и въ его душѣ тяжело шевельнулся настоящій животный страхъ, темный, инстинктивный ужасъ, который, вѣроятно, овладѣваетъ молодымъ быкомъ, когда его по залитому кровью асфальту вводятъ на бойню.

Шталмейстеръ кончилъ и отошелъ къ выходу. Музыка опять заиграла отчетливо, весело и осторожно, и въ рѣзкихъ звукахъ трубъ слышалось теперь лукавое, скрытое и жестокое торжество. Былъ одинъ страшный моментъ, когда Арбузову представилось, что эти вкрадчивые звуки марша, и печальное шипѣнье углей, и жуткое молчаніе зрителей служатъ продолженіемъ его послѣобѣденнаго бреда, въ которомъ онъ видѣлъ тянущуюся передъ нимъ длинную, монотонную проволоку. И опять въ его умѣ кто-то произнесъ причудливое названіе австралійскаго инструмента.

До сихъ поръ однако Арбузовъ надѣялся на то, что въ самый послѣдній моментъ передъ борьбой въ немъ, какъ это всегда бывало раньше, вдругъ вспыхнетъ злоба, а вмѣстѣ съ нею увѣренность въ побѣдѣ и быстрый приливъ физической силы. Но теперь, когда борцы повернулись другъ къ другу и Арбузовъ въ первый разъ встрѣтилъ острый и холодный взглядъ маленькихъ голубыхъ глазъ американца, онъ понялъ, что исходъ сегодняшней борьбы уже рѣшенъ.

Атлеты пошли другъ къ другу навстрѣчу. Реберъ приближался быстрыми, мягкими и упругими шагами, наклонивъ впередъ свой страшный затылокъ и слегка сгибая ноги, похожій на хищное животное, собирающееся сдѣлать скачокъ. Сойдясь на серединѣ арены, они обмѣнялись быстрымъ, сильнымъ рукопожатіемъ, разошлись и тотчасъ же одновременнымъ прыжкомъ повернулись другъ къ другу лицами. И въ отрывистомъ прикосновеніи горячей, сильной, мозолистой руки Ребера Арбузовъ почувствовалъ такую же увѣренность въ побѣдѣ, какъ и въ его колючихъ глазахъ.

Сначала они пробовали захватить другъ друга за кисти рукъ, за локти и за плечи, вывертываясь и уклоняясь въ то же время отъ захватовъ противника. Движенія ихъ

были медленны, мягки, осторожны и расчетливы, какъ движенія двухъ большихъ кошекъ, начинающихъ играть. Упираясь вискомъ въ високъ и горячо дыша другъ другу въ плечи, они постоянно перемѣняли мѣсто и обошли кругомъ всю арену. Пользуясь своимъ высокимъ ростомъ, Арбузовъ обхватилъ ладонью затылокъ Ребера и попробовалъ нагнуть его, но голова американца быстро, какъ голова прячущейся черепахи, ушла въ плечи, шея сдѣлалась твердой, точно стальной, а широко разставленныя ноги крѣпко уперлись въ землю. Въ то же время Арбузовъ почувствовалъ, что Реберъ изо всѣхъ силъ мнетъ пальцами его бицепсы, стараясь причинить имъ боль и скорѣе обезсилить ихъ.

Такъ они ходили по аренѣ, едва переступая ногами, не отрываясь другъ отъ друга и дѣлая медленныя, точно лѣнивыя и нерѣшительныя движенія. Вдругъ Реберъ, поймавъ обѣими руками руку своего противника, съ силой рванулъ ее на себя. Не предвидѣвшій этого пріема, Арбузовъ сдѣлалъ впередъ два шага и въ ту же секунду почувствовалъ, что его сзади опоясали и подымаютъ отъ земли сильныя, сплетшіяся у него на груди руки. Инстинктивно, для того, чтобы увеличить свой вѣсъ, Арбузовъ перегнулся верхней частью туловища впередъ и, на случай нападенія, широко разставилъ руки и ноги. Реберъ сдѣлалъ нѣсколько усилій притянуть къ своей груди его спину, но, видя, что ему не удастся поднять тяжелаго атлета, быстрымъ толчкомъ заставилъ его опуститься на четвереньки и самъ присѣлъ рядомъ съ нимъ на колѣни, обхвативъ его за шею и за спину.

Нѣкоторое время Реберъ точно раздумывалъ и примѣривался. Потомъ искуснымъ движеніемъ онъ просунулъ свою руку сзади, подъ мышкой у Арбузова, изогнулъ ее вверхъ, обхватилъ жесткой и сильной ладонью его шею и сталъ нагибать ее внизъ, между тѣмъ какъ

другая рука, окруживъ снизу животъ Арбузова, старалась перевернуть его тѣло по оси. Арбузовъ сопротивлялся, напрягая шею, шире разставляя руки и ближе пригибаясь къ землѣ. Борцы не двигались съ мѣста, точно застывъ въ одномъ положеніи, и со стороны можно было бы подумать, что они забавляются или отдыхаютъ, если бы не было замѣтно, какъ постепенно наливаются кровью ихъ лица и шеи, и какъ ихъ напряженные мускулы все рѣзче выпячиваются подъ трико. Они дышали тяжело и громко, и острый запахъ ихъ пота былъ слышенъ въ первыхъ рядахъ партера.

И вдругъ прежняя, знакомая физическая тоска разрослась у Арбузова около сердца, наполнила ему всю грудь, сжала судорожно за горло, и все тотчасъ же стало для него скучнымъ, пустымъ и безразличнымъ: и мѣдные звуки музыки, и печальное пѣніе фонарей, и циркъ, и Реберъ, и самая борьба. Что-то въ родѣ давней привычки еще заставляло его сопротивляться, но онъ уже слышалъ въ прерывистомъ, обдававшемъ ему затылокъ дыханіи Ребера хриплые звуки, похожіе на торжествующее звѣриное рычаніе, и уже одна его рука, оторвавшись отъ земли, напрасно искала въ воздухѣ опоры. Потомъ и все его тѣло потеряло равновѣсіе, и онъ, неожиданно и крѣпко прижатый спиной къ холодному брезенту, увидѣлъ надъ собой красное, потное лицо Ребера съ растрепанными, свалявшимися усами, съ оскаленными зубами, съ глазами, искаженными безуміемъ и злобой...

Поднявшись на ноги, Арбузовъ, точно въ туманѣ, видѣлъ Ребера, который на всѣ стороны кивалъ головой публикѣ. Зрители, вскочивъ съ мѣсть, кричали какъ изступленные, двигались, махали платками, но все это казалось Арбузову давно знакомымъ сномъ, — сномъ нелѣпымъ, фантастическимъ и въ то же время мелкимъ и скучнымъ, по сравненію съ тоской, разрывавшей его

грудь. Шатаясь, онъ добрался до уборной. Видъ сваленнаго въ кучу хлама напомнилъ ему что-то неясное, о чемъ онъ недавно думалъ, и онъ опустился на него, держась обѣими руками за сердце и хватая воздухъ раскрытымъ ртомъ.

Внезапно, вмѣстѣ съ чувствомъ тоски и потери дыханія, имъ овладѣли тошнота и слабость. Все позеленѣло въ его глазахъ, потомъ стало темнѣть и проваливаться въ глубокую черную пропасть. Въ его мозгу рѣзкимъ, высокимъ звукомъ — точно тамъ лопнула тонкая струна — кто-то явственно и раздѣльно крикнулъ: бу-мерангъ! Потомъ все исчезло: и мысль, и сознаніе, и боль, и тоска. И это случилось такъ же просто и быстро, какъ если бы кто дунулъ на свѣчу, горѣвшую въ темной комнатѣ, и погасилъ ее...

ЛѢСНАЯ ГЛУШЬ.

Середина апрѣля. Вечеръ. Я иду по узкой, твердой, корчеватой лѣсной дорожкѣ, которая двумя глубокими песчаными колеями вьется среди хвойнаго молодняка, выросшаго вокругъ сѣрыхъ дряблыхъ пней. Рядомъ со мною идетъ Кирила, сотскій изъ Зульни, впереди — полѣсовщикъ Талимонъ. Оба они шагаютъ рѣдко, но размашисто: подъ ихъ ногами, обутыми въ лыковыя постолы, не треснетъ ни одна сухая вѣточка. Время отъ времени Талимонъ сходитъ съ тропинки, нагибается и шаритъ руками въ буреломѣ. Онъ разыскиваетъ лучину, которую еще утромъ нащипалъ для костра, и никакъ не можетъ найти ее. Вѣроятно, онъ забылъ мѣсто, но сознаться ему въ этомъ, какъ старому охотнику, особенно передъ своимъ всегдашнимъ соперникомъ — сотскимъ, не хочется, и я слышу, какъ онъ, не выпуская изо рта короткой трубки, ворчитъ что-то про «злодіевъ» и «бисовыхъ сыновъ».

Сегодня мы разложимъ въ лѣсу костеръ и около него вздремнемъ часа три-четыре, до той поры, когда начнетъ чуть-чуть брезжить разсвѣтъ. Къ зарѣ мы уже должны быть въ «будкахъ», чтобы не прозѣвать перваго тетеревинаго тока.

Сотскій Кирила и Талимонъ — мои всегдашніе спут-

ники по охотѣ. Кирила — высокій, костлявый и весь какой-то развинченный мужикъ. У него худое, желтое лицо, впалыя щеки, плохо выбритый острый подбородокъ и огромный лобъ, по обѣ стороны котораго падаютъ прямые, длинные волосы; въ общемъ его голова напоминаетъ голову опереточнаго математика или астронома. На немъ надѣтъ поверхъ кожуха войлочный «латунъ», уже старенькій, но чистый и франтоватый, — правая сторона у латуна коричневая, а лѣвая — сѣрая, и всѣ швы оторочены краснымъ шнуркомъ. Баранью шапку, отправляясь на охоту, Кирила надѣваетъ набекрень такъ, что она закрываетъ ему одинъ глазъ, и тогда вся деревня знаетъ, что «сотникъ иде на пановку».

Кирила служилъ въ «москаляхъ», былъ подъ Плевной и получилъ георгіевскій крестъ, — за что получилъ? — добиться отъ него толкомъ невозможно. Изъ его же собственнаго разсказа выходитъ только, что «Якъ турци насъ забрали въ плинъ, то разомъ узяли съ нами и майора Птицына, а потомъ, якъ мы вси стали утекать, то майора Птицына турци забили геть до смерти»... Въ настоящее время онъ уже десятый годъ подъ рядъ служитъ по выборамъ сотскимъ, получаетъ за это восемь рублей въ годъ, исполняетъ свои обязанности съ неугасаемымъ «административнымъ восторгомъ» и въ душѣ чрезмѣрно преувеличиваетъ размѣры облекающей его власти. Арестанты изъ его села отправляются до слѣдующаго этапа не иначе, какъ со связанными назадъ руками, между которыми продѣта длинная веревка; за каждый изъ концовъ этой веревки держатся конвоирующіе двое мужиковъ, что придаетъ всей процессіи внушительный и комическій видъ. Сотскій ведетъ очередь, кому изъ хозяевъ итти на какія общественныя работы, и хотя увѣряетъ, что у него на это есть какая-то «ханструкція», но, кажется, руководствуется при распредѣленіи наряда болѣе симпа-

тіями, заключенными за чаркой, нежели указаніями таинственной инструкціи. Онъ до нѣкоторой степени предводительствуетъ общественнымъ мнѣніемъ, и по праздникамъ въ толпѣ, собравшейся на лужайкѣ около монопольнаго забора (эта лужайка — своеобразный сельскій клубъ), особенно громко раздается его голосъ. До моего окна доносятся неизмѣнно однѣ и тѣ же задорныя фразы: «Я ему докажу»... «Законъ не позволяетъ»... «Якъ мене поставили начальствомъ»... Пьянъ онъ бываетъ рѣдко, но, выпивши, безобразничаетъ. Тогда онъ ходитъ непремѣнно по самой серединѣ улицы и требуетъ, чтобы передъ нимъ снимали шапки. — «Що жъ ты? Не бачишь, що начальство иде?» — кричитъ онъ, подпираясь руками въ бока. Въ эти пьяныя минуты случается, что ему приходитъ въ голову какая-нибудь сумасбродно-административная затѣя, напримѣръ, отдать приказъ, чтобы завтра же все село выѣзжало строить новый мостъ черезъ Горынь, и съ непремѣннымъ условіемъ окончить постройку къ вечеру. Крестьяне ему не противорѣчатъ, отлично зная, что на другой день сотскій даже и не вспомнитъ о своемъ вдохновенномъ предпріятіи.

Кирила ужасно любитъ разговаривать со всякимъ начальствомъ. При этомъ разговорѣ онъ отъ излишняго усердія вихляетъ всѣмъ туловищемъ, подергиваетъ бедрами и отчаянно жестикулируетъ большимъ пальцемъ правой руки, оттопыреннымъ въ сторону отъ остальныхъ пальцевъ, сжатыхъ въ кулакъ. Многословная его рѣчь такъ и пестритъ кудреватыми выраженіями, въ родѣ: «какая разница!»... «окончательно совсѣмъ»... «безъ никакого вниманія». Титулы, которыми онъ величаетъ исправника и станового, всегда разнообразны и нелѣпо преувеличены. Если же въ присутствіи властей сотскому приходится вести разговоръ съ лицомъ, ему самому подчиненнымъ, то, хотя голова сотскаго и обращена къ этому подчиненному, но

глаза устремлены все время на власть съ заигрывающимъ выраженіемъ, а въ тонѣ его словъ слышится угодливая пренебрежительность, — дескать, «видите, пане, какая мужицкая необразованность, и какъ мы съ вами все это хорошо и тонко понимаемъ»...

Въ комнатахъ съ нимъ разговаривать неудобно, потому что онъ кричитъ, какъ на пожарѣ (голосъ у него — фальцетъ, — осипшій и надсаженный), тотчасъ же перебиваетъ всякаго, кто при немъ заговоритъ, самъ тараторитъ безъ умолку и ничего не слышитъ, кромѣ своихъ собственныхъ витіеватыхъ фразъ. Дома у себя и съ крестьянами онъ гораздо проще, естественнѣе, но съ начальствомъ и съ господами почему-то считаетъ необходимымъ быть какъ можно безтолковѣе и при первомъ же удобномъ случаѣ охотно впадаетъ въ роль шута. Начальство, кажется, любитъ его, но при каждомъ проѣздѣ не преминетъ собственноручно прибить, о чемъ Кирила потомъ разсказываетъ со всѣми признаками хвастливаго удовольствія: «Отъ якъ мини врядникъ въ пыку запалилъ! Бѣда!..» Получивъ служебную бумагу, онъ. прежде чѣмъ ее распечатать, со значительнымъ видомъ надѣваетъ на носъ огромныя, круглыя, прадѣдовскія очки въ роговой оправѣ и затѣмъ уже, наморщивъ лобъ и сжавъ губы, разсматриваетъ документъ, держа его нерѣдко вверхъ ногами. Конечно, эти внушительные пріемы никого не обманываютъ, потому что всякому извѣстно, что ни въ Зульнѣ, ни въ Крешевѣ, ни въ Яблонномъ, съ его окрестностями, ни одинъ человѣкъ не умѣетъ читать, кромѣ бывшаго шинкаря Лейбы Фикуса, къ которому потомъ сотскій и отнесетъ бумагу для прочтенія.

Кирила недурной стрѣлокъ, но охотникъ — несчастливый, а, главное дѣло, хвастунъ. Отправляясь на охоту и заломивъ шапку набокъ, онъ кричитъ на весь лѣсъ и божится, что сегодня ужъ навѣрняка принесетъ домой

полную сумку, а сумка у него чудовищныхъ размѣровъ. При промахѣ онъ сначала съ изумленіемъ смотритъ на ружье, пожимаетъ плечами и въ недоумѣніи спрашиваетъ: «Що це таке съ моей стрѣльбой зробилось?», — потомъ идетъ на то мѣсто, гдѣ сидѣла дичь, и тщательно разыскиваетъ перья или слѣды крови. Если же ему случится убить что-нибудь, то онъ несетъ дичь на ксендзовскій дворъ или къ органисту и продаетъ тамъ. Каждый разъ послѣ охоты онъ доводитъ меня до калитки и, снявъ шапку и склонивъ просительно набокъ свою водевильную голову, говоритъ заискивающимъ, тихимъ голосомъ:

— Панычу, а якъ бы вы сотнику пожаловали на крючокъ водки?..

Талимонъ — человѣкъ другого склада. Онъ совсѣмъ плохой хозяинъ, и его хату можно безошибочно найти, потому что она самая худшая во всемъ селѣ: дрань на крышѣ дырявая, еле держится, стекла въ окнахъ почти всѣ повыбиты и замѣнены тряпками, стѣны ушли въ землю и покосились. Кожухъ у Талимона испещренъ заплатами и разодранъ подъ мышками, изъ шапки кое-гдѣ повылѣзли клочья ваты, но вся одежда сидитъ на немъ хорошо, почти изящно. Онъ невысокъ ростомъ, поджаръ и очень ловокъ въ движеніяхъ. Все его лицо отъ самыхъ глазъ заросло волосами; черные усы сливаются съ черной бородой, короткой, но чрезвычайно густой и жесткой. Подъ широкими черными бровями глубоко сидятъ большіе круглые черные глаза, которые смотрятъ сурово, недовѣрчиво и немного испуганно: я это странное выраженіе не разъ подмѣчалъ у людей, проводящихъ большую часть жизни въ лѣсу. Голосъ у Талимона глуховатый, носового тембра, не лишенный пріятности, но говоритъ онъ рѣдко и мало, — тоже какъ всѣ лѣсные люди. Смѣется онъ еще рѣже, но зато улыбка совершенно измѣ-

няетъ его лицо: оно вдругъ становится такимъ ласковымъ и добродушнымъ, что на него просто залюбуешься.

Талимонъ скроменъ, застѣнчивъ и уступчивъ. Онъ ни про кого не отзывается дурно, развѣ только, если при немъ похвалятъ плохого охотника, то онъ слабо и презрительно махнетъ рукой. Про свои охотничьи успѣхи онъ никогда не говоритъ безъ особеннаго повода, но разсказъ его, при всей суровой сжатости, всегда занимателенъ и картиненъ. Когда сотскій съ крикомъ и нелѣпыми тѣлодвиженіями начинаетъ руководить порядкомъ охоты, Талимонъ не возражаетъ ему, а дѣлаетъ по-своему, что̀ выходитъ гораздо лучше и чему сотскій безпрекословно подчиняется, приписывая однако успѣхъ охоты своимъ распоряженіямъ.

У Талимона есть одна дорогая и трогательная общественная черта: онъ охотно беретъ на себя самыя непріятныя, хлопотливыя обязанности и безропотно становится на охотѣ на худшія мѣста. Онъ первый лѣзетъ по поясъ въ болото, первый переправляется по жидкому весеннему льду, строитъ шалаши, разводитъ костры, чиститъ ружья... Здоровье у него плохое. Часто, идя вмѣстѣ на охоту, я слышу его кашель, такой странный, отрывистый и сухой, что я долго не могъ къ нему привыкнуть: все мнѣ казалось, что Талимонъ чему-то внезапно разсмѣялся, и я съ любопытствомъ оборачивался въ его сторону. Я думаю, что у него наслѣдственная чахотка, и что онъ не проживетъ долго, особенно при его молчаливой, упорной страсти къ спиртному. Если же кашелъ начинаетъ его мучить черезчуръ сильно, тогда Талимонъ приходитъ ко мнѣ за лѣкарствомъ. Лѣкарство это, изобрѣтенное едва ли не самимъ Талимономъ, состоитъ изъ большой рюмки водки, куда я капаю четыре или пять капель французскаго скипидару. — «А ну-ка, панычъ, дайте мини трошки тэрпэтыны... що-сь у меня

въ грудяхъ заложило», — говоритъ онъ въ этихъ случаяхъ, послѣ нѣсколькихъ минутъ нерѣшительнаго колебанія на порогѣ моей комнаты. Я боюсь ошибиться, но мнѣ кажется, что, если бы я предложилъ Талимону принимать скипидаръ на водѣ, я бы рисковалъ потерять навсегда единственнаго своего паціента.

Въ хозяйственномъ быту Талимонъ лѣнтяй, какихъ свѣтъ не создавалъ. Вмѣсто самаго необходимаго домашняго дѣла, онъ предпочитаетъ цѣлыя сутки бродить по лѣсу съ ружьемъ за плечами. Когда его тринадцатилѣтняя дочь Варка вмѣстѣ со своимъ братишкой Архипомъ вспахиваютъ кое-какъ, неумѣлыми слабыми руками, жалкій клочокъ поля, Талимонъ только смотритъ на нихъ съ завалинки, равнодушно покуривая трубку, околоченную мѣдью.

Оба они — и сотскій и Талимонъ — стрѣляютъ изъ такихъ ружей, какихъ я болѣе нигдѣ не встрѣчалъ: фунтовъ по пятнадцати вѣсомъ, около вершка калибромъ, съ самодѣльными ложами и чудовищной отдачей, способной свалить на землю телеграфный столбъ. Эти рѣдкіе предметы достались имъ по наслѣдству, и оба охотника не согласятся промѣнять ихъ ни на какую централку.

— Теперь такой «стрѣльбы» не могутъ сдѣлать, — говоритъ иногда Талимонъ, любовно поглядывая на свой аркебузъ. — Это «стрѣльба» настоящая, бо она ще за Катерыну Великую зроблена. О!..

И надо видѣть, съ какимъ многозначительнымъ видомъ подымается кверху черный палецъ Талимоновъ при этомъ: о!

У нихъ обоихъ есть собаки — отдаленные ублюдки гончихъ, у Кирилы — «Соколъ», а у Талимона — «Свирьга». Собаки, надо отдать имъ справедливость, прескверныя, но меня онѣ интересуютъ въ томъ отношеніи, что на нихъ до смѣшного отразился характеръ ихъ господъ. Рыжій

Кириловъ Соколъ, едва почуя заячій слѣдъ, бросается бѣжать по прямой линіи и громкимъ лаемъ даетъ знать о себѣ звѣрю за цѣлую версту. На убитаго зайца онъ тотчасъ же накидывается и начинаетъ его съ ожесточеніемъ пожирать, и отогнать его удается, только пустивъ въ ходъ ружейный прикладъ. Подходя на зовъ къ человѣку, Соколъ волнообразно изгибается туловищемъ, крутитъ головой, подобострастно взвизгиваетъ, лихорадочно машетъ хвостомъ и наконецъ, дойдя до вашихъ ногъ, переворачивается на спину. Куски, которые ему даютъ, онъ вырываетъ изъ рукъ и уноситъ ихъ куда-нибудь подальше. Взглядъ у него напряженный, заискивающій и фальшивый.

Свирьга — маленькая черная гладкая сучка, съ остренькой мордочкой и желтыми подпалинами на бровяхъ. Звѣря она гонитъ молча, «нышкомъ», какъ говоритъ Талимонъ. Нравъ у нея нелюдимый, нервный и довольно дикій; ласкъ она, повидимому, терпѣть не можетъ. Она страшно худа. Талимонъ ее никогда не кормитъ, потому что, по его мнѣнію, «песъ и жинка мусятъ сами себя годувать», т.-е. должны сами себя пропитывать. Собака относится къ хозяину съ полнымъ равнодушіемъ, но я знаю, что, несмотря на эту кажущуюся холодность, Свирьга и Талимонъ сильно привязаны другъ къ другу.

Теплый безвѣтреный день угасъ. Только далеко на горизонтѣ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ зашло солнце, небо еще рдѣло багровыми полосами, точно оно было вымазано широкими ударами огромной кисти, омоченной въ кровь. На этомъ странномъ и грозномъ фонѣ зубчатая стѣна казеннаго хвойнаго лѣса отчетливо рисовалась грубымъ, темнымъ силуэтомъ, а кое-гдѣ торчавшія надъ ней прозрачныя круглыя верхушки голыхъ березъ, казалось, были нарисованы на небѣ легкими штрихами нѣжной зеленоватой туши. Чуть-чуть выше розовый отблескъ гаснущаго

заката незамѣтно для глазъ переходилъ въ слабый оттѣнокъ выцвѣтшей бирюзы... Воздухъ уже потемнѣлъ, и въ немъ выдѣлялся стволъ каждаго дерева, каждая вѣточка, съ той мягкой и пріятной ясностью, которую можно наблюдать только раннею весной, по вечерамъ. Слышалось иногда, какъ густымъ басомъ гудитъ, пролетая гдѣ-то очень близко, невидимый жукъ, и какъ онъ, сухо щелкнувшись о какое-то препятствіе, сразу замолкаетъ. Кое-гдѣ сквозь чащу деревьевъ мелькали серебряныя нити лѣсныхъ ручейковъ и болотецъ. Лягушки заливались въ нихъ своимъ торопливымъ, оглушительнымъ крикомъ; жабы вторили имъ болѣе рѣдкимъ, мелодическимъ и грустнымъ уханьемъ. Изрѣдка надъ головой пролетала съ пугливымъ кряканьемъ утка, да слышно было, какъ съ громкимъ и короткимъ блеяньемъ перелетаетъ съ мѣста на мѣсто бекасъ-баранчикъ. Высыпали первыя звѣзды, и никогда ихъ мерцающее сіянье не казалось мнѣ такимъ золотымъ, такимъ чистымъ, кроткимъ и радостнымъ.

— Стойте, панычъ... заждить трошки,—сказалъ вдругъ Талимонъ, присѣвъ на корточки сбоку дороги. — Сдается, здѣсь и заночуемъ...

Дѣйствительно, изъ-подъ густой сосновой вѣтки онъ вытащилъ охапку лучины, загодя наколотой имъ изъ стараго смоляного пня. Я далъ ему спичку, и сухое сосновое дерево тотчасъ же вспыхнуло яркимъ, безпокойнымъ пламенемъ, распространяя сильный запахъ смолы. Затѣмъ онъ навалилъ сверхъ лучины сухой прошлогодней желтой хвои, которая сразу задымилась и затрещала.

Сотскій не утерпѣлъ, чтобы не вмѣшаться.

— Атъ! — крикнулъ онъ съ досадой. — Ничего не умѣешь сдѣлать. Пусти меня.

Талимонъ сейчасъ же уступилъ ему свое мѣсто и только съ застѣнчивымъ видомъ вытеръ носъ рукавомъ латуна.

Но у сотскаго дѣло не спорилось, и начавшій-было разгораться костеръ чуть-чуть совсѣмъ не потухъ.

— Что же ты не помогаешь... стоишь, якъ пень! — крикнулъ онъ съ сердцемъ на Талимона.

Съ помощью Талимона, притащившаго кучи хвороста, костеръ разгорѣлся веселымъ, шумнымъ огнемъ. Я въ это время доставалъ изъ сумки провизію, къ большому удовольствію сотскаго, провожавшаго глазами каждый предметъ, появлявшійся изъ нея. Талимонъ изъ деликатности дѣлалъ видъ, что не замѣчаетъ моихъ движеній. Я предложилъ имъ водки. Сотскій торопливо принялъ изъ моихъ рукъ серебряный стаканчикъ, гаркнулъ своимъ сиплымъ фальцетомъ: «За ваше здоровье, ваше высокородіе», опрокинулъ залпомъ водку въ ротъ, а воображаемые остатки лихо выплеснулъ себѣ черезъ плечо. Талимонъ — хотя я видѣлъ, что ему хочется выпить не меньше сотскаго — сначала немного поцеремонился.

— Пейте, пейте, панычъ, — уговаривалъ онъ меня такимъ ласковымъ тономъ, какъ будто хотѣлъ сказать, что ему ничего, онъ какъ-нибудь потерпитъ, обойдется, но что мнѣ не выпить никакъ нельзя.

Я настаивалъ. Сдавшись наконецъ и взявъ стаканчикъ, онъ снялъ шапку и нѣсколько секундъ нерѣшительно глядѣлъ на водку; потомъ слегка кивнулъ мнѣ головой и промолвилъ: «Ну! Будьте здоровы, панычъ», и съ видимымъ наслажденіемъ выпилъ. Послѣ этого оба мои спутника отрѣзали по толстому куску свинаго сала, надѣли его на шомпола и сунули въ огонь. Поджариваемое сало заворчало и, растапливаясь, капало въ огонь синими горящими каплями.

Раскаленные угольки съ трескомъ выпрыгивали изъ костра и, описавъ въ воздухѣ искристую дугу, падали за нами. Становилось жарко. Мы разлеглись поудобнѣе, ногами къ огню, головой наружу, и долго всѣ трое во-

зились, умная подъ собой мѣсто и выгребая сухія вѣточки и сосновыя шишки, мѣшавшія лежать. Потомъ всѣ притихли и молча глядѣли на пламя, охваченные тѣмъ непонятнымъ, тихимъ очарованіемъ, которое ночью такъ властно и такъ пріятно притягиваетъ глаза къ яркому огню.

Надъ костромъ вдругъ низко и прямо пролетѣла большая сѣрая птица, медленно махая крыльями и жалобно пища. Мы проводили ее глазами, пока она не утонула во мракѣ.

— Это канюка, — сказалъ Талимонъ, поправляя ногой полѣно, выбросившее отъ толчка густой снопъ искръ.

— Что такое? — переспросилъ я.

— Канюка, ваше благородіе... такая птаха! — закричалъ сотскій и весь заерзалъ на своемъ мѣстѣ. — Звѣсно, такъ мы ее называемъ — канюка... То-есть ей, значитъ, такое названіе — канюка.

— А панычъ знаетъ, чего она такъ кричитъ? — спросилъ съ легкой усмѣшкой Талимонъ.

— Нѣтъ, не знаю... Почему же?

— Не могу сказать: чи правда тому, чи нѣтъ, а только старые люди кажутъ, что ее Господь проклялъ.

— Атъ! — пренебрежительно мотнулъ головой сотскій: — очень нужно панычу твои байки слушать... Какая разница...

— Нѣтъ, отчего же, — возразилъ я. — Разскажи, пожалуйста, Талимонъ. Это очень интересно.

— Что жъ... вѣдь не я ее выдумалъ... старые люди говорятъ, — обратился Талимонъ къ сотскому, точно оправдываясь передъ нимъ. — Бачите, панычъ, якъ это дѣло вышло, — продолжалъ онъ болѣе спокойно. — Случилось одинъ разъ... давно это было... можетъ, сколько сотъ лѣтъ тому назадъ... случилось какъ-то, что зробилась на землѣ великая суша. Дождь не падалъ цѣлое

лѣто. и всѣ рѣчки и болота повысыхали... Птицы первыя зажурились... Звѣсно: птаха пьетъ хоть и помалу, але вельми часто, и безъ воды ей кепсько... Вотъ и стали птицы просить у Господа Бога: «Дай Ты намъ, Господи Боже, хоть трошки водицы, а то мы безъ нея всѣ, сколько насъ есть, скоро поумираемъ». Сжалился надъ птицами Богъ и говоритъ имъ:—«Хорошо, дамъ Я вамъ воды. Соберитесь всѣ вы, сколько васъ есть, въ одно мѣсто и ройте землю, и какъ докопаетесь до воды, тогда и напьетесь... на всю вашу братію, пока что, хватитъ»... Какъ услышали эти слова птицы, зàразъ слетѣлись въ одно мѣсто... въ лѣсъ, скажемъ, чи въ долинку... и давай копать лапками землю. Всѣ птицы собрались: и бузько, и кныга, и шулякъ, и крукъ, и ворона... роютъ, роютъ, одно передъ другимъ старается... Только одна канюка ничего не хочетъ дѣлать. Сидитъ и смотритъ, какъ другія работаютъ, да перышки свои перебираетъ. Увидѣлъ это Господь Богъ и спрашиваетъ: «Отчего же ты, сѣрая птаха, не хочешь слушать Моего приказа? Развѣ ты не чула, какъ Я всѣмъ птицамъ велѣлъ копать криницу?» А канюка отвѣчаетъ Господу Богу: — «Какъ же, Господи, буду я копать криницу? Бачишь, якія у меня ножки гарненькія! Боюсь я ихъ испачкать землею, не стану я копать криницы». А ножки у нея, панычу, и правда, гарненькія, желтенькія такія. Да... Разсердился тогда Господь Богъ на канюку и сказалъ: «Будь же ты, сѣрая птица, проклята отнынѣ и до вѣка!.. Пусть теперь и ты и весь родъ твой не смѣетъ пить воды: а ни изъ рѣчки, а ни изъ ривчака, а ни изъ болота, а ни изъ криницы или става, ни изъ стоячей воды ни изъ текучей. А только позволяю Я тебѣ пить воду послѣ дождя съ зеленаго листика»... Вотъ съ тѣхъ поръ летаетъ эта самая птица и кричитъ, а наибольше лѣтомъ... Хочется ей пить, а напиться

нельзя. Подлетитъ къ рѣчкѣ — рѣчка ей воды не даетъ, подлетитъ къ лужицѣ — и та передъ ней разступается. Такъ она отъ воды до воды и летаетъ, и все канючитъ... жалостливо такъ, вотъ какъ сейчасъ, панычъ, слышали... За это самое, что она канючитъ, ее и называютъ канюкой... И это вѣрно, панычъ, — закончилъ онъ убѣжденнымъ тономъ: — я самъ бачилъ, какъ она сидитъ около рѣчки и кричитъ... Хочется ей пить, да, видно, Господне проклятіе крѣпче... Вотъ такъ-то...

— Атъ!.. Байки! — отозвался сотскій.

— Такъ что же, что байки? — заступился я за Талимона.—Байку тоже занятно послушать. Ночь длинна... торопиться намъ некуда.

Кирила тотчасъ же съ обычной неустойчивостью и безтолковостью перемѣнилъ мнѣніе.

— Ну да... воно такъ, — захихикалъ онъ угодливо. — Я жъ понимаю, что панычу любопытно... Панычъ думаетъ, я не понимаю? Я усе понимаю. Звѣсно, что старые люди больше нашего знаютъ... Я жъ могу понимать!..

Мы притихли. Вдругъ Талимонъ быстро приподнялся на локтѣ и, сдвинувъ брови, острымъ неподвижнымъ взглядомъ уставился въ лѣсную чащу.

— Кто-то идетъ, — сказалъ онъ вполголоса.

Сотскій тоже приподнялся и повернулъ голову по направленію взгляда Талимона. Я, какъ ни напрягалъ вниманіе, ничего не могъ разслышать за трескомъ разгорѣвшагося костра.

— Кто тамъ иде-етъ? Что ты бреше-ешь? — протянулъ насмѣшливо Кирила.

— Тихо! — махнулъ на него рукой, не оборачиваясь, Талимонъ.

Дѣйствительно, его не обманулъ тонкій охотничій слухъ. Черезъ минуты двѣ или три послышался легкій трескъ

сухихъ вѣтокъ подъ чьими-то ногами, и изъ чащи точно вынырнула высокая фигура мужика въ новомъ кожухѣ и картузѣ.

— Помогай Богъ! — сказалъ онъ глухимъ, сильно простуженнымъ голосомъ и слегка приподнялъ картузъ.

— Здорово! — отвѣтили разомъ Талимонъ и Кирила, прикоснувшись къ своимъ шапкамъ.

— Ишелъ я по лѣсу и вижу вашъ огонь, — продолжалъ пришедшій, присаживаясь на корточки. — Дай, думаю, посмотрю, что̀ за люди... Скучно одному.

— Сѣдайте, — проговорилъ изъ вѣжливости Талимонъ, несмотря на то, что гость уже успѣлъ усѣсться.

Этого мужика зовутъ Александромъ. Мнѣ никогда не доводилось съ нимъ разговаривать, но я нерѣдко видѣлъ его и особенно много о немъ слышалъ, благодаря той простой и въ то же время тяжелой крестьянской драмѣ, которая на глазахъ всей деревни разыгрывалась въ его семьѣ. Два года тому назадъ его жена Ониська — хорошенькая, но распутная и глупая бабенка — вернулась изъ ближняго городка, гдѣ она служила въ разныхъ мѣстахъ за кухарку. Вернулась она въ деревню не по своей охотѣ. Уже давно до Александра доходили слухи, что его жена ведетъ себя нехорошо, путается со всѣми городскими господами и съ ихъ мужской прислугой, и что даже проѣзжіе посылаютъ «изъ номерей» мишуреса за Ониськой. Александръ не разъ являлся въ городъ, отнималъ у жены всѣ зажитыя ею платья и вещи и рубилъ ихъ въ мелкіе кусочки на порогѣ, а жену избивалъ и уводилъ въ деревню. Но она улучала минуту и тайкомъ сбѣгала опять въ городъ. Въ послѣднее время ее «водворила на мѣсто жительства» полиція, къ содѣйствію которой обратился—не знаю ужъ, по чьему совѣту— Александръ.

Вмѣстѣ съ городскимъ гардеробомъ Ониська привезла

съ собою легкость городскихъ нравовъ и презрѣніе къ деревенской необразованности. Держала она себя съ сосѣдями заносчиво, употребляла въ разговорѣ никому невѣдомыя слова, ѣла въ постъ скоромное и даже въ одно воскресенье—смѣшно сказать—явилась въ церковь съ синимъ пенсне на носу, за что Александръ получилъ отъ священника, отца Анатолія, строгій выговоръ.

Поведеніе ея не стало лучше въ деревнѣ. Она таскалась сначала съ сыномъ волостного писаря, потомъ съ конторщиками сосѣдняго лѣсного имѣнія, потомъ съ помѣщичьими кучерами, и наконецъ въ настоящее время ея постояннымъ кавалеромъ сдѣлался вольнопрактикующій фельдшеръ Кацѣйовскій, вертлявый и наглый человѣчекъ, съ темнымъ прошлымъ, лѣчившій съ одинаковымъ неуспѣхомъ и лошадей, и коровъ, и бабъ съ ихъ ребятами. Зналъ ли обо всемъ этомъ Александръ—трудно сказать. Онъ никогда не отличался общительностью, а за послѣдній годъ сталъ еще больше сторониться отъ людей, но съ лица его не сходило угрюмое выраженіе упорной, затаенной мужицкой тоски. Глядя на него, крестьяне покачивали головами и со свойственнымъ имъ безошибочнымъ инстинктивнымъ чутьемъ говорили: «Не добромъ кончится это дѣло... що-сь буде промежъ Онисьи съ Александромъ...»

— Ты коней, что ли, пасешь?—спросилъ нѣсколько минутъ спустя сотскій.

Александръ, неподвижно глядѣвшій въ огонь, вдругъ встрепенулся, точно его внезапно разбудили.

— Я-то?—протянулъ онъ, съ усиліемъ отрываясь отъ огня и, повидимому, стараясь понять, о чемъ его спрашиваютъ.—Коней, ты говоришь? Да, да, коней.

— Оно дѣвствительно... теперь злодій какъ разъ подкрадется,—поучительно замѣтилъ Кирила.

Александръ опять уставился на огонь. Я вглядѣлся

пристальнѣе въ его большое, носатое, изрытое оспой лицо, и меня поразило его равнодушно-тоскливое выраженіе. И поза, въ которой онъ сидѣлъ, сгорбившись, съ головой, ушедшей въ плечи, охвативъ обѣими руками острыя колѣни, показалась мнѣ усталой и безпомощной. Самый голосъ у Александра былъ какой-то жалкій, пришибленный и до страннаго глухой, какъ будто бы онъ раздавался сквозь закрывавшую ротъ мягкую подушку.

Пламя костра трепетало съ бурнымъ ропотомъ, а на лицахъ трехъ крестьянъ бѣгали длинныя дрожащія тѣни отъ носовъ и глазныхъ впадинъ. Когда же огонь вспыхивалъ особенно ярко, эти лица принимали мѣдный оттѣнокъ, а въ глазахъ ярко загорались красныя точки.

Около костра было тепло, свѣтло и уютно, но тамъ, дальше, куда не достигалъ освѣщенный колеблющійся кругъ, тамъ ночь стала непроницаемо черной, и временами до насъ доносилось ея холодное, сырое дыханіе. Обступившія насъ вокругъ деревья слились въ одну сплошную, темную—темнѣе ночи—живую толпу, точно со всего лѣса сбѣжались сюда ночныя тѣни и съ любопытствомъ глядѣли сверху, покачиваясь и перешептываясь. Иногда, на мгновеніе, выдѣлялся изъ этого заколдованнаго круга голый прямой стволъ сосны, внезапно облитый красноватымъ свѣтомъ, но тотчасъ же пугливо прятался въ густую толпу ночныхъ призраковъ.

Я легъ на спину и долго глядѣлъ на темное, спокойное, безоблачное небо,—до того долго, что минутами мнѣ казалось, будто я гляжу въ глубокую пропасть, и тогда у меня начинала слабо, но пріятно кружиться голова. А въ душу мою сходилъ какой-то томный, согрѣвающій миръ. Кто-то стиралъ съ нея властной рукою всю горечь прошедшихъ неудачъ, мелкую и озлобленную суету городскихъ интересовъ, мучительный позоръ обиженнаго самолюбія, никогда не засыпающую заботу о

насущномъ хлѣбѣ. И вся жизнь, со всѣми ея мудреными задачами, вдругъ ясно и просто сосредоточилась для меня на этомъ песчаномъ бугрѣ около костра, въ обществѣ этихъ трехъ человѣкъ, несложныхъ, наивныхъ и понятныхъ, почти какъ сама природа.

Странный звукъ внезапно нарушилъ глубокое ночное молчаніе: точно вдали кто-то вздохнулъ во всю ширину необъятной груди... Даже трудно было опредѣлить, съ какой стороны послышался этотъ звукъ: онъ пронесся по лѣсу низко, надъ самой землею, и стихъ.

— Птаха яка-сь,—замѣтилъ вполголоса Александръ.

— Сова!—рѣшилъ тотчасъ же увѣренно сотскій.

— Нѣтъ, это не птаха,—задумчиво отозвался Талимонъ.—Господь его знаетъ, что̀ оно такое... Трапляется это часомъ въ лѣсу, когда ночь тихая...

— Трапляется, трапляется, — съ задоромъ передразнилъ сотскій: — а что̀ трапляется, и самъ не знаетъ... Ну, что̀ такое трапляется?

— Разное бываетъ...—мягко и уклончиво возразилъ Талимонъ.—Лѣсъ у насъ великій, въ иншее мѣсто никто не заглядаетъ, даже лоси и волки... Одному Богу звѣстно, что̀ тамъ ночью робится... Старые полѣсовщики много чего баютъ, потому что они цѣлый день въ лѣсу да въ лѣсу... все видятъ, все слышатъ... Да что̀ жъ?—обвелъ онъ насъ глазами.—Я и самъ многое слыхалъ...

— Ты слыхалъ... Много ты слыхалъ!..

— А что̀ жъ?—съ добродушной настойчивостью продолжалъ Талимонъ. — Вотъ и слыхалъ. Бываетъ часомъ такъ, что идешь, примѣрно, въ ночной обходъ. Тихо такъ въ лѣсу... ажъ листикъ не колыхнетъ... А вдругъ какъ зарегочетъ що-сь, какъ зарегочетъ... чудно такъ... не то человѣкъ смѣется, не то конь ржетъ, не то заплакалъ кто-то.

— Атъ!..

— А вотъ еще однажды слыхалъ я въ ночь на Свѣтлое Воскресенье, какъ печаловскій колоколъ звонитъ. Что жъ скажешь, можетъ-быть, неправду тому?— укоризненно обратился Талимонъ къ сотскому.

— Нѣтъ, это правда. Печаловскій колоколъ звонитъ, я это знаю,—подтвердилъ своимъ глухимъ голосомъ Александръ.

Я заинтересовался: что такое означаетъ звонъ печаловскаго колокола. Сотскій въ ту же минуту завозился туловищемъ, ногами и руками и закричалъ такъ громко, что по лѣсу побѣжало эхо:

— Что вы ихъ слухаете, панычъ! Они вамъ съ три короба наговорятъ. Атъ! Бабья брехня... Не слухайте ихъ, ваше благородіе.

Но я гораздо энергичнѣе, чѣмъ прежде, попросилъ сотскаго молчать. Талимонъ принялся разсказывать, но сначала немного стѣснялся и все озирался на своего противника. Александръ попрежнему тупо и печально глядѣлъ на огонь, не измѣняя своей жалкой позы. Время отъ времени онъ коротко кивалъ головой и приговаривалъ: «Да, да... это вѣрно... это такъ». Сотскій съ умышленной небрежностью повернулся спиной къ разсказчику.

— Это тоже, панычъ, дуже старое дѣло, что я вамъ хочу разсказывать, за той самый печаловскій колоколъ. Случилось оно еще тѣ годы окоче была у насъ панщица. Давнымъ-давно... лѣтъ... може быть... (онъ задумался и вопросительно посмотрѣлъ на меня). Лѣтъ триста, аль бо четыреста будетъ?.. А мабудь, и больше? Не могу сказать, не знаю, Богъ его знаетъ, сколько лѣтъ... Собирались одинъ разъ казаки въ походъ. Шли они тогда войной на турецкаго салтана. И вотъ стали они прощаться со своими... Журьба по всему селу, плачъ такой великій... ажъ стонъ стоитъ!.. Тотъ съ батькой своимъ разстается, съ маткой старой, того сестра прово-

жаетъ... Но наибольше голосили дивчата. Звѣсно, у каждой былъ въ войскѣ свой зарученный... И ужъ эти бабы завше одинаковы. Сама плачетъ, якъ рѣка разливается, а все жъ таки не утерпитъ на ухо шепнуть: «Будешь ты, Грицко, аль бо тамъ Павло, чи Юрко, будешь вертаться назадъ изъ Туреччины, привези мнѣ памятку какую-нибудь, чи перстенекъ, чи намисто, чи хустку червонную...»

«Былъ въ томъ селѣ казакъ, по имени Опанасъ: гарный хлопецъ, веселый и шворный такой, але жъ только совсѣмъ бѣдный, якъ собака. Всего у него богатства только и было, что̀ на немъ. Служилъ Опанасъ за наймита у мельника. А у мельника была дочка, такая красивая дивчина, что лѣпше ея нигдѣ на всю округу не было. Полюбилась эта мельничиха Опанасу; такъ онъ ее полюбилъ, что только изъ-за нея одной и жилъ на млынѣ, потому что старый мельникъ былъ человѣкъ гордый и скупой, кормилъ наймитовъ плохо и даже за людей ихъ не считалъ... И дочка его такая жъ была. Знала она, что Опанасъ ее крѣпко любитъ, но только надъ нимъ смѣялась.

«Какъ услышалъ Опанасъ, что идутъ казаки на войну, сталъ и онъ собираться... Вотъ пришло время и въ походъ выступать. Пріѣхалъ Опанасъ въ опушній разъ на млынъ, прощается, бидака, со своей любой. А ей ничего, только смѣется съ него. «Привези, каже, мнѣ изъ турецкой земли такое намисто, чтобъ такого еще ни у кого не было, чтобъ всѣ молодицы и дивчины—и Гапка, и Катерына, и Пруська — чтобы всѣ онѣ съ зависти пожелтѣли. Тогда, говоритъ, можетъ, и пойду за тебя замужъ. Да помни одно: если твое намисто хоть изъ золотыхъ дукатовъ будетъ, я и то его не приму, а брошу его тебѣ въ твою наймичью пыку. Бо такое намисто я вже у одной проѣзжей пани бачила».

— Ахъ, ты, стерва!—не утерпѣлъ наконецъ сотскій и быстро повернулся лицомъ къ разсказчику.—Я бы ей самой въ пыку за такія слова далъ!..

Сотскій, хотя и старался до сихъ поръ подчеркнуть свое невниманіе къ разсказу, но, очевидно, слушалъ его съ захватывающимъ интересомъ, несмотря на то, что, навѣрно, зналъ его наизусть съ самаго дѣтства. Онъ, какъ многіе крестьяне, новымъ байкамъ предпочиталъ старинныя, давно ему привычныя, уже осиленныя и усвоенныя его тугимъ, короткимъ воображеніемъ.

— Да.Такъ она ему и сказала, — продолжалъ Талимонъ, замѣтно польщенный и подбодренный искренней выходкой сотскаго:—привези мнѣ, говоритъ, такое намисто, какого еще никто и не бачилъ.—«Хорошо,—говоритъ Опанасъ:—хорошо, привезу я тебѣ такое намисто!»... а самъ вельми разсердился,—даже прощаться съ нею больше не сталъ,—вскочилъ на коня и поѣхалъ догонять товарищей.

«Въ ту пору, какъ шли казаки походомъ, подружилъ Опанасъ съ однимъ казакомъ, Левкомъ, — такъ подружилъ, что просто они другъ безъ дружки жить не могутъ, а напослѣдокъ даже крестами помѣнялись. «Будь ты мнѣ,—говоритъ Опанасъ:—за родного брата. Куда ты, туда и я. Будемъ вездѣ стоять другъ за дружку и выручать отъ всякой бѣды».

«Наконецъ пришли наши казаки и въ Туреччину. Долго они тамъ сражались. Сколько селъ и деревень попалили, сколько скота угнали, сколько ихнихъ церквей разорили... а поганыхъ турокъ такъ богацько набили, что даже счетъ потеряли... золотыя монеты забирали прямо жменями, ажъ казацкія кишени не могли выдержать, лопались... И вездѣ Левко вмѣстѣ съ Опанасомъ: и турокъ вмѣстѣ бьютъ, и кашу изъ одного горшка ѣдятъ, и спятъ подъ однимъ кожухомъ...

«Завоевали одинъ разъ казаки самый великій турецкій городъ—Константинòвъ, и стали тотъ городъ разорять. Опанасъ съ Левкомъ забрались въ бо-огатый-пребогатый палацъ и давай хозяевать въ немъ, какъ въ своей хатѣ. Набрали дукатовъ золотыхъ, посуды разной срибной, дорогихъ каменьевъ... Вдругъ бачатъ: лежитъ въ щекатункѣ намисто, и такъ-то блещетъ намисто, что ажъ глаза колетъ. Левко съ Опанасомъ разомъ хвать за намисто!.. Одинъ каже—мое, другой говòритъ—мое. Слово за слово, стали лаяться казаки. Дальше, больше,—вынулъ Левко шаблюку, вынулъ и Опанасъ свою шаблюку. Начали биться. Бились часъ, бились другой: пересилилъ-таки Опанасъ Левка и отрубилъ своему названному брату казацкую голову, и взялъ себѣ то гарное намисто...

«Никому онъ не сказалъ изъ товарищей, что убилъ Левка, а намисто сховалъ у себя на груди, подъ свиткой, чтобъ никто его не замѣтилъ. Такъ всѣ и подумали, что пропалъ Левко безъ вѣсти, чи взяли его въ плѣнъ, чи зарѣзалъ его гдѣ-нибудь поганый турка.

«Въ скорости повернули казаки до дому—ужъ больше года прошло, какъ они выѣхали въ походъ. Поѣхалъ съ ними и Опанасъ. Только совсѣмъ не такой поѣхалъ, какъ изъ дому выѣзжалъ. Тогда былъ веселый такой: все пѣсни спѣвалъ, да жартовалъ съ товарищами, а теперь ѣдетъ тихій, сумный, пѣсенъ не поетъ, не говоритъ ни съ кѣмъ и все—нѣтъ, нѣтъ,—рукой лапаетъ за грудь, гдѣ у него спрятано намисто.

«На Страстной недѣлѣ вступили казаки на русскую землю. Ѣдутъ они однажды вечеромъ и видятъ въ степи огонь.—«Вотъ здѣсь, говорятъ, и заночуемъ». Подъѣхали, глядятъ—цыганскій таборъ. Ну, что же? Хоть и цыгане, а все же таки подорожные люди. Говорятъ имъ казаки: «Слава Богу!». Тѣ имъ отвѣчаютъ: «Во вѣки слава». Просятъ сѣдать. Сѣли наши казаки, вы-

нули изъ сумокъ хлѣбъ, соль, цыбулю... стали вечерять, послали за горилкой,—тутъ корчма близко оказалась. Пьютъ и цыганъ частуютъ. Только одна молодая цыганка—красивая такая—замѣтила, что Опанасъ все за грудь тремается, и пытаетъ въ шутку: «Что у тебя, хлопецъ, на груди скрыто? Можетъ, намисто везешь своей дивчинѣ?» Испугался Опанасъ, ажъ весь затрусился.—«А ты почему знаешь? Нема у меня никакого намиста. Отчепись ты отъ меня, ради Бога». Цыганка еще больше смѣется.—«Чего же ты, говоритъ, злякался? Или ты кого зарѣзалъ за то намисто, що такъ побѣлѣлъ?» И пристала эта цыганка къ Опанасу: «Пойдемъ со мной въ мой наметъ... Я тебя виномъ угощу добрымъ, и постель тебѣ постелю, и сама съ тобою ляжу».. Говоритъ она такъ, а сама на Опанаса дивится; очи у нея черныя, блескучія, а лицо темное, а зубы бѣлые, какъ цукаръ. Послушался казакъ, пошелъ съ ней въ наметъ, сѣлъ... Подаетъ она ему великую чару: «пей!»,—каже. Выпилъ онъ одну, цыганка ему зàразъ другую наливаетъ. Выпилъ другую Опанасъ и пытаетъ:—«А что же ты сама не пьешь? Меня поишь, а сама не пьешь?» Усмѣхнулась цыганка, однако выпила трошки; только, какъ выпила, сейчасъ же воды хлебнула. Казакъ спрашиваетъ:—«Ты для чего же воду пьешь?»—«А это у насъ, говоритъ, свычай такой... намъ иньше по нашей вѣрѣ не можно»... И наливаетъ еще одну чарку. Какъ выпилъ Опанасъ третью чару, помѣшалось у него все въ головѣ, обомлѣлъ онъ и упалъ, какъ неживой. Чуетъ онъ, что кто-то мацаетъ его за грудь и свитку раскрываетъ, а поворохнуться не можетъ: точно ему руки и ноги веревками повязали...

«Проснулся на утро Опанасъ и первымъ дѣломъ лапъ-лапъ по пидъ свиткой: нема намиста! Онъ къ товарищамъ: «Гдѣ цыгане?» А тѣхъ цыганъ уже давно и званія нема, еще до солнца поднялись, погыгортали-погыгортали что-

то по-своему и всѣмъ табором подались на полдень. «Нѣтъ,—думаетъ казакъ:—я ей, бисовой дочкѣ, моего намиста не подарю». Вскочилъ на коня и поѣхалъ вдогонку за цыганами.

«Ѣдетъ онъ милю, другую, десять миль, и все людей пытаетъ:—«А что̀, добрые люди, не видали вы, не проходилъ ли здѣсь цыганскій таборъ?»—«Какъ же, говорятъ, видѣли: вотъ только-только передъ тобой проѣхали по шляху». Опять ѣдетъ казакъ, погоняетъ коня со всѣхъ силъ, а догнать никакъ не можетъ, и вездѣ ему люди кажутъ:—«Бачили мы цыганъ, всего только часъ какой назадъ, вонъ въ ту сторону потянули». А тѣмъ временемъ вечеръ зашелъ, стало темно. А когда казакъ черезъ Печаловку проѣзжалъ, то уже дѣло подходило близко полуночи. Сталъ онъ и въ Печаловкѣ пытать: «Бачили цыганъ, добры люди?»—«Бачили, кажутъ, ѣзжай скорійше, они еще двухъ верстовъ не успѣли сдѣлать».

«Только-что опять выѣхалъ Опанасъ въ поле, видитъ—стоитъ церковь, а въ церкви малый огонекъ чуть-чуть мигаетъ. Посмотрѣлъ Опанасъ и думаетъ: «А вѣдь нынче у людей Страстная суббота, и сейчасъ настанетъ Христово Воскресеніе. Богъ вѣсть, когда я еще до церкви доберусь. Треба зайти, хоть лба перекрестить». Слѣзъ съ коня и зашелъ въ церкву. Звѣсно, т а к ъ с е б ѣ зашелъ, бо у него на душѣ совсѣмъ не молитва была.

«Зашелъ онъ въ церкву и видитъ, что тамъ всего только одна свѣчка горитъ передъ иконой Божьей Матери, а людей въ церкви нема. Даже сторожъ, и тотъ куда-сь на минутку вышелъ. Подошелъ казакъ къ образу, да такъ и захололъ. Смотритъ онъ, а у Божьей Матери окрýгъ сіянія надѣто намисто, аккуратъ такое, какъ у него цыганка украла, только еще краше. Всего одна свѣчечка въ церкви, а намисто такъ и горитъ, такъ и горитъ,—аже въ глазахъ больно... А коло образа, какъ

на грѣхъ, лѣсенка маленькая приставлена... Звѣсно, что все это дѣло злой наробилъ. Потомъ оказалось, что и цыгане тѣ, что̀ намисто украли, совсѣмъ не цыгане были, а мара.

«Обернулся Опанасъ въ одну сторону, въ другую... видитъ—никого въ церкви нѣтъ. Влѣзъ онъ на лѣсенку и протянулъ руку. И ледве онъ доторкнулся рукой до намиста,—загремѣлъ громъ, заблискала блискавица, и вся церковь, какъ стояла, такъ и провалилась скризь землю... Сбѣжались изъ села люди, смотрятъ, а на мѣстѣ церкви стоитъ великое озеро, а въ озерѣ колоколъ звонитъ...»

— Да.. это вѣрно.... это такъ.—тихо замѣтилъ Александръ.

— И съ той самой поры,—продолжалъ въ торжественномъ тонѣ Талимонъ:—съ той самой поры каждый разъ въ Свѣтлое Воскресенье слышатъ люди звонъ изъ того озера. То звонитъ колоколъ въ потонувшей церкви. И это все правда... я самъ чулъ одинъ разъ. Не такъ, чтобы вельми громко, но, якъ притулить ухо до земли, то совсѣмъ добре чутно.

Талимонъ замолчалъ, выбросилъ изъ костра уголекъ и, перекинувъ его нѣсколько разъ съ ладони на ладонь, сталъ раскуривать свою короткую трубку. Я спросилъ, что̀ сталось потомъ съ жестокой мельничихой?

Талимонъ сплюнулъ въ сторону.

— Этого ужъ я не знаю, панычъ. Чего не знаю, того не можу казать. За мельникову дочку я больше ничего не чулъ.

— А что̀ же съ ней зробилось? Погубила, трясьца ея собачьей матери, христіанскую душу, и все тутъ.—съ горькой злобой вставилъ Александръ.—Нѣтъ на свѣтѣ ни одного такого поскуднаго гада, якъ баба!..

— Всѣ хороши: и бабы и чоловики,—равнодушно сказалъ Талимонъ.

Александръ вдругъ какъ-то разомъ заволновался.

— Нѣтъ, ты этого не говори, Талимонъ... Это ты напрасно такъ говоришь,—заторопился онъ, суетливо и неловко тыча передъ собою руками.—Хоть мы, чоловики, и пьемъ, и свòримся, и воруемъ часомъ, але все же таки мы Бога не забываемъ... А баба? Або она что̀ понимаетъ? Або она что̀ чувствуетъ?..

— Это ты правильно,—поддакнулъ сотскій.—У бабы замѣсто души паръ, якъ у собаци. Это даже въ двѣнадцати викторіяхъ сказано.

— Чи паръ, чи другое що, я ужъ за то не знаю,—нетерпѣливо отмахнулся отъ него Александръ.—А только я одно скажу, что всякая шкода, всякая швара,—все черезъ нихъ робится. Какъ въ святыхъ книгахъ сказано? Черезъ кого Господь прогналъ Адама изъ раю? Черезъ бабу... Шкодливы, пакостницы, сокотухи *). Плетутъ не вѣсть что̀... Вотъ ужъ это вправду сказано: лучше желѣзо варить, чѣмъ съ злою женою жить.

Вѣроятно, еще и раньше, до разсказа Талимона про намисто, Александръ находился въ томъ состояніи, когда накипѣвшія въ человѣкѣ и долго сдерживаемыя чувства ищутъ себѣ исхода, и тогда достаточно ничтожнаго предлога, чтобы они прорвались въ самой необузданной формѣ. Видно было, глядя на неожиданную горячность Александра, что теперь ему уже трудно остановиться, разъ онъ началъ высказываться. И хотя, повидимому, онъ громилъ всѣхъ женщинъ вообще, но какъ-то невольно чувствовалось, что всѣ его проникнутыя жестокой ненавистью слова относятся къ одной Ониськѣ.

— Стыда онѣ въ себѣ никакого не имѣютъ!—продолжалъ еще возбужденнѣе Александръ.—У суки, и у той

*) Болтуньи. Когда кричитъ сорока, про нее говорятъ, что она «сокочетъ».

стыда больше, чѣмъ у бабы... Только одна мерзость у нея на думкѣ. А этого ей ничего, что изъ-за нея человику нельзя на село показаться, что отъ страму не знаешь, куда голову спрятать. Мужей бросаютъ, сволочи, даромъ, что въ церкви Божьей присягали на вѣрность... Хуже кошекъ онѣ, эти бабы! Кошка хоть къ хатѣ своей призвычайна, а баба ни къ чему ни привыкнетъ. Развѣ ей дѣти нужны? Мужъ нуженъ? Страмъ ей нуженъ... Тьфу!—Александръ съ омерзѣніемъ плюнулъ на землю:— вотъ что̀ ей нужно!..

— Батога ей треба!—сочувственно и серьезно замѣтилъ Талимонъ.

Сотскій поддержалъ это мнѣніе.

— Да и до-обраго батога. Старики кажутъ не даромъ: якъ больше бабу бьешь, то борщъ вкуснѣе.

Но Александръ какъ будто бы не замѣтилъ словъ сотскаго. Во все время своей безпорядочной, злобной рѣчи онъ обращался къ Талимону, въ черныхъ печальныхъ глазахъ котораго отражалось настоящее состраданіе.

— Эхъ! Або она боится батога?—махнулъ безнадежно рукой Александръ.—Баба какъ гадюка: пополамъ ее перерви, а она все вертится. Да и не можно все бить да бить. Ты вотъ на нее серчаешь, а она подсунулась къ тебѣ теплая да ласая... такъ, стерва, душу изъ тебя руками и вынетъ. Нѣтъ, это что̀ жъ, бить-то... А вотъ такъ зробить, какъ Семенъ Башмуръ въ позапрошломъ годѣ зробилъ...

— Ну, братъ, этого тоже начальство не одобряетъ... какая разница!—многозначительно сказалъ сотскій.

— А что̀ такое Башмуръ сдѣлалъ съ женой?—полюбопытствовалъ я.

На этотъ вопросъ долго не было отвѣта, точно каждый изъ мужиковъ дожидался, чтобы заговорилъ другой. Наконецъ сотскій началъ медленно и неохотно:

— Жинка его... Башмурова жинка, значитъ... связалась тутъ съ однимъ хлопцемъ... Петро его зовутъ... онъ и теперь на селѣ живетъ... женился на Покрову. Ну, и застукалъ онъ ее одинъ разъ съ этимъ съ самымъ Петромъ въ хлѣвѣ...

Сотскій замолчалъ, точно ему непріятно было продолжать. Александръ и Талимонъ какъ-то ужъ черезчуръ равнодушно уставились глазами на свои лапти.

— Ну, и что же дальше?—спросилъ я.

— Да что же? Повалилъ ее на землю и засунулъ ей квача *) съ дегтемъ въ ротъ... ну, и того.... задохнулась. Атъ! Да что объ этомъ толковать!.. Ты куда же, Александръ?—спросилъ сотскій, видя, что тотъ всталъ со своего мѣста и оправляетъ ремень, стягивающій кожухъ.—Идешь, что ли?

— Пойду,—коротко отвѣтилъ Александръ, ни на кого не глядя. —Что жъ сидѣть.... скоро утро. Ну, бывайте здоровы...

Пока онъ былъ виденъ, мы всѣ трое провожали его глазами. Въ его вялой, тяжелой и медленной походкѣ, въ очертаніяхъ его натруженной, полусогнутой спины было что-то удрученное, жалкое... Глядя на эту походку и на эту спину, я невольно подумалъ, что еще долго онъ будетъ бродить сегодня по лѣсу со своей одинокой, молчаливой тоской.

Послѣ его ухода мы долго молчали. Такъ всегда бываетъ, если изъ компаніи уйдетъ одинъ человѣкъ: пусть даже онъ молчалъ все время, но остальные безъ него нѣсколько минутъ чувствуютъ себя неловко, точно отъ нихъ отняли что-то, подогрѣвающее бесѣду.

Сотскій первый заговорилъ:

---

*) Квачъ—тряпка, туго свернутая, кляпъ.

— А все черезъ свою Ониську человѣкъ сохнетъ... Совсѣмъ извела его, подлюка.

— Что жъ... не наше это дѣло,—осторожно, какъ бы вскользь, замѣтилъ Талимонъ.

— Какъ это не мое дѣло?—вскипѣлъ сотскій.—Ежели, примѣрно, я начальствомъ здѣсь состою?.. Какая разница!..

Талимонъ немного смутился.

— Ну, да... оно такъ, конечно... а все жъ таки...

— То-то вотъ —«все жъ таки». Какъ это ты могъ сказать: не мое дѣло? А если, упаси Господи, бѣда якая случится?.. Жаль мужика, пропадаетъ ни за грошъ,—совсѣмъ ужъ другимъ тономъ обратился сотскій ко мнѣ.— Трудящій онъ, старательный человяка... И ужъ чего-чего онъ ни дѣлалъ: къ попу водилъ свою Ониську отчитывать, господину вряднику жалобу приносилъ... ничего пользы нѣтъ. Онъ и къ Недилькѣ даже ходилъ...

— Къ какой это Недилькѣ?—спросилъ я.

— А тутъ, бачите, есть у насъ одна ворожка. Недилькой мы ее зовемъ... такъ онъ къ ней и ходилъ. Велѣла, говорятъ, она ему поймать кожана *) и сварить его живого, а потомъ закопать на ночь въ муравельникѣ, чтобъ муравли его обглодали до костей. А въ тѣхъ костяхъ, каже, есть такія маленькія грабельки и вилочка. Якъ ты, каже, захочешь, чтобъ тебя дивчина, чи молодица полюбила, то ты только этими граблями проведи ей по спидницѣ, чи по камизелькѣ. А если хочешь, чтобы она тебя разлюбила, то вилами ее торкни легонько...

— Ну что же, и Недилька не помогла?

— Э, какія теперь ворожки!—сдѣлалъ сотскій презрительную гримасу.—Або теперешнія ворожки что-нибудь

*) Летучая мышь.

знаютъ? Вотъ прежнія—тѣ, дѣйствительно, много могли. Кровь, зубы заговаривали, отмовляли, если кого бѣшеная собака укуситъ или гадюка... узнавали, гдѣ злодій вещи спряталъ...

— Ну да... Бо имъ раньше черти вспособляли, — пояснилъ Талимонъ.

— А звѣсно, помогали... У иньшей даже не одинъ и не два, а скольконадцать чертякъ служило въ наймитахъ. Ну, а теперь совсѣмъ нема чертей...

— Какъ нема? Куда же они дѣлись?—спросилъ я, заинтересованный судьбой чертей.

Признаться, я не ожидалъ, да и не могъ ожидать хоть сколько-нибудь опредѣленнаго отвѣта, но, къ моему чрезвычайному удивленію, Талимонъ и Кирила тотчасъ же, нимало не задумавшись, отвѣтили въ одинъ голосъ:

— На машину ушли.

— Что-о? На машину? На какую машину?

— А на зализную дорогу,—хладнокровно и увѣренно объяснилъ сотскій.—Имъ тамъ теперь вельми добре жить... Вотъ, какъ разобьется вагоновъ съ пятнадцать, тутъ сейчасъ чертякамъ и работа. Богацько тогда умираетъ людей безъ причастія, а это злому и потѣха, потому что человѣкъ весь въ грѣхахъ, якъ въ кожухѣ. А чертяка его разомъ цапъ за комиръ и въ пекло. Може, за одну недѣлю душъ съ тысячу приставитъ. Ну, а ему, звѣсно, отъ самаго главнаго сатаны за это награда... А въ селѣ ему что за польза? Коли-николи одну якую-сь душонку зловитъ, да и то старушечью, лядащую. Вотъ потому-то они всѣ изъ села и поутекали. А что, Талимонъ? Развидняетъ?—обратился онъ къ Талимону, пристально смотрѣвшему на востокъ.

— Уже. Ну, панычъ, давайте собираться,—сказалъ Талимонъ, подымаясь.—Какъ придемъ на токъ, зараз и день будетъ.

Мы наскоро собрали свои вещи, растащили костеръ и тронулись. Небо еще не измѣнило своего темнаго цвѣта, но востокъ уже поблѣднѣлъ, и звѣзды потеряли яркость. Легкій утренній вѣтерокъ, суетливый и холодный, набѣгалъ изрѣдка и чуть трепеталъ въ вершинахъ деревьевъ.

До тока намъ пришлось итти около трехъ четвертей часа. Самый токъ представляетъ изъ себя большую, десятинъ въ двадцать, полянку, окруженную молодымъ лѣскомъ. Кое-гдѣ по ней были разбросаны небольшія группы кустовъ.

Въ темнотѣ, въ полузнакомомъ мѣстѣ, я скоро потерялся и покорно шелъ за Талимономъ, то и дѣло попадая ногами въ какія-то ямы. Наконецъ Талимонъ остановился и шепнулъ мнѣ на ухо:

— Сѣдайте, панычъ, вонъ въ ту будку. Сидите «нышкомъ», не ворошитесь. А якъ стрѣлите тетерука, то, спаси Господи, не вылѣзайте изъ кучки... Заразъ другіе прилетятъ на то же мѣсто.

Онъ указалъ мнѣ на нѣсколько маленькихъ березокъ, едва бѣлѣвшихъ шагахъ въ пяти отъ насъ, а самъ пошелъ въ другую сторону и тотчасъ же безшумно пропалъ въ темнотѣ.

Я съ трудомъ отыскалъ свою будку. Она состояла изъ двухъ тонкихъ березокъ, связанныхъ верхушками и густо закрытыхъ съ боковъ сосновыми вѣтками. Раздвинувъ вѣтки, я влѣзъ въ будку на четверенькахъ, усѣлся поудобнѣе, прислонилъ ружье къ стволу и сталъ оглядываться.

Прямо передо мною тянулись ровныя сѣрыя широкія грядки прошлогодней нивы (въ борозды между этими грядами я все и проваливался, когда шелъ за Талимономъ). Востокъ уже началъ розовѣть. Деревья и кусты вырисовывались блѣдными, неясными, однотонными пятнами. Къ смолистому крѣпкому запаху сосновыхъ вѣтвей, изъ ко-

торыхъ была сдѣлана моя будка, пріятно примѣшивался запахъ утренней сыроватой свѣжести. Пахла и молодая травка, сѣрая отъ росы...

Гдѣ-то очень близко — мнѣ показалось, что надъ самой моей головой — робко чирикнула птичка, ей отвѣтила другая, третья... Въ лѣсу пронзительно захохотала сова, и ея крикъ звучно и рѣзко пронесся между деревьевъ. Утка пролетѣла стороной, и долго не смолкало ея кряканье, все тише и тише доносясь до меня. Высоко на деревьяхъ томно застонали дикіе голуби.

Вдругъ совсѣмъ около меня, на землѣ, раздалось громкое хлопанье крѣпкихъ крыльевъ. Я невольно вздрогнулъ. Не далѣе, какъ въ шагѣ отъ моей будки, упалъ тетеревъ; если бы я протянулъ руку, я могъ бы дотронуться до того мѣста, гдѣ онъ опустился. Весь черный, съ красными мясистыми бровями и короткимъ острымъ клювомъ, онъ стоялъ неподвижно, какъ каменный, показываясь мнѣ всѣмъ своимъ стройнымъ, красивымъ профилемъ. Его блестящій черный глазокъ тревожно и зорко заглядывалъ въ будку. Я затаилъ дыханіе и замеръ, не отводя отъ него глазъ. Но тетеревъ уже замѣтилъ меня. Онъ вдругъ поднялся и, громко хлопая крыльями, полетѣлъ низко надъ землею.

«Ну, пропала сегодня охота», — подумалъ я съ досадой, но въ ту же секунду съ двухъ сторонъ — впереди меня и справа — такъ же громко и коротко захлопали крылья. Нѣсколько минутъ оба тетерева молчали, должнобыть, внимательно оглядываясь кругомъ и прислушиваясь. Но вотъ одинъ изъ нихъ, тотъ, что̀ упалъ справа, издалъ громкій боевой крикъ: «чу! чшшш...»—странный звукъ, который трудно передать, похожій отчасти на испорченный, осипшій пѣтушиный крикъ, отчасти на шипѣніе, а также на свистъ ножа подъ колесомъ точильщика. «Чу! чшшш...»— тотчасъ же отозвался другой. Какъ мнѣ ни хотѣлось

увидѣть самихъ тетеревовъ, но я боялся пошевелиться и только слушалъ.

Такъ они перекликнулись нѣсколько разъ. Вдругъ первый, закричавъ особенно задорно и громко, подпрыгнулъ вверхъ и забилъ крыльями: то же самое немедленно сдѣлалъ и второй. Самцы подходили одинъ къ другому все ближе и ближе, возбуждая себя передъ битвой воинственными криками...

Но, еще не сойдясь, они оба сердито заболботали: совсѣмъ какъ индюки, только нѣжнѣе, продолжительнѣе и не такъ отрывисто. Иногда они прерывали свое болботаніе, чтобы закричать и перелетѣть поближе къ противнику. Я осторожно, стараясь не шумѣть одеждой, повернулся и сталъ всматриваться сквозь просвѣты вѣтвей.

Сначала я увидѣлъ только одного. До него было не больше тридцати шаговъ. Онъ токовалъ, вытянувъ надъ самой землей шею, и медленно, плавно поворачивался то въ одну, то въ другую сторону. Когда онъ становился ко мнѣ задомъ, я видѣлъ только изнанку его поднятаго вверхъ хвоста, похожую на развернутый бѣлый пушистый вѣеръ. Скоро я увидѣлъ и другого: онъ токовалъ отъ перваго шагахъ въ десяти, такъ же сердито и плавно топчась на мѣстѣ. Иногда оба они, одинъ вслѣдъ за другимъ, подымали свои головы и прямо и широко растопыривали крылья, что придавало имъ надутый, гнѣвный и комическій видъ.

Вдругъ недалеко отъ меня грянулъ оглушительный, точно пушечный выстрѣлъ. Эхо подхватило его, бросило въ лѣсъ, и онъ, разбившись объ деревья на тысячи звуковъ, долго, то стихая, то усиливаясь, грохоталъ въ чистомъ утреннемъ воздухѣ. Оба тетерева, насторожившись, замерли на нѣсколько секундъ, но потомъ, закричавъ съ новымъ ожесточеніемъ, разомъ подпрыгнули вверхъ и съ такой силой ударились въ воздухѣ грудь

объ грудь, что нѣсколько маленькихъ перышекъ полетѣло отъ нихъ въ разныя стороны. Упавъ на землю, тетерева опять принялись за свое сердитое болботанье.

Я осторожно просунулъ ружье между вѣтвями и, страшно волнуясь, слыша ускоренное біеніе своего сердца, сталъ цѣлить. Одна хвоинка закрывала мнѣ мушку. Едва переводя дыханіе, я отщипнулъ ее, сѣлъ поудобнѣе и приложился... Выстрѣлъ вышелъ неожиданный и очень громкій. За облакомъ дыма я ничего не могъ разсмотрѣть, но уже услышалъ судорожное хлопанье крыльевъ и зналъ, что не промахнулся. Дѣйствительно, когда дымъ разсѣялся, я увидалъ тетерева; онъ свалился въ борозду и лежалъ въ ней неподвижной черной грудкой. Противникъ его не сорвался, онъ только застылъ на мѣстѣ въ чуткой и недоумѣвающей позѣ. Принимая ружье, я нечаянно произвелъ едва слышный шорохъ. Тетеревъ испуганно поднялся и быстро полетѣлъ по направленію къ лѣсу.

Вокругъ меня со всѣхъ сторонъ еще токовали невидимые мнѣ тетерева, но все тише, все слабѣе. Наступало затишье, которое бываетъ всегда между первымъ и вторымъ токомъ... Заря разгорѣлась въ полъ-неба. Солнца еще не было видно, но верхушки высокихъ деревьевъ уже подернулись точно золотой пылью...

Черезъ часъ мы возвращались домой. Талимонъ, который стрѣлялъ два раза — одинъ разъ передо мною, а другой во время второго тока — убилъ двухъ тетеревовъ, я одного, а сотскій возвращался съ пустыми руками и потому замѣтно дулся и не хотѣлъ глядѣть на дичь. Талимонъ изъ крыльевъ каждой птицы выдернулъ по два пера, просунулъ ихъ толстыми концами въ носовыя отверстія тетеревовъ, тонкіе концы связалъ, и несъ такимъ образомъ дичь какъ бы на петляхъ.

Намъ оставалось до деревни не болѣе полуверсты, и мы подходили уже къ большому деревянному кресту, стоявшему на пересѣченіи зуленской и печаловской дорогъ. Эти кресты, съ прибитыми на верху ихъ, сдѣланными изъ дерева орудіями страданій Христовыхъ — копьемъ, лѣстницей, молоткомъ и тридцатью сребрениками — всегда можно увидѣть на перекресткахъ полѣсскихъ дорогъ. Снизу на эти кресты молодицы и дѣвки вѣшаютъ сшитые ими по обѣту пестрые фартуки и полотенца, что̀ придаетъ кресту своеобразный—дикій и живописный видъ.

Когда мы поровнялись съ крестомъ, то всѣ трое замѣтили фигуру какого-то человѣка, бѣжавшаго намъ навстрѣчу изъ деревни. Талимонъ своимъ зоркимъ глазомъ первый узналъ его и сказалъ, обращаясь къ сотскому:

— Это вашъ Грицко бѣжитъ, сотникъ.

Дѣйствительно, это былъ Грицко, сынъ сотскаго, малый лѣтъ восемнадцати, уже женатый, большой весельчакъ, вѣчно скалившій свои огромные бѣлые, какъ у молодой собаки, зубы.

— Тату! Тату! — закричалъ онъ еще на ходу. — Бѣжите скорѣй... у насъ на селѣ бѣда!..

— Что̀ тамъ за бѣда? — недовольнымъ голосомъ отозвался сотскій. — Яка така бѣда?..

Грицко добѣжалъ до насъ и продолжалъ, съ трудомъ переводя духъ:

— Великая бѣда, тату... чоловикъ одинъ... жинку свою убилъ...

Мы переглянулись, и одна и та же мысль мелькнула у насъ въ глазахъ. Мнѣ показалось, что Талимонъ поблѣднѣлъ.

— Атъ! Что̀ ты брешешь! — воскликнулъ сотскій, дѣлая строгое и важное начальническое лицо. — Какой чоловикъ? Когда убилъ?..

— Александръ, тату, Ониськинъ чоловикъ...

— Да когда? Когда, я тебя спрашиваю? — закричалъ сотскій. Онъ прибавилъ шагу, и Грицко едва поспѣвалъ за нимъ, пускаясь по временамъ вприпрыжку. Мы съ Талимономъ тоже пошли скорѣе.

— Ахъ, Боже мой, Боже жъ мой,—растерянно причиталъ Грицко.—Вотъ только, только — и часу не будетъ... Самъ пришелъ подъ хату къ Кузьмѣ Борійчуку, вызвалъ Кузьму и каже: вяжите меня, бо я свою жинку забилъ геть до смерти!.. сѣкирой... Я и Ониську бачилъ, тату... Ку-у-да!.. Вже и не дышитъ... Мозги вывалились... Люди говорятъ, что онъ фершала съ ней засталъ...

Подходя къ деревнѣ, мы еще издали увидали большую толпу, собравшуюся на монопольной лужайкѣ. Всѣ галдѣли разомъ и безъ толку. Бабы, подперши ладонью лѣвой руки щеку, а правой поддерживая лѣвую за локоть, стояли сзади мужиковъ, въ этихъ неизмѣнныхъ позахъ русскаго женскаго горя, и всхлипывали.

При нашемъ приближеніи толпа разступилась на обѣ стороны, образовавъ родъ широкой дорожки. Въ серединѣ круга на деревянномъ обрубкѣ сидѣлъ Александръ. Онъ былъ безъ шапки, съ блѣднымъ, испачканнымъ чѣмъ-то темнымъ—можетъ-быть, даже кровью—лицомъ. Увидя насъ, онъ поднялъ голову и вдругъ улыбнулся. Странная это была улыбка—мучительная, болѣзненная, невыносимо тяжелая... Я поспѣшно прошелъ мимо, дальше отъ этой ненавистной мнѣ толпы, которая всегда съ такой омерзительной жадностью слетается на кровь, на грязь и на падаль...

Уже подходя къ своей квартирѣ, я слышалъ, какъ сотскій безобразно оралъ пронзительнымъ начальническимъ фальцетомъ:

— Ты людей убивать, сукинъ сынъ! Я тебѣ покажу, продъ проклятый. Грицко, бѣжи за веревками... Я т-тебѣ покажу-у!..

ЖИДОВКА.

— Проѣхали, проѣ-ѣ-хали! — жалобно зазвенѣлъ дѣтскій голосокъ. — Направо! — крикнулъ сзади сердитый басъ. — Направо, право, прраво! — подхватили впереди весело и торопливо. Кто-то заскрежеталъ зубами, кто-то пронзительно свистнулъ... Стая собакъ залилась тонкимъ, злобнымъ и радостнымъ лаемъ. — О-о-о! Ха-ха-ха! — засмѣялась и застонала толпа.

Сани подбросило и стукнуло на ухабѣ. Кашинцевъ открылъ глаза.

— Что? — спросилъ онъ съ испугомъ.

Но дорога была попрежнему пустынна и безмолвна. Морозная ночь молчала надъ безконечными, мертвыми, бѣлыми полями. Полный мѣсяцъ стоялъ на серединѣ неба, и четкая синяя тѣнь, скользившая сбоку саней, ломаясь на взрытыхъ сугробахъ, была коротка и уродлива. Упругій, сухой снѣгъ скрипѣлъ и визжалъ подъ полозьями, какъ резиновый.

«Ахъ, вѣдь это снѣгъ скрипитъ», — подумалъ Кашинцевъ. — Какъ странно! — произнесъ онъ вслухъ.

Услыхавъ голосъ, ямщикъ обернулся назадъ. Его темное лицо, съ бѣлыми отъ холода усами и бородой, было похоже на большую, грубую звѣриную маску, облѣпленную ватой.

— Что? Еще двѣ версты осталось. Немного, — сказалъ ямщикъ.

«Это — снѣгъ, — думалъ Кашинцевъ, опять поддаваясь дремотѣ. — Это только снѣгъ. Какъ странно...»

— Странно, странно! — вдругъ суетливо и отчетливо залепеталъ колокольчикъ на концѣ дышла. — Стран-но, стран-но, стран-но...

— Ай-ай-ай! Посмотрите же! — крикнула впереди саней женщина.

Толпа, которая тѣсно шла ей навстрѣчу, вдругъ заговорила разомъ, заплакала и запѣла. Опять, злобно волнуясь, залаяли собаки.

Гдѣ-то далеко загудѣлъ паровозъ... И тотчасъ же, сквозь дремоту, Кашинцеву съ необыкновенной ясностью вспомнился вокзальный буфетъ съ его жалкой, запыленной роскошью: гроздья электрическихъ лампочекъ подъ грязнымъ потолкомъ и на запачканныхъ стѣнахъ, огромныя окна, искусственныя пальмы на столахъ, жесткія стоячія салфетки, мельхіоровыя вазы, букеты изъ сухихъ травъ, пирамиды бутылокъ, рюмки розоваго и зеленаго стекла...

Это было вчера вечеромъ. Товарищи-врачи провожали Кашинцева, только-что получившаго новое назначеніе — младшимъ врачомъ въ отдаленный пѣхотный полкъ. Ихъ было пять человѣкъ. Сдвинувъ вокругъ углового «докторскаго» столика тяжелые вокзальные стулья, они пили пиво и разговаривали съ натянутой сердечностью и напускнымъ оживленіемъ, точно разыгрывали на спектаклѣ сцену проводовъ. Красивый и самоувѣренный Рюль, преувеличенно блестя глазами, кокетничая и оглядываясь по сторонамъ, чтобы его слышали и чужіе, говорилъ фамильярнымъ, фатовскимъ тономъ:

— Такъ-то, старикъ. Вся наша жизнь, отъ рожденія и до самой смерти, заключается только въ томъ, что

мы встрѣчаемъ и провожаемъ другъ друга. Можешь записать это себѣ на память въ книжку: «вечерніе афоризмы и максимы доктора фонъ-Рюля».

Едва онъ кончилъ говорить, у выходныхъ дверей показался толстый швейцаръ, съ лицомъ сердитаго бульдога, затрясъ звонкомъ и закричалъ нараспѣвъ, обрываясь и давясь:

— Пе-ервый звонокъ! Кі-евъ, Жмеринка, Одессъ! По-оѣздъ стои-итъ на втор-омъ путѣ!..

И теперь, сидя глубоко и неудобно въ дергающихся саняхъ, Кашинцевъ засмѣялся отъ удовольствія, — такъ необыкновенно ярко и красочно вышло это воспоминаніе. Но тотчасъ же къ нему вернулось утомительное, нудное впечатлѣніе безконечности этой однообразной дороги. Съ того времени, когда, утромъ, выйдя на маленькой желѣзнодорожной станціи, онъ сѣлъ въ почтовыя сани, прошло всего шесть-семь часовъ, но Кашинцеву постоянно представлялось, что онъ ѣдетъ такимъ образомъ уже цѣлыя недѣли и мѣсяцы, что онъ самъ успѣлъ измѣниться, сдѣлаться старше, скучнѣе и равнодушнѣе ко всему со вчерашняго вечера. Гдѣ-то на пути ему встрѣтился нищій, пьяный и оборванный, съ провалившимся носомъ и съ оголеннымъ на морозѣ плечомъ; гдѣ-то артачилась и не хотѣла входить въ запряжку длинная худая лошадь съ задранной кверху шеей и съ шоколадной, густой, какъ бархатъ, шерстью; кто-то, казалось, давнымъ-давно сказалъ ему добродушно: «Дорога, пане, сегодня добрая, не оглянетесь, какъ докатите», а самъ Кашинцевъ въ эту минуту засмотрѣлся на снѣжную равнину, которая была совсѣмъ алая отъ вечерней зари. Но все это смѣшалось, отошло въ какую-то мутную, неправдоподобную даль, и нельзя было вспомнить, гдѣ, когда, въ какой послѣдовательности это происходило. По временамъ легкій сонъ смыкалъ глаза Кашинцеву, и тогда его отуманен-

ному сознанію слышались странные визги, скрежетъ, собачій лай, человѣческіе крики, хохотъ и бормотаніе; но онъ открывалъ глаза, и фантастическіе звуки превращались въ простой скрипъ полозьевъ, въ звонъ колокольчика на дышлѣ; и попрежнему разстилались налѣво и направо спящія бѣлыя поля, попрежнему торчала передъ нимъ черная, согнутая спина очередного ямщика, попрежнему равномѣрно двигались лошадиные крупы и мотались завязанные въ узелъ хвосты...

— Васъ куда везти, пане, прямо на почту или въ заѣздъ? — спросилъ ямщикъ.

Кашинцевъ поднялъ голову. Теперь онъ ѣхалъ по длинной, прямой улицѣ какого-то села. Накатанная дорога блестѣла впереди въ лучахъ мѣсяца, какъ полированная синяя сталь. По обѣимъ ея сторонамъ едва выглядывали изъ глубокихъ сугробовъ темные, жалкіе домики, придавленные сверху тяжелыми снѣжными шапками. Село точно вымерло: не лаяли собаки, огонь не свѣтился въ окнахъ, не попадались навстрѣчу люди. Было что-то жуткое и печальное въ этомъ безмолвіи человѣческихъ жилищъ, которыя, затерявшись въ глубокихъ снѣгахъ, боязливо жались другъ къ другу.

— Куда это — въ заѣздъ? — спросилъ Кашинцевъ.

— А панъ не знаетъ? Въ заѣздъ къ Мойшѣ Хацкелю... Тамъ завсегда паны стоятъ. Напримѣръ, самоваръ, яишница, чего закусить... Заночевать тоже можно. Пять номерей...

— Ну, хорошо, поѣдемъ въ заѣздъ, — согласился Кашинцевъ.

Только теперь, при мысли о ѣдѣ и теплomъ помѣщеніи, Кашинцевъ почувствовалъ, какъ сильно онъ озябъ и проголодался. А низенькіе, слѣпые, зарывшіеся въ снѣгъ домики все шли навстрѣчу и уходили назадъ, и, казалось, имъ не будетъ конца.

— Когда же мы пріѣдемъ? — нетерпѣливо спросилъ Кашинцевъ.

— А скоро. Село великое, на версту съ половиной... Вье, малы! — сипло и свирѣпо крикнулъ ямщикъ на лошадей и, привставъ, завертѣлъ надъ головой кнутомъ и задергалъ вожжи.

Вдали показалась красная свѣтлая точка и стала расти, то прячась за темныя невидимыя преграды, то выныривая на мгновеніе изъ мрака. Наконецъ лошади, точно игрушки, у которыхъ кончился заводъ, сами остановились у воротъ заѣзжаго дома и тотчасъ же разслабленно опустили головы къ землѣ. Сводчатый полукруглый въѣздъ тянулся чернымъ огромнымъ, зіяющимъ коридоромъ черезъ весь домъ, но дальше, во дворѣ, ярко освѣщенномъ луной, виднѣлись повозки съ поднятыми вверхъ оглоблями, солома на снѣгу и очертанія лошадиныхъ фигуръ подъ плоскими навѣсами. Слѣва отъ воротъ два окна, сплошь занесенныя снѣгомъ, сіяли теплымъ, невидимымъ, внутреннимъ огнемъ.

Кто-то отворилъ дверь, пронзительно завизжавшую на блокѣ, и Кашинцевъ вошелъ въ комнату. Бѣлыя облака морознаго воздуха, которыя, казалось, только этого и ждали, ворвались слѣдомъ за нимъ, бѣшено крутясь. Сначала Кашинцевъ ничего не могъ разсмотрѣть: стекла его очковъ сразу запотѣли отъ тепла, и онъ видѣлъ передъ собою только два сіяющихъ, мутно-радужныхъ круга.

Ямщикъ, вошедшій сзади, крикнулъ:

— Слухай, Мовша, до тебя панъ пріѣхалъ... Гдѣ ты тутъ?

Откуда-то поспѣшно выскочилъ низенькій, коренастый свѣтлобородый еврей въ высокомъ картузѣ и въ вязаной жилеткѣ табачнаго цвѣта. Онъ что-то дожевывалъ на ходу и суетливо вытиралъ ротъ рукой.

— Добрый вечеръ, пане, добрый вечеръ, — сказалъ онъ

дружелюбно и тотчасъ же съ участливымъ видомъ закачалъ головой и зачмокалъ губами. — Тце, тце, тце... Ой, какъ панъ смерзъ, не дай Богъ! Позвольте, позвольте мнѣ вашу шубу, я ее повѣшу на гвоздь. Панъ прикажетъ самоваръ? Можетъ, что-нибудь покушать? Ой, ой, какъ панъ смерзъ!

— Благодарю васъ. Пожалуйста, — проговорилъ Кашинцевъ.

Отъ холода у него такъ съежились губы, что онъ съ трудомъ ими ворочалъ; подбородокъ сдѣлался неподвижнымъ и точно чужимъ, а собственныя ноги казались ему такими мягкими, слабыми и нечувствительными, какъ будто онѣ были изъ ваты.

Когда его очки отошли въ теплѣ, онъ оглянулся кругомъ. Большая комната, съ кривыми окнами и земляннымъ поломъ, была вся вымазана свѣтло-голубой известкой, которая въ иныхъ мѣстахъ отвалилась большими кусками, обнаруживъ переплетъ изъ деревянной драни. Вдоль стѣнъ тянулись узкія скамейки и стояли раскосые столы, съ мокрыми и жирными отъ времени досками. Подъ самымъ потолкомъ горѣла лампа-молнія. Задняя, меньшая часть комнаты была отгорожена пестрой ситцевой занавѣской, изъ-за которой шелъ запахъ грязныхъ постелей, дѣтскихъ пеленокъ и какой-то острой ѣды. Передъ занавѣской помѣщалась деревянная стойка.

За однимъ изъ столовъ, напротивъ Кашинцева, сидѣлъ, положивъ лохматую голову на разставленные локти, мужикъ въ коричневой свиткѣ и въ бараньей шапкѣ. Онъ былъ пьянъ тяжелымъ, безсильнымъ опьянѣніемъ, мотался головой по столу, икалъ и все время бурлилъ что-то невнятное хриплымъ, надсаженнымъ, клокочущимъ отъ слюней голосомъ.

— Что вы мнѣ дадите поѣсть? — спросилъ Кашинцевъ. — Я очень проголодался.

Хацкель поднялъ кверху плечи, разставилъ врозь руки, прищурилъ лѣвый глазъ и нѣсколько секундъ оставался въ такомъ положеніи.

— Чего я дамъ пану поѣсть? — переспросилъ онъ съ лукаво-проницательнымъ видомъ. — А что̀ панъ хочетъ? Можно достать все. Можно поставить самоваръ, можно заварить яйца, можно достать молока... Ну, вы сами понимаете, пане, что̀ можно достать въ такой паршивой деревнѣ! Можно сварить куру, но только это будетъ очень долго времени.

— Давайте яйца, давайте молока. Еще что̀?

— Что̀ еще-е? — какъ будто удивился Хацкель. — Я могъ бы предложить пану фаршированную еврейскую рыбу. Но, можетъ-быть, панъ не любитъ еврейской кухни? Знаете, обыкновенная еврейская рыба, фишъ, которую моя жинка готовитъ на шабесъ.

— Давайте и фишъ. И, пожалуйста, рюмку водки.

Еврей закрылъ оба глаза, затрясъ головой и зачмокалъ съ сокрушеніемъ.

— Водки нема, — сказалъ онъ шопотомъ. — Вы же знаете, какъ нынче строго. А панъ далеко ѣдетъ?

— Въ Гусятинъ.

— Панъ, извините, служитъ по полиціи?

— Нѣтъ, я докторъ. Военный врачъ.

— Ахъ, панъ — докторъ! Это очень пріятно. Повѣрьте моей совѣсти, я очень жалѣю, что не могу вамъ достать водки. Впрочемъ... Этля! — крикнулъ Хацкель, отходя отъ стола. — Этля!

Онъ скрылся за занавѣску и заговорилъ по-еврейски быстро, точно сердясь. И потомъ онъ нѣсколько разъ то появлялся въ общей комнатѣ, то опять исчезалъ и, видимо, очень суетился. Въ это время мужикъ, лежавшій за столомъ, вдругъ поднялъ кверху голову съ раскрытымъ, мокрымъ ртомъ и остекляшѣвшими глазами и запѣлъ хри-

плымъ голосомъ, при чемъ у него въ горлѣ что-то щелкало и хлюпало:

Ой, чи не мо-ожно бъ бу-у-уло...

Хацкель поспѣшно подбѣжалъ къ нему и затрясъ его за плечо.

— Трохимъ... Слушайте, Трохиме... Я жъ васъ такъ просилъ, щобъ вы не разорялись! Вонъ панъ обижается... Ну, выпили вы, и хорошо, и дай вамъ Богъ счастія, и идите себѣ до дому, Трохимъ!

— Жиды! — заревѣлъ вдругъ мужикъ страшнымъ голосомъ и изо всей силы треснулъ кулакомъ по столу.— Жиды, матери вашей чортъ! Уб-бью!..

Онъ грузно упалъ головой на столъ и забормоталъ.

Хацкель, съ поблѣднѣвшимъ лицомъ отскочилъ отъ стола. Его губы кривились презрительной и въ то же время смущенной и безсильной улыбкой.

— Вотъ видите, панъ докторъ, какой мой кусокъ хлѣба! — сказалъ онъ съ горечью, обращаясь къ Кашинцеву. — Ну, скажите мнѣ, что я могу съ этимъ человѣкомъ сдѣлать? Что я могу? Этля! — крикнулъ онъ въ сторону занавѣски. — Когда же ты наконецъ подашь пану щупака?

Онъ опять нырнулъ въ отгороженную часть комнаты, но тотчасъ же вернулся съ блюдомъ, на которомъ лежала рыба, нарѣзанная тонкими ломтями и облитая темнымъ соусомъ. Онъ также принесъ со собою большой бѣлый хлѣбъ, съ твердой плетеной коркой, испещренной черными зернышками какой-то ароматной приправы.

— Пане, — сказалъ Хацкель таинственно. — Тамъ у жены отыскалось немного водки. Попробуйте, это хорошая фруктовая водка. Мы ее пьемъ на нашу пасху, и она такъ и называется пейсачная. Вотъ.

Онъ извлекъ изъ-за жилета крошечный узкогорлый

графинчикъ и рюмку и поставилъ ихъ передъ Кашинцевымъ. Водка была желтоватаго цвѣта, слегка пахла коньякомъ, но, когда докторъ проглотилъ рюмку, ему показалось, что весь его ротъ и гортань наполнились какимъ-то жгучимъ и душистымъ газомъ. Тотчасъ же онъ почувствовалъ въ животѣ холодъ, а потомъ мягкую теплоту и страшный аппетитъ. Рыба оказалась чрезвычайно вкусной и такой пряной, что отъ нея щипало языкъ. «Какъ ее готовятъ?»—мелькнула-было у Кашинцева опасливая мысль, но онъ тутъ же засмѣялся, вспомнивъ одинъ изъ знакомыхъ ему вечернихъ афоризмовъ доктора фонъ-Рюля: «Никогда не надо думать о томъ, что ѣшь и кого любишь».

А Хашкель стоялъ поодаль, заложивъ руки за спину. Точно угадывая, о чемъ думалъ Кашинцевъ, онъ говорилъ съ угодливымъ и ласковымъ видомъ:

— Можетъ, пану кажется, что это приготовлено какъ-нибудь грязно? Псс... никогда въ жизни! Наши еврейскія женщины все дѣлаютъ по святымъ книгамъ, а тамъ ужъ все сказано: и какъ чистить, и какъ рѣзать, и когда мыть руки. А если не такъ — это у насъ считается грѣхъ. Пусть панъ кушаетъ себѣ на здоровье... Этля, принеси еще рыбы!

Изъ-за занавѣски вышла женщина и стала сзади прилавка, кутаясь съ головой въ большой сѣрый платокъ. Когда Кашинцевъ повернулся къ ней лицомъ, ему показалось, что какая-то невидимая сила внезапно толкнула его въ грудь, и чья-то холодная рука сжала его затрепыхавшееся сердце. Онъ никогда не только не видалъ такой сіяющей, гордой, совершенной красоты, но даже не смѣлъ и думать, что она можетъ существовать на свѣтѣ. Прежде, когда ему случалось видѣть прекрасныя женскія головки на картинахъ знаменитыхъ художниковъ, онъ про себя, внутренно, былъ увѣренъ, что такихъ пра-

вильныхъ, безукоризненныхъ лицъ не бываетъ въ натурѣ, что они — вымыселъ творческой фантазіи. И тѣмъ удивительнѣе, тѣмъ неправдоподобнѣе было для него это ослѣпительно-прекрасное лицо, которое онъ теперь видѣлъ въ грязномъ заѣзжемъ домѣ, пропахшемъ запахомъ нечистаго жилья, въ этой ободранной, пустой и холодной комнатѣ, за прилавкомъ, рядомъ съ пьянымъ, храпящимъ и икающимъ во снѣ мужикомъ.

— Кто это? — шопотомъ спросилъ Кашинцевъ. — Вотъ эта... — онъ хотѣлъ по привычкѣ сказать — жидовка, но запнулся: — эта женщина?

— Кто? Это? — небрежно спросилъ Хацкель, кивнувъ головой назадъ. — Это, пане, моя жинка.

— Какъ она красива!

Хацкель коротко засмѣялся и съ презрѣніемъ пожалъ плечами.

— Панъ съ меня смѣется? — спросилъ онъ укоризненно.—Что такое она? Обыкновенная, бѣдная еврейка, и больше ничего. Развѣ панъ не видалъ въ большихъ городахъ настоящихъ красивыхъ женщинъ? Этля! — обернулся онъ къ женѣ и проговорилъ что-то скороговоркой по-еврейски, отъ чего она вдругъ засмѣялась, блеснувъ множествомъ бѣлыхъ, ровныхъ зубовъ, и повела такъ высоко однимъ плечомъ, точно хотѣла потереть объ него щеку.

— А панъ холостой, чи женатый? — спросилъ Хацкель съ вкрадчивой осторожностью.

— Нѣтъ, я холостой. А что?

— Нѣтъ, я только такъ себѣ... Значитъ, панъ холостой. А почему же панъ, такой солидный и образованный человѣкъ, не захотѣлъ жениться?

— Ну, это длинная исторія... По многимъ причинамъ. Да, я думаю, еще и теперь не поздно. Не такъ ужъ я старъ. А?

Хацкель вдругъ придвинулся вплотную къ доктору, оглянулся съ боязливымъ видомъ по сторонамъ и сказалъ, выразительно понизивъ голосъ:

— А можетъ, вы, пане, заночуете у насъ въ заѣздѣ? Вы, пожалуйста, не безпокойтесь, у меня всегда останавливаются самые хорошіе паны: панъ Варпаховскій изъ Монастырища, панъ посессоръ Луцкій, бываютъ изъ господъ офицерей...

— Нѣтъ, мнѣ надо торопиться. Некогда.

Но Хацкель съ лукавымъ, проницательнымъ и заманивающимъ видомъ, прищуривая то одинъ, то другой глазъ, продолжалъ настаивать:

— Лучше жъ, ей-Богу, заночуйте, пане. Куда панъ поѣдетъ по такой холодюкѣ? Дай мнѣ Богъ не видать завтрашняго дня, если я говорю неправду!.. Послушайте только, что̀ я вамъ скажу, пане докторъ... Тутъ есть одна бывшая гувернантка...

Одна быстрая сумасшедшая мысль блеснула у Кашинцева. Онъ украдкою, воровато взглянулъ на Этлю, которая равнодушно, какъ будто не понимая, о чемъ идетъ разговоръ между ея мужемъ и гостемъ, глядѣла издали въ запорошенное бѣлое окно, но ему въ ту же минуту стало стыдно.

— Оставьте меня въ покоѣ, уйдите! — рѣзко приказалъ онъ Хацкелю.

Кашинцевъ, не столько по словамъ, сколько по выраженію лица Хацкеля, понималъ, о чемъ онъ говоритъ, но не могъ разсердиться, какъ, вѣроятно, счелъ бы долгомъ разсердиться при другихъ обстоятельствахъ. Теплота комнаты, послѣ долгой холодной дороги, разморила и разнѣжила его тѣло. Отъ выпитой водки голова тихо и сладко кружилась, кожа на лицѣ пріятно горѣла. Хотѣлось сидѣть, не шевелясь, испытывая томное чувство сытости, теплоты и легкаго опьяненія, не думая о томъ,

что черезъ нѣсколько минутъ надо опять садиться въ сани и ѣхать безконечной, скучной, морозной дорогой.

И въ этомъ странномъ, легкомъ и блаженномъ состояніи ему доставляло невыразимое удовольствіе время отъ времени, какъ будто нечаянно, точно обманывая самого себя, останавливаться на прекрасномъ лицѣ еврейки и думать о ней, но не мыслями, а словами, какъ будто разговаривая съ какимъ-то невидимымъ собесѣдникомъ.

«Можно ли описать кому-нибудь это лицо? — говорилъ про себя Кашинцевъ. — Можно ли передать обыкновеннымъ, бѣднымъ, повседневнымъ языкомъ эти изумительныя черты, эти нѣжныя и яркія краски? Вотъ она теперь повернулась почти прямо ко мнѣ лицомъ. Какъ чиста, какъ изумительно изящна эта линія, что̀ идетъ отъ виска къ уху и опускается внизъ, къ подбородку, опредѣляя щеку. Лобъ низкій, заросшій сбоку тонкими, пушистыми волосами, — какъ это прелестно, и женственно, и колоритно! Глаза огромные, черные, до того огромные и черные, что кажутся подрисованными, и въ нихъ, около зрачковъ, сіяютъ живыя, прозрачныя золотыя точечки, точно свѣтлые блики въ желтомъ топазѣ. Глаза окружены темной, чуть-чуть влажной тѣнью, и какъ неуловимо переходитъ этотъ темный тонъ, придающій взгляду такое лѣнивое и страстное выраженіе, въ смуглый, крѣпкій румянецъ щекъ. Губы полныя, красныя, и хотя въ настоящую минуту сомкнуты, но кажутся раскрытыми, отдающимися, а на верхней губѣ, нѣсколько затѣненной, хорошенькая черная родинка около угла рта. Какой прямой, благородный носъ и какія тонкія, гордыя ноздри! О, милая, прекрасная!» — повторялъ про себя съ умиленіемъ Кашинцевъ, и ему хотѣлось заплакать отъ восторга и нѣжности, которые овладѣли имъ и стѣсняли ему грудь и щекотали глаза.

Сверхъ яркаго и смуглаго румянца щекъ видны были

коричневыя полосы засохшей грязи, но Кашинцеву казалось, что никакая небрежность не можетъ исказить этой торжествующей, цвѣтущей красоты. Онъ также замѣтилъ, когда она выходила изъ-за прилавка, что нижній край ея розовой ситцевой короткой юбки былъ тяжелъ и мокръ отъ грязи и шлепался при каждомъ шагѣ, и что на ногахъ у нея были огромные истасканные башмаки съ торчащими ушками; онъ замѣтилъ, что иногда, разговаривая съ мужемъ, она быстро дергала себя за кончикъ носа двумя пальцами, дѣлая при этомъ шмыгающій звукъ, и потомъ такъ же быстро проводила подъ носомъ ребромъ указательнаго пальца. Но все-таки ничто вульгарное, ничто смѣшное и жалкое не могло повредить ея красотѣ!

«Въ чемъ счастье?» — спросилъ самого себя Кашинцевъ и тотчасъ же отвѣтилъ:—«Единственное счастье— обладать такой женщиной, знать, что эта божественная красота — твоя. Гм... пошлое, армейское слово — обладать, но что̀ въ сравненіи съ этимъ все остальное въ жизни: служебная карьера, честолюбіе, философія, извѣстность, твердость убѣжденій, общественные вопросы?.. Вотъ пройдетъ годъ, два или три, и, можетъ-быть, я женюсь. Жена моя будетъ изъ благородной фамиліи, тощая бѣлобрысая дѣвица, съ жидкими завитушками на лбу, образованная и истеричная, съ узкимъ тазомъ и съ холоднымъ синимъ тѣломъ въ пупырышкахъ, какъ у ощипанной курицы, она будетъ играть на роялѣ, толковать о вопросахъ и страдать женскими болѣзнями, и мы оба, какъ самецъ и самка, будемъ чувствовать другъ къ другу равнодушіе, если не отвращеніе. А почемъ знать, не заключается ли вся цѣль, весь смыслъ, вся радость моей жизни въ томъ, чтобы всѣми правдами и неправдами завладѣть вотъ такой женщиной, какъ эта, украсть, отнять, соблазнить, — не все ли равно? Пусть

она будетъ грязна, невѣжественна, неразвита, жадна, — о, Боже мой! — какія это мелочи въ сравненіи съ ея чудесной красотой!»

Хацкель опять подошелъ, остановился около Кашинцева, засунулъ руки въ карманы панталонъ, и вздохнулъ.

— А вы не читали, пане, что̀ пишутъ въ газетахъ? — спросилъ онъ съ вѣжливой осторожностью. — Что̀ слышно новаго за войну?

— Да все попрежнему. Мы отступаемъ, насъ бьютъ... Впрочемъ, я сегодня газетъ не читалъ, — отвѣтилъ Кашинцевъ.

— Панъ не читалъ! Какъ жаль! Мы, знаете, пане, живемъ здѣсь въ степи и ничего не слышимъ, что̀ дѣлается на свѣтѣ. Вотъ тоже писали за сіонистовъ. Панъ читалъ, что въ Парижѣ собирался конгрессъ?

— Какъ же. Конечно.

Кашинцевъ внимательнѣе поглядѣлъ на него. Въ немъ, подъ внѣшней расторопной пронырливостью, чувствовалось что-то замороженное, хилое, говорящее о бѣдности, приниженности и плохомъ питаніи. Самое жалкое впечатлѣніе производила его длинная шея, выходившая изъ гаруснаго шарфа, — худая, грязно-желтая; на ней, точно толстыя струны, выступали впередъ, по бокамъ глотки, двѣ длинныя, напряженныя жилы съ проваломъ посрединѣ.

— Чѣмъ вы здѣсь вообще занимаетесь?—спросилъ Кашинцевъ, охваченный какимъ-то виноватымъ сожалѣніемъ.

— Ну-ну! — Хацкель пожалъ плечами съ безнадежнымъ и презрительнымъ видомъ. — Ну, чѣмъ можетъ заниматься бѣдный еврей въ чертѣ осѣдлости? Крутимся какъ-нибудь. Покупаемъ и продаемъ, когда бываетъ базаръ. Отбиваемъ другъ у друга послѣдній кусочекъ хлѣба. Эхъ! Что̀ много говорить! Развѣ же кому интересно знать, какъ мы здѣсь страдаемъ?..

Онъ устало махнулъ рукой и ушелъ за занавѣску.

а Кашинцевъ опять вернулся къ прерваннымъ мыслямъ. Эти мысли были похожи на тѣ подвижныя, разноцвѣтныя полуслова, полуобразы, которые приходятъ къ человѣку утромъ, на границѣ между сномъ и пробужденіемъ, и которыя, пока не проснешься окончательно, кажутся такими тонкими, послушно-легкими и въ то же время полными такой глубокой важности.

Никогда еще Кашинцевъ не испытывалъ такого удовольствія мечтать, какъ теперь, когда, разнѣженный тепломъ и сытостью, онъ сидѣлъ, опираясь спиной о стѣну и вытянувъ впередъ ноги. Большое значеніе имѣла въ этомъ удовольствіи какая-то неопредѣленная точка на рисункѣ пестрой занавѣски. Нужно было непремѣнно отыскать ее глазами, остановиться на ней, и тогда мысли начинали сами собою течь ровно, свободно и ярко, не задерживаясь въ головѣ, не оставляя слѣда и принося съ собою какую-то тихую, щекочущую радость. И тогда все исчезало въ голубоватомъ, колеблющемся туманѣ: и обитыя стѣны заѣзжей комнаты, и покосившіеся столы, и грязный прилавокъ. Оставалось только одно прекрасное лицо, которое Кашинцевъ видѣлъ и которое чувствовалъ, несмотря на то, что глядѣлъ не на него, а на ту же неопредѣленную, неизвѣстную ему самому точку.

«Удивительный, непостижимый еврейскій народъ!—думалъ Кашинцевъ. — Что ему суждено испытать дальше? Сквозь десятки столѣтій прошелъ онъ, ни съ кѣмъ не смѣшиваясь, брезгливо обособляясь отъ всѣхъ націй, тая въ своемъ сердцѣ вѣковую скорбь и вѣковой пламень. Пестрая, огромная жизнь Рима, Греціи и Египта давнымъ-давно сдѣлалась достояніемъ музейныхъ коллекцій, стала историческимъ бредомъ, далекой сказкой, а этотъ таинственный народъ, бывшій уже патріархомъ во дни ихъ младенчества, не только существуетъ, но сохранилъ повсюду свой крѣпкій, горячій южный типъ, сохранилъ

свою вѣру, полную великихъ надеждъ и мелочныхъ обрядовъ, сохранилъ священный языкъ своихъ вдохновенныхъ божественныхъ книгъ, сохранилъ свою мистическую азбуку, отъ самаго начертанія которой вѣетъ тысячелѣтней древностью! Что онъ перенесъ въ дни своей юности? Съ кѣмъ торговалъ и заключалъ союзы, съ кѣмъ воевалъ? Нигдѣ не осталось слѣда отъ его загадочныхъ враговъ, отъ всѣхъ этихъ филистимлянъ, амалекитянъ, моавитянъ и другихъ полумиѳическихъ народовъ, а онъ, гибкій и безсмертный, все еще живетъ, точно выполняя чье-то сверхъестественное предопредѣленіе. Его исторія вся проникнута трагическимъ ужасомъ и вся залита собственной кровью: столѣтнія плѣненія, насиліе, ненависть, рабство, пытки, костры изъ человѣческаго мяса, изгнаніе, безправіе... Какъ могъ онъ оставаться въ живыхъ? Или, въ самомъ дѣлѣ, у судьбы народовъ есть свои, непонятныя намъ, таинственныя цѣли?.. Почемъ знать: можетъ-быть, какой-нибудь Высшей Силѣ было угодно, чтобы евреи, потерявъ свою родину, играли роль вѣчной закваски въ огромномъ міровомъ броженіи?

«Вотъ стоитъ эта женщина, на лицѣ которой отражается божественная красота, внушающая священный восторгъ. Сколько тысячелѣтій ея народъ долженъ былъ ни съ кѣмъ не смѣшиваться, чтобы сохранить эти изумительныя библейскія черты. Съ тѣмъ же гладкимъ платкомъ на головѣ, съ тѣми же глубокими глазами и скорбной складкой около губъ рисуютъ Матерь Іисуса Христа. Той же самой безукоризненной чистой прелестью сіяли и мрачная Юдиѳь, и кроткая Руѳь, и нѣжная Лія, и прекрасная Рахиль, и Агарь, и Сарра. Глядя на нее, вѣришь, чувствуешь и точно видишь, какъ этотъ народъ идетъ въ своей умопомрачительной генеалогіи къ Моисею, подымается къ Аврааму и выше, еще выше — прямо до великаго, грознаго, мстительнаго библейскаго Бога!

«Съ кѣмъ я спорилъ недавно?—вдругъ вспомнилось Кашинцеву.—Спорилъ объ евреяхъ. Кажется, съ полковникомъ генеральнаго штаба въ вагонѣ? Или, впрочемъ, нѣтъ: это было съ городскимъ врачомъ изъ Степани. Онъ говорилъ: евреи одряхлѣли, евреи потеряли національность и родину, еврейскій народъ долженъ выродиться, такъ какъ въ него не проникаетъ ни одна капля свѣжей крови. Ему остается одно изъ двухъ: или слиться съ другими народами, разсосаться въ нихъ, или погибнуть... Да: тогда я не находилъ возраженій, но теперь я подвелъ бы его къ этой женщинѣ за прилавкомъ и сказалъ бы: вотъ онъ, поглядите, вотъ залогъ безсмертія еврейскаго народа! Пусть Хацкель хилъ, жалокъ и болѣзненъ, пусть вѣчная борьба съ жизнью положила на его лицо жестокіе слѣды плутовства, робости и недовѣрія: вѣдь онъ тысячи лѣтъ «крутился какъ-нибудь», задыхался въ разныхъ гетто. Но еврейская женщина стережетъ духъ и типъ расы, бережно несетъ сквозь ручьи крови, подъ гнетомъ насилія, священный огонь народнаго генія и никогда не дастъ потушить его. Вотъ я гляжу на нее и чувствую, какъ за ней раскрывается черная бездна вѣковъ. Здѣсь чудо, здѣсь какая-то божественная тайна. О, что же я, вчерашній дикарь, а сегодняшній интеллигентъ, — что я значу въ ея глазахъ, что я значу въ сравненіи съ этой живой загадкой, можетъ-быть, самой необъяснимой и самой великой въ исторіи человѣчества?»

Кашинцевъ вдругъ очнулся. Въ заѣздѣ поднялась суета. Хацкель метался отъ окна къ окну и, прикладывая ладони къ вискамъ, старался что-то разглядѣть въ ночной темнотѣ. Этля съ отвращеніемъ и досадой дергала за воротъ пьянаго мужика, который то подымалъ, то опускалъ красное, безсмысленное, опухшее отъ сна лицо съ набрякшими подъ глазами гулями, и дико хрипѣлъ.

— Трохиме, слухайте — ну! Трохи-имъ! Я жъ васъ

прошу: встаньте! — нетерпѣливо говорила еврейка, коверкая малорусскій языкъ.

— Ша! Приставъ! — закричалъ вдругъ испуганнымъ шопотомъ Хацкель. Онъ скоро-скоро зачмокалъ губами, съ отчаяніемъ затрясъ головой и, стремительно бросившись къ двери, распахнулъ ее какъ разъ въ тотъ моментъ, когда въ нее входилъ высокій полицейскій чиновникъ, освобождавшій на ходу свою голову изъ густого бараньяго воротника шубы.

— Слушайте жъ, Трохимъ. Вставайте! — воскликнула Этля трагическимъ шопотомъ.

Мужикъ поднялъ налившееся кровью лицо и, перекосивъ ротъ, заоралъ:

„Ой, чи не мо-о-ожно бъ...“

— Эт-то что т-такое! — крикнулъ приставъ, грозно выкатывая глаза. Онъ съ негодованіемъ сбросилъ баранью шубу на руки подбѣжавшему Хацкелю и, выпятивъ грудь колесомъ, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ великолѣпной походкой опернаго полководца.

Мужикъ поднялся, шатаясь и задѣвая руками, ногами и туловищемъ за столъ. Что-то похожее на сознательный испугъ мелькнуло на его сизомъ, оплывшемъ лицѣ.

— Вашесоко... пане... пане коханый! — забормоталъ онъ, колеблясь безпомощно на мѣстѣ.

— Вонъ! — загремѣлъ вдругъ приставъ такимъ страшнымъ голосомъ, что нервный Кашинцевъ вздрогнулъ и съежился за своимъ столомъ. — Сейчасъ вонъ!

Мужикъ качнулся-было впередъ и разслабленно протянулъ руки, чтобы поймать и поцѣловать начальственную десницу, но Хацкель уже тащилъ его, схвативъ сзади за воротъ, къ дверямъ.

— Ты!.. — закричалъ приставъ, сердито сверкая глазами на Этлю. — Водкой торгуешь? Безпатентно? Конокрадовъ принимаешь? См-мот-три! Я т-тебя зак-катаю!

Женщина уродливо подняла кверху плечи, совсѣмъ склонила на бокъ голову и съ жалостнымъ и покорнымъ выраженіемъ закрыла глаза, точно ожидая удара сверху. Кашинцевъ почувствовалъ, что цѣпь его легкихъ, пріятныхъ и важныхъ мыслей внезапно разбилась и больше не возстановится, и ему стало неловко, стыдно передъ самимъ собою за эти мысли.

— Нехай меня Богъ покараетъ, пане полковникъ! — клялась со страстной убѣдительностью Этля. — Дай мнѣ Богъ ослѣпнуть и не видѣть завтрашняго дня и моихъ собственныхъ дѣтей! Панъ полковникъ самъ знаетъ, ну что я могу сдѣлать, если къ намъ въ заѣздъ зайдетъ пьяный мужикъ? Мой мужъ больной человѣкъ, а я слабая, бѣдная женщина.

— Ну ладно! — сурово остановилъ ее приставъ. — Будетъ.

Въ это мгновеніе онъ замѣтилъ Кашинцева и тотчасъ же, побѣдоносно и строго закинувъ вверхъ голову, напружилъ грудь и размахнулъ рукой налѣво и направо свои прекрасные русые бакенбарды. Но вдругъ на лицѣ его показалась улыбка.

— Базиль Базиличъ! Старый крокодилъ! Какими попутными вѣтрами? — воскликнулъ онъ театрально радостнымъ тономъ. — Чортъ тебя знаетъ, сколько времени не видались!.. Виноватъ, — круто остановился приставъ у стола. — Я, кажется... обознался.

Онъ щегольски приложилъ ладонь къ козырьку фуражки. Кашинцевъ, полупривставъ, довольно неуклюже сдѣлалъ то же самое.

— Простите великодушно... Принялъ васъ за своего коллегу, почайновскаго пристава,—этакое фатальное совпаденіе. Еще разъ—виноватъ... Впрочемъ, знаете, такое сходство формы, что-о... Во всякомъ случаѣ, позвольте представиться: мѣстный приставъ и, такъ

сказать, громовержецъ — Ирисовъ, Павелъ Аѳиногенычъ.

Кашинцевъ опять всталъ и назвалъ себя.

— Если ужъ все такъ необычайно вышло, то, позвольте, ужъ присяду къ вамъ,—сказалъ Ирисовъ и опять ловко прикоснулся къ козырьку и прищелкнулъ каблуками.— Очень, очень пріятно познакомиться. Эй, Хацкель, принеси изъ моихъ саней кожаный ящикъ, онъ въ ногахъ подъ сидѣньемъ. Извините, вы далеко изволите ѣхать, докторъ?

— Въ Гусятинъ. Я только-что назначенъ туда.

— А-а! Въ пѣхотный полкъ? Есть между офицерами претеплые ребята, хотя пьютъ, какъ лошади! Городишко па-аршивый, но по нашимъ мѣстамъ въ нѣкоторомъ родѣ, такъ сказать, резиденція. Значитъ, будемъ съ вами встрѣчаться? Оч-чень радъ... А вы только-что... ха-ха!.. были свидѣтелемъ отеческаго внушенія, которое я дѣлалъ.

— Да... отчасти, — сказалъ, насильно улыбнувшись, Кашинцевъ.

— Что дѣлать-съ... Что дѣлать... Такой ужъ у меня характеръ: люблю построжить... Я, знаете, не охотникъ до всякихъ кляузъ и жалобъ и тому подобной дребедени — у меня своя собственная расправа-съ.

Приставъ былъ представительный, какъ говорятъ провинціальныя дамы, красивый, рослый мужчина, съ растущими въ стороны лихими скобелевскими баками и высокимъ, бѣлымъ, безмятежнымъ лбомъ. Глаза у него были прекраснаго голубого цвѣта, со всегдашнимъ выраженіемъ томной и какой-то неприличной, не мужской, капризной усталости; все лицо имѣло нѣжный, ровный, фарфорово-розовый оттѣнокъ, а малиновыя, гибкія губы постоянно кокетливо шевелились и растягивались, точно два подвижныхъ красныхъ червяка. Видно было по всему,

что приставъ Присовъ — мѣстный красавецъ, молодчинище и сердцеѣдъ, бывшій кавалеристъ, вѣроятно, игрокъ и кутила, который въ состояніи не спать трое сутокъ подъ-рядъ и никогда не бываетъ пьянымъ. Говорилъ онъ быстро и отчетливо, дѣлая преувеличенно-внимательное лицо на слова собесѣдника, но, очевидно, слушая только самого себя.

— Я имъ всѣмъ отецъ, но отецъ строгій, — продолжалъ приставъ, внушительно приподнявъ кверху указательный палецъ. — Поставь ящикъ на столъ, Хацкель, вотъ такъ. Я строгъ, это дѣйствительно, я себѣ не позволю на шею сѣсть, какъ другіе, но зато я знаю наизусть каждаго изъ своихъ .. хе-хе-хе... такъ сказать, подданныхъ. Видали сейчасъ мужичонку? Это орѣховскій крестьянинъ Трофимъ, по-уличному Хвостъ. Вы думаете, я не знаю, что онъ конокрадъ? Знаю великолѣпно! Но до времени я молчу, а въ одно прекрасное майское утро—чпкъ!.. и Трофимъ Хвостъ изъятъ изъ употребленія. Вотъ, поглядите вы на этого самаго Хацкеля. Не правда ли, пархатый жидишка? А я, повѣрьте, знаю, чѣмъ онъ, каналья, дышитъ. Что? Не вѣрно я говорю, Хацкель?

— Ой, Боже мой, развѣ жъ панъ полковникъ можетъ говорить неправду!—выкрикнулъ Хацкель съ подобострастной укоризной.—Мы всѣ, сколько насъ есть, бѣдныхъ, несчастныхъ еврейчиковъ, постоянно молимся Богу за пана пристава. Мы такъ и говоримъ промежъ себя: «Зачѣмъ намъ родной отецъ, когда нашъ добрый, любимый господинъ приставъ намъ лучше всякаго родного отца?..»

— Видали?—небрежно спросилъ приставъ, указавъ черезъ плечо большимъ пальцемъ на Хацкеля и значительно сощуривъ глаза.—Гласъ народа! Но вы не безпокойтесь, я ихъ вотъ гдѣ держу. Что? Правду я сказалъ?

— Что̀ я буду на это говорить?—Хацкель весь сжался, присѣлъ почти на корточки и протянулъ впередъ руки, точно отталкивая отъ себя какое-то чудовищное, несправедливое обвиненіе.—Мы еще не успѣемъ что-нибудь подумать, а ужъ господинъ приставъ напередъ все знаетъ!

— Слыхали? — спросилъ коротко Ирисовъ. — Прошу, сказалъ Собакевичъ,—произнесъ онъ, указывая на раскрытый поставецъ.—Не прикажете ли жареной домашней утки? Шикарная утка!.. А это вотъ зубровка. Пирожки съ рыбой, лукомъ. Здѣсь ромъ. Нѣтъ, вы не сомнѣвайтесь, настоящій ямайскій ромъ и даже пахнетъ клопами... А это—вы только, пожалуйста, надо мной не смѣйтесь,—это шоколадъ. Такъ сказать, дамское развлеченіе. Рекомендую вамъ: въ дорогѣ—самое питательное средство. Это ужъ я узналъ, такъ сказать, изъ печальнаго опыта, по роду своей неблагодарной службы. Зимою, случается, во время мятели въ такое мѣсто тебя занесетъ, что торчишь двое сутокъ и корки хлѣба ни за какія деньги не допросишься. Но что̀ я болтаю? Пожалуйста...

Кашинцевъ вѣжливо отказывался отъ угощенія, но приставъ проявилъ самую энергичную настойчивость. Пришлось выпить рюмку рома, отъ котораго пахло чѣмъ угодно, только не ромомъ. Кашинцеву было грустно, и стѣснительно, и тоскливо. Украдкой онъ взглядывалъ иногда на Этлю, которая шопотомъ оживленно разговаривала за прилавкомъ со своимъ мужемъ. Фантастическое обаяніе точно сошло съ нея. Что-то жалкое, приниженное, ужасное своей будничной современностью чувствовалось теперь въ ея лицѣ, но оно все-таки было попрежнему трогательно-прекрасно.

— А...а! Вотъ вы куда нацѣлились!—лукаво сказалъ вдругъ приставъ, прожевывая курицу и сочно шевеля своими гибкими, влажными губами.—Хорошенькая жидовочка. Что̀?

— Необыкновенно красива. Прелесть!—невольно вырвалось у Кашинцева.

— Н-д-а... Товаръ. Н-но!..—Приставъ развелъ руками, дѣланно вздохнулъ и закрылъ на секунду глаза.—Но ничего не подѣлаешь. Пробовали. Нѣтъ никакой физической возможности. Нельзя... Хоть видитъ око... Да вотъ, позвольте, я его сейчасъ спрошу. Эй, Хацкель, кимѣръ...

— Ради Бога... Я васъ прошу!—умоляюще протянулъ къ нему руку Кашинцевъ и всталъ съ лавки.—Я васъ убѣдительно прошу.

— Э, пустяки... Хацкель.

Въ эту минуту отворилась дверь, и въ нее вошелъ очередной ямщикъ съ кнутомъ въ рукѣ и въ шапкѣ, въ видѣ конфедератки, на головѣ.

— Кому изъ пановъ кони до Гусятина?—спросилъ ямщикъ.

Но, увидѣвъ пристава, онъ торопливо сдернулъ шапку и гаркнулъ по-военному:

— Здравіемъ желаемъ вашему высокоблагородію!

— Здравствуй, Юрко!—снисходительно отвѣтилъ Ирисовъ.—Эхъ, посидѣли бы еще немного,—съ сожалѣніемъ сказалъ онъ доктору.—Въ кои-то вѣки удастся поболтать съ интеллигентнымъ человѣкомъ!

— Простите, некогда,—говорилъ Кашинцевъ, поспѣшно застегиваясь.—Сами знаете, долгъ службы. Сколько съ меня слѣдуетъ?

Онъ расплатился и, заранѣе вздрагивая при мысли о холодѣ, о ночи, объ утомительной дорогѣ, пошелъ къ выходу. По наивной, сохранившейся у него съ дѣтства привычкѣ загадывать по мелкимъ примѣтамъ, онъ, берясь за скобку двери, подумалъ: «если она поглядитъ на меня, то исполнится». Что должно было исполниться,—онъ самъ не зналъ, такъ же, какъ не зналъ имени той скуки, усталости и чувства неопредѣленнаго разочарованія, ко-

торыя теперь его угнетали. Но еврейка не оглянулась. Она стояла, повернувшись къ нему своимъ чудеснымъ нѣжнымъ профилемъ, ярко озаренная свѣтомъ лампы, и что-то дѣлала на прилавкѣ, опустивъ внизъ глаза.

— До свиданія,—сказалъ Кашинцевъ, отворяя дверь.

Упругія облака пара ворвались съ улицы, застлали прекрасное лицо и обдали доктора сухимъ холодомъ. У крыльца стояли, уныло понуривъ головы, почтовыя лошади.

Миновали деревню, переѣхали по льду черезъ рѣчку, и опять потянулась длинная, тоскливая дорога съ мертвыми бѣлыми полями направо и налѣво. Кашинцевъ задремалъ. Тотчасъ же заговорили и запѣли странные, обманчивые звуки спереди и сзади саней и сбоку ихъ. Залилась визгомъ и лаемъ собачья стая, зароптала человѣческая толпа, зазвенѣлъ серебряный дѣтскій смѣхъ, залепетали, какъ безумные, бубенчики, выговаривая отчетливыя слова. «Первое дѣло—строгость, строгость!»—крикнулъ голосъ пристава.

Кашинцевъ ударился локтемъ о бокъ саней и очнулся.

По обѣ стороны дороги бѣжали ему навстрѣчу высокіе темные стволы сосенъ, протянувшихъ черезъ дорогу, точно бѣлыя лапы, отягощенныя снѣгомъ вѣтви. Между ними, далеко впереди, мерещились стройныя тонкія колонны, каменныя ограды и балконы, высокія, бѣлыя стѣны съ черными готическими окнами, фантастическія линіи какого-то спящаго, заколдованнаго дворца. Но сани заворачивали по изгибу дороги, и призрачный дворецъ исчезалъ, обращаясь въ темные ряды деревьевъ и въ навѣсы изъ оснѣженныхъ вѣтокъ.

«Гдѣ я? Куда я ѣду?—спросилъ себя Кашинцевъ съ недоумѣніемъ и испугомъ. — Что со мной только-что было? Такое большое, радостное и важное?»

Въ его памяти съ поразительной ясностью всплыло пре-

лестное женское лицо, нѣжный очеркъ щекъ и подбородка, влажные, спокойно-страстные глаза, прекрасный изгибъ цвѣтущихъ губъ... И вдругъ вся его собственная жизнь—и та, что̀ прошла, и та, что̀ еще лежала впереди—представилась ему такой же печальной и одинокой, какъ эта ночная дорога, съ ея скукой, холодомъ, пустотой и безлюдьемъ, съ ея раздражающими сонными обманами.

Мимоходомъ властная красота чуждой незнакомой женщины освѣтила и согрѣла ему душу, наполнила ее счастіемъ, чудными мыслями и сладкой тревогой, но уже пробѣжала, исчезла позади эта полоса жизни, и о ней осталось только одно воспоминаніе, какъ о скрывшемся вдали огонькѣ случайной станціи. А впереди не видно другого огня; лошади бѣгутъ мѣрной рысью, и равнодушный ямщикъ—Время—безучастно дремлетъ на козлахъ.

РѢКА ЖИЗНИ.

I.

Хозяйская комната въ номерахъ «Сербія». Желтые обои; два окна съ тюлевыми грязными занавѣсками; между ними раскосое овальное зеркало, наклонившись подъ угломъ въ 45 градусовъ, отражаетъ въ себѣ крашеный полъ и ножки креселъ; на подоконникахъ пыльные, бородавчатые кактусы; подъ потолкомъ клѣтка съ канарейкой. Комната перегорожена красными ситцевыми ширмами. Меньшая, лѣвая часть — это спальня хозяйки и ея дѣтей, правая же тѣсно заставлена всякой случайной разнофасонной мебелью, просиженной, раскоряченной и хромоногой. По угламъ комнаты сваленъ безпорядочно всяческій, покрытый паутиной, хламъ: астролябія въ рыжемъ кожаномъ чехлѣ и при ней тренога съ цѣпью, нѣсколько старыхъ чемодановъ и сундуковъ, безструнная гитара, охотничьи сапоги, швейная машина, музыкальный ящикъ «Монопанъ», фотографическій аппаратъ, штукъ пять лампъ, груды книгъ, веревки, узлы бѣлья и многое другое. Всѣ эти вещи были въ разное время задержаны хозяйкой за неплатежъ или покинуты сбѣжавшими жильцами. Отъ нихъ въ комнатѣ негдѣ повернуться.

«Сербія» — гостиница третьяго разбора. Постоянные жильцы въ ней рѣдкость, и тѣ — проститутки. Преобладаютъ случайные пассажиры, приплывающіе въ городъ по Днѣпру: мелкіе арендаторы, евреи-комиссіонеры, дальніе мѣщане, богомольцы, а также сельскіе попы, которые наѣзжаютъ въ городъ съ доносами или возвращаются домой послѣ доноса. Занимаются также номера въ «Сербіи» парочками изъ города на ночь и на время.

Весна. Четвертый часъ дня. Занавѣски на открытыхъ окнахъ тихо колеблются. Въ комнатѣ пахнетъ керосиновымъ чадомъ и тушоной капустой. Это хозяйка разогрѣваетъ на машинкѣ бигосъ по-польски изъ капусты, свиного сала и колбасы съ громаднымъ количествомъ перца и лавроваго листа. Она вдова лѣтъ 36 — 40, видная, крѣпкая, проворная женщина. Волосы, которые она завиваетъ на лбу въ мелкіе кудерьки, тронуты сильной сѣдиной, но лицо у нея свѣжее, чувственный большой ротъ красенъ, а темные, совсѣмъ молодые глаза влажны и игриво-хитры. Имя-отчество ея Анна Фридриховна — она полунѣмка, полупольска изъ Остзейскаго края, но близкіе знакомые называютъ ее просто Фридрихомъ, и это больше идетъ къ ея рѣшительному характеру. Она гнѣвлива, крикунья и страшная сквернословка; дерется иногда со своими швейцарами и съ подгулявшими жильцами; можетъ выпить на ряду съ мужчинами и до безумія любитъ танцы; переходы отъ ругани къ смѣху у нея мгновенны. Къ законамъ она чувствуетъ мало уваженія, принимаетъ гостей безъ паспортовъ, а неисправнаго жильца собственноручно «выкидаетъ на улицу», какъ она сама выражается, т.-е. въ отсутствіе жильца отпираетъ его номеръ и выноситъ его вещи въ коридоръ, или на лѣстницу, а то и въ свою комнату. Полиція съ ней дружна изъ-за ея гостепріимства, живого характера и въ особенности изъ-за той веселой, легкой, безцеремон-

ной и безкорыстной податливости, съ которой она отвѣчаетъ на каждое мимолетное мужское чувство.

У нея четверо дѣтей. Двое старшихъ, Ромка и Алечка, еще не пришли изъ гимназіи, а младшіе — семилѣтній Адька и пятилѣтній Эдька, здоровые мальчуганы со щеками, пестрыми отъ грязи, отъ лишаевъ, отъ размазанныхъ слезъ и отъ ранняго весенняго загара, торчатъ около матери. Они оба держатся руками за край стола и попрошайничаютъ. Они всегда голодны, потому что ихъ мать насчетъ стола безпечна: ѣдятъ кое-какъ въ разные часы, посылая въ мелочную лавочку за всякой всячиной.

Вытянувъ губы трубой, нахмуривъ брови, глядя исподлобья, Адька гудитъ угрюмымъ басомъ:

— Ишь ты кака-ая, не даешь попробовать...

— Да-ай попло-обуву-уть, — тянетъ за нимъ въ носъ Эдька и чешетъ босой ножкой икру другой ноги.

За столомъ у окна сидитъ поручикъ запаса арміи Валерьянъ Ивановичъ Чижевичъ. Передъ нимъ домовая книга, въ которую онъ вписываетъ паспорты постояльцевъ. Но, послѣ вчерашняго, работа идетъ у него плохо, буквы рябятъ и расползаются, дрожащіе пальцы не ладятъ съ перомъ, а въ ушахъ гудитъ, какъ осенью въ телефонномъ столбѣ. Временами ему кажется, что голова у него начинаетъ пухнуть, пухнуть, и тогда столъ съ книгой, съ чернильницей и съ поручиковой рукой уходятъ страшно далеко и становятся совсѣмъ маленькими, потомъ, наоборотъ, книга приближается къ самымъ его глазамъ, чернильница растетъ и двоится, а голова уменьшается до смѣшныхъ и страшныхъ размѣровъ.

Наружность поручика Чижевича говоритъ о бывшей красотѣ и утраченномъ благородствѣ: черные волосы ежикомъ, но на затылкѣ просвѣчиваетъ лысина, борода

острижена по-модному острымъ клинышкомъ, лицо худое, грязное, блѣдное, истасканное, и на немъ какъ будто написана вся исторія поручиковыхъ явныхъ слабостей и тайныхъ болѣзней.

Положеніе его въ номерахъ «Сербія» сложное: онъ ходитъ къ мировымъ судьямъ по дѣламъ Анны Фридриховны, репетируетъ ея дѣтей и учитъ ихъ свѣтскимъ манерамъ, ведетъ квартирную книгу, пишетъ счета постояльцамъ, читаетъ по утрамъ вслухъ газету и говоритъ о политикѣ. Ночуетъ онъ обыкновенно въ одномъ изъ пустующихъ номеровъ, а въ случаѣ наплыва гостей — и въ коридорѣ на древнемъ диванѣ, у котораго пружины вылѣзли наружу вмѣстѣ съ мочалкой. Въ послѣднемъ случаѣ поручикъ аккуратно развѣшиваетъ надъ диваномъ, на гвоздикахъ, все свое имущество: пальто, шапку, лоснящійся отъ старости, бѣлый по швамъ, но чистенькій сюртучокъ, бумажный воротникъ «Монополь» и офицерскую фуражку съ синимъ околышемъ, а записную книжку и платокъ съ чужой мѣткой кладетъ подъ подушку.

Вдова держитъ своего поручика въ черномъ тѣлѣ. «Женись — тогда я тебѣ все заведу, — обѣщаетъ она: — полную кипировку и что̀ нужно изъ бѣлья, и ботинки съ калошами приличныя. Все у тебя будетъ, и даже по праздникамъ будешь носить часы моего покойника съ цѣпью». Но поручикъ покамѣстъ все еще раздумываетъ. Онъ дорожитъ свободой и слишкомъ высоко цѣнитъ свое бывшее офицерское достоинство. Однако кое-что старенькое изъ бѣлья покойника онъ донашиваетъ.

II.

Время отъ времени въ хозяйскомъ номерѣ происходятъ бури. То, бываетъ, поручикъ при помощи своего воспитанника Ромки продастъ букинисту кипу чужихъ книгъ,

то перехватитъ, пользуясь отсутствіемъ хозяйки, суточную плату за номеръ, то заведетъ втайнѣ игривыя отношенія съ горничной. Какъ разъ наканунѣ поручикъ злоупотребилъ кредитомъ Анны Фридриховны въ трактирѣ напротивъ; это всплыло наружу, и вотъ вспыхнула ссора съ руганью и съ дракой въ коридорѣ. Двери всѣхъ номеровъ раскрылись, и изъ нихъ выглянули съ любопытствомъ мужскія и женскія головы. Анна Фридриховна кричала такъ, что ее было слышно на улицѣ:

— Вонъ отсюда, разбойникъ, вонъ, босявка! Я всѣ кровные труды на тебя потратила! Ты моихъ дѣтей кровную копейку заѣдаешь!..

— Нашу копейку заѣдаешь!—оралъ гимназистъ Ромка, кривляясь за материнской юбкой.

— Заѣда-аешь! — вторили ему въ отдаленіи Адька съ Эдькой.

Швейцаръ Арсеній молча, съ каменнымъ видомъ, сопя, напиралъ грудью на поручика. А изъ номера девятаго какой-то мужественный обладатель великолѣпной раздвоенной черной бороды, высунувшись изъ дверей до половины въ нижнемъ бѣльѣ и почему-то съ круглой шляпой на головѣ, совѣтовалъ рѣшительнымъ тономъ:

— Арсень! Дай ему между глазъ.

Такимъ образомъ поручикъ былъ вытѣсненъ на лѣстницу. Но такъ какъ на эту же лѣстницу отворялось широкое окно изъ коридора, то Анна Фридриховна еще продолжала кричать вслѣдъ поручику, свѣсившись внизъ:

— Каналья, шарлатанщикъ, разбишака, босявка кіевская!

— Босявка! босявка! — надсаживались въ коридорѣ мальчишки.

— И чтобы ноги твоей больше здѣсь не было! И вещи свои паршивыя забирай съ собой! Вотъ онѣ, вотъ тебѣ, вотъ!

Въ поручика полетѣли сверху позабытыя имъ впопыхахъ вещи: палка, бумажный воротничокъ и записная книжка. На послѣдней ступенькѣ поручикъ остановился, поднялъ голову и погрозилъ кулакомъ. Лицо у него было блѣдно, подъ лѣвымъ глазомъ краснѣла ссадина.

— Под-дождите, сволочи, я все докажу, кому слѣдуетъ. Ага! Сводничаютъ! Грабятъ жильцовъ!..

— А ты иди, иди, пока цѣлъ, — говорилъ сурово Арсеній, наваливаясь сзади и тѣсня поручика плечомъ.

— Прочь, хамъ! Не имѣешь права касаться офицера! — воскликнулъ гордо поручикъ. — Я все знаю! Вы здѣсь безъ паспорта пускаете! Укрываете! Краденое укрываете... Пристано...

Но тутъ Арсеній ловко обхватилъ поручика сзади, дверь со звономъ и съ дребезгомъ хлопнула, два человѣка, свившись клубкомъ, выкатились на улицу, и уже оттуда донеслось гнѣвное:

— ...держательствуете!

Сегодня утромъ, какъ это всегда бывало и раньше, поручикъ Чижевичъ явился съ повинной, принеся съ собою букетъ наломанной въ чужомъ саду сирени. Лицо у него утомлено, вокругъ ввалившихся глазъ тусклая синева, виски желты, одежда нечищена, въ головѣ пухъ. Примиреніе идетъ туго. Анна Фридриховна еще недостаточно насладилась униженнымъ видомъ своего любовника и его покаянными словами. Кромѣ того она немного ревнуетъ Валерьяна къ тѣмъ тремъ ночамъ, которыя онъ провелъ неизвѣстно гдѣ.

— Нюничка, а куда же... — начинаетъ поручикъ необыкновенно кроткимъ и нѣжнымъ, даже слегка дрожащимъ фальцетомъ.

— Что та-ко-е? Кто это вамъ здѣсь за Нюничка! — презрительно обрываетъ его хозяйка. — Всякій гицель и тоже — Нюничка!

— Нѣтъ, видишь ли, я только хотѣлъ спросить тебя, куда выписать Прасковью Увертышеву, 34-хъ лѣтъ? Тутъ нѣтъ помѣтки.

— Ну и выписывай на толчокъ. И себя туда же можешь выписать. Одна компанія. Или въ ночлежку.

«Стерва!» — думаетъ поручикъ, но только глубоко и покорно вздыхаетъ:

— Какая ты сегодня нервная, Нюничка!

— Нервная... Какая бы я тамъ ни была, а я знаю про себя, что я женщина честная и трудящая... Прочь, вы, байструки! — кричитъ она на дѣтей, и вдругъ — шлепъ! шлепъ! — два мѣткихъ удара ложкой влетаютъ по лбу Адькѣ и Эдькѣ. Мальчики хнычутъ.

— Проклятое мое дѣло, и судьба моя проклятая... — ворчитъ сердито хозяйка. — Какъ я за покойнымъ мужемъ жила, я никакого горя себѣ не видѣла. А теперь, что̀ ни швейцаръ — такъ пьяница, а горничныя всѣ воровки. Цыцъ, вы, проклятики!.. Вотъ и эта Проська, двухъ дней не прожила, а ужъ изъ номера 12-го у дѣвушки чулки стащила. А то еще бываютъ нѣкоторые другіе, которые только по трактирамъ ходятъ за чужія деньги, а дѣла никакого не дѣлаютъ...

Поручикъ очень хорошо знаетъ, на кого намекаетъ Анна Фридриховна, но сосредоточенно молчитъ. Запахъ бигоса вселяетъ въ него кое-какія далекія надежды. Въ это время дверь отворяется, и входитъ, не снимая съ головы фуражки съ тремя золотыми позументами, швейцаръ Арсеній. У него наружность скопца и альбиноса, и все нечистое лицо въ буграхъ. Онъ служитъ у Анны Фридриховны по крайней мѣрѣ въ сороковой разъ и служитъ до перваго запоя, пока хозяйка собственноручно не прибьетъ его и не прогонитъ, отнявъ сначала у него символъ власти — фуражку съ позументами. Тогда Арсеній надѣнетъ бѣлую кавказскую папаху на голову и

темно-синее пенсне на носъ, будетъ куражиться въ трактирѣ напротивъ, пока весь не пропьется, а подъ конецъ загула будетъ горько плакать передъ равнодушнымъ половымъ о своей безнадежной любви къ Фридриху и будетъ угрожать смертью поручику Чижевичу. Протрезвившись, онъ явится въ «Сербію» и упадетъ хозяйкѣ въ ноги. И она опять приметъ его, потому что новый швейцаръ, замѣнившій Арсенія, уже успѣлъ за этотъ короткій срокъ обворовать ее, напиться и наскандалить и даже попасть въ участокъ.

— Ты что? Съ парохода? — спрашиваетъ Анна Фридриховна.

— Да. Привелъ шесть богомольцевъ. Насилу отнялъ у Якова изъ «Коммерческой». Онъ уже ихъ велъ, а я подошелъ къ одному и говорю на ухо: «Мнѣ, говорю, все равно, идите хочь куда хотите, а какъ вы люди въ здѣшнихъ мѣстахъ непзвѣстные, и мнѣ васъ ужасно жалко, то я вамъ скажу, чтобы вы лучше за этимъ человѣкомъ не ходили, потому что у нихъ въ гостиницѣ на прошлой недѣлѣ богомольцу одному подсыпали порошку и обокрали». Такъ и увелъ ихъ. Яковъ потомъ мнѣ кулакомъ издалька грозился. Кричитъ: «Ты постой у меня, Арсеній, я тебя еще споймаю, ты моихъ рукъ не убѣжишь!» Но только я ему и самъ, если придется...

— Ладно! — прерываетъ его хозяйка. — Большое мнѣ дѣло до твоего Якова. По скольку сговорились?

— По тридцать копеекъ. Ей-Богу, барыня, какъ ни уговаривалъ, больше не даютъ.

— У, дурень ты, ничего не умѣешь. Отведи имъ номеръ второй.

— Всѣхъ въ одинъ?

— Дуракъ: нѣтъ, каждому по два номера. Конечно, въ одинъ. Принести имъ матрацовъ, изъ старыхъ, три матраца принести. А на диванъ — скажи, чтобы не

смѣли ложиться. Всегда отъ этихъ богомольцевъ клопы. Ступай!

По уходѣ его, поручикъ замѣчаетъ вполголоса нѣжнымъ и заботливымъ тономъ:

— Я удивляюсь, Нюточка, какъ это ты позволяешь ему входить въ комнату въ шапкѣ. Это же все-таки неуваженіе къ тебѣ, какъ къ дамѣ и какъ къ хозяйкѣ. И потомъ — посуди мое положеніе: я офицеръ въ запасѣ, а онъ все-таки... нижній чинъ. Неудобно какъ-то.

Но Анна Фридриховна набрасывается на него съ новымъ ожесточеніемъ.

— Нѣтъ, ужъ ты, пожалуйста, не суйся, куда тебя не спрашиваютъ. О-фи-церъ! Такихъ офицерей много у Терещенки въ пріютѣ ночуетъ. Арсеній человѣкъ трудящій, онъ свой кусокъ зарабатываетъ... не то что̀... Прочь, вы, лайдаки! Куда съ руками лѣзете!

— Да-а... не дае-ешь! — гудитъ Адька.

— Не да-е-осъ!...

Между тѣмъ бигосъ готовъ. Анна Фридриховна гремитъ посудой на столѣ. Поручикъ въ это время старательно припалъ головой къ домовой книгѣ. Онъ весь ушелъ въ дѣло.

— Что̀ жъ, садись, что ли, — отрывисто приглашаетъ хозяйка.

— Нѣтъ, спасибо, Нюточка. Кушай сама. Мнѣ что-то не очень хочется, — говоритъ Чижевичъ, не оборачиваясь, сдавленнымъ голосомъ, и громко глотаетъ слюну.

— А ты иди, когда говорятъ. Тоже, скажите, задается. Ну, иди!..

— Сейчасъ, сію минуту, Нюничка. Вотъ только послѣдній листокъ дописать. По удостовѣренію, выданному изъ Бильдинскаго волостного правленія... губерніи... за номеромъ 2039... Готово. — Поручикъ встаетъ и потираетъ руки. — Люблю я поработать.

— Хм! Тоже работа! — презрительно фыркаетъ хозяйка. — Садись.

— Нюничка, и если бы... одну... маленькую.

— Обойдется и безъ.

Но такъ какъ миръ почти уже водворенъ, то Анна Фридриховна достаетъ изъ шкапа маленькій пузатый граненый графинчикъ, изъ котораго пилъ еще отецъ покойнаго. Адька размазываетъ капусту по тарелкѣ и дразнитъ брата тѣмъ, что у него больше. Эдька обижается и реветъ:

— Адькѣ больсе полози-ила. Да-а!

Хлопъ! — звонкій ударъ ложкой поражаетъ Эдьку въ лобъ. И тотчасъ же, какъ ни въ чемъ не бывало, Анна Фридриховна продолжаетъ разговоръ:

— Разсказывай! Тоже мастеръ врать. Навѣрно, валялся у какой-нибудь.

— Нюничка! — восклицаетъ поручикъ укоризненно и, оставивъ ѣсть, прижимаетъ руки — въ одной изъ нихъ вилка съ кускомъ колбасы — къ груди. — Чтобы я? О, какъ ты меня мало знаешь. Я скорѣе дамъ голову на отсѣченіе, чѣмъ позволю себѣ подобное. Когда я тотъ разъ отъ тебя ушелъ, то такъ мнѣ горько было, такъ обидно! Иду я по улицѣ и, можешь себѣ представить, заливаюсь слезами. Господи, думаю, и я позволилъ себѣ нанести ей оскорбленіе. Кому-у! Ей! Единственной женщинѣ, которую я люблю такъ свято, такъ безумно...

— Хорошо поешь, — вставляетъ польщенная, хотя все еще немного недовѣрчивая хозяйка.

— Да! ты не вѣришь мнѣ! — возражаетъ поручикъ съ тихимъ, но глубокимъ трагизмомъ. — Ну что жъ, я заслужилъ это. А я каждую ночь приходилъ подъ твои окна и въ душѣ творилъ молитву за тебя. — Поручикъ быстро опрокидываетъ рюмку, закусываетъ и продолжаетъ съ набитымъ ртомъ и со слезящимися глазами: — И я

все думалъ, что если бы случился вдругъ пожаръ, или напали разбойники. Я бы тогда доказалъ тебѣ. Я бы съ радостью отдалъ за тебя жизнь... Увы, она и такъ недолга, — вздыхаетъ онъ. — Дни мои сочтены...

Въ это время хозяйка роется въ кошелькѣ.

— Скажите, пожалуйста! — возражаетъ она съ кокетливой насмѣшкой. — Адька, вотъ тебѣ деньги, сбѣгай къ Василь Василичу за бутылкой пива. Только скажи, чтобы свѣжаго. Живо!

Завтракъ уже оконченъ, бигосъ съѣденъ и пиво выпито, когда появляется развращенный гимназистъ приготовительнаго класса Ромка, весь въ мѣлу и въ чернилахъ. Еще въ дверяхъ онъ оттопыриваетъ губы и дѣлаетъ сердитые глаза. Потомъ швыряетъ ранецъ на полъ и начинаетъ завывать:

— Да-а... безъ меня все поѣли. Я голодный, какъ со-ба-а-ака...

— А у меня еще есть, а я тебѣ не дамъ, — дразнитъ его Адька, показывая издали тарелку.

— Да-а-а... Это сви-инство, — тянетъ Ромка. — Мама, вели А-адькѣ...

— Молчать! — вскрикиваетъ пронзительно Анна Фридриховна. — Ты бы еще до ночи шлялся. Вотъ тебѣ пятачокъ. Купи колбасы, и довольно съ тебя.

— Да-а, пятачокъ! Сами съ Валерьяномъ Иванычемъ бигосъ ѣдятъ, а меня учиться заставляютъ. Я какъ соба-а-а...

— Вонъ! — кричитъ Анна Фридриховна страшнымъ голосомъ, и Ромка поспѣшно исчезаетъ. Однако онъ успѣваетъ схватить съ полу ранецъ: въ головѣ у него мгновенно родилась мысль — пойти продать свои учебники на толкучкѣ. Въ дверяхъ онъ сталкивается со старшей сестрой Алечкой и, пользуясь случаемъ, щиплетъ ее больно за руку. Алечка входитъ, громко жалуясь:

— Мама, вели Ромкѣ, чтобы онъ не щипался.

Она хорошенькая тринадцатилѣтняя дѣвочка, начинающая рано формироваться. Она желто-смуглая брюнетка, съ прелестными, но не дѣтскими темными глазами. Губы у нея красныя, полныя и блестящія, и надъ верхней губкой, слегка зачерненной легкимъ пушкомъ, двѣ милыя родинки. Она общая любимица въ номерахъ. Мужчины дарятъ ей конфеты, часто зазываютъ къ себѣ, цѣлуютъ и говорятъ безстыдныя вещи. Она все знаетъ, что̀ можетъ знать взрослая дѣвушка, но никогда въ этихъ случаяхъ не краснѣетъ, а только опускаетъ внизъ свои черныя, длинныя рѣсницы, бросающія синія тѣни на янтарныя щеки, и улыбается странной, скромной, нѣжной и въ то же время сладострастной — какой-то ожидающей улыбкой. Ея лучшая пріятельница — дѣвица Женя, квартирующая въ номерѣ двѣнадцатомъ, тихая, аккуратная въ платѣ за квартиру, полная блондинка, которую содержитъ какой-то купецъ-дровяникъ, но которая въ свободные дни водитъ къ себѣ кавалеровъ съ улицы. Эту особу Анна Фридриховна весьма уважаетъ и говоритъ про нее: «Ну что̀ жъ, что Женечка дѣвка, зато она женщина самостоятельная».

Увидѣвъ, что завтракъ съѣденъ, Алечка вдругъ дѣлаетъ одну изъ своихъ принужденныхъ улыбокъ и говоритъ тонкимъ голоскомъ, громко и нѣсколько театрально:

— Ахъ, вы уже позавтракали. Я опоздала. Мама, можно мнѣ пойти къ Евгеніи Николаевнѣ?

— Ахъ, иди, куда хочешь!

— Мерси.

Она уходитъ. Послѣ завтрака водворяется полный миръ. Поручикъ шепчетъ на ухо вдовѣ самыя пылкія слова и жметъ ей подъ столомъ круглое колѣно, а она, раскраснѣвшись отъ ѣды и отъ пива, то прижимается къ

нему плечомъ, то отталкиваетъ его и стонетъ съ нервнымъ смѣшкомъ:

— Да Валерьянъ! Да безстыдникъ! Дѣти!

Адька и Эдька смотрятъ на нихъ, засунувъ пальцы въ ротъ и широко разинувъ глаза. Мать вдругъ набрасывается на нихъ:

— Идите гулять, лаборданцы. Й-я васъ. Разсѣлись, точно въ музеѣ. Маршъ, живо!

— Когда я не хочу гулять, — гудитъ Адька.

— Я не хоц-у-у.

— Я вотъ вамъ дамъ—не хочу. Двѣ копейки на леденцы—и маршъ!

Она запираетъ за ними дверь, садится къ поручику на колѣни, и они начинаютъ цѣловаться.

— Ты сердишься, мое золотце? — шепчетъ ей на ухо поручикъ.

Но въ дверь стучатъ. Приходится отпирать. Входитъ новая горничная, высокая, мрачная, одноглазая женщина, и говоритъ хрипло, съ свирѣпымъ выраженіемъ лица:

— Тамъ двѣнадцатый номеръ самоваръ требуетъ, и чай, и сахаръ.

Анна Фридриховна нетерпѣливо выдаетъ все, что̀ нужно. Поручикъ, раскинувшійся на диванѣ, говоритъ томно:

— Я бы отдохнулъ немного, Нюничка. Нѣтъ ли свободнаго номера? Здѣсь все люди толкутся.

Свободный номеръ оказывается только одинъ—пятый, и они отправляются туда. Номеръ въ одно окно, темный, узкій и длинный, какъ кегельбанъ. Кровать, комодъ, облупленный коричневый умывальникъ и ночной столикъ составляютъ всю его меблировку. Хозяйка и поручикъ опять начинаютъ цѣловаться, при чемъ стонутъ, какъ голуби весною на крышѣ.

— Нюничка, если ты меня любишь, мое сокровище, по-

шли за папиросами «Плезиръ», шесть копеекъ десятокъ,— вкрадчиво говоритъ поручикъ, раздѣваясь.

— Потомъ...

Весенній вечеръ быстро темнѣетъ, и вотъ на дворѣ уже ночь. Въ окно слышны свистки пароходовъ на Днѣпрѣ, и скользитъ далекій запахъ травы, пыли, сирени, нагрѣтаго камня. Вода звонкими каплями мѣрно падаетъ внутри умывальника. Но въ дверь опять стучатся.

— Кто тамъ? Какого чорта все шляетесь!—кричитъ разбуженная Анна Фридриховна. Она босикомъ вскакиваетъ съ кровати и гнѣвно распахиваетъ дверь. —Ну, что̀ еще нужно?

Поручикъ Чижевичъ стыдливо натягиваетъ на голову одѣяло.

— Студентъ спрашиваетъ номеръ,—суфлерскимъ шопотомъ говоритъ за дверью Арсеній.

— Какой студентъ? Скажи ему, что остался только одинъ номеръ и то въ два рубля. Онъ одинъ или съ женщиной?

— Одинъ.

— Такъ и скажи. И паспортъ и деньги впередъ. Знаю я этихъ студентовъ.

Поручикъ поспѣшно одѣвается. Благодаря привычкѣ, онъ дѣлаетъ свой туалетъ въ десять секундъ. Анна Фридриховна въ это время ловко и быстро оправляетъ постель. Возвращается Арсеній.

— Заплатилъ впередъ, — говоритъ онъ мрачно. — И паспортъ вотъ.

Хозяйка выходитъ въ коридоръ. Волосы у нея разбились и прилипли ко лбу, на пунцовыхъ щекахъ оттиснулись складки подушки, глаза необычайно блестятъ. За ея спиной поручикъ безшумной тѣнью пробирается въ хозяйскій номеръ.

У окна на лѣстницѣ дожидается студентъ. Онъ свѣтло-

волосый, худощавый, уже немолодой человѣкъ съ длиннымъ, блѣднымъ, болѣзненно-нѣжнымъ лицомъ. Голубоватые глаза смотрятъ точно сквозь туманъ, добродушны, близоруки и чуть-чуть косятъ. Онъ вѣжливо кланяется хозяйкѣ, отчего та смущенно улыбается и защелкиваетъ верхнюю кнопку на блузкѣ.

— Мнѣ бы номеръ,—говоритъ онъ мягко, точно робѣя.—Мнѣ надо ѣхать. И еще бы я попросилъ свѣчку, перо и чернила.

Ему показываютъ кегельбанъ. Онъ говоритъ:

— Прекрасно, лучше нельзя требовать. Здѣсь чудесно. Только вотъ, пожалуйста, перо и чернила.

Отъ чаю и отъ бѣлья онъ отказывается. Ему все равно.

III.

Въ хозяйскомъ номерѣ горитъ лампа. На открытомъ окнѣ сидитъ, поджавши ноги, Алечка и смотритъ, какъ колышется внизу темная, тяжелая масса воды, освѣщенной электричествомъ, какъ тихо покачивается жидкая, мертвенная зелень тополей вдоль набережной. На щекахъ у нея горятъ два круглыхъ, яркихъ, красныхъ пятна, а глаза влажно и устало мерцаютъ. Издалека, съ той стороны рѣки, гдѣ сіяетъ огнями кафешантанъ, красиво плывутъ въ холодѣющемъ воздухѣ рѣзвые звуки вальса.

Пьютъ чай съ покупнымъ малиновымъ вареньемъ. Адька и Эдька накрошили себѣ въ чашки чернаго хлѣба, сдѣлали тюрю, измазали ею щеки, лбы и носы и дѣлаютъ другъ другу рожи, пуская пузыри въ блюдечко. Ромка, вернувшійся съ синякомъ подъ глазомъ, торопливо, со свистомъ тянетъ чай изъ блюдечка. Поручикъ Чижевичъ, разстегнувъ жилетъ и выпустивъ наружу бумажную грудь манишки, благодушествуетъ среди этой домашней идилліи, полулежа на диванѣ.

— Всѣ номера, слава Богу, заняты,—вздыхаетъ мечтательно Анна Фридриховна.

— А что? Все моя легкая рука!—говоритъ поручикъ.— Какъ я пришелъ, такъ и дѣло пошло.

— Ну да, разсказывай.

— Нѣтъ, ей-Богу, у меня рука необыкновенно легкая. У насъ въ полку, когда, бывало, капитанъ Горжевскій мечетъ банкъ, то всегда сажаетъ меня около себя. Эхъ, какъ у насъ въ полку здорово рѣзались въ карты! Этотъ самый Горжевскій, еще подпоручикомъ, выигралъ во время турецкой войны двѣнадцать тысячъ. Пришелъ нашъ полкъ въ Букарештъ. Ну, конечно, денегъ у господъ офицерства гибель, дѣвать было некуда, женщинъ нѣтъ. Начали картежъ. И вдругъ Горжевскій налетаетъ на шулера. Прямо по мордѣ видать, что шулеръ, но такъ ловко передергиваетъ, что невозможно услѣдить...

— Подожди, я сейчасъ приду,—перебиваетъ его хозяйка:—мнѣ только надо выдать полотенце.

Она уходитъ. Поручикъ подкрадывается къ Алечкѣ и близко наклоняется къ ней. Ея прекрасный профиль, темный на фонѣ ночи, тонко, серебристо и нѣжно очерченъ сіяніемъ электрическихъ фонарей.

— О чемъ, Алечка, задумалась? Или, можетъ-быть, о комъ?—спрашиваетъ онъ сладко, съ дрожью въ голосѣ.

Она отворачивается отъ него. Но онъ быстро приподнимаетъ ея толстую косу, цѣлуетъ ее подъ волосы въ теплую тонкую шейку и жадно нюхаетъ запахъ ея кожи.

— Я мамѣ скажу, — шепчетъ Алечка, не отодвигаясь.

Дверь отворяется,—это возвратилась Анна Фридриховна. Поручикъ тотчасъ же начинаетъ говорить неестественно-громко и развязно.

— Дѣйствительно, славно въ такую чудную, весеннюю ночь прокатиться на лодкѣ съ любимымъ существомъ или

близкимъ другомъ. Да, Нюничка, такъ вотъ я продолжаю. Такимъ образомъ Горжевскій пропускаетъ цѣлыхъ шесть тысячъ, чортъ побери! Наконецъ его кто-то надоумилъ, онъ и говоритъ: «Баста! Я такъ не буду играть. А вотъ не угодно ли, прибьемъ колоду гвоздемъ къ столу и будемъ отрывать по картѣ?» Тотъ-было на попятный. Но Горжевскій вынулъ револьверъ: «Или играй, собака, или пулю въ лобъ!» Ничего не подѣлаешь, шулеръ сѣлъ и, главное, такъ растерялся, что позабылъ, что сзади него зеркало, а Горжевскій сидитъ напротивъ, и ему въ зеркало всѣ карты партнера видны. И Горжевскій не только свои отыгралъ, но еще выигралъ чистыхъ одиннадцать тысячъ. Онъ даже велѣлъ этотъ гвоздь оправить въ золото и теперь носитъ при часахъ, въ видѣ брелока. Очень оригинально.

IV.

Въ это время въ пятомъ номерѣ сидитъ на кровати студентъ. Передъ нимъ на ночномъ столикѣ свѣча и листъ почтовой бумаги. Студентъ быстро пишетъ, на минуту останавливается, шепчетъ что-то про-себя, покачиваетъ головой, напряженно улыбается и опять пишетъ. Вотъ онъ глубоко обмакнулъ перо въ чернила, потомъ зачерпнулъ имъ, какъ ложечкой, жидкаго стеарина около фитиля и суетъ эту смѣсь въ огонь. Она трещитъ и брызжетъ во всѣ стороны бойкими синими огоньками. Этотъ фейерверкъ напоминаетъ студенту что-то смѣшное, полузабытое изъ далекаго дѣтства. Онъ глядитъ на пламя свѣчки, кося глаза и разсѣянно и печально улыбаясь. Потомъ вдругъ, точно очнувшись, встряхиваетъ головой, вздыхаетъ и, быстро обтерши перо о рукавъ синей рубашки, продолжаетъ писать:

«Ты скажи имъ все, что̀ скажетъ тебѣ мое письмо и

чему, я знаю, ты повѣришь. Меня они все равно не поймутъ, а у тебя есть слова, простыя и понятныя для нихъ. Странно одно: вотъ я пишу тебѣ и знаю, что черезъ десять-пятнадцать минутъ я застрѣлюсь, и эта мысль совсѣмъ не страшитъ меня. Но когда сѣдой огромный жандармскій полковникъ весь побагровѣлъ и съ руганью затопалъ на меня ногами, я растерялся. Когда онъ закричалъ, что мое упорство напрасно и только губитъ меня и моихъ товарищей, и что Бѣлоусовъ, и Книгге, и Соловейчикъ сознались, то я подтвердилъ. Я, не боящійся смерти, испугался окрика этого тупого, ограниченнаго человѣка, закостенѣвшаго въ своемъ профессіональномъ апломбѣ. И что всего подлѣе: вѣдь онъ на другихъ не смѣлъ кричать, а былъ любезенъ, предупредителенъ и слащавъ, какъ провинціальный зубной врачъ— былъ даже либералепъ. Во мнѣ же онъ сразу понялъ уступчивую и дряблую волю. Это чувствуется между людьми безъ слова, съ одного взгляда.

«Да, я сознаю, что все это вышло дико, и презрѣнно, и смѣшно, и отвратительно. Но иначе не могло быть, и если бы повторилось, то вышло бы попрежнему. Отчаянной храбрости боевые генералы очень часто боятся мышей. Они иногда даже бравируютъ этой маленькой слабостью. А я съ печалью говорю, что больше смерти боюсь этихъ деревянныхъ людей, жестко застывшихъ въ своемъ міросозерцаніи, глупо-самоувѣренныхъ, не знающихъ колебаній. Если бы ты зналъ, какъ робѣю я и стѣсняюсь передъ монументальными городовыми, передъ откормленными, мордатыми петербургскими швейцарами, передъ барышнями въ редакціяхъ журналовъ, передъ секретарями въ судахъ, передъ лающими начальниками станцій! Когда мнѣ однажды пришлось свидѣтельствовать въ участкѣ подпись, то одинъ видъ толстаго пристава съ рыжими подусниками въ ладонь, съ выпяченной грудью и съ ры-

бьими глазами, который все время меня перебивалъ, не дослушивалъ, на минуты забывалъ о моемъ присутствіи, или вдругъ притворялся непонимающимъ самой простой русской рѣчи,—одинъ его видъ привелъ меня въ такой гадкій трепетъ, что я самъ слышалъ въ своемъ голосѣ заискивающія, рабскія интонаціи.

«Кто виноватъ въ этомъ? Я тебѣ скажу: моя мать. Это она была первой причиной того, что вся моя душа загажена, развращена подлой трусостью. Она рано овдовѣла, и мои первыя дѣтскія впечатлѣнія неразрывны со скитаньемъ по чужимъ домамъ, клянчаньемъ, подобострастными улыбками, мелкими, но нестерпимыми обидами, угодливостью, попрошайничествомъ, слезливыми, жалкими гримасами, съ этими подлыми уменьшительными словами: кусочекъ, капелька, чашечка чайку... Меня заставляли цѣловать ручки у благодѣтелей, — у мужчинъ и у женщинъ. Мать увѣряла, что я не люблю того-то и того-то лакомаго блюда, лгала, что у меня золотуха, потому что знала, что отъ этого хозяйскимъ дѣтямъ останется больше, и что хозяевамъ это будетъ пріятно. Прислуга втихомолку издѣвалась надъ нами: дразнила меня горбатымъ, потому что я въ дѣтствѣ держался сутуловато, а мою мать называли при мнѣ приживалкой и салопницей. И сама мать, чтобы разсмѣшить благодѣтелей, приставляла себѣ къ носу свой старый, трепаный кожаный портсигаръ, перегнувъ его вдвое, и говорила: «А вотъ носъ моего сыночка Левушки». Они смѣялись, а я краснѣлъ и безконечно страдалъ въ эти минуты за нее и за себя и молчалъ, потому что мнѣ въ гостяхъ запрещалось говорить. Я ненавидѣлъ этихъ благодѣтелей, глядѣвшихъ на меня, какъ на неодушевленный предметъ, сонно, лѣниво и снисходительно совавшихъ мнѣ руку въ ротъ для поцѣлуя, и я ненавидѣлъ и боялся ихъ, какъ теперь ненавижу и боюсь всѣхъ опредѣленныхъ, самодоволь-

ныхъ, шаблонныхъ, трезвыхъ людей, знающихъ все напередъ:—кружковыхъ ораторовъ, старыхъ, волосатыхъ румяныхъ профессоровъ, кокетничающихъ невиннымъ либерализмомъ, внушительныхъ и елейныхъ соборныхъ протопоповъ, жандармскихъ полковниковъ, радикальныхъ женщинъ-врачей, твердящихъ впопыхахъ куски изъ прокламацій, но съ душой холодной, жестокой и плоской, какъ мраморная доска. Когда я говорю съ ними, я чувствую, что на моемъ лицѣ лежитъ противной маской чужая, поддакивающая, услужливая улыбка, и презираю себя за свой заискивающій тонкій голосъ, въ которомъ ловлю отзвукъ прежнихъ материнскихъ нотокъ. Души этихъ людей мертвы, мысли окоченѣли въ прямыхъ, твердыхъ линіяхъ, и сами они безпощадны, какъ только можетъ быть безпощаденъ увѣренный и глупый человѣкъ.

«Отъ семи до десяти лѣтъ я пробылъ въ закрытомъ благотворительномъ казенномъ пансіонѣ съ фребелевской системой воспитанія. Тамъ классныя дамы, озлобленныя дѣвы, всѣ страдавшія флюсомъ, насаждали въ насъ почтеніе къ благодѣтельному начальству, взаимное подглядываніе и наушничество, зависть къ любимчикамъ и—главное—самое главное—тишайшее поведеніе; мы же, мальчишки, сами собою, культивировали воровство и онанизмъ. Потомъ изъ милости меня приняли въ казенный пансіонъ при гимназіи. Тамъ было все, что̀ бываетъ въ казенныхъ пансіонахъ. Обыски и шпіонство со стороны надзирателей, безсмысленный зубрежъ, куренье въ третьемъ классѣ, водка въ четвертомъ, въ пятомъ — первая публичная женщина и первая нехорошая болѣзнь.

«Дальше вдругъ повѣяло новыми, молодыми словами, буйными мечтами, свободными, пламенными мыслями. Мой умъ съ жадностью развернулся имъ навстрѣчу, но моя душа была уже навѣки опустошена, мертва и опозорена. Низкая неврастичная боязливость вилась въ нее, какъ

клещъ въ собачье ухо: оторвешь его, останется головка, и онъ опять вырастетъ въ цѣлое гнусное насѣкомое.

«Не я одинъ погибъ отъ этой моральной заразы. Я, можетъ-быть, былъ слабѣйшимъ изъ всѣхъ. Но вѣдь все прошлое поколѣніе выросло въ духѣ набожной тишины, насильственнаго почтенія къ старшимъ, безличности и безгласности. Будь же проклято это подлое время, время молчанія и нищенства, это благоденственное и мирное житіе подъ безмолвной сѣнію благочестивой реакціи! Потому что тихое оподленіе души человѣческой ужаснѣе всѣхъ баррикадъ и разстрѣловъ въ мірѣ.

«Странно: когда я одинъ-на-одинъ съ моей собственной волей, я не только не трусъ, но я даже мало знаю людей, которые такъ легко способны рисковать жизнью. Я ходилъ по карнизамъ отъ окна къ окну на пятиэтажной высотѣ и глядѣлъ внизъ, я заплывалъ такъ далеко въ море, что руки и ноги отказывались служить мнѣ, и я, чтобы избѣгнуть судороги, ложился на спину и отдыхалъ. И многое, многое другое. Наконецъ черезъ десять минутъ я убью себя, а это тоже вѣдь чего-нибудь да стóитъ. Но людей я боюсь. Людей я боюсь! Когда я слышу, какъ пьяные ругаются и дерутся на улицѣ, я блѣднѣю отъ ужаса въ своей комнатѣ. А когда я ночью, лежа въ постели, представляю себѣ пустую площадь и несущійся по ней съ грохотомъ взводъ казаковъ, я чувствую, какъ сердце у меня перестаетъ биться, какъ холодѣетъ все мое тѣло, и мои пальцы судорожно корчатся. Я на всю жизнь испуганъ чѣмъ-то, что̀ есть въ большинствѣ людей и чего я не умѣю объяснить. Таково было и все молодое поколѣніе предыдущаго, переходнаго времени. Мы въ умѣ презирали рабство, но сами росли трусливыми рабами. Наша ненависть была глубока, страстна, но безплодна, и была похожа на безумную влюбленность кастрата.

«Но ты все поймешь и все объяснишь товарищамъ, которымъ я передъ смертью говорю, что люблю ихъ и уважаю, несмотря ни на что. Можетъ-быть, они повѣрятъ тебѣ, что я умеръ вовсе не потому, что невольно и низко предалъ ихъ. Я знаю, что нѣтъ въ мірѣ ничего страшнѣе этого страшнаго слова «предатель», которое, идя отъ устъ къ ушамъ, отъ устъ къ ушамъ, заживо умерщвляетъ человѣка. О, я сумѣлъ бы загладить мою ошибку, не будь я рожденъ и воспитанъ рабомъ человѣческой наглости, трусости и глупости. Но именно оттого, что я таковъ, я и умираю. Въ теперешнее страшное, бредовое время позорно и тяжело и прямо невозможно жить такимъ, какъ я.

«Да, мой дорогой, я въ послѣдніе годы очень много слышалъ, видѣлъ и читалъ. Я говорю тебѣ: надъ нашей родиной прошло ужасное вулканическое изверженіе. Вырвалось пламя долго сдержаннаго гнѣва и потопило все: боязнь завтрашняго дня, почтеніе къ предкамъ, любовь къ жизни, мирныя сладости семейнаго благополучія. Я знаю о мальчикахъ, почти дѣтяхъ, которые отказывались надѣвать повязку на глаза передъ разстрѣломъ. Я самъ видѣлъ людей, перенесшихъ пытки и не сказавшихъ ни слова. И все это родилось внезапно, появилось въ какомъ-то бурномъ дыханіи. Изъ яицъ индюшекъ вдругъ выклевывались орлята. Какъ недологъ, но какъ чудесенъ и героиченъ былъ ихъ полетъ къ пылающему солнцу свободы! Я видѣлъ, какъ въ дѣтяхъ, въ гимназистахъ, въ школьникахъ просыпалось и загоралось священное уваженіе къ своему радостному, гордому, свободному «я», именно къ тому, что̀ изъ насъ вытравила духовная нищета и трепетная родительская мораль. Ну—и къ чорту насъ!

«Сейчасъ безъ восьми девять. Ровно въ девять—со мной будетъ кончено. Собака лаетъ на дворѣ—разъ, два, потомъ помолчитъ и—разъ, два, три. Можетъ-быть, когда

угаснетъ мое сознаніе и вмѣстѣ съ нимъ навѣки исчезнетъ для меня все: города, площади, пароходные свистки, утра и вечера, номера гостиницъ, тиканье часовъ, люди, звѣри, воздухъ, свѣтъ и тьма, время и пространство, и не будетъ ничего, даже не будетъ мысли объ этомъ «ничего»—можетъ-быть, эта собака долго будетъ лаять нынѣшнимъ вечеромъ—сначала два раза, потомъ три.

«Девять безъ пяти минутъ. Смѣшная идея меня занимаетъ. Я думаю: мысль человѣка — это какъ бы токъ отъ таинственнаго, еще невѣдомаго центра, это какая-то широкая напряженная вибрація невѣсомой матеріи, разлитой въ міровомъ пространствѣ и проникающей одинаково легко между атомами камня, желѣза и воздуха. Вотъ мысль вышла изъ моего мозга, и вся міровая сфера задрожала, заколебалась вокругъ меня, какъ вода отъ брошеннаго камня, какъ звукъ вокругъ звенящей струны. И мнѣ думается, что вотъ человѣкъ уходитъ, сознаніе его уже потухло, но мысль его еще остается, еще дрожитъ въ прежнемъ мѣстѣ. Можетъ-быть, мысли и сны всѣхъ людей, бывшихъ до меня въ этой длинной, мрачной комнатѣ, еще рѣютъ вокругъ меня и тайно направляютъ мою волю? И, можетъ-быть, завтра случайный посѣтитель этого номера задумается внезапно о жизни, о смерти, о самоубійствѣ, потому что я оставлю здѣсь послѣ себя мою мысль? И, почемъ знать, можетъ-быть, не завися ни отъ вѣса, ни отъ времени, ни отъ преградъ матеріи, мои мысли въ одинъ и тотъ же моментъ ловятся таинственными, чуткими, но безсознательными пріемниками въ мозгу обитателя Марса, такъ же, какъ и въ мозгу собаки, лающей на дворѣ? Ахъ, я думаю, что ничто въ мірѣ не пропадаетъ — ничто!—не только сказанное, но и подуманное. Всѣ наши дѣла, слова и мысли—это ручейки, тонкіе подземные ключи. Мнѣ кажется, я вижу, какъ они встрѣчаются, сливаются въ

родники, просачиваются наверхъ, стекаются въ рѣчки—и вотъ уже мчатся бѣшено и широко въ неодолимой Рѣкѣ Жизни. Рѣка Жизни—какъ это громадно! Все она смоетъ рано или поздно, снесетъ всѣ твердыни, оковавшія свободу духа. И гдѣ была раньше отмель пошлости—тамъ сдѣлается величайшая глубина героизма. Вотъ сейчасъ она увлечетъ меня въ непонятную, холодную даль, а можетъ-быть, не далѣе, какъ черезъ годъ, она хлынетъ на весь этотъ огромный городъ и потопитъ его, и унесетъ съ собою не только его развалины, но и самое его имя!

«А можетъ-быть, все это смѣшно, что̀ я пишу. Осталось двѣ минуты. Горитъ свѣчка, часы торопливо постукиваютъ передо мною. Собака все еще лаетъ. А что̀, если ничего не останется ни отъ меня ни во мнѣ, но останется только одно, самое послѣднее ощущеніе—можетъ-быть, боль, можетъ-быть, звукъ выстрѣла, можетъ-быть, голый, дикій ужасъ, но останется навсегда, на тысячи милліоновъ вѣковъ, возведенныхъ въ милліардную степень?

«Стрѣлка дошла. Сейчасъ мы все это увидимъ. Нѣтъ, подожди: какая-то смѣшная стыдливость заставила меня встать и запереть дверь на ключъ. Прощай. Еще два слова: а вѣдь темная душа собаки должна быть гораздо болѣе воспріимчива къ вибраціямъ мысли, чѣмъ человѣческая... Не оттого ли они и воютъ, почуявъ покойника. А? Вотъ и эта собака, что̀ лаетъ внизу. Теперь она уже чувствуетъ тревогу. Но черезъ минуту отъ центральной батареи моего мозга побѣгутъ страшными скачками новые чудовищные токи и коснутся бѣднаго мозга собаки. И она завоетъ въ нестерпимомъ, слѣпомъ ужасѣ... Прощай. Иду».

Студентъ запечаталъ письмо, аккуратно заткнулъ для чего-то пробкой чернильницу, всталъ съ кровати и досталъ изъ кармана тужурки браунингъ. Перевелъ пред-

охранитель съ «sur» на «feu». Разставивъ ноги для устойчивости, зажмурился. И вдругъ, быстро поднеся обѣими руками револьверъ къ правому виску, онъ нажалъ гашетку.

— Что̀ это? — тревожно спрашиваетъ Анна Фридриховна.

— А это твой студентъ застрѣлился, — небрежно шутитъ поручикъ.—Такія все сволочи—эти студенты...

Но Анна Фридриховна вскакиваетъ и бѣжитъ въ коридоръ, поручикъ лѣниво слѣдуетъ за ней. Изъ номера пятаго кисло пахнетъ газами бездымнаго пороха. Смотрятъ въ замочную щелку—студентъ лежитъ на полу.

Черезъ пять минутъ у подъѣзда гостиницы уже стоитъ черная, густая, жадная толпа, и Арсеній съ озлобленіемъ гонитъ постороннихъ съ лѣстницы. Въ гостиницѣ суета. Слесарь взламываетъ дверь запертаго номера, дворникъ бѣжитъ за полиціей, горничная—за докторомъ. Черезъ нѣкоторое время появляется околоточный надзиратель, высокій, тонкій молодой человѣкъ съ бѣлыми волосами, бѣлыми рѣсницами и бѣлыми усами. Онъ въ мундирѣ и въ широчайшихъ шароварахъ, спускающихся до половины лакированныхъ сапогъ. Онъ тотчасъ же напираетъ грудью на публику и, выкативши свѣтлые глаза, гремитъ начальственно:

— Ос-сади назадъ! Р-р-разойдись! Я не понимаю, господа, что̀ т-тутъ вы нашли любопытнаго? Ровно ничего. Господинъ... убѣдительно прошу... А еще, кажется, интеллигентный человѣкъ, въ котелкѣ... Что-съ? А вотъ я тебѣ покажу полицейскій произволъ-съ. Михальчукъ замѣть этого. Эй, мальчишка, куда лѣзешь. Я-ть!..

Дверь взломана. Въ номеръ входятъ: надзиратель, Анна Фридриховна, поручикъ, четверо дѣтей, понятые, городовой, два дворника—впослѣдствіи докторъ. Студентъ

лежитъ на полу, уткнувшись лицомъ въ сѣрый коврикъ передъ кроватью, лѣвая рука у него подогнута подъ грудь, правая откинута, револьверъ валяется въ сторонѣ. Подъ головой лужа темной крови, въ правомъ вискѣ круглая, маленькая дырочка. Свѣча еще горитъ, и часы на ночномъ столикѣ поспѣшно тикаютъ.

Составляется короткій протоколъ въ казенныхъ словахъ, и къ нему прилагается оставленное самоубійцей письмо... Двое дворниковъ и городовой несутъ трупъ внизъ по лѣстницѣ. Арсеній свѣтитъ, высоко поднявъ лампу надъ головой. Анна Фридриховна, надзиратель и поручикъ смотрятъ сверху изъ окна въ коридорѣ. Несущіе на поворотѣ разладились въ движеніяхъ, застряли между стѣной и перилами, и тотъ, который поддерживалъ сзади голову, опускаетъ руки. Голова рѣзко стукается объ одну ступеньку, о другую, о третью.

— Такъ его! Такъ его!—озлобленно кричитъ изъ окна хозяйка.—Такъ ему и надо, подлецу! Я еще на чай дамъ!

— Какія вы кровожадныя, мадамъ Зигмайеръ,—игриво замѣчаетъ надзиратель и, закрутивъ усъ, скашиваетъ глаза на его кончикъ.

— А еще бы! Теперь въ газету изъ-за него попадешь. Я женщина бѣдная, трудящая, а теперь изъ-за него люди буду мою гостиницу обѣгать.

— Это конечно,—любезно соглашается надзиратель.— И удивляюсь я на этихъ господъ студентовъ. Учиться не хочутъ, красные флаги какіе-то выбрасываютъ, стрѣляются. Не хочутъ понять, каково это ихнимъ родителямъ. Ну, еще бѣдные—чортъ съ ними, прельщаются на жидовскія деньги. Но вѣдь и порядочные туда же, сыновья дворянъ, священниковъ, купцовъ... Нар-родъ! Однако, мадамъ, пожелавъ вамъ всего хорошаго...

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, ни за что!—схватывается

хозяйка.—У насъ сейчасъ ужинъ... селедочка. А такъ я васъ ни за что не пущу.

— Собственно говоря... — мнется околоточный. — А впрочемъ, пожалуй. Я, признаться, и такъ хотѣлъ зайти напротивъ къ Нагурному перехватить чего-нибудь. Наша служба,—говоритъ онъ, вѣжливо пропуская даму въ дверь:—наша служба тяжелая. Иногда и цѣлый день во рту куска не бываетъ.

За ужиномъ всѣ трое пьютъ много водки. Анна Фридриховна, вся раскраснѣвшаяся, съ сіяющими глазами и губами, какъ кровь, сняла подъ столомъ одну туфлю и горячей ногой въ чулкѣ жметъ ногу околоточному. Поручикъ хмурится, ревнуетъ и все пытается разсказать о томъ, какъ «у насъ въ полку». Околоточный же не слушаетъ его, перебиваетъ и разсказываетъ о потрясающихъ случаяхъ «у насъ въ полиціи». Каждый изъ нихъ старается быть какъ можно небрежнѣе и невнимательнѣе къ другому, и оба они похожи на двухъ только-что встрѣтившихся во дворѣ кобелей.

— Вотъ вы все—«у насъ въ полку»,—говоритъ, глядя не на поручика, а на хозяйку, надзиратель.—А позвольте полюбопытствовать, почему вы вышли изъ военной службы?

— Позвольте-съ, — возражаетъ обидчиво поручикъ.— Однако я васъ не спрашиваю, какъ вы дошли до полиціи? Какъ дошли вы до жизни такой?

Но тутъ Анна Фридриховна вытаскиваетъ изъ угла музыкальный ящикъ «Монопанъ» и заставляетъ Чижевича вертѣть ручку. Послѣ небольшихъ упрашиваній околоточный танцуетъ съ нею польку—она скачетъ, какъ дѣвочка, а на лбу у нея прыгаютъ крутыя кудряшки. Затѣмъ вертитъ ручку околоточный, а танцуетъ поручикъ, прикрутивъ руку хозяйки къ своему лѣвому боку и высоко задравъ голову. Танцуетъ и Алечка съ опущенными рѣсни-

цами и своей странной, нѣжно-развратной улыбкой на губахъ.

Околоточный уже окончательно прощается, когда появляется Ромка.

— Да-а... Я студента провожалъ, а вы безъ меня-а-а. Я, какъ соба-а-ака...

А то, что̀ было прежде студентомъ, уже лежитъ въ холодномъ подвалѣ анатомическаго театра, на цинковомъ ящикѣ, на льду, — лежитъ, освѣщенное газовымъ рожкомъ, обнаженное, желтое, отвратительное. На правой голой ногѣ выше щиколки толстыми чернильными цифрами у него написано 14. Это его номеръ въ анатомическомъ театрѣ.

ПУТАНИЦА.

— Мнѣ кажется, никто такъ оригинально не встрѣчалъ Рождества, какъ одинъ изъ моихъ пацiентовъ въ 1896-мъ году,—сказалъ Бутынскiй, довольно извѣстный въ городѣ врачъ-психiатръ.—Впрочемъ, я не буду ничего разсказывать объ этомъ трагикомическомъ происшествiи. Лучше будетъ, если вы сами прочтете, какъ его описываетъ главное дѣйствующее лицо.

Съ этими словами докторъ выдвинулъ средній ящикъ письменнаго стола, гдѣ въ величайшемъ порядкѣ лежали связки исписанной бумаги различнаго формата. Каждая связка была заномерована и обозначена какой-нибудь фамилiей.

— Все это — литература моихъ несчастныхъ больныхъ, — сказалъ Бутынскiй, роясь въ ящикѣ. — Цѣлая коллекцiя составлена мною самымъ тщательнымъ образомъ въ теченiе послѣднихъ десяти лѣтъ. Когда-нибудь въ другой разъ мы ее разберемъ вмѣстѣ. Тутъ очень много и забавнаго, и трогательнаго, и, пожалуй, даже поучительнаго... А теперь... вотъ, не угодно ли вамъ прочесть эту бумажку?

Я взялъ изъ рукъ доктора небольшую тетрадку, въ четвертую долю листа, исписанную крупнымъ, прямымъ, очень нажимистымъ, но неровнымъ почеркомъ. Вотъ что я прочелъ (оставляю рукопись цѣликомъ, съ любезнаго разрѣшенiя доктора):

«Его Высокородію

«г-ну доктору Бутынскому,

«консультанту при психіатрическомъ отдѣленіи N—ской больницы.

«Содержащагося въ помянутомъ отдѣленіи дворянина Ивана Ефимовича Пчеловодова

ПРОШЕНІЕ.

«Милостивый государь!

«Находясь уже болѣе двухъ лѣтъ въ палатѣ умалишенныхъ, я неоднократно пробовалъ выяснить то прискорбное недоразумѣніе, которое привело меня, совершенно здороваго человѣка, сюда. Я обращался съ этой цѣлью и письменно и словесно къ главному врачу и ко всему медицинскому персоналу больницы и, въ томъ числѣ, если помните, и къ вашему любезному содѣйствію. Теперь я еще разъ беру на себя смѣлость просить вниманія вашего къ нижеслѣдующимъ строкамъ. Я дѣлаю это потому, что ваша симпатичная наружность, равно какъ и ваше человѣческое обращеніе съ больными заставляютъ предполагать въ васъ добраго человѣка, котораго еще не коснулось профессіональное доктринерство.

«Убѣдительно прошу васъ—дочитайте это письмо до конца. Пусть васъ не смущаетъ, если порой вы натолкнетесь на грамматическія погрѣшности или на невязку во фразахъ. Вѣдь трудно, согласитесь, проживая въ сумасшедшемъ домѣ два года и слыша только брань сторожей и безумныя рѣчи больныхъ, сохранить способность къ ясному изложенію мысли на письмѣ. Я окончилъ высшее учебное заведеніе, но, право, теперь сомнѣваюсь при употребленіи самыхъ дѣтскихъ правилъ синтаксиса.

«Прошу же я вашего о с о б а г о вниманія потому, что мнѣ хорошо извѣстно, что всѣ психически-больные склонны считать себя посаженными въ больницу по недоразумѣ-

нію или по происканъ враговъ. Я знаю, какъ они любятъ доказывать это и докторамъ, и сторожамъ, и посѣтителямъ, и товарищамъ по несчастію. Поэтому мнѣ совершенно понятно недовѣріе, съ которымъ относятся врачи къ ихъ многочисленнымъ заявленіямъ и просьбамъ. Я же прошу у васъ только фактической провѣрки того, что я сейчасъ буду имѣть честь изложить.

«Это случилось 24-го декабря 1896 года. Я служилъ тогда старшимъ техникомъ на сталелитейномъ заводѣ «Наслѣдники Карла Вудта и К°», но въ серединѣ декабря сильно поссорился съ директоромъ изъ-за безобразной системы штрафовъ, которой онъ опуталъ рабочихъ, вспылилъ въ объясненіи съ нимъ, накричалъ на него, наговорилъ пропасть жесткихъ и оскорбительныхъ вещей и, не дожидаясь, пока меня попросятъ объ удаленіи, самъ бросилъ службу.

«Дѣлать мнѣ больше на заводѣ было нечего, и вотъ, въ концѣ Рождества, я уѣхалъ оттуда, чтобы встрѣтить Новый годъ и провести рождественскіе праздники въ городѣ N., въ кругу близкихъ родственниковъ.

«Поѣздъ былъ переполненъ пассажирами. Въ томъ вагонѣ, гдѣ я помѣстился, на каждой скамейкѣ сидѣло по три человѣка. Моимъ сосѣдомъ слѣва оказался молодой человѣкъ, студентъ академіи художествъ. Напротивъ же меня сидѣлъ какой-то купчикъ, который выходилъ на всѣхъ большихъ станціяхъ пить коньякъ. Между прочимъ, купчикъ упомянулъ вскользь, что у него въ N., на Нижней улицѣ, есть своя мясная торговля. Онъ также называлъ свою фамилію; я теперь не могу ее припомнить съ точностью, но — что-то въ родѣ Сердюкъ... Среднякъ... Сердоликъ... однимъ словомъ, здѣсь была какая-то комбинація буквъ С. Р. Д. и К. Я такъ подробно останавливаюсь на его фамиліи потому, что, если бы вы отыскали этого купчика, онъ совершенно подтвер-

дилъ бы вамъ весь мой разсказъ. Онъ средняго роста, плотенъ, съ розовымъ, довольно миловиднымъ пухлымъ лицомъ, блондинъ, усы маленькіе, тщательно закрученные вверхъ, бороду бреетъ.

«Спать мы не могли и, чтобы убить время, болтали и немного пили. Но къ полуночи насъ совсѣмъ разморило, а впереди предстояла еще цѣлая безсонная ночь. Стоя въ коридорѣ, мы полушутя, полусерьезно стали придумывать различныя средства, какъ бы поудобнѣе устроиться, чтобы поспать хоть три или четыре часа. Вдругъ академикъ сказалъ:

«— Господа! Есть великолѣпное средство. Только не знаю, согласитесь ли вы. Пусть одинъ изъ насъ возьметъ на себя роль сумасшедшаго. Тогда другой долженъ остаться при немъ, а третій пойдетъ къ оберъ-кондуктору и заявитъ, что вотъ, молъ, мы везли нашего психически-разстроеннаго-родственника, что онъ до сихъ поръ былъ спокоенъ, а теперь вдругъ началъ приходить въ нервное состояніе, и что, въ виду безопасности прочихъ пассажировъ, его не мѣшало бы заблаговременно изолировать.

«Мы согласились, что планъ академика простъ и вѣренъ. Но никто изъ насъ не высказывалъ первымъ желанія сыграть роль сумасшедшаго. Тогда купчикъ предложилъ, мигомъ разсѣявъ наши колебанія:

«— Бросимъ жребій, господа!

«Изо всѣхъ троихъ я былъ самый старшій, и мнѣ надлежало бы быть самымъ благоразумнымъ; но я все-таки принялъ участіе въ этой идіотской жеребьевкѣ и... конечно, вытащилъ узелокъ изъ зажатаго кулака мясоторговца.

«Комедія съ оберъ-кондукторомъ была продѣлана съ поразительной натуральностью. Намъ немедленно отвели купе.

«Иногда, во время большихъ остановокъ, мы слышали около нашей двери сердитые голоса, громко говорившіе:

«— Хорошо-съ... ну, а это купе?.. Потрудитесь его отворить!

«Вслѣдъ за этимъ приказаніемъ слышался голосъ кондуктора, отвѣчавшаго въ пониженномъ тонѣ и съ оттѣнкомъ боязни:

«— Извините. въ этомъ купе вамъ будетъ неудобно... здѣсь везутъ больного... сумасшедшаго... онъ не совсѣмъ спокоенъ....

«Разговоръ тотчасъ же обрывался, слышались удаляющіеся шаги. Планъ нашъ оказался вѣрнымъ, и мы заснули, насмѣявшись вдоволь. Спалъ я однако неспокойно, точно у меня во снѣ было предчувствіе бѣды. Душили меня какіе-то тяжкіе кошмары, и помню, что подъ утро я нѣсколько разъ просыпался отъ собственнаго громкаго крика.

«Я проснулся окончательно въ 10 часовъ утра. Моихъ компаньоновъ не было (они должны были сойти на одной станціи, куда поѣздъ приходилъ раннимъ утромъ). Зато на диванѣ противъ меня сидѣлъ рослый рыжій дѣтина въ форменномъ желѣзнодорожномъ картузѣ и внимательно смотрѣлъ на меня. Я привелъ свою одежду въ порядокъ, застегнулся, вынулъ изъ сака полотенце и хотѣлъ итти въ уборную умываться. Но едва я взялся за дверную ручку, какъ дѣтина быстро вскочилъ съ мѣста, обхватилъ меня сзади вокругъ туловища и повалилъ на диванъ. Взбѣшенный этой наглостью, я хотѣлъ вырваться, хотѣлъ ударить его по лицу, но не могъ даже пошевелиться. Руки этого добраго малаго сжимали меня точно стальными тисками.

«— Чего вы отъ меня хотите?—закричалъ я, задыхаясь подъ тяжестью его тѣла.—Убирайтесь!.. Оставьте меня!..

«Въ первые моменты въ моемъ мозгу мелькала мысль,

что я имѣю дѣло съ сумасшедшимъ. Дѣтина же, разгоряченный борьбой, давилъ меня все сильнѣе и повторялъ со злобнымъ пыхтѣньемъ:

«— Погоди, голубчикъ, вотъ посадятъ тебя на цѣпуру,—тогда и узнаѣшь, чего отъ тебя хотятъ... Узнаѣшь тогда, братъ... узнаѣшь.

«Я началъ догадываться объ ужасной истинѣ и, давъ время моему мучителю успокоиться, сказалъ:

«— Хорошо, я обѣщаюсь не трогаться съ мѣста. Пустите меня. «Конечно,—думалъ я:—съ этимъ болваномъ напрасны всякія объясненія. Будемъ терпѣливы, и вся эта исторія, безъ сомнѣнія, разъяснится».

«Остолопъ сначала мнѣ не повѣрилъ, но, видя, что я лежу совершенно покойно, онъ сталъ понемногу разжимать руки и наконецъ, совсѣмъ освободивъ меня изъ своихъ жестокихъ объятій, усѣлся на диванъ, напротивъ. Но глаза его не переставали слѣдить за мною съ напряженной зоркостью кошки, стерегущей мышь, и на всѣ мои вопросы я не добился отъ него въ отвѣтъ ни словечка.

«Когда поѣздъ остановился на станціи, я услышалъ, какъ въ коридорѣ вагона кто-то громко спросилъ:

«— Здѣсь больной?

«Другой голосъ отвѣтилъ скороговоркой:

«— Точно такъ, господинъ начальникъ.

«Вслѣдъ затѣмъ щелкнулъ замокъ, и въ купе просунулась голова въ фуражкѣ съ краснымъ верхомъ.

«Я рванулся къ этой фуражкѣ съ отчаяннымъ воплемъ:

«— Господинъ начальникъ станціи, ради Бога!..

«Но въ то же мгновеніе голова проворно спряталась, громыхнулъ замокъ въ дверцѣ, а я уже лежалъ на диванѣ, барахтаясь подъ придавившимъ меня тѣломъ моего спутника.

«Наконецъ мы доѣхали до N. Только минутъ черезъ

десять послѣ остановки за мною пришли... трое артельщиковъ. Двое изъ нихъ схватили меня крѣпко за руки, а третій вмѣстѣ съ моимъ прежнимъ истязателемъ вцѣпились въ воротникъ моего пальто.

«Такимъ образомъ меня извлекли изъ вагона. Первый, кого я увидѣлъ на платформѣ, былъ жандармскій полковникъ съ великолѣпными подусниками и съ безмятежными голубыми глазами въ тонъ околышку фуражки. Я воскликнулъ, обращаясь къ нему:

«— Господинъ офицеръ, умоляю васъ, выслушайте меня...

«Онъ сдѣлалъ знакъ артельщикамъ остановиться, подошелъ ко мнѣ и спросилъ вѣжливымъ, почти ласковымъ тономъ:

«— Чѣмъ могу служить?

«Видно было, что онъ хотѣлъ казаться хладнокровнымъ, но его нетвердый взглядъ и безпокойная складка вокругъ губъ говорили, что онъ все время держится настороже. Я понялъ, что все мое спасеніе въ спокойномъ тонѣ, и я, насколько могъ, связно, неторопливо и увѣренно разсказалъ офицеру все, что со мной произошло.

«Повѣрилъ онъ мнѣ или нѣтъ? Порою его лицо выражало живое, неподдѣльное участіе къ моему разсказу, временами же онъ какъ будто сомнѣвался и только кивалъ головой съ тѣмъ хорошо мнѣ знакомымъ выраженіемъ, съ которымъ слушаютъ болтовню дѣтей или сумасшедшихъ.

«Когда я кончилъ свой разсказъ, онъ сказалъ, избѣгая глядѣть мнѣ прямо въ глаза, но вѣжливо и мягко:

«— Видите ли... я, конечно, не сомнѣваюсь... но, право, мы получили такія телеграммы... И потомъ... ваши товарищи... О, я вполнѣ увѣренъ, что вы совершенно здоровы, но... знаете ли, вѣдь вамъ ничего не стоитъ поговорить съ докторомъ какихъ-нибудь десять минутъ.

Безъ сомнѣнія, онъ тотчасъ же убѣдится, что ваши умственныя способности находятся въ самомъ прекрасномъ состояніи, и отпуститъ васъ; согласитесь, что я вѣдь въ концѣ концовъ вовсе не компетентенъ въ этомъ дѣлѣ.

«Все-таки онъ былъ до того любезенъ, что назначилъ мнѣ въ провожатые только одного артельщика, взявъ съ меня предварительно честное слово, что я никоимъ образомъ не буду выражать на дорогѣ своего негодованія и дѣлать попытокъ къ бѣгству.

«Мы пріѣхали въ больницу какъ разъ къ часу визитацій. Ждать мнѣ пришлось недолго. Вскорѣ въ пріемную пришелъ главный врачъ, въ сопровожденіи нѣсколькихъ ординаторовъ, смотрителя психіатрическаго отдѣленія, сторожей и человѣкъ двадцати студентовъ. Онъ прямо подошелъ ко мнѣ и устремилъ на меня долгій, пристальный взглядъ. Я отвернулся. Мнѣ почему-то показалось, что этотъ человѣкъ сразу возненавидѣлъ меня.

«— Только, пожалуйста, не волнуйтесь,—сказалъ докторъ, не спуская съ меня своихъ тяжелыхъ глазъ. — Здѣсь у васъ нѣтъ враговъ. Никто васъ не будетъ преслѣдовать. Враги остались тамъ... въ другомъ городѣ... Они не посмѣютъ васъ здѣсь тронуть. Видите, кругомъ все добрые, славные люди, многіе васъ хорошо знаютъ и принимаютъ въ васъ участіе. Меня, напримѣръ, вы не узнаёте?

«Онъ уже заранѣе считалъ меня сумасшедшимъ. Я хотѣлъ возразить ему, но во-время сдержался: я отлично понималъ, что каждый мой гнѣвный порывъ, каждое рѣзкое выраженіе сочтутъ за несомнѣнный признакъ сумасшествія. Поэтому я промолчалъ.

«Затѣмъ докторъ спросилъ у меня мое имя и фамилію, сколько мнѣ лѣтъ, чѣмъ занимаюсь, кто мои родители и т. д. На всѣ эти вопросы я отвѣчалъ коротко и точно.

«— А давно ли вы себя чувствуете больнымъ?—обратился ко мнѣ внезапно докторъ.

«Я отвѣчалъ, что я больнымъ себя совсѣмъ не чувствую и что вообще отличаюсь прекраснымъ здоровьемъ.

«— Ну, да, конечно... Я не говорю о какой-нибудь серьезной болѣзни, но... скажите, давно ли вы страдаете головной болью, безсонницей? Не бываетъ ли галлюцинацій? Головокруженія? Не испытываете ли вы иногда непроизвольныхъ сокращеній мышцъ?

«— Наоборотъ, господинъ докторъ, я сплю очень хорошо и почти не знаю, что̀ такое головная боль. Единственный случай, когда я спалъ неспокойно, — это въ прошлую ночь.

«— Это мы уже знаемъ, — сказалъ спокойно докторъ. — Теперь не можете ли вы мнѣ подробно разсказать, что̀ вы дѣлали съ того времени, когда сопровождавшіе васъ господа остались на станціи Криворѣчье, не успѣвъ сѣсть на поѣздъ? Какое, напримѣръ, побужденіе заставило васъ вступить въ драку съ младшимъ кондукторомъ? Или почему вслѣдъ за этимъ вы набросились съ какими-то угрозами на начальника станціи, вошедшаго въ ваше купе?

«Тогда я подробно передалъ доктору все, что̀ раньше разсказывалъ жандармскому офицеру. Но разсказъ мой не былъ такъ связенъ и такъ увѣренъ, какъ раньше,— меня смущало безцеремонное вниманіе окружавшей меня толпы. Да кромѣ того и настойчивость доктора, желавшаго во что бы то ни стало сдѣлать меня сумасшедшимъ, волновала меня. Въ самой серединѣ моего повѣствованія главный врачъ обернулся къ студентамъ и произнесъ:

— Обратите вниманіе, господа, какъ иногда жизнь бываетъ неправдоподобнѣе всякаго вымысла. Приди въ голову писателю такая тема — публика ни за что не повѣритъ. Вотъ это я называю изобрѣтательностью.

«Я совершенно ясно понялъ иронію, звучавшую въ его словахъ. Я покраснѣлъ отъ стыда и замолчалъ.

«— Продолжайте, продолжайте, пожалуйста, я васъ слушаю, — сказалъ главный врачъ съ притворной ласковостью.

«Но я еще не дошелъ до эпизода съ моимъ пробужденіемъ, какъ онъ вдругъ огорошилъ меня вопросомъ:

«— А скажите, какой у насъ сегодня мѣсяцъ?

«— Декабрь,—не сразу отвѣтилъ я, нѣсколько изумленный этимъ вопросомъ.

«— А раньше какой былъ?

«— Ноябрь...

«— А раньше?

«Я долженъ сказать, что эти мѣсяцы на «брь» всегда были для меня камнемъ преткновенія, и для того, чтобы сказать, какой мѣсяцъ раньше какого, мнѣ нужно мысленно назвать ихъ всѣ, начиная съ разбѣга отъ августа. Поэтому я нѣсколько замялся.

«— Ну да... порядокъ мѣсяцевъ вы не особенно хорошо помните, — замѣтилъ небрежно, точно вскользь, главный врачъ, обращаясь больше не ко мнѣ, а къ студентамъ. — Нѣкоторая путаница во времени... это ничего. Это бываетъ... Ну-съ... дальше-съ. Я слушаю-съ.

«Конечно, я былъ неправъ, сто разъ неправъ, и сдѣлалъ непріятность только самому себѣ, но эти іезуитскіе пріемы доктора привели меня положительно въ ярость, и я закричалъ во все горло:

«— Болванъ! Рутинеръ! Вы гораздо болѣе сумасшедшій, чѣмъ я!

«Повторяю, что это восклицаніе было неосторожно и глупо, но вѣдь я не передалъ и сотой доли того злобнаго издѣвательства, которымъ были полны всѣ вопросы главнаго врача.

«Онъ сдѣлалъ едва замѣтное движеніе глазами. Въ эту

же секунду на меня со всѣхъ сторонъ бросились сторожа. Внѣ себя отъ бѣшенства я ударилъ кого-то по щекѣ. Меня повалили, связали..

«— Это явленіе называется raptus,—неожиданный, бурный порывъ!—услышалъ я сзади себя размѣренный голосъ главнаго врача въ то время, когда сторожа выносили меня на рукахъ изъ пріемной.

. . . . . .

«Прошу васъ, господинъ докторъ, провѣрьте все, написанное мною, и если оно окажется правдой, то отсюда только одинъ выводъ — что я сдѣлался жертвой медицинской ошибки. И я васъ прошу, умоляю освободить меня какъ можно скорѣе. Жизнь здѣсь невыносима. Служители, подкупленные смотрителемъ (который, какъ вамъ извѣстно — прусскій шпіонъ), ежедневно подсыпаютъ въ пищу больнымъ огромное количество стрихнину и синильной кислоты. Третьяго-дня эти изверги простерли свою жестокость до того, что пытали меня раскаленнымъ желѣзомъ, прикладывая его къ моему животу и къ груди.

«Также и о крысахъ. Эти животныя, повидимому, одарены...»

— Что же это такое, докторъ! Мистификація? Бредъ безумнаго? — спросилъ я, возвращая Бутынскому рукопись. — Провѣрилъ ли кто-нибудь факты, о которыхъ пишетъ этотъ человѣкъ?

На лицѣ Бутынскаго мелькнула горькая усмѣшка.

— Увы! Здѣсь дѣйствительно произошла такъ называемая медицинская ошибка, — сказалъ онъ, пряча листки въ столъ. — Я отыскалъ этого купца — его фамилія Свириденко — и онъ въ точности подтвердилъ все, что вы сейчасъ прочитали. Онъ сказалъ даже больше: высадившись на станціи, они вмѣстѣ съ художникомъ выпили такъ много чаю съ ромомъ, что рѣшили продолжать шутку

и вслѣдъ поѣзду послали телеграмму такого содержанія: «Не успѣли сѣсть въ поѣздъ, остались въ Криворѣчьѣ, присмотрите за больнымъ». Конечно, идіотская шутка! Но знаете ли, кто окончательно погубилъ этого бѣднягу? Директоръ завода «Наслѣдники Карла Вудта и К°». Когда его запросили, не замѣчалъ ли онъ и окружающіе какихъ-нибудь странностей или ненормальностей у Пчеловодова, онъ такъ-таки напрямикъ и отвѣтилъ, что давно уже считалъ старшаго техника Пчеловодова сумасшедшимъ, а въ послѣднее время даже буйно-помѣшаннымъ. Я думаю, онъ сдѣлалъ это изъ мести.

— Но зачѣмъ же, въ такомъ случаѣ, держать этого несчастнаго, если вамъ все это извѣстно? — заволновался я. — Выпустите его, хлопочите, настаивайте!..

Бутынскій пожалъ плечами.

— Развѣ вы не обратили вниманія на конецъ его письма? Прославленный режимъ нашего заведенія сдѣлалъ свое дѣло. Этотъ человѣкъ уже годъ тому назадъ признанъ неизлѣчимымъ. Онъ былъ сначала одержимъ маніей преслѣдованія, а затѣмъ впалъ въ идіотизмъ.

Оглавленіе

I ТОМА.

	стр.
Молохъ	3
Конокрады	104
Болото	139
На покоѣ	163
Въ циркѣ	201
Лѣсная глушь	237
Жидовка	272
Рѣка жизни	297
Путаница	325

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ

СОЧИНЕНІЙ

А. И. КУПРИНА.

Съ портретомъ автора.

ТОМЪ ВТОРОЙ.

Приложеніе къ журналу „Нива“ на 1912 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе Т-ва А. Ф. МАРКСЪ.
1912.

Артистическое заведеніе Т-ва А. Ф. Марксъ. Измайл. просп., № 29.

ПОЕДИНОКЪ.

I.

Вечернія занятія въ шестой ротѣ приходили къ концу, и младшіе офицеры все чаще и нетерпѣливѣе посматривали на часы. Изучался практически уставъ гарнизонной службы. По всему плацу солдаты стояли вразбросъ: около тополей, окаймлявшихъ шоссе, около гимнастическихъ машинъ, возлѣ дверей ротной школы, у прицѣльныхъ станковъ. Все это были воображаемые посты, какъ, напримѣръ, постъ у порохового погреба, у знамени, въ караульномъ домѣ, у денежнаго ящика. Между ними ходили разводящіе и ставили часовыхъ; производилась смѣна карауловъ; унтеръ-офицеры провѣряли посты и испытывали познанія своихъ солдатъ, стараясь то хитростью выманить у часового его винтовку, то заставить его сойти съ мѣста, то всучить ему на сохраненіе какую-нибудь вещь, большею частью собственную фуражку. Старослуживые, тверже знавшіе эту игрушечную казуистику, отвѣчали въ такихъ случаяхъ преувеличенно суровымъ тономъ: «Отходи! Не имѣю полнаго права никому отдавать ружье, кромѣ какъ получу приказаніе отъ самого Государя Императора». Но молодые путались. Они еще не умѣли отдѣлить шутки, примѣра, отъ настоящихъ требованій службы и впадали то въ одну, то въ другую крайность.

— Хлѣбниковъ! Дьяволъ косорукой!—кричалъ маленькій, круглый и шустрый ефрейторъ Шаповаленко, и въ голосѣ его слышалось начальственное страданіе.—Я жъ тебя училъ-училъ, дурня! Ты же чье сейчасъ приказанье сполнилъ? Арестованнаго? А, чтобъ тебя!.. Отвѣчай, для чего ты поставленъ на постъ?

Въ третьемъ взводѣ произошло серьезное замѣшательство. Молодой солдатъ Мухамеджиновъ, татаринъ, едва понимавшій и говорившій по-русски, окончательно былъ сбитъ съ толку подвохами своего начальства — и настоящаго и воображаемаго. Онъ вдругъ разсвирѣпѣлъ, взялъ ружье на руку и на всѣ убѣжденія и приказанія отвѣчалъ однимъ рѣшительнымъ словомъ:

— З-заколу!

— Да постой... да, дуракъ ты...—уговаривалъ его унтеръ-офицеръ Бобылевъ.—Вѣдь я кто? Я же твой караульный начальникъ, стало-быть...

— Заколу!—кричалъ татаринъ испуганно и злобно и съ глазами, налившимися кровью, нервно совалъ штыкомъ во всякаго, кто къ нему приближался. Вокругъ него собралась кучка солдатъ, обрадовавшихся смѣшному приключенію и минутному роздыху въ надоѣвшемъ ученьи.

Ротный командиръ, капитанъ Слива, пошелъ разбирать дѣло. Пока онъ плелся вялой походкой, сгорбившись и волоча ноги, на другой конецъ плаца, младшіе офицеры сошлись вмѣстѣ поболтать и покурить. Ихъ было трое: поручикъ Вѣткинъ—лысый, усатый человѣкъ лѣтъ 33-хъ, весельчакъ, говорунъ, пѣвунъ и пьяница, подпоручикъ Ромашовъ, служившій всего второй годъ въ полку, и подпрапорщикъ Лбовъ, живой стройный мальчишка съ лукаво-ласково-глупыми глазами и съ вѣчной улыбкой на толстыхъ наивныхъ губахъ,—весь точно начиненный старыми офицерскими анекдотами.

— Свинство,—сказалъ Вѣткинъ, взглянувъ на свои мельхіоровые часы и сердито щелкнувъ крышкой.—Какого чорта онъ держитъ до сихъ поръ роту? Эѳіопъ!

— А вы бы ему это объяснили, Павелъ Павлычъ,— посовѣтовалъ съ хитрымъ лицомъ Лбовъ.

— Чорта съ два. Подите, объясняйте сами. Главное— что̀. Главное—вѣдь это все напрасно. Всегда они передъ смотрами горячку порятъ. И всегда переборщатъ. Задергаютъ солдата, замучатъ, затуркаютъ, а на смотру онъ будетъ стоять, какъ пень. Знаете извѣстный случай, какъ два ротныхъ командира поспорили, чей солдатъ больше съѣстъ хлѣба? Выбрали они оба жесточайшихъ обжоръ. Пари было большое—что-то около ста рублей. Вотъ одинъ солдатъ съѣлъ семь фунтовъ и отвалился, больше не можетъ. Ротный сейчасъ на фельдфебеля. «Ты что̀ же, такой, разъэтакій, подвелъ меня?» А фельдфебель только глазами лупаетъ. «Такъ что не могу знать, вашескородіе, что̀ съ ими случилось. Утромъ дѣлали репетицію—восемь фунтовъ стрескалъ въ одинъ присѣстъ...» Такъ вотъ и наши... Репетятъ безъ толку, а на смотру сядутъ въ калошу.

— Вчера...—Лбовъ вдругъ прыснулъ отъ смѣха.— Вчера, ужъ во всѣхъ ротахъ кончили занятія, я иду на квартиру, часовъ уже восемь, пожалуй, темно совсѣмъ. Смотрю, въ одиннадцатой ротѣ сигналы учатъ. Хоромъ. «Наве-ди, до гру-ди, по-па-ди!» Я спрашиваю поручика Андрусевича: «Почему это у васъ до сихъ поръ идетъ такая музыка?» А онъ говоритъ: «Это мы, въ родѣ собакъ, на луну воемъ».

— Все надоѣло, Кука!—сказалъ Вѣткинъ и зѣвнулъ.— Постойте-ка, кто это ѣдетъ верхомъ? Кажется, Бекъ?

— Да. Бекъ-Агамаловъ, — рѣшилъ зоркій Лбовъ. — Какъ красиво сидитъ.

— Очень красиво,—согласился Ромашовъ.—По-моему,

онъ лучше всякаго кавалериста ѣздитъ. О-о-о! Заплясала. Кокетничаетъ Бекъ.

По шоссе медленно ѣхалъ верхомъ офицеръ въ бѣлыхъ перчаткахъ и въ адъютантскомъ мундирѣ. Подъ нимъ была высокая длинная лошадь золотистой масти съ короткимъ, по-англійски, хвостомъ. Она горячилась, нетерпѣливо мотала крутой, собранной мундштукомъ шеей и часто перебирала тонкими ногами.

— Павелъ Павлычъ, это правда, что онъ природный черкесъ?—спросилъ Ромашовъ у Вѣткина.

— Я думаю, правда. Иногда, дѣйствительно, армяшки выдаютъ себя за черкесовъ и за лезгинъ, но Бекъ вообще, кажется, не вретъ. Да вы посмотрите, каковъ онъ на лошади!

— Подождите, я ему крикну,—сказалъ Лбовъ.

Онъ приложилъ руки ко рту и закричалъ сдавленнымъ голосомъ, такъ, чтобы не слышалъ ротный командиръ:

— Поручикъ Агамаловъ! Бекъ!

Офицеръ, ѣхавшій верхомъ, натянулъ поводья, остановился на секунду и обернулся вправо. Потомъ, повернувъ лошадь въ эту сторону и слегка согнувшись въ сѣдлѣ, онъ заставилъ ее упругимъ движеніемъ перепрыгнуть черезъ канаву и сдержаннымъ галопомъ поскакалъ къ офицерамъ.

Онъ былъ меньше средняго роста, сухой, жилистый, очень сильный. Лицо его, съ покатымъ назадъ лбомъ, тонкимъ горбатымъ носомъ и рѣшительными, крѣпкими губами, было мужественно и красиво и еще до сихъ поръ не утратило характерной восточной блѣдности—одновременно смуглой и матовой.

— Здравствуй, Бекъ,—сказалъ Вѣткинъ.—Ты передъ кѣмъ тамъ выфинчивалъ? Дэвыцы?

Бекъ-Агамаловъ пожималъ руки офицерамъ, низко и небрежно склоняясь съ сѣдла. Онъ улыбнулся, и ка-

залось, что его бѣлые, стиснутые зубы бросили отраженный свѣтъ на весь низъ его лица и на маленькіе, черные, холеные усы..

— Ходили тамъ двѣ хорошенькія жидовочки. Да мнѣ что? Я нуль вниманія.

— Знаемъ мы, какъ вы плохо въ шашки играете!— мотнулъ головой Вѣткинъ.

— Послушайте, господа,—заговорилъ Лбовъ и опять заранѣе засмѣялся.—Вы знаете, что сказалъ генералъ Дохтуровъ о пѣхотныхъ адъютантахъ? Это къ тебѣ, Бекъ, относится. Что они самые отчаянные наѣздники во всемъ мірѣ...

— Не ври, фендрикъ!—сказалъ Бекъ-Агамаловъ.

Онъ толкнулъ лошадь шенкелями и сдѣлалъ видъ, что хочетъ наѣхать на подпрапорщика.

— Ей-Богу же! У всѣхъ у нихъ, говоритъ, не лошади, а какія-то гитары, шкàпы—съ запаломъ, хромыя, кривоглазыя, опоенныя. А дашь ему приказаніе — знай себѣ жаритъ, куда попало, во весь карьеръ. Заборъ— такъ заборъ, оврагъ—такъ оврагъ. Черезъ кусты валяетъ. Поводья упустилъ, стремена растерялъ, шапка къ чорту! Лихіе ѣздоки!

— Что слышно новаго, Бекъ?—спросилъ Вѣткинъ.

— Что новаго? Ничего новаго. Сейчасъ, вотъ только-что, засталъ полковой командиръ въ собраніи подполковника Леха. Разорался на него такъ, что на соборной площади было слышно. А Лехъ пьянъ, какъ змій, не можетъ папу-маму выговорить. Стоитъ на мѣстѣ и качается, руки за спину заложилъ. А Шульговичъ какъ рявкнетъ на него: «Когда разговариваете съ полковымъ командиромъ, извольте руки на задницѣ не держать!» И прислуга здѣсь же была.

— Крѣпко завинчено!—сказалъ Вѣткинъ съ усмѣшкой—не то иронической, не то поощрительной.—Въ чет-

вертой ротѣ онъ вчера, говорятъ, кричалъ: «Что вы мнѣ уставъ въ носъ тычете? Я—для васъ уставъ, и никакихъ больше разговоровъ! Я здѣсь царь и Богъ!»

Лбовъ вдругъ опять засмѣялся своимъ мыслямъ.

— А вотъ еще, господа, былъ случай съ адъютантомъ въ N — скомъ полку...

— Заткнитесь, Лбовъ,—серьезно замѣтилъ ему Вѣткинъ.—Эко васъ прорвало сегодня.

— Есть и еще новость, — продолжалъ Бекъ-Агамаловъ. Онъ снова повернулъ лошадь передомъ ко Лбову и, шутя, сталъ наѣзжать на него. Лошадь мотала головой и фыркала, разбрасывая вокругъ себя пѣну.—Есть и еще новость. Командиръ во всѣхъ ротахъ требуетъ отъ офицеровъ рубку чучелъ. Въ девятой ротѣ такого холоду нагналъ, что ужасъ. Епифанова закаталъ подъ арестъ за то, что шашка оказалась не отточена... Чего ты трусишь, фендрикъ!—крикнулъ вдругъ Бекъ-Агамаловъ на подпрапорщика.—Привыкай. Самъ вѣдь будешь когда-нибудь адъютантомъ. Будешь сидѣть на лошади, какъ жареный воробей на блюдѣ.

— Ну, ты, азіатъ!.. Убирайся со своимъ одромъ дохлымъ,—отмахивался Лбовъ отъ лошадиной морды.—Ты слыхалъ, Бекъ, какъ въ N—скомъ полку одинъ адъютантъ купилъ лошадь изъ цирка? Выѣхалъ на ней на смотръ, а она вдругъ передъ самимъ командующимъ войсками начала испанскимъ шагомъ парадировать. Знаешь, такъ: ноги вверхъ и этакъ съ боку на бокъ. Врѣзался наконецъ въ головную роту—суматоха, крикъ, безобразіе. А лошадь—никакого вниманія, знай себѣ испанскимъ шагомъ раздѣлываетъ. Такъ Драгоміровъ сдѣлалъ рапортъ — вотъ такъ вотъ — и кричитъ: «Поручи-икъ, тѣмъ же аллюромъ на гауптвахту, на 21 день, ма-аршъ!..»

— Э, пустяки,—сморщился Вѣткинъ.—Слушай, Бекъ, ты намъ съ этой рубкой дѣйствительно сюрпризъ пре-

поднесъ. Это значитъ что̀ же? Совсѣмъ свободнаго времени не останется? Вотъ и намъ вчера эту уроду принесли.

Онъ показалъ на середину плаца, гдѣ стояло сдѣланное изъ сырой глины чучело, представлявшее нѣкоторое подобіе человѣческой фигуры, только безъ рукъ и безъ ногъ.

— Что̀ же вы? Рубили?—спросилъ съ любопытствомъ Бекъ-Агамаловъ.—Ромашовъ, вы не пробовали?

— Нѣтъ еще.

— Тоже! Стану я ерундой заниматься,—заворчалъ Вѣткинъ.—Когда это у меня время, чтобы рубить? Съ девяти утра до шести вечера только и знаешь, что торчишь здѣсь. Едва успѣешь пожрать и водки выпить. Я имъ, слава Богу, не мальчикъ дался...

— Чудакъ. Да вѣдь надо же офицеру умѣть владѣть шашкой.

— Зачѣмъ это, спрашивается? На войнѣ? При теперешнемъ огнестрѣльномъ оружіи тебя и на сто шаговъ не подпустятъ. На кой мнѣ чортъ твоя шашка? Я не кавалеристъ. А понадобится, я ужъ лучше возьму ружье да прикладомъ—бацъ-бацъ по башкамъ. Это вѣрнѣе.

— Ну, хорошо, а въ мирное время? Мало ли сколько можетъ быть случаевъ. Бунтъ, возмущеніе тамъ, или что̀...

— Такъ что̀ же? При чемъ же здѣсь опять-таки шашка? Не буду же я заниматься черной работой, сѣчь людямъ головы. Ро-ота, пли!—и дѣло въ шляпѣ...

Бекъ-Агамаловъ сдѣлалъ недовольное лицо.

— Э, ты все глупишь, Павелъ Павлычъ. Нѣтъ, ты отвѣчай серьезно. Вотъ идешь ты гдѣ-нибудь на гуляньи или въ театрѣ, или, положимъ, тебя въ ресторанѣ оскорбилъ какой-нибудь шпакъ... возьмемъ крайность—дастъ тебѣ какой-нибудь штатскій пощечину. Ты что̀ же будешь дѣлать?

Вѣткинъ поднялъ кверху плечи и презрительно поджалъ губы.

— Н-ну! Во-первыхъ, меня никакой шпакъ не ударитъ, потому что бьютъ только того, кто боится, что его побьютъ. А во-вторыхъ... ну, что же я сдѣлаю? Бацну въ него изъ револьвера.

— А если револьверъ дома остался?—спросилъ Лбовъ.

— Ну, чортъ... ну, съѣзжу за нимъ... Вотъ глупости. Былъ же случай, что оскорбили одного корнета въ кафе-шантанѣ. И онъ съѣздилъ домой на извозчикѣ, привезъ револьверъ и ухлопалъ двухъ какихъ-то рябчиковъ. И все!..

Бекъ-Агамаловъ съ досадой покачалъ головой.

— Знаю. Слышалъ. Однако судъ призналъ, что онъ дѣйствовалъ съ заранѣе обдуманнымъ намѣреніемъ, и приговорилъ его. Что же тутъ хорошаго? Нѣтъ, ужъ я, если бы меня кто оскорбилъ или ударилъ...

Онъ не договорилъ, но такъ крѣпко сжалъ въ кулакъ свою маленькую руку, державшую поводья, что она задрожала. Лбовъ вдругъ затрясся отъ смѣха и прыснулъ.

— Опять!—строго замѣтилъ Вѣткинъ.

— Господа... пожалуйста... Ха-ха-ха! Въ М—скомъ полку былъ случай. Подпрапорщикъ Краузе въ Благородномъ собраніи сдѣлалъ скандалъ. Тогда буфетчикъ схватилъ его за погонъ и почти оторвалъ. Тогда Краузе вынулъ револьверъ—рразъ ему въ голову! На мѣстѣ! Тутъ ему еще какой-то адвокатишка подвернулся, онъ и его бахъ! Ну, понятно, всѣ разбѣжались. А тогда Краузе спокойно пошелъ себѣ въ лагерь, на переднюю линейку, къ знамени. Часовой окрикиваетъ: «Кто идетъ?»—«Подпрапорщикъ Краузе, умереть подъ знаменемъ!» Легъ и прострѣлилъ себѣ руку. Потомъ судъ его оправдалъ.

— Молодчина! — сказалъ Бекъ-Агамаловъ.

Начался обычный, любимый молодыми офицерами разговоръ о случаяхъ неожиданныхъ кровавыхъ расправъ на мѣстѣ и о томъ, какъ эти случаи проходили почти всегда безнаказанно. Въ одномъ маленькомъ городишкѣ безусый пьяный корнетъ врубился съ шашкой въ толпу евреевъ, у которыхъ онъ предварительно «разнесъ пасхальную кучку». Въ Кіевѣ пѣхотный подпоручикъ зарубилъ въ танцовальной залѣ студента на-смерть за то, что тотъ толкнулъ его локтемъ у буфета. Въ какомъ-то большомъ городѣ—не то въ Москвѣ, не то въ Петербургѣ — офицеръ застрѣлилъ, «какъ собаку», штатскаго, который въ ресторанѣ сдѣлалъ ему замѣчаніе, что порядочные люди къ незнакомымъ дамамъ не пристаютъ.

Ромашовъ, который до сихъ поръ молчалъ, вдругъ, краснѣя отъ замѣшательства, безъ надобности поправляя очки и откашливаясь, вмѣшался въ разговоръ:

— А вотъ, господа, что̀ я скажу съ своей стороны. Буфетчика я, положимъ, не считаю... да... Но если штатскій... какъ бы это сказать?.. Да... Ну, если онъ порядочный человѣкъ, дворянинъ и такъ далѣе... зачѣмъ же я буду на него, безоружнаго, нападать съ шашкой? Отчего же я не могу у него потребовать удовлетворенія? Все-таки же мы люди культурные, такъ сказать...

— Э, чепуху вы говорите, Ромашовъ,—перебилъ его Вѣткинъ.—Вы потребуете удовлетворенія, а онъ скажетъ: «Нѣтъ... э-э-э... я, знаете ли, вээбще... э-э... не признаю дуэли. Я противникъ кровопролитія... И кромѣ того, э-э... у насъ есть мировой судья...» Вотъ, и ходите тогда всю жизнь съ битой мордой.

Бекъ-Агамаловъ широко улыбнулся своей сіяющей улыбкой.

— Что̀? Ага! Соглашаешься со мной? Я тебѣ, Вѣткинъ, говорю: учись рубкѣ. У насъ на Кавказѣ всѣ съ

дѣтства учатся. На прутьяхъ, на бараньихъ тушахъ, на водѣ...

- - А на людяхъ?—вставилъ Лбовъ.

— И на людяхъ, — спокойно отвѣтилъ Бекъ-Агамаловъ.—Да еще какъ рубятъ! Однимъ ударомъ разсѣкаютъ человѣка отъ плеча къ бедру, наискось. Вотъ это ударъ! А то, что и мараться.

— А ты, Бекъ, можешь такъ?

Бекъ-Агамаловъ вздохнулъ съ сожалѣніемъ.

— Нѣтъ, не могу... Барашка молодого пополамъ пересѣку... пробовалъ даже телячью тушу... а человѣка, пожалуй, нѣтъ... не разрублю. Голову снесу къ чорту, это я знаю, а такъ, чтобы наискось... нѣтъ. Мой отецъ это дѣлалъ легко...

— А ну-ка, господа, пойдемте, попробуемъ,—сказалъ Лбовъ молящимъ тономъ, съ загорѣвшимися глазами.— Бекъ, милочка, пожалуйста, пойдемъ...

Офицеры подошли къ глиняному чучелу. Первымъ рубилъ Вѣткинъ. Придавъ озвѣрѣлое выраженіе своему доброму, простоватому лицу, онъ изо всей силы, съ большимъ, неловкимъ размахомъ, ударилъ по глинѣ. Въ то же время онъ невольно издалъ горломъ тотъ характерный звукъ—хрясь!—который дѣлаютъ мясники, когда рубятъ говядину. Лезвее вошло въ глину на четверть аршина, и Вѣткинъ съ трудомъ вывязилъ его оттуда.

— Плохо!—замѣтилъ, покачавъ головой, Бекъ-Агамаловъ. — Вы, Ромашовъ...

Ромашовъ вытащилъ шашку изъ ноженъ и сконфуженно поправилъ рукой очки. Онъ былъ средняго роста, худощавъ, и хотя довольно силенъ для своего сложенія, но, отъ большой застѣнчивости, неловокъ. Фехтовать на эспадронахъ онъ не умѣлъ даже въ училищѣ, а за полтора года службы и совсѣмъ забылъ это искусство. Занеся высоко надъ головой оружіе, онъ въ

то же время инстинктивно выставилъ впередъ лѣвую руку.

— Руку!—крикнулъ Бекъ-Агамаловъ.

Но было уже поздно. Конецъ шашки только лишь слегка черкнулъ по глинѣ. Ожидавшій бо́льшаго сопротивленія, Ромашовъ потерялъ равновѣсіе и пошатнулся. Лезвее шашки, ударившись объ его вытянутую впередъ руку, сорвало лоскутокъ кожи у основанія указательнаго пальца. Брызнула кровь.

— Эхъ! Вотъ видите! — воскликнулъ сердито Бекъ-Агамаловъ, слѣзая съ лошади. — Такъ и руку недолго отрубить. Развѣ же можно такъ обращаться съ оружіемъ? Да ничего, пустяки, завяжите платкомъ потуже. Институтка. Подержи коня, фендрикъ. Вотъ, смотрите. Главная суть удара не въ плечѣ и не въ локтѣ, а вотъ здѣсь, въ сгибѣ кисти.—Онъ сдѣлалъ нѣсколько быстрыхъ кругообразныхъ движеній кистью правой руки, и клинокъ шашки превратился надъ его головой въ одинъ сплошной сверкающій кругъ.—Теперь глядите: лѣвую руку я убираю назадъ, за спину. Когда вы наносите ударъ, то не бейте и не рубите предметъ, а рѣжьте его, какъ бы пилите, отдергивайте шашку назадъ... Понимаете? И при томъ помните твердо: плоскость шашки должна быть непремѣнно наклонна къ плоскости удара, непремѣнно. Отъ этого уголъ становится острѣе. Вотъ, смотрите

Бекъ-Агамаловъ отошелъ на два шага отъ глинянаго болвана, впился въ него острымъ, прицѣливающимся взглядомъ и вдругъ, блеснувъ шашкой высоко въ воздухѣ, страшнымъ, неуловимымъ для глазъ движеніемъ, весь упавъ напередъ, нанесъ быстрый ударъ. Ромашовъ слышалъ только, какъ пронзительно свистнулъ разрѣзанный воздухъ, и тотчасъ же верхняя половина чучела мягко и тяжело шлепнулась на землю. Плоскость отрѣза была гладка, точно отполированная.

— Ахъ, чортъ! Вотъ это ударъ!—воскликнулъ восхищенный Лбовъ.—Бекъ, голубчикъ, пожалуйста, еще разъ.

— А ну-ка, Бекъ, еще,—попросилъ Вѣткинъ.

Но Бекъ-Агамаловъ, точно боясь испортить произведенный эффектъ, улыбаясь, вкладывалъ шашку въ ножны. Онъ тяжело дышалъ, и весь онъ въ эту минуту, съ широко раскрытыми злобными глазами, съ горбатымъ носомъ и съ оскаленными зубами, былъ похожъ на какую-то хищную, злую и гордую птицу.

— Это что? Это развѣ рубка?—говорилъ онъ съ напускнымъ пренебреженіемъ.—Моему отцу, на Кавказѣ, было шестьдесятъ лѣтъ, а онъ лошади перерубалъ шею. Пополамъ! Надо, дѣти мои, постоянно упражняться. У насъ вотъ какъ дѣлаютъ: поставятъ ивовый прутъ въ тиски и рубятъ, или воду пустятъ сверху тоненькой струйкой и рубятъ. Если нѣтъ брызговъ, значитъ, ударъ былъ вѣрный. Ну, Лбовъ, теперь ты.

Къ Вѣткину подбѣжалъ съ испуганнымъ видомъ унтеръ-офицеръ Бобылевъ.

— Ваше благородіе... Командиръ полка ѣдутъ!

— Сми-ирррна!—закричалъ протяжно, строго и возбужденно капитанъ Слива съ другого конца площади.

Офицеры торопливо разошлись по своимъ взводамъ.

Большая неуклюжая коляска медленно съѣхала съ шоссе на плацъ и остановилась. Изъ нея съ одной стороны тяжело вылѣзъ, наклонивъ весь кузовъ набокъ, полковой командиръ а съ другой легко соскочилъ на землю полковой адъютантъ, штабсъ-капитанъ Федоровскій — высокій, щеголеватый офицеръ.

— Здорово, шестая!—послышался густой, спокойный голосъ полковника.

Солдаты громко и нестройно закричали съ разныхъ угловъ плаца:

— Здравія желаемъ, ваш-о-о-о!

Офицеры приложили руки къ козырькамъ фуражекъ.

— Прошу продолжать занятія,—сказалъ командиръ полка и подошелъ къ ближайшему взводу.

Полковникъ Шульговичъ былъ сильно не въ духѣ. Онъ обходилъ взводы, предлагалъ солдатамъ вопросы изъ гарнизонной службы и время отъ времени ругался матерными словами съ той особенной молодеческой виртуозностью, которая въ этихъ случаяхъ присуща старымъ фронтовымъ служакамъ. Солдатъ точно гипнотизировалъ пристальный, упорный взглядъ его старчески-блѣдныхъ, выцвѣтшихъ, строгихъ глазъ, и они смотрѣли на него, не моргая, едва дыша, вытягиваясь въ ужасѣ всѣмъ тѣломъ. Полковникъ былъ огромный, тучный, осанистый старикъ. Его мясистое лицо, очень широкое въ скулахъ, суживалось вверхъ, ко лбу, а внизу переходило въ густую серебряную бороду заступомъ, и такимъ образомъ имѣло форму большого, тяжелаго ромба. Брови были сѣдыя, лохматыя, грозныя. Говорилъ онъ, почти не повышая тона, но каждый звукъ его необыкновеннаго, знаменитаго въ дивизіи голоса — голоса, которымъ онъ, кстати сказать, сдѣлалъ всю свою служебную карьеру— былъ ясно слышенъ въ самыхъ дальнихъ мѣстахъ обширнаго плаца и даже по шоссе.

— Ты кто такой?—отрывисто спросилъ полковникъ, внезапно остановившись передъ молодымъ солдатомъ Шарафутдиновымъ, стоявшимъ у гимнастическаго забора.

— Рядовой шестой роты Шарафутдиновъ, ваша высокоблагородія!—старательно, хрипло крикнулъ татаринъ.

— Дуракъ! Я тебя спрашиваю, на какой постъ ты наряженъ?

Солдатъ, растерявшись отъ окрика и сердитаго командирскаго вида, молчалъ и только моргалъ вѣками.

— Н-ну?—возвысилъ голосъ Шульговичъ.

— Который лицо часовой... неприкосновенно...—залепеталъ наобумъ татаринъ. — Не могу знать, ваша высокоблагородія,—закончилъ онъ вдругъ тихо и рѣшительно.

Полное лицо командира покраснѣло густымъ кирпичнымъ, старческимъ румянцемъ, а его кустистыя брови гнѣвно сдвинулись. Онъ обернулся вокругъ себя и рѣзко спросилъ:

— Кто здѣсь младшій офицеръ?

Ромашовъ выдвинулся впередъ и приложилъ руку къ фуражкѣ.

— Я, г. полковникъ.

— А-а! Подпоручикъ Ромашовъ. Хорошо вы, должно-быть, занимаетесь съ людьми. Колѣни вмѣстѣ! — гаркнулъ вдругъ Шульговичъ, выкатывая глаза.—Какъ стоите въ присутствіи своего полкового командира? Капитанъ Слива, ставлю вамъ на видъ, что вашъ субалтернъ-офицеръ не умѣетъ себя держать передъ начальствомъ при исполненіи служебныхъ обязанностей... Ты, собачья душа, — повернулся Шульговичъ къ Шарафутдинову:— кто у тебя полковой командиръ?

— Не могу знать,—отвѣтилъ съ унынiемъ, но поспѣшно и твердо татаринъ.

— У!..... Я тебя спрашиваю, кто твой командиръ полка? Кто—я? Понимаешь, я, я, я, я, я!.. — И Шульговичъ нѣсколько разъ изо всей силы ударилъ себя ладонью по груди.

— Не могу знать...

— .....—... — выругался полковникъ длинной, въ двадцать словъ, запутанной и циничной фразой. — Капитанъ Слива, извольте сейчасъ же поставить этого сукина сына подъ ружье съ полной выкладкой. Пусть стоитъ, каналья, подъ ружьемъ. Вы, подпоручикъ, больше о бабьихъ хвостахъ думаете, чѣмъ о службѣ-съ.

Вальсы танцуете? Поль-де-Коковъ читаете?.. Что же это — солдатъ, по-вашему?—ткнулъ онъ пальцемъ въ губы Шарафутдинову.—Это—срамъ, позоръ, омерзѣніе, а не солдатъ. Фамилію своего полкового командира не знаетъ... У-д-ди-вляюсь вамъ, подпоручикъ!..

Ромашовъ глядѣлъ въ сѣдое, красное, раздраженное лицо и чувствовалъ, какъ у него отъ обиды и отъ волненія колотится сердце и темнѣетъ передъ глазами... И вдругъ, почти неожиданно для самого себя, онъ сказалъ глухо:

— Это—татаринъ, г. полковникъ. Онъ ничего не понимаетъ по-русски, и кромѣ того...

У Шульговича мгновенно поблѣднѣло лицо, запрыгали дряблыя щеки, и глаза сдѣлались совсѣмъ пустыми и страшными.

— Что?!—заревѣлъ онъ такимъ неестественно-оглушительнымъ голосомъ, что еврейскіе мальчишки, сидѣвшіе около шоссе на заборѣ, посыпались, какъ воробьи, въ разныя стороны. — Что? Разговаривать? Ма-ал-чать! Молокососъ, прапорщикъ позволяетъ себѣ... Поручикъ Федоровскій, объявите въ сегодняшнемъ приказѣ о томъ, что я подвергаю подпоручика Ромашова домашнему аресту на четверо сутокъ за непониманіе воинской дисциплины. А капитану Сливѣ объявляю строгій выговоръ за то, что не умѣетъ внушить своимъ младшимъ офицерамъ настоящихъ понятій о служебномъ долгѣ.

Адъютантъ съ почтительнымъ и безстрастнымъ видомъ отдалъ честь. Слива, сгорбившись, стоялъ съ деревяннымъ, ничего не выражающимъ лицомъ и все время держалъ трясущуюся руку у козырька фуражки.

— Стыдно вамъ-съ, капитанъ Слива-съ, — ворчалъ Шульговичъ, постепенно успокаиваясь. — Одинъ изъ лучшихъ офицеровъ въ полку, старый служака — и такъ распускаете молодежь. Подтягивайте ихъ, жучьте ихъ

безъ стѣсненія. Нечего съ ними стѣсняться. Не барышни, не размокнутъ...

Онъ круто повернулся и, въ сопровожденіи адъютанта, пошелъ къ коляскѣ. И пока онъ садился, пока коляска повернула на шоссе и скрылась за зданіемъ ротной школы, — на плацу стояла робкая, недоумѣлая тишина.

— Эхъ, ба-тень-ка! — съ презрѣніемъ, сухо и недружелюбно сказалъ Слива нѣсколько минутъ спустя, когда офицеры расходились по домамъ. — Дернуло васъ разговаривать. Стояли бы и молчали, если ужъ Богъ убилъ. Теперь вотъ мнѣ изъ-за васъ въ приказѣ выговоръ. И на кой мнѣ чортъ васъ въ роту прислали? Нужны вы мнѣ, какъ собакѣ пятая нога. Вамъ бы сиську сосать, а не...

Онъ не договорилъ, устало махнулъ рукой и, повернувшись спиной къ молодому офицеру, весь сгорбившись, опустившись, поплелся домой, въ свою грязную, старческую холостую квартиру. Ромашовъ поглядѣлъ ему вслѣдъ, на его унылую, узкую и длинную спину, и вдругъ почувствовалъ, что въ его сердцѣ, сквозь горечь недавней обиды и публичнаго позора, шевелится сожалѣніе къ этому одинокому, огрубѣвшему, никѣмъ не любимому человѣку, у котораго во всемъ мірѣ остались только двѣ привязанности: строевая красота своей роты и тихое, уединенное ежедневное пьянство по вечерамъ — «до подушки», какъ выражались въ полку старые запойные бурбоны.

И такъ какъ у Ромашова была немножко смѣшная, наивная привычка, часто свойственная очень молодымъ людямъ, думать о самомъ себѣ въ третьемъ лицѣ, словами шаблонныхъ романовъ, то и теперь онъ произнесъ внутренно:

«Его добрые, выразительные глаза подернулись облакомъ грусти»...

II.

Солдаты разошлись повзводно на квартиры. Плацъ опустѣлъ. Ромашовъ нѣкоторое время стоялъ въ нерѣшимости на шоссе. Уже не въ первый разъ за полтора года своей офицерской службы испытывалъ онъ это мучительное сознаніе своего одиночества и затерянности среди чужихъ, недоброжелательныхъ или равнодушныхъ людей, — это тоскливое чувство незнанія, куда дѣвать сегодняшній вечеръ. Мысли о своей квартирѣ, объ офицерскомъ собраніи были ему противны. Въ собраніи теперь пустота; навѣрно, два подпрапорщика играютъ на скверномъ, маленькомъ бильярдѣ, пьютъ пиво, курятъ и надъ каждымъ шаромъ ожесточенно божатся и сквернословятъ; въ комнатахъ стоитъ застарѣлый запахъ плохого кухмистерскаго обѣда — скучно!..

«Пойду на вокзалъ, — сказалъ самъ себѣ Ромашовъ. — Все равно».

Въ бѣдномъ еврейскомъ мѣстечкѣ не было ни одного ресторана. Клубы, какъ военный, такъ и гражданскій, находились въ самомъ жалкомъ, запущенномъ видѣ, и поэтому вокзалъ служилъ единственнымъ мѣстомъ, куда обыватели ѣздили частенько покутить и встряхнуться и даже поиграть въ карты. Ѣздили туда и дамы къ приходу пассажирскихъ поѣздовъ, что̀ служило маленькимъ разнообразіемъ въ глубокой скукѣ провинціальной жизни.

Ромашовъ любилъ ходить на вокзалъ по вечерамъ, къ курьерскому поѣзду, который останавливался здѣсь въ послѣдній разъ передъ прусской границей. Со страннымъ очарованіемъ, взволнованно слѣдилъ онъ, какъ къ станціи, стремительно выскочивъ изъ-за поворота, подлеталъ на всѣхъ парахъ этотъ поѣздъ, состоявшій всего изъ пяти новенькихъ, блестящихъ вагоновъ, какъ быстро

росли и разгорались его огненные глаза, бросавшіе впередъ себя на рельсы свѣтлыя пятна, и какъ онъ, уже готовый проскочить станцію, мгновенно, съ шипѣніемъ и грохотомъ, останавливался — «точно великанъ, ухватившійся съ разбѣга за скалу», — думалъ Ромашовъ. Изъ вагоновъ, сіяющихъ насквозь веселыми праздничными огнями, выходили красивыя, нарядныя и выхоленныя дамы въ удивительныхъ шляпахъ, въ необыкновенно изящныхъ костюмахъ, выходили штатскіе господа, прекрасно одѣтые, беззаботно самоувѣренные, съ громкими барскими голосами, съ французскимъ и нѣмецкимъ языкомъ, съ свободными жестами, съ лѣнивымъ смѣхомъ. Никто изъ нихъ никогда, даже мелькомъ, не обращалъ вниманія на Ромашова, но онъ видѣлъ въ нихъ кусочекъ какого-то недоступнаго, изысканнаго, великолѣпнаго міра, гдѣ жизнь — вѣчный праздникъ и торжество...

Проходило восемь минутъ. Звенѣлъ звонокъ, свистѣлъ паровозъ, и сіяющій поѣздъ отходилъ отъ станціи. Торопливо тушились огни на перронѣ и въ буфетѣ. Сразу наступали темныя будни. И Ромашовъ всегда подолгу съ тихой, мечтательной грустью слѣдилъ за краснымъ фонарикомъ, который плавно раскачивался сзади послѣдняго вагона, уходя во мракъ ночи и становясь едва замѣтной искоркой.

«Пойду на вокзалъ», — подумалъ Ромашовъ. Но тотчасъ же онъ поглядѣлъ на свои калоши и покраснѣлъ отъ колючаго стыда. Это были тяжелыя резиновыя калоши въ полторы четверти глубиной, облѣпленныя доверху густой, какъ тѣсто, черной грязью. Такія калоши носили всѣ офицеры въ полку. Потомъ онъ посмотрѣлъ на свою шинель, обрѣзанную, тоже ради грязи, по колѣни, съ висящей внизу бахромой, съ засаленными и растянутыми петлями, и вздохнулъ. На прошлой недѣлѣ, когда онъ проходилъ по платформѣ мимо того же курьерскаго

поѣзда, онъ замѣтилъ высокую, стройную, очень красивую даму въ черномъ платьѣ, стоявшую въ дверяхъ вагона I-го класса. Она была безъ шляпы, и Ромашовъ быстро, но отчетливо успѣлъ разглядѣть ея тонкій, правильный носъ, прелестныя маленькія и полныя губы и блестящіе черные волнистые волосы, которые отъ прямого пробора по срединѣ головы спускались внизъ къ щекамъ, закрывая виски, концы бровей и уши. Сзади нея, выглядывая изъ-за ея плеча, стоялъ рослый молодой человѣкъ въ свѣтлой парѣ, съ надменнымъ лицомъ и съ усами вверхъ, какъ у императора Вильгельма, даже похожій нѣсколько на Вильгельма. Дама тоже посмотрѣла на Ромашова и, какъ ему показалось, посмотрѣла пристально, со вниманіемъ, и, проходя мимо нея, подпоручикъ подумалъ, по своему обыкновенію: «Глаза прекрасной незнакомки съ удовольствіемъ остановились на стройной, худощавой фигурѣ молодого офицера». Но когда, пройдя десять шаговъ, Ромашовъ внезапно обернулся назадъ, чтобы еще разъ встрѣтить взглядъ красивой дамы, онъ увидѣлъ, что и она и ея спутникъ съ увлеченіемъ смѣются, глядя ему вслѣдъ. Тогда Ромашовъ вдругъ съ поразительной ясностью и какъ будто со стороны представилъ себѣ самого себя, свои калоши, шинель, блѣдное лицо, близорукость, свою обычную растерянность и неловкость, вспомнилъ свою только-что сейчасъ подуманную красивую фразу и покраснѣлъ мучительно, до острой боли, отъ нестерпимаго стыда. И даже теперь, идя одинъ въ полутьмѣ весенняго вечера, онъ опять еще разъ покраснѣлъ отъ стыда за этотъ прошлый стыдъ.

— Нѣтъ, куда ужъ на вокзалъ, — прошепталъ съ горькой безнадежностью Ромашовъ. — Похожу немного, а потомъ домой...

Было начало апрѣля. Сумерки сгущались незамѣтно для глаза. Тополи, окаймлявшіе шоссе, бѣлые, низкіе

домики съ черепичными крышами по сторонамъ дороги, фигуры рѣдкихъ прохожихъ, — все почернѣло, утратило цвѣта и перспективу; всѣ предметы обратились въ черные плоскіе силуэты, но очертанія ихъ съ прелестной четкостью стояли въ смугломъ воздухѣ. На западѣ за городомъ горѣла заря. Точно въ жерло раскаленнаго, пылающаго жидкимъ золотомъ вулкана сваливались тяжелыя сизыя облака и рдѣли кроваво-красными, и янтарными, и фіолетовыми огнями. А надъ вулканомъ поднималось куполомъ вверхъ, зеленѣя бирюзой и аквамариномъ, кроткое, вечернее, весеннее небо.

Медленно идя по шоссе, съ трудомъ волоча ноги въ огромныхъ калошахъ, Ромашовъ неотступно глядѣлъ на этотъ волшебный пожаръ. Какъ и всегда, съ самаго дѣтства, ему чудилась за яркой вечерней зарей какая-то таинственная, свѣтозарная жизнь. Точно тамъ, далеко-далеко за облаками и за горизонтомъ, пылалъ подъ невидимымъ отсюда солнцемъ чудесный, ослѣпительно-прекрасный городъ, скрытый отъ глазъ тучами, проникнутыми внутреннимъ огнемъ. Тамъ сверкали нестерпимымъ блескомъ мостовыя изъ золотыхъ плитокъ, возвышались причудливые купола и башни съ пурпурными крышами, сверкали брильянты въ окнахъ, трепетали въ воздухѣ яркіе разноцвѣтные флаги. И чудилось, что въ этомъ далекомъ и сказочномъ городѣ живутъ радостные, ликующіе люди, вся жизнь которыхъ похожа на сладкую музыку, у которыхъ даже задумчивость, даже грусть — очаровательно-нѣжны и прекрасны. Ходятъ они по сіяющимъ площадямъ, по тѣнистымъ садамъ, между цвѣтами и фонтанами, ходятъ, богоподобные, свѣтлые, полные неописуемой радости, не знающіе преградъ въ счастіи и желаніяхъ, не омраченные ни скорбью, ни стыдомъ, ни заботой...

Неожиданно вспомнилась Ромашову недавняя сцена на

плацу, грубые крики полкового командира, чувство пережитой обиды, чувство острой и въ то же время мальчишеской неловкости передъ солдатами. Всего больнѣе было для него то, что на него кричали совсѣмъ точно такъ же, какъ и онъ иногда кричалъ на этихъ молчаливыхъ свидѣтелей его сегодняшняго позора, и въ этомъ сознаніи было что-то уничтожавшее разницу положеній, что-то принижавшее его офицерское и, какъ онъ думалъ, человѣческое достоинство.

И въ немъ тотчасъ же, точно въ мальчикѣ — въ немъ и въ самомъ дѣлѣ осталось еще много ребяческаго — закипѣли мстительныя, фантастическія, опьяняющія мечты. «Глупости! Вся жизнь передо мной! — думалъ Ромашовъ, и, въ увлеченіи своими мыслями, онъ зашагалъ бодрѣе и задышалъ глубже. — Вотъ, на зло имъ всѣмъ, завтра же съ утра засяду за книги, подготовлюсь и поступлю въ академію. Трудъ! О, трудомъ можно сдѣлать все, что̀ захочешь. Взять только себя въ руки. Буду зубрить, какъ бѣшеный... И вотъ, неожиданно для всѣхъ, я выдерживаю блистательно экзаменъ. И тогда навѣрно всѣ они скажутъ: «Что̀ же тутъ такого удивительнаго? Мы были заранѣе въ этомъ увѣрены. Такой способный, милый, талантливый молодой человѣкъ».

И Ромашовъ поразительно-живо увидѣлъ себя ученымъ офицеромъ генеральнаго штаба, подающимъ громадныя надежды... Имя его записано въ академіи на золотую доску. Профессора сулятъ ему блестящую будущность, предлагаютъ остаться при академіи, но — нѣтъ — онъ идетъ въ строй. Надо отбывать срокъ командованія ротой. Непремѣнно, ужъ непремѣнно въ своемъ полку. Вотъ онъ пріѣзжаетъ сюда — изящный, снисходительно-небрежный, корректный и дерзко-вѣжливый, какъ тѣ офицеры генеральнаго штаба, которыхъ онъ видѣлъ на прошлогоднихъ большихъ маневрахъ и на

съемкахъ. Отъ общества офицеровъ онъ сторонится. Грубыя армейскія привычки, фамильярность, карты, попойки — нѣтъ, это не для него: онъ помнитъ, что здѣсь только этапъ на пути его дальнѣйшей карьеры и славы.

Вотъ начались маневры. Большой двухсторонній бой. Полковникъ Шульговичъ не понимаетъ диспозиціи, путается, суетитъ людей и самъ суетится, — ему уже дѣлалъ два раза замѣчаніе черезъ ординарцевъ командиръ корпуса. «Ну, капитанъ, выручайте, — обращается онъ къ Ромашову. — Знаете, по старой дружбѣ. Помните, хе-хе-хе, какъ мы съ вами ссорились? Ужъ, пожалуйста». Лицо сконфуженное и заискивающее. Но Ромашовъ, безукоризненно отдавая честь и подавшись впередъ на сѣдлѣ, отвѣчаетъ съ спокойно-высокомѣрнымъ видомъ: «Виноватъ, г. полковникъ... Это — ваша обязанность распоряжаться передвиженіями полка. Мое дѣло — принимать приказанія и исполнять ихъ...» А ужъ отъ командира корпуса летитъ третій ординарецъ съ новымъ выговоромъ.

Блестящій офицеръ генеральнаго штаба Ромашовъ идетъ все выше и выше по пути служебной карьеры... Вотъ вспыхнуло возмущеніе рабочихъ на большомъ сталелитейномъ заводѣ. Спѣшно вытребована рота Ромашова. Ночь, зарево пожара, огромная воющая толпа, летятъ камни... Стройный, красивый капитанъ выходитъ впередъ роты. Это — Ромашовъ. «Братцы, — обращается онъ къ рабочимъ: — въ третій и послѣдній разъ предупреждаю, что буду стрѣлять!..» Крики, свистъ, хохотъ... Камень ударяетъ въ плечо Ромашову, но его мужественное, открытое лицо остается спокойнымъ. Онъ поворачивается назадъ, къ солдатамъ, у которыхъ глаза пылаютъ гнѣвомъ, потому что обидѣли ихъ обожаемаго начальника. «Прямо по толпѣ, пальба ротою... Рота-а, пли!..» Сто выстрѣловъ сливаются въ одинъ... Ревъ

ужаса. Десятки мертвыхъ и раненыхъ валятся въ кучу... Остальные бѣгутъ въ безпорядкѣ, нѣкоторые становятся на колѣни, умоляя о пощадѣ. Бунтъ усмиренъ. Ромашова ждетъ впереди благодарность начальства и награда за примѣрное мужество.

А тамъ война... Нѣтъ, до войны лучше Ромашовъ поѣдетъ военнымъ шпіономъ въ Германію. Изучитъ нѣмецкій языкъ до полнаго совершенства и поѣдетъ. Какая упоительная отвага! Одинъ, совсѣмъ одинъ, съ нѣмецкимъ паспортомъ въ карманѣ, съ шарманкой за плечами. Обязательно съ шарманкой. Ходитъ изъ города въ городъ, вертитъ ручку шарманки, собираетъ пфенниги, притворяется дуракомъ и въ то же время потихоньку снимаетъ планы укрѣпленій, складовъ, казармъ, лагерей. Кругомъ вѣчная опасность. Свое правительство отступилось отъ него, онъ внѣ законовъ. Удастся ему достать цѣнныя свѣдѣнія — у него деньги, чины, положеніе, извѣстность, нѣтъ — его разстрѣляютъ безъ суда, безъ всякихъ формальностей, рано утромъ во рву какого-нибудь косого капонира. Вотъ ему сострадательно предлагаютъ завязать глаза косынкой, но онъ съ гордостью швыряетъ ее на землю. «Развѣ вы думаете, что настоящій офицеръ боится поглядѣть въ лицо смерти?» Старый полковникъ говоритъ участливо: «Послушайте, вы молоды, мой сынъ въ такомъ же возрастѣ, какъ и вы. Назовите вашу фамилію, назовите только вашу національность, и мы замѣнимъ вамъ смертную казнь заключеніемъ». Но Ромашовъ перебиваетъ его съ холодной вѣжливостью: «Это напрасно, полковникъ, благодарю васъ. Дѣлайте свое дѣло». Зачѣмъ онъ обращается ко взводу стрѣлковъ. «Солдаты, — говоритъ онъ твердымъ голосомъ, конечно, по-нѣмецки:—прошу васъ о товарищеской услугѣ: цѣльтесь въ сердце!» Чувствительный лейтенантъ, едва скрывая слезы, машетъ бѣлымъ платкомъ. Залпъ...

Эта картина вышла въ воображеніи такой живой и яркой, что Ромашовъ, уже давно шагавшій частыми, большими шагами и глубоко дышавшій, вдругъ задрожалъ и въ ужасѣ остановился на мѣстѣ со сжатыми судорожно кулаками и бьющимся сердцемъ. Но тотчасъ же, слабо и виновато улыбнувшись самому себѣ въ темнотѣ, онъ съежился и продолжалъ путь.

Но скоро быстрыя, какъ потокъ, неодолимыя мечты опять овладѣли имъ. Началась ожесточенная, кровопролитная война съ Пруссіей и Австріей. Огромное поле сраженія, трупы, гранаты, кровь, смерть! Это генеральный бой, рѣшающій всю судьбу кампаніи. Подходятъ послѣдніе резервы, ждутъ съ минуты на минуту появленія въ тылу непріятеля обходной русской колонны. Надо выдержать ужасный натискъ врага, надо отстояться во что бы то ни стало. И самый страшный огонь, самыя яростныя усилія непріятеля направлены на Керенскій полкъ. Солдаты дерутся, какъ львы, они ни разу не поколебались, хотя ряды ихъ съ каждой секундой таютъ подъ градомъ вражескихъ выстрѣловъ. Историческій моментъ! Продержаться бы еще минуту, двѣ, — и побѣда будетъ вырвана у противника. Но полковникъ Шульговичъ въ смятеніи; онъ храбръ — это безспорно, но его нервы не выдерживаютъ этого ужаса. Онъ закрываетъ глаза, содрогается, блѣднѣетъ... Вотъ онъ уже сдѣлалъ знакъ горнисту играть отступленіе, вотъ уже солдатъ приложилъ рожокъ къ губамъ, но въ эту секунду изъ-за холма на взмыленной арабской лошади вылетаетъ начальникъ дивизіоннаго штаба, полковникъ Ромашовъ. «Полковникъ, не смѣть отступать! Здѣсь рѣшается судьба Россіи!..» Шульговичъ вспыхиваетъ: «Полковникъ! Здѣсь я командую, и я отвѣчаю передъ Богомъ и государемъ! Горнистъ, отбой!» Но Ромашовъ уже выхватилъ изъ рукъ трубача рожокъ. «Ребята, впередъ! Царь и родина смот-

рятъ на васъ! Ура!» Бѣшено, съ потрясающимъ крикомъ ринулись солдаты впередъ, вслѣдъ за Ромашовымъ. Все смѣшалось, заволоклось дымомъ, покатилось куда-то въ пропасть. Непріятельскіе ряды дрогнули и отступаютъ въ безпорядкѣ. А сзади ихъ, далеко за холмами уже блестятъ штыки свѣжей, обходной колонны. «Ура, братцы, побѣда!..»

Ромашовъ, который теперь уже не шелъ, а бѣжалъ, оживленно размахивая руками, вдругъ остановился и съ трудомъ пришелъ въ себя. По его спинѣ, по рукамъ и ногамъ, подъ одеждой, по голому тѣлу, казалось, бѣгали чьи-то холодные пальцы, волосы на головѣ шевелились, глаза рѣзало отъ восторженныхъ слезъ. Онъ и самъ не замѣтилъ, какъ дошелъ до своего дома, и теперь, очнувшись отъ пылкихъ грезъ, съ удивленіемъ глядѣлъ на хорошо знакомыя ему ворота, на жидкій фруктовый садъ за ними и на бѣлый крошечный флигелекъ въ глубинѣ сада.

— Какія однако глупости лѣзутъ въ башку! — прошепталъ онъ сконфуженно. И его голова робко ушла въ приподнятыя кверху плечи.

III.

Придя къ себѣ, Ромашовъ, какъ былъ въ пальто, не снявъ даже шашки, легъ на кровать и долго лежалъ, не двигаясь, тупо и пристально глядя въ потолокъ. У него болѣла голова и ломило спину, а въ душѣ была такая пустота, точно тамъ никогда не рождалось ни мыслей, ни воспоминаній, ни чувствъ: не ощущалось даже ни раздраженія ни скуки, а просто лежало что-то большое, темное и равнодушное.

За окномъ мягко гасли грустныя и нѣжныя зеленоватыя апрѣльскія сумерки. Въ сѣняхъ тихо возился денщикъ, осторожно гремя чѣмъ-то металлическимъ.

«Вотъ странно, — говорилъ про себя Ромашовъ: — гдѣ-то я читалъ, что человѣкъ не можетъ ни одной секунды не думать. А я вотъ лежу и ни о чемъ не думаю. Такъ ли это? Нѣтъ, я сейчасъ думалъ о томъ, что ничего не думаю, — значитъ, все-таки какое-то колесо въ мозгу вертѣлось. И вотъ сейчасъ опять провѣряю себя, стало-быть, опять-таки думаю...»

И онъ до тѣхъ поръ разбирался въ этихъ нудныхъ, запутанныхъ мысляхъ, пока ему вдругъ не стало почти физически противно: какъ будто у него подъ черепомъ расплылась сѣрая, грязная паутина, отъ которой никакъ нельзя было освободиться. Онъ поднялъ голову съ подушки и крикнулъ:

— Гайнàнъ!..

Въ сѣняхъ что-то грохнуло и покатилось — должно-быть, самоварная труба. Въ комнату ворвался денщикъ, такъ быстро и съ такимъ шумомъ отворивъ и затворивъ дверь, точно за нимъ гнались сзади.

— Я, ваше благородіе! — крикнулъ Гайнàнъ испуганнымъ голосомъ.

— Отъ поручика Николаева никто не былъ?

— Никакъ нѣтъ, ваше благородіе! — крикнулъ Гайнàнъ.

Между офицеромъ и денщикомъ давно уже установились простыя, довѣрчивыя, даже нѣсколько любовно-фамильярныя отношенія. Но когда дѣло доходило до казенныхъ официальныхъ отвѣтовъ, въ родѣ «точно такъ», «никакъ нѣтъ», «здравія желаю», «не могу знать», то Гайнàнъ невольно выкрикивалъ ихъ тѣмъ деревяннымъ, сдавленнымъ, безсмысленнымъ крикомъ, какимъ всегда говорятъ солдаты съ офицерами въ строю. Это была безсознательная привычка, которая въѣлась въ него съ первыхъ дней его новобранства и, вѣроятно, засѣла на всю жизнь.

Гайнàнъ былъ родомъ черемисъ, а по религіи — идолопоклонникъ. Послѣднее обстоятельство почему-то очень льстило Ромашову. Въ полку между молодыми офицерами была распространена довольна наивная, мальчишеская, смѣхотворная игра: обучать денщиковъ разнымъ диковиннымъ, необыкновеннымъ вещамъ. Вѣткинъ, напримѣръ, когда къ нему приходили въ гости товарищи, обыкновенно спрашивалъ своего денщика-молдаванина: «А что, Бузескулъ, осталось у насъ въ погребѣ еще шампанское?» Бузескулъ отвѣчалъ на это совершенно серьезно: «Никакъ нѣтъ, ваше благородіе, вчера изволили выпить послѣднюю дюжину». Другой офицеръ, подпоручикъ Епифановъ, любилъ задавать своему денщику мудреные, пожалуй, врядъ ли ему самому понятные вопросы. «Какого ты мнѣнія, другъ мой, — спрашивалъ онъ: — о реставраціи монархическаго начала въ современной Франціи?» И денщикъ, не сморгнувъ, отвѣчалъ: «Точно такъ, ваше благородіе, это выходитъ очень хорошо». Поручикъ Бобетинскій училъ денщика катехизису, и тотъ безъ запинки отвѣчалъ на самые удивительные, оторванные отъ всего вопросы: «Почему сіе важно въ-третьихъ?»—«Сіе въ-третьихъ не важно», или— «Какого мнѣнія о семъ святая Церковь?»—«Святая Церковь о семъ умалчиваетъ». У него же денщикъ декламировалъ съ нелѣпыми трагическими жестами монологъ Пимена изъ «Бориса Годунова». Распространена была также манера заставлять денщиковъ говорить по-французски: бонжуръ, мусьё, боннъ нюитъ, мусьё, вуле ву дю те, мусьё,—и все въ томъ же родѣ, что придумывалось, какъ оттяжка, отъ скуки, отъ узости замкнутой жизни, отъ отсутствія другихъ интересовъ, кромѣ служебныхъ.

Ромашовъ часто разговаривалъ съ Гайнàномъ о его богахъ, о которыхъ, впрочемъ, самъ черемисъ имѣлъ довольно темныя и скудныя понятія, а также, въ особен-

ности, о томъ, какъ онъ принималъ присягу на вѣрность престолу и родинѣ. А принималъ онъ присягу дѣйствительно весьма оригинально. Въ то время, когда формулу присяги читалъ: православнымъ — священникъ, католикамъ — ксендзъ, евреямъ—раввинъ, протестантамъ, за неимѣніемъ пастора — штабсъ-капитанъ Дицъ, а магометанамъ — поручикъ Бекъ-Агамаловъ, — съ Гайнàномъ была совсѣмъ особая исторія. Полковой адъютантъ поднесъ поочередно ему и двумъ его землякамъ и единовѣрцамъ по куску хлѣба съ солью на остреѣ шашки, и тѣ, не касаясь хлѣба руками, взяли его ртомъ и тутъ же съѣли. Символическій смыслъ этого обряда былъ, кажется, таковъ: вотъ я съѣлъ хлѣбъ и соль на службѣ у новаго хозяина, — пусть же меня покараетъ желѣзо, если я буду невѣренъ. Гайнàнъ, повидимому, нѣсколько гордился этимъ исключительнымъ обрядомъ и охотно о немъ вспоминалъ. А такъ какъ съ каждымъ новымъ разомъ онъ вносилъ въ свой разсказъ все новыя и новыя подробности, то въ концѣ концовъ у него получилась какая-то фантастическая, невѣроятно-нелѣпая и, вправду, смѣшная сказка, весьма занимавшая Ромашова и приходившихъ къ нему подпоручиковъ.

Гайнàнъ и теперь думалъ, что поручикъ сейчасъ же начнетъ съ нимъ привычный разговоръ о богахъ и о присягѣ, и потому стоялъ и хитро улыбался въ ожиданіи. Но Ромашовъ сказалъ вяло:

— Ну, хорошо... ступай себѣ...

— Суртукъ тебѣ новый приготовить, ваше благородіе? — заботливо спросилъ Гайнàнъ.

Ромашовъ молчалъ и колебался. Ему хотѣлось сказать—да... потомъ—нѣтъ, потомъ опять—да. Онъ глубоко, по-дѣтски, въ нѣсколько пріемовъ, вздохнулъ и отвѣтилъ уныло:

— Нѣтъ ужъ, Гайнàнъ... зачѣмъ ужъ... Богъ съ

ними... Давай, братецъ, самоваръ, да потомъ сбѣгаешь въ собраніе за ужиномъ. Что ужъ!

«Сегодня нарочно не пойду, — упрямо, но безсильно подумалъ онъ. — Невозможно каждый день надоѣдать людямъ, да и... вовсе мнѣ тамъ, кажется, не рады».

Въ умѣ это рѣшеніе казалось твердымъ, но гдѣ-то глубоко и потаенно въ душѣ, почти не проникая въ сознаніе, копошилась увѣренность, что онъ сегодня, какъ и вчера, какъ дѣлалъ это почти ежедневно въ послѣдніе три мѣсяца, все-таки пойдетъ къ Николаевымъ. Каждый день, уходя отъ нихъ въ 12 часовъ ночи, онъ, со стыдомъ и раздраженіемъ на собственную безхарактерность, давалъ себѣ честное слово пропустить недѣлю или двѣ, а то и вовсе перестать ходить къ нимъ. И пока онъ шелъ къ себѣ, пока ложился въ постель, пока засыпалъ, онъ вѣрилъ тому, что ему будетъ легко сдержать свое слово. Но проходила ночь, медленно и противно влачился день, наступалъ вечеръ, и его опять неудержимо тянуло въ этотъ чистый, свѣтлый домъ, въ уютныя комнаты, къ этимъ спокойнымъ и веселымъ людямъ и, главное, къ сладостному обаянію женской красоты, ласки и кокетства.

Ромашовъ сѣлъ на кровати. Становилось темно, но онъ еще хорошо видѣлъ всю свою комнату. О, какъ надоѣло ему видѣть каждый день все тѣ же убогіе немногочисленные предметы его «обстановки». Лампа съ розовымъ колпакомъ-тюльпаномъ на крошечномъ письменномъ столѣ, рядомъ съ круглымъ, торопливо стучащимъ будильникомъ и чернильницей въ видѣ мопса; на стѣнѣ вдоль кровати войлочный коверъ съ изображеніемъ тигра и верхового арапа съ копьемъ; жиденькая этажерка съ книгами въ одномъ углу, а въ другомъ фантастическій силуэтъ віолончельнаго футляра; надъ единственнымъ окномъ соломенная штора, свернутая въ трубку; около двери простыня, закрывающая вѣшалку съ платьемъ. У

каждаго холостого офицера, у каждаго подпрапорщика были неизмѣнно точно такія же вещи, за исключеніемъ, впрочемъ, віолончели; ее Ромашовъ взялъ изъ полкового оркестра, гдѣ она была совсѣмъ ненужна, но, не выучивъ даже мажорной гаммы, забросилъ и ее и музыку еще годъ тому назадъ.

Годъ тому назадъ съ небольшимъ Ромашовъ, только-что выйдя изъ военнаго училища, съ наслажденіемъ и гордостью обзаводился этими пошлыми предметами. Конечно — своя квартира, собственныя вещи, возможность покупать, выбирать по своему усмотрѣнію, устраиваться по своему вкусу, — все это наполняло самолюбивымъ восторгомъ душу двадцатилѣтняго мальчика, вчера только сидѣвшаго на ученической скамейкѣ и ходившаго къ чаю и завтраку въ строю, вмѣстѣ съ товарищами. И какъ много было надеждъ и плановъ въ то время, когда покупались эти жалкіе предметы роскоши!.. Какая строгая программа жизни намѣчалась! Въ первые два года— основательное знакомство съ классической литературой, систематическое изученіе французскаго и нѣмецкаго языковъ, занятія музыкой. Въ послѣдній годъ — подготовка къ академіи. Необходимо было слѣдить за общественной жизнью, за литературой и наукой, и для этого Ромашовъ подписался на газету и на ежемѣсячный популярный журналъ. Для самообразованія были пріобрѣтены: «Психологія» Вундта, «Физіологія» Льюиса, «Самодѣятельность» Смайльса...

И вотъ книги лежатъ уже девять мѣсяцевъ на этажеркѣ, и Гайнанъ забываетъ сметать съ нихъ пыль, газеты съ неразорванными бандеролями валяются подъ письменнымъ столомъ, журналъ больше не высылаютъ за невзносъ очередной полугодовой платы, а самъ подпоручикъ Ромашовъ пьетъ много водки въ собраніи, имѣетъ длинную, грязную и скучную связь съ полковой дамой, съ которой вмѣстѣ обманываетъ ея чахоточнаго и ревни-

ваго мужа, играетъ въ штоссъ и все чаще и чаще тяготится и службой, и товарищами, и собственной жизнью.

— Виноватъ, ваше благородіе! — крикнулъ денщикъ, внезапно съ грохотомъ выскочивъ изъ сѣней. Но тотчасъ же онъ заговорилъ совершенно другимъ, простымъ и добродушнымъ тономъ:

— Забылъ сказать. Тебѣ отъ барыни Петерсонъ письма пришла. Денщикъ принесъ, велѣлъ тебѣ отвѣтъ писать.

Ромашовъ, поморщившись, разорвалъ длинный, узкій розовый конвертъ, на углу котораго летѣлъ голубь съ письмомъ въ клювѣ.

— Зажги лампу, Гайнанъ, — приказалъ онъ денщику.

«Милый, дорогой, усатенькій Жоржикъ, — читалъ Ромашовъ хорошо знакомыя ему, катящіяся внизъ, неряшливыя строки. — Ты не былъ у насъ вотъ уже цѣлую недѣлю, и я такъ за тобой скучилась, что всю прошлую ночь проплакала. Помни одно, что если ты хочешь съ меня смѣяться, то я этой измѣны не перенесу. Одинъ глотокъ съ пузырька съ морфіемъ, и я перестану навѣкъ страдать, а тебя сгрызетъ совѣсть. Приходи непремѣнно сегодня въ 7½ часовъ вечера. Его не будетъ дома, онъ будетъ на тактическихъ занятіяхъ, и я тебя крѣпко, крѣпко, крѣпко расцѣлую, какъ только смогу. Приходи же. Цѣлую тебя 1000000000... разъ. Вся твоя Раиса.

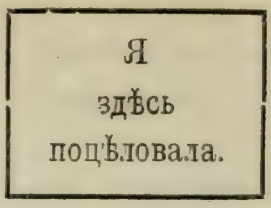
«PS. Помнишь ли, милая, вѣтки могучія
Ивы надъ этой рѣкой,
Ты мнѣ дарила лобзанія жгучія,
Ихъ раздѣлялъ я съ тобой.

Р.

«PPS. Вы непремѣнно, непремѣнно должны быть въ собраніи на вечерѣ въ слѣдующую субботу. Я васъ заранѣе приглашаю на 3-ю кадриль. По значенію!!!!!!

«R. P.»

И наконецъ, въ самомъ низу четвертой страницы было изображено слѣдующее:



Отъ письма пахло знакомыми духами — персидской сиренью, капли этихъ духовъ желтыми пятнами засохли кое-гдѣ на бумагѣ, и подъ ними многія буквы расплылись въ разныя стороны. Этотъ приторный запахъ, вмѣстѣ съ пошло-игривымъ тономъ письма, вмѣстѣ съ выплывшимъ въ воображеніи рыжеволосымъ, маленькимъ, лживымъ лицомъ, вдругъ поднялъ въ Ромашовѣ нестерпимое отвращеніе. Онъ со злобнымъ наслажденіемъ разорвалъ письмо пополамъ, потомъ сложилъ и разорвалъ на четыре части, и еще, и еще, и когда наконецъ рукамъ стало трудно рвать, бросилъ клочки подъ столъ, крѣпко стиснувъ и оскаливъ зубы. И все-таки Ромашовъ въ эту секунду успѣлъ по своей привычкѣ подумать о самомъ себѣ картинно въ третьемъ лицѣ:

«И онъ разсмѣялся горькимъ, презрительнымъ смѣхомъ».

Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ сейчасъ же понялъ, что непремѣнно пойдетъ къ Николаевымъ. «Но это ужъ въ самый, самый послѣдній разъ!» — пробовалъ онъ обмануть самого себя. И ему сразу стало весело и спокойно:

— Гайнанъ, одѣваться!

Онъ съ нетерпѣніемъ умылся, надѣлъ новый сюртукъ, надушилъ чистый носовой платокъ цвѣточнымъ одеколономъ. Но когда онъ, уже совсѣмъ одѣтый, собрался выходить, его неожиданно остановилъ Гайнанъ.

— Ваше благородіе! — сказалъ черемисъ необычнымъ

мягкимъ и просительнымъ тономъ и вдругъ затанцовалъ на мѣстѣ.

Онъ всегда такъ танцовалъ, когда сильно волновался или смущался чѣмъ-нибудь: выдвигалъ то одно, то другое колѣно впередъ, поводилъ плечами, вытягивалъ и прямилъ шею и нервно шевелилъ пальцами опущенныхъ рукъ.

— Что тебѣ еще?

— Ваше благородіе, хочу тебѣ, поджаласта, очень попросить. Подари мнѣ бѣлый господинъ.

— Что такое? Какой бѣлый господинъ?

— А который велѣлъ выбросить. Вотъ этотъ, вотъ...

Онъ показалъ пальцемъ за печку, гдѣ стоялъ на полу бюстъ Пушкина, пріобрѣтенный какъ-то Ромашовымъ у захожаго разносчика. Этотъ бюстъ, кстати, изображавшій, несмотря на надпись на немъ, стараго еврейскаго маклера, а не великаго русскаго поэта, былъ такъ уродливо сработанъ, такъ засиженъ мухами и такъ намозолилъ Ромашову глаза, что онъ дѣйствительно, приказалъ на-дняхъ Гайнану выбросить его на дворъ.

— Зачѣмъ онъ тебѣ? — спросилъ подпоручикъ, смѣясь. — Да бери, сдѣлай милость, бери. Я очень радъ. Мнѣ не нужно. Только зачѣмъ тебѣ?

Гайнанъ молчалъ и переминался съ ноги на ногу.

— Ну, да ладно, Богъ съ тобой, — сказалъ Ромашовъ. — Только ты знаешь, кто это?

Гайнанъ ласково и смущенно улыбнулся и затанцовалъ пуще прежняго.

— Я не знай... — И утеръ рукавомъ губы.

— Не знаешь — такъ знай. Это — Пушкинъ. Александръ Сергѣичъ Пушкинъ. Понялъ? Повтори за мной: Александръ Сергѣичъ...

— Бесіевъ, — повторилъ рѣшительно Гайнанъ.

— Бесіевъ? Ну, пусть будетъ Бесіевъ, — согласился

Ромашовъ. — Однако я ушелъ. Если придутъ отъ Петерсоновъ, скажешь, что подпоручикъ ушелъ, а куда — неизвѣстно. Понялъ? А если что-нибудь по службѣ, то бѣги за мной на квартиру поручика Николаева. Прощай, старина!.. Возьми изъ собранія мой ужинъ и можешь его съѣсть.

Онъ дружелюбно хлопнулъ по плечу черемиса, который въ отвѣтъ молча улыбнулся ему широко, радостно и фамильярно.

IV.

На дворѣ стояла совершенно черная, непроницаемая ночь, такъ что сначала Ромашову приходилось, точно слѣпому, ощупывать передъ собой дорогу. Ноги его въ огромныхъ калошахъ уходили глубоко въ густую, какъ рахатъ-лукумъ, грязь и вылѣзали оттуда со свистомъ и чавканьемъ. Иногда одну изъ калошъ засасывало такъ сильно, что изъ нея выскакивала нога, и тогда Ромашову приходилось, балансируя на одной ногѣ, другой ногой впотьмахъ наугадъ отыскивать исчезнувшую калошу.

Мѣстечко точно вымерло, даже собаки не лаяли. Изъ оконъ низенькихъ бѣлыхъ домовъ кое-гдѣ струился туманными прямыми полосами свѣтъ и длинными косяками ложился на желто-бурую блестящую землю. Но отъ мокрыхъ и липкихъ заборовъ, вдоль которыхъ все время держался Ромашовъ, отъ сырой коры тополей, отъ дорожной грязи пахло чѣмъ-то весеннимъ, крѣпкимъ, счастливымъ, чѣмъ-то безсознательно и весело раздражающимъ. Даже сильный вѣтеръ, стремительно носившійся по улицамъ, дулъ по-весеннему неровно, прерывисто, точно вздрагивая, путаясь и шаля.

Передъ домомъ, который занимали Николаевы, подпо-

ручикъ остановился, охваченный минутной слабостью и колебаніемъ. Маленькія окна были закрыты плотными коричневыми занавѣсками, но за ними чувствовался ровный, яркій свѣтъ. Въ одномъ мѣстѣ портьера загнулась, образовавъ длинную, узкую щель. Ромашовъ припалъ головой къ стеклу, волнуясь и стараясь дышать какъ можно тише, точно его могли услышать въ комнатѣ.

Онъ увидѣлъ лицо и плечи Александры Петровны, сидѣвшей глубоко и немного сгорбившись на знакомомъ диванѣ изъ зеленаго рипса. По этой позѣ и по легкимъ движеніямъ тѣла, по опущенной низко головѣ видно было, что она занята рукодѣльемъ.

Вотъ она внезапно выпрямилась, подняла голову кверху и глубоко передохнула... Губы ея шевелятся... «Что она говоритъ?—думалъ Ромашовъ.—Вотъ улыбнулась. Какъ это странно—глядѣть сквозь окно на говорящаго человѣка и не слышать его!»

Улыбка внезапно сошла съ лица Александры Петровны, лобъ нахмурился. Опять быстро, съ настойчивымъ выраженіемъ зашевелились губы, и вдругъ опять улыбка—шаловливая и насмѣшливая. Вотъ покачала головой медленно и отрицательно. «Можетъ-быть, это про меня?»—робко подумалъ Ромашовъ. Чѣмъ-то тихимъ, чистымъ, безпечно-спокойнымъ вѣяло на него отъ этой молодой женщины, которую онъ разсматривалъ теперь, точно нарисованную на какой-то живой, милой, давно знакомой картинѣ. «Шурочка!» — прошепталъ Ромашовъ нѣжно.

Александра Петровна неожиданно подняла лицо отъ работы и быстро, съ тревожнымъ выраженіемъ повернула его къ окну. Ромашову показалось, что она смотритъ прямо ему въ глаза. У него отъ испуга сжалось и похолодѣло сердце, и онъ поспѣшно отпрянулъ за выступъ стѣны. На одну минуту ему стало совѣстно. Онъ

уже почти готовъ былъ вернуться домой, но преодолѣлъ себя и черезъ калитку прошелъ въ кухню.

Въ то время, какъ денщикъ Николаевыхъ снималъ съ него грязныя калоши и очищалъ ему кухонной тряпкой сапоги, а онъ протиралъ платкомъ запотѣвшія въ теплѣ очки, поднося ихъ вплотную къ близорукимъ глазамъ, изъ гостиной послышался звонкій голосъ Александры Петровны:

— Степанъ, это приказъ принесли?

«Это она нарочно!—подумалъ, точно казня себя, подпоручикъ.—Знаетъ вѣдь, что я всегда въ такое время прихожу».

— Нѣтъ, это я, Александра Петровна!—крикнулъ онъ въ дверь фальшивымъ голосомъ.

— А! Ромочка! Ну, входите, входите. Чего вы тамъ застряли? Володя, это Ромашовъ пришелъ.

Ромашовъ вошелъ, смущенно и неловко сгорбившись и безъ нужды потирая руки.

— Воображаю, какъ я вамъ надоѣлъ, Александра Петровна.

Онъ сказалъ это, думая, что у него выйдетъ весело и развязно, но вышло неловко и, какъ ему тотчасъ же показалось, страшно-неестественно.

— Опять за глупости!—воскликнула Александра Петровна.—Садитесь, будемъ чай пить.

Глядя ему въ глаза внимательно и ясно, она, по обыкновенію, энергично пожала своей маленькой, теплой и мягкой рукой его холодную руку.

Николаевъ сидѣлъ спиной къ нимъ, у стола, заваленнаго книгами, атласами и чертежами. Онъ въ этомъ году долженъ былъ держать экзаменъ въ академію генеральнаго штаба и весь годъ упорно, безъ отдыха готовился къ нему. Это былъ уже третій экзаменъ, такъ какъ два года подъ рядъ онъ проваливался.

Не оборачиваясь назадъ, глядя въ раскрытую передъ нимъ книгу, Николаевъ протянулъ Ромашову руку черезъ плечо и сказалъ спокойнымъ, густымъ голосомъ:

— Здравствуйте, Юрій Алексѣичъ. Новостей нѣтъ? Шурочка! Дай ему чаю. Ужъ простите меня, я занятъ.

«Конечно, я напрасно пришелъ,—опять съ отчаяніемъ подумалъ Ромашовъ.—О, я дуракъ!»

— Нѣтъ, какія же новости... Центавръ разнесъ въ собраніи подполковника Леха. Тотъ былъ совсѣмъ пьянъ, говорятъ. Вездѣ въ ротахъ требуетъ рубку чучелъ... Епифана закаталъ подъ арестъ.

— Да?—разсѣянно переспросилъ Николаевъ. — Скажите, пожалуйста.

— Мнѣ тоже влетѣло — на четверо сутокъ... Однимъ словомъ, новости старыя.

Ромашову казалось, что голосъ у него какой-то чужой и такой сдавленный, точно въ горлѣ что-то застряло. «Какимъ я, должно-быть, кажусь жалкимъ!»— подумалъ онъ, но тотчасъ же успокоилъ себя тѣмъ обычнымъ пріемомъ, къ которому часто прибѣгаютъ застѣнчивые люди: «Вѣдь это всегда, когда конфузишься, то думаешь, что всѣ это видятъ, а на самомъ дѣлѣ только тебѣ это замѣтно, а другимъ вовсе нѣтъ».

Онъ сѣлъ на кресло рядомъ съ Шурочкой, которая, быстро мелькая крючкомъ, вязала какое-то кружево. Она никогда не сидѣла безъ дѣла, и всѣ скатерти, салфеточки, абажуры и занавѣски въ домѣ были связаны ея руками.

Ромашовъ осторожно взялъ пальцами нитку, шедшую отъ клубка къ ея рукѣ, и спросилъ:

— Какъ называется это вязанье?

— Гипюръ. Вы въ десятый разъ спрашиваете.

Шурочка вдругъ быстро, внимательно взглянула на подпоручика и такъ же быстро опустила глаза на вязанье. Но сейчасъ же опять подняла ихъ и засмѣялась.

— Да вы ничего, Юрій Алексѣичъ... вы посидите и оправьтесь немного. «Оправьсь!» — какъ у васъ командуютъ.

Ромашовъ вздохнулъ и покосился на могучую шею Николаева, рѣзко бѣлѣвшую надъ воротникомъ сѣрой тужурки.

— Счастливецъ Владимиръ Ефимычъ,—сказалъ онъ.— Вотъ лѣтомъ въ Петербургъ поѣдетъ... въ академію поступитъ.

— Ну, это еще надо посмотрѣть!—задорно, по адресу мужа, воскликнула Шурочка.—Два раза съ позоромъ возвращались въ полкъ. Теперь ужъ въ послѣдній.

Николаевъ обернулся назадъ. Его воинственное и доброе лицо, съ пушистыми усами, покраснѣло, а большіе, темные, воловьи глаза сердито блеснули.

— Не болтай глупостей, Шурочка! Я сказалъ: выдержу,—и выдержу.—Онъ крѣпко стукнулъ ребромъ ладони по столу.—Ты только сидишь и каркаешь. Я сказалъ!..

— Я сказалъ!—передразнила его жена и тоже, какъ и онъ, ударила маленькой смуглой ладонью по колѣну.— А ты вотъ лучше скажи-ка мнѣ, какимъ условіямъ долженъ удовлетворять боевой порядокъ части? Вы знаете.— бойко и лукаво засмѣялась она глазами Ромашову: — я вѣдь лучше его тактику знаю. Ну-ка, ты, Володя, офицеръ генеральнаго штаба,—какимъ условіямъ?

— Глупости, Шурочка, отстань.—недовольно буркнулъ Николаевъ.

Но вдругъ онъ вмѣстѣ со стуломъ повернулся къ женѣ, и въ его широко раскрывшихся красивыхъ и глуповатыхъ глазахъ показалось растерянное недоумѣніе, почти испугъ

— Постой, дѣвочка, а вѣдь я и въ самомъ дѣлѣ не все помню. Боевой порядокъ? Боевой порядокъ долженъ

быть такъ построенъ, чтобы онъ какъ можно меньше терялъ отъ огня, потомъ, чтобы было удобно командовать... Потомъ... постой...

— За постой деньги платятъ,—торжествующе перебила Шурочка.

И она заговорила скороговоркой, точно первая ученица, опустивъ вѣки и покачиваясь:

— Боевой порядокъ долженъ удовлетворять слѣдующимъ условіямъ: поворотливости, подвижности, гибкости, удобству командованія, приспособляемости къ мѣстности; онъ долженъ возможно меньше терпѣть отъ огня, легко свертываться и развертываться и быстро переходить въ походный порядокъ... Все!..

Она открыла глаза, съ трудомъ перевела духъ и, обративъ смѣющееся, подвижное лицо къ Ромашову, спросила:

— Хорошо?

— Чортъ, какая память!—завистливо, но съ восхищеніемъ произнесъ Николаевъ, углубляясь въ свои тетрадки.

— Мы вѣдь все вмѣстѣ,—пояснила Шурочка. — Я бы хоть сейчасъ выдержала экзаменъ. Самое главное,—она ударила по воздуху вязальнымъ крючкомъ:—самое главное — система. Наша система—это мое изобрѣтеніе, моя гордость. Ежедневно мы проходимъ кусокъ изъ математики, кусокъ изъ военныхъ наукъ—вотъ артиллерія мнѣ, правда, не дается: все какія-то противныя формулы, особенно въ баллистикѣ,—потомъ кусочекъ изъ уставовъ. Затѣмъ черезъ день оба языка и черезъ день географія съ исторіей.

— А русскій?—спросилъ Ромашовъ изъ вѣжливости.

— Русскій? Это — пустое. Правописаніе по Гроту мы уже одолѣли. А сочиненія вѣдь извѣстно—какія. Одни и тѣ же каждый годъ. «Para pacem, para bellum». «Характеристика Онѣгина въ связи съ его эпохой»...

И вдругъ, вся оживившись, отнимая изъ рукъ подпоручика нитку, какъ бы для того, чтобы его ничто не развлекало, она страстно заговорила о томъ, что составляло весь интересъ, всю главную суть ея теперешней жизни.

– Я не могу, не могу здѣсь оставаться, Ромочка! Поймите меня! Остаться здѣсь—это значитъ опуститься, стать полковой дамой, ходить на ваши дикіе вечера, сплетничать, интриговать и злиться по поводу разныхъ суточныхъ и прогонныхъ... какихъ-то грошей!.. бррр... устраивать поочередно съ пріятельницами эти пошлые «балки», играть въ винтъ... Вотъ вы говорите, у насъ уютно. Да посмотрите же, ради Бога, на это мѣщанское благополучіе! Эти филе и гипюрчики—я ихъ сама связала, это платье, которое я сама передѣлывала, этотъ омерзительный мохнатенькій коверъ изъ кусочковъ... все это гадость, гадость! Поймите же, милый Ромочка, что мнѣ нужно общество, большое, настоящее общество, свѣтъ, музыка, поклоненіе, тонкая лесть, умные собесѣдники. Вы знаете, Володя пороху не выдумаетъ, но онъ честный, смѣлый, трудолюбивый человѣкъ. Пусть онъ только пройдетъ въ генеральный штабъ, и—клянусь—я ему сдѣлаю блестящую карьеру. Я знаю языки, я сумѣю себя держать въ какомъ угодно обществѣ, во мнѣ есть—я не знаю, какъ это выразить—есть такая гибкость души, что я всюду найдусь, ко всему сумѣю приспособиться... Наконецъ, Ромочка, поглядите на меня, поглядите внимательно. Неужели я ужъ такъ неинтересна, какъ человѣкъ, и некрасива, какъ женщина, чтобы мнѣ всю жизнь киснуть въ этой трущобѣ, въ этомъ гадкомъ мѣстечкѣ, котораго нѣтъ ни на одной географической картѣ!

И она, поспѣшно закрывъ лицо платкомъ, вдругъ расплакалась злыми, самолюбивыми, гордыми слезами.

Мужъ, обезпокоенный, съ недоумѣвающимъ и расте-

рянным видомъ, тотчасъ же подбѣжалъ къ ней. Но Шурочка уже успѣла справиться съ собой и отняла платокъ отъ лица. Слезъ больше не было, хотя глаза ея еще сверкали злобнымъ, страстнымъ огонькомъ.

— Ничего, Володя, ничего, милый,—отстранила она его рукой.

И, уже со смѣхомъ, обращаясь къ Ромашову и опять отнимая у него изъ рукъ нитку, она спросила съ капризнымъ и кокетливымъ смѣхомъ:

— Отвѣчайте же, неуклюжій Ромочка, хороша я или нѣтъ? Если женщина напрашивается на комплиментъ, то не отвѣтить ей—верхъ невѣжливости!

— Шурочка, ну какъ тебѣ не стыдно,—разсудительно произнесъ съ своего мѣста Николаевъ.

Ромашовъ страдальчески-застѣнчиво улыбнулся, но вдругъ отвѣтилъ чуть-чуть задрожавшимъ голосомъ, серьезно и печально:

— Очень красивы!..

Шурочка крѣпко зажмурила глаза и шаловливо затрясла головой, такъ что разбившіеся волосы запрыгали у нея по лбу.

— Ро-омочка, какой вы смѣшно-ой!—пропѣла она тоненькимъ дѣтскимъ голоскомъ.

А подпоручикъ, покраснѣвъ, подумалъ про-себя, по обыкновенію: «Его сердце было жестоко разбито...».

Всѣ помолчали. Шурочка быстро мелькала крючкомъ. Владимиръ Ефимовичъ, переводившій на нѣмецкій языкъ фразы изъ самоучителя Туссена и Лангеншейдта, тихонько бормоталъ ихъ себѣ подъ носъ. Слышно было, какъ потрескивалъ и шипѣлъ огонь въ лампѣ, прикрытой желтымъ шелковымъ абажуромъ, въ видѣ шатра. Ромашовъ опять завладѣлъ ниткой и потихоньку, еле замѣтно для самого себя, потягивалъ ее изъ рукъ молодой женщины. Ему доставляло тонкое и нѣжное наслажде-

ніе чувствовать, какъ руки Шурочки безсознательно сопротивлялись его осторожнымъ усиліямъ. Казалось, что какой-то таинственный, связывающій и волнующій токъ струился по этой ниткѣ.

Въ то же время онъ сбоку, незамѣтно, но неотступно глядѣлъ на ея склоненную внизъ голову и думалъ, едва-едва шевеля губами, произнося слова внутри себя, молчаливымъ шопотомъ, точно ведя съ Шурочкой интимный и чувственный разговоръ:

«Какъ она смѣло спросила: хороша ли я? О! Ты прекрасна! Милая! Вотъ я сижу и гляжу на тебя — какое счастье! Слушай же: я разскажу тебѣ, какъ ты красива. Слушай. У тебя блѣдное и смуглое лицо. Страстное лицо. И на немъ красныя, горящія губы — какъ онѣ должны цѣловать!—и глаза, окруженные желтоватой тѣнью... Когда ты смотришь прямо, то бѣлки твоихъ глазъ чуть-чуть голубые, а въ большихъ зрачкахъ мутная, глубокая синева. Ты не брюнетка, но въ тебѣ есть что-то цыганское. Но зато твои волосы такъ чисты и тонки и сходятся сзади въ узелъ съ такимъ аккуратнымъ, наивнымъ и дѣловитымъ выраженіемъ, что хочется тихонько потрогать ихъ пальцами. Ты маленькая, ты легкая, я бы поднялъ тебя на руки, какъ ребенка. Но ты гибкая и сильная, у тебя грудь, какъ у дѣвушки, ты вся—порывистая, подвижная. На лѣвомъ ухѣ, внизу, у тебя маленькая родинка, точно слѣдъ отъ сережки—это прелестно!..»

— Вы не читали въ газетахъ объ офицерскомъ поединкѣ?—спросила вдругъ Шурочка.

Ромашовъ встрепенулся и съ трудомъ отвелъ отъ нея глаза.

— Нѣтъ, не читалъ. Но слышалъ. А что?

— Конечно, вы, по обыкновенію, ничего не читаете. Право, Юрій Алексѣевичъ, вы опускаетесь. По-моему,

вышло что-то нелѣпое. Я понимаю: поединки между офицерами—необходимая и разумная вещь,—Шурочка убѣдительно прижала вязанье къ груди.—Но зачѣмъ такая безтактность? Подумайте: одинъ поручикъ оскорбилъ другого. Оскорбленіе тяжелое, и общество офицеровъ постановляетъ поединокъ. Но дальше идетъ чепуха и глупость. Условія — прямо въ родѣ смертной казни: пятнадцать шаговъ дистанціи и драться до тяжелой раны... Если оба противника стоятъ на ногахъ, выстрѣлы возобновляются. Но вѣдь это—бойня, это... я не знаю, что! Но, погодите, это только цвѣточки. На мѣсто дуэли пріѣзжаютъ всѣ офицеры полка, чуть ли даже не полковыя дамы, и даже гдѣ-то въ кустахъ помѣщается фотографъ. Вѣдь это ужасъ, Ромочка! И несчастный подпоручикъ, фендрикъ, какъ говоритъ Володя, въ родѣ васъ, да еще, вдобавокъ, обиженный, а не обидчикъ, получаетъ послѣ третьяго выстрѣла страшную рану въ животъ и къ вечеру умираетъ въ мученіяхъ. А у него, оказывается, была старушка-мать и сестра, старая барышня, которыя съ нимъ жили, вотъ какъ у нашего Михина... Да послушайте же: для чего, кому нужно было дѣлать изъ поединка такую кровавую буффонаду? И это, замѣтьте, на самыхъ первыхъ порахъ, сейчасъ же послѣ разрѣшенія поединковъ. И вотъ повѣрьте мнѣ, повѣрьте!—воскликнула Шурочка, сверкая загорѣвшимися глазами:—сейчасъ же сентиментальные противники офицерскихъ дуэлей,—о, я знаю этихъ презрѣнныхъ либеральныхъ трусовъ!—сейчасъ же они загалдятъ: «Ахъ, варварство! Ахъ, пережитокъ дикихъ временъ! Ахъ, братоубійство!»

— Однако вы кровожадны, Александра Петровна! — вставилъ Ромашовъ.

— Не кровожадна,—нѣтъ!—рѣзко возразила она.—Я жалостлива. Я жучка, который мнѣ щекочетъ шею, сниму и постараюсь не сдѣлать ему больно. Но, попробуйте

понять, Ромашовъ, здѣсь простая логика. Для чего офицеры? Для войны. Что для войны раньше всего требуется? Смѣлость, гордость, умѣнье не сморгнуть передъ смертью. Гдѣ эти качества всего ярче проявляются въ мирное время? Въ дуэляхъ. Вотъ и все. Кажется, ясно. Именно не французскимъ офицерамъ необходимы поединки, — потому что понятіе о чести, да еще преувеличенное, въ крови у каждаго француза,—не нѣмецкимъ,—потому что отъ рожденія всѣ нѣмцы порядочны и дисциплинированы, — а намъ, намъ, намъ! Тогда у насъ не будетъ въ офицерской средѣ карточныхъ шулеровъ, какъ Арчаковскій, или безпросыпныхъ пьяницъ, въ родѣ вашего Назанскаго; тогда само собой выведется амикошонство, фамильярное зубоскальство въ собраніи, при прислугѣ, это ваше взаимное сквернословіе, пусканіе въ голову другъ другу графиновъ, съ цѣлью все-таки не попасть, а промахнуться. Тогда вы не будете за глаза такъ поносить другъ друга. У офицера каждое слово должно быть взвѣшено. Офицеръ—это образецъ корректности. И потомъ, что за нѣжности: боязнь выстрѣла! Ваша профессія — рисковать жизнью. Ахъ, да что!

Она капризно оборвала свою рѣчь и съ сердцемъ ушла въ работу. Опять стало тихо.

— Шурочка, какъ перевести по-нѣмецки — соперникъ? — спросилъ Николаевъ, подымая голову отъ книги.

— Соперникъ?—Шурочка задумчиво потрогала крючкомъ проборъ своихъ мягкихъ волосъ.—А скажи всю фразу.

— Тутъ сказано... сейчасъ, сейчасъ... Нашъ заграничный соперникъ...

— Unser ausländischer Nebenbuhler,—быстро, тотчасъ же перевела Шурочка.

— Унзеръ,—повторилъ шопотомъ Ромашовъ, мечтательно заглядѣвшись на огонь лампы. — «Когда ее что-

нибудь взволнуетъ,—подумалъ онъ:—то слова у нея вылетаютъ такъ стремительно, звонко и отчетливо, точно сыплется дробь на серебряный подносъ». Унзеръ — какое смѣшное слово... Унзеръ, унзеръ, унзеръ...

— Что вы шепчете, Ромочка?—вдругъ строго спросила Александра Петровна.—Не смѣйте бредить въ моемъ присутствіи.

Онъ улыбнулся разсѣянной улыбкой.

— Я не брежу... Я все повторялъ про-себя: унзеръ, унзеръ. Какое смѣшное слово...

— Что за глупости... Унзеръ? Отчего смѣшное?

— Видите ли...—Онъ затруднялся, какъ объяснить свою мысль. — Если долго повторять какое-нибудь одно слово и вдумываться въ него, то оно вдругъ потеряетъ смыслъ и станетъ такимъ... какъ бы вамъ сказать?..

— Ахъ, знаю, знаю!—торопливо и радостно перебила его Шурочка.—Но только это теперь не такъ легко дѣлать, а вотъ раньше, въ дѣтствѣ, — ахъ какъ это было забавно!..

— Да, да, именно въ дѣтствѣ. Да.

— Какъ же, я отлично помню. Даже помню слово, которое меня особенно поражало: «можетъ-быть». Я все качалась съ закрытыми глазами и твердила: «можетъ-быть, можетъ-быть»... И вдругъ совсѣмъ позабывала, что оно значитъ, потомъ старалась—и не могла вспомнить, Мнѣ все казалось, будто это какое-то коричневое красноватое пятно съ двумя хвостиками. Правда вѣдь?

Ромашовъ съ нѣжностью поглядѣлъ на нее.

— Какъ это странно, что у насъ однѣ и тѣ же мысли,—сказалъ онъ тихо.—А унзеръ, понимаете, это что-то высокое-высокое, что-то худощавое и съ жаломъ. Въ родѣ какъ какое-то длинное, тонкое насѣкомое, и очень злое.

— Унзеръ?—Шурочка подняла голову и, прищурясь, посмотрѣла вдаль, въ темный уголъ комнаты, стараясь

представить себѣ то, о чемъ говорилъ Ромашовъ. — Нѣтъ, погодите: это что-то зеленое, острое. Ну да, ну да, конечно же — насѣкомое! Въ родѣ кузнечика, только противнѣе и злѣе... Фу, какіе мы съ вами глупые, Ромочка.

— А то вотъ еще бываетъ,—началъ таинственно Ромашовъ: — и опять-таки въ дѣтствѣ это было гораздо ярче. Произношу я какое-нибудь слово и стараюсь тянуть его какъ можно дольше. Растягиваю безконечно каждую букву. И вдругъ на одинъ моментъ мнѣ сдѣлается такъ странно, странно, какъ будто бы все вокругъ меня исчезло. И тогда мнѣ дѣлается удивительно, что это я говорю, что я живу, что я думаю.

— О, я тоже это знаю! — весело подхватила Шурочка. — Но только не такъ. Я, бывало, затаиваю дыханіе, пока хватитъ силъ и думаю: вотъ я не дышу, и теперь еще не дышу, и вотъ до сихъ поръ, и до сихъ, и до сихъ... И тогда наступало это странное. Я чувствовала, какъ мимо меня проходило время. Нѣтъ, это не то: можетъ-быть, вовсе времени не было. Это нельзя объяснить.

Ромашовъ глядѣлъ на нее восхищенными глазами и повторялъ глухимъ, счастливымъ, тихимъ голосомъ:

— Да, да... этого нельзя объяснить... Это странно... Это необъяснимо...

— Ну, однако, господа психолòги, или какъ васъ тамъ, довольно, пора ужинать,—сказалъ Николаевъ, вставая со стула.

Отъ долгаго сидѣнья у него затекли ноги и заболѣла спина. Вытянувшись во весь ростъ, онъ сильно потянулся вверхъ руками и выгнулъ грудь, и все его большое, мускулистое тѣло захрустѣло въ суставахъ отъ этого мощнаго движенія.

Въ крошечной, но хорошенькой столовой, ярко освѣ-

щенной висячей фарфоровой матово-бѣлой лампой, была накрыта холодная закуска. Николаевъ не пилъ, но для Ромашова былъ поставленъ графинчикъ съ водкой. Собравъ свое милое лицо въ брезгливую гримасу, Шурочка спросила небрежно, какъ она и часто спрашивала:

— Вы, конечно, не можете безъ этой гадости обойтись?

Ромашовъ виновато улыбнулся и отъ замѣшательства поперхнулся водкой и закашлялся.

— Какъ вамъ не совѣстно!—наставительно замѣтила хозяйка. — Еще и пить не умѣете, а тоже... Я понимаю, вашему возлюбленному Назанскому простительно, онъ отпѣтый человѣкъ, но вамъ-то зачѣмъ? Молодой такой, славный, способный мальчикъ, а безъ водки не сядете за столъ... Ну зачѣмъ? Это все Назанскій васъ портитъ.

Ея мужъ, читавшій въ это время только-что принесенный приказъ, вдругъ воскликнулъ:

— Ахъ, кстати: Назанскій увольняется въ отпускъ на одинъ мѣсяцъ по домашнимъ обстоятельствамъ. Тю-тю-у! Это значитъ — запилъ. Вы, Юрій Алексѣичъ, наверно, его видѣли? Что онъ, закурилъ?

Ромашовъ смущенно заморгалъ вѣками.

— Нѣтъ, я не замѣтилъ. Впрочемъ, кажется, пьетъ...

— Вашъ Назанскій — противный! — съ озлобленіемъ, сдержаннымъ, низкимъ голосомъ сказала Шурочка. — Если бы отъ меня зависѣло, я бы этакихъ людей стрѣляла, какъ бѣшеныхъ собакъ. Такіе офицеры—позоръ для полка, мерзость!

Тотчасъ же послѣ ужина Николаевъ, который ѣлъ такъ же много и усердно, какъ и занимался своими науками, сталъ зѣвать и наконецъ откровенно замѣтилъ:

— Господа, а что, если бы на минутку пойти поспать? «Соснуть», какъ говорилось въ старыхъ, добрыхъ романахъ.

— Это совершенно справедливо, Владимиръ Ефимычъ, — подхватилъ Ромашовъ съ какой-то, какъ ему самому показалось, торопливой и угодливой развязностью. Въ то же время, вставая изъ-за стола, онъ подумалъ уныло: «Да, со мной здѣсь не церемонятся. И только зачѣмъ я лѣзу?»

У него было такое впечатлѣніе, какъ будто Николаевъ съ удовольствіемъ выгоняетъ его изъ дому. Но тѣмъ не менѣе, прощаясь съ нимъ нарочно раньше, чѣмъ съ Шурочкой, онъ думалъ съ наслажденіемъ, что вотъ сію минуту онъ почувствуетъ крѣпкое и ласкающее пожатіе милой женской руки. Объ этомъ онъ думалъ каждый разъ, уходя. И когда этотъ моментъ наступилъ, то онъ до такой степени весь ушелъ душой въ это очаровательное пожатіе, что не слышалъ, какъ Шурочка сказала ему:

— Вы, смотрите, не забывайте насъ. Здѣсь вамъ всегда рады. Чѣмъ пьянствовать со своимъ Назанскимъ, сидите лучше у насъ. Только помните: мы съ вами не церемонимся.

Онъ услышалъ эти слова въ своемъ сознаніи и понялъ ихъ, только выйдя на улицу.

— Да, со мной не церемонятся, — прошепталъ онъ съ той горькой обидчивостью, къ которой такъ болѣзненно склонны молодые и самолюбивые люди его возраста.

V.

Ромашовъ вышелъ на крыльцо. Ночь стала точно еще гуще, еще чернѣе и теплѣе. Подпоручикъ ощупью шелъ вдоль плетня, держась за него руками, и дожидался, пока его глаза привыкнутъ къ мраку. Въ это время дверь, ведущая въ кухню Николаевыхъ, вдругъ открылась, выбросивъ на мгновеніе въ темноту большую полосу ту-

маннаго желтаго свѣта. Кто-то зашлепалъ по грязи, и Ромашовъ услышалъ сердитый голосъ денщика Николаевыхъ, Степана:

— Ходить, ходить кажынъ день. И чего ходить, чортъ его знаетъ!..

А другой солдатскій голосъ, незнакомый подпоручику, отвѣтилъ равнодушно, вмѣстѣ съ продолжительнымъ, лѣнивымъ зѣвкомъ:

— Дѣла, братецъ ты мой... Съ жиру это все. Ну, прощевай, что ли, Степанъ.

— Прощай, Баулинъ. Заходи когда.

Ромашовъ прилипъ къ забору. Отъ остраго стыда онъ покраснѣлъ, несмотря на темноту; все тѣло его покрылось сразу испариной, и точно тысячи иголокъ закололи его кожу на ногахъ и на спинѣ. «Кончено! Даже денщики смѣются», — подумалъ онъ съ отчаяніемъ. Тотчасъ же ему припомнился весь сегодняшній вечеръ, и въ разныхъ словахъ, въ тонѣ фразъ, во взглядахъ, которыми обмѣнивались хозяева, онъ сразу увидѣлъ много незамѣченныхъ имъ раньше мелочей, которыя, какъ ему теперь казалось, свидѣтельствовали о небрежности и о насмѣшкѣ, о нетерпѣливомъ раздраженіи противъ надоѣдливаго гостя.

— Какой позоръ, какой позоръ! — шепталъ подпоручикъ, не двигаясь съ мѣста. — Дойти до того, что тебя едва терпятъ, когда ты приходишь... Нѣтъ, довольно. Теперь я ужъ твердо знаю, что довольно!

Въ гостиной у Николаевыхъ потухъ огонь. «Вотъ они уже въ спальнѣ», — подумалъ Ромашовъ и необыкновенно ясно представилъ себѣ, какъ Николаевы, ложась спать, раздѣваются другъ при другѣ съ привычнымъ равнодушіемъ и безстыдствомъ давно женатыхъ людей и говорятъ о немъ. Она въ одной юбкѣ причесываетъ передъ зеркаломъ на ночь волосы. Владимиръ Ефимо-

вичъ сидитъ въ нижнемъ бѣльѣ на кровати, снимаетъ сапогъ и, краснѣя отъ усилія, говоритъ сердито и сонно: «Мнѣ, знаешь, Шурочка, твой Ромашовъ надоѣлъ вотъ до какихъ поръ. Удивляюсь, чего ты съ нимъ такъ возишься?» А Шурочка, не выпуская изо рта шпилекъ и не оборачиваясь, отвѣчаетъ ему въ зеркало недовольнымъ тономъ: «Вовсе онъ не мой, а твой!..»

Прошло еще пять минутъ, пока Ромашовъ, терзаемый этими мучительными и горькими мыслями, рѣшился двинуться дальше. Мимо всего длиннаго плетня, ограждавшаго домъ Николаевыхъ, онъ прошелъ крадучись, осторожно вытаскивая ноги изъ грязи, какъ будто его могли услышать и поймать на чемъ-то нехорошемъ. Домой итти ему не хотѣлось: даже было жутко и противно вспоминать о своей узкой и длинной, объ одномъ окнѣ, комнатѣ со всѣми надоѣвшими до отвращенія предметами. «Вотъ, на зло ей, пойду къ Назанскому, — рѣшилъ онъ внезапно и сразу почувствовалъ въ этомъ какое-то мстительное удовлетвореніе. — Она выговаривала мнѣ за дружбу съ Назанскимъ, такъ вотъ же на зло! И пускай!..»

Поднявъ глаза къ небу и крѣпко прижавъ руку къ груди, онъ съ жаромъ сказалъ про-себя: «Клянусь, клянусь, что я въ послѣдній разъ приходилъ къ нимъ. Не хочу больше испытывать такого униженія. Клянусь!»

И сейчасъ же, по своей привычкѣ, прибавилъ мысленно:

«Его выразительные черные глаза сверкали рѣшимостью и презрѣніемъ!»

Хотя глаза у него были вовсе не черные, а самые обыкновенные — желтоватые, съ зеленымъ ободкомъ.

Назанскій снималъ комнату у своего товарища, поручика Зегржта. Этотъ Зегржтъ былъ, вѣроятно, самымъ старымъ поручикомъ во всей русской арміи, несмотря

на безукоризненную службу и на участіе въ турецкой кампаніи. Какимъ-то роковымъ и необъяснимымъ образомъ ему не везло въ чинопроизводствѣ. Онъ былъ вдовъ, съ четырьми маленькими дѣтьми, и все-таки кое-какъ изворачивался на своемъ 48-рублевомъ жалованьи. Онъ снималъ большія квартиры и сдавалъ ихъ по комнатамъ холостымъ офицерамъ, держалъ столовниковъ, разводилъ куръ и индюшекъ, умѣлъ какъ-то особенно дешево и заблаговременно покупать дрова. Дѣтей своихъ онъ самъ купалъ въ корытцахъ, самъ лѣчилъ ихъ домашней аптечкой и самъ шилъ имъ на швейной машинѣ лифчики, панталончики и рубашечки. Еще до женитьбы Зегржтъ, какъ и очень многіе холостые офицеры, пристрастился къ ручнымъ женскимъ работамъ, теперь же его заставляла заниматься ими крутая нужда. Злые языки говорили про него, что онъ тайно, подъ рукой отсылаетъ свои рукодѣлія куда-то на продажу.

Но всѣ эти мелочныя хозяйственныя ухищренія плохо помогали Зегржту. Домашняя птица дохла отъ повальныхъ болѣзней, комнаты пустовали, нахлѣбники ругались изъ-за плохого стола и не платили денегъ, и періодически, раза четыре въ годъ, можно было видѣть, какъ худой, длинный, бородатый Зегржтъ, съ растеряннымъ потнымъ лицомъ, носился по городу, въ чаяніи перехватить гдѣ-нибудь денегъ, при чемъ его блинообразная фуражка сидѣла козырькомъ набоку, а древняя николаевская шинель, сшитая еще до войны, трепетала и развѣвалась у него за плечами, на подобіе крыльевъ.

Теперь у него въ комнатахъ свѣтился огонь, и, подойдя къ окну, Ромашовъ увидѣлъ самого Зегржта. Онъ сидѣлъ у круглаго стола подъ висячей лампой и, низко наклонивъ свою плѣшивую голову съ измызганнымъ, морщинистымъ и кроткимъ лицомъ, вышивалъ красной бумагой какую-то полотняную вставку — должно-быть, грудь

для малороссійской рубашки. Ромашовъ побарабанилъ въ стекло. Зегржтъ вздрогнулъ, отложилъ работу въ сторону и подошелъ къ окну.

— Это я, Адамъ Ивановичъ. Отворите-ка на секунду,— сказалъ Ромашовъ.

Зегржтъ влѣзъ на подоконникъ и просунулъ въ форточку свой лысый лобъ и свалявшуюся на одинъ бокъ жидкую бороду.

— Это вы, подпоручикъ Ромашовъ? А что?

— Назанскій дома?

— Дома, дома. Куда жъ ему итти? Ахъ, Господи,— борода Зегржта затряслась въ форточкѣ: — морочитъ мнѣ голову вашъ Назанскій. Второй мѣсяцъ посылаю ему обѣды, а онъ все только обѣщается заплатить. Когда онъ переѣзжалъ, я его убѣдительно просилъ, во избѣжаніе недоразумѣній...

— Да, да, да... это... въ самомъ дѣлѣ... — перебилъ разсѣянно Ромашовъ. — А, скажите, каковъ онъ? Можно его видѣть?

— Думаю, можно... Ходитъ все по комнатѣ. — Зегржтъ на секунду прислушался. — Вотъ и теперь ходитъ. Вы понимаете, я ему ясно говорилъ: во избѣжаніе недоразумѣній, условимся, чтобы плата...

— Извините, Адамъ Ивановичъ, я сейчасъ,— прервалъ его Ромашовъ. — Если позволите, я зайду въ другой разъ. Очень спѣшное дѣло...

Онъ прошелъ дальше и завернулъ за уголъ. Въ глубинѣ палисадника, у Назанскаго горѣлъ огонь. Одно изъ оконъ было раскрыто настежь. Самъ Назанскій, безъ сюртука, въ нижней рубашкѣ, разстегнутой у ворота, ходилъ взадъ и впередъ быстрыми шагами по комнатѣ; его бѣлая фигура и золотоволосая голова то мелькали въ просвѣтахъ оконъ, то скрывались за простѣнками. Ромашовъ перелѣзъ черезъ заборъ палисадника и окликнулъ его.

— Кто это? — спокойно, точно онъ ожидалъ оклика, спросилъ Назанскій, высунувшись наружу черезъ подоконникъ. — А, это вы, Георгій Алексѣичъ? Подождите: черезъ двери вамъ будетъ далеко и темно. Лѣзьте въ окно. Давайте вашу руку.

Комната у Назанскаго была еще бѣднѣе, чѣмъ у Ромашова. Вдоль стѣны у окна стояла узенькая, низкая, вся вогнувшаяся дугой кровать, такая тощая, точно на ея желѣзкахъ лежало всего одно только розовое пикейное одѣяло; у другой стѣны — простой некрашеный столъ и двѣ грубыхъ табуретки. Въ одномъ изъ угловъ комнаты былъ плотно пригнанъ, на манеръ кивота, узенькій деревянный поставецъ. Въ ногахъ кровати помѣщался кожаный рыжій чемоданъ, весь облѣпленный желѣзнодорожными бумажками. Кромѣ этихъ предметовъ, не считая лампы на столѣ, въ комнатѣ не было больше ни одной вещи.

— Здравствуйте, мой дорогой, — сказалъ Назанскій, крѣпко пожимая и встряхивая руку Ромашова и глядя ему прямо въ глаза задумчивыми, прекрасными голубыми глазами. — Садитесь-ка вотъ здѣсь, на кровать. Вы слышали, что я подалъ рапортъ о болѣзни?

— Да. Мнѣ сейчасъ объ этомъ говорилъ Николаевъ.

Опять Ромашову вспомнились ужасныя слова денщика Степана, и лицо его страдальчески сморщилось.

— А! Вы были у Николаевыхъ? — вдругъ съ живостью и съ видимымъ интересомъ спросилъ Назанскій. — Вы часто бываете у нихъ?

Какой-то смутный инстинктъ осторожности, вызванный необычнымъ тономъ этого вопроса, заставилъ Ромашова солгать, и онъ отвѣтилъ небрежно:

— Нѣтъ, совсѣмъ не часто. Такъ, случайно зашелъ.

Назанскій, ходившій взадъ и впередъ по комнатѣ, остановился около поставца и отворилъ его. Тамъ на

полкѣ стоялъ графинъ съ водкой и лежало яблоко, разрѣзанное аккуратными, тонкими ломтями. Стоя спиной къ гостю, онъ торопливо налилъ себѣ рюмку и выпилъ. Ромашовъ видѣлъ, какъ конвульсивно содрогнулась его спина подъ тонкой полотняной рубашкой.

— Не хотите ли? — предложилъ Назанскій, указывая на поставецъ. — Закуска не богатая, но, если голодны, можно соорудить яичницу. Можно воздѣйствовать на Адама, ветхаго человѣка.

— Спасибо. Я потомъ.

Назанскій прошелся по комнатѣ, засунувъ руки въ карманы. Сдѣлавъ два конца, онъ заговорилъ, точно продолжая только-что прерванную бесѣду:

— Да. Такъ вотъ я все хожу и все думаю. И, знаете, Ромашовъ, я счастливъ. Въ полку завтра всѣ скажутъ, что у меня запой. А что жъ, это, пожалуй, и вѣрно, только это не совсѣмъ такъ. Я теперь счастливъ, а вовсе не боленъ и не страдаю. Въ обыкновенное время мой умъ и моя воля подавлены. Я сливаюсь тогда съ голодной, трусливой серединой и бываю пошлъ, скученъ самому себѣ, благоразуменъ и разсудителенъ. Я ненавижу, напримѣръ, военную службу, но служу. Почему я служу? Да чортъ его знаетъ, почему! Потому что мнѣ съ дѣтства твердили и теперь всѣ кругомъ говорятъ, что самое главное въ жизни это — служить и быть сытымъ и хорошо одѣтымъ. А философія, говорятъ они, это чепуха, это хорошо тому, кому нечего дѣлать, кому маменька оставила наслѣдство. И вотъ я дѣлаю вещи, къ которымъ у меня совершенно не лежитъ душа, исполняю ради животнаго страха жизни приказанія, которыя мнѣ кажутся порой жестокими, а порой безсмысленными. Мое существованіе однообразно, какъ заборъ, и сѣро, какъ солдатское сукно. Я не смѣю задуматься — не говорю о томъ, чтобы разсуждать вслухъ — о любви, о красотѣ, о моихъ

отношеніяхъ къ человѣчеству, о природѣ, о равенствѣ и счастіи людей, о поэзіи, о Богѣ. Они смѣются: ха-ха-ха, это все философія!.. Смѣшно и дико и непозволительно думать офицеру армейской пѣхоты о возвышенныхъ матеріяхъ. Это философія, чортъ возьми, слѣдовательно — чепуха, праздная и нелѣпая болтовня.

— Но это — главное въ жизни, — задумчиво произнесъ Ромашовъ.

— И вотъ наступаетъ для меня это время, которое они зовутъ такимъ жестокимъ именемъ, — продолжалъ, не слушая его, Назанскій. Онъ все ходилъ взадъ и впередъ и по временамъ дѣлалъ убѣдительные жесты, обращаясь, впрочемъ, не къ Ромашову, а къ двумъ противоположнымъ угламъ, до которыхъ по очереди доходилъ. — Это время моей свободы, Ромашовъ, свободы духа, воли и ума! Я живу тогда, можетъ-быть, странной, но глубокой, чудесной внутренней жизнью. Такой полной жизнью! Все, что̀ я видѣлъ, о чемъ читалъ или слышалъ, — все оживляется во мнѣ, все пріобрѣтаетъ необычайно яркій свѣтъ и глубокій, бездонный смыслъ. Тогда память моя — точно музей рѣдкихъ откровеній. Понимаете — я Ротшильдъ! Беру первое, что̀ мнѣ попадается, и размышляю о немъ, долго, проникновенно, съ наслажденіемъ. О лицахъ, о встрѣчахъ, о характерахъ, о книгахъ, о женщинахъ — ахъ, особенно о женщинахъ и о женской любви!.. Иногда я думаю объ ушедшихъ великихъ людяхъ, о мученикахъ науки, о мудрецахъ и герояхъ и объ ихъ удивительныхъ словахъ. Я не вѣрю въ Бога, Ромашовъ, но иногда я думаю о святыхъ угодникахъ, подвижникахъ и страстотерпцахъ и возобновляю въ памяти каноны и умилительные акаѳисты. Я вѣдь, дорогой мой, въ бурсѣ учился, и память у меня чудовищная. Думаю я обо всемъ объ этомъ и, случается, такъ вдругъ иногда горячо прочувствую чужую радость или чужую скорбь,

или безсмертную красоту какого-нибудь поступка, что хожу вотъ такъ, одинъ... и плачу, — страстно, жарко плачу...

Ромашовъ потихоньку всталъ съ кровати и сѣлъ съ ногами на открытое окно, такъ что его спина и его подошвы упирались въ противоположные косяки рамы. Отсюда, изъ освѣщенной комнаты, ночь казалась еще темнѣе, еще глубже, еще таинственнѣе. Теплый, порывистый, но беззвучный вѣтеръ шевелилъ внизу, подъ окномъ, черные листья какихъ-то низенькихъ кустовъ. И въ этомъ мягкомъ воздухѣ, полномъ странныхъ весеннихъ ароматовъ, въ этой тишинѣ, темнотѣ, въ этихъ преувеличенно яркихъ и точно теплыхъ звѣздахъ — чувствовалось тайное и страстное броженіе, угадывалась жажда материнства и расточительное сладострастіе земли, растеній, деревьевъ — цѣлаго міра.

А Назанскій все ходилъ по комнатѣ и говорилъ, не глядя на Ромашова, точно обращаясь къ стѣнамъ и къ угламъ комнаты:

— Мысль въ эти часы бѣжитъ такъ прихотливо, такъ пестро и такъ неожиданно. Умъ становится острымъ и яркимъ, воображеніе — точно потокъ! Всѣ вещи и лица, которыя я вызываю, стоятъ передо мною такъ рельефно и такъ восхитительно-ясно, точно я вижу ихъ въ камеръ-обскурѣ. Я знаю, я знаю, мой милый, что это обостреніе чувствъ, все это духовное озареніе — увы! — не что̀ иное, какъ физіологическое дѣйствіе алкоголя на нервную систему. Сначала, когда я впервые испыталъ этотъ чудный подъемъ внутренней жизни, я думалъ, что это — само вдохновеніе. Но нѣтъ: въ немъ нѣтъ ничего творческаго, нѣтъ даже ничего прочнаго. Это просто болѣзненный процессъ. Это просто внезапные приливы, которые съ каждымъ разомъ все больше и больше разъѣдаютъ дно. Да. Но все-таки это безуміе сладко мнѣ, и...

къ чорту спасительная бережливость и вмѣстѣ съ ней къ чорту дурацкая надежда прожить до ста десяти лѣтъ и попасть въ газетную смѣсь, какъ рѣдкій примѣръ долговѣчія... Я счастливъ — и все тутъ!

Назанскій опять подошелъ къ поставцу и, выпивъ, аккуратно притворилъ дверцы. Ромашовъ лѣниво, почти безсознательно, всталъ и сдѣлалъ то же самое.

— О чемъ же вы думали передъ моимъ приходомъ, Василій Нилычъ? — спросилъ онъ, садясь попрежнему на подоконникъ.

Но Назанскій почти не слыхалъ его вопроса.

— Какое, напримѣръ, наслажденіе мечтать о женщинахъ! — воскликнулъ онъ, дойдя до дальняго угла и обращаясь къ этому углу съ широкимъ, убѣдительнымъ жестомъ. — Нѣтъ, не грязно думать. Зачѣмъ? Никогда не надо дѣлать человѣка, даже въ мысляхъ, участникомъ зла, а тѣмъ болѣе грязи. Я думаю часто о нѣжныхъ, чистыхъ, изящныхъ женщинахъ, объ ихъ свѣтлыхъ слезахъ и прелестныхъ улыбкахъ, думаю о молодыхъ, цѣломудренныхъ матеряхъ, о любовницахъ, идущихъ ради любви на смерть, о прекрасныхъ, невинныхъ и гордыхъ дѣвушкахъ съ бѣлоснѣжной душой, знающихъ все и ничего не боящихся. Такихъ женщинъ нѣтъ. Впрочемъ, я не правъ. Навѣрно, Ромашовъ, такія женщины есть, но мы съ вами ихъ никогда не увидимъ. Вы еще, можетъ-быть, увидите, но я — нѣтъ.

Онъ стоялъ теперь передъ Ромашовымъ и глядѣлъ ему прямо въ лицо, но по мечтательному выраженію его глазъ и по неопредѣленной улыбкѣ, блуждавшей вокругъ его губъ, было замѣтно, что онъ не видитъ своего собесѣдника. Никогда еще лицо Назанскаго, даже въ его лучшія, трезвыя минуты, не казалось Ромашову такимъ красивымъ и интереснымъ. Золотые волосы падали крупными цѣльными локонами вокругъ его высокаго, чистаго лба,

густая, четыреугольной формы, рыжая, небольшая борода лежала правильными волнами, точно нагофрированная, и вся его массивная и изящная голова, съ обнаженной шеей благороднаго рисунка, была похожа на голову одного изъ тѣхъ греческихъ героевъ или мудрецовъ, великолѣпные бюсты которыхъ Ромашовъ видѣлъ гдѣ-то на гравюрахъ. Ясные, чуть-чуть влажные, голубые глаза смотрѣли оживленно, умно и кротко. Даже цвѣтъ этого красиваго, правильнаго лица поражалъ своимъ ровнымъ, нѣжнымъ, розовымъ тономъ, и только очень опытный взглядъ различилъ бы въ этой кажущейся свѣжести, вмѣстѣ съ нѣкоторой опухлостью чертъ, результатъ алкогольнаго воспаленія крови.

— Любовь! Къ женщинѣ! Какая бездна тайны! Какое наслажденіе и какое острое, сладкое страданіе! — вдругъ воскликнулъ восторженно Назанскій.

Онъ въ волненіи схватилъ себя руками за волосы и опять метнулся въ уголъ, но, дойдя до него, остановился, повернулся лицомъ къ Ромашову и весело захохоталъ. Подпоручикъ съ тревогой слѣдилъ за нимъ.

— Вспомнилась мнѣ одна смѣшная исторія, — добродушно и просто заговорилъ Назанскій. — Эхъ, мысли-то у меня какъ прыгаютъ!.. Сидѣлъ я однажды въ Рязани на станціи «Ока» и ждалъ парохода. Ждать пришлось, пожалуй, около сутокъ, — это было во время весенняго разлива, — и я — вы, конечно, понимаете — свилъ себѣ гнѣздо въ буфетѣ. А за буфетомъ стояла дѣвушка, такъ лѣтъ 18-ти, — такая, знаете ли, некрасивая, въ оспинкахъ, но бойкая такая, черноглазая, съ чудесной улыбкой и въ концѣ концовъ премилая. И было насъ только трое на станціи: она, я и маленькій бѣлобрысый телеграфистъ. Впрочемъ, былъ и ея отецъ, знаете — такая красная, толстая, сивая подрядческая морда, въ родѣ стараго и свирѣпаго меделянскаго пса. Но отецъ былъ

какъ бы за кулисами. Выйдетъ на двѣ минуты за прилавокъ и все зѣваетъ, и все чешетъ подъ жилетомъ брюхо, не можетъ никакъ глазъ разлѣпить. Потомъ уйдетъ опять спать. Но телеграфистикъ приходилъ постоянно. Помню, облокотился онъ на стойку локтями и молчитъ. И она молчитъ, смотритъ въ окно, на разливъ. А тамъ вдругъ юноша запоетъ говоркомъ:

Лю-юбовь — что такое?
Что тако-ое любовь?
Это чувство неземное,
Что волнуетъ нашу кровь?

И опять замолчитъ. А черезъ пять минутъ она замурлычетъ: «Любовь — что такое? Что такое любовь?..» Знаете, такой пошленькій-пошленькій мотивчикъ. Должно-быть, оба слышали его гдѣ-нибудь въ опереткѣ или съ эстрады... небось, нарочно въ городъ пѣшкомъ ходили. Да. Попоютъ и опять помолчатъ. А потомъ она, какъ будто незамѣтно, все поглядывая въ окошечко, глядь — и забудетъ руку на стойкѣ, а онъ возьметъ ее въ свои руки и перебираетъ палецъ за пальцемъ. И опять: «Лю-юбовь — что такое?..» На дворѣ — весна, разливъ, томность. И такъ они круглыя сутки. Тогда эта «любовь» мнѣ порядкомъ надоѣла, а теперь, знаете, трогательно вспомнить. Вѣдь такимъ манеромъ они, должно-быть, любезничали до меня недѣли двѣ, а можетъ-быть, и послѣ меня съ мѣсяцъ. И я только потомъ почувствовалъ, какое это счастіе, какой лучъ свѣта въ ихъ бѣдной, узенькой-узенькой жизни, ограниченной еще больше, чѣмъ наша нелѣпая жизнь — о, куда! — въ сто разъ больше!.. Впрочемъ... Постойте-ка, Ромашовъ. Мысли у меня путаются. Къ чему это я о телеграфистѣ?

Назанскій опять подошелъ къ поставцу. Но онъ не пилъ, а, повернувшись спиной къ Ромашову, мучительно теръ лобъ и крѣпко сжималъ виски пальцами правой

руки. И въ этомъ нервномъ движеніи было что-то жалкое, безсильное, приниженное.

— Вы говорили о женской любви — о безднѣ, о тайнѣ, о радости, — напомнилъ Ромашовъ.

— Да, любовь! — воскликнулъ Назанскій ликующимъ голосомъ. Онъ быстро выпилъ рюмку, отвернулся съ загорѣвшимися глазами отъ поставца и торопливо утеръ губы рукавомъ рубашки. — Любовь! Кто понимаетъ ее? Изъ нея сдѣлали тему для грязныхъ, помойныхъ опереткъ, для похабныхъ карточекъ, для мерзкихъ анекдотовъ, для мерзкихъ-мерзкихъ стишковъ. Это мы, офицеры, сдѣлали. Вчера у меня былъ Дицъ. Онъ сидѣлъ на томъ же самомъ мѣстѣ, гдѣ теперь сидите вы. Онъ игралъ своимъ золотымъ пенсне и говорилъ о женщинахъ. Ромашовъ, дорогой мой, если бы животныя, напримѣръ, собаки, обладали даромъ пониманія человѣческой рѣчи, и если бы одна изъ нихъ услышала вчера Дица, ей-Богу, она ушла бы изъ комнаты отъ стыда. Вы знаете — Дицъ хорошій человѣкъ, да и всѣ хорошіе, Ромашовъ: дурныхъ людей нѣтъ. Но онъ стыдится иначе говорить о женщинахъ, стыдится изъ боязни потерять свое реноме циника, развратника и побѣдителя. Тутъ какой-то общій обманъ, какое-то напускное мужское молодечество, какое-то хвастливое презрѣніе къ женщинѣ. И все это оттого, что для большинства въ любви, въ обладаніи женщиной, понимаете, въ окончательномъ обладаніи — таится что-то грубо-животное, что-то эгоистичное, только для себя, что-то сокровенно-низменное, блудливое и постыдное — чортъ! — я не умѣю этого выразить. И оттого-то у большинства вслѣдъ за обладаніемъ идетъ холодность, отвращеніе, вражда. Оттого-то люди и отвели для любви ночь, такъ же, какъ для воровства и для убійства... Тутъ, дорогой мой, природа устроила для людей какую-то засаду съ приманкой и съ петлей.

— Это правда, — тихо и печально согласился Ромашовъ.

— Нѣтъ, не правда! — громко крикнулъ Назанскій.— А я вамъ говорю—не правда. Природа, какъ и во всемъ, распорядилась геніально. То-то и дѣло, что для поручика Дица вслѣдъ за любовью идетъ брезгливость и пресыщеніе, а для Данте вся любовь — прелесть, очарованіе, весна! Нѣтъ, нѣтъ, не думайте: я говорю о любви въ самомъ прямомъ, тѣлесномъ смыслѣ. Но она — удѣлъ избранниковъ. Вотъ вамъ примѣръ: всѣ люди обладаютъ музыкальнымъ слухомъ, но у милліоновъ онъ, какъ у рыбы трески или какъ у штабсъ-капитана Васильченки, а одинъ изъ этого милліона — Бетховенъ. Такъ во всемъ: въ поэзіи, въ художествѣ, въ мудрости... И любовь, говорю я вамъ, имѣетъ свои вершины, доступныя лишь единицамъ изъ милліоновъ.

Онъ подошелъ къ окну, прислонился лбомъ къ углу стѣны рядомъ съ Ромашовымъ и, задумчиво глядя въ теплый мракъ весенней ночи, заговорилъ вздрагивающимъ, глубокимъ, проникновеннымъ голосомъ:

— О, какъ мы не умѣемъ цѣнить ея тонкихъ, неуловимыхъ прелестей, мы — грубые, лѣнивые, недальновидные. Понимаете ли вы, сколько разнообразнаго счастія и очаровательныхъ мученій заключается въ нераздѣльной, безнадежной любви? Когда я былъ помоложе, во мнѣ жила одна греза: влюбиться въ недосягаемую, необыкновенную женщину, такую, знаете ли, съ которой у меня никогда и ничего не можетъ быть общаго. Влюбиться и всю жизнь, всѣ мысли посвятить ей. Все равно: наняться поденщикомъ, поступить въ лакеи, въ кучера — переодѣваться, хитрить, чтобы только хоть разъ въ годъ случайно увидѣть ее, поцѣловать слѣды ея ногъ на лѣстницѣ, чтобы — о, какое безумное блаженство! — разъ въ жизни прикоснуться къ ея платью.

— И кончить сумасшествіемъ, — мрачно сказалъ Ромашовъ.

— Ахъ, милый мой, не все ли равно! — возразилъ съ пылкостью Назанскій и опять нервно забѣгалъ по комнатѣ. — Можетъ-быть, — почемъ знать? — вы тогда-то и вступите въ блаженную сказочную жизнь. Ну, хорошо: вы сойдете съ ума отъ этой удивительной, невѣроятной любви, а поручикъ Дицъ сойдетъ съ ума отъ прогрессивнаго паралича и отъ гадкихъ болѣзней. Что же лучше? Но подумайте только, какое счастье — стоять цѣлую ночь на другой сторонѣ улицы, въ тѣни, и глядѣть въ окно обожаемой женщины. Вотъ освѣтилось оно изнутри, на занавѣскѣ движется тѣнь. Не она ли это? Что она дѣлаетъ? Что думаетъ? Погасъ свѣтъ. Спи мирно, моя радость, спи, возлюбленная моя!.. И день уже полонъ — это побѣда! Дни, мѣсяцы, годы употреблять всѣ силы изобрѣтательности и настойчивости, и вотъ — великій, умопомрачительный восторгъ: у тебя въ рукахъ ея платокъ, бумажка отъ конфеты, оброненная афиша. Она ничего не знаетъ о тебѣ, никогда не услышитъ о тебѣ, глаза ея скользятъ по тебѣ, не видя, но ты тутъ, подлѣ, всегда обожающій, всегда готовый отдать за нее — нѣтъ, зачѣмъ за нее — за ея капризъ, за ея мужа, за любовника, за ея любимую собачонку — отдать и жизнь, и честь, и все, что только возможно отдать! Ромашовъ, такихъ радостей не знаютъ красавцы и побѣдители.

— О, какъ это вѣрно! Какъ хорошо все, что вы говорите! — воскликнулъ взволнованный Ромашовъ. Онъ уже давно всталъ съ подоконника и такъ же, какъ и Назанскій, ходилъ по узкой, длинной комнатѣ, ежеминутно сталкиваясь съ нимъ и останавливаясь. — Какія мысли приходятъ вамъ въ голову! Я вамъ разскажу про себя. Я былъ влюбленъ въ одну... женщину. Это было не здѣсь, не здѣсь... еще въ Москвѣ .. я былъ... юнкеромъ.

Но она не знала объ этомъ. И мнѣ доставляло чудесное удовольствіе сидѣть около нея и, когда она что-нибудь работала, взять нитку и тихонько тянуть къ себѣ. Только и всего. Она не замѣчала этого, совсѣмъ не замѣчала, а у меня отъ счастья кружилась голова.

— Да, да, я понимаю, — кивалъ головой Назанскій, весело и ласково улыбаясь. — Я понимаю васъ. Это — точно проволока, точно электрическій токъ? Да? Какое-то тонкое, нѣжное общеніе? Ахъ, милый мой, жизнь такъ прекрасна!..

Назанскій замолчалъ, растроганный своими мыслями, и его голубые глаза, наполнившись слезами, заблестѣли. Ромашова также охватила какая-то неопредѣленная, мягкая жалость и немного истеричное умиленіе. Эти чувства относились одинаково и къ Назанскому, и къ нему самому.

— Василій Нилычъ, я удивляюсь вамъ, — сказалъ онъ, взявъ Назанскаго за обѣ руки и крѣпко сжимая ихъ. — Вы — такой талантливый, чуткій, широкій человѣкъ, и вотъ... точно нарочно губите себя. О, нѣтъ, нѣтъ, я не смѣю читать вамъ пошлой морали... Я самъ... Но что̀, если бы вы встрѣтили въ своей жизни женщину, которая сумѣла бы васъ оцѣнить и была бы васъ достойна. Я часто объ этомъ думаю!..

Назанскій остановился и долго смотрѣлъ въ раскрытое окно.

— Женщина... — протянулъ онъ задумчиво. — Да! Я вамъ разскажу!—воскликнулъ онъ вдругъ рѣшительно.— Я встрѣтился одинъ-единственный разъ въ жизни съ чудной, необыкновенной женщиной. Съ дѣвушкой... Но знаете, какъ это у Гейне: «Она была достойна любви, и онъ любилъ ее, но онъ былъ недостоинъ любви, и она не любила его». Она разлюбила меня за то, что я пью... впрочемъ, я не знаю, можетъ-быть, я и пью оттого, что

она меня разлюбила. Она... ея здѣсь тоже нѣтъ... это было давно. Вѣдь вы знаете, я прослужилъ сначала три года, потомъ былъ четыре года въ запасѣ, а потомъ три года тому назадъ опять поступилъ въ полкъ. Между нами не было романа. Всего десять-пятнадцать встрѣчъ, пять-шесть интимныхъ разговоровъ. Но — думали ли вы когда-нибудь о неотразимой, обаятельной власти прошедшаго? Такъ вотъ, въ этихъ невинныхъ мелочахъ — все мое богатство. Я люблю ее до сихъ поръ. Подождите, Ромашовъ... Вы стóите этого. Я вамъ прочту ея единственное письмо — первое и послѣднее, которое она мнѣ написала.

Онъ сѣлъ на корточки передъ чемоданомъ и сталъ неторопливо переворачивать въ немъ какія-то бумаги. Въ то же время онъ продолжалъ говорить:

— Пожалуй, она никогда и никого не любила, кромѣ себя. Въ ней пропасть властолюбія, какая-то злая и гордая сила. И въ то же время она — такая добрая, женственная, безконечно-милая. Точно въ ней два человѣка: одинъ — съ сухимъ, эгоистичнымъ умомъ, другой — съ нѣжнымъ и страстнымъ сердцемъ. Вотъ оно, читайте, Ромашовъ. Чтò сверху — это лишнее. — Назанскій отогнулъ нѣсколько строкъ сверху. — Вотъ отсюда. Читайте.

Что-то, казалось, постороннее, ударило Ромашову въ голову, и вся комната пошатнулась передъ его глазами. Письмо было написано крупнымъ, нервнымъ, тонкимъ почеркомъ, который могъ принадлежать только одной Александрѣ Петровнѣ — такъ онъ былъ своеобразенъ, неправиленъ и изященъ. Ромашовъ, часто получавшій отъ нея записки съ приглашеніями на обѣдъ и на партію винта, могъ бы узнать этотъ почеркъ изъ тысячи различныхъ писемъ.

«...и горько и тяжело произнести его, — читалъ онъ

изъ-подъ руки Назанскаго. — Но вы сами сдѣлали все, чтобы привести наше знакомство къ такому печальному концу. Больше всего въ жизни я стыжусь лжи, всегда идущей отъ трусости и отъ слабости, и потому не стану вамъ лгать. Я любила васъ и до сихъ поръ еще люблю, и знаю, что мнѣ не скоро и не легко будетъ уйти отъ этого чувства. Но въ концѣ концовъ я все-таки одержу надъ нимъ побѣду. Что было бы, если бы я поступила иначе? Во мнѣ, правда, хватило бы силъ и самоотверженности быть вожатымъ, нянькой, сестрой милосердія при безвольномъ, опустившемся, нравственно разлагающемся человѣкѣ, но я ненавижу чувства жалости и постояннаго унизительнаго всепрощенія, и не хочу, чтобы вы ихъ во мнѣ возбуждали. Я не хочу, чтобы вы питались милостыней состраданія и собачьей преданности. А другимъ вы быть не можете, несмотря на вашъ умъ и прекрасную душу. Скажите честно, искренно, вѣдь не можете? Ахъ, дорогой Василій Нилычъ, если бы вы могли! Если бы! Къ вамъ стремится все мое сердце, всѣ мои желанія, я люблю васъ. Но вы сами не захотѣли меня. Вѣдь для любимаго человѣка можно перевернуть весь міръ, а я васъ просила такъ о немногомъ. Вы не можете?

«Прощайте. Мысленно цѣлую васъ въ лобъ... какъ покойника, потому что вы умерли для меня. Совѣтую это письмо уничтожить. Не потому, чтобы я чего-нибудь боялась, но потому, что со временемъ оно будетъ для васъ источникомъ тоски и мучительныхъ воспоминаній. Еще разъ повторяю...»

— Дальше вамъ не интересно, — сказалъ Назанскій, вынимая изъ рукъ Ромашова письмо. — Это было ея единственное письмо ко мнѣ.

— Что же было потомъ? — съ трудомъ спросилъ Ромашовъ.

— Потомъ? Потомъ мы не видались больше. Она... она уѣхала куда-то и, кажется, вышла замужъ за... одного инженера. Это второстепенное.

— И вы никогда не бываете у Александры Петровны?

Эти слова Ромашовъ сказалъ совсѣмъ шопотомъ, но оба офицера вздрогнули отъ нихъ и долго не могли отвести глазъ другъ отъ друга. Въ эти нѣсколько секундъ между ними точно раздвинулись всѣ преграды человѣческой хитрости, притворства и непроницаемости, и они свободно читали въ душахъ другъ у друга. Они сразу поняли сотню вещей, которыя до сихъ поръ таили про себя, и весь ихъ сегодняшній разговоръ принялъ вдругъ какой-то особый, глубокій, точно трагическій смыслъ.

— Какъ? И вы — тоже? — тихо, съ выраженіемъ безумнаго страха въ глазахъ, произнесъ наконецъ Назанскій.

Но онъ тотчасъ же опомнился и съ натянутымъ смѣхомъ воскликнулъ:

— Фу, какое недоразумѣніе! Мы съ вами совсѣмъ удалились отъ темы. Письмо, которое я вамъ показалъ, писано сто лѣтъ тому назадъ, и эта женщина живетъ теперь гдѣ-то далеко, кажется, въ Закавказьѣ... Итакъ, на чемъ же мы остановились?

— Мнѣ пора домой, Василій Нилычъ. Поздно, — сказалъ Ромашовъ, вставая.

Назанскій не сталъ его удерживать. Простились они не холодно и не сухо, но точно стыдясь другъ друга. Ромашовъ теперь еще болѣе былъ увѣренъ, что письмо писано Шурочкой. Идя домой, онъ все время думалъ объ этомъ письмѣ и самъ не могъ понять, какія чувства оно въ немъ возбуждало. Тутъ была и ревнивая зависть къ Назанскому — ревность къ прошлому, и какое-то торжествующее злое сожалѣніе къ Николаеву, но въ то же время была и какая-то новая надежда — неопре-

дѣленная, туманная, но сладкая и манящая. Точно это письмо и ему давало въ руки какую-то таинственную, незримую нить, идущую въ будущее.

Вѣтеръ утихъ.

Ночь была полна глубокой тишиной, и темнота ея казалась бархатной и теплой. Но тайная, творческая жизнь чуялась въ безсонномъ воздухѣ, въ спокойствіи невидимыхъ деревьевъ, въ запахѣ земли. Ромашовъ шелъ, не видя дороги, и ему все представлялось, что вотъ-вотъ кто-то могучій, властный и ласковый дохнетъ ему въ лицо жаркимъ дыханіемъ. И была у него въ душѣ ревнивая грусть по его прежнимъ, дѣтскимъ, такимъ яркимъ и невозвратимымъ вёснамъ, была тихая, беззлобная зависть къ своему чистому, нѣжному прошлому...

Придя къ себѣ, онъ засталъ вторую записку отъ Раисы Александровны Петерсонъ. Она нелѣпымъ и выспреннимъ слогомъ писала о коварномъ обманѣ, о томъ, что она все понимаетъ, и о всѣхъ ужасахъ мести, на которые способно разбитое женское сердце.

«Я знаю, что мнѣ теперь дѣлать! — говорилось въ письмѣ. — Если только я не умру на чахотку отъ вашего подлаго поведенія, то, повѣрьте, я жестоко отплачу вамъ. Можетъ-быть, вы думаете, что никто не знаетъ, гдѣ вы бываете каждый вечеръ? Слѣпецъ! И у стѣнъ есть уши. Мнѣ извѣстенъ каждый вашъ шагъ. Но, все равно, съ вашей наружностью и краснорѣчіемъ вы т а м ъ ничего не добьетесь, кромѣ того, что N. васъ вышвырнетъ за дверь, какъ щенка. А со мною совѣтую вамъ быть осторожнѣе. Я не изъ тѣхъ женщинъ, которыя прощаютъ нанесенныя обиды.

«Владѣть кинжаломъ я умѣю,
Я близъ Кавказа рождена!!!

«Прежде ваша, теперь ничья

«Раиса.

«P. S. Непремѣнно будьте въ ту субботу въ собраніи. Намъ надо объясниться. Я для васъ оставлю 3-ю кадриль, но ужъ теперь не по значенію.

«Р. П.»

Глупостью, пошлостью, провинціальнымъ болотомъ и злой сплетней повѣяло на Ромашова отъ этого безграмотнаго и безтолковаго письма. И самъ себѣ онъ показался съ ногъ до головы запачканнымъ тяжелой, несмываемой грязью, которую на него наложила эта связь съ нелюбимой женщиной, — связь, тянувшаяся почти полгода. Онъ легъ въ постель, удрученный, точно раздавленный всѣмъ нынѣшнимъ днемъ, и, уже засыпая, подумалъ про себя словами, которыя онъ слышалъ вечеромъ отъ Назанскаго:

«Его мысли были сѣры, какъ солдатское сукно».

Онъ заснулъ скоро, тяжелымъ сномъ. И, какъ это всегда съ нимъ бывало въ послѣднее время послѣ крупныхъ огорченій, онъ увидѣлъ себя во снѣ мальчикомъ. Не было грязи, тоски, однообразія жизни, въ тѣлѣ чувствовалась бодрость, душа была свѣтла и чиста и играла безсознательной радостью. И весь міръ былъ свѣтелъ и чистъ, а посреди его — милыя, знакомыя улицы Москвы блистали тѣмъ прекраснымъ сіяніемъ, какое можно видѣть только во снѣ. Но гдѣ-то на краю этого ликующаго міра, далеко на горизонтѣ, оставалось темное, зловѣщее пятно: тамъ притаился сѣренькій, унылый городишко съ тяжелой и скучной службой, съ ротными школами, съ пьянствомъ въ собраніи, съ тяжестью и противной любовной связью, съ тоской и одиночествомъ. Вся жизнь звенѣла и сіяла радостью, но темное враждебное пятно тайно, какъ черный призракъ, подстерегало Ромашова и ждало своей очереди. И одинъ, маленькій Ромашовъ — чистый, беззаботный, невинный — страстно пла-

калъ о своемъ старшемъ двойникѣ, уходящемъ, точно расплывающемся въ этой злобной тьмѣ.

Среди ночи онъ проснулся и замѣтилъ, что его подушка влажна отъ слезъ. Онъ не могъ сразу удержать ихъ, и онѣ еще долго сбѣгали по его щекамъ теплыми, мокрыми, быстрыми струйками.

VI.

За исключеніемъ немногихъ честолюбцевъ и карьеристовъ, всѣ офицеры несли службу, какъ принудительную, непріятную, опротивѣвшую барщину, томясь ею и не любя ея. Младшіе офицеры, совсѣмъ по-школьнически, опаздывали на занятія и потихоньку убѣгали съ нихъ, если знали, что имъ за это не достанется. Ротные командиры, большею частью люди многосемейные, погруженные въ домашніе дрязги и въ романы своихъ женъ, придавленные жестокой бѣдностью и жизнью сверхъ средствъ, кряхтѣли подъ бременемъ непомѣрныхъ расходовъ и векселей. Они строили заплату на заплатѣ, хватая деньги въ одномъ мѣстѣ, чтобы заткнуть долгъ въ другомъ: многіе изъ нихъ рѣшались—и чаще всего по настоянію своихъ женъ—заимствовать деньги изъ ротныхъ суммъ или изъ платы, приходившейся солдатамъ за вольныя работы; иные по мѣсяцамъ и даже годамъ задерживали денежныя солдатскія письма, которыя они, по правиламъ, должны были распечатывать. Нѣкоторые только и жили, что винтомъ, штоссомъ и ландскнехтомъ: кое-кто игралъ нечисто, — объ этомъ знали, но смотрѣли сквозь пальцы. При этомъ всѣ сильно пьянствовали, какъ въ собраніи, такъ и въ гостяхъ другъ у друга, иные же, въ родѣ Сливы, — въ одиночку.

Такимъ образомъ офицерамъ даже некогда было серьезно относиться къ своимъ обязанностямъ. Обыкно-

венно весь внутренній механизмъ роты приводилъ въ движеніе и регулировалъ фельдфебель; онъ же велъ всю канцелярскую отчетность и держалъ ротнаго командира незамѣтно, но крѣпко, въ своихъ жилистыхъ, многоопытныхъ рукахъ. На службу ротные ходили съ такимъ же отвращеніемъ, какъ и субалтернъ-офицеры, и «подтягивали фендриковъ» только для соблюденія престижа, а еще рѣже изъ властолюбиваго самодурства.

Батальонные командиры ровно ничего не дѣлали, особенно зимой. Есть въ арміи два такихъ промежуточныхъ званія—батальоннаго и бригаднаго командировъ: начальники эти всегда находятся въ самомъ неопредѣленномъ и бездѣятельномъ положеніи. Лѣтомъ имъ все-таки приходилось дѣлать батальонныя ученія, участвовать въ полковыхъ и дивизіонныхъ занятіяхъ и нести трудности маневровъ. Въ свободное же время они сидѣли въ собраніи, съ усердіемъ читали «Инвалидъ» и спорили о чинопроизводствѣ, играли въ карты, позволяли охотно младшимъ офицерамъ угощать себя, устраивали у себя на домахъ вечеринки и старались выдавать своихъ многочисленныхъ дочерей замужъ.

Однако передъ большими смотрами всѣ, отъ мала до велика, подтягивались и тянули другъ друга. Тогда уже не знали отдыха, наверстывая лишними часами занятій и напряженной, хотя и безтолковой энергіей то, что было пропущено. Съ силами солдатъ не считались, доводя людей до изнуренія. Ротные жестоко рѣзали и осаживали младшихъ офицеровъ, младшіе офицеры сквернословили нестественно неумѣло и безобразно, унтеръ-офицеры, охрипшіе отъ ругани, жестоко дрались. Впрочемъ, дрались и не одни только унтеръ-офицеры.

Такіе дни бывали настоящей страдой, и о воскресномъ отдыхѣ, съ лишними часами сна, мечталъ, какъ о райскомъ блаженствѣ, весь полкъ, начиная съ коман-

дира до послѣдняго затрепаннаго и замурзаннаго денщика.

Этой весной въ полку усиленно готовились къ майскому параду. Стало навѣрно извѣстнымъ, что смотръ будетъ производить командиръ корпуса, взыскательный боевой генералъ, извѣстный въ міровой военной литературѣ своими записками о войнѣ карлистовъ и о франко-прусской кампаніи 1870 года, въ которыхъ онъ участвовалъ въ качествѣ волонтера. Еще болѣе широкою извѣстностью пользовались его приказы, написанные въ лапидарномъ суворовскомъ духѣ. Провинившихся подчиненныхъ онъ раздѣлывалъ въ этихъ приказахъ со свойственнымъ ему хлесткимъ и грубымъ сарказмомъ, котораго офицеры боялись больше всякихъ дисциплинарныхъ наказаній. Поэтому въ ротахъ шла, вотъ уже двѣ недѣли, поспѣшная, лихорадочная работа, и воскресный день съ одинаковымъ нетерпѣніемъ ожидался какъ усталыми офицерами, такъ и задерганными, ошалѣвшими солдатами.

Но для Ромашова, благодаря аресту, пропала вся прелесть этого сладкаго отдыха. Всталъ онъ очень рано и, какъ ни старался, не могъ потомъ заснуть. Онъ вяло одѣвался, съ отвращеніемъ пилъ чай и даже разъ за что-то грубо прикрикнулъ на Гайнана, который, какъ и всегда, былъ веселъ, подвиженъ и неуклюжъ, какъ молодой щенокъ.

Въ сѣрой разстегнутой тужуркѣ кружился Ромашовъ по своей крошечной комнатѣ, задѣвая ногами за ножки кровати, а локтями за шаткую, пыльную этажерку. Въ первый разъ за полтора года — и то благодаря несчастному и случайному обстоятельству — онъ остался наединѣ самъ съ собою. Прежде этому мѣшала служба, дежурства, вечера въ собраніи, карточная игра, ухаживаніе за Петерсонъ, вечера у Николаевыхъ. Иногда,

если и случался свободный, ничѣмъ не заполненный часъ, то Ромашовъ, томимый скукой и бездѣльемъ, точно боясь самого себя, торопливо бѣжалъ въ клубъ, или къ знакомымъ, или просто на улицу, до встрѣчи съ кѣмъ-нибудь изъ холостыхъ товарищей, что всегда кончалось выпивкой. Теперь же онъ съ тоской думалъ, что впереди — цѣлый день одиночества, и въ голову ему лѣзли все такія странныя, неудобныя и ненужныя мысли.

Въ городѣ зазвонили къ поздней обѣднѣ. Сквозь вторую, еще не выставленную раму до Ромашова доносились дрожащіе, точно рождающіеся одинъ изъ другого, звуки благовѣста, по-весеннему очаровательно-грустные. Сейчасъ же за окномъ начинался садъ, гдѣ во множествѣ росли черешни, всѣ бѣлыя отъ цвѣтовъ, круглыя и кудрявыя, точно стадо бѣлоснѣжныхъ овецъ, точно толпа дѣвочекъ въ бѣлыхъ платьяхъ. Между ними тамъ и сямъ возвышались стройные, прямые тополи съ вѣтками, молитвенно устремленными вверхъ, въ небо, и широко раскидывали свои мощныя купообразныя вершины старые каштаны; деревья были еще пусты и чернѣли голыми сучьями, но уже начинали, едва замѣтно для глаза, желтѣть первой, пушистой, радостной зеленью. Утро выдалось ясное, яркое, влажное. Деревья тихо вздрагивали и медленно качались. Чувствовалось, что между ними бродитъ ласковый прохладный вѣтерокъ и заигрываетъ, и шалитъ, и, наклоняя цвѣты книзу, цѣлуетъ ихъ.

Изъ окна направо была видна черезъ ворота часть грязной черной улицы, съ чьимъ-то заборомъ по ту сторону. Вдоль этого забора, бережно ступая ногами въ сухія мѣста, медленно проходили люди. «У нихъ цѣлый день еще впереди,—думалъ Ромашовъ, завистливо слѣдя за ними глазами:—оттого они и не торопятся. Цѣлый свободный день!»

И ему вдругъ нетерпѣливо, страстно, до слезъ захотѣлось сейчасъ же одѣться и уйти изъ комнаты. Его потянуло не въ собраніе, какъ всегда, а просто на улицу, на воздухъ. Онъ какъ будто не зналъ раньше цѣны свободѣ и теперь самъ удивлялся тому, какъ много счастья можетъ заключаться въ простой возможности итти, куда хочешь, повернуть въ любой переулокъ, выйти на площадь, зайти въ церковь и дѣлать это не боясь, не думая о послѣдствіяхъ. Эта возможность вдругъ представилась ему какимъ-то огромнымъ праздникомъ души.

И вмѣстѣ съ тѣмъ вспомнилось ему, какъ въ раннемъ дѣтствѣ, еще до корпуса, мать наказывала его тѣмъ, что привязывала его тоненькой ниткой за ногу къ кровати, а сама уходила. И маленькій Ромашовъ сидѣлъ покорно цѣлыми часами. Въ другое время онъ ни на секунду не задумался бы надъ тѣмъ, чтобы убѣжать изъ дому на весь день, хотя бы для этого пришлось спускаться по водосточному жолобу изъ окна второго этажа. Онъ часто, ускользнувъ такимъ образомъ, увязывался на другой конецъ Москвы за военной музыкой или за похоронами, онъ отважно воровалъ у матери сахаръ, варенье и папиросы для старшихъ товарищей, но нитка! — нитка оказывала на него странное, гипнотизирующее дѣйствіе. Онъ даже боялся натягивать ее немного посильнѣе, чтобы она какъ-нибудь не лопнула. Здѣсь былъ не страхъ наказанія и, конечно, не добросовѣстность и не раскаяніе, а именно гипнозъ, нѣчто въ родѣ суевѣрнаго страха передъ могущественными и непостижимыми дѣйствіями взрослыхъ, нѣчто въ родѣ почтительнаго ужаса дикаря передъ магическимъ кругомъ шамана.

«И вотъ я теперь сижу, какъ школьникъ, какъ мальчикъ, привязанный за ногу,—думалъ Ромашовъ, слоняясь по комнатѣ.—Дверь открыта, мнѣ хочется итти, куда

хочу, дѣлать, что хочу, говорить, смѣяться—а я сижу на ниткѣ. Это «я» сижу. Я. Вѣдь это — Я! Но вѣдь это только онъ рѣшилъ, что я долженъ сидѣть. Я не давалъ своего согласія.

— Я!—Ромашовъ остановился среди комнаты и съ разставленными врозь ногами, опустивъ голову внизъ, крѣпко задумался.—Я! Я! Я!—вдругъ воскликнулъ онъ громко, съ удивленіемъ, точно въ первый разъ понявъ это короткое слово.—Кто же это стоитъ здѣсь и смотритъ внизъ, на черную щель въ полу? Это—Я. О, какъ странно!.. Я-а,—протянулъ онъ медленно, вникая всѣмъ сознаніемъ въ этотъ звукъ.

Онъ разсѣянно и неловко улыбнулся, но тотчасъ же нахмурился и поблѣднѣлъ отъ напряженія мысли. Подобное съ нимъ случалось нерѣдко за послѣднія пять-шесть лѣтъ, какъ оно бываетъ почти со всѣми молодыми людьми въ періодъ созрѣванія души. Простая истина, поговорка, общеизвѣстное изреченіе, смыслъ котораго онъ давно уже механически зналъ, вдругъ, благодаря какому-то внезапному внутреннему освѣщенію, пріобрѣтали глубокое философское значеніе, и тогда ему казалось, что онъ впервые ихъ слышитъ, почти самъ открылъ ихъ. Онъ даже помнилъ, какъ это было съ нимъ въ первый разъ. Въ корпусѣ, на урокѣ закона Божія, священникъ толковалъ притчу о работникахъ, переносившихъ камни. Одинъ носилъ сначала мелкіе, а потомъ приступилъ къ тяжелымъ и послѣднихъ камней ужъ не могъ дотащить; другой же поступилъ наоборотъ и кончилъ свою работу благополучно. Для Ромашова вдругъ сразу отверзлась цѣлая бездна практической мудрости, скрытой въ этой безхитростной притчѣ, которую онъ зналъ и понималъ съ тѣхъ поръ, какъ выучился читать. То же самое случилось вскорѣ съ знакомой поговоркой: «Семь разъ отмѣрь — одинъ разъ отрѣжь». Въ одинъ

какой-то счастливый, проникновенный мигъ онъ понялъ въ ней все: благоразуміе, дальновидность, осторожную бережливость, расчетъ. Огромный житейскій опытъ уложился въ этихъ пяти-шести словахъ. Такъ и теперь, его вдругъ ошеломило и потрясло неожиданно-яркое сознаніе своей индивидуальности...

«Я—это внутри,—думалъ Ромашовъ:—а все остальное—это постороннее, это—не Я. Вотъ эта комната, улица, деревья, небо, полковой командиръ, поручикъ Андрусевичъ, служба, знамя, солдаты,—все это не Я. Нѣтъ, нѣтъ, это не Я. Вотъ мои руки и ноги,—Ромашовъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на свои руки, поднеся ихъ близко къ лицу и точно впервые разглядывая ихъ:—нѣтъ, это все—не Я. А вотъ я ущипну себя за руку... да, вотъ такъ... это Я. Я вижу руку, подымаю ее кверху — это Я. То, что̀ я теперь думаю, это тоже Я. И если я захочу пойти, это Я. И вотъ я остановился—это Я.

«О, какъ это странно, какъ просто и какъ изумительно. Можетъ-быть, у всѣхъ есть это Я? А можетъ-быть, не у всѣхъ? Можетъ-быть, ни у кого, кромѣ меня? А что̀ — если есть? Вотъ — стоятъ передо мной сто солдатъ, я кричу имъ: «Глаза напра-во!» — и сто человѣкъ, изъ которыхъ у каждаго есть свое Я и которые во мнѣ видятъ что-то чужое, постороннее, не Я, — они всѣ сразу поворачиваютъ головы направо. Но я не различаю ихъ другъ отъ друга, они — масса. А для полковника Шульговича, можетъ-быть, и я, и Вѣткинъ, и Лбовъ, и всѣ поручики и капитаны такъ же сливаются въ одно лицо, и мы ему такъ же чужіе, и онъ не отличаетъ насъ другъ отъ друга?»

Загремѣла дверь, и въ комнату вскочилъ Гайнàнъ. Переминаясь съ ноги на ногу и вздергивая плечами, точно приплясывая, онъ крикнулъ:

— Ваша благородія. Буфенчикъ больше не даваптъ папиросовъ. Говоритъ, поручикъ Скрябинъ не велѣлъ тебѣ въ долгъ давать.

— Ахъ, чортъ!—вырвалось у Ромашова.—Ну, иди, иди себѣ... Какъ же я буду безъ папиросъ?.. Ну, все равно, можешь итти, Гайнанъ.

«О чемъ я сейчасъ думалъ?—спросилъ самого себя Ромашовъ, оставшись одинъ. Онъ утерялъ нить мыслей и, по непривычкѣ думать послѣдовательно, не могъ сразу найти ее.—О чемъ я сейчасъ думалъ? О чемъ-то важномъ и нужномъ... Постой: надо вернуться назадъ... Сижу подъ арестомъ... по улицѣ ходятъ люди... въ дѣтствѣ мама привязывала... М е н я привязывала... Да, да... У солдата тоже — Я... Полковникъ Шульговичъ... Вспомнилъ... Ну, теперь дальше, дальше...

«Я сижу въ комнатѣ. Не запертъ. Хочу и не смѣю выйти изъ нея. Отчего не смѣю? Сдѣлалъ ли я какое-нибудь преступленіе? Воровство? Убійство? Нѣтъ; говоря съ другимъ, постороннимъ мнѣ человѣкомъ, я не держалъ ногъ вмѣстѣ и что-то сказалъ. Можетъ-быть, я былъ долженъ держать ноги вмѣстѣ? Почему? Неужели это—важно? Неужели это—главное въ жизни? Вотъ пройдетъ еще двадцать-тридцать лѣтъ—одна секунда въ томъ времени, которое было до меня и будетъ послѣ меня. Одна секунда! Мое Я погаснетъ, точно лампа, у которой прикрутили фитиль. Но лампу зажгутъ снова, и снова, и снова, а Меня уже не будетъ. И не будетъ ни этой комнаты, ни неба, ни полка, ни всего войска, ни звѣздъ, ни земного шара, ни моихъ рукъ и ногъ... Потому что не будетъ Меня...

«Да, да... это такъ... Ну, хорошо... подожди... надо постепенно... ну, дальше... Меня не будетъ. Было темно, кто-то зажегъ мою жизнь и сейчасъ же потушилъ ее, и опять стало темно навсегда, на вѣки вѣковъ... Что же я дѣлалъ въ этотъ коротенькій мигъ? Я держалъ руки

по швамъ и каблуки вмѣстѣ, тянулъ носокъ внизъ при маршировкѣ, кричалъ во все горло: «На плечо!», ругался и злился изъ-за приклада, «недовернутаго на себя», трепеталъ передъ сотнями людей... Зачѣмъ? Эти призраки, которые умрутъ съ моимъ Я, заставляли меня дѣлать сотни ненужныхъ мнѣ и непріятныхъ вещей, и за это оскорбляли и унижали М е н я. Меня!!! Почему же мое Я подчинялось призракамъ?»

Ромашовъ сѣлъ къ столу, облокотился на него и сжалъ голову руками. Онъ съ трудомъ удерживалъ эти необычныя для него, разбѣгающіяся мысли:

«Гм... а ты позабылъ? Отечество? Колыбель? Прахъ отцовъ? Алтари?.. А воинская честь и дисциплина? Кто будетъ защищать твою родину, если въ нее вторгнутся иноземные враги?.. Да, но я умру, и не будетъ больше ни родины, ни враговъ, ни чести. Они живутъ, пока живетъ мое сознаніе. Но исчезни родина и честь, и мундиръ, и всѣ великія слова,—мое Я останется неприкосновеннымъ. Стало-быть, все-таки мое Я важнѣе всѣхъ этихъ понятій о долгѣ, о чести, о любви? Вотъ я служу... А вдругъ мое Я скажетъ: не хочу! Нѣтъ — не мое Я, а больше... весь милліонъ Я, составляющихъ армію, нѣтъ—еще больше—всѣ Я, населяющіе земной шаръ, вдругъ скажутъ: «не хочу!». И сейчасъ же война станетъ немыслимой, и ужъ никогда, никогда не будетъ этихъ «ряды вздвой!» и «полуоборотъ направо!»—потому что въ нихъ не будетъ надобности. Да, да, да! Это вѣрно, это вѣрно!—закричалъ внутри Ромашова какой-то торжествующій голосъ.—Вся эта военная доблесть, и дисциплина, и чинопочитаніе, и честь мундира, и вся военная наука,—все зиждется только на томъ, что человѣчество не хочетъ, или не умѣетъ, или не смѣетъ сказать «не хочу!»

«Что же такое все это хитро-сложенное зданіе воен-

наго ремесла? Ничто. Пуфъ, зданіе, висящее на воздухѣ, основанное даже не на двухъ короткихъ словахъ «не хочу», а только на томъ, что эти слова почему-то до сихъ поръ не произнесены людьми. Мое Я никогда вѣдь не скажетъ: «не хочу ѣсть, не хочу дышать, не хочу видѣть». Но если ему предложать умереть, оно непремѣнно, непремѣнно скажетъ — «не хочу». Что же такое тогда война съ ея неизбѣжными смертями и все военное искусство, изучающее лучшіе способы убивать? Міровая ошибка? Ослѣпленіе?»

«Нѣтъ, ты постой, подожди... Должно-быть, я самъ ошибаюсь. Не можетъ быть, чтобы я не ошибался, потому что это «не хочу»—такъ просто, такъ естественно, что должно было бы прійти въ голову каждому. Ну, хорошо: ну, разберемся. Положимъ, завтра, положимъ, сію секунду эта мысль пришла въ голову всѣмъ: русскимъ, нѣмцамъ, англичанамъ, японцамъ... И вотъ уже нѣтъ больше войны, нѣтъ офицеровъ и солдатъ, всѣ разошлись по домамъ. Что же будетъ? Да, что будетъ тогда? Я знаю, Шульговичъ мнѣ на это отвѣтитъ: «тогда придутъ къ намъ нежданно и отнимутъ у насъ земли и дома, вытопчутъ пашни, уведутъ нашихъ женъ и сестеръ». А бунтовщики? Соціалисты? Революціонеры?.. Да нѣтъ же, это неправда. Вѣдь все, все человѣчество сказало—не хочу кровопролитія. Кто же тогда пойдетъ съ оружіемъ и съ насиліемъ? Никто. Что же случится? Или, можетъ-быть, тогда всѣ помирятся? Уступятъ другъ другу? Подѣлятся? Простятъ? Господи, Господи, что же будетъ?»

Ромашовъ не замѣтилъ, занятый своими мыслями, какъ Гайнанъ тихо подошелъ къ нему сзади и вдругъ протянулъ черезъ его плечо руку. Онъ вздрогнулъ и слегка вскрикнулъ отъ испуга:

— Что тебѣ надо, чортъ!..

Гайнàнъ положилъ на столъ коричневую бумажную пачку.

— Тебѣ!—сказалъ онъ фамильярно и ласково, и Ромашовъ почувствовалъ, что онъ дружески улыбается за его спиной.—Тебѣ папиросы. Куры!

Ромашовъ посмотрѣлъ на пачку. На ней было напечатано: папиросы «Трубачъ», цѣна 3 коп. 20 шт.

— Что̀ это такое? Зачѣмъ?—спросилъ онъ съ удивленіемъ.—Откуда ты взялъ?

— Вижу, тебѣ папиросовъ нѣтъ. Купилъ за свой деньга. Куры, пожалюста, куры. Ничего. Дару тебѣ.

Гайнàнъ сконфузился и стремглавъ выбѣжалъ изъ комнаты, оглушительно хлопнувъ дверью. Подпоручикъ закурилъ папиросу. Въ комнатѣ запахло сургучомъ и жженными перьями.

«О, милый!—подумалъ растроганный Ромашовъ.—Я на него сержусь, кричу, заставляю его по вечерамъ снимать съ меня не только сапоги, но носки и брюки. А онъ вотъ купилъ мнѣ папиросъ за свои жалкія, послѣднія, солдатскія копейки. «Куры, пожалюста!» За что̀ же это?..

Онъ опять всталъ и, заложивъ руки за спину, зашагалъ по комнатѣ.

«Вотъ ихъ сто человѣкъ въ нашей ротѣ. И каждый изъ нихъ—человѣкъ съ мыслями, съ чувствами, со своимъ особеннымъ характеромъ, съ житейскимъ опытомъ, съ личными привязанностями и антипатіями. Знаю ли я что-нибудь о нихъ? Нѣтъ—ничего, кромѣ ихъ физіономій. Вотъ они съ праваго фланга: Солтысъ, Рябошапка, Веденѣевъ, Егоровъ, Ящишинъ... Сѣрыя, однообразныя лица. Что̀ я сдѣлалъ, чтобы прикоснуться душой къ ихъ душамъ, своимъ Я къ ихнему Я? — Ничего.

Ромашову вдругъ вспомнился одинъ ненастный вечеръ поздней осени. Нѣсколько офицеровъ, и вмѣстѣ съ ними

Ромашовъ, сидѣли въ собраніи и пили водку, когда вбѣжалъ фельдфебель 9-й роты Гуменюкъ и, запыхавшись, крикнулъ своему ротному командиру:

— Ваше высокоблагородіе, молодыхъ пригнали!..

Да, именно пригнали. Они стояли на полковомъ дворѣ, сбившись въ кучу, подъ дождемъ, точно стадо испуганныхъ и покорныхъ животныхъ, глядѣли недовѣрчиво, исподлобья. Но у всѣхъ у нихъ были особыя лица. Можетъ-быть, это такъ казалось отъ разнообразія одеждъ? «Этотъ вотъ, навѣрно, былъ слесаремъ,—думалъ тогда Ромашовъ, проходя мимо и вглядываясь въ лица: — а этотъ, должно-быть, весельчакъ и мастеръ играть на гармоніи. Этотъ — грамотный, расторопный и жуликоватый, съ быстрымъ, складнымъ говоркомъ — не былъ ли онъ раньше въ половыхъ?» И видно было также, что ихъ дѣйствительно пригнали, что еще нѣсколько дней тому назадъ ихъ съ воемъ и причитаніями провожали бабы и дѣти, и что они сами молодечествовали и крѣпились, чтобы не заплакать сквозь пьяный, рекрутскій угаръ... Но прошелъ годъ, и вотъ они стоятъ длинной, мертвой шеренгой — сѣрые, обезличенные, деревянные — с о л д а т ы! Они не хотѣли итти. И х ъ Я н е х о т ѣ л о. Господи, гдѣ же причины этого страшнаго недоразумѣнія? Гдѣ начало этого узла? Или все это—то же самое, что извѣстный опытъ съ пѣтухомъ? Наклонятъ пѣтуху голову къ столу—онъ бьется. Но проведутъ ему мѣломъ черту по носу и потомъ дальше по столу, и онъ ужъ думаетъ, что его привязали, и сидитъ, не шелохнувшись, выпучивъ глаза, въ какомъ-то сверхъестественномъ ужасѣ.

Ромашовъ дошелъ до кровати и повалился на нее.

«Что же мнѣ остается дѣлать въ такомъ случаѣ?— сурово, почти злобно спросилъ онъ самого себя.—Да, что мнѣ дѣлать? Уйти со службы? Но что ты знаешь? Что умѣешь дѣлать? Сначала пансіонъ, потомъ кадет-

скій корпусъ, военное училище, замкнутая офицерская жизнь... Зналъ ли ты борьбу? Нужду? Нѣтъ, ты жилъ на всемъ готовомъ, думая, какъ институтка, что французскія булки растутъ на деревьяхъ. Попробуй-ка, уйди. Тебя заклюютъ, ты сопьешься, ты упадешь на первомъ шагу къ самостоятельной жизни. Постой. Кто изъ офицеровъ, о которыхъ ты знаешь, ушелъ добровольно со службы? Да никто. Всѣ они цѣпляются за свое офицерство, потому что вѣдь они больше никуда не годятся, ничего не знаютъ. А если и уйдутъ, то ходятъ потомъ въ засаленной фуражкѣ съ околышкомъ: «Эйе ла бонте... благородный русскій офицеръ... компрене ву...» Ахъ, что же мнѣ дѣлать! Что же мнѣ дѣлать!..»

— Арестантикъ, арестантикъ!—зазвенѣлъ подъ окномъ ясный женскій голосъ.

Ромашовъ вскочилъ съ кровати и подбѣжалъ къ окну. На дворѣ стояла Шурочка. Она, закрывая глаза съ боковъ ладонями отъ свѣта, близко прильнула смѣющимся, свѣжимъ лицомъ къ стеклу и говорила нараспѣвъ:

— Пода-айте бѣ-ѣдному заключенненькому...

Ромашовъ взялся-было за скобку, но вспомнилъ, что окно еще не выставлено. Тогда, охваченный внезапнымъ порывомъ веселой рѣшимости, онъ изо всѣхъ силъ дернулъ къ себѣ раму. Она подалась и съ трескомъ распахнулась, осыпавъ голову Ромашова кусками известки и сухой замазки. Прохладный воздухъ, наполненный нѣжнымъ, тонкимъ и радостнымъ благоуханіемъ бѣлыхъ цвѣтовъ, потокомъ ворвался въ комнату.

«Вотъ такъ! Вотъ такъ надо искать выхода!»—закричалъ въ душѣ Ромашова смѣющійся, ликующій голосъ.

— Ромочка! Сумасшедшій! Что вы дѣлаете?

Онъ взялъ ея протянутую черезъ окно маленькую руку, крѣпко облитую коричневой перчаткой, и смѣло

поцѣловалъ ее сначала сверху, а потомъ снизу, въ сгибѣ, въ кругленькую дырочку надъ пуговицами. Онъ никогда не дѣлалъ этого раньше, но она безсознательно, точно подчиняясь той волнѣ восторженной отваги, которая такъ внезапно взмыла въ немъ, не противилась его поцѣлуямъ и только глядѣла на него со смущеннымъ удивленіемъ и улыбалась.

— Александра Петровна! Какъ мнѣ благодарить васъ? Милая!

— Ромочка, да что это съ вами? Чему вы обрадовались?—сказала она, смѣясь, но все еще пристально и съ любопытствомъ вглядываясь въ Ромашова. — У васъ глаза блестятъ. Постойте, я вамъ калачикъ принесла, какъ арестованному. Сегодня у насъ чудесные яблочные пирожки, сладкіе... Степанъ, да несите же корзинку.

Онъ смотрѣлъ на нее сіяющими, влюбленными глазами, не выпуская ея руки изъ своей,—она опять не сопротивлялась этому,—и говорилъ поспѣшно:

— Ахъ, если бы вы знали, о чемъ я думалъ нынче все утро... Если бы вы только знали! Но это потомъ...

— Да, потомъ... Вотъ идетъ мой супругъ и повелитель... Пустите руку. Какой вы сегодня удивительный, Юрій Алексѣевичъ. Даже похорошѣли.

Къ окну подошелъ Николаевъ. Онъ хмурился и не совсѣмъ любезно поздоровался съ Ромашовымъ.

— Иди, Шурочка, иди. — торопилъ онъ жену.—Это же, Богъ знаетъ, что такое. Вы, право, оба сумасшедшіе. Дойдетъ до командира — что хорошаго! Вѣдь онъ подъ арестомъ. Прощайте, Ромашовъ. Заходите.

— Заходите, Юрій Алексѣевичъ, — повторила и Шурочка.

Она отошла отъ окна, но тотчасъ же вернулась и сказала быстрымъ шопотомъ:

— Слушайте, Ромочка: нѣтъ, правда, не забывайте насъ. У меня единственный человѣкъ, съ кѣмъ я, какъ съ другомъ — это вы. Слышите? Только не смѣйте дѣлать на меня такихъ бараньихъ глазъ. А то и видѣть васъ не хочу. Пожалуйста, Ромочка, не воображайте о себѣ. Вы и не мужчина вовсе.

VII.

Въ половинѣ четвертаго къ Ромашову заѣхалъ полковой адъютантъ, поручикъ Федоровскій. Это былъ высокій и, какъ выражались полковыя дамы, представительный молодой человѣкъ съ холодными глазами и съ усами, продолженными до плечъ густыми подусниками. Онъ держалъ себя преувеличенно-вѣжливо, но строго-офиціально съ младшими офицерами, ни съ кѣмъ не дружилъ и былъ высокаго мнѣнія о своемъ служебномъ положеніи. Ротные командиры въ немъ заискивали.

Зайдя въ комнату, онъ бѣгло окинулъ прищуренными глазами всю жалкую обстановку Ромашова. Подпоручикъ, который въ это время лежалъ на кровати, быстро вскочилъ и, краснѣя, сталъ торопливо застегивать пуговицы тужурки.

— Я къ вамъ по порученію командира полка, — сказалъ Федоровскій сухимъ тономъ: — потрудитесь одѣться и ѣхать со мною.

— Виноватъ... я сейчасъ... форма одежды обыкновенная? Простите, я по-домашнему.

— Пожалуйста, не стѣсняйтесь. Сюртукъ. Если вы позволите, я бы присѣлъ?

— Ахъ, извините. Прошу васъ. Не угодно ли чаю?— заторопился Ромашовъ.

— Нѣтъ, благодарю. Пожалуйста, поскорѣе.

Онъ, не снимая пальто и перчатокъ, сѣлъ на стулъ

и, пока Ромашовъ одѣвался, волнуясь, безъ надобности суетясь и конфузясь за свою не особенно чистую сорочку, онъ сидѣлъ все время прямо и неподвижно съ каменнымъ лицомъ, держа руки на эфесѣ шашки.

— Вы не знаете, зачѣмъ меня зовутъ?

Адъютантъ пожалъ плечами.

— Странный вопросъ. Откуда же я могу знать? Вамъ это, должно-быть, безъ сомнѣнія, лучше моего извѣстно... Готовы? Совѣтую вамъ продѣть портупею подъ погонъ, а не сверху. Вы знаете, какъ командиръ полка этого не любитъ. Вотъ такъ... Ну-съ, поѣдемте.

У воротъ стояла коляска, запряженная парою рослыхъ, раскормленныхъ полковыхъ коней. Офицеры сѣли и поѣхали. Ромашовъ изъ вѣжливости старался держаться бокомъ, чтобы не тѣснить адъютанта, а тотъ какъ будто вовсе не замѣчалъ этого. По дорогѣ имъ встрѣтился Вѣткинъ. Онъ обмѣнялся съ адъютантомъ честью, но тотчасъ же за спиной его сдѣлалъ обернувшемуся Ромашову особый, непередаваемый юмористическій жестъ, который какъ будто говорилъ: «Что, братъ, поволокли тебя на расправу?» Встрѣчались и еще офицеры. Иные изъ нихъ внимательно, другіе съ удивленіемъ, а нѣкоторые точно съ насмѣшкой глядѣли на Ромашова, и онъ невольно ежился подъ ихъ взглядами.

Полковникъ Шульговичъ не сразу принялъ Ромашова: у него былъ кто-то въ кабинетѣ. Пришлось ждать въ полутемной передней, гдѣ пахло яблоками, нафталиномъ, свѣже-лакированной мебелью и еще чѣмъ-то особеннымъ, не непріятнымъ, чѣмъ пахнутъ одежда и вещи въ зажиточныхъ, аккуратныхъ нѣмецкихъ семействахъ. Топчась въ передней, Ромашовъ нѣсколько разъ взглядывалъ на себя въ стѣнное трюмо, оправленное въ свѣтлую ясеневую раму, и всякій разъ его собственное лицо казалось ему противно-блѣднымъ, некрасивымъ и какимъ-то

неестественнымъ, сюртукъ — слишкомъ заношеннымъ, а погоны — черезчуръ помятыми.

Сначала изъ кабинета доносился только глухой однотонный звукъ низкаго командирскаго баса. Словъ не было слышно, но по сердитымъ раскатистымъ интонаціямъ можно было догадаться, что полковникъ кого-то распекаетъ съ настойчивымъ и непреклоннымъ гнѣвомъ. Это продолжалось минутъ пять. Потомъ Шульговичъ вдругъ замолчалъ; послышался чей-то дрожащій, умоляющій голосъ, и вдругъ, послѣ мгновенной паузы, Ромашовъ явственно, до послѣдняго оттѣнка, услышалъ слова, произнесенныя со страшнымъ выраженіемъ высокомѣрія, негодованія и презрѣнія:

— Что̀ вы мнѣ очки втираете? Дѣти? Жена? Плевать я хочу на вашихъ дѣтей! Прежде чѣмъ надѣлать дѣтей, вы бы подумали, чѣмъ ихъ кормить. Что̀? Ага, теперь — виноватъ, господинъ полковникъ. Господинъ полковникъ въ вашемъ дѣлѣ ничѣмъ не виноватъ. Вы, капитанъ, знайте, что если господинъ полковникъ теперь не отдаетъ васъ подъ судъ, то я этимъ совершаю преступленіе по службѣ. Что̀-о-о? Извольте ма-алчать! Не ошибка-съ, а преступленіе-съ. Вамъ мѣсто не въ полку, а вы сами знаете — гдѣ. Что̀?

Опять задребезжалъ робкій, молящій голосъ, такой жалкій, что въ немъ, казалось, не было ничего человѣческаго. «Господи, что̀ же это? — подумалъ Ромашовъ, который точно приклеился около трюмо, глядя прямо въ свое поблѣднѣвшее лицо и не видя его, чувствуя, какъ у него покатилось и болѣзненно затрепыхалось сердце. — Господи, какой ужасъ!..»

Жалобный голосъ говорилъ довольно долго. Когда онъ кончилъ, опять раскатился глубокій басъ командира, но теперь болѣе спокойный и смягченный, точно Шульговичъ уже успѣлъ вылить свой гнѣвъ въ крикѣ и удо-

влетворилъ свою жажду власти видомъ чужого униженія.

Онъ говорилъ отрывисто:

— Хорошо-съ. Въ послѣдній разъ. Но пом-ни-те, это въ послѣдній разъ. Слышите? Зарубите это на своемъ красномъ, пьяномъ носу. Если до меня еще разъ дойдутъ слухи, что вы пьянствуете... Что? Ладно, ладно, знаю я ваши обѣщанія. Роту мнѣ чтобъ подготовили къ смотру. Не рота, а б.....ъ! Черезъ недѣлю пріѣду самъ и посмотрю... Ну, а затѣмъ вотъ вамъ мой совѣтъ-съ: первымъ дѣломъ очиститесь вы съ солдатскими деньгами и съ отчетностью. Слышите? Это чтобы завтра же было сдѣлано. Что? А мнѣ что за дѣло? Хоть родите... Затѣмъ, капитанъ, я васъ не держу. Имѣю честь кланяться.

Кто-то нерѣшительно завозился въ кабинетѣ и на цыпочкахъ, скрипя сапогами, пошелъ къ выходу. Но его сейчасъ же остановилъ голосъ командира, ставшій вдругъ черезчуръ суровымъ, чтобы не быть поддѣльнымъ.

— Постой-ка, поди сюда, чортова перечница... Небось, побѣжишь къ жидишкамъ? А? Векселя писать? Эхъ ты, дура, дура, дурья ты голова... Ну, ужъ на тебѣ, дьяволъ тебѣ въ печень. Одна, двѣ... разъ, двѣ, три, четыре... Триста. Больше не могу. Отдашь, когда сможешь. Фу, чортъ, что за гадость вы дѣлаете, капитанъ! — заоралъ полковникъ, возвышая голосъ по восходящей гаммѣ. — Не смѣйте никогда этого дѣлать! Это низость!.. Однако маршъ, маршъ, маршъ! Къ чорту-съ, къ чорту-съ. Мое почтеніе-съ!..

Въ переднюю вышелъ, весь красный, съ каплями пота на носу и на вискахъ и съ перевернутымъ, смущеннымъ лицомъ, маленькій капитанъ Свѣтовидовъ. Правая рука была у него въ карманѣ и судорожно хрустѣла новенькими бумажками. Увидѣвъ Ромашова, онъ засѣменилъ

погами, шутовски-неестественно захихикалъ и крѣпко вцѣпился своей влажной, горячей, трясущейся рукой въ руку подпоручика. Глаза у него напряженно и конфузливо бѣгали и въ то же время точно щупали Ромашова: слыхалъ онъ или нѣтъ?

— Лютъ! Аки тигра! — развязно и приниженно зашепталъ онъ, кивая по направленію кабинета. — Но ничего! — Свѣтовидовъ быстро и нервно перекрестился два раза. — Ничего. Слава Тебѣ, Господи, слава Тебѣ, Господи!

— Бон-да-рен-ко! — крикнулъ изъ-за стѣны полковой командиръ, и звукъ его огромнаго голоса сразу наполнилъ всѣ закоулки дома и, казалось, заколебалъ тонкія перегородки передней. Онъ никогда не употреблялъ въ дѣло звонка, полагаясь на свое необыкновенное горло. — Бондаренко! Кто тамъ есть еще? Проси.

— Аки скименъ! — шепнулъ Свѣтовидовъ съ кривой улыбкой. — Прощайте, поручикъ. Желаю вамъ легкаго пару.

Изъ дверей выюркнулъ денщикъ — типичный командирскій денщикъ, съ благообразно-наглымъ лицомъ, съ масляным проборомъ сбоку головы, въ бѣлыхъ нитяныхъ перчаткахъ. Онъ сказалъ почтительнымъ тономъ, но въ то же время дерзко, даже чуть-чуть прищурившись, глядя прямо въ глаза подпоручику:

— Ихъ высокоблагородіе просятъ ваше благородіе.

Онъ отворилъ дверь въ кабинетъ, стоя бокомъ, и самъ попятился назадъ, давая дорогу. Ромашовъ вошелъ.

Полковникъ Шульговичъ сидѣлъ за столомъ, въ лѣвомъ углу отъ входа. Онъ былъ въ сѣрой тужуркѣ, изъподъ которой виднѣлось великолѣпное блестящее бѣлье. Мясистыя красныя руки лежали на ручкахъ деревяннаго кресла. Огромное старческое лицо съ сѣдой короткой

щеткой волосъ на головѣ и съ сѣдой бородой клиномъ было сурово и холодно. Безцвѣтные свѣтлые глаза глядѣли враждебно. На поклонъ подпоручика онъ коротко кивнулъ головой. Ромашовъ вдругъ замѣтилъ у него въ ухѣ серебряную серьгу, въ видѣ полумѣсяца съ крестомъ, и подумалъ: «А вѣдь я этой серьги раньше не видалъ».

— Нехорошо-съ, — началъ командиръ рычащимъ басомъ, раздававшимся точно изъ глубины его живота, и сдѣлалъ длинную паузу. — Стыдно-съ! — продолжалъ онъ, повышая голосъ. — Служите безъ году недѣлю, а начинаете хвостомъ крутить. Имѣю многія основанія быть вами недовольнымъ. Помилуйте, что же это такое? Командиръ полка дѣлаетъ ему замѣчаніе, а онъ, несчастный прапорщикъ, фендрикъ, — позволяетъ себѣ возражать какую-то ерундистику. Безобразіе! — вдругъ закричалъ полковникъ такъ оглушительно, что Ромашовъ вздрогнулъ. — Немысленно! Развратъ!

Ромашовъ угрюмо смотрѣлъ вбокъ, и ему казалось, что никакая сила въ мірѣ не можетъ заставить его перевести глаза и поглядѣть въ лицо полковнику. «Гдѣ мое Я? — вдругъ насмѣшливо пронеслось у него въ головѣ. — Вотъ ты долженъ стоять навытяжку и молчать».

— Какими путями до меня дошло, я ужъ этого не буду вамъ передавать, но мнѣ извѣстно доподлинно, что вы пьете. Это омерзительно. Мальчишка, желторотый птенецъ, только-что вышедшій изъ школы, и напивается въ собраніи, какъ послѣдній сапожный подмастерье. Я, милый мой, все знаю; отъ меня ничто не укроется. Мнѣ извѣстно многое, о чемъ вы даже не подозрѣваете. Что жъ, если хотите катиться внизъ по наклонной плоскости — воля ваша. Но говорю вамъ въ послѣдній разъ: вникните въ мои слова. Такъ всегда бываетъ, мой другъ: начи-

нают рюмочкой, потомъ другой, а потомъ, глядь, и кончаютъ жизнь подъ заборомъ. Внѣдрите себѣ это въ голову-съ. А кромѣ того знайте: мы терпѣливы, но вѣдь и ангельское терпѣніе можетъ лопнуть... Смотрите, не доводите насъ до крайности. Вы одинъ, а общество офицеровъ — это цѣлая семья. Значитъ, всегда можно и того... за хвостъ и изъ компаніи вонъ.

«Я стою, я молчу, — съ тоской думалъ Ромашовъ, глядя неотступно на серьгу въ ухѣ полковника: — а мнѣ нужно было бы сказать, что я и самъ не дорожу этой семьей и хоть сейчасъ готовъ вырваться изъ нея, уйти въ запасъ. Сказать? Посмѣю ли я?»

Сердце у Ромашова опять дрогнуло и заколотилось, онъ даже сдѣлалъ какое-то безсильное движеніе губами и проглотилъ слюну, но попрежнему оставался неподвижнымъ.

— Да и вообще ваше поведеніе... — продолжалъ жестокимъ тономъ Шульговичъ. — Вотъ вы въ прошломъ году, не успѣвъ прослужить и года, просились, напримѣръ, въ отпускъ. Говорили что-то такое о болѣзни вашей матушки, показывали тамъ письмо какое-то отъ нея... Что жъ, я не смѣю, понимаете ли — не смѣю не вѣрить своему офицеру. Разъ вы говорите — матушка, пусть будетъ матушка. Что жъ, всяко бываетъ. Но знаете — все это какъ-то одно къ одному, и, понимаете...

Ромашовъ давно уже чувствовалъ, какъ у него начало, сначала едва замѣтно, а потомъ все сильнѣе и сильнѣе, дрожать колѣно правой ноги. Наконецъ это непроизвольное нервное движеніе стало такъ замѣтно, что отъ него задрожало все тѣло. Это было очень неловко и очень непріятно, и Ромашовъ со стыдомъ думалъ, что Шульговичъ можетъ принять эту дрожь за проявленіе страха передъ нимъ. Но когда полковникъ заговорилъ о его матери, кровь вдругъ горячимъ, охмеляющимъ по-

токомъ кинулась въ голову Ромашову, и дрожь мгновенно прекратилась. Въ первый разъ онъ поднялъ глаза кверху и въ упоръ посмотрѣлъ прямо въ переносицу Шульговичу съ ненавистью, съ твердымъ и — это онъ самъ чувствовалъ у себя на лицѣ — съ дерзкимъ выраженіемъ, которое сразу какъ будто уничтожило огромную лѣстницу, раздѣляющую маленькаго подчиненнаго отъ грознаго начальника. Вся комната вдругъ потемнѣла, точно въ ней задернулись занавѣски. Густой голосъ командира упалъ въ какую-то беззвучную глубину. Наступилъ промежутокъ чудовищной темноты и тишины — безъ мыслей, безъ воли, безъ всякихъ внѣшнихъ впечатлѣній, почти безъ сознанія, кромѣ одного страшнаго убѣжденія, что сейчасъ, вотъ сію минуту, произойдетъ что-то нелѣпое, непоправимое, ужасное. Странный, точно чужой голосъ шепнулъ вдругъ извнѣ въ ухо Ромашову: «Сейчасъ я его ударю», и Ромашовъ медленно перевелъ глаза на мясистую, большую старческую щеку и на серебряную серьгу въ ухѣ, съ крестомъ и полумѣсяцемъ.

Затѣмъ, какъ во снѣ, увидѣлъ онъ, еще не понимая этого, что въ глазахъ Шульговича поперемѣнно отразились удивленіе, страхъ, тревога, жалость... Безумная, неизбѣжная волна, захватившая такъ грозно и такъ стихійно душу Ромашова, вдругъ упала, растаяла, отхлынула далеко. Ромашовъ, точно просыпаясь, глубоко и сильно вздохнулъ. Все стало сразу простымъ и обыденнымъ въ его глазахъ. Шульговичъ суетливо показывалъ ему на стулъ и говорилъ съ неожиданной, грубоватой лаской:

— Фу, чортъ... какой же вы обидчивый... Да садитесь же, чортъ васъ задери! Ну, да... всѣ вы вотъ такъ. Глядите на меня, какъ на звѣря. Кричитъ, молъ, старый хрѣнъ безъ толку, безъ смысла, чортъ бы его далъ. А я, — густой голосъ заколыхался теплыми, взволнован-

ными нотами: — а я, ей-Богу, мой милый, люблю васъ всѣхъ, какъ своихъ дѣтей. Что же, вы думаете, не страдаю я за васъ? Не болѣю? Эхъ, господа, господа, не понимаете вы меня. Ну, ладно, ну, погорячился я, перехватилъ черезъ край — развѣ же можно на старика сердиться? Э-эхъ, молодежь. Ну, миръ — кончено. Руку. И пойдемъ обѣдать.

Ромашовъ молча поклонился и пожалъ протянутую ему руку, большую, пухлую и холодную руку. Чувство обиды у него прошло, но ему не было легче. Послѣ сегодняшнихъ утреннихъ важныхъ и гордыхъ мыслей онъ чувствовалъ себя теперь маленькимъ, жалкимъ, блѣднымъ школьникомъ, какимъ-то нелюбимымъ, робкимъ и заброшеннымъ мальчуганомъ, и этотъ переходъ былъ постыденъ. И потому-то, идя въ столовую вслѣдъ за полковникомъ, онъ подумалъ про себя, по своей привычкѣ, въ третьемъ лицѣ:

«Мрачное раздумье бороздило его чело».

Шульговичъ былъ бездѣтенъ. Къ столу вышла его жена, полная, крупная, важная и молчаливая дама, безъ шеи, со многими подбородками. Несмотря на пенсне и на высокомѣрный взглядъ, лицо у нея было простоватое и производило такое впечатлѣніе, какъ будто его наспѣхъ, бокомъ, выпекли изъ тѣста,—воткнувъ изюминки вмѣсто глазъ. Вслѣдъ за ней, часто шаркая ногами, приплелась древняя мамаша полковника, маленькая, глухая, но еще бодрая, ядовитая и властная старушонка. Пристально и безцеремонно разглядывая Ромашова снизу вверхъ, черезъ верхъ очковъ, она протянула ему и ткнула прямо въ губы свою крошечную, темную, всю сморщенную руку, похожую на кусочекъ мощей. Затѣмъ обратилась къ полковнику и спросила такимъ тономъ, какъ будто бы кромѣ ихъ двоихъ въ столовой никого не было:

— Это кто же такой? Не помню что-то.

Шульговичъ сложилъ ладони рукъ въ трубу около рта и закричалъ старушкѣ въ самое ухо:

— Подпоручикъ Ромашовъ, мамаша. Прекрасный офицеръ... фронтовикъ и молодчинище... изъ кадетскаго корпуса... Ахъ, да! — спохватился онъ вдругъ. — Вѣдь вы, подпоручикъ, кажется, нашъ, пензенскій?

— Точно такъ, господинъ полковникъ, пензенскій.

— Ну да, ну да... Я теперь вспомнилъ. Вѣдь мы же земляки съ вами. Наровчатскаго уѣзда, кажется?

— Точно такъ. Наровчатскаго.

— Ну да... Какъ же это я забылъ? Наровчатъ, одни колышки торчатъ. А мы — инсарскіе. Мамаша! — опять затрубилъ онъ матери на ухо: — подпоручикъ Ромашовъ — нашъ, пензенскій!.. Изъ Наровчата!.. Землякъ!..

— А-а! — старушка многозначительно повела бровями. — Такъ, такъ, такъ... То-то, я думаю... Значитъ, вы, выходитъ, сынокъ Сергѣя Петровича Шишкина?

— Мамаша! Ошиблись! Подпоручика фамилія — Ромашовъ, а совсѣмъ не Шишкинъ!..

— Вотъ, вотъ, вотъ... Я и говорю... Сергѣй-то Петровича я не знала... По наслышкѣ только. А вотъ Петра Петровича — того даже очень часто видѣла. Имѣнья, почитай, рядомъ были. Очень, оч-чень пріятно, молодой человѣкъ... Похвально съ вашей стороны.

— Ну, пошла теперь скрипѣть, старая скворечница,— сказалъ полковникъ вполголоса, съ грубымъ добродушіемъ. — Садитесь, подпоручикъ... Поручикъ Федоровскій! — крикнулъ онъ въ дверь. — Кончайте тамъ и идите пить водку!..

Въ столовую быстро вошелъ адъютантъ, который, по заведенному во многихъ полкахъ обычаю, обѣдалъ всегда у командира. Мягко и развязно позвякивая шпорами, онъ подошелъ къ отдѣльному майоликовому столику съ

закуской, налилъ себѣ водки и, не торопясь, выпилъ и закусилъ. Ромашовъ почувствовалъ къ нему зависть и какое-то смѣшное, мелкое уваженіе.

— А вы водки? — спросилъ Шульговичъ. — Вѣдь пьете?

— Нѣтъ. Благодарю покорно. Мнѣ что-то не хочется, — отвѣтилъ Ромашовъ сиплымъ голосомъ и прокашлялся.

— И-и пре-екрасно. Самое лучшее. Желаю и впредь такъ же.

Обѣдъ былъ сытный и вкусный. Видно было, что бездѣтные полковникъ и полковница прилѣпились къ невинной страстишкѣ — хорошо поѣсть. Подавали душистый супъ изъ молодыхъ кореньевъ и зелени, жаренаго леща съ кашей, прекрасно откормленную домашнюю утку и спаржу. На столѣ стояли три бутылки — съ бѣлымъ и краснымъ виномъ и съ мадерой, — правда, уже начатыя и заткнутыя серебряными фигурными пробками, но дорогія, хорошихъ иностранныхъ марокъ. Полковникъ — точно недавній гнѣвъ прекрасно повліялъ на его аппетитъ — ѣлъ съ особеннымъ вкусомъ и такъ красиво, что на него пріятно было смотрѣть. Онъ все время мило и грубо шутилъ. Когда подали спаржу, онъ, глубже засовывая за воротникъ тужурки ослѣпительно-бѣлую жесткую салфетку, сказалъ весело:

— Если бы я былъ царь, всегда бы ѣлъ спаржу!

Но раньше, за рыбой, онъ не утерпѣлъ и закричалъ на Ромашова начальническимъ тономъ:

— Подпоручикъ! Извольте отложить ножикъ въ сторону. Рыбу и котлеты ѣдятъ исключительно вилкой. Нехорошо-съ! Офицеръ долженъ умѣть ѣсть. Каждый офицеръ можетъ быть приглашенъ къ Высочайшему столу. Помните это.

Ромашовъ сидѣлъ за обѣдомъ неловкій, стѣсненный,

не зная, куда дѣвать руки, большею частью держа ихъ подъ столомъ и заплетая въ косички бахромку скатерти. Онъ давно уже отвыкъ отъ хорошей семейной обстановки, отъ приличной и комфортабельной мебели, отъ порядка за столомъ. И все время терзала его одна и та же мысль: «Вѣдь это же противно, это такая слабость и трусость съ моей стороны, что я не могъ, не посмѣлъ отказаться отъ этого унизительнаго обѣда. Ну вотъ я сейчасъ встану, сдѣлаю общій поклонъ и уйду. Пусть думаютъ, что хотятъ. Вѣдь не съѣстъ же онъ меня? Не отниметъ моей души, мыслей, сознанія? Уйду ли?» И опять, съ робко замирающимъ сердцемъ, блѣднѣя отъ внутренняго волненія, досадуя на самого себя, онъ чувствовалъ, что не въ состояніи это сдѣлать.

Наступилъ уже вечеръ, когда подали кофе. Красные, косые лучи солнца ворвались въ окна и заиграли яркими мѣдными пятнами на темныхъ обояхъ, на скатерти, на хрусталѣ, на лицахъ обѣдающихъ. Всѣ притихли въ какомъ-то грустномъ обаяніи этого вечерняго часа.

— Когда я былъ еще прапорщикомъ, — заговорилъ вдругъ Шульговичъ: — у насъ былъ командиръ бригады, генералъ Фофановъ. Такой милый старикашка, боевой офицеръ, но чуть ли не изъ кантонистовъ. Помню, онъ, бывало, подойдетъ на смотру къ барабанщику, — ужасно любилъ барабанъ, — подойдетъ и скажетъ: «А ну-ка, братецъ, шыграй мнѣ что-нибудь меланхоличешкое». Да. Такъ этотъ генералъ, когда у него собирались гости, всегда уходилъ спать аккуратно въ одиннадцать. Бывало, обратится къ гостямъ и скажетъ: «Ну, гошпода, ѣшьте, пейте, веселитесь, а я иду въ объятія Нептуна». Ему говорятъ: «Морфея, ваше превосходительство?» — «Э, вше равно, ижъ одной минералогіи...» Такъ я теперь, господа, — Шульговичъ всталъ и положилъ на

спинку стула салфетку: — тоже иду въ объятія Нептуна. Вы свободны, господа офицеры.

Офицеры встали и вытянулись.

«Ироническая горькая улыбка показалась на его тонкихъ губахъ», — подумалъ Ромашовъ, но только подумалъ, потому что лицо у него въ эту минуту было жалкое, блѣдное и некрасиво-почтительное.

Опять шелъ Ромашовъ домой, чувствуя себя одинокимъ, тоскующимъ, потерявшимся въ какомъ-то чужомъ, темномъ и враждебномъ мѣстѣ. Опять горѣла на западѣ въ сизыхъ нагроможденныхъ тяжелыхъ тучахъ красно-янтарная заря, и опять Ромашову чудился далеко за чертой горизонта, за домами и полями, прекрасный фантастическій городъ съ жизнью, полной красоты, изящества и счастья.

На улицахъ быстро темнѣло. По шоссе бѣгали съ визгомъ еврейскіе ребятишки. Гдѣ-то на завалинкахъ, у воротъ, у калитокъ, въ садахъ звенѣлъ женскій смѣхъ, звенѣлъ непрерывно и возбужденно, съ какой-то горячей, животной, радостной дрожью, какъ звенитъ онъ только ранней весной. И вмѣстѣ съ тихой, задумчивой грустью въ душѣ Ромашова рождались странныя, смутныя воспоминанія и сожалѣнія о никогда не бывшемъ счастьѣ и о прошлыхъ, еще болѣе прекрасныхъ вёснахъ, а въ сердцѣ шевелилось неясное и сладкое предчувствіе грядущей любви...

Когда онъ пришелъ домой, то засталъ Гейнàна въ его темномъ чуланѣ передъ бюстомъ Пушкина. Великій поэтъ былъ весь вымазанъ масломъ, и горѣвшая передъ нимъ свѣча бросала глянцовитыя пятна на носъ, на толстыя губы и на жилистую шею. Самъ же Гайнàнъ, сидя по-турецки на трехъ доскахъ, замѣнявшихъ ему кровать, качался взадъ и впередъ и бормоталъ нараспѣвъ что-то тягучее и монотонное.

— Гайнàнъ! — окликнулъ его Ромашовъ.

Денщикъ вздрогнулъ и, вскочивъ съ кровати, вытянулся. На лицѣ его отразились испугъ и замѣшательство.

— Алла? — спросилъ Ромашовъ дружелюбно.

Безусый, мальчишескій ротъ черемиса весь растянулся въ длинную улыбку, отъ которой при огнѣ свѣчи засверкали его великолѣпные бѣлые зубы.

— Алла, ваша благородія!

— Ну, ну, ну... Сиди себѣ, сиди. — Ромашовъ ласково погладилъ денщика по плечу. — Все равно, Гайнàнъ, у тебя Алла, у меня Алла. Одинъ, братецъ, Алла у всѣхъ человѣковъ.

«Славный Гайнàнъ, — подумалъ подпоручикъ, идя въ комнату. — А я вотъ не смѣю пожать ему руку. Да, не могу, не смѣю. О, чортъ! Надо будетъ съ нынѣшняго дня самому одѣваться и раздѣваться. Свинство заставлять это дѣлать за себя другого человѣка».

Въ этотъ вечеръ онъ не пошелъ въ собраніе, а досталъ изъ ящика толстую разлинованную тетрадь, исписанную мелкимъ неровнымъ почеркомъ, и писалъ до глубокой ночи. Эта была третья, по счету, сочиняемая Ромашовымъ повѣсть, подъ заглавіемъ: «Послѣдній роковой дебютъ». Подпоручикъ самъ стыдился своихъ литературныхъ занятій и никому въ мірѣ ни за что не призналъ бы въ нихъ.

VIII.

Казармы для помѣщенія полка только-что начали строить на окраинѣ мѣстечка, за желѣзной дорогой, на такъ называемомъ выгонѣ, а до ихъ окончанія полкъ со всѣми своими учрежденіями былъ расквартированъ по частнымъ квартирамъ. Офицерское собраніе занимало небольшой одноэтажный домикъ, который былъ расположенъ

глаголемъ: въ длинной сторонѣ, шедшей вдоль улицы, помѣщались танцовальная зала и гостиная, а короткую, простиравшуюся въ глубь грязнаго двора, занимали—столовая, кухня и «номера» для пріѣзжихъ офицеровъ. Эти двѣ половины были связаны между собою чѣмъ-то въ родѣ запутаннаго, узкаго, колѣнчатаго коридора; каждое колѣно соединялось съ другимъ дверями, и такимъ образомъ получился рядъ крошечныхъ комнатушекъ, которыя служили—буфетомъ, бильярдной, карточной, передней и дамской уборной. Такъ какъ всѣ эти помѣщенія, кромѣ столовой, были обыкновенно необитаемы и никогда не провѣтривались, то въ нихъ стоялъ сыроватый, кислый, нежилой воздухъ, къ которому примѣшивался особый запахъ отъ старой ковровой обивки, покрывавшей мебель.

Ромашовъ пришелъ въ собраніе въ 9 часовъ. Пять-шесть холостыхъ офицеровъ уже сошлись на вечеръ, но дамы еще не съѣзжались. Между ними издавна существовало странное соревнованіе въ знаніи хорошаго тона, а этотъ тонъ считалъ позорнымъ для дамы являться одной изъ первыхъ на балъ. Музыканты уже сидѣли на своихъ мѣстахъ въ стеклянной галлереѣ, соединявшейся однимъ большимъ многостекольнымъ окномъ съ залой. Въ залѣ по стѣнамъ горѣли въ простѣнкахъ между окнами трехлапыя бра, а съ потолка спускалась люстра съ хрустальными дрожащими подвѣсками. Благодаря яркому освѣщенію, эта большая комната съ голыми стѣнами, оклеенными бѣлыми обоями, съ вѣнскими стульями по бокамъ, съ тюлевыми занавѣсками на окнахъ, казалась особенно пустой.

Въ бильярдной два батальонныхъ адъютанта, поручики Бекъ-Агамаловъ и Олизаръ, котораго всѣ въ полку называли графомъ Олизаромъ, играли въ пять шаровъ на пиво. Олизаръ—длинный, тонкій, прилизанный, напома-

женный—молодой старикъ, съ голымъ, но морщинистымъ, хлыщеватымъ лицомъ, все время сыпалъ бильярдными прибаутками. Бекъ-Агамаловъ проигрывалъ и сердился. На ихъ игру глядѣлъ, сидя на подоконникѣ, штабсъ-капитанъ Лещенко, унылый человѣкъ сорока пяти лѣтъ, способный однимъ своимъ видомъ навести тоску; все у него въ лицѣ и фигурѣ висѣло внизъ съ видомъ самой безнадежной меланхоліи: висѣлъ внизъ, точно стручокъ перца, длинный, мясистый, красный и дряблый носъ; свисали до подбородка двумя тонкими бурыми нитками усы; брови спускались отъ переносья внизъ къ вискамъ, придавая его глазамъ вѣчно плаксивое выраженіе; даже старенькій сюртукъ болтался на его покатыхъ плечахъ и впалой груди, какъ на вѣшалкѣ. Лещенко ничего не пилъ, не игралъ въ карты и даже не курилъ. Но ему доставляло странное, непонятное другимъ удовольствіе торчать въ карточной или въ бильярдной комнатѣ за спинами игроковъ, или въ столовой, когда тамъ особенно кутили. По цѣлымъ часамъ онъ просиживалъ тамъ, молчаливый и унылый, не произнося ни слова. Въ полку къ этому всѣ привыкли, и даже игра и попойка какъ-то не вязались, если въ собраніи не было безмолвнаго Лещенки.

Поздоровавшись съ тремя офицерами, Ромашовъ сѣлъ рядомъ съ Лещенкой, который предупредительно отодвинулся въ сторону, вздохнулъ и поглядѣлъ на молодого офицера грустными и преданными собачьими глазами.

— Какъ здоровье Марьи Викторовны?—спросилъ Ромашовъ тѣмъ развязнымъ и умышленно-громкимъ голосомъ, какимъ говорятъ съ глухими и туго понимающими людьми и какимъ съ Лещенкой въ полку говорили всѣ, даже прапорщики.

— Спасибо, голубчикъ, — съ тяжелымъ вздохомъ отвѣ-

тилъ Лещенко.—Конечно, нервы у нея... Такое время теперь.

— А отчего же вы не вмѣстѣ съ супругой? Или, можетъ-быть, Марья Викторовна не собирается сегодня?

— Нѣтъ. Какъ же. Будетъ. Она будетъ, голубчикъ. Только, видите ли, мѣстъ нѣтъ въ фаэтонѣ. Онѣ съ Раисой Александровной пополамъ взяли экипажъ, ну и, понимаете, голубчикъ, говорятъ мнѣ: «У тебя, говорятъ, сапожища грязные, ты намъ платья испортишь».

— Круазе въ середину! Тонкая рѣзь. Вынимай шара изъ лузы, Бекъ!—крикнулъ Олизаръ.

— Ты сначала дѣлай шара, а потомъ я выну,—сердито отозвался Бекъ-Агамаловъ.

Лещенко забралъ въ ротъ бурые кончики усовъ и сосредоточенно пожевалъ ихъ.

— У меня къ вамъ просьба, голубчикъ Юрій Алексѣичъ,—сказалъ онъ просительно и запинаясь:—сегодня вѣдь вы распорядитель танцевъ?

— Да. Чортъ бы ихъ побралъ. Назначили. Я крутился-крутился передъ полковымъ адъютантомъ, хотѣлъ даже написать рапортъ о болѣзни. Но развѣ съ нимъ сговоришь? «Подайте, говоритъ, свидѣтельство врача».

— Вотъ я васъ и хочу попросить, голубчикъ, — продолжалъ Лещенко умильнымъ тономъ. — Богъ ужъ съ ней, устройте, чтобы она не очень сидѣла. Знаете, прошу васъ по-товарищески.

— Марья Викторовна?

— Ну да. Пожалуйста ужъ.

— Желтый дуплетъ въ уголъ,—заказалъ Бекъ-Агамаловъ. — Какъ въ аптекѣ будетъ.

Ему было неудобно играть вслѣдствіе его небольшого роста, и онъ долженъ былъ тянуться на животѣ черезъ бильярдъ. Отъ напряженія его лицо покраснѣло,

и на лбу вздулись, точно ижица, двѣ сходящіяся къ переносью жилы.

— Жамаисъ!—увѣренно дразнилъ его Олизаръ. — Этого даже я не сдѣлаю.

Кій Агамалова съ сухимъ трескомъ скользнулъ по шару, но шаръ не сдвинулся съ мѣста.

— Киксъ!—радостно закричалъ Олизаръ и затанцовалъ канканъ вокругъ бильярда.—Когда ты спишь — храпишь, дюша мой?

Агамаловъ стукнулъ толстымъ концомъ кія о полъ.

— А ты не смѣй подъ руку говорить! — крикнулъ онъ, сверкая черными глазами. — Я игру брошу.

— Нэ кирпичись, дюша мой, кровь испортышь. Модистку въ уголъ!..

Къ Ромашову подскочилъ одинъ изъ вѣстовыхъ, наряженныхъ на дежурство въ переднюю, чтобы раздѣвать пріѣзжающихъ дамъ.

— Ваше благородіе, васъ барыня просятъ въ залу.

Тамъ уже прохаживались медленно взадъ и впередъ три дамы, только-что пріѣхавшія, всѣ три — пожилыя. Самая старшая изъ нихъ, жена завѣдующаго хозяйствомъ, Анна Ивановна Мигунова, обратилась къ Ромашову строгимъ и жеманнымъ тономъ, капризно растягивая концы словъ и со свѣтской важностью кивая головой:

— Подпоручикъ Ромашо-овъ, прикажите сыграть что-нибудь для слу-уха. Пожа-алуйста...

— Слушаю-съ. — Ромашовъ поклонился и подошелъ къ музыкантскому окну. — Зиссерманъ, — крикнулъ онъ старостѣ оркестра: — валяй для слуха!

Сквозь раскрытое окно галлереи грянули первые раскаты увертюры изъ «Жизни за Царя», и въ тактъ имъ заколебались вверхъ и внизъ языки свѣчей.

Дамы понемногу съѣзжались. Прежде, годъ тому на-

задъ, Ромашовъ ужасно любилъ эти минуты передъ баломъ, когда, по своимъ дирижерскимъ обязанностямъ, онъ встрѣчалъ въ передней входящихъ дамъ. Какими таинственными и прелестными казались онѣ ему, когда, возбужденныя свѣтомъ, музыкой и ожиданіемъ танцевъ, онѣ съ веселой суетой освобождались отъ своихъ капоровъ, боа и шубокъ. Вмѣстѣ съ женскимъ смѣхомъ и звонкой болтовней тѣсная передняя вдругъ наполнялась запахомъ мороза, духовъ, пудры и лайковыхъ перчатокъ,—неуловимымъ, глубоко волнующимъ запахомъ нарядныхъ и красивыхъ женщинъ передъ баломъ. Какими блестящими и влюбленными казались ему ихъ глаза въ зеркалахъ, передъ которыми онѣ наскоро поправляли свои прически! Какой музыкой звучалъ шелестъ и шорохъ ихъ юбокъ! Какая ласка чувствовалась въ прикосновеніи ихъ маленькихъ рукъ, ихъ шарфовъ и вѣеровъ!..

Теперь это очарованіе прошло, и Ромашовъ зналъ, что навсегда. Онъ не безъ нѣкотораго стыда понималъ теперь, что многое въ этомъ очарованіи было почерпнуто изъ чтенія французскихъ плохихъ романовъ, въ которыхъ неизмѣнно описывается, какъ Густавъ и Арманъ, пріѣхавъ на балъ въ русское посольство, проходили черезъ вестибюль. Онъ зналъ также, что полковыя дамы по годамъ носятъ одно и то же «шикарное» платье, дѣлая жалкія попытки обновлять его къ особенно пышнымъ вечерамъ, а перчатки чистятъ бензиномъ. Ему смѣшнымъ и претенціознымъ казалось ихъ общее пристрастіе къ разнымъ эгреткамъ, шарфикамъ, огромнымъ поддѣльнымъ камнямъ, къ перьямъ и обилію лентъ: въ этомъ сказывалась какая-то тряпичная, безвкусная, домашняго издѣлія, роскошь. Онѣ употребляли жирныя бѣлила и румяна, но неумѣло и грубо до наивности: у иныхъ отъ этихъ средствъ лица принимали зловѣщій

синеватый оттѣнокъ. Но непріятнѣе всего было для Ромашова то, что онъ, какъ и всѣ въ полку, зналъ закулисныя исторіи каждаго бала, каждаго платья, чуть ли не каждой кокетливой фразы; онъ зналъ, какъ за ними скрывались: жалкая бѣдность, усилія, ухищренія, сплетни, взаимная ненависть, безсильная провинціальная игра въ свѣтскость и наконецъ скучныя, пошлыя связи...

Пріѣхалъ капитанъ Тальманъ съ женой: оба очень высокіе, плотные; она—нѣжная, толстая, разсыпчатая блондинка, онъ—со смуглымъ, разбойничьимъ лицомъ, съ безпрестаннымъ кашлемъ и хриплымъ голосомъ. Ромашовъ ужъ заранѣе зналъ, что сейчасъ Тальманъ скажетъ свою обычную фразу, и онъ дѣйствительно, бѣгая цыганскими глазами, просипѣлъ:

— А что, подпоручикъ, въ карточной уже винтятъ?

— Нѣтъ еще. Всѣ въ столовой.

— Нѣтъ еще? Знаешь, Сонечка, я того... пойду въ столовую — «Инвалидъ» пробѣжать. Вы, милый Ромашовъ, попасите ее... ну, тамъ, какую-нибудь кадриленцію.

Потомъ въ переднюю впорхнуло семейство Лыкачевыхъ — цѣлый выводокъ хорошенькихъ, смѣшливыхъ и картавыхъ барышень, во главѣ съ матерью—маленькой, живой женщиной, которая въ 40 лѣтъ танцовала безъ устали и постоянно рожала дѣтей — «между второй и третьей кадрилью», какъ говорилъ про нее полковой острякъ Арчаковскій.

Барышни, разнообразно картавя, смѣясь и перебивая другъ дружку, набросились на Ромашова:

— Отчего вы къ намъ не пьиходили?

— Звой, звой, звой!

— Нехолосый, нехолосый, нехолосый!

— Звой, звой!

— Пьиглашаю васъ на пейвую кадъиль.

— Mesdames!.. Mesdames!.. — говорилъ Ромашовъ, изображая собою противъ воли любезнаго кавалера и расшаркиваясь во всѣ стороны.

Въ это время онъ случайно взглянулъ на входную дверь и увидалъ за ея стекломъ худое и губастое лицо Раисы Александровны Петерсонъ подъ бѣлымъ платкомъ, коробкой надѣтымъ поверхъ шляпы. Ромашовъ поспѣшно, совсѣмъ по-мальчишески, юркнулъ въ гостиную. Но, какъ ни коротокъ былъ этотъ мигъ, и какъ ни старался подпоручикъ увѣрить себя, что Раиса его не замѣтила, — все-таки онъ чувствовалъ тревогу; въ выраженіи маленькихъ глазъ его любовницы почудилось ему что-то новое и безпокойное, какая-то жестокая, злобная и увѣренная угроза.

Онъ прошелъ въ столовую. Тамъ уже набралось много народа; почти всѣ мѣста за длиннымъ, покрытымъ клеенкой столомъ были заняты. Синій табачный дымъ колыхался въ воздухѣ. Пахло горѣлымъ масломъ изъ кухни. Двѣ или три группы офицеровъ уже начинали выпивать и закусывать. Кое-кто читалъ газеты. Густой и пестрый шумъ голосовъ сливался со стукомъ ножей, щелканьемъ бильярдныхъ шаровъ и хлопаньемъ кухонной двери. По ногамъ тянуло холодомъ изъ сѣней.

Ромашовъ отыскалъ поручика Бобетинскаго и подошелъ къ нему. Бобетинскій стоялъ около стола, засунувъ руки въ карманы брюкъ, раскачиваясь на носкахъ и на каблукахъ и щуря глаза отъ дыма папироски. Ромашовъ тронулъ его за рукавъ.

— Что?—обернулся онъ и, вынувъ одну руку изъ кармана, не переставая щуриться, съ изысканнымъ видомъ покрутилъ длинный рыжій усъ, скосивъ на него глаза и отставивъ локоть вверхъ. — А-а! Это вы? Эчень пріятно...

Онъ всегда говорилъ такимъ ломанымъ, вычурнымъ то-

номъ, подражая, какъ онъ самъ думалъ, гвардейской золотой молодежи. Онъ былъ о себѣ высокаго мнѣнія, считая себя знатокомъ лошадей и женщинъ, прекраснымъ танцоромъ и при томъ изящнымъ, великосвѣтскимъ, но, несмотря на свои 24 года, уже пожившимъ и разочарованнымъ человѣкомъ. Поэтому онъ всегда держалъ плечи картинно поднятыми кверху, скверно французилъ, ходилъ разслабленной походкой и, когда говорилъ, дѣлалъ усталые, небрежные жесты.

— Петръ Ѳаддеевичъ, милый, пожалуйста, подрижируйте нынче за меня,—попросилъ Ромашовъ.

— Ме, монъ ами!—Бобетинскій поднялъ кверху плечи и брови и сдѣлалъ глупые глаза. — Но... мой дрюгъ,— перевелъ онъ по-русски.—Съ какой стати? Пуркуа? Право, вы меня... какъ это говорится?.. Вы меня эдивляете!..

— Дорогой мой, пожалуйста...

— Постойте... Во-первыхъ, безъ фэ-миль-ярностей. Чтэ это тэкое — дорогой, тэкой-сякой е цетера?

— Ну умоляю васъ, Петръ Ѳадденчъ... Голова болитъ... и горло... положительно не могу.

Ромашовъ долго и убѣдительно упрашивалъ товарища. Наконецъ онъ даже рѣшилъ пустить въ дѣло лесть.

Вѣдь никто же въ полку не умѣетъ такъ красиво и разнообразно вести танцы, какъ Петръ Ѳаддеевичъ. И кромѣ того, объ этомъ также просила одна дама...

— Дама?.. — Бобетинскій сдѣлалъ разсѣянное и меланхолическое лицо.—Дама? Дрюгъ мой, въ мои годы...— Онъ разсмѣялся съ дѣланной горечью и разочарованіемъ. — Чтò такое женщина? Ха-ха-ха... Юнъ енигмъ! Ну, хорошо, я, такъ и быть, согласенъ... Я согласенъ.

И такимъ же разочарованнымъ голосомъ онъ вдругъ прибавилъ:

— Монъ шеръ ами, а нѣтъ ли у васъ... какъ это называется... трехъ рюблей?

— Къ сожалѣнію!.. — вздохнулъ Ромашовъ.

— А рубля?

— Мм!..

— Дезагреабль-съ... Ничего не подѣлаешь. Ну, пойдемте въ такомъ случаѣ, выпьемъ водки.

— Увы! И кредита нѣтъ, Петръ Ѳаддеевичъ.

— Да-а? О, повръ анфанъ!.. Все равно, пойдемъ. — Бобетинскій сдѣлалъ широкій и небрежный жестъ великодушія. — Я васъ привѣтствую.

Въ столовой между тѣмъ разговоръ становился болѣе громкимъ и въ то же время болѣе интереснымъ для всѣхъ присутствующихъ. Говорили объ офицерскихъ поединкахъ, только-что тогда разрѣшенныхъ, и мнѣнія расходились.

Больше всѣхъ овладѣлъ бесѣдой поручикъ Арчаковскій — личность довольно темная, едва ли не шулеръ. Про него втихомолку разсказывали, что, еще до поступленія въ полкъ, во время пребыванія въ запасѣ, онъ служилъ смотрителемъ на почтовой станціи и былъ преданъ суду за то, что ударомъ кулака убилъ какого-то ямщика.

— Это хорошо дуэль въ гвардіи — для разныхъ тамъ лоботрясовъ и фигель-миглей, — говорилъ грубо Арчаковскій: — а у насъ... Ну, хорошо, я холостой... положимъ, я съ Василь Василичемъ Липскимъ напился въ собраніи и въ пьяномъ видѣ закатилъ ему въ ухо. Что же намъ дѣлать? Если онъ со мною не захочетъ стрѣляться — вонъ изъ полка; спрашивается, что его дѣти будутъ жрать? А вышелъ онъ на поединокъ, я ему влѣплю пулю въ животъ, и опять дѣтямъ кусать нечего... Чепуха все.

— Гето... ты подожди... ты повремени, — перебилъ его старый и пьяный подполковникъ Лехъ, держа въ одной рукѣ рюмку, а кистью другой руки дѣлая сла-

быя движенія въ воздухѣ: — ты понимаешь, что̀ такое честь мундира?.. Гето, братецъ ты мой, та-акая штука... Честь, она... Вотъ, я помню, случай у насъ былъ въ Темрюкскомъ полку въ 1862-мъ году.

— Ну, знаете, вашихъ случаевъ не переслушаешь, — развязно перебилъ его Арчаковскій: — разскажете еще что-нибудь, что̀ было за царя Гороха.

— Гето, братецъ... ахъ, какой ты дерзкій... Ты еще мальчишка, а я, гето... Былъ, я говорю, такой случай...

— Только кровь можетъ смыть пятно обиды, — вмѣшался напыщеннымъ тономъ поручикъ Бобетинскій и попѣтушиному поднялъ кверху плечи.

— Гето, былъ у насъ прапорщикъ Солуха, — силился продолжать Лехъ.

Къ столу подошелъ, выйдя изъ буфета, командиръ первой роты, капитанъ Осадчій.

— Я слышу, что у васъ разговоръ о поединкахъ. Интересно послушать, — сказалъ онъ густымъ, рыкающимъ басомъ, сразу покрывая всѣ голоса. — Здравія желаю, господинъ полковникъ. Здравствуйте, господа.

— А, колоссъ родосскій, — ласково привѣтствовалъ его Лехъ. — Гето... садись ты около меня, памятникъ ты этакій... Водочки выпьешь со мною?

— И весьма, — низкой октавой отвѣтилъ Осадчій.

Этотъ офицеръ всегда производилъ странное и раздражающее впечатлѣніе на Ромашова, возбуждая въ немъ чувство, похожее на страхъ и на любопытство. Осадчій славился, какъ и полковникъ Шульговичъ, не только въ полку, но и во всей дивизіи своимъ необыкновеннымъ, по размѣрамъ и красотѣ, голосомъ, а также огромнымъ ростомъ и страшной физической силой. Былъ онъ извѣстенъ также и своимъ замѣчательнымъ знаніемъ строевой службы. Его иногда, для пользы службы, переводили изъ одной роты въ другую, и въ теченіе полугода

онъ умѣлъ дѣлать изъ самыхъ распущенныхъ, захудалыхъ командъ нѣчто похожее по стройности и исполнительности на огромную машину, пропитанную нечеловѣческимъ трепетомъ передъ своимъ начальникомъ. Его обаяніе и власть были тѣмъ болѣе непонятны для товарищей, что онъ не только никогда не дрался, но даже и бранился лишь въ рѣдкихъ, исключительныхъ случаяхъ. Ромашову всегда чуялось въ его прекрасномъ сумрачномъ лицѣ, странная блѣдность котораго еще сильнѣе оттѣнялась черными, почти синими волосами, что-то напряженное, сдержанное и жестокое, что-то присущее не человѣку, а огромному, сильному звѣрю. Часто, незамѣтно наблюдая за нимъ откуда-нибудь издали, Ромашовъ воображалъ себѣ, каковъ долженъ быть этотъ человѣкъ въ гнѣвѣ, и, думая объ этомъ, блѣднѣлъ отъ ужаса и сжималъ холодѣвшіе пальцы. И теперь онъ, не отрываясь, глядѣлъ, какъ этотъ самоувѣренный, сильный человѣкъ спокойно садился у стѣны на предупредительно подвинутый ему стулъ.

Осадчій выпилъ водки, разгрызъ съ хрустомъ рѣдиску и спросилъ равнодушно:

— Ну-съ, итакъ, какое же резюме почтеннаго собранія?

— Гето, братецъ ты мой, я сейчасъ разсказываю... Былъ у насъ случай, когда я служилъ въ Темрюкскомъ полку. Поручикъ фонъ-Зоонъ, — его солдаты звали «Подъ-Звонъ» — такъ онъ тоже однажды въ собраніи...

Но его перебилъ Липскій, сорокалѣтній штабсъ-капитанъ, румяный и толстый, который, несмотря на свои годы, держалъ себя въ офицерскомъ обществѣ шутомъ и почему-то усвоилъ себѣ странный и смѣшной тонъ избалованнаго, но любимаго всѣми комичнаго мальчугана.

— Позвольте, господинъ капитанъ, я вкратцѣ. Вотъ поручикъ Арчаковскій говоритъ, что дуэль — чепуха.

«Треба, каже, якъ у насъ у бурсѣ — далъ раза по потылицѣ и квитъ». Затѣмъ дебатировалъ поручикъ Бобетинскій, требовавшій крови. Потомъ господинъ полковникъ тщетно тщился разсказать анекдотъ изъ своей прежней жизни, но до сихъ поръ имъ это, кажется, не удалось. Затѣмъ, въ самомъ началѣ разсказа, подпоручикъ Михинъ заявили подъ шумокъ о своемъ собственномъ мнѣніи, но, въ виду недостаточности голосовыхъ средствъ и свойственной имъ цѣломудренной стыдливости, мнѣніе это выслушано не было.

Подпоручикъ Михинъ, маленькій, слабогрудый юноша, со смуглымъ, рябымъ и веснушчатымъ лицомъ, на которомъ робко, почти испуганно глядѣли нѣжные темные глаза, вдругъ покраснѣлъ до слезъ.

— Я только, господа... Я, господа, можетъ-быть, ошибаюсь, — заговорилъ онъ, запинаясь и смущенно комкая свое безбородое лицо руками. — Но, по-моему, то-есть я такъ полагаю... нужно въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ разбираться. Иногда дуэль полезна, это безусловно, и каждый изъ насъ, конечно, выйдетъ къ барьеру. Безусловно. Но иногда, знаете, это... можетъ-быть, высшая честь заключается въ томъ, чтобы... это... безусловно простить... Ну, я не знаю, какіе еще могутъ быть случаи... вотъ...

— Эхъ, вы, Декадентъ Ивановичъ, — грубо махнулъ на него рукой Арчаковскій: — тряпку вамъ сосать.

— Гето, да дайте же мнѣ, братцы, высказаться!

Сразу покрывая всѣ голоса могучимъ звукомъ своего голоса, заговорилъ Осадчій:

— Дуэль, господа, непремѣнно должна быть съ тяжелымъ исходомъ, иначе это абсурдъ! Иначе это будетъ только дурацкая жалость, уступка, снисходительность, комедія. Пятьдесятъ шаговъ дистанціи и по одному выстрѣлу. Я вамъ говорю: изъ этого выйдетъ одна только

пошлость, вотъ именно въ родѣ тѣхъ французскихъ дуэлей, о которыхъ мы читаемъ въ газетахъ. Пришли, пострѣляли изъ пистолетовъ, а потомъ въ газетахъ сообщаютъ протоколъ поединка: «Дуэль, по счастью, окончилась благополучно. Противники обмѣнялись выстрѣлами, не причинивъ другъ другу вреда, но выказавъ при этомъ отмѣнное мужество. За завтракомъ недавніе враги обмѣнялись дружескимъ рукопожатіемъ». Такая дуэль, господа, чепуха. И никакого улучшенія въ наше общество она не внесетъ.

Ему сразу отвѣтило нѣсколько голосовъ. Лехъ, который въ продолженіе его рѣчи не разъ покушался докончить свой разсказъ, опять-было началъ: «А вотъ, гето, я, братцы мои... да слушайте же, жеребцы вы». Но его не слушали, и онъ поперемѣнно перебѣгалъ глазами отъ одного офицера къ другому, ища сочувствующаго взгляда. Отъ него всѣ небрежно отворачивались, увлеченные споромъ, и онъ скорбно поматывалъ отяжелѣвшей головой. Наконецъ онъ поймалъ глазами глаза Ромашова. Молодой офицеръ по опыту зналъ, какъ тяжело переживать подобныя минуты, когда слова, много разъ повторяемыя, точно виснутъ безъ поддержки въ воздухѣ, и когда какой-то колючій стыдъ заставляетъ упорно и безнадежно къ нимъ возвращаться. Поэтому-то онъ и не уклонился отъ подполковника, и тотъ, обрадованный, потащилъ его за рукавъ къ столу.

— Гето... хоть ты меня выслушай, прапоръ, — говорилъ Лехъ горестно: — садись, выпей-ка водочки... Они, братецъ мой, всѣ — шалыганы. — Лехъ слабо махнулъ на спорящихъ офицеровъ кистью руки. — Гавъ, гавъ, гавъ, а опыта у нихъ нѣтъ. Я хотѣлъ разсказать, какой у насъ былъ случай...

Держа одной рукой рюмку, а свободной рукой размахивая такъ, какъ будто бы онъ управлялъ хоромъ,

и мотая опущенной головой, Лехъ началъ разсказывать одинъ изъ своихъ безчисленныхъ разсказовъ, которыми онъ былъ нафаршированъ, какъ колбаса ливеромъ, и которыхъ онъ никогда не могъ довести до конца, благодаря вѣчнымъ отступленіямъ, вставкамъ, сравненіямъ и загадкамъ. Теперешній его анекдотъ заключался въ томъ, что одинъ офицеръ предложилъ другому — это, конечно, было въ незапамятныя времена — американскую дуэль, при чемъ въ видѣ жребія имъ служилъ четъ или нечетъ на рублевой бумажкѣ. И вотъ кто-то изъ нихъ, — трудно было понять, кто именно, — Подъ-Звонъ или Солуха, прибѣгнулъ къ мошенничеству: «Гето, братецъ ты мой, взялъ да и склеилъ двѣ бумажки вмѣстѣ, и вышло, что на одной сторонѣ четъ, а на другой нечетъ. Стали они, братецъ ты мой, тянуть... Этотъ и говоритъ тому...»

Но и на этотъ разъ полковникъ не успѣлъ, по обыкновенію, докончить своего анекдота, потому что въ буфетъ игриво скользнула Раиса Александровна Петерсонъ. Стоя въ дверяхъ столовой, но не входя въ нее (что̀, вообще, было не принято), она крикнула веселымъ и капризнымъ голоскомъ, какимъ кричатъ балованныя, но любимыя всѣми дѣвочки:

— Господа, ну что̀-о же это такое! Дамы ужъ давно съѣхались, а вы тутъ сидите и угощаетесь! Мы хочемъ танцовать!

Два-три молодыхъ офицера встали, чтобы итти въ залу; другіе продолжали сидѣть и курить и разговаривать, не обращая на кокетливую даму никакого вниманія, зато старый Лехъ косвенными мелкими шажками подошелъ къ ней и, сложивъ руки крестомъ и проливая себѣ на грудь изъ рюмки водку, воскликнулъ съ пьянымъ умиленіемъ:

— Божественная! И какъ это начальство позволяетъ шущештвовать такой красотѣ! Ру-учку!.. Лобзнуть!..

— Юрій Алексѣевичъ, — продолжала щебетать Петер-

сонъ: — вѣдь вы, кажется, на сегодня назначены? Хорошъ, нечего сказать, дирижеръ!

— Миль пардонъ, мадамъ. Се ма фотъ!.. Это моя вина! — воскликнулъ Бобетинскій, подлетая къ ней. На ходу онъ быстро шаркалъ ногами, присѣдалъ, балансировалъ туловищемъ и раскачивалъ опущенными руками съ такимъ видомъ, какъ будто онъ выдѣлывалъ подготовительныя па какого-то веселаго балетнаго танца. — Ваш-шу руку. Вотръ мэнъ, мадамъ. Господа, въ залу, въ залу!

Онъ понесся подъ руку съ Петерсонъ, гордо закинувъ кверху голову, и уже изъ другой комнаты доносился его голосъ — свѣтскаго, какъ онъ воображалъ, дирижера:

— Месьё, приглашайте дамъ на вальсъ! Музыканты, вальсъ!

— Простите, господинъ полковникъ, мои обязанности призываютъ меня, — сказалъ Ромашовъ.

— Эхъ, братецъ ты мой, — съ сокрушеніемъ поникъ головой Лехъ. — И ты такой же перецъ, какъ и они всѣ... Гето... постой, постой, прапорщикъ... Ты слыхалъ про Мольтке? Про великаго молчальника, фельдмаршала... гето... и стратега Мольтке?

— Господинъ полковникъ, право же...

— А ты не егози... Сія притча краткая... Великій молчальникъ посѣщалъ офицерскія собранія и, когда обѣдалъ, то... гето... клалъ передъ собою на столъ кошелекъ, набитый, братецъ ты мой, золотомъ. Рѣшилъ онъ въ умѣ отдать этотъ кошелекъ тому офицеру, отъ котораго онъ хоть разъ услышитъ въ собраніи дѣльное слово. Но такъ и умеръ старикъ, проживъ на свѣтѣ сто девяносто лѣтъ, а кошелекъ его такъ, братецъ ты мой, и остался цѣлымъ. Что? Раскусилъ сей орѣхъ? Ну, теперь иди себѣ, братецъ. Иди, иди, воробышекъ... попрыгай...

IX.

Въ залѣ, которая, казалось, вся дрожала отъ оглушительныхъ звуковъ вальса, вертѣлись двѣ пары. Бобетинскій, распустивъ локти, точно крылья, быстро сѣменилъ ногами вокругъ высокой Тальманъ, танцовавшей съ величавымъ спокойствіемъ каменнаго монумента. Рослый, патлатый Арчаковскій кружилъ вокругъ себя маленькую, розовенькую младшую Лыкачеву, слегка согнувшись надъ нею и глядя ей въ проборъ; не выдѣлывая па, онъ лишь лѣниво и небрежно переступалъ ногами, какъ танцуютъ обыкновенно съ дѣтьми. Пятнадцать другихъ дамъ сидѣли вдоль стѣнъ въ полномъ одиночествѣ и старались дѣлать видъ, что это для нихъ все равно. Какъ и всегда бывало на полковыхъ собраніяхъ, кавалеровъ оказалось вчетверо меньше, чѣмъ дамъ, и начало вечера обѣщало быть скучнымъ.

Петерсонъ, только-что открывшая балъ, что̀ всегда для дамъ служило предметомъ особой гордости, теперь пошла съ тонкимъ, стройнымъ Олизаромъ. Онъ держалъ ея руку точно пришпиленной къ своему лѣвому бедру; она же томно опиралась подбородкомъ на другую руку, лежавшую у него на плечѣ, а голову повернула назадъ, къ залѣ, въ манерномъ и неестественномъ положеніи. Окончивъ туръ, она нарочно сѣла неподалеку отъ Ромашова, стоявшаго около дверей дамской уборной. Она быстро обмахивалась вѣеромъ и, глядя на склонившагося передъ ней Олизара, говорила съ пѣвучей томностью:

— Нѣтъ, ск'жи-ите, графъ, отчего мнѣ всегда такъ жарко? Ум'ляю васъ — ск'жи-ите!..

Олизаръ сдѣлалъ полупоклонъ, звякнулъ шпорами и провелъ рукой по усамъ въ одну и въ другую сторону.

— Сударыня, этого даже Мартынъ Задека не скажетъ.

И такъ какъ въ это время Олизаръ глядѣлъ на ея плоское декольте, она стала часто и неестественно глубоко дышать.

— Ахъ, у меня всегда возвышенная температура! — продолжала Раиса Александровна, намекая улыбкой на то, что за ея словами кроется какой-то особенный, неприличный смыслъ. — Такой ужъ у меня горячій темпераментъ!..

Олизаръ коротко и неопредѣленно заржалъ.

Ромашовъ стоялъ, глядѣлъ искоса на Петерсонъ и думалъ съ отвращеніемъ: «О, какая она противная!». И отъ мысли о прежней физической близости съ этой женщиной у него было такое ощущеніе, точно онъ не мылся нѣсколько мѣсяцевъ и не перемѣнялъ бѣлья.

— Да, да, да, вы не смѣйтесь, графъ. Вы не знаете, что моя мать гречанка!

«И говоритъ какъ противно, — думалъ Ромашовъ. — Странно, что я до сихъ поръ этого не замѣчалъ. Она говоритъ такъ, какъ будто бы у нея хроническій насморкъ или полипъ въ носу: «боя батъ гречадка».

Въ это время Петерсонъ обернулась къ Ромашову и вызывающе посмотрѣла на него прищуренными глазами.

Ромашовъ по привычкѣ сказалъ мысленно:

«Лицо его стало непроницаемо, какъ маска».

— Здравствуйте, Юрій Алексѣевичъ! Что же вы не подойдете поздороваться? — запѣла Раиса Александровна.

Ромашовъ подошелъ. Она со злыми зрачками глазъ, ставшими вдругъ необыкновенно маленькими и острыми, крѣпко сжала его руку.

— Я по вашей просьбѣ оставила вамъ третью кадриль. Надѣюсь, вы не забыли?

Ромашовъ поклонился.

— Какой вы нелюбезный, — продолжала кривляться Петерсонъ. — Вамъ бы слѣдовало сказать: аншанте, ма-

дамъ («адшадте, бадабъ»—услышалъ Ромашовъ)! Графъ, правда, онъ мѣшокъ?

— Какъ же... Я помню, — неувѣренно забормоталъ Ромашовъ. — Благодарю за честь.

Бобетинскій мало способствовалъ оживленію вечера. Онъ дирижировалъ съ разочарованнымъ и устало-покровительственнымъ видомъ, точно исполняя какую-то страшно надоѣвшую ему, но очень важную для всѣхъ другихъ обязанность. Но передъ третьей кадрилью онъ оживился и, пролетая по залѣ, точно на конькахъ по льду, быстрыми, скользящими шагами, особенно громко выкрикнулъ:

— Кадриль-монстръ! Кавалье, ангаже во дамъ!

Ромашовъ съ Раисой Александровной стали недалеко отъ музыкантскаго окна, имѣя vis-à-vis Михина и жену Лещенки, которая едва достигала до плеча своего кавалера. Къ третьей кадрили танцующихъ замѣтно прибавилось, такъ что пары должны были расположиться и вдоль залы и поперекъ. И тѣмъ и другимъ приходилось танцовать по очереди, и потому каждую фигуру играли по два раза.

«Надо объясниться, надо положить конецъ, — думалъ Ромашовъ, оглушаемый грохотомъ барабана и мѣдными звуками, рвавшимися изъ окна. — Довольно!» — «На его лицѣ лежала несокрушимая рѣшимость».

У полковыхъ дирижеровъ установились издавна нѣкоторые особенные пріемы и милыя шутки. Такъ, въ третьей кадрили всегда считалось необходимымъ путать фигуры и дѣлать, какъ будто неумышленно, веселыя ошибки, которыя всегда возбуждали неизмѣнную сумятицу и хохотъ. И Бобетинскій, начавъ кадриль-монстръ неожиданно со второй фигуры, то заставлялъ кавалеровъ дѣлать соло и тотчасъ же, точно спохватившись, возвращалъ ихъ къ дамамъ, то устраивалъ grand-rond и,

перемѣшавъ его, заставлялъ кавалеровъ отыскивать дамъ.

— Медамъ, авансе... виноватъ, рекуле! Кавалье соло! Пардонъ, назадъ, балянсе авекъ во дамъ! Да назадъ же!

Раиса Александровна тѣмъ временемъ говорила язвительнымъ тономъ, задыхаясь отъ злобы, но дѣлая такую улыбку, какъ будто бы разговоръ шелъ о самыхъ веселыхъ и пріятныхъ вещахъ:

— Я не позволю такъ со мною обращаться. Слышите? Я вамъ не дѣвчонка. Да. И такъ порядочные люди не поступаютъ. Да.

— Не будемъ сердиться, Раиса Александровна, — убѣдительно и мягко попросилъ Ромашовъ.

— О, слишкомъ много чести — сердиться! Я могу только презирать васъ. Но издѣваться надъ собою я не позволю никому. Почему вы не потрудились отвѣтить на мое письмо?

— Но меня ваше письмо не застало дома, клянусь вамъ.

— Ха! Вы мнѣ морочите голову! Точно я не знаю, гдѣ вы бываете... Но будьте увѣрены...

— Кавалье, анъ аванъ! Ронъ де кавалье. А гошъ! Налѣво, налѣво! Да налѣво же, господа! Эхъ, ничего не понимаютъ! Плю де ля ви, месьё, — кричалъ Бобетинскій, увлекая танцоровъ въ быстрый круговоротъ и отчаянно топая ногами.

— Я знаю всѣ интриги этой женщины, этой лилліпутки, — продолжала Раиса, когда Ромашовъ вернулся на мѣсто. — Только напрасно она такъ много о себѣ воображаетъ! Что она дочь проворовавшагося нотаріуса...

— Я попросилъ бы при мнѣ такъ не отзываться о моихъ знакомыхъ, — сурово остановилъ Ромашовъ.

Тогда произошла грубая сцена. Петерсонъ разразилась безобразною бранью по адресу Шурочки. Она уже

забыла о своихъ дѣланныхъ улыбкахъ и, вся въ пятнахъ, старалась перекричать музыку своимъ насморочнымъ голосомъ. Ромашовъ же краснѣлъ до настоящихъ слезъ отъ своего безсилія и растерянности, и отъ боли за оскорбляемую Шурочку, и отъ того, что ему, сквозь оглушительные звуки кадрили, не удавалось вставить ни одного слова, а главное — потому, что на нихъ уже начинали обращать вниманіе.

— Да, да, у нея отецъ проворовался, ей нечего подымать носъ! — кричала Петерсонъ. — Скажите, пожалуйста, она намъ неглижируетъ. Мы и про нее тоже кое-что знаемъ! Да!

— Я васъ прошу, — лепеталъ Ромашовъ.

— Постойте, вы съ ней еще увидите мои когти. Я раскрою глаза этому дураку Николаеву, котораго она третій годъ не можетъ пропихнуть въ академію. И куда ему поступить, когда онъ, дуракъ, не видитъ, что̀ у него подъ носомъ дѣлается. Да и то сказать — и поклонникъ же у нея!..

— Мазурка женераль! Променадъ! — кричалъ Бобетинскій, проносясь вдоль залы, весь наклонившись впередъ въ позѣ летящаго архангела.

Полъ задрожалъ и ритмично заколыхался подъ тяжелымъ топотомъ ногъ, въ тактъ мазуркѣ зазвенѣли подвѣски у люстры, играя разноцвѣтными огнями, и мѣрно заколыхались тюлевыя занавѣси на окнахъ.

— Отчего намъ не разстаться миролюбиво, тихо? — кротко спросилъ Ромашовъ. Въ душѣ онъ чувствовалъ, что эта женщина вселяетъ въ него вмѣстѣ съ отвращеніемъ какую-то мелкую, гнусную, но непобѣдимую трусость. — Вы меня не любите больше... Простимся же добрыми друзьями.

— А-а! Вы мнѣ хотите зубы заговорить? Не безпокойтесь, мой милый, — она произнесла: «бой билый»; —

я не изъ тѣхъ, кого бросаютъ. Я сама бросаю, когда захочу. Но я не могу достаточно надивиться на вашу низость...

— Кончимъ же скорѣе, — нетерпѣливо, глухимъ голосомъ, стиснувъ зубы, проговорилъ Ромашовъ.

— Антрактъ пять минутъ. Кавалье, оккюпе во дамъ! — крикнулъ дирижеръ.

— Да, когда я этого захочу. Вы подло обманывали меня. Я пожертвовала для васъ всѣмъ, отдала вамъ все, что̀ можетъ отдать честная женщина... Я не смѣла взглянуть въ глаза моему мужу, этому идеальному, прекрасному человѣку. Для васъ я забыла обязанности жены и матери. О, зачѣмъ, зачѣмъ я не осталась вѣрной ему!

— По-ло-жимъ!

Ромашовъ не могъ удержаться отъ улыбки. Ея многочисленные романы со всѣми молодыми офицерами, пріѣзжавшими на службу, были прекрасно извѣстны въ полку, такъ же, впрочемъ, какъ и всѣ любовныя исторіи, происходившія между всѣми семьюдесятью пятью офицерами и ихъ женами и родственницами. Ему теперь вспомнились выраженія въ родѣ: «мой дуракъ», «этотъ презрѣнный человѣкъ», «этотъ болванъ, который вѣчно торчитъ» и другія не менѣе сильныя выраженія, которыя расточала Раиса въ письмахъ и устно о своемъ мужѣ.

— А! Вы еще имѣете наглость смѣяться? Хорошо же! — вспыхнула Раиса. — Намъ начинать! — спохватилась она и, взявъ за руку своего кавалера, засѣменила впередъ, граціозно раскачивая туловище на бедрахъ и напряженно улыбаясь.

Когда они кончили фигуру, ея лицо опять сразу приняло сердитое выраженіе, «точно у разозленнаго насѣкомаго», — подумалъ Ромашовъ.

— Я этого не прощу вамъ. Слышите ли, никогда! Я

знаю, почему вы такъ подло, такъ низко хотите уйти отъ меня. Такъ не будетъ же того, что̀ вы затѣяли, не будетъ, не будетъ, не будетъ! Вмѣсто того, чтобы прямо и честно сказать, что вы меня больше не любите, вы предпочитали обманывать меня и пользоваться мной какъ женщиной, какъ самкой... на всякій случай, если тамъ не удастся. Ха-ха-ха!..

— Ну, хорошо, будемъ говорить начистоту, — со сдержанной яростью заговорилъ Ромашовъ. Онъ все больше блѣднѣлъ и кусалъ губы. — Вы сами этого захотѣли. Да, это правда: я не люблю васъ.

— Ахъ, скажи-ите, какъ мнѣ это обидно!

— И не любилъ никогда. Какъ и вы меня, впрочемъ. Мы оба играли какую-то гадкую, лживую и грязную игру, какой-то пошлый любительскій фарсъ. Я прекрасно, отлично понялъ васъ, Раиса Александровна. Вамъ не нужно было ни нѣжности, ни любви, ни простой привязанности. Вы слишкомъ мелки и ничтожны для этого. Потому что, — Ромашову вдругъ вспомнились слова Назанскаго: — потому что любить могутъ только избранныя, только утонченныя натуры!

— Ха, это, конечно, вы — избранная натура?

Опять загремѣла музыка. Ромашовъ съ ненавистью поглядѣлъ въ окно на сіяющее мѣдное жерло тромбона, который со свирѣпымъ равнодушіемъ точно выплевывалъ въ залу рявкающіе и хрипящіе звуки. И солдатъ, который игралъ на немъ, надувъ щеки, выпучивъ остекляиѣвшіе глаза и посинѣвъ отъ напряженія, былъ ему ненавистенъ.

— Не станемъ спорить. Можетъ, я и не стою настоящей любви, но не въ этомъ дѣло. Дѣло въ томъ, что вамъ, съ вашими узкими провинціальными воззрѣніями и съ провинціальнымъ честолюбіемъ, надо непремѣнно, чтобы васъ кто-нибудь «окружалъ», и чтобы другіе видѣли

это. Или, вы думаете, я не понималъ смысла этой вашей фамильярности со мной на вечерахъ, этихъ нѣжныхъ взглядовъ, этого повелительнаго и интимнаго тона, въ то время, когда на насъ смотрѣли посторонніе? Да, да, непремѣнно, чтобы смотрѣли. Иначе вся эта игра для васъ не имѣетъ смысла. Вамъ не любви отъ меня нужно было, а того, чтобы всѣ видѣли васъ лишній разъ скомпрометированной.

— Для этого я могла бы выбрать кого-нибудь получше и поинтереснѣе васъ, — съ напыщенной гордостью возразила Петерсонъ.

— Не безпокойтесь, этимъ вы меня не уязвите. Да, я повторяю: вамъ нужно только, чтобы кого-нибудь считали вашимъ рабомъ, новымъ рабомъ вашей неотразимости. А время идетъ, а рабы все рѣже и рѣже. И для того, чтобы не потерять послѣдняго вздыхателя, вы, холодная, безстрастная, приносите въ жертву и ваши семейныя обязанности и вашу вѣрность супружескому алтарю.

— Нѣтъ, вы еще обо мнѣ услышите! — зло и многозначительно прошептала Раиса.

Черезъ всю залу, пятясь и отскакивая отъ танцующихъ паръ, къ нимъ подошелъ мужъ Раисы, капитанъ Петерсонъ. Это былъ худой, чахоточный человѣкъ, съ лысымъ желтымъ черепомъ и черными глазами — влажными и ласковыми, но съ затаеннымъ злобнымъ огонькомъ. Про него говорили, что онъ былъ безумно влюбленъ въ свою жену, влюбленъ до такой степени, что велъ нѣжную, слащавую и фальшивую дружбу со всѣми ея поклонниками. Также было извѣстно, что онъ платилъ имъ ненавистью, вѣроломствомъ и всевозможными служебными подвохами, едва только они съ облегченіемъ и радостью уходили отъ его жены.

Онъ еще издали неестественно улыбался своими синими, облипшими вокругъ рта, губами.

— Танцуешь, Раечка? Здравствуйте, дорогой Жоржикъ. Что васъ такъ давно не видно? Мы такъ къ вамъ привыкли, что, право, ужъ соскучились безъ васъ.

— Такъ... какъ-то... все занятія, — забормоталъ Ромашовъ.

— Знаемъ мы ваши занятія, — погрозилъ пальцемъ Петерсонъ и засмѣялся, точно завизжалъ. Но его черные глаза съ желтыми бѣлками пытливо и тревожно перебѣгали съ лица жены на лицо Ромашова.

— А я, признаться, думалъ, что вы поссорились. Гляжу, сидите и о чемъ-то горячитесь. Что у васъ?

Ромашовъ молчалъ, смущенно глядя на худую, темную и морщинистую шею Петерсона. Но Раиса сказала съ той наглой увѣренностью, которую она всегда проявляла во лжи:

— Юрій Алексѣевичъ все философствуетъ. Говоритъ, что танцы отжили свое время, и что танцовать глупо и смѣшно.

— А самъ пляшетъ, — съ ехиднымъ добродушіемъ замѣтилъ Петерсонъ. — Ну, танцуйте, дѣти мои, танцуйте, я вамъ не мѣшаю.

Едва онъ отошелъ, Раиса сказала съ напускнымъ чувствомъ:

— И этого святого, необыкновеннаго человѣка я обманывала!.. И ради кого же! О, если бы онъ зналъ, если бъ онъ только зналъ...

— Маз-зурка женераль! — закричалъ Бобетинскій. — Кавалеры отбиваютъ дамъ!

Отъ долгаго движенія разгоряченныхъ тѣлъ и отъ пыли, подымавшейся съ паркета, въ залѣ стало душно, и огни свѣчъ обратились въ желтыя туманныя пятна. Теперь танцовало много паръ, и такъ какъ мѣста не хватало, то каждая пара топталась въ ограниченномъ пространствѣ: танцующіе тѣснились и толкали другъ друга. Фи-

гура, которую предложилъ дирижеръ, заключалась въ томъ, что свободный кавалеръ преслѣдовалъ какую-нибудь танцующую пару. Вертясь вокругъ нея и выдѣлывая въ то же время па мазурки, что̀ выходило смѣшнымъ и нелѣпымъ, онъ старался улучить моментъ, когда дама станетъ къ нему лицомъ. Тогда онъ быстро хлопалъ въ ладоши, что̀ означало, что онъ отбилъ даму. Но другой кавалеръ старался помѣшать ему сдѣлать это и всячески поворачивалъ и дергалъ свою даму изъ стороны въ сторону; а самъ то пятился, то скакалъ бокомъ и даже пускалъ въ ходъ лѣвый свободный локоть, нацѣливая его въ грудь противнику. Отъ этой фигуры всегда происходила въ залѣ неловкая, грубая и некрасивая суета.

— Актриса! — хрипло зашепталъ Ромашовъ, наклоняясь близко къ Раисѣ. — Васъ смѣшно и жалко слушать.

— Вы, кажется, пьяны! — брезгливо воскликнула Раиса и кинула на Ромашова тотъ взглядъ, которымъ въ романахъ героини мѣряютъ злодѣевъ съ головы до ногъ.

— Нѣтъ, скажите, зачѣмъ вы обманули меня? — злобно восклицалъ Ромашовъ. — Вы отдались мнѣ только для того, чтобы я не ушелъ отъ васъ. О, если бъ вы это сдѣлали по любви, ну, хоть не по любви, а по одной только чувственности. Я бы понялъ это. Но вѣдь вы изъ одной распущенности, изъ низкаго тщеславія. Неужели васъ не ужасаетъ мысль, какъ гадки мы были съ вами оба, принадлежа другъ другу безъ любви, отъ скуки, для развлеченія, даже безъ любопытства, а такъ... какъ горничныя въ праздники грызутъ подсолнышки. Поймите же: это хуже того, когда женщина отдается за деньги. Тамъ нужда, соблазнъ... Поймите, мнѣ стыдно, мнѣ гадко думать объ этомъ холодномъ, безцѣльномъ, объ этомъ неизвиняемомъ развратѣ!

Съ холоднымъ потомъ на лбу онъ потухшими, скучающими глазами глядѣлъ на танцующихъ. Вотъ проплыла,

не глядя на своего кавалера, едва перебирая ногами, съ неподвижными плечами и съ обиженнымъ видомъ суровой недотроги величественная Тальманъ и рядомъ съ ней веселый, скачущій козломъ Епифановъ. Вотъ маленькая Лыкачева, вся пунцовая, съ сіяющими глазками, съ обнаженной бѣлой, невинной, дѣвической шейкой... Вотъ Олизаръ на тонкихъ ногахъ, прямыхъ и стройныхъ, точно ножки циркуля. Ромашовъ глядѣлъ и чувствовалъ головную боль и желаніе плакать. А рядомъ съ нимъ Раиса, блѣдная отъ злости, говорила съ преувеличеннымъ театральнымъ сарказмомъ:

— Прелестно! Пѣхотный офицеръ въ роли Іосифа Прекраснаго!

— Да, да, именно въ роли... — вспыхнулъ Ромашовъ. — Самъ знаю, что это смѣшно и пошло... Но я не стыжусь скорбѣть о своей утраченной чистотѣ, о простой физической чистотѣ. Мы оба добровольно влѣзли въ помойную яму, и я чувствую, что теперь я не посмѣю никогда полюбить хорошей, свѣжей любовью. И въ этомъ виноваты вы — слышите: вы, вы, вы! Вы старше и опытнѣе меня, вы уже достаточно искусились въ дѣлѣ любви.

Петерсонъ съ величественнымъ негодованіемъ поднялась со стула.

— Довольно! — сказала она драматическимъ тономъ. — Вы добились, чего хотѣли. Я ненавижу васъ! Надѣюсь, что съ этого дня вы прекратите посѣщенія нашего дома, гдѣ васъ принимали какъ родного, кормили и поили васъ, но вы оказались такимъ негодяемъ. Какъ я жалѣю, что не могу открыть всего мужу. Это святой человѣкъ, я молюсь на него, и открыть ему все — значило бы убить его. Но, повѣрьте, онъ сумѣлъ бы отомстить за оскорбленную беззащитную женщину.

Ромашовъ стоялъ противъ нея и, болѣзненно щурясь сквозь очки, глядѣлъ на ея большой, тонкій, увядшій

ротъ, искривленный отъ злости. Изъ окна неслись оглушительные звуки музыки, съ упорнымъ постоянствомъ кашлялъ ненавистный тромбонъ, а настойчивые удары турецкаго барабана раздавались точно въ самой головѣ Ромашова. Онъ слышалъ слова Раисы только урывками и не понималъ ихъ. Но ему казалось, что и они, какъ и звуки барабана, бьютъ его прямо въ голову и сотрясаютъ ему мозгъ.

Раиса съ трескомъ сложила вѣеръ.

— О, подлецъ-мерзавецъ!—прошептала она трагически и быстро пошла черезъ залу въ уборную.

Все было кончено, но Ромашовъ не чувствовалъ ожидаемаго удовлетворенія, и съ души его не спала внезапно, какъ онъ раньше представлялъ себѣ, грязная и грубая тяжесть. Нѣтъ, теперь онъ чувствовалъ, что поступилъ нехорошо, трусливо и неискренно, сваливъ всю нравственную вину на ограниченную и жалкую женщину, и воображалъ себѣ ея горечь, растерянность и безсильную злобу, воображалъ ея горькія слезы и распухшіе красные глаза тамъ, въ уборной.

«Я падаю, я падаю, — думалъ онъ съ отвращеніемъ и со скукой. — Что за жизнь! Что-то тѣсное, сѣрое и грязное... Эта развратная и ненужная связь, пьянство, тоска, убійственное однообразіе службы, и хоть бы одно живое слово, хоть бы одинъ моментъ чистой радости. Книги, музыка, наука — гдѣ все это?»

Онъ пошелъ опять въ столовую. Тамъ Осадчій и товарищъ Ромашова по ротѣ, Вѣткинъ, провожали подъ руки къ выходнымъ дверямъ совершенно опьянѣвшаго Леха, который слабо и безпомощно моталъ головой и увѣрялъ, что онъ архіерей. Осадчій съ серьезнымъ лицомъ говорилъ рокочущей октавой, по-протодьяконски:

— Благослови, преосвященный владыка. Врръемя начатія служенія...

По мѣрѣ того, какъ танцовальный вечеръ приходилъ къ концу, въ столовой становилось еще шумнѣе. Воздухъ такъ былъ наполненъ табачнымъ дымомъ, что сидящіе на разныхъ концахъ стола едва могли разглядѣть другъ друга. Въ одномъ углу пѣли, у окна, собравшись кучкой, разсказывали непристойные анекдоты, служившіе обычной приправой всѣхъ ужиновъ и обѣдовъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, господа... позвольте, вотъ я вамъ разскажу! — кричалъ Арчаковскій. — Приходитъ однажды солдатъ на постой къ хохлу. А у хохла кра-асивая жинка. Вотъ солдатъ и думаетъ: какъ бы мнѣ это...

Едва онъ кончалъ, его прерывалъ ожидавшій нетерпѣливо своей очереди Василій Васильевичъ Липскій.

— Нѣтъ, это что̀, господа... А вотъ я знаю одинъ анекдотъ.

И онъ еще не успѣвалъ кончить, какъ слѣдующій торопился со своимъ разсказомъ.

— А вотъ тоже, господа. Дѣло было въ Одессѣ, и при томъ случай...

Всѣ анекдоты были скверные, похабные и неостроумные, и, какъ это всегда бываетъ, возбуждалъ смѣхъ только одинъ изъ разсказчиковъ, самый увѣренный и циничный.

Вѣткинъ, вернувшійся со двора, гдѣ онъ усаживалъ Леха въ экипажъ, пригласилъ къ столу Ромашова.

— Садитесь-ка, Жорженька... Раздавимъ. Я сегодня богатъ, какъ жидъ. Вчера выигралъ и сегодня опять буду метать банкъ.

Ромашова тянуло поговорить по душѣ, излить кому-нибудь свою тоску и отвращеніе къ жизни. Выпивая рюмку за рюмкой, онъ глядѣлъ на Вѣткина умоляющими глазами и говорилъ убѣдительнымъ, теплымъ, дрожащимъ голосомъ:

— Мы всѣ, Павелъ Павлычъ, всѣ позабыли, что есть

другая жизнь. Гдѣ-то, я не знаю гдѣ, живутъ совсѣмъ, совсѣмъ другіе люди, и жизнь у нихъ такая полная, такая радостная, такая настоящая. Гдѣ-то люди борются, страдаютъ, любятъ широко и сильно... Другъ мой, какъ мы живемъ! Какъ мы живемъ!

— Н-да, братъ, что̀ ужъ тутъ говорить, жизнь, — вяло отвѣтилъ Павелъ Павловичъ. — Но, вообще... это, братъ, одна натурфилософія и энергетика. Послушай, голубчикъ, что̀ та-такое за штука — энергетика?

— О, что̀ мы дѣлаемъ! — волновался Ромашовъ. — Сегодня напьемся пьяные, завтра въ роту — разъ, два, лѣвой, правой, — вечеромъ опять будемъ пить, а послѣзавтра опять въ роту. Неужели вся жизнь въ этомъ? Нѣтъ, вы подумайте только — вся, вся жизнь!

Вѣткинъ поглядѣлъ на него мутными глазами, точно сквозь какую-то пленку, икнулъ и вдругъ запѣлъ тоненькимъ, дребезжащимъ теноркомъ:

Въ тиши жила,
Въ лѣсу жила,
И вертено крути-ила...

— Плюнь на все, ангелъ, и береги здоровье.

И отъ всей своей души
Прялочку любила.

Пойдемъ играть, Ромашевичъ-Ромашовскій, я тебѣ займу красненькую.

«Никому это непонятно. Нѣтъ у меня близкаго человѣка», — подумалъ горестно Ромашовъ. На мгновеніе вспомнилась ему Шурочка, — такая сильная, такая гордая, красивая,—и что-то томное, сладкое и безнадежное заныло у него около сердца.

Онъ до свѣта оставался въ собраніи, глядѣлъ, какъ играютъ въ штоссъ, и самъ принималъ въ игрѣ участіе, но безъ удовольствія и безъ увлеченія. Однажды онъ увидѣлъ, какъ Арчаковскій, занимавшій отдѣльный

столикъ съ двумя безусыми подпрапорщиками, довольно неумѣло передернулъ, выбросивъ двѣ карты сразу въ свою сторону. Ромашовъ хотѣлъ-было вмѣшаться, сдѣлать замѣчаніе, но тотчасъ же остановился и равнодушно подумалъ:—«Эхъ, все равно. Ничего этимъ не поправлю».

Вѣткинъ, проигравшій свои милліоны въ пять минутъ, сидѣлъ на стулѣ и спалъ, блѣдный, съ разинутымъ ртомъ. Рядомъ съ Ромашовымъ уныло глядѣлъ на игру Лещенко, и трудно было понять, какая сила заставляетъ его сидѣть здѣсь часами съ такимъ тоскливымъ выраженіемъ лица. Разсвѣло. Оплывшія свѣчи горѣли желтыми длинными огнями и мигали. Лица играющихъ офицеровъ были блѣдны и казались измученными. А Ромашовъ все глядѣлъ на карты, на кучи серебра и бумажекъ, на зеленое сукно, исписанное мѣломъ, и въ его отяжелѣвшей, отуманенной головѣ вяло бродили все однѣ и тѣ же мысли: о своемъ паденіи и о нечистотѣ скучной, однообразной жизни.

X.

Было золотое, но холодное—настоящее весеннее утро. Цвѣла черемуха.

Ромашовъ, до сихъ поръ не пріучившійся справляться со своимъ молодымъ сномъ, по обыкновенію, опоздалъ на утреннія занятія и съ непріятнымъ чувствомъ стыда и тревоги подходилъ къ плацу, на которомъ училась его рота. Въ этихъ знакомыхъ ему чувствахъ всегда было много унизительнаго для молодого офицера, а ротный командиръ, капитанъ Слива, умѣлъ дѣлать ихъ еще бобѣе острыми и обидными.

Этотъ человѣкъ представлялъ собою грубый и тяжелый осколокъ прежней, отошедшей въ область преданія, жестокой дисциплины, съ повальнымъ драньемъ, мелоч-

ной формалистикой, маршировкой въ три темпа и кулачной расправой. Даже въ полку, который, благодаря условіямъ дикой провинціальной жизни, не отличался особенно гуманнымъ направленіемъ, онъ являлся какимъ-то диковиннымъ памятникомъ этой свирѣпой военной старины, и о немъ передавалось много курьезныхъ, почти невѣроятныхъ анекдотовъ. Все, что̀ не выходило за предѣлы строя, устава и роты, и что̀ онъ презрительно называлъ чепухой и мандрагоріей, безусловно для него не существовало. Влача во всю свою жизнь суровую служебную лямку, онъ не прочелъ ни одной книги и ни одной газеты, кромѣ развѣ офиціальной части «Инвалида». Всякія развлеченія, въ родѣ танцевъ, любительскихъ спектаклей и т. п., онъ презиралъ всей своей загрубѣлой душой, и не было такихъ грязныхъ и сквернымъ выраженій, какія онъ не прилагалъ бы къ нимъ изъ своего солдатскаго лексикона. Разсказывали про него,— и это могло быть правдой, — что въ одну чудесную весеннюю ночь, когда онъ сидѣлъ у открытаго окна и провѣрялъ ротную отчетность, въ кустахъ рядомъ съ нимъ запѣлъ соловей. Слива послушалъ-послушалъ и вдругъ крикнулъ денщику:

— З-захарчукъ! П-рогони эту п-тицу ка-камнемъ. М-мѣшаетъ...

Этотъ вялый, опустившійся на видъ человѣкъ былъ страшно суровъ съ солдатами и не только позволялъ драться унтеръ-офицерамъ, но и самъ билъ жестоко, до крови, до того, что провинившійся падалъ съ ногъ подъ его ударами. Зато къ солдатскимъ нуждамъ онъ былъ внимателенъ до тонкости: денегъ, приходившихъ изъ деревни, не задерживалъ и каждый день слѣдилъ лично за ротнымъ котломъ, хотя суммами отъ вольныхъ работъ распоряжался по своему усмотрѣнію. Только въ одной ротѣ люди выглядѣли сытѣе и веселѣе, чѣмъ у него.

Но молодыхъ офицеровъ Слива жучилъ и подтягивалъ, употребляя безцеремонные, хлесткіе пріемы, которымъ его врожденный хохлацкій юморъ придавалъ особую ѣдкость. Если, напримѣръ, на ученьи субалтернъ-офицеръ сбивался съ ноги, онъ кричалъ, слегка заикаясь по привычкѣ:

— Отъ, из-звольте. Уся рота, ч-чортъ бы ее побралъ, идетъ не въ ногу. Одинъ п-подпоручикъ идетъ въ ногу.

Иногда же, обругавъ всю роту матерными словами, онъ поспѣшно, но ѣдко прибавлялъ:

— З-за исключеніемъ г-господъ офицеровъ и подпрапорщика.

Но особенно онъ бывалъ жестокъ и утѣснителенъ въ тѣхъ случаяхъ, когда младшій офицеръ опаздывалъ въ роту, и это чаще всего испытывалъ на себѣ Ромашовъ. Еще издали замѣтивъ подпоручика, Слива командовалъ ротѣ: «смирно», точно устраивая опоздавшему иронически-почетную встрѣчу, а самъ неподвижно, съ часами въ рукахъ, слѣдилъ, какъ Ромашовъ, спотыкаясь отъ стыда и путаясь въ шашкѣ, долго не могъ найти своего мѣста. Иногда же онъ съ яростною вѣжливостью спрашивалъ, не стѣсняясь того, что это слышали солдаты: «Я думаю, подпоручикъ, вы позволите продолжать?» Въ другой разъ освѣдомлялся съ предупредительной заботливостью, но умышленно громко, о томъ, какъ подпоручикъ спалъ и что̀ видѣлъ во снѣ. И только продѣлавъ одну изъ этихъ штучекъ, онъ отводилъ Ромашова въ сторону и, глядя на него въ упоръ круглыми рыбьими глазами, дѣлалъ ему грубый выговоръ.

«Эхъ, все равно ужъ!—думалъ съ отчаяніемъ Ромашовъ, подходя къ ротѣ.—И здѣсь плохо и тамъ плохо,—одно къ одному. Пропала моя жизнь!»

Ротный командиръ, поручикъ Вѣткинъ, Лбовъ и фельдфебель стояли по срединѣ плаца и всѣ вмѣстѣ обер-

нулись на подходившаго Ромашова. Солдаты тоже повернули къ нему головы. Въ эту минуту Ромашовъ представилъ себѣ самого себя—сконфуженнаго, идущаго неловкой походкой подъ устремленными на него глазами, и ему стало еще непріятнѣе.

«Но, можетъ-быть, это вовсе не такъ ужъ позорно?— пробовалъ онъ мысленно себя утѣшить, по привычкѣ многихъ застѣнчивыхъ людей. — Можетъ-быть, это только мнѣ кажется такимъ острымъ, а другимъ, право, все равно. Ну, вотъ, я представляю себѣ, что опоздалъ не я, а Лбовъ, а я стою на мѣстѣ и смотрю, какъ онъ подходитъ. Ну, и ничего особеннаго: Лбовъ — какъ Лбовъ... Все пустяки, — рѣшилъ онъ наконецъ и сразу успокоился. — Положимъ, совѣстно... Но вѣдь не мѣсяцъ же это будетъ длиться, и даже не недѣлю, не день. Да и вся жизнь такъ коротка, что все въ ней забывается».

Противъ обыкновенія, Слива почти не обратилъ на него сниманія и не выкинулъ ни одной изъ своихъ штучекъ. Только, когда Ромашовъ остановился въ шагѣ отъ него, съ почтительно приложенной рукой къ козырьку и сдвинутыми вмѣстѣ ногами, онъ сказалъ, подавая ему для пожатія свои вялые пальцы, похожіе на пять холодныхъ сосисокъ:

— Прошу помнить, подпоручикъ, что вы обязаны быть въ ротѣ за пять минутъ до прихода старшаго субалтернъ-офицера и за десять до ротнаго командира.

— Виноватъ, господинъ капитанъ,—деревяннымъ голосомъ отвѣтилъ Ромашовъ.

— Отъ, извольте, — виноватъ!.. Все спите. Во снѣ шубы не сошьешь. Прошу господъ офицеровъ итти къ своимъ взводамъ.

Вся рота была по частямъ разбросана на плацу. Дѣлали повзводно утреннюю гимнастику. Солдаты стояли

шеренгами, на шагъ разстоянія другъ отъ друга, съ разстегнутыми, для облегченія движеній, мундирами. Расторопный унтеръ-офицеръ Бобылевъ, изъ полуроты Ромашова, почтительно косясь на подходящаго офицера, командовалъ зычнымъ голосомъ, вытягивая впередъ нижнюю челюсть и дѣлая косые глаза:

— Подыманіе на носки и плавное присѣданіе. Рук-и-и... на-бедръ!

И потомъ затянулъ, нараспѣвъ, низкимъ голосомъ:

— Начина-а-ай!

— Ра-азъ! — запѣли въ унисонъ солдаты и медленно присѣли на корточки, а Бобылевъ, тоже сидя на корточкахъ, обводилъ шеренгу строгимъ молодцоватымъ взглядомъ.

А рядомъ маленькій вертлявый ефрейторъ Сѣроштанъ выкрикивалъ тонкимъ, рѣзкимъ и срывающимся, какъ у молодого пѣтушка, голосомъ:

— Выпадъ съ лѣвой и правой ноги, съ выбрасываньемъ соотвѣтствующей руки.—Товсь! Начинай! Ать-два, ать-два!—и десять молодыхъ здоровыхъ голосовъ кричали отрывисто и старательно:—гау, гау, гау, гау!

— Стой! — выкрикнулъ пронзительно Сѣроштанъ. — Ла-апшинъ! Ты тамъ что̀ такъ семетрично дурака валяешь? Суешь кулаками, точно рязанская баба уфатомъ: хоу, хоу!.. Дѣлай у меня движенія чисто, матери твоей чортъ!

Потомъ унтеръ-офицеры бѣглымъ шагомъ развели взводы къ машинамъ, которыя стояли въ разныхъ концахъ плаца. Подпрапорщикъ Лбовъ, сильный, ловкій мальчикъ и отличный гимнастъ, быстро снялъ съ себя шинель и мундиръ и, оставшись въ одной голубой ситцевой рубашкѣ, первый подбѣжалъ къ параллельнымъ брусьямъ. Ставъ руками на ихъ концы, онъ въ три пріема раскачался и вдругъ, описавъ всѣмъ тѣломъ полный

кругъ, такъ что на одинъ моментъ его ноги находились прямо надъ головой, онъ съ силой оттолкнулся отъ брусьевъ, пролетѣлъ упругой дугой на полторы сажени впередъ, перевернулся въ воздухѣ и ловко, по-кошачьи, присѣлъ на землю.

— Подпрапорщикъ Лбовъ! Опять фокусничаете! — притворно-строго окрикнулъ его Слива. Старый «бурбонъ» въ глубинѣ души питалъ слабость къ подпрапорщику, какъ къ отличному фронтовику и тонкому знатоку устава. — Показывайте то, что̀ требуется наставленіемъ. Здѣсь вамъ не балаганъ на Святой недѣлѣ.

— Слушаю, господинъ капитанъ! — весело гаркнулъ Лбовъ.—Слушаю, но не исполняю, — добавилъ онъ вполголоса, подмигнувъ Ромашову.

Четвертый взводъ упражнялся на наклонной лѣстницѣ. Одинъ за другимъ солдаты подходили къ ней, брались за перекладину, подтягивались на мускулахъ и лѣзли на рукахъ вверхъ. Унтеръ-офицеръ Шаповаленко стоялъ внизу и дѣлалъ замѣчанія:

— Не болтай ногами. Носки уверхъ!

Очередь дошла до лѣво-фланговаго солдатика Хлѣбникова, который служилъ въ ротѣ общимъ посмѣшищемъ. Часто, глядя на него, Ромашовъ удивлялся, какъ могли взять на военную службу этого жалкаго, замореннаго человѣка, почти карлика, съ грязнымъ безусымъ лицомъ въ кулачокъ. И когда подпоручикъ встрѣчался съ его безсмысленными глазами, въ которыхъ, какъ будто разъ навсегда, съ самаго дня рожденія, застылъ тупой, покорный ужасъ, то въ его сердцѣ шевелилось что-то странное, похожее на скуку и на угрызеніе совѣсти.

Хлѣбниковъ висѣлъ на рукахъ безобразный, неуклюжій, точно удавленникъ.

— Подтягивайся, собачья морда, подтягивайся-а! — кричалъ унтеръ-офицеръ. — Ну, уверхъ!

Хлѣбниковъ дѣлалъ усилія подняться, но лишь безпомощно дрыгалъ ногами и раскачивался изъ стороны въ сторону. На секунду онъ обернулъ въ сторону и внизъ свое сѣрое маленькое лицо, на которомъ жалко и нелѣпо торчалъ вздернутый кверху грязный носъ. И вдругъ, оторвавшись отъ перекладины, упалъ мѣшкомъ на землю.

— А-а! Не желаешь дѣлать емнастическія упражненія! — заоралъ унтеръ-офицеръ.—Ты, подлецъ, мнѣ весь взводъ нарушаешь! Я т-тебѣ!

— Шаповаленко, не смѣть драться!—крикнулъ Ромашовъ, весь вспыхнувъ отъ стыда и гнѣва.—Не смѣй этого дѣлать никогда! — крикнулъ онъ, подбѣжавъ къ унтеръ-офицеру и схвативъ его за плечо.

Шаповаленко вытянулся въ струнку и приложилъ руку къ козырьку. Въ его глазахъ, ставшихъ сразу по-солдатски безсмысленными, дрожала однако чуть замѣтная насмѣшливая улыбка.

— Слушаю, ваше благородіе. Только позвольте вамъ доложить: никакой съ имъ возможности нѣтъ.

Хлѣбниковъ стоялъ рядомъ, сгорбившись; онъ тупо смотрѣлъ на офицера и вытиралъ ребромъ ладони носъ. Съ чувствомъ остраго и безполезнаго сожалѣнія Ромашовъ отвернулся отъ него и пошелъ къ третьему взводу.

Послѣ гимнастики, когда людямъ данъ былъ десятиминутный отдыхъ, офицеры опять сошлись вмѣстѣ на серединѣ плаца, у параллельныхъ брусьевъ. Разговоръ сейчасъ же зашелъ о предстоящемъ майскомъ парадѣ.

— Отъ, извольте угадать, гдѣ нарвешься! — говорилъ Слива, разводя руками и пуча съ изумленіемъ водянистые глаза.—То-есть, скажу я вамъ: именно, у каждаго генерала своя фантазія. Помню я, былъ у насъ генералъ-лейтенантъ Львовичъ командиръ корпуса. Онъ изъ инженеровъ къ намъ попалъ. Такъ при немъ мы только и занимались однимъ самоокапываніемъ. Уставъ, пріемы,

маршировка — все по-боку. Съ утра до вечера строили всякіе ложементы, матери ихъ бисъ! Лѣтомъ изъ земли, зимой изъ снѣга. Весь полкъ ходилъ перепачканный съ ногъ до головы въ глинѣ. Командиръ десятой роты, капитанъ Алейниковъ, царство ему небесное, былъ представленъ къ Аннѣ за то, что въ два часа построилъ какой-то тамъ люнетъ, чи барбетъ.

— Ловко!—вставилъ Лбовъ.

— Потомъ, это ужъ на вашей памяти, Павелъ Павлычъ,—стрѣльба при генералѣ Арагонскомъ.

— А! Примостився стрѣляти? — засмѣялся Вѣткинъ.

— Что̀ это такое?—спросилъ Ромашовъ.

Слива презрительно махнулъ рукой.

— А это то, что тогда у насъ только и было въ умѣ, что наставленія для обученія стрѣльбѣ. Солдатъ одинъ отвѣчалъ «Вѣрую» на смотру, такъ онъ такъ и сказалъ, вмѣсто «при Понтійстѣмъ Пилатѣ»—«примостився стрѣляти». До того головы всѣмъ забили! Указательный пальцъ звали не указательнымъ, а спусковымъ; а вмѣсто праваго глаза—былъ прицѣльный глазъ.

— А помните, Аѳанасій Кириллычъ, какъ теорію зубрили?—сказалъ Вѣткинъ.—Траекторія, деривація... Ей-Богу, я самъ ничего не понималъ. Бывало, скажешь солдату: вотъ тебѣ ружье, смотри въ дуло. Что̀ видишь? «Бачу воображаемую линію, которая называется осью ствола». Но зато ужъ стрѣляли. Помните, Аѳанасій Кириллычъ?

— Ну, какъ же. За стрѣльбу наша дивизія попала въ заграничныя газеты. Десять процентовъ свыше отличнаго — отъ, извольте. Однако и жулили мы, б-батюшки мои! Изъ одного полка въ другой брали взаймы хорошихъ стрѣлковъ. А то, бывало, рота стрѣляетъ сама по себѣ, а изъ блиндажа младшіе офицеры жарятъ изъ револьверовъ. Одна рота такъ отличилась, что стали счи-

татъ, а въ мишени на пять пуль больше, чѣмъ выпустили. Сто пять процентовъ попаданія. Спасибо, фельдфебель успѣлъ клейстеромъ замазать.

— А при Слесаревѣ, помните шрейберовскую гимнастику?

— Еще бы не помнить! Вотъ она у меня гдѣ сидитъ. Балеты танцовали. Да мало ли ихъ еще было, генераловъ этихъ, чортъ бы ихъ далъ! Но все это, скажу вамъ, господа, чепуха и мандрагорія въ сравненіи съ теперешнимъ. Это ужъ, что̀ называется—пріидите, послѣднее цѣлованіе. Прежде по крайности знали, что̀ съ тебя спросятъ, а теперь? Ахъ, помилуйте, солдатикъ — ближній, нужна гуманность. Драть его надо, расподлеца! Ахъ, развитіе умственныхъ способностей, быстрота и соображеніе. Суворовцы! Не знаешь теперь, чему солдата и учить. Отъ, извольте, выдумалъ новую штуку, сквозную атаку...

— Да, это не шоколадъ! — сочувственно кивнулъ головой Вѣткинъ.

— Стоишь, какъ тотъ болванъ, а на тебя казачишки во весь карьеръ дуютъ. И насквозь! Ну-ка, попробуй—посторонись-ка. Сейчасъ приказъ: «У капитана такого-то слабые нервы. Пусть помнитъ, что на службѣ его никто насильно не удерживаетъ».

— Лукавый старикашка,—сказалъ Вѣткинъ.—Онъ въ К — скомъ полку какую штуку удралъ. Завелъ роту въ огромную лужу и велитъ ротному командовать: «ложись!». Тотъ помялся, однако командуетъ — «ложись!». Солдаты растерялись, думаютъ, что не разслышали. А генералъ при нижнихъ чинахъ давай пушить командира: «Какъ ведете роту! Бѣлоручки! Нѣженки! Если здѣсь въ лужу боятся лечь, то какъ въ военное время вы ихъ подымете, если они подъ огнемъ непріятеля залягутъ куда-нибудь въ ровъ? Не солдаты у васъ, а бабы, и командиръ—баба! На абвахту!»

— А что̀ пользы? При людяхъ срамятъ командира, а потомъ говорятъ о дисциплинѣ. Какая тутъ къ бису дисциплина! А ударить его, каналью, не смѣй. Нѣ-ѣ-ѣтъ... Помилуйте — онъ личность, онъ человѣкъ! Нѣтъ-съ, въ прежнее время никакихъ личностевъ не было, и лупили ихъ, скотовъ, какъ сидоровыхъ козъ, а у насъ были и Севастополь, и итальянскій походъ, и всякая такая вещь. Ты меня хоть отъ службы увольняй, а я все-таки, когда мерзавецъ этого заслужилъ, я загляну ему куда слѣдуетъ!

— Бить солдата безчестно, — глухо возразилъ молчавшій до сихъ поръ Ромашовъ. — Нельзя бить человѣка, который не только не можетъ тебѣ отвѣтить, но даже не имѣетъ права поднять руку къ лицу, чтобы защититься отъ удара. Не смѣетъ даже отклонить головы. Это стыдно!

Слива уничтожающе прищурился и сбоку, сверху внизъ, выпятивъ впередъ нижнюю губу подъ короткими сѣдѣющими усами, оглядѣлъ съ ногъ до головы Ромашова.

— Что̀ т-тако-е? — протянулъ онъ тономъ крайняго презрѣнія.

Ромашовъ поблѣднѣлъ. У него похолодѣло въ груди и въ животѣ, а сердце забилось, точно во всемъ тѣлѣ сразу.

— Я сказалъ, что это нехорошо... Да, и повторяю... вотъ что̀,—сказалъ онъ несвязно, но настойчиво.

— Скажи-т-те, пож-жалуйста!—тонко пропѣлъ Слива.— Видали мы такихъ миндальниковъ, не безпокойтесь. Сами черезъ годъ, если только васъ не выпрутъ изъ полка, будете по мордасамъ щелкать. Въ а-атличнѣйшемъ видѣ. Не хуже меня.

Ромашовъ поглядѣлъ на него въ упоръ съ ненавистью и сказалъ почти шопотомъ:

— Если вы будете бить солдатъ, я на васъ подамъ рапортъ командиру полка.

— Что-съ?—крикнулъ грозно Слива, но тотчасъ же оборвался. — Однако довольно-съ этой чепухи-съ, —сказалъ онъ сухо. — Вы, подпоручикъ, еще молоды, чтобы учить старыхъ боевыхъ офицеровъ, прослужившихъ съ честью двадцать пять лѣтъ своему государю. Прошу гг. офицеровъ итти въ ротную школу, — закончилъ онъ сердито.

Онъ рѣзко повернулся къ офицерамъ спиной.

— Охота вамъ было ввязываться?— примирительно заговорилъ Вѣткинъ, идя рядомъ съ Ромашовымъ. — Сами видите, что эта слива не изъ сладкихъ. Вы еще не знаете его, какъ я знаю. Онъ вамъ такихъ вещей наговоритъ, что не будете знать, куда дѣваться. А возразите, — онъ васъ подъ арестъ законопатитъ.

— Да, послушайте, Павелъ Павлычъ, это же вѣдь не служба, это—изувѣрство какое-то!—со слезами гнѣва и обиды въ голосѣ воскликнулъ Ромашовъ. — Эти старыя барабанныя шкуры издѣваются надъ нами! Они нарочно стараются поддерживать въ отношеніяхъ между офицерами грубость, солдафонство, какое-то циничное молодечество.

— Ну да, это, конечно, такъ, — подтвердилъ равнодушно Вѣткинъ и зѣвнулъ.

А Ромашовъ продолжалъ съ горячностью:

— Ну, кому нужно, зачѣмъ это подтягиваніе, ораніе, грубые окрики? Ахъ, я совсѣмъ, совсѣмъ не то ожидалъ найти, когда сталъ офицеромъ. Никогда я не забуду перваго впечатлѣнія. Я только три дня былъ въ полку, и меня оборвалъ этотъ рыжій понамарь Арчаковскій. Я въ собраніи въ разговорѣ назвалъ его поручикомъ, потому что и онъ меня называлъ подпоручикомъ. И онъ, хотя сидѣлъ рядомъ со мной и мы вмѣстѣ пили пиво, закричалъ на меня: «Во-первыхъ, я вамъ не поручикъ, а г. поручикъ, а во-вторыхъ... во-вторыхъ, из-

вольте встать, когда вамъ дѣлаетъ замѣчаніе старшій чиномъ!» И я всталъ и стоялъ передъ нимъ, какъ оплеванный, пока не осадилъ его подполковникъ Лехъ. Нѣтъ, нѣтъ, не говорите ничего, Павелъ Павлычъ. Мнѣ все это до такой степени надоѣло и опротивѣло!..

XI.

Въ ротной школѣ занимались «словесностью». Въ тѣсной комнатѣ, на скамейкахъ, составленныхъ четыреугольникомъ, сидѣли лицами внутрь солдаты третьяго взвода. Въ серединѣ этого четыреугольника ходилъ взадъ и впередъ ефрейторъ Сѣроштанъ. Рядомъ, въ такомъ же четыреугольникѣ, такъ же ходилъ взадъ и впередъ другой унтеръ-офицеръ полуроты — Шаповаленко.

— Бондаренко! — выкрикнулъ зычнымъ голосомъ Сѣроштанъ.

Бондаренко, ударившись обѣими ногами объ полъ, вскочилъ прямо и быстро, какъ деревянная кукла съ заводомъ.

— Если ты, примѣрно, Бондаренко, стоишь у строю съ ружомъ, а къ тебѣ подходитъ начальство и спрашиваетъ: «Что у тебя въ рукахъ, Бондаренко?» Что ты долженъ отвѣчать?

— Ружо, дяденька? — догадывается Бондаренко.

— Брешешь. Развѣ же это ружо? Ты бы еще сказалъ по-деревенски: рушница. То дома было ружо, а на службѣ зовется просто: малокалиберная, скорострѣльная, пѣхотная винтовка, системы Бердана, номеръ второй, со скользящимъ затворомъ. Повтори, сукинъ сынъ!

Бондаренко скороговоркой повторяетъ слова, которыя онъ зналъ, конечно, и раньше.

— Садись! — командуетъ милостиво Сѣроштанъ. — А для чего она тебѣ дана? На этотъ вопросъ отвѣтитъ

мнѣ... — Онъ обводитъ строгими глазами всѣхъ подчиненныхъ поочередно:—Шевчукъ!

Шевчукъ встаетъ съ угрюмымъ видомъ и отвѣчаетъ глухимъ басомъ, медленно и въ носъ и такъ отрывая фразы, точно онъ ставитъ послѣ нихъ точки:

— Вона мини дана для того. Щобъ я въ мирное время робилъ съ ею ружейные пріемы. А въ военное время. Защищалъ престолъ и отечество отъ враговъ.—Онъ помолчалъ, шмыгнулъ носомъ и мрачно добавилъ: — Какъ унутреннихъ, такъ и унѣшнихъ.

— Такъ. Ты хорошо знаешь, Шевчукъ, только мямлишь. Солдатъ долженъ имѣть въ себѣ веселость, какъ орелъ. Садись. Теперь скажи, Овечкинъ: кого мы называемъ врагами унѣшними?

Разбитной орловецъ Овечкинъ, въ голосѣ котораго слышится слащавая скороговорка бывшаго мелочного приказчика, отвѣчаетъ быстро и щеголевато, захлебываясь отъ удовольствія:

— Внѣшними врагами мы называемъ всѣ тѣ самыя государствія, съ которыми намъ приходится вести войну. Французы, нѣмцы, атальянцы, турки, ивропейцы, инди...

— Годи,—обрываетъ его Сѣроштанъ:—этого уже въ уставѣ не значится. Садись, Овечкинъ. А теперь скажетъ мнѣ... Архиповъ! Кого мы называемъ врагами у-нутрен-ни-ми?

Послѣднія два слова онъ произноситъ особенно громко и вѣско, точно подчеркивая ихъ, и бросаетъ многозначительный взглядъ въ сторону вольноопредѣляющагося Маркусона.

Неуклюжій, рябой Архиповъ упорно молчитъ, глядя въ окно ротной школы. Дѣльный, умный и ловкій парень внѣ службы, онъ держитъ себя на занятіяхъ совершеннымъ идіотомъ. Очевидно, это происходитъ отъ

того, что его здоровый умъ, привыкшій наблюдать и обдумывать простыя и ясныя явленія деревенскаго обихода, никакъ не можетъ уловить связи между преподаваемой ему «словесностью» и дѣйствительной жизнью. Поэтому онъ не понимаетъ и не можетъ заучить самыхъ простыхъ вещей, къ великому удивленію и негодованію своего взводнаго начальника.

— Н-ну! Долго я тебя буду ждать, пока ты соберешься?—начинаетъ сердиться Сѣроштанъ.

— Нутренними врагами... врагами...

— Не знаешь?—грозно воскликнулъ Сѣроштанъ и двинулся-было на Архипова, но, покосившись на офицера, только затрясъ головой и сдѣлалъ Архипову страшные глаза. — Ну, слухай. Унутренними врагами мы называемъ усѣхъ, сопротивляющихся закону. Напримѣръ, кого?..—Онъ встрѣчаетъ искательные глаза Овечкина.— Скажи хоть ты, Овечкинъ.

Овечкинъ вскакиваетъ и радостно кричитъ:

— Такъ что бунтовщики, стюденты, конокрады, жиды и поляки!

Рядомъ занимается со своимъ взводомъ Шаповаленко. Расхаживая между скамейками, онъ пѣвучимъ тонкимъ голосомъ задаетъ вопросы по солдатской памяткѣ, которую держитъ въ рукахъ.

— Солтысъ, что̀ такое часовой?

Солтысъ, литвинъ, давясь и тараща глаза отъ старанія, выкрикиваетъ:

— Часовой есть лицо неприкосновенное.

— Ну да, такъ, а еще?

— Часовой есть солдатъ, поставленный на какой-либо постъ съ оружіемъ въ рукахъ.

— Правильно. Вижу, Солтысъ, что ты уже начинаешь стараться. А для чего ты поставленъ на постъ, Пахоруковъ?

— Чтобы не спалъ, не дремалъ, не курилъ и ни отъ кого не принималъ никакихъ вещей и подарковъ.

— А честь?

— И чтобы отдавалъ установленную честь господамъ проѣзжающимъ офицерамъ.

— Такъ. Садись.

Шаповаленко давно уже замѣтилъ ироническую улыбку вольноопредѣляющагося Фокина и потому выкрикиваетъ съ особенной строгостью:

— Вольный опредѣляющій! Кто же такъ встаетъ? Если начальство спрашиваетъ, то вставать надо швидко, какъ пружина. Что̀ есть знамя?

Вольноопредѣляющійся Фокинъ, съ университетскимъ значкомъ на груди, стоитъ передъ унтеръ-офицеромъ въ почтительной позѣ. Но его молодые сѣрые глаза искрятся веселой насмѣшкой.

— Знамя есть священная воинская хоругвь, подъ которой...

— Брешете! — сердито обрываетъ его Шаповаленко и ударяетъ памяткой по ладони.

— Нѣтъ, я говорю вѣрно, — упрямо, но спокойно говоритъ Фокинъ.

— Что̀-о!? Если начальство говоритъ нѣтъ, значитъ нѣтъ!

— Посмотрите сами въ уставѣ.

— Якъ я унтеръ-офицеръ, то я и уставъ знаю лучше вашего. Скаж-жите! Всякій вольный опредѣляющій задается на макароны. А можетъ, я самъ захочу податься въ юнкерское училище на обученіе? Почему вы знаете? Что̀ это такое за хоругь? Хе-руг-ва! А отнюдь не хоругь. Свяченая воинская херугва, въ родѣ какъ образъ.

— Шаповаленко, не спорь,—вмѣшивается Ромашовъ.— Продолжай занятія.

— Слушаю, ваше благородіе!—вытягивается Шапова-

ленко. — Только дозвольте вашему благородію доложить — все этотъ вольный опредѣляющій умствуютъ.

— Ладно, ладно, дальше!

— Слушаю, вашбродь... Хлѣбниковъ! Кто у насъ командиръ корпуса?

Хлѣбниковъ растерянными глазами глядитъ на унтеръ-офицера. Изъ его раскрытаго рта вырывается, точно у осипшей вороны, одинокій шипящій звукъ.

— Раскачивайся! — злобно кричитъ на него унтеръ-офицеръ.

— Его...

— Ну, — сго... Ну, что жъ будетъ дальше?

Ромашовъ, который въ эту минуту отвернулся въ сторону, слышитъ, какъ Шаповаленко прибавляетъ пониженнымъ тономъ, хрипло:

— Вотъ, погоди, я тебѣ послѣ ученія разглажу морду-то!

И такъ какъ Ромашовъ въ эту секунду повертывается къ нему, онъ произноситъ громко и равнодушно:

— Его высокопревосходительство... Ну, что жъ ты, Хлѣбниковъ, дальше!..

— Его... инфантеріи... лентинантъ, — испуганно и отрывисто бормочетъ Хлѣбниковъ.

— А-а-а!—хрипитъ, стиснувъ зубы, Шаповаленко.— Ну, что я съ тобой, Хлѣбниковъ, буду дѣлать? Бьюсь-бьюсь я съ тобой, а ты совсѣмъ какъ верблюдъ, только роговъ у тебя нема. Никакого старанія. Стой такъ до конца словесности столбомъ. А послѣ обѣда явишься ко мнѣ, буду отдѣльно съ тобой заниматься. Греченко! Кто у насъ командиръ корпуса?

«Такъ сегодня, такъ будетъ завтра и послѣзавтра. Все одно и то же до самаго конца моей жизни, — думалъ Ромашовъ, ходя отъ взвода къ взводу. — Бросить все, уйти?.. Тоска!..»

Послѣ словесности люди занимались на дворѣ приготовительными къ стрѣльбѣ упражненіями. Въ то время, какъ въ одной части люди цѣлились въ зеркало, а въ другой стрѣляли дробинками въ мишень, — въ третьей наводили винтовки въ цѣль на приборѣ Ливчака. Во второмъ взводѣ подпрапорщикъ Лбовъ заливался на весь плацъ веселымъ звонкимъ теноркомъ:

— Пря-мо... по колоннѣ... на-альба ротою... ать, два! Рота-а...—онъ затягивалъ послѣдній звукъ, дѣлалъ паузу и потомъ отрывисто бросалъ:—Пли!

Щелкали ударники. А Лбовъ, радостно щеголяя голосомъ, снова заливался:

— Къ но-о-о... ипъ!

Слива ходилъ отъ взвода къ взводу, сгорбленный, вялый, поправлялъ стойку и дѣлалъ короткія, грубыя замѣчанія.

— Убери брюхо! Стоишь, какъ беременная баба! Какъ ружье держишь? — Ты не дьяконъ со свѣчой! Что ротъ разинулъ, Карташовъ? Каши захотѣлъ? Гдѣ трыньчикъ? Фельдфебель, поставить Карташова на часъ послѣ ученія подъ ружье. Кан-налья! Какъ шинель скаталъ, Веденѣевъ? Ни начала, ни конца, ни бытія своего не имѣетъ. Балбесъ!

Послѣ стрѣльбы люди составили ружья и легли около нихъ на молодой весенней травкѣ, уже выбитой кое-гдѣ солдатскими сапогами. Было тепло и ясно. Въ воздухѣ пахло молодыми листочками тополей, которые двумя рядами росли вдоль шоссе. Вѣткинъ опять подошелъ къ Ромашову.

— Плюньте, Юрій Алексѣевичъ, — сказалъ онъ Ромашову, беря его подъ руку. — Стоитъ ли? Вотъ кончимъ ученіе, пойдемъ въ собраніе, тяпнемъ по рюмкѣ, и все пройдетъ. А?

— Скучно мнѣ, милый Павелъ Павлычъ, — тоскливо произнесъ Ромашовъ.

— Что говорить, невесело, — сказалъ Вѣткинъ. — Но какъ же иначе? Надо же людей учить дѣлу. А вдругъ война?

— Развѣ что война,—уныло согласился Ромашовъ.— А зачѣмъ война? Можетъ-быть, все это какая-то общая ошибка, какое-то всемірное заблужденіе, помѣшательство? Развѣ естественно убивать?

— Э-э, развели философію. Какого чорта! А если на насъ вдругъ нападутъ нѣмцы? Кто будетъ Россію защищать?

— Я вѣдь ничего не знаю и не говорю, Павелъ Павлычъ, — жалобно и кротко возразилъ Ромашовъ:—я ничего, ничего не знаю. Но вотъ, напримѣръ, сѣверо-американская война, или тоже вотъ освобожденіе Италіи, а при Наполеонѣ—гверильясы... и еще шуаны во время революціи... Дрались же, когда приходила надобность! Простые землепашцы, пастухи...

— То американцы... Экъ вы прировняли... Это дѣло десятое. А по-моему, если такъ думать, то ужъ лучше не служить. Да и вообще въ нашемъ дѣлѣ думать не полагается. Только вопросъ: куда же мы съ вами дѣнемся, если не будемъ служить? Куда мы годимся, когда мы только и знаемъ — лѣвой, правой, — а больше ни бе, ни ме, ни кукуреку. Умирать мы умѣемъ, это вѣрно. И умремъ, дьяволъ насъ задави, когда потребуютъ. По крайности, не даромъ хлѣбъ ѣли. Такъ-то, господинъ филозо́фъ. Пойдемъ послѣ ученья со мной въ собраніе.

— Что жъ, пойдемте, — равнодушно согласился Ромашовъ. — Собственно говоря, это свинство такъ ежедневно проводить время. А вы правду говорите, что если такъ думать, то ужъ лучше совсѣмъ не служить.

Разговаривая, они ходили взадъ и впередъ по плацу и остановились около четвертаго взвода. Солдаты сидѣли и лежали на землѣ около составленныхъ ружей. Нѣко-

торые ѣли хлѣбъ, который солдаты ѣдятъ весь день, съ утра до вечера, и при всѣхъ обстоятельствахъ: на смотрахъ, на привалахъ во время маневровъ, въ церкви передъ исповѣдью и даже передъ тѣлеснымъ наказаніемъ.

Ромашовъ услышалъ, какъ чей-то равнодушно-задирающій голосъ окликнулъ:

— Хлѣбниковъ, а Хлѣбниковъ!..

— А?—угрюмо въ носъ отозвался Хлѣбниковъ.

— Ты что̀ дома дѣлалъ?

— Робилъ, — сонно отвѣтилъ Хлѣбниковъ.

— Да что̀ робилъ-то, дурья голова?

— Все. Землю пахалъ, за скотиной ходилъ.

— Чего ты къ нему привязался?—вмѣшивается старослуживый солдатъ, дядька Шпыневъ. — Извѣстно, чего робилъ: робятъ сиськой кормилъ.

Ромашовъ мимоходомъ взглянулъ на сѣрое, жалкое, голое лицо Хлѣбникова, и опять въ душѣ его заскребло какое-то неловкое, больное чувство.

— Въ ружье! — крикнулъ съ середины плаца Слива.— Господа офицеры, по мѣстамъ!

Залязгали ружья, цѣпляясь штыкомъ за штыкъ. Солдаты, суетливо одергиваясь, становились на свои мѣста.

— Равняйсь! — скомандовалъ Слива. — Смирна!

Затѣмъ, подойдя ближе къ ротѣ, онъ закричалъ нараспѣвъ:

— Ружейные пріемы, по раздѣленіямъ, счетъ вслухъ... Рота, ша-ай... на кра-улъ!

— Разъ!—гаркнули солдаты и коротко взбросили ружья кверху.

Слива медленно обошелъ строй, дѣлая отрывистыя замѣчанія:—«доверни прикладъ», «выше штыкъ», «прикладъ на себя». Потомъ онъ опять вернулся передъ роту и скомандовалъ:

— Дѣла-ай... два!

— Два! — крикнули солдаты.

И опять Слива пошелъ по строю провѣрять чистоту и правильность пріема.

Послѣ ружейныхъ пріемовъ по раздѣленіямъ шли пріемы безъ раздѣленій, потомъ повороты, вздваиваніе рядовъ, примыканіе и размыканіе и другія разныя построенія. Ромашовъ исполнялъ, какъ автоматъ, все, что̀ отъ него требовалось уставомъ, но у него не выходили изъ головы слова, небрежно оброненныя Вѣткинымъ: «Если такъ думать, то нечего и служить. Надо уходить со службы». И всѣ эти хитрости военнаго устава: ловкость поворотовъ, лихость ружейныхъ пріемовъ, крѣпкая постановка ноги въ маршировкѣ, а вмѣстѣ съ ними всѣ эти тактики и фортификаціи, на которыя онъ убилъ девять лучшихъ лѣтъ своей жизни, которыя должны были наполнить и всю его остальную жизнь и которыя еще такъ недавно казались ему такимъ важнымъ и мудрымъ дѣломъ,—все это вдругъ представилось ему чѣмъ-то скучнымъ, неестественнымъ, выдуманнымъ, чѣмъ-то безцѣльнымъ и празднымъ, порожденнымъ всеобщимъ міровымъ самообманомъ, чѣмъ-то похожимъ на нелѣпый бредъ.

Когда же ученіе окончилось, они пошли съ Вѣткинымъ въ собраніе и вдвоемъ съ нимъ выпили очень много водки. Ромашовъ, почти потерявъ сознаніе, цѣловался съ Вѣткинымъ, плакалъ у него на плечѣ громкими истеричными слезами, жалуясь на пустоту и тоску жизни, и на то, что его никто не понимаетъ, и на то, что его не любитъ «одна женщина», а кто она—этого никто никогда не узна̀етъ; Вѣткинъ же хлопалъ рюмку за рюмкой и только время отъ времени говорилъ съ презрительной жалостью:

— Одно скверно, Ромашовъ, не умѣете вы пить. Выпили рюмку и раскисли.

Потомъ вдругъ онъ ударялъ кулакомъ по столу и кричалъ грозно:

— А велятъ умереть—умремъ!

— Умремъ, — жалобно отвѣчалъ Ромашовъ. — Что̀— умереть? Это чепуха—умереть... Душа болитъ у меня...

Ромашовъ не помнилъ, какъ онъ добрался домой, и кто его уложилъ въ постель. Ему представлялось, что онъ плаваетъ въ густомъ синемъ туманѣ, по которому разсыпаны милліарды милліардовъ микроскопическихъ искорокъ. Этотъ туманъ медленно колыхался вверхъ и внизъ, подымая и опуская въ своихъ движеніяхъ тѣло Ромашова, и отъ этой ритмичной качки сердце подпоручика ослабѣвало, замирало и томилось въ отвратительномъ, раздражающемъ чувствѣ тошноты. Голова казалась распухшей до огромныхъ размѣровъ, и въ ней чей-то неотступный, безжалостный голосъ кричалъ, причиняя Ромашову страшную боль:

— Дѣла-ай разъ!.. Дѣла-ай два!

XII.

День 23-го апрѣля былъ для Ромашова очень хлопотливымъ и очень страннымъ днемъ. Часовъ въ 10 утра, когда подпоручикъ лежалъ еще въ постели, пришелъ Степанъ, денщикъ Николаевыхъ, съ запиской отъ Александры Петровны.

«Милый Ромочка, — писала она: — я бы вовсе не удивилась, если бы узнала, что вы забыли о томъ, что сегодня день нашихъ общихъ именинъ. Такъ вотъ, напоминаю вамъ объ этомъ. Несмотря ни на что̀, я все-таки хочу васъ сегодня видѣть! Только не приходите поздравлять днемъ, а прямо къ 5-ти часамъ. Поѣдемъ пикникомъ на Дубечную.

«Ваша А. Н.».

Письмо дрожало въ рукахъ у Ромашова, когда онъ его читалъ. Уже цѣлую недѣлю не видалъ онъ милаго, то ласковаго, то насмѣшливаго, то дружески-внимательнаго лица Шурочки, не чувствовалъ на себѣ ея нѣжнаго и властнаго обаянія. «Сегодня!» — радостно сказалъ внутри его ликующій шопотъ.

— Сегодня! — громко крикнулъ Ромашовъ и босой соскочилъ съ кровати на полъ. — Гайнàнъ, умываться!

Вошелъ Гайнàнъ.

— Ваша благородія, тамъ денщикъ стоитъ. Спрашиваетъ: будешь писать отвѣтъ?

— Вотъ такъ тàкъ!—Ромашовъ вытаращилъ глаза и слегка присѣлъ. — Ссс... Надо бы ему на чай, а у меня ничего нѣтъ. — Онъ съ недоумѣніемъ посмотрѣлъ на денщика.

Гайнàнъ широко и радостно улыбнулся.

— Мине тоже ничего нѣтъ!.. Тебѣ нѣтъ, мине нѣтъ. Э, чего тамъ! Она и такъ пойдетъ.

Быстро промелькнула въ памяти Ромашова черная весенняя ночь, грязь, мокрый, скользкій плетень, къ которому онъ прижался, и равнодушный голосъ Степана изъ темноты: «Ходитъ, ходитъ каждый день...». Вспомнился ему и собственный нестерпимый стыдъ. О, какихъ будущихъ блаженствъ ни отдалъ бы теперь подпоручикъ за двугривенный, за одинъ двугривенный!

Ромашовъ судорожно и крѣпко потеръ руками лицо и даже крякнулъ отъ волненія.

— Гайнàнъ, — сказалъ онъ шопотомъ, боязливо косясь на дверь. — Гайнàнъ, ты поди скажи ему, что подпоручикъ вечеромъ непремѣнно дадутъ ему на чай. Слышишь: непремѣнно.

Ромашовъ переживалъ теперь острую денежную нужду. Кредитъ былъ прекращенъ ему повсюду: въ буфетѣ, въ офицерской экономической лавочкѣ, въ офицерскомъ ка-

питалѣ... Можно было брать только обѣдъ и ужинъ въ собраніи, и то безъ водки и закуски. У него даже не было ни чаю ни сахару. Оставалась только, по какой-то насмѣшливой игрѣ случая, огромная жестянка кофе. Ромашовъ мужественно пилъ его по утрамъ безъ сахару, а вслѣдъ за нимъ, съ такой же покорностью судьбѣ, допивалъ его Гайнанъ.

И теперь, съ гримасами отвращенія прихлебывая черную, крѣпкую, горькую бурду, подпоручикъ глубоко задумался надъ своимъ положеніемъ. «Гм... во-первыхъ, какъ явиться безъ подарка? Конфеты или перчатки? Впрочемъ, неизвѣстно, какой номеръ она носитъ. Конфеты? Лучше бы всего духи: конфеты здѣсь отвратительныя... Вѣеръ? Гм!.. Да, конечно, лучше духи. Она любитъ Эссъ-буке. Потомъ расходы на пикникѣ: извозчикъ туда и обратно, скажемъ — пять, на чай Степану — рубль! Да-съ, господинъ подпоручикъ Ромашовъ, безъ десяти рублей вамъ не обойтись».

И онъ сталъ перебирать въ умѣ всѣ рессурсы. Жалованье? Но не далѣе, какъ вчера, онъ расписался на получательной вѣдомости: «Расчетъ вѣренъ. Подпоручикъ Ромашовъ». Все его жалованье было аккуратно разнесено по графамъ, въ числѣ которыхъ значилось и удержаніе по частнымъ векселямъ; подпоручику не пришлось получить ни копейки. Можетъ-быть, попросить впередъ? Это средство пробовалось имъ по крайней мѣрѣ тридцать разъ, но всегда безъ успѣха. Казначеемъ былъ штабсъ-капитанъ Дорошенко — человѣкъ мрачный и суровый, особенно къ «фендрикамъ». Въ турецкую войну онъ былъ раненъ, но въ самое неудобное и непочетное мѣсто — въ пятку. Вѣчныя подтруниванія и остроты надъ его раной (которую онъ, однако, получилъ не въ бѣгствѣ, а въ то время, когда, обернувшись къ своему взводу, командовалъ наступленіе) сдѣлали то, что, отпра-

вившись на войну жизнерадостнымъ прапорщикомъ, онъ вернулся съ нея желчнымъ и раздражительнымъ ипохондрикомъ. Нѣтъ, Дорошенко не дастъ денегъ, а тѣмъ болѣе подпоручику, который уже третій мѣсяцъ пишетъ: «Расчетъ вѣренъ».

«Но не будемъ унывать! — говорилъ самъ себѣ Ромашовъ. — Переберемъ въ памяти всѣхъ офицеровъ. Начнемъ съ ротныхъ. По порядку. Первая рота — Осадчій».

Передъ Ромашовымъ встало удивительное, красивое лицо Осадчаго, съ его тяжелымъ, звѣринымъ взглядомъ. «Нѣтъ — кто угодно, только не онъ. Только не онъ. Вторая рота — Тальманъ. Милый Тальманъ: онъ вѣчно и всюду хватаетъ рубли, даже у подпрапорщиковъ. Хутынскій?»

Ромашовъ задумался. Шальная, мальчишеская мысль мелькнула у него въ головѣ: пойти и попросить взаймы у полкового командира. «Воображаю! Навѣрно, сначала оцѣпенѣетъ отъ ужаса, потомъ задрожитъ отъ бѣшенства, а потомъ выпалитъ, какъ изъ мортиры: «Что-о? Ма-ал-чать! На четверо сутокъ на гауптвахту!»

Подпоручикъ расхохотался. Нѣтъ, все равно, что-нибудь да придумается! День, начавшійся такъ радостно, не можетъ быть неудачнымъ. Это неуловимо, это непостижимо, но оно всегда безошибочно чувствуется гдѣ-то въ глубинѣ, за сознаніемъ.

«Капитанъ Дювернуа? Его солдаты смѣшно называютъ: Доверни-нога. А вотъ тоже, говорятъ, былъ какой-то генералъ Будбергъ-фонъ-Шауфусъ, — такъ его солдаты окрестили: Будка за цехаузомъ. Нѣтъ, Дювернуа скупъ и не любитъ меня — я это знаю...»

Такъ перебралъ онъ всѣхъ ротныхъ командировъ отъ 1-й роты до 16-й и даже до нестроевой, потомъ со вздохомъ перешелъ къ младшимъ офицерамъ. Онъ еще

не терялъ увѣренности въ успѣхѣ, но уже начиналъ смутно безпокоиться, какъ вдругъ одно имя сверкнуло у него въ головѣ: «Подполковникъ Рафальскій!»

— Рафальскій. А я-то ломалъ голову!.. Гайнàнъ! Сюртукъ, перчатки, пальто — живо!

Подполковникъ Рафальскій, командиръ 4-го батальона, былъ старый причудливый холостякъ, котораго въ полку, шутя и, конечно, за глаза, звали полковникомъ Бремомъ. Онъ ни у кого изъ товарищей не бывалъ, отдѣлываясь только офиціальными визитами на Пасху и на Новый годъ, а къ службѣ относился такъ небрежно, что постоянно получалъ выговоры въ приказахъ и жестокіе разносы на ученьяхъ. Все свое время, всѣ заботы и всю неиспользованную способность сердца къ любви и къ привязанности онъ отдавалъ своимъ милымъ звѣрямъ — птицамъ, рыбамъ и четвероногимъ, которыхъ у него былъ цѣлый большой и оригинальный звѣринецъ. Полковыя дамы, въ глубинѣ души уязвленныя его невниманіемъ къ нимъ, говорили, что онѣ не понимаютъ, какъ это можно бывать у Рафальскаго: «Ахъ, это такой ужасъ, эти звѣри! И при томъ, извините за выраженіе — зазапахъ! фи!»

Всѣ свои сбереженія полковникъ Бремъ тратилъ на звѣринецъ. Этотъ чудакъ ограничилъ свои потребности послѣдней степенью необходимаго: носилъ шинель и мундиръ Богъ знаетъ какого срока, спалъ кое-какъ, ѣлъ изъ котла 15-й роты, при чемъ все-таки вносилъ въ этотъ котелъ сумму, для солдатскаго приварка болѣе чѣмъ значительную. Но товарищамъ, особенно младшимъ офицерамъ, онъ, когда бывалъ при деньгахъ, рѣдко отказывалъ въ небольшихъ одолженіяхъ. Справедливость требуетъ прибавить, что отдавать ему долги считалось какъ-то непринятымъ, даже смѣшнымъ — на то онъ и слылъ чудакомъ, полковникомъ Бремомъ.

Безпутные прапорщики, въ родѣ Лбова, идя къ нему просить взаймы два цѣлковыхъ, такъ и говорили: «Иду смотрѣть звѣринецъ». Это былъ подходъ къ сердцу и къ карману стараго холостяка. «Иванъ Антонычъ, нѣтъ ли новенькихъ звѣрьковъ? Покажите, пожалуйста. Такъ вы все это интересно разсказываете...»

Ромашовъ также нерѣдко бывалъ у него, но пока безъ корыстныхъ цѣлей: онъ и въ самомъ дѣлѣ любилъ животныхъ какой-то особенной, нѣжной и чувственной любовью. Въ Москвѣ, будучи кадетомъ и потомъ юнкеромъ, онъ гораздо охотнѣе ходилъ въ циркъ, чѣмъ въ театръ, а еще охотнѣе въ зоологическій садъ и во всѣ звѣринцы. Мечтой его дѣтства было—имѣть сенъ-бернара; теперь же онъ мечталъ тайно о должности батальоннаго адъютанта, чтобы пріобрѣсти лошадь. Но обѣимъ мечтамъ не суждено было осуществиться: въ дѣтствѣ — изъ-за той бѣдности, въ которой жила его семья, а адъютантомъ его врядъ ли могли бы назначить, такъ какъ онъ не обладалъ «представительной фигурой».

Онъ вышелъ изъ дому. Теплый весенній воздухъ съ нѣжной лаской гладилъ его щеки. Земля, недавно обсохшая послѣ дождя, подавалась подъ ногами съ пріятной упругостью. Изъ-за заборовъ густо и низко свѣшивались на улицу бѣлыя шапки черемухи и лиловыя — сирени. Что-то вдругъ съ необыкновенной силой расширилось въ груди Ромашова, какъ будто бы онъ собирался летѣть. Оглянувшись кругомъ и видя, что на улицѣ никого нѣтъ, онъ вынулъ изъ кармана Шурочкино письмо, перечиталъ его и крѣпко прижался губами къ ея подписи.

— Милое небо! Милыя деревья! — прошепталъ онъ съ влажными глазами.

Полковникъ Бремъ жилъ въ глубинѣ двора, обнесеннаго высокой зеленой рѣшеткой. На калиткѣ была крат-

кая надпись: «Безъ звонка не входить. Собаки!!». Ромашовъ позвонилъ. Изъ калитки вышелъ вихрастый, лѣнивый, заспанный денщикъ.

— Полковникъ дома?

— Пожалуйте, ваше благородіе.

— Да ты поди, доложи сначала.

— Ничего, пожалуйте такъ. — Денщикъ сонно почесалъ ляжку. — Они этого не любятъ, чтобы, напримѣръ, докладать.

Ромашовъ пошелъ вдоль кирпичатой дорожки къ дому. Изъ-за угла выскочили два огромныхъ молодыхъ корноухихъ дога мышастаго цвѣта. Одинъ изъ нихъ громко, но добродушно залаялъ. Ромашовъ пощелкалъ ему пальцами, и догъ принялся оживленно метаться передними ногами то вправо, то влѣво и еще громче лаять. Товарищъ же его шелъ по пятамъ за подпоручикомъ и, вытянувъ морду, съ любопытствомъ принюхивался къ поламъ его шинели. Въ глубинѣ двора, на зеленой молодой травѣ, стоялъ маленькій осликъ. Онъ мирно дремалъ подъ весеннимъ солнцемъ, жмурясь и двигая ушами отъ удовольствія. Здѣсь же бродили куры и разноцвѣтные пѣтухи, утки и китайскіе гуси съ наростами на носахъ; раздирательно кричали цесарки, а великолѣпный индюкъ, распустивъ хвостъ и чертя крыльями землю, надменно и сладострастно кружился вокругъ тонконогихъ индюшекъ. У корыта лежала бокомъ на землѣ громадная розовая іоркширская свинья.

Полковникъ Бремъ, одѣтый въ кожаную шведскую куртку, стоялъ у окна, спиною къ двери, и не замѣтилъ, какъ вошелъ Ромашовъ. Онъ возился около стекляннаго акваріума, запустивъ въ него руку по локоть. Ромашовъ долженъ былъ два раза громко прокашляться, прежде чѣмъ Бремъ повернулъ назадъ свое худое, бородатое, длинное лицо въ старинныхъ черепаховыхъ очкахъ.

— А-а, подпоручикъ Ромашовъ! Милости просимъ, милости просимъ... — сказалъ Рафальскій привѣтливо. — Простите, не подаю руки — мокрая. А я, видите ли, нѣкоторымъ образомъ, новый сифонъ устанавливаю. Упростилъ прежній, и вышло чудесно. Хотите чаю?

— Покорно благодарю. Пилъ уже. Я, господинъ полковникъ, пришелъ...

— Вы слышали: носятся слухи, что полкъ переведутъ въ другой городъ, — говорилъ Рафальскій, точно продолжая только-что прерванный разговоръ. — Вы понимаете, я, нѣкоторымъ образомъ, просто въ отчаяніи. Вообразите себѣ, ну какъ я своихъ рыбъ буду перевозить? Половина вѣдь подохнетъ. А акваріумъ? Стекла — посмотрите вы сами — въ полторы сажени длиной. Ахъ, батеньки! — вдругъ перескочилъ онъ на другой предметъ: — какой акваріумъ я видалъ въ Севастополѣ! Водоемы... нѣкоторымъ образомъ... ей-Богу, вотъ въ эту комнату, каменные, съ проточной морской водой. Электричество! Стоишь и смотришь сверху, какъ это рыбье живетъ. Бѣлуги, акулы, скаты, морскіе пѣтухи — ахъ, миленькіе мои! Или, нѣкоторымъ образомъ, морской котъ: представьте себѣ этакій блинъ, аршина полтора въ діаметрѣ, и шевелитъ краями, понимаете, этакъ волнообразно, а сзади хвостъ, какъ стрѣла... Я часа два стоялъ... Чему вы смѣетесь?

— Простите... Я только-что замѣтилъ, — у васъ на плечѣ сидитъ бѣлая мышь...

— Ахъ, ты, мошенница, куда забралась!—Рафальскій повернулъ голову и издалъ губами звукъ, въ родѣ поцѣлуя, но необыкновенно тонкій, похожій на мышиный писк. Маленькій, бѣлый, красноглазый звѣрекъ спустился къ нему до самаго лица и, вздрагивая всѣмъ тѣльцемъ, сталъ суетливо тыкаться мордочкой въ бороду и въ ротъ человѣку.

— Какъ они васъ знаютъ! — сказалъ Ромашовъ.

— Да... знаютъ. — Рафальскій вздохнулъ и покачалъ головой. — А вотъ то-то и бѣда, что мы-то ихъ не знаемъ. Люди выдрессировали собаку, приспособили, нѣкоторымъ образомъ, лошадь, приручили кошку, а что это за существа такія — этого мы даже знать не хотимъ. Иной ученый всю жизнь, нѣкоторымъ образомъ, чортъ бы его побралъ, посвятитъ на объясненіе какого-то ерундовскаго допотопнаго слова, и ужъ такая ему за это честь, что заживо въ святые превозносятъ. А тутъ... возьмите вы хоть тѣхъ же самыхъ собакъ. Живутъ съ нами бокъ о бокъ живыя, мыслящія, разумныя животныя, и хоть бы одинъ приватъ-доцентъ удостоилъ заняться ихъ психологіей!

— Можетъ-быть, есть какіе-нибудь труды, но мы ихъ не знаемъ? — робко предположилъ Ромашовъ.

— Труды? Гм... конечно, есть, и капитальнѣйшіе. Вотъ, поглядите, даже у меня — цѣлая библіотека. — Подполковникъ указалъ рукой на рядъ шкаповъ вдоль стѣнъ. — Умно пишутъ и проникновенно. Знанія огромнѣйшія! Какіе приборы, какіе остроумные способы... Но не то, вовсе не то, о чемъ я говорю! Никто изъ нихъ, нѣкоторымъ образомъ, не догадался задаться цѣлью — ну хоть бы прослѣдить внимательно одинъ только день собаки или кошки. Ты вотъ поди-ка, понаблюдай-ка: какъ собака живетъ, что она думаетъ, какъ хитритъ, какъ страдаетъ, какъ радуется. Послушайте: я видалъ, чего добиваются отъ животныхъ клоуны. Поразительно!.. Вообразите себѣ гипнозъ, нѣкоторымъ образомъ, настоящій, неподдѣльный гипнозъ! Что мнѣ одинъ клоунъ показывалъ въ Кіевѣ въ гостиницѣ—это удивительно, просто невѣроятно! Но вѣдь вы подумайте — клоунъ, клоунъ! А что, если бы этимъ занялся серьезный естествоиспытатель, вооруженный знаніемъ, съ ихъ замѣчательнымъ

умѣніемъ обставлять опыты, съ ихъ научными средствами. О, какія бы поразительныя вещи мы услышали объ умственныхъ способностяхъ собаки, о ея характерѣ, о знаніи чиселъ, да мало ли о чемъ! Цѣлый міръ, огромный, интересный міръ. Ну, вотъ, какъ хотите, а я убѣжденъ, напримѣръ, что у собакъ есть свой языкъ и нѣкоторымъ образомъ весьма обширный языкъ.

— Такъ отчего же они этимъ до сихъ поръ не занялись, Иванъ Антоновичъ? — спросилъ Ромашовъ. — Это же такъ просто!

Рафальскій язвительно засмѣялся.

— Именно оттого, — хе-хе-хе, —что просто. Именно оттого. Веревка — вервіе простое. Для него, во-первыхъ, собака — что̀ такое? Позвоночное, млекопитающее, хищное, изъ породы собаковыхъ и такъ далѣе. Все это вѣрно. Нѣтъ, но ты подойди къ собакѣ какъ къ человѣку, какъ къ ребенку, какъ къ мыслящему существу. Право, они со своей научной гордостью недалеки отъ мужика, полагающаго, что у собаки, нѣкоторымъ образомъ, вмѣсто души паръ.

Онъ замолчалъ и принялся, сердито сопя и кряхтя, возиться надъ гуттаперчевой трубкой, которую онъ прилаживалъ ко дну акваріума. Ромашовъ собрался съ духомъ.

— Иванъ Антоновичъ, у меня къ вамъ большая, большая просьба...

— Денегъ?

— Право, совѣстно васъ безпокоить. Да мнѣ немного, рублей съ десятокъ. Скоро отдать не обѣщаюсь, но...

Иванъ Антоновичъ вынулъ руки изъ воды и сталъ вытирать ихъ полотенцемъ.

— Десять могу. Больше не могу, а десять съ превеликимъ удовольствіемъ. Вамъ, небось, на глупости? Ну, ну, ну, я шучу. Пойдемте.

Онъ повелъ его за собою черезъ всю квартиру, состоявшую изъ пяти-шести комнатъ. Не было въ нихъ ни мебели ни занавѣсокъ. Воздухъ былъ пропитанъ острымъ запахомъ, свойственнымъ жилью мелкихъ хищниковъ. Полы были загажены до того, что по нимъ скользили ноги.

Во всѣхъ углахъ были устроены норки и логовища, въ видѣ будочекъ, пустыхъ пней, бочекъ безъ доньевъ. Въ двухъ комнатахъ стояли развѣсистыя деревья, — одно для птицъ, другое для куницъ и бѣлокъ, съ искусственными дуплами и гнѣздами. Въ томъ, какъ были приспособлены эти звѣриныя жилища, чувствовалась заботливая обдуманность, любовь къ животнымъ и большая наблюдательность.

— Видите вы этого звѣря? — Рафальскій показалъ пальцемъ на маленькую конурку, окруженную частой загородкой изъ колючей проволоки. Изъ ея полукруглаго отверстія, величиной съ донце стакана, сверкали двѣ черныя яркія точечки. — Это самое хищное, самое, нѣкоторымъ образомъ, свирѣпое животное во всемъ мірѣ. Хорекъ. Нѣтъ, вы не думайте, передъ нимъ всѣ эти львы и пантеры—кроткіе телята. Левъ съѣлъ свой пудъ мяса и отвалился, — смотритъ благодушно, какъ доѣдаютъ шакалы. А этотъ миленькій прохвостъ, если заберется въ курятникъ, ни одной курицы не оставитъ — непремѣнно у каждой перекуситъ вотъ тутъ, сзади, мозжечокъ. До тѣхъ поръ не успокоится, подлецъ. И при томъ самый дикій, самый неприручимый изъ всѣхъ звѣрей. У, ты, злодѣй!

Онъ сунулъ руку за загородку. Изъ круглой дверки тотчасъ же высунулась маленькая разъяренная мордочка съ разинутой пастью, въ которой сверкали бѣлые острые зубки. Хорекъ быстро то показывался, то прятался, сопровождая это звуками, похожими на сердитый кашель.

— Видите, каковъ? А вѣдь цѣлый годъ его кормлю...

Подполковникъ, повидимому, совсѣмъ забылъ о просьбѣ Ромашова. Онъ водилъ его отъ норы къ норѣ и показывалъ ему своихъ любимцевъ, говоря о нихъ съ такимъ увлеченіемъ и съ такой нѣжностью, съ такимъ знаніемъ ихъ обычаевъ и характеровъ, точно дѣло шло о его добрыхъ, милыхъ знакомыхъ. Въ самомъ дѣлѣ, для любителя, да еще живущаго въ захолустномъ городишкѣ, у него была порядочная коллекція: бѣлыя мыши, кролики, морскія свинки, ежи, сурки, нѣсколько ядовитыхъ змѣй въ стеклянныхъ ящикахъ, нѣсколько сортовъ ящерицъ, двѣ обезьяны-мартышки, черный австралійскій заяцъ и рѣдкій, прекрасный экземпляръ ангорской кошки.

— Что? Хороша? — спросилъ Рафальскій, указывая на кошку. — Не правда ли, нѣкоторымъ образомъ, прелесть? Но не уважаю. Глупа. Глупѣе всѣхъ кошекъ. Вотъ опять! — вдругъ оживился онъ. — Опять вамъ доказательство, какъ мы небрежны къ психикѣ нашихъ домашнихъ животныхъ. Что мы знаемъ о кошкѣ? А лошади? А коровы? А свиньи? Знаете, кто еще замѣчательно уменъ? Это свинья. Да, да, вы не смѣйтесь, — Ромашовъ и не думалъ смѣяться: — свиньи страшно умны. У меня кабанъ въ прошломъ году какую штуку выдумалъ. Привозили мнѣ барду съ сахарнаго завода, нѣкоторымъ образомъ, для огорода и для свиней. Такъ ему, видите ли, не хватало терпѣнія дожидаться. Возчикъ уйдетъ за моимъ денщикомъ, а онъ зубами возьметъ и вытащитъ затычку изъ бочки. Барда, знаете, льется, а онъ себѣ блаженствуетъ. Да это что еще: одинъ разъ, когда его уличили въ этомъ воровствѣ, такъ онъ не только вынулъ затычку, а отнесъ ее на огородъ и зарылъ въ грядку. Вотъ вамъ и свинья. Признаться, — Рафальскій прищурилъ одинъ глазъ и сдѣлалъ хитрое лицо: — признаться, я о своихъ свиньяхъ маленькую статеечку пишу... Только шш!.. секретъ... никому. Какъ-то неловко:

подполковникъ славной русской арміи и вдругъ — о свиньяхъ. Теперь у меня вотъ іоркширы. Видали? Хотите, пойдемъ поглядѣть? Тамъ у меня на дворѣ есть еще барсучокъ молоденькій, премилый барсучишка... Пойдемте?

— Простите, Иванъ Антоновичъ, — замялся Ромашовъ. — Я бы съ радостью. Но только, ей-Богу, нѣтъ времени.

Рафальскій ударилъ себя ладонью по лбу.

— Ахъ, батюшки! Извините вы меня, ради Бога. Я-то, старый, разболтался... Ну, ну, ну, идемъ скорѣе.

Они вошли въ маленькую голую комнату, гдѣ буквально ничего не было, кромѣ низкой походной кровати, полотно которой провисло, точно дно лодки, да ночного столика съ табуреткой. Рафальскій отодвинулъ ящикъ столика и досталъ деньги.

— Очень радъ служить вамъ, подпоручикъ, очень радъ. Ну, вотъ... какія еще тамъ благодарности!.. Пустое... Я радъ... Заходите, когда есть время. Потолкуемъ.

Выйдя на улицу, Ромашовъ тотчасъ же наткнулся на Вѣткина. Усы у Павла Павловича были лихо растрепаны, а фуражка съ приплюснутыми на бокахъ, для франтовства, полями ухарски сидѣла набекрень.

— А-а! Принцъ Гамлетъ! — крикнулъ радостно Вѣткинъ. — Откуда и куда? Фу, чортъ, вы сіяете, точно именинникъ.

— Я и есть именинникъ, — улыбнулся Ромашовъ.

— Да? А вѣдь и вѣрно: Георгій и Александра. Божественно. Позвольте заключить въ пылкія объятія!

Они тутъ же, на улицѣ, крѣпко расцѣловались.

— Можетъ-быть, по этому случаю зайдемъ въ собраніе? Вонзимъ точію по единой, какъ говоритъ нашъ великосвѣтскій другъ Арчаковскій? — предложилъ Вѣткинъ.

— Не могу, Павелъ Павлычъ. Тороплюсь. Впрочемъ, кажется, вы сегодня уже подрѣзвились?

— О-о-о! — Вѣткинъ значительно и гордо кивнулъ подбородкомъ вверхъ. — Я сегодня продѣлалъ такую комбинацію, что у любого министра финансовъ животъ бы заболѣлъ отъ зависти.

— Именно?

Комбинація Вѣткина оказалась весьма простой, но не лишенной остроумія, при чемъ главное участіе въ ней принималъ полковой портной Хаимъ. Онъ взялъ отъ Вѣткина расписку въ полученіи мундирной пары, но на самомъ дѣлѣ изобрѣтательный Павелъ Павловичъ получилъ отъ портного не мундиръ, а тридцать рублей наличными деньгами.

— И въ концѣ концовъ оба мы остались довольны,— говорилъ ликующій Вѣткинъ: — и жидъ доволенъ, потому что вмѣсто своихъ тридцати рублей получитъ изъ обмундировальной кассы сорокъ пять, и я доволенъ, потому что взогрѣю сегодня въ собраніи всѣхъ этихъ игрочишекъ. Что? Ловко обстряпано?

— Ловко! — согласился Ромашовъ. — Приму къ свѣдѣнію на слѣдующій разъ. Однако прощайте, Павелъ Павлычъ. Желаю счастливой карты.

Они разошлись. Но черезъ минуту Вѣткинъ окликнулъ товарища. Ромашовъ обернулся.

— Звѣринецъ смотрѣли? — лукаво спросилъ Вѣткинъ, указывая черезъ плечо большимъ пальцемъ на домъ Рафальскаго.

Ромашовъ кивнулъ головой и сказалъ съ убѣжденіемъ:

— Бремъ у насъ славный человѣкъ. Такой милый!

— Что и говорить! — согласился Вѣткинъ. — Только — психъ!

XIII

Подъѣзжая около 5-ти часовъ къ дому, который занимали Николаевы, Ромашовъ съ удивленіемъ почувствовалъ, что его утренняя радостная увѣренность въ успѣхѣ нынѣшняго дня смѣнилась въ немъ какимъ-то страннымъ, безпричиннымъ безпокойствомъ. Онъ чувствовалъ, что случилось это не вдругъ, не сейчасъ, а когда-то гораздо раньше; очевидно, тревога нарастала въ его душѣ постепенно и незамѣтно, начиная съ какого-то ускользнувшаго момента. Что̀ это могло быть? Съ нимъ происходили подобныя явленія и прежде, съ самаго ранняго дѣтства, и онъ зналъ, что для того, чтобы успокоиться, надо отыскать первоначальную причину этой смутной тревоги. Однажды, промучившись такимъ образомъ цѣлый день, онъ только къ вечеру вспомнилъ, что въ полдень, переходя на станціи черезъ рельсы, онъ былъ оглушенъ неожиданнымъ свисткомъ паровоза, испугался и, самъ этого не замѣтивъ, пришелъ въ дурное настроеніе; но — вспомнилъ, и ему сразу стало легко и даже весело.

И онъ принялся быстро перебирать въ памяти всѣ впечатлѣнія дня въ обратномъ порядкѣ. Магазинъ Свидерскаго; духи; нанялъ извозчика Лейбу — онъ чудесно ѣздитъ; справлялся на почтѣ, который часъ; великолѣпное утро; Степанъ... Развѣ, въ самомъ дѣлѣ, Степанъ? Но нѣтъ — для Степана лежитъ отдѣльно въ карманѣ приготовленный рубль. Что̀ же это такое? Что̀?

У забора уже стояли три пароконные экипажа. Двое денщиковъ держали въ поводу осѣдланныхъ лошадей: бураго стараго мерина, купленнаго недавно Олизаромъ изъ кавалерійскаго брака, и стройную, нетерпѣливую, съ сердитымъ огненнымъ глазомъ, золотую кобылу Бекъ-Агамалова.

«Ахъ — письмо! — вдругъ вспыхнуло въ памяти Ромашова. — Эта странная фраза: несмотря ни на что... И подчеркнуто... Значитъ, что-то есть? Можетъ-быть, Николаевъ сердится на меня! Ревнуетъ? Можетъ-быть, какая-нибудь сплетня? Николаевъ былъ въ послѣдніе дни такъ сухъ со мною. Нѣтъ, нѣтъ, проѣду мимо!»

— Дальше! — крикнулъ онъ извозчику.

Но тотчасъ же онъ — не услышалъ и не увидѣлъ, а скорѣе почувствовалъ, какъ дверь въ домѣ отворилась — почувствовалъ по сладкому и бурному біенію своего сердца.

— Ромочка! Куда же это вы? — раздался сзади него веселый, звонкій голосъ Александры Петровны.

Онъ дернулъ Лейбу за кушакъ и выпрыгнулъ изъ экипажа. Шурочка стояла въ черной рамѣ раскрытой двери. На ней было бѣлое гладкое платье съ красными цвѣтами за поясомъ, съ праваго бока; тѣ же цвѣты ярко и тепло краснѣли въ ея волосахъ. Странно: Ромашовъ зналъ безошибочно, что это — она, и все-таки точно не узнавалъ ея. Чувствовалось въ ней что-то новое, праздничное и сіяющее.

Въ то время, когда Ромашовъ бормоталъ свои поздравленія, она, не выпуская его руки изъ своей, нѣжнымъ и фамильярнымъ усиліемъ заставила его войти вмѣстѣ съ ней въ темную переднюю. И въ это время она говорила быстро и вполголоса:

— Спасибо, Ромочка, что пріѣхали. Ахъ, я такъ боялась, что вы откажетесь. Слушайте: будьте сегодня милы и веселы. Не обращайте ни на что вниманія. Вы смѣшной: чуть васъ тронешь, вы и завяли. Такая вы стыдливая мимоза.

— Александра Петровна... сегодня ваше письмо такъ смутило меня. Тамъ есть одна фраза.

— Милый, милый, не надо!..—Она взяла обѣ его руки

и крѣпко сжимала ихъ, глядя ему прямо въ глаза. Въ этомъ взглядѣ было опять что-то совершенно незнакомое Ромашову — какая-то ласкающая нѣжность, и пристальность, и безпокойство, а еще дальше, въ загадочной глубинѣ синихъ зрачковъ, таилось что-то странное, недоступное пониманію, говорящее на самомъ скрытомъ, темномъ языкѣ души...

— Пожалуйста, не надо. Не думайте сегодня объ этомъ... Неужели вамъ не довольно того, что я все время стерегла, какъ вы проѣдете. Я вѣдь знаю, какой вы трусишка. Не смѣйте на меня такъ глядѣть!

Она смущенно засмѣялась и покачала головой.

— Ну, довольно... Ромочка, неловкій, опять вы не цѣлуете рукъ! Вотъ такъ. Теперь другую. Такъ. Умница. Идемте. Не забудьте же, — проговорила она торопливымъ, горячимъ шопотомъ: — сегодня нашъ день. Царица Александра и ея рыцарь Георгій. Слышите? Идемте.

— Вотъ, позвольте вамъ... Скромный даръ...

— Что это? Духи? Какія вы глупости дѣлаете! Нѣтъ, нѣтъ, я шучу. Спасибо вамъ, милый Ромочка. Володя!— сказала она громко и непринужденно, входя въ гостиную. — Вотъ намъ и еще одинъ компаньонъ для пикника. И еще вдобавокъ именинникъ.

Въ гостиной было шумно и безпорядочно, какъ всегда бываетъ передъ общимъ отъѣздомъ. Густой табачный дымъ казался небесно-голубымъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ его прорѣзывали, стремясь изъ оконъ, наклонные снопы весенняго солнца. Посреди гостиной стояли, оживленно говоря, семь или восемь офицеровъ, и изъ нихъ громче всѣхъ кричалъ своимъ осипшимъ голосомъ, ежесекундно кашляя, высокій Тальманъ. Тутъ были: капитанъ Осадчій, и неразлучные адъютанты Олизаръ съ Бекъ-Агамаловымъ, и поручикъ Андрусевичъ, маленькій бойкій человѣкъ съ острымъ крысинымъ личикомъ, и еще

кто-то, кого Ромашовъ сразу не разглядѣлъ. Софья Павловна Тальманъ, улыбающаяся, напудренная и подкрашенная, похожая на большую нарядную куклу, сидѣла на диванѣ съ двумя сестрами подпоручика Михина. Обѣ барышни были въ одинаковыхъ простенькихъ, своей работы, но милыхъ платьяхъ, бѣлыхъ съ зелеными лентами; обѣ розовыя, черноволосыя, темноглазыя и въ веснушкахъ; у обѣихъ были ослѣпительно-бѣлые, но неправильно расположенные зубы, что̀ однако придавало ихъ свѣжимъ ртамъ особую, своеобразную прелесть; обѣ хорошенькія и веселыя, чрезвычайно похожія одна на другую и вмѣстѣ съ тѣмъ на своего очень некрасиваго брата. Изъ полковыхъ дамъ была еще приглашена жена поручика Андрусевича, маленькая, бѣлолицая толстушка, глупая и смѣшливая, любительница всякихъ двусмысленностей и сальныхъ анекдотовъ, а также хорошенькія, болтливыя и картавыя барышни Лыкачевы.

Какъ и всегда въ офицерскомъ обществѣ, дамы держались врозь отъ мужчинъ, отдѣльной кучкой. Около нихъ сидѣлъ, небрежно и фатовски развалясь въ креслѣ, одинъ штабсъ-капитанъ Дицъ. Этотъ офицеръ, похожій своей затянутой фигурой и типомъ своего поношеннаго и самоувѣреннаго лица на прусскихъ офицеровъ, какъ ихъ рисуютъ въ нѣмецкихъ карикатурахъ, былъ переведенъ въ пѣхотный полкъ изъ гвардіи за какую-то темную, скандальную исторію. Онъ отличался непоколебимымъ апломбомъ въ обращеніи съ мужчинами и наглой предпріимчивостью — съ дамами, и велъ большую, всегда счастливую карточную игру, но не въ офицерскомъ собраніи, а въ гражданскомъ клубѣ, въ домахъ городскихъ чиновниковъ и у окрестныхъ польскихъ помѣщиковъ. Его въ полку не любили, но побаивались, и всѣ какъ-то смутно ожидали отъ него въ будущемъ какой-нибудь грязной и громкой выходки. Говорили, что онъ находится въ

связи съ молоденькой женой дряхлаго бригаднаго командира, который жилъ въ томъ же городѣ. Было такъ же навѣрно извѣстно о его близости съ m-me Тальманъ: ради нея его и приглашали обыкновенно въ гости — этого требовали своеобразные законы полковой вѣжливости и вниманія.

— Очень радъ, очень радъ, — говорилъ Николаевъ, идя навстрѣчу Ромашову: — тѣмъ лучше. Отчего же вы утромъ не пріѣхали къ пирогу?

Онъ говорилъ это радушно, съ любезной улыбкой, но въ его голосѣ и глазахъ Ромашовъ ясно уловилъ то же самое отчужденное, дѣланное и сухое выраженіе, которое онъ почти безсознательно чувствовалъ, встрѣчаясь съ Николаевымъ все послѣднее время.

«Онъ меня не любитъ, — рѣшилъ быстро про себя Ромашовъ. — Что онъ? Сердится? Ревнуетъ? Надоѣлъ я ему?»

— Знаете... у насъ идетъ въ ротѣ осмотръ оружія, — отважно солгалъ Ромашовъ. — Готовимся къ смотру, нѣтъ отдыха даже въ праздники... Однако я положительно сконфуженъ... Я никакъ не предполагалъ, что у васъ пикникъ, и вышло такъ, точно я напросился. Право, мнѣ совѣстно...

Николаевъ широко улыбнулся и съ оскорбительной любезностью потрепалъ Ромашова по плечу.

— О, нѣтъ, что вы, мой любезный... Больше народу — веселѣе... что за китайскія церемоніи!.. Только, вотъ, не знаю, какъ насчетъ мѣстъ въ фаэтонахъ. Ну, да разсядемся какъ-нибудь.

— У меня экипажъ, — успокоилъ его Ромашовъ, едва замѣтно уклоняясь плечомъ отъ руки Николаева. — Наоборотъ, я съ удовольствіемъ готовъ его предоставить въ ваше распоряженіе.

Онъ оглянулся и встрѣтился глазами съ Шурочкой.

«Спасибо, милый!» — сказалъ ея теплый, попрежнему странно-внимательный взглядъ.

«Какая она сегодня удивительная!» — подумалъ Ромашовъ.

— Ну вотъ и чудесно. — Николаевъ посмотрѣлъ на часы. — Что жъ, господа, — сказалъ онъ вопросительно: — можно, пожалуй, и ѣхать?

— Ѣхать такъ ѣхать, — сказалъ попугай, когда его котъ Васька тащилъ за хвостъ изъ клѣтки! — шутовски воскликнулъ Олизаръ.

Всѣ поднялись съ восклицаніями и со смѣхомъ; дамы разыскивали свои шляпы и зонтики и надѣвали перчатки; Тальманъ, страдавшій бронхитомъ, кричалъ на всю комнату о томъ, чтобы не забыли теплыхъ платковъ; поднялась оживленная суматоха.

Маленькій Михинъ отвелъ Ромашова въ сторону.

— Юрій Алексѣичъ, у меня къ вамъ просьба, — сказалъ онъ. — Очень прошу васъ объ этомъ. Поѣзжайте, пожалуйста, съ моими сестрами, иначе съ ними сядетъ Дицъ, а мнѣ это чрезвычайно непріятно. Онъ всегда такія гадости говоритъ дѣвочкамъ, что онѣ просто готовы плакать. Право, я врагъ всякаго насилія, но, ей-Богу, когда-нибудь дамъ ему по мордѣ!..

Ромашову очень хотѣлось ѣхать вмѣстѣ съ Шурочкой, но такъ какъ Михинъ всегда былъ ему пріятенъ, и такъ какъ чистые, ясные глаза этого славнаго мальчика глядѣли съ умоляющимъ выраженіемъ, а также и потому, что душа Ромашова была въ эту минуту вся наполнена большимъ радостнымъ чувствомъ, — онъ не могъ отказать и согласился.

У крыльца долго и шумно разсаживались. Ромашовъ помѣстился съ двумя барышнями Михиными. Между экипажами топтался съ обычнымъ угнетеннымъ, безнадежно-унылымъ видомъ штабсъ-капитанъ Лещенко, котораго

раньше Ромашовъ не замѣтилъ и котораго никто не хотѣлъ брать съ собою въ фаэтонъ. Ромашовъ окликнулъ его и предложилъ ему мѣсто рядомъ съ собою на передней скамейкѣ. Лещенко поглядѣлъ на подпоручика собачьими, преданными, добрыми глазами и со вздохомъ полѣзъ въ экипажъ.

Наконецъ всѣ разсѣлись. Гдѣ-то впереди Олизаръ, паясничая и вертясь на своемъ старомъ, лѣнивомъ меринѣ, запѣлъ изъ оперетки:

Сядемъ въ почтовую карету скорѣй,
Сядемъ въ почтовую карету поскорѣ-ѣ-ѣ-ѣй.

— Рысью ма-а-аррршъ! — скомандовалъ громовымъ голосомъ Осадчій.

Экипажи тронулись.

XIV.

Пикникъ вышелъ не столько веселымъ, сколько крикливымъ и безпорядочно суматошливымъ. Пріѣхали за три версты въ Дубечную. Такъ называлась небольшая, десятинъ въ пятнадцать, роща, разбросавшаяся на длинномъ пологомъ скатѣ, подошву котораго огибала узенькая свѣтлая рѣчонка. Роща состояла изъ рѣдкихъ, но прекрасныхъ, могучихъ столѣтнихъ дубовъ. У ихъ подножій густо разросся сплошной кустарникъ, но кое-гдѣ оставались просторныя прелестныя поляны, свѣжія, веселыя, покрытыя нѣжной и яркой первой зеленью. На одной такой полянѣ уже дожидались посланные впередъ денщики съ самоварами и корзинами.

Прямо на землѣ разостлали скатерти и стали разсаживаться. Дамы устанавливали закуски и тарелки, мужчины помогали имъ съ шутливымъ, преувеличенно-любезнымъ видомъ. Олизаръ повязался одной салфеткой, какъ фартукомъ, а другую надѣлъ на голову, въ видѣ

колпака, и представлялъ повара Лукича изъ офицерскаго клуба. Долго перетасовывали мѣста, чтобы дамы сидѣли непремѣнно вперемежку съ кавалерами. Приходилось полулежать, полусидѣть въ неудобныхъ позахъ, это было ново и занимательно, и по этому поводу молчаливый Лещенко вдругъ, къ общему удивленію и потѣхѣ, сказалъ съ напыщеннымъ и глупымъ видомъ:

— Мы теперь возлежимъ, точно древне-римскіе греки.

Шурочка посадила рядомъ съ собой съ одной стороны Тальмана, а съ другой — Ромашова. Она была необыкновенно разговорчива, весела и казалась такой возбужденной, что это многимъ бросилось въ глаза. Никогда Ромашовъ не находилъ ее такой очаровательно-красивой. Онъ видѣлъ, что въ ней струится, трепещетъ и просится наружу какое-то большое, новое, лихорадочное чувство. Иногда она безъ словъ оборачивалась къ Ромашову и смотрѣла на него молча, можетъ-быть, только полусекундой больше, чѣмъ слѣдовало бы, немного больше, чѣмъ всегда, но всякій разъ въ ея взглядѣ онъ ощущалъ ту же непонятную ему, горячую, притягивающую силу.

Осадчій, сидѣвшій одинъ во главѣ стола, приподнялся и сталъ на колѣни. Постучавъ ножомъ о стаканъ и добившись тишины, онъ заговорилъ низкимъ грудным голосомъ, который сочными волнами заколебался въ чистомъ воздухѣ лѣса:

— Ну-съ, господа... Выпьемъ же первую чару за здоровье нашей прекрасной хозяйки и дорогой именинницы. Дай ей Богъ всякаго счастья и чинъ генеральши.

И, высоко поднявъ кверху большую рюмку, онъ заревѣлъ во всю мочь своей страшной глотки:

— Урра!

Казалось, вся роща ахнула отъ этого львинаго крика, и гулкіе отзвуки побѣжали между деревьями. Андрусевичъ, сидѣвшій рядомъ съ Осадчимъ, въ комическомъ

ужасѣ упалъ навзничь, притворяясь оглушеннымъ. Остальные дружно закричали. Мужчины пошли къ Шурочкѣ чокаться. Ромашовъ нарочно остался послѣднимъ, и она замѣтила это. Обернувшись къ нему, она, молча и страстно улыбаясь, протянула свой стаканъ съ бѣлымъ виномъ. Глаза ея въ этотъ моментъ вдругъ расширились, потемнѣли, а губы выразительно, но беззвучно зашевелились, произнося какое-то слово. Но тотчасъ же она отвернулась и, смѣясь, заговорила съ Тальманомъ. «Что она сказала, — думалъ Ромашовъ: — ахъ, что же она сказала?» — Это волновало и тревожило его. Онъ незамѣтно закрылъ лицо руками и старался воспроизвести губами тѣ же движенія, какія дѣлала Шурочка; онъ хотѣлъ поймать такимъ образомъ эти слова въ своемъ воображеніи, но у него ничего не выходило. «Мой милый»? «Люблю васъ»? «Ромочка»? — Нѣтъ, не то. Одно онъ зналъ хорошо, что сказанное заключалось въ трехъ слогахъ.

Потомъ пили за здоровье Николаева и за успѣхъ его на будущей службѣ въ генеральномъ штабѣ, пили въ такомъ духѣ, точно никогда и никто не сомнѣвался, что ему дѣйствительно удастся наконецъ поступить въ академію. Потомъ, по предложенію Шурочки, выпили довольно вяло за именинника Ромашова; пили за присутствующихъ дамъ и за всѣхъ присутствующихъ, и за всѣхъ вообще дамъ, и за славу знаменъ родного полка, и за непобѣдимую русскую армію...

Тальманъ, уже достаточно пьяный, поднялся и закричалъ сипло, но растроганно:

— Господа, я предлагаю выпить тостъ за здоровье нашего любимаго, нашего обожаемаго Монарха, за котораго каждый изъ насъ готовъ пролить свою кровь до послѣдней капли крови!

Послѣднія слова онъ выдавилъ изъ себя неожиданно

тонкой, свистящей фистулой, потому что у него не хватило въ груди воздуху. Его цыганскіе, разбойничьи, черные глаза съ желтыми бѣлками вдругъ безпомощно и жалко заморгали, и слезы полились по смуглымъ щекамъ.

— Гимнъ, гимнъ! — восторженно потребовала маленькая толстушка Андрусевичъ.

Всѣ встали. Офицеры приложили руки къ козырькамъ. Нестройные, но воодушевленные звуки понеслись по рощѣ, и всѣхъ громче, всѣхъ фальшивѣе, съ лицомъ еще болѣе тоскливымъ, чѣмъ обыкновенно, пѣлъ чувствительный штабсъ-капитанъ Лещенко.

Вообще пили очень много, какъ и всегда, впрочемъ, пили въ полку: въ гостяхъ другъ у друга, въ собраніи, на торжественныхъ обѣдахъ и пикникахъ. Говорили уже всѣ сразу, и отдѣльныхъ голосовъ нельзя было разобрать. Шурочка, выпившая много бѣлаго вина, вся раскраснѣвшаяся, съ глазами, которые отъ расширенныхъ зрачковъ стали совсѣмъ черными, съ влажными красными губами, вдругъ близко склонилась къ Ромашову.

— Я не люблю этихъ провинціальныхъ пикниковъ, въ нихъ есть что-то мелочное и пошлое, — сказала она. — Правда, это нужно было сдѣлать для мужа, передъ отъѣздомъ, но, Боже, какъ все это глупо! Вѣдь все это можно было устроить у насъ дома, въ саду, — вы знаете, какой у насъ прекрасный садъ — старый, тѣнистый. И все-таки, не знаю почему, я сегодня безумно счастлива. Господи, какъ я счастлива! Нѣтъ, Ромочка, милый, я знаю почему, и я вамъ это потомъ скажу, я вамъ потомъ скажу... Я скажу... Ахъ, нѣтъ, нѣтъ, Ромочка, я ничего, ничего не знаю.

Вѣки ея прекрасныхъ глазъ полузакрылись, а во всемъ лицѣ было что-то манящее и обѣщающее и мучительно-нетерпѣливое. Оно стало безстыдно-прекраснымъ, и Ромашовъ, еще не понимая, тайнымъ инстинктомъ чувство-

валъ на себѣ страстное волненіе, овладѣвшее Шурочкой, чувствовалъ по той сладостной дрожи, которая пробѣгала по его рукамъ и ногамъ и по его груди.

— Вы сегодня необыкновенны. Что съ вами? — спросилъ онъ шопотомъ.

Она вдругъ отвѣтила съ какимъ-то наивнымъ и кроткимъ удивленіемъ:

— Я вамъ говорю, что не знаю. Я не знаю. Посмотрите: небо голубое, свѣтъ голубой... И у меня самой какое-то чудесное голубое настроеніе, какая-то голубая радость! Налейте мнѣ еще вина, Ромочка, мой милый мальчикъ...

На другомъ концѣ скатерти зашелъ разговоръ о предполагаемой войнѣ съ Германіей, которую тогда многіе считали дѣломъ почти рѣшеннымъ. Завязался споръ, крикливый, въ нѣсколько ртовъ заразъ, безтолковый. Вдругъ послышался сердитый, рѣшительный голосъ Осадчаго. Онъ былъ почти пьянъ, но это выражалось у него только тѣмъ, что его красивое лицо страшно поблѣднѣло, а тяжелый взглядъ большихъ черныхъ глазъ сталъ еще сумрачнѣе.

— Ерунда!—воскликнулъ онъ рѣзко.—Я утверждаю, что все это ерунда. Война выродилась. Все выродилось на свѣтѣ. Дѣти родятся идіотами, женщины сдѣлались кривобокими, у мужчинъ нервы. «Ахъ—кровь! Ахъ, я падаю въ обморокъ!»—передразнилъ онъ кого-то гнусавымъ тономъ.—И все это оттого, что миновало время настоящей, свирѣпой, безпощадной войны. Развѣ это война? За пятнадцать верстъ въ тебя—бахъ!—и ты возвращаешься домой героемъ. Боже мой, какая, подумаешь, доблесть! Взяли тебя въ плѣнъ. «Ахъ, миленькій, ахъ, голубчикъ, не хочешь ли покурить табачку? Или, можетъ-быть, чайку? Тепло ли тебѣ, бѣдненькій? Мягко ли?» У-у!—Осадчій грозно зарычалъ и наклонилъ внизъ го-

лосу, точно быкъ, готовый нанести ударъ.—Въ средніе вѣка дрались—это я понимаю. Ночной штурмъ. Весь городъ въ огнѣ. «На три дня отдаю городъ солдатамъ на разграбленіе!» Ворвались. Кровь и огонь. У бочекъ съ виномъ выбиваются донья. Кровь и вино на улицахъ. О, какъ были веселы эти пиры на развалинахъ! Женщинъ—обнаженныхъ, прекрасныхъ, плачущихъ—тащили за волосы. Жалости не было. Онѣ были сладкой добычей храбрецовъ!..

— Однако вы не очень распространяйтесь, — замѣтила шутливо Софья Павловна Тальманъ.

— По ночамъ горѣли дома, и дулъ вѣтеръ, и отъ вѣтра качались черныя тѣла на висѣлицахъ, и надъ ними кричали вороны. А подъ висѣлицами горѣли костры и пировали побѣдители. Плѣнныхъ не было. Зачѣмъ плѣнные? Зачѣмъ отрывать для нихъ лишнія силы? А-ахъ! —яростно простоналъ со сжатыми зубами Осадчій. — Что это было за смѣлое, что за чудесное время! А битвы! Когда сходились грудь съ грудью и дрались часами, хладнокровно и бѣшено, съ озвѣрѣніемъ и съ поразительнымъ искусствомъ. Какіе это были люди, какая страшная физическая сила! Господа!—Онъ поднялся на ноги и выпрямился во весь свой громадный ростъ, и голосъ его зазвенѣлъ восторгомъ и дерзостью.—Господа, я знаю, что вы изъ военныхъ училищъ вынесли золотушныя, жиденькія понятія о современной гуманной войнѣ. Но я пью... Если даже никто не присоединится ко мнѣ, я пью одинъ за радость прежнихъ войнъ, за веселую и кровавую жестокость!

Всѣ молчали, точно подавленные неожиданнымъ экстазомъ этого обыкновенно мрачнаго, неразговорчиваго человѣка, и глядѣли на него съ любопытствомъ и со страхомъ. Но вдругъ вскочилъ съ своего мѣста Бекъ-Агамаловъ. Онъ сдѣлалъ это такъ внезапно и такъ быстро,

что многіе вздрогнули, а одна изъ женщинъ вскрикнула въ испугѣ. Его глаза выкатились и дико сверкали, крѣпко сжатые бѣлые зубы были хищно оскалены. Онъ задыхался и не находилъ словъ.

— О, о!.. Вотъ это... вотъ, я понимаю!! А!—Онъ съ судорожной силой, точно со злобой, сжалъ и встряхнулъ руку Осадчаго.—Къ чорту эту кислятину! Къ чорту жалость! А! Р-руби!

Ему нужно было отвести на чемъ-нибудь свою варварскую душу, въ которой въ обычное время тайно дремала старинная, родовая кровожадность. Онъ, съ глазами, налившимися кровью, оглянулся кругомъ и, вдругъ выхвативъ изъ ноженъ шашку, съ бѣшенствомъ ударилъ по дубовому кусту. Вѣтки и молодые листья полетѣли на скатерть, осыпавъ, какъ дождемъ, всѣхъ сидящихъ.

— Бекъ! Сумасшедшій! Дикарь!—закричали дамы.

Бекъ-Агамаловъ сразу точно опомнился и сѣлъ. Онъ казался замѣтно сконфуженнымъ за свой неистовый порывъ, но его тонкія ноздри, изъ которыхъ съ шумомъ вылетало дыханіе, раздувались и трепетали, а черные глаза, обезображенные гнѣвомъ, исподлобья, но съ вызовомъ обводили присутствующихъ.

Ромашовъ слушалъ и не слушалъ Осадчаго. Онъ испытывалъ странное состояніе, похожее на сонъ, на сладкое опьянѣніе какимъ-то чудеснымъ, несуществующимъ на землѣ напиткомъ. Ему казалось, что теплая, нѣжная паутина мягко и лѣниво окутываетъ все его тѣло и ласково щекочетъ и наполняетъ душу внутреннимъ ликующимъ смѣхомъ. Его рука часто, *какъ будто* неожиданно для него самого, касалась руки Шурочки, но ни онъ ни она больше не глядѣли другъ на друга. Ромашовъ точно дремалъ. Голоса Осадчаго и Бекъ-Агамалова доносились до него изъ какого-то далекаго, фантастическаго тумана и были понятны, но пусты.

«Осадчій... Онъ жестокій человѣкъ, онъ меня не любитъ,—думалъ Ромашовъ, и тотъ, о комъ онъ думалъ, былъ теперь не прежній Осадчій, а новый, страшно-далекій, и не настоящій, а точно движущійся на экранѣ живой фотографіи.—У Осадчаго жена маленькая, худенькая, жалкая, всегда беременная... Онъ ее никуда съ собой не беретъ... У него въ прошломъ году повѣсился молодой солдатъ... Осадчій... Да... Что такое Осадчій?.. Вотъ теперь Бекъ кричитъ... Кто этотъ человѣкъ? Развѣ я его знаю? Да, я его знаю, но почему же онъ такой странный, чужой, непонятный мнѣ? А вотъ кто-то сидитъ со мною рядомъ... Кто ты? Отъ тебя исходитъ радость, и я пьянъ отъ этой радости. Голубая радость!.. Вонъ противъ меня сидитъ Николаевъ. Онъ недоволенъ. Онъ все молчитъ. Глядитъ сюда мимоходомъ, точно скользитъ глазами. Ахъ, пускай сердится—все равно. О, голубая радость!»

Темнѣло. Тихія лиловыя тѣни отъ деревьевъ легли на полянку. Младшая Михина вдругъ спохватилась:

— Господа, а что же фіалки? Здѣсь, говорятъ, пропасть фіалокъ. Пойдемте собирать.

— Поздно,—замѣтилъ кто-то.—Теперь въ травѣ ничего не увидишь.

— Теперь въ травѣ легче потерять, чѣмъ найти,—сказалъ Дицъ, скверно засмѣявшись.

— Ну, тогда давайте разложимъ костеръ,—предложилъ Андрусевичъ.

Натаскали огромную кучу хвороста и прошлогоднихъ сухихъ листьевъ и зажгли костеръ. Широкій столбъ веселаго огня поднялся къ небу. Точно вспугнутыя, сразу исчезли послѣдніе остатки дня, уступивъ мѣсто мраку, который, выйдя изъ рощи, надвинулся на костеръ. Багровыя пятна пугливо затрепетали по вершинамъ дубовъ, и казалось, что деревья зашевелились, закачались, то

выглядывая въ красное пространство свѣта, то прячась назадъ въ темноту.

Всѣ встали изъ-за стола. Денщики зажгли свѣчи въ стеклянныхъ колпакахъ. Молодые офицеры шалили, какъ школьники. Олизаръ боролся съ Михинымъ, и, къ удивленію всѣхъ, маленькій, неловкій Михинъ два раза подъ рядъ бросалъ на землю своего болѣе высокаго и стройнаго противника. Потомъ стали прыгать черезъ огонь. Андрусевичъ представлялъ, какъ бьется объ окно муха, и какъ старая птичница ловитъ курицу, изображалъ, спрятавшись за кусты, звукъ пилы и ножа на точилѣ—онъ на это былъ большой мастеръ. Даже и Дицъ довольно ловко жонглировалъ пустыми бутылками.

— Позвольте-ка, господа, вотъ я вамъ покажу замѣчательный фокусъ!—закричалъ вдругъ Тальманъ. — Здѣсь нѣтъ никакой чудеса или волшебство, а не что иной, какъ проворство рукъ. Прошу почтеннѣйшій публикумъ обратить вниманіе, что у меня нѣтъ никакой предметъ въ рукавъ. Начинаю. Ейнъ, цвей, дрей... алле гопъ!..

Онъ быстро, при общемъ хохотѣ, вынулъ изъ кармана двѣ новыя колоды картъ и съ трескомъ распечаталъ ихъ одну за другой.

— Винтъ, господа? — предложилъ онъ. — На свѣжемъ воздухѣ? А?

Осадчій, Николаевъ и Андрусевичъ усѣлись за карты, Лещенко съ глубокимъ вздохомъ помѣстился сзади нихъ. Николаевъ долго, съ ворчливымъ неудовольствіемъ отказывался, но его все-таки уговорили. Садясь, онъ много разъ съ безпокойствомъ оглядывался назадъ, ища глазами Шурочку, но такъ какъ изъ-за свѣта костра ему трудно было присматриваться, то каждый разъ его лицо напряженно морщилось и принимало жалкое, мучительное и некрасивое выраженіе.

Остальные постепенно разбрелись по полянѣ, невда-

лекѣ отъ костра. Затѣяли-было играть въ горѣлки, но эта забава вскорѣ окончилась послѣ того, какъ старшая Михина, которую поймалъ Диць, вдругъ раскраснѣлась до слезъ и наотрѣзъ отказалась играть. Когда она говорила, ея голосъ дрожалъ отъ негодованія и обиды, но причины она все-таки не объяснила.

Ромашовъ пошелъ въ глубь рощи по узкой тропинкѣ. Онъ самъ не понималъ, чего ожидаетъ, но сердце его сладко и томно ныло отъ неяснаго блаженнаго предчувствія. Онъ остановился. Сзади него послышался легкій трескъ вѣтокъ, потомъ быстрые шаги и шелестъ шелковой нижней юбки. Шурочка поспѣшно шла къ нему — легкая и стройная, мелькая, точно свѣтлый лѣсной духъ, своимъ бѣлымъ платьемъ между темными стволами огромныхъ деревьевъ. Ромашовъ пошелъ ей навстрѣчу и безъ словъ обнялъ ее. Шурочка тяжело дышала отъ поспѣшной ходьбы. Ея дыханіе тепло и часто касалось щеки и губъ Ромашова, и онъ ощущалъ, какъ подъ его рукой бьется ея сердце.

— Сядемъ,—сказала Шурочка.

Она опустилась на траву и стала поправлять обѣими руками волосы на затылкѣ. Ромашовъ легъ около ея ногъ, и такъ какъ почва на этомъ мѣстѣ замѣтно опускалась внизъ, то онъ, глядя на нее, видѣлъ только нѣжныя и неясныя очертанія ея шеи и подбородка.

Вдругъ она спросила тихимъ, вздрагивающимъ голосомъ:

— Ромочка, хорошо вамъ?

— Хорошо,—отвѣтилъ онъ. Потомъ подумалъ одну секунду, вспомнилъ весь нынѣшній день и повторилъ горячо:—О, да, мнѣ сегодня такъ хорошо, такъ хорошо! Скажите, отчего вы сегодня такая?

— Какая?

Она наклонилась къ нему ближе, вглядываясь въ

его глаза, и все ея лицо стало сразу видимымъ Ромашову.

— Вы чудная, необыкновенная. Такой прекрасной вы еще никогда не были. Что-то въ васъ поетъ и сіяетъ. Въ васъ что-то новое, загадочное, я не понимаю, что... Но... вы не сердитесь на меня, Александра Петровна... вы не боитесь, что васъ хватятся?

Она тихо засмѣялась, и этотъ низкій, ласкающій смѣхъ отозвался въ груди Ромашова радостной дрожью.

— Милый Ромочка! Милый, добрый, трусливый, милый Ромочка. Я вѣдь вамъ сказала, что этотъ день нашъ. Не думайте ни о чемъ, Ромочка. Знаете, отчего я сегодня такая смѣлая? Нѣтъ? Не знаете? Я въ васъ влюблена сегодня. Нѣтъ, нѣтъ, вы не воображайте, это завтра же пройдетъ...

Ромашовъ протянулъ къ ней руки, ища ея тѣла.

— Александра Петровна... Шурочка... Саша!—произнесъ онъ умоляюще.

— Не называйте меня Шурочкой, я не хочу этого. Все другое, только не это... Кстати,—вдругъ точно вспомнила она: — какое у васъ славное имя — Георгій. Гораздо лучше, чѣмъ Юрій... Гео-р-гій!—протянула она медленно, какъ будто вслушиваясь въ звуки этого слова. — Это гордо.

— О, милая!—сказалъ Ромашовъ страстно.

— Подождите... Ну, слушайте же. Это самое важное. Я васъ сегодня видѣла во снѣ. Это было удивительно прекрасно. Мнѣ снилось, будто мы съ вами танцуемъ вальсъ въ какой-то необыкновенной комнатѣ. О, я бы сейчасъ же узнала эту комнату до самыхъ мелочей. Много было ковровъ, но горѣлъ одинъ только красный фонарь, новое піанино блестѣло, два окна съ красными занавѣсками,—все было красное. Гдѣ-то играла музыка, ея не было видно, и мы съ вами танцовали... Нѣтъ, нѣтъ,

только во снѣ можетъ быть такая сладкая, такая чувственная близость. Мы кружились быстро-быстро, но не касались ногами пола, а точно плавали въ воздухѣ и кружились, кружились, кружились. Ахъ, это продолжалось такъ долго и было такъ невыразимо чудно-пріятно... Слушайте, Ромочка, вы летаете во снѣ?

Ромашовъ не сразу отвѣтилъ. Онъ точно вступилъ въ странную, обольстительную, одновременно живую и волшебную сказку. Да сказкой и были теплота и тьма этой весенней ночи, и внимательныя, притихшія деревья кругомъ, и странная, милая женщина въ бѣломъ платьѣ, сидѣвшая рядомъ, такъ близко отъ него. И, чтобы очнуться отъ этого обаянія, онъ долженъ былъ сдѣлать надъ собой усиліе.

— Конечно, летаю,—отвѣтилъ онъ.—Но только съ каждымъ годомъ все ниже и ниже. Прежде, въ дѣтствѣ, я леталъ подъ потолкомъ. Ужасно смѣшно было глядѣть на людей сверху: какъ будто они ходятъ вверхъ ногами. Они меня старались достать половой щеткой, но не могли. А я все летаю и все смѣюсь. Теперь уже этого нѣтъ, теперь я только прыгаю,—сказалъ Ромашовъ со вздохомъ.—Оттолкнусь ногами и лечу надъ землей. Такъ, шаговъ двадцать—и низко, не выше аршина.

Шурочка совсѣмъ опустилась на землю, оперлась о нее локтемъ и положила на ладонь голову. Помолчавъ немного, она продолжала задумчиво:

— И вотъ послѣ этого сна, утромъ, мнѣ захотѣлось васъ видѣть. Ужасно, ужасно захотѣлось. Если бы вы не пришли, я не знаю, что̀ бы я сдѣлала. Я бы, кажется, сама къ вамъ прибѣжала. Потому-то я и просила васъ прійти не раньше четырехъ. Я боялась за самоё себя. Дорогой мой, понимаете ли вы меня?

Въ полъ-аршинѣ отъ лица Ромашова лежали ея ноги, скрещенныя одна на другую, двѣ маленькія ножки въ

низкихъ туфляхъ и въ черныхъ чулкахъ съ какимъ-то стрѣльчатымъ бѣлымъ узоромъ. Съ отуманенной головой, съ шумомъ въ ушахъ, Ромашовъ вдругъ крѣпко прижался зубами къ этому живому, упругому, холодному, сквозь чулокъ, тѣлу.

— Ромочка... Не надо,—услышалъ онъ надъ собой ея слабый, протяжный и точно лѣнивый голосъ.

Онъ поднялъ голову. И опять все ему показалось въ этотъ мигъ чудесной, таинственной лѣсной сказкой. Ровно подымалась по скату вверхъ роща съ темной травой и съ черными, рѣдкими, молчаливыми деревьями, которыя неподвижно и чутко прислушивались къ чему-то сквозь дремоту. А на самомъ верху, сквозь густую чащу верхушекъ и дальнихъ стволовъ, надъ ровной, высокой чертой горизонта рдѣла узкая полоса зари—не краснаго и не багроваго цвѣта, а темно-пурпурнаго, необычайнаго, похожаго на угасающій уголь или на пламя, преломленное сквозь густое красное вино. И на этой горѣ, между черныхъ деревьевъ, въ темной пахучей травѣ, лежала, какъ отдыхающая лѣсная богиня, непонятная, прекрасная бѣлая женщина.

Ромашовъ придвинулся къ ней ближе. Ему казалось, что отъ лица ея идетъ блѣдное сіяніе. Глазъ ея не было видно—вмѣсто нихъ были два большихъ темныхъ пятна, но Ромашовъ чувствовалъ, что она смотритъ на него.

— Это сказка!—прошепталъ онъ тихо однимъ движеніемъ рта.

— Да, милый, сказка...

Онъ сталъ цѣловать ея платье, отыскалъ ея руку и приникъ лицомъ къ узкой, теплой, душистой ладони, и въ то же время онъ говорилъ, задыхаясь, обрывающимся голосомъ:

— Саша... Я люблю васъ... Я люблю...

Теперь, поднявшись выше, онъ ясно видѣлъ ея глаза, которые стали огромными, черными и то суживались, то расширялись, и отъ этого причудливо мѣнялось въ темнотѣ все ея знакомо-незнакомое лицо. Онъ жадными пересохшими губами искалъ ея рта, но она уклонялась отъ него, тихо качала головой и повторяла медленнымъ шопотомъ:

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ... Мой милый, нѣтъ...

— Дорогая моя... Какое счастье!.. Я люблю тебя...— твердилъ Ромашовъ въ какомъ-то блаженномъ бреду.— Я люблю тебя. Посмотри: эта ночь, и тишина, и никого, кромѣ васъ. О, счастье мое, какъ я тебя люблю!

Но она говорила шопотомъ: «нѣтъ, нѣтъ», тяжело дыша, лежа всѣмъ тѣломъ на землѣ. Наконецъ она заговорила еле слышнымъ голосомъ, точно съ трудомъ:

— Ромочка, зачѣмъ вы такой... слабый! Я не хочу скрывать, меня влечетъ къ вамъ, вы мнѣ милы всѣмъ: своей неловкостью, своей чистотой, своей нѣжностью. Я не скажу вамъ, что я васъ люблю, но я о васъ всегда думаю, я вижу васъ во снѣ, я... чувствую васъ... Меня волнуетъ ваша близость и ваши прикосновенія. Но зачѣмъ вы такой жалкій! Вѣдь жалость—сестра презрѣнія. Подумайте, я не могу уважать васъ. О, если бы вы были сильный!—Она сняла съ головы Ромашова фуражку и стала потихоньку гладить и перебирать его мягкіе волосы.—Если бы вы могли завоевать себѣ большое имя, большое положеніе!..

— Я сдѣлаю, я сдѣлаю это! — тихо воскликнулъ Ромашовъ.—Будьте только моей. Идите ко мнѣ. Я всю жизнь...

Она перебила его съ ласковой и грустной улыбкой, которую онъ услышалъ въ ея тонѣ:

— Вѣрю, что вы хотите, голубчикъ, вѣрю, но вы ничего не сдѣлаете. Я знаю, что нѣтъ. О, если бы я хоть

чуть-чуть надѣялась на васъ, я бросила бы все и пошла за вами. Ахъ, Ромочка, славный мой. Я слышала, какая-то легенда говоритъ, что Богъ создалъ сначала всѣхъ людей цѣлыми, а потомъ почему-то разбилъ каждаго на двѣ части и разбросалъ по свѣту. И вотъ ищутъ цѣлые вѣка одна половинка другую—и все не находятъ. Дорогой мой, вѣдь мы съ вами—эти двѣ половинки; у насъ все общее: и любимое, и нелюбимое, и мысли, и сны, и желанія. Мы понимаемъ другъ друга съ полунамека, съ полуслова, даже безъ словъ, одной душой. И вотъ я должна отказаться отъ тебя. Ахъ, это уже второй разъ въ моей жизни.

— Да, я знаю.

— Онъ говорилъ тебѣ?—спросила Шурочка быстро.

— Нѣтъ, это вышло случайно. Я знаю.

Они замолчали. На небѣ дрожащими зелеными точечками загорались первыя звѣзды. Справа едва-едва доносились голоса, смѣхъ и чье-то пѣніе. Остальная часть рощи, погруженная въ мягкій мракъ, была полна священной, задумчивой тишиной. Костра отсюда не было видно, но изрѣдка по вершинамъ ближайшихъ дубовъ, точно отблескъ дальней зарницы, мгновенно пробѣгалъ красный трепещущій свѣтъ. Шурочка тихо гладила голову и лицо Ромашова; когда же онъ находилъ губами ея руку, она сама прижимала ладонь къ его рту.

— Я своего мужа не люблю,—говорила она медленно, точно въ раздумьѣ. — Онъ грубъ, онъ нечутокъ, неделикатенъ. Ахъ—это стыдно говорить—но мы, женщины, никогда не забываемъ перваго насилія надъ нами. Потомъ онъ такъ дико ревнивъ. Онъ до сихъ поръ мучитъ меня этимъ несчастнымъ Назанскимъ. Выпытываетъ каждую мелочь, дѣлаетъ такія чудовищныя предположенія, фу... Задаетъ мерзкіе вопросы. Господи! Это же былъ невин-

ный полудѣтскій романъ! Но онъ отъ одного его имени приходитъ въ бѣшенство.

Когда она говорила, ея голосъ поминутно вздрагивалъ, и вздрагивала ея рука, гладившая его голову.

— Тебѣ холодно?—спросилъ Ромашовъ.

— Нѣтъ, милый, мнѣ хорошо,—сказала она кротко.

И вдругъ съ неожиданной неудержимой страстью она воскликнула:

— Ахъ, мнѣ такъ хорошо съ тобой, любовь моя!

Тогда онъ началъ робко, неувѣреннымъ тономъ, взявъ ея руку въ свою и тихонько прикасаясь къ ея тонкимъ пальцамъ:

— Скажи мнѣ... Прошу тебя. Ты вѣдь сама говоришь, что не любишь его... Зачѣмъ же вы вмѣстѣ?..

Но она рѣзко приподнялась съ земли, сѣла и нервно провела руками по лбу и по щекамъ, точно просыпаясь.

— Однако поздно. Пойдемте. Еще начнутъ разыскивать, пожалуй, — сказала она другимъ, совершенно спокойнымъ голосомъ.

Они встали съ травы и стояли другъ противъ друга молча, слыша дыханіе другъ друга, глядя въ глаза и не видя ихъ.

— Прощай! — вдругъ воскликнула она звенящимъ голосомъ,—Прощай, мое счастье, мое недолгое счастье!

Она обвилась руками вокругъ его шеи и прижалась горячимъ влажнымъ ртомъ къ его губамъ, и со сжатыми зубами, со стономъ страсти прильнула къ нему всѣмъ тѣломъ, отъ ногъ до груди. Ромашову почудилось, что черные стволы дубовъ покачнулись въ одну сторону, а земля поплыла въ другую, и что время остановилось.

Потомъ она съ усиліемъ освободилась изъ его рукъ и сказала твердо:

— Прощай. Довольно. Теперь пойдемъ.

Ромашовъ упалъ передъ ней на траву, почти легъ,

обнялъ ея ноги и сталъ цѣловать ея колѣни долгими, крѣпкими поцѣлуями.

— Саша, Сашенька!—лепеталъ онъ безсмысленно.— Отчего ты не хочешь отдаться мнѣ? Отчего? Отдайся мнѣ!..

— Пойдемъ, пойдемъ, — торопила она его. — Да встаньте же, Георгій Алексѣевичъ. Насъ хватятся. Пойдемте!

Они пошли по тому направленію, гдѣ слышались голоса. У Ромашова подгибались и дрожали ноги, и било въ виски. Онъ шатался на ходу.

— Я не хочу обмана, — говорила торопливо и еще задыхаясь Шурочка:—впрочемъ, нѣтъ, я выше обмана, но я не хочу трусости. Въ обманѣ же—всегда трусость. Я тебѣ скажу правду: я мужу никогда не измѣняла и не измѣню ему до тѣхъ поръ, пока не брошу его почему-нибудь. Но его ласки и поцѣлуи для меня ужасны, они вселяютъ въ меня омерзѣніе. Послушай, я только сейчасъ,—нѣтъ, впрочемъ, еще раньше, когда думала о тебѣ, о твоихъ губахъ,—я только теперь поняла, какое невѣроятное наслажденіе, какое блаженство отдать себя любимому человѣку. Но я не хочу трусости, не хочу тайнаго воровства. И потомъ... подожди, нагнись ко мнѣ, милый, я скажу тебѣ на ухо, это стыдно... потомъ—я не хочу ребенка. Фу, какая гадость! Оберъ-офицерша, сорокъ восемъ рублей жалованья, шестеро дѣтей, пеленки, нищета... О, какой ужасъ!

Ромашовъ съ недоумѣніемъ посмотрѣлъ на нее.

— Но вѣдь у васъ мужъ... Это же неизбѣжно,—сказалъ онъ нерѣшительно.

Шурочка громко разсмѣялась. Въ этомъ смѣхѣ было что-то инстинктивно непріятное, отъ чего пахнуло холодкомъ въ душу Ромашова.

— Ромочка... ой-ой-ой, какой же вы глу-упы-ый! —

протянула она знакомымъ Ромашову тоненькимъ, дѣтскимъ голосомъ.—Неужели вы этихъ вещей не понимаете? Нѣтъ, скажите правду—не понимаете?

Онъ растерянно пожалъ плечами. Ему стало какъ будто неловко за свою наивность.

— Извините... но я долженъ сознаться... честное слово...

— Ну, и Богъ съ вами, и не нужно. Какой вы чистый, милый, Ромочка! Ну, такъ вотъ, когда вы вырастете, то вы навѣрно вспомните мои слова: что возможно съ мужемъ, то невозможно съ любимымъ человѣкомъ. Ахъ, да не думайте, пожалуйста, объ этомъ. Это гадко—но что же подѣлаешь.

Они подходили уже къ мѣсту пикника. Изъ-за деревьевъ было видно пламя костра. Корявые стволы, загораживавшіе огонь, казались отлитыми изъ чернаго металла, и на ихъ бокахъ мерцалъ красный измѣнчивый свѣтъ.

— Ну, а если я возьму себя въ руки?—спросилъ Ромашовъ.—Если я достигну того же, чего хочетъ твой мужъ, или еще большаго? Тогда?

Она прижалась крѣпко къ его плечу щекой и отвѣтила порывисто:

— Тогда—да. Да, да, да...

Они уже вышли на поляну. Сталъ виденъ весь костеръ и маленькія черныя фигуры людей вокругъ него.

— Ромочка, теперь послѣднее, — сказала Александра Петровна торопливо, но съ печалью и тревогой въ голосѣ. — Я не хотѣла портить вамъ вечеръ и не говорила. Слушайте, вы не должны у насъ больше бывать.

Онъ остановился изумленный, растерянный.

— Почему же? О, Саша!..

— Идемте, идемте... Я не знаю, кто это дѣлаетъ, но мужа осаждаютъ анонимными письмами. Онъ мнѣ не показывалъ, а только вскользь говорилъ объ этомъ. Пи-

шутъ какую-то грязную, площадную гадость про меня и про васъ. Словомъ, прошу васъ, не ходите къ намъ.

— Саша!—умоляюще простоналъ Ромашовъ, протягивая къ ней руки.

— Ахъ, мнѣ это самой больно, мой милый, мой дорогой, мой нѣжный! Но это необходимо. Итакъ, слушайте: я боюсь, что онъ самъ будетъ говорить съ вами объ этомъ. Умоляю васъ, ради Бога, будьте сдержанны. Обѣщайте мнѣ это.

— Хорошо,—произнесъ печально Ромашовъ.

— Ну, вотъ и все. Прощайте, мой бѣдный. Бѣдняжка! Дайте вашу руку. Сожмите крѣпко-крѣпко, такъ, чтобы мнѣ стало больно. Вотъ такъ... Ой!.. Теперь прощайте. Прощай, радость моя!

Не доходя костра, они разошлись. Шурочка пошла прямо вверхъ, а Ромашовъ снизу, обходомъ, вдоль рѣки. Винтъ еще не окончился, но ихъ отсутствіе было замѣчено. По крайней мѣрѣ Дицъ такъ нагло поглядѣлъ на подходящаго къ костру Ромашова и такъ неестественно-скверно кашлянулъ, что Ромашову захотѣлось запустить въ него горящей головешкой.

Потомъ онъ видѣлъ, какъ Николаевъ всталъ изъ-за картъ и, отведя Шурочку въ сторону, долго что-то ей говорилъ съ гнѣвными жестами и со злымъ лицомъ. Она вдругъ выпрямилась и сказала ему нѣсколько словъ съ непередаваемымъ выраженіемъ негодованія и презрѣнія. И этотъ большой, сильный человѣкъ вдругъ покорно съежился и отошелъ отъ нея съ видомъ укрощеннаго, но затаившаго злобу дикаго животнаго.

Вскорѣ пикникъ кончился. Ночь похолодѣла, и отъ рѣки потянуло сыростью. Запасъ веселости давно истощился, и всѣ разъѣзжались усталые, недовольные, не скрывая зѣвоты. Ромашовъ опять сидѣлъ въ экипажѣ противъ барышень Михиныхъ и всю дорогу молчалъ. Въ

памяти его стояли черныя спокойныя деревья, и темная гора, и кровавая полоса зари надъ ея вершиной, и бѣлая фигура женщины, лежавшей въ темной пахучей травѣ. Но все-таки сквозь искреннюю, глубокую и острую грусть онъ время отъ времени думалъ про самого себя патетически:

«Его красивое лицо было подернуто облакомъ скорби».

XV.

1-го мая полкъ выступилъ въ лагерь, который изъ года въ годъ находился въ одномъ и томъ же мѣстѣ, въ двухъ верстахъ отъ города, по ту сторону желѣзнодорожнаго полотна. Младшіе офицеры, по положенію, должны были жить въ лагерное время около своихъ ротъ въ деревянныхъ баракахъ, но Ромашовъ остался на городской квартирѣ, потому что офицерское помѣщеніе шестой роты пришло въ страшную ветхость и грозило разрушеніемъ, а на ремонтъ его не оказывалось нужныхъ суммъ. Приходилось дѣлать въ день лишнихъ четыре конца: на утреннее ученье, потомъ обратно въ собраніе—на обѣдъ, затѣмъ на вечернее ученье и послѣ него снова въ городъ. Это раздражало и утомляло Ромашова. За первые полмѣсяца лагерей онъ похудѣлъ, почернѣлъ, и глаза у него ввалились.

Впрочемъ, и всѣмъ приходилось нелегко: и офицерамъ и солдатамъ. Готовились къ майскому смотру и не знали ни пощады ни устали. Ротные командиры морили свои роты по два и по три лишнихъ часа на плацу. Во время ученій со всѣхъ сторонъ, изо всѣхъ ротъ и взводовъ слышались безпрерывно звуки пощечинъ. Часто издали, шаговъ за двѣсти, Ромашовъ наблюдалъ, какъ какой-нибудь разсвирѣпѣвшій ротный принимался хлестать по лицамъ всѣхъ своихъ солдатъ поочередно, отъ лѣ-

ваго до праваго фланга. Сначала беззвучный взмахъ руки и—только спустя секунду—сухой трескъ удара, и опять, и опять, и опять... Въ этомъ было много жуткаго и омерзительнаго. Унтеръ-офицеры жестоко били своихъ подчиненныхъ за ничтожную ошибку въ словесности, за потерянную ногу при маршировкѣ, — били въ кровь, выбивали зубы, разбивали ударами по уху барабанныя перепонки, валили кулаками на землю. Никому не приходило въ голову жаловаться: наступилъ какой-то общій чудовищный, зловѣщій кошмаръ; какой-то нелѣпый гипнозъ овладѣлъ полкомъ. И все это усугублялось страшной жарой. Май въ этомъ году былъ необыкновенно зноенъ.

У всѣхъ нервы напряглись до послѣдней степени. Въ офицерскомъ собраніи во время обѣдовъ и ужиновъ все чаще и чаще вспыхивали нелѣпые споры, безпричинныя обиды, ссоры. Солдаты осунулись и глядѣли идіотами. Въ рѣдкія минуты отдыха изъ палатокъ не слышалось ни шутокъ ни смѣха. Однако ихъ все-таки заставляли по вечерамъ, послѣ переклички, веселиться. И они, собравшись въ кружокъ, съ безучастными лицами равнодушно гаркали:

Для рассейскаго солдата
Пули, бонбы ничего,
Съ ними онъ за панибрата,
Все бездѣлки для него.

А потомъ играли на гармоніи плясовую, и фельдфебель командовалъ:

— Грегорашъ, Скворцовъ, у кругъ! Пляши, сукины дѣти!.. Веселись!

Они плясали, но въ этой пляскѣ, какъ и въ пѣніи, было что-то деревянное, мертвое, отъ чего хотѣлось плакать.

Одной только пятой ротѣ жилось легко и свободно. Выходила она на ученье часомъ позже другихъ, а уходила

часомъ раньше. Люди въ ней были всѣ, какъ на подборъ, сытые, бойкіе, глядѣвшіе осмысленно и смѣло въ глаза всякому начальству; даже мундиры и рубахи сидѣли на нихъ какъ-то щеголеватѣе, чѣмъ въ другихъ ротахъ. Командовалъ ею капитанъ Стельковскій, странный человѣкъ: холостякъ, довольно богатый для полка,—онъ получалъ откуда-то ежемѣсячно около двухсотъ рублей,—очень независимаго характера, державшійся сухо, замкнуто и отдаленно съ товарищами и вдобавокъ развратникъ. Онъ заманивалъ къ себѣ, въ качествѣ прислуги, молоденькихъ, часто несовершеннолѣтнихъ дѣвушекъ изъ простонародья и черезъ мѣсяцъ отпускалъ ихъ домой, по-своему щедро наградивъ деньгами, и это продолжалось у него изъ года въ годъ съ непостижимой правильностью. Въ ротѣ у него не дрались и даже не ругались, хотя и не особенно нѣжничали, и все же его рота, по великолѣпному внѣшнему виду и по выучкѣ, не уступила бы любой гвардейской части. Въ высшей степени обладалъ онъ терпѣливой, хладнокровной и увѣренной настойчивостью и умѣлъ передавать ее своимъ унтеръ-офицерамъ. Того, чего достигали въ другихъ ротахъ посредствомъ битья, наказаній, оранья и суматохи въ недѣлю, онъ спокойно добивался въ одинъ день. При этомъ онъ скупо тратилъ слова и рѣдко возвышалъ голосъ, но когда говорилъ, то солдаты окаменѣвали. Товарищи относились къ нему непріязненно, солдаты же любили воистину: примѣръ, можетъ-быть, единственный во всей русской арміи.

Наступило наконецъ 15-е мая, когда, по распоряженію корпуснаго командира, долженъ былъ состояться смотръ. Въ этотъ день во всѣхъ ротахъ, кромѣ пятой, унтеръ-офицеры подняли людей въ четыре часа. Несмотря на теплое утро, невыспавшіеся, зѣвавшіе солдаты дро-

жали въ своихъ каламянковыхъ рубахахъ. Въ радостномъ свѣтѣ розоваго безоблачнаго утра ихъ лица казались сѣрыми, глянцовитыми и жалкими.

Въ шесть часовъ явились къ ротамъ офицеры. Общій сборъ полка былъ назначенъ въ десять часовъ, но ни одному ротному командиру, за исключеніемъ Стельковскаго, не пришла въ голову мысль дать людямъ выспаться и отдохнуть передъ смотромъ. Наоборотъ, въ это утро особенно ревностно и суетливо вбивали имъ въ голову словесность и наставленія къ стрѣльбѣ, особенно густо висѣла въ воздухѣ скверная ругань, и чаще обыкновеннаго сыпались толчки и зуботычины.

Въ девять часовъ роты стянулись на плацъ, шагахъ въ пятистахъ впереди лагеря. Тамъ уже стояли длинной прямой линіей, растянувшись на полверсты, шестнадцать ротныхъ желонеровъ съ разноцвѣтными флажками на ружьяхъ. Желонерный офицеръ поручикъ Ковако, одинъ изъ главныхъ героевъ сегодняшняго дня, верхомъ на лошади носился взадъ и впередъ вдоль этой линіи, выравнивая ее, скакалъ съ бѣшенымъ крикомъ, распустивъ поводья, съ шапкой на затылкѣ, весь мокрый и красный отъ старанія. Его шашка отчаянно билась о ребра лошади, а бѣлая худая лошадь, вся усыпанная отъ старости гречкой и съ бѣльмомъ на правомъ глазу, судорожно вертѣла короткимъ хвостомъ и издавала въ тактъ своему безобразному галопу рѣзкіе, отрывистые, какъ выстрѣлы, звуки. Сегодня отъ поручика Ковако зависѣло очень многое: по его желонерамъ должны были выстроиться въ безукоризненную нитку всѣ 16 ротъ полка.

Ровно безъ десяти минутъ въ десять вышла изъ лагеря пятая рота. Твердо, большимъ частымъ шагомъ, отъ котораго равномѣрно вздрагивала земля, прошли на глазахъ у всего полка эти сто человѣкъ, всѣ, какъ на подборъ,

ловкіе, молодцоватые, прямые, всѣ со свѣжими, чисто вымытыми лицами, съ безкозырками, лихо надвинутыми на правое ухо. Капитанъ Стельковскій, маленькій, худощавый человѣкъ въ широчайшихъ шароварахъ, шелъ небрежно и не въ ногу, шагахъ въ пяти сбоку праваго фланга, и, весело щурясь, наклоняя голову то на одинъ, то на другой бокъ, присматривался къ равненію. Батальонный командиръ, подполковникъ Лехъ, который, какъ и всѣ офицеры, находился съ утра въ нервномъ и безтолковомъ возбужденіи, налетѣлъ-было на него съ крикомъ за поздній выходъ на плацъ, но Стельковскій хладнокровно вынулъ часы, посмотрѣлъ на нихъ и отвѣтилъ сухо, почти пренебрежительно:

— Въ приказѣ сказано собраться къ десяти. Теперь безъ трехъ минутъ десять. Я не считаю себя въ правѣ морить людей зря.

— Не разговарива-а-ать!—завопилъ Лехъ, махая руками и задерживая лошадь.—Прошу, гето, молчать, когда вамъ дѣлаютъ замѣчанія по службѣ-ѣ!..

Но онъ все-таки понялъ, что былъ неправъ, и потому сейчасъ же отъѣхалъ и съ ожесточеніемъ набросился на восьмую роту, въ которой офицеры провѣряли выкладку ранцевъ:

— Гет-то что за безобразіе! Гето, базаръ устроили? Мелочную лавочку? Гето, на охоту ѣхать—собакъ кормить? О чемъ раньше думали! Одѣваться-а!

Въ четверть одиннадцатаго стали выравнивать роты. Это было долгое, кропотливое и мучительное занятіе. Отъ желонера до желонера туго натянули на колышки длинныя веревки. Каждый солдатъ первой шеренги долженъ былъ непремѣнно съ математической точностью коснуться веревки самыми кончиками носковъ—въ этомъ заключался особенный строевой шикъ. Но этого было еще мало; требовалось, чтобы въ створѣ развернутыхъ носковъ помѣ-

щался ружейный прикладъ, и чтобы наклонъ всѣхъ солдатскихъ тѣлъ оказался одинаковымъ. И ротные командиры выходили изъ себя, крича: «Ивановъ, подай корпусъ впередъ! Бурченко, правое плечо доверни въ поле! Лѣвый носокъ назадъ! Еще!..»

Въ половинѣ одиннадцатаго пріѣхалъ полковой командиръ. Подъ нимъ былъ огромный, видный гнѣдой меринъ, весь въ темныхъ яблокахъ, всѣ четыре ноги бѣлыя до колѣнъ. Полковникъ Шульговичъ имѣлъ на лошади внушительный, почти величественный видъ и сидѣлъ прочно, хотя черезчуръ по-пѣхотному, на слишкомъ короткихъ стременахъ. Привѣтствуя полкъ, онъ крикнулъ молодцовато, съ наигранным веселымъ задоромъ:

— Здорово, красавцы-ы-ы!..

Ромашовъ вспомнилъ свой четвертый взводъ и въ особенности хилую, младенческую фигуру Хлѣбникова и не могъ удержаться отъ улыбки: «Нечего сказать, хороши красавцы!»

При звукахъ полковой музыки, игравшей встрѣчу, вынесли знамена. Началось томительное ожиданіе. Далеко впередъ, до самаго вокзала, откуда ждали корпуснаго командира, тянулась цѣпь махальныхъ, которые должны были сигналами предупредить о прибытіи начальства. Нѣсколько разъ поднималась ложная тревога. Поспѣшно выдергивались колышки съ веревками, полкъ выравнивался, подтягивался, замиралъ въ ожиданіи,—но проходило нѣсколько тяжелыхъ минутъ, и людямъ опять позволяли стоять вольно, только не измѣнять положенія ступней. Впереди, шагахъ въ трехстахъ отъ строя, яркими разноцвѣтными пятнами пестрѣли дамскія платья, зонтики и шляпки: тамъ стояли полковыя дамы, собравшіяся поглядѣть на парадъ. Ромашовъ зналъ отлично, что Шурочки нѣтъ въ этой свѣтлой, точно праздничной группѣ, но когда онъ глядѣлъ туда,—всякій разъ что-то сладко ныло у

него около сердца, и хотѣлось часто дышать отъ страннаго, безпричиннаго волненія.

Вдругъ, точно вѣтеръ, пугливо пронеслось по рядамъ одно торопливое короткое слово: «Ѣдетъ, ѣдетъ!». Всѣмъ какъ-то сразу стало ясно, что наступила настоящая, серьезная минута. Солдаты, съ утра задерганные и взвинченные общей нервностью, сами, безъ приказанія, суетливо выравнивались, одергивались и безпокойно кашляли.

— Смиррна! Желонеры, по мѣста-амъ!—скомандовалъ Шульговичъ.

Скосивъ глаза направо, Ромашовъ увидѣлъ далеко на самомъ краю поля небольшую тѣсную кучку маленькихъ всадниковъ, которые въ легкихъ клубахъ желтоватой пыли быстро приближались къ строю. Шульговичъ со строгимъ и вдохновеннымъ лицомъ отъѣхалъ отъ середины полка на разстояніе, по крайней мѣрѣ вчетверо большее, чѣмъ требовалось. Щеголяя тяжелой красотой пріемовъ, поднявъ кверху свою серебряную бороду, оглядывая черную неподвижную массу полка грознымъ, радостнымъ и отчаяннымъ взглядомъ, онъ затянулъ голосомъ, покатившимся по всему полю:

— По-олкъ, слуш-а-ай! На крра-а-а...

Онъ выдержалъ нарочно длинную паузу, точно наслаждаясь своей огромной властью надъ этими сотнями людей и желая продлить это мгновенное наслажденіе, и вдругъ, весь покраснѣвъ отъ усилія, съ напрягшимися на шеѣ жилами, гаркнулъ всей грудью:

— ...улъ!..

Разъ-два! Всплеснули руки о ружейные ремни, брякнули затворы о бляхи поясовъ. Съ праваго фланга рѣзко, весело и отчетливо понеслись звуки встрѣчнаго марша. Точно шаловливыя, смѣющіяся дѣти, побѣжали толпой рѣзвые флейты и кларнеты, съ побѣднымъ торжествомъ

вскрикнули и запѣли высокія мѣдныя трубы, глухіе удары барабана торопили ихъ блестящій бѣгъ, и непоспѣвавшіе за нимъ тяжелые тромбоны ласково ворчали густыми, спокойными, бархатными голосами. На станціи длинно, тонко и чисто засвистѣлъ паровозъ, и этотъ новый мягкій звукъ, вплетясь въ торжествующіе мѣдные звуки оркестра, слился съ нимъ въ одну чудесную, радостную гармонію. Какая-то бодрая, смѣлая волна вдругъ подхватила Ромашова, легко и сладко поднявъ его на себѣ. Съ проникновенной и веселой ясностью онъ сразу увидѣлъ и блѣдную отъ зноя голубизну неба, и золотой свѣтъ солнца, дрожавшій въ воздухѣ, и теплую зелень дальняго поля,— точно онъ не замѣчалъ ихъ раньше,—и вдругъ почувствовалъ себя молодымъ, сильнымъ, ловкимъ, гордымъ отъ сознанія, что и онъ принадлежитъ къ этой стройной, неподвижной, могучей массѣ людей, таинственно скованныхъ одной незримой волей...

Шульговичъ, держа обнаженную шашку у самаго лица, тяжелымъ галопомъ поскакалъ навстрѣчу.

Сквозь грубо-веселые, воинственные звуки музыки послышался спокойный, круглый голосъ генерала:

— Здорово, первая рота!

Солдаты дружно, старательно и громко закричали. И опять на станціи свистнулъ паровозъ—на этотъ разъ отрывисто, коротко и точно съ задоромъ. Здороваясь поочередно съ ротами, корпусный командиръ медленно ѣхалъ по фронту. Уже Ромашовъ отчетливо видѣлъ его грузную, оплывшую фигуру съ крупными поперечными складками кителя подъ грудью и на жирномъ животѣ, и большое квадратное лицо, обращенное къ солдатамъ, и щегольской съ красными вензелями вальтрапъ на видной сѣрой лошади, и костяныя колечки мартингала, и маленькую ногу въ низкомъ лакированномъ сапогѣ.

— Здорово, шестая!

Люди закричали вокругъ Ромашова преувеличенно громко, точно надрываясь отъ собственнаго крика. Генералъ увѣренно и небрежно сидѣлъ на лошади, а она, съ налившимися кровью добрыми глазами, красиво выгнувъ шею, сочно похрустывая желѣзомъ мундштука во рту и роняя съ морды легкую бѣлую пѣну, шла частымъ, танцующимъ, гибкимъ шагомъ. «У него виски сѣдые, а усы черные, должно-быть, нафабренные»,—мелькнула у Ромашова быстрая мысль.

Сквозь золотыя очки корпусный командиръ внимательно вглядывался своими темными, совсѣмъ молодыми, умными и насмѣшливыми глазами въ каждую пару впивавшихся въ него глазъ. Вотъ онъ поровнялся съ Ромашовымъ и приложилъ руку къ козырьку фуражки. Ромашовъ стоялъ, весь вытянувшись, съ напряженными мускулами ногъ, крѣпко, до боли, стиснувъ эфесъ опущенной внизъ шашки. Преданный, счастливый восторгъ вдругъ холодкомъ пробѣжалъ по наружнымъ частямъ его рукъ и ногъ, покрывъ ихъ жесткими пупырышками. И, глядя неотступно въ лицо корпуснаго командира, онъ подумалъ про себя, по своей наивной дѣтской привычкѣ: «Глаза боевого генерала съ удовольствіемъ остановились на стройной, худощавой фигурѣ молодого подпоручика».

Корпусный командиръ объѣхалъ такимъ образомъ поочередно всѣ роты, здороваясь съ каждой. Сзади него нестройной блестящей группой двигалась свита: около пятнадцати штабныхъ офицеровъ на прекрасныхъ, выхоленныхъ лошадяхъ. Ромашовъ и на нихъ глядѣлъ тѣми же преданными глазами, но никто изъ свиты не обернулся на подпоручика: всѣ эти парады, встрѣчи съ музыкой, эти волненія маленькихъ пѣхотныхъ офицеровъ были для нихъ привычнымъ, давно наскучившимъ дѣломъ. И Ромашовъ со смутной завистью и недоброжелательствомъ почувствовалъ, что эти высокомѣрные люди

живутъ какой-то особой, красивой, недосягаемой для него, высшей жизнью.

Кто-то издали подалъ музыкѣ знакъ перестать играть. Командиръ корпуса крупной рысью ѣхалъ отъ лѣваго фланга къ правому вдоль линіи полка, и за нимъ разнообразно волнующейся, пестрой, нарядной вереницей растянулась его свита. Полковникъ Шульговичъ подскакалъ къ первой ротѣ. Затягивая поводья своему гнѣдому мерину, завалившись тучнымъ корпусомъ назадъ, онъ крикнулъ тѣмъ неестественно-свирѣпымъ, испуганнымъ и хриплымъ голосомъ, какимъ кричатъ на пожарахъ брандмайоры:

— Капитанъ Осадчій! Выводите роту-у! Жива-а!..

У полкового командира и у Осадчаго на всѣхъ ученьяхъ было постоянное любовное соревнованіе въ голосахъ. И теперь даже въ шестнадцатой ротѣ была слышна щегольская металлическая команда Осадчаго:

— Рота, на плечо! Равненіе на середину, шагомъ маршъ!

У него въ ротѣ, путемъ долгаго, упорнаго труда былъ выработанъ при маршировкѣ особый, чрезвычайно рѣдкій и твердый шагъ, при чемъ солдаты очень высоко поднимали ногу вверхъ и съ силою бросали ее на землю. Это выходило громко и внушительно и служило предметомъ зависти для другихъ ротныхъ командировъ.

Но не успѣла первая рота сдѣлать и пятидесяти шаговъ, какъ раздался нетерпѣливый окрикъ корпуснаго командира:

— Это что̀ такое? Остановите роту. Остановите! Ротный командиръ, пожалуйте ко мнѣ. Что̀ вы тутъ показываете? Что̀ это: похоронная процессія? Факельцугъ? Раздвижные солдатики? Маршировка въ три темпа? Теперь, капитанъ, не николаевскія времена, когда служили по двадцати пяти лѣтъ. Сколько лишнихъ дней у васъ ушло на этотъ кордебалетъ! Драгоцѣнныхъ дней!

Осадчій стоялъ передъ нимъ, высокій, неподвижный, сумрачный, съ опущенной внизъ обнаженной шашкой. Генералъ помолчалъ немного и продолжалъ спокойнѣе, съ грустнымъ и насмѣшливымъ выраженіемъ:

— Небось, людей совсѣмъ задергали шагистикой? Эхъ, вы, Аники-воины. А спроси у васъ... да вотъ, позвольте, какъ этого молодчика фамилія?

Генералъ показалъ пальцемъ на второго отъ праваго фланга солдата.

— Игнатій Михайловъ, ваше превосходительство, — безучастнымъ, солдатскимъ деревяннымъ басомъ отвѣтилъ Осадчій.

— Хорошо-съ. А что вы о немъ знаете? Холостъ онъ? Женатъ? Есть у него дѣти? Можетъ-быть, у него есть тамъ въ деревнѣ какое-нибудь горе? Бѣда? Нуждишка? Что?

— Не могу знать, ваше превосходительство. Сто человѣкъ. Трудно запомнить.

— Трудно запомнить!—съ горечью повторилъ генералъ.—Ахъ, господа, господа! Сказано въ писаніи: духа не угашайте, а вы что дѣлаете? Вѣдь эта самая святая, сѣрая скотинка, когда дѣло дойдетъ до боя, васъ своей грудью прикроетъ, вынесетъ васъ изъ огня на своихъ плечахъ, на морозѣ васъ своей шинелишкой дырявой прикроетъ, а вы—не могу знать.

И, мгновенно раздражаясь, перебирая нервно и безъ нужды поводья, генералъ закричалъ черезъ голову Осадчаго на полкового командира:

— Полковникъ, уберите эту роту. И смотрѣть не буду. Уберите, уберите сейчасъ же! Петрушки! Картонные паяцы! Чугунные мозги!

Съ этого и начался провалъ полка. Утомленіе и запуганность солдатъ, безсмысленная жестокость унтеръ-офицеровъ, бездушное, рутинное и халатное отношеніе

офицеровъ къ службѣ,—все это ясно, но позорно обнаружилось на смотру. Во второй ротѣ люди не знали «Отче нашъ», въ третьей сами офицеры путались при разсыпномъ строѣ, въ четвертой съ какимъ-то солдатомъ во время ружейныхъ пріемовъ сдѣлалось дурно. А главное—ни въ одной ротѣ не имѣли понятія о пріемахъ противъ неожиданныхъ кавалерійскихъ атакъ, хотя готовились къ нимъ и знали ихъ важность. Пріемы эти были изобрѣтены и введены въ практику именно самимъ корпуснымъ командиромъ и заключались въ быстрыхъ перестроеніяхъ, требовавшихъ всякій разъ отъ начальниковъ находчивости, быстрой сообразительности и широкой личной инициативы. И на нихъ срывались поочередно всѣ роты, кромѣ пятой.

Посмотрѣвъ роту, генералъ удалялъ изъ строя всѣхъ офицеровъ и унтеръ-офицеровъ и спрашивалъ людей, всѣмъ ли довольны, получаютъ ли все по положенію, нѣтъ ли жалобъ и претензій? Но солдаты дружно гаркали, что они «точно такъ, всѣмъ довольны». Когда спрашивали первую роту, Ромашовъ слышалъ, какъ сзади него фельдфебель его роты, Рында, говорилъ шипящимъ и угрожающимъ голосомъ:

— Вотъ, объяви мнѣ кто-нибудь претензію! Я ему потомъ таку объявлю претензію!

Зато тѣмъ великолѣпнѣе показала себя пятая рота. Молодцоватые, свѣжіе люди продѣлывали ротное ученье такимъ легкимъ, бодрымъ и живымъ шагомъ, съ такой ловкостью и свободой, что, казалось, смотръ былъ для нихъ не страшнымъ экзаменомъ, а какой-то веселой и совсѣмъ не трудной забавой. Генералъ еще хмурился, но уже бросилъ имъ: «Хорошо, ребята!»—это въ первый разъ за все время смотра.

Пріемами противъ атакъ кавалеріи Стельковскій окончательно завоевалъ корпуснаго командира. Самъ гене-

ралъ указывалъ ему противника внезапными, быстрыми фразами: «Кавалерія справа, восемьсотъ шаговъ», и Стельковскій, не теряясь ни на секунду, сейчасъ же точно и спокойно останавливалъ роту, поворачивалъ ее лицомъ къ воображаемому противнику, скачущему карьеромъ, смыкалъ, экономя время, взводы—головной съ колѣна, второй стоя,—назначалъ прицѣлъ, давалъ два или три воображаемыхъ залпа и затѣмъ командовалъ: «На руку!»—«Отлично, братцы! Спасибо, молодцы!»—хвалилъ генералъ.

Послѣ опроса рота опять выстроилась развернутымъ строемъ. Но генералъ медлилъ ее отпускать. Тихонько проѣзжая вдоль фронта, онъ пытливо, съ особеннымъ интересомъ, вглядывался въ солдатскія лица, и тонкая, довольная улыбка свѣтилась сквозь очки въ его умныхъ глазахъ подъ тяжелыми, опухшими вѣками. Вдругъ онъ остановилъ коня и обернулся назадъ, къ начальнику своего штаба:

— Нѣтъ, вы поглядите-ка, полковникъ, каковы у нихъ морды! Пирогами вы ихъ, что ли, кормите, капитанъ? Послушай, эй, ты, толсторожій,—указалъ онъ движеніемъ подбородка на одного солдата:—тебя Коваль звать?

— Тошно такъ, ваше превосходительство, Михайла Борійчукъ!—весело, съ довольной дѣтской улыбкой крикнулъ солдатъ.

— Ишь ты, а я думалъ, Коваль. Ну, значитъ, ошибся,—пошутилъ генералъ.—Ничего не подѣлаешь. Не удалось...—прибавилъ онъ веселую, циничную фразу.

Лицо солдата совсѣмъ расплылось въ глупой и радостной улыбкѣ.

— Никакъ нѣтъ, ваше превосходительство! — крикнулъ онъ еще громче.—Такъ что у себя въ деревнѣ займался кузнечнымъ мастерствомъ. Ковалемъ былъ.

— А, вотъ видишь!—генералъ дружелюбно кивнулъ

головой. Онъ гордился своимъ знаніемъ солдата.—Что, капитанъ, онъ у васъ хорошій солдатъ?

— Очень хорошій. У меня всѣ они хороши,—отвѣтилъ Стельковскій своимъ обычнымъ, самоувѣреннымъ тономъ.

Брови генерала сердито дрогнули, но губы улыбнулись, и отъ этого все его лицо стало добрымъ и старчески-милымъ.

— Ну, это вы, капитанъ, кажется, того... Есть же штрафованные?

— Ни одного, ваше превосходительство. Пятый годъ ни одного.

Генералъ грузно нагнулся на сѣдлѣ и протянулъ Стельковскому свою пухлую руку въ бѣлой незастегнутой перчаткѣ.

— Спасибо вамъ великое, родной мой,—сказалъ онъ дрожащимъ голосомъ, и его глаза вдругъ заблестѣли слезами. Онъ, какъ и многіе чудаковатые боевые генералы, любилъ иногда поплакать. — Спасибо, утѣшили старика. Спасибо, богатыри!—энергично крикнулъ онъ ротѣ.

Благодаря хорошему впечатлѣнію, оставленному Стельковскимъ, смотръ и шестой роты прошелъ сравнительно благополучно. Генералъ не хвалилъ, но и не бранился. Однако и шестая рота осрамилась, когда солдаты стали колоть соломенныя чучела, вшитыя въ деревянныя рамы.

— Не такъ, не такъ, не такъ, не такъ!—горячился корпусный командиръ, дергаясь на сѣдлѣ.—Совсѣмъ не такъ! Братцы, слушай меня. Коли отъ сердца, въ самую середку, штыкъ до трубки. Разсердись! Ты не хлѣбы въ печку сажаешь, а врага колешь...

Прочія роты проваливались одна за другой. Корпусный командиръ даже пересталъ волноваться и дѣлать свои характерныя, хлесткія замѣчанія и сидѣлъ на лошади молчаливый, сгорбленный, со скучающимъ лицомъ.

Пятнадцатую и шестнадцатую роты онъ и совсѣмъ не сталъ смотрѣть, а только сказалъ съ отвращеніемъ, устало махнувъ рукою:

— Ну, это... недоноски какіе-то.

Оставался церемоніальный маршъ. Весь полкъ свели въ тѣсную, сомкнутую колонну, пополуротно. Опять выскочили впередъ желонеры и вытянулись противъ праваго фланга, обозначая линію движенія. Становилось невыносимо жарко. Люди изнемогали отъ духоты и отъ тяжелыхъ испареній собственныхъ тѣлъ, скученныхъ въ маломъ пространствѣ, отъ запаха сапогъ, махорки, грязной человѣческой кожи и переваренаго желудкомъ чернаго хлѣба.

Но передъ церемоніальнымъ маршемъ всѣ ободрились. Офицеры почти упрашивали солдатъ: «Братцы, вы ужъ постарайтесь пройти молодцами передъ корпуснымъ. Не осрамите». И въ этомъ обращеніи начальниковъ съ подчиненными проскальзывало теперь что-то заискивающее, неувѣренное и виноватое. Какъ будто гнѣвъ такой недосягаемо-высокой особы, какъ корпусный командиръ, вдругъ придавилъ общей тяжестью и офицера и солдата, обезличилъ и уровнялъ ихъ, и сдѣлалъ въ одинаковой степени испуганными, растерянными и жалкими.

— Полкъ, смирррна-а... Музыканты, на линію-у!—донеслась издали команда Шульговича.

И всѣ полторы тысячи человѣкъ на секунду зашевелились, съ глухимъ, торопливымъ ропотомъ, и вдругъ неподвижно затихли, нервно и сторожко вытянувшись.

Шульговича не было видно. Опять докатился его зычный, разливающійся голосъ:

— Полкъ, на плечо-о-о!..

Четверо батальонныхъ командировъ, повернувшись на лошадяхъ къ своимъ частямъ, скомандовали вразбродъ:

— Батальонъ, на пле...

и напряженно впились глазами въ полкового командира.

Гдѣ-то далеко впереди полка сверкнула въ воздухѣ и опустилась внизъ шашка. Это былъ сигналъ для общей команды, и четверо батальонныхъ командировъ разомъ вскрикнули:

— ...чо!

Полкъ съ глухимъ дребезгомъ нестройно вскинулъ ружья. Гдѣ-то залязгали штыки.

Тогда Шульговичъ, преувеличенно растягивая слова, торжественно, сурово, радостно и громко, во всю мочь своихъ огромныхъ легкихъ, скомандовалъ:

— Къ це-ре-мо-ні-аль-но-му маршу-у!..

Теперь уже всѣ шестнадцать ротныхъ командировъ невпопадъ и фальшиво разными голосами запѣли:

— Къ церемоніальному маршу!

И гдѣ-то, въ хвостѣ колонны, одинъ отставшій ротный крикнулъ, уже послѣ другихъ, заплетающимся и стыдливымъ голосомъ, не договаривая команды:

— Къ церіальному...—и тотчасъ же робко оборвался.

— Попо-лу-ротна-а!—раскатился Шульговичъ.

— Пополуротно!—тотчасъ же подхватили ротные.

— На двух-взво-одную дистанцію!—заливался Шульговичъ.

— На двухвзводную дистанцію!.

— Ра-вненіе на-права-а!

— Равненіе направо! — повторило многоголосое пестрое эхо.

Шульговичъ выждалъ двѣ-три секунды и отрывисто бросилъ:

— Первая полурота—шагомъ!

Глухо доносясь сквозь плотные ряды, низко стелясь по самой землѣ, раздалась впереди густая команда Осадчаго:

— Пер-рвая полурота. Равненіе направо. Шагомъ... аршъ!

Дружно загрохотали впереди полковые барабанщики. Видно было сзади, какъ отъ наклоннаго лѣса штыковъ отдѣлилась правильная длинная линія и равномѣрно закачалась въ воздухѣ.

— Вторая полурота, прямо!—услыхалъ Ромашовъ высокій, бабій голосъ Арчаковскаго.

И другая линія штыковъ, уходя, заколебалась. Звукъ барабановъ становился все тупѣе и тише, точно онъ опускался внизъ, подъ землю, и вдругъ на него налетѣла, смявъ и поваливъ его, веселая, сіяющая, рѣзко красивая волна оркестра. Это подхватила темпъ полковая музыка, и весь полкъ сразу ожилъ и подтянулся: головы поднялись выше, выпрямились стройнѣе тѣла, прояснились сѣрыя, усталыя лица.

Одна за другой отходили полуроты, и съ каждымъ разомъ все ярче, возбужденнѣй и радостнѣй становились звуки полкового марша. Вотъ отхлынула послѣдняя полурота перваго батальона. Подполковникъ Лехъ двинулся впередъ на костлявой вороной лошади, въ сопровожденіи Олизара. У обоихъ шашки «подвысь» съ кистью руки на уровнѣ лица. Слышна спокойная и, какъ всегда, небрежная команда Стельковскаго. Высоко надъ штыками плавно заходило древко знамени. Капитанъ Слива вышелъ впередъ—сгорбленный, обрюзгшій, оглядывая строй водянистыми выпученными глазами, длиннорукій, похожій на большую, старую, скучную обезьяну.

— П-первая полурота... п-прямо!

Легкимъ и лихимъ шагомъ выходитъ Ромашовъ передъ серединой своей полуроты. Что-то блаженное, красивое и гордое растетъ въ его душѣ. Быстро скользитъ онъ глазами по лицамъ первой шеренги. «Старый рубака обвелъ своихъ ветерановъ соколинымъ взоромъ»,—мелькаетъ

у него въ головѣ пышная фраза, въ то время, когда онъ самъ тянетъ лихо, нараспѣвъ:

— Втор-ая полуро-ота-а...

«Разъ, два!»—считаетъ Ромашовъ мысленно и держитъ тактъ одними носками сапогъ. «Нужно подъ лѣвую ногу. Лѣвой, правой». И съ счастливымъ лицомъ, забросивъ назадъ голову, онъ выкрикиваетъ высокимъ, звенящимъ на все поле теноромъ:

— Пряма!

И, уже повернувшись, точно на пружинѣ, на одной ногѣ, онъ, не оборачиваясь назадъ, добавляетъ пѣвуче и двумя тонами ниже:

— Ра-авне-ніе направа-а!

Красота момента опьяняетъ его. На секунду ему кажется, что это музыка обдаетъ его волнами такого жгучаго, ослѣпительнаго свѣта, и что мѣдные, ликующіе крики падаютъ сверху, съ неба, изъ солнца. Какъ и давеча, при встрѣчѣ,—сладкій, дрожащій холодъ бѣжитъ по его тѣлу, и дѣлаетъ кожу жесткой, и приподымаетъ и шевелитъ волосы на головѣ.

Дружно, въ тактъ музыкѣ, закричала пятая рота, отвѣчая на похвалу генерала. Освобожденные отъ живой преграды изъ человѣческихъ тѣлъ, точно радуясь свободѣ, громче и веселѣе побѣжали навстрѣчу Ромашову яркіе звуки марша. Теперь подпоручикъ совсѣмъ отчетливо видитъ впереди и справа отъ себя грузную фигуру генерала на сѣрой лошади, неподвижную свиту сзади него, а еще дальше разноцвѣтную группу дамскихъ платьевъ, которыя въ ослѣпительномъ полуденномъ свѣтѣ кажутся какими-то сказочными, горящими цвѣтами. А слѣва блестятъ золотыя поющія трубы оркестра, и Ромашовъ чувствуетъ, что между генераломъ и музыкой протянулась невидимая волшебная нить, которую и радостно и жутко перейти.

Но первая полурота уже вступила въ эту черту.

— Хорошо, ребята!—слышится довольный голосъ корпуснаго командира.—А-а-а-а!—подхватываютъ солдаты высокими, счастливыми голосами. Еще громче вырываются впередъ звуки музыки. «О, милый! — съ умиленіемъ думаетъ Ромашовъ о генералѣ.—Умница!»

Теперь Ромашовъ одинъ. Плавно и упруго, едва касаясь ногами земли, приближается онъ къ завѣтной чертѣ. Голова его дерзко закинута назадъ и съ гордымъ вызовомъ обращена влѣво. Во всемъ тѣлѣ у него такое ощущеніе легкости и свободы, точно онъ получилъ неожиданную способность летать. И, сознавая себя предметомъ общаго восхищенія, прекраснымъ центромъ всего міра, онъ говоритъ самъ себѣ въ какомъ-то радужномъ, восторженномъ снѣ:

«Посмотрите, посмотрите,—это идетъ Ромашовъ». «Глаза дамъ сверкали восторгомъ». Разъ, два, лѣвой!.. «Впереди полуроты граціозной походкой шелъ красивый молодой подпоручикъ». Лѣвой, правой!.. «Полковникъ Шульговичъ, вашъ Ромашовъ одна прелесть,—сказалъ корпусный командиръ:—я бы хотѣлъ имѣть его своимъ адъютантомъ». Лѣвой...

Еще секунда, еще мгновеніе—и Ромашовъ пересѣкаетъ очарованную нить. Музыка звучитъ безумнымъ, героическимъ, огненнымъ торжествомъ. «Сейчасъ похвалитъ»,—думаетъ Ромашовъ, и душа его полна праздничнымъ сіяніемъ. Слышенъ голосъ корпуснаго командира, вотъ голосъ Шульговича, еще чьи-то голоса... «Конечно, генералъ похвалилъ, но отчего же солдаты не отвѣчали? Кто-то кричитъ сзади, изъ рядовъ... Что случилось?»

Ромашовъ обернулся назадъ и поблѣднѣлъ. Вся его полурота вмѣсто двухъ прямыхъ, стройныхъ линій представляла изъ себя безобразную, изломанную по всѣмъ направленіямъ, стѣснившуюся, какъ овечье стадо, толпу.

Это случилось отъ того, что подпоручикъ, упоенный своимъ восторгомъ и своими пылкими мечтами, самъ не замѣтилъ того, какъ шагъ за шагомъ передвигался отъ середины вправо, насѣдая въ то же время на полуроту, и наконецъ очутился на ея правомъ флангѣ, смявъ и разстроивъ общее движеніе. Все это Ромашовъ увидѣлъ и понялъ въ одно короткое, какъ мысль, мгновеніе, такъ же, какъ увидѣлъ и рядового Хлѣбникова, который ковылялъ одинъ, шагахъ въ двадцати за строемъ, какъ разъ на глазахъ генерала. Онъ упалъ на ходу и теперь, весь въ пыли, догонялъ свою полуроту, низко согнувшись подъ тяжестью амуниціи, точно бѣжа на четверенькахъ, держа въ одной рукѣ ружье за середину, а другой рукой безпомощно вытирая носъ.

Ромашову вдругъ показалось, что сіяющій майскій день сразу потемнѣлъ, что на его плечи легла мертвая, чужая тяжесть, похожая на песчаную гору, и что музыка заиграла скучно и глухо. И самъ онъ почувствовалъ себя маленькимъ, слабымъ, некрасивымъ, съ вялыми движеніями, съ грузными, неловкими, заплетающимися ногами.

Къ нему уже летѣлъ карьеромъ полковой адъютантъ. Лицо Федоровскаго было красно и перекошено злостью, нижняя челюсть прыгала. Онъ задыхался отъ гнѣва и отъ быстрой скачки. Еще издали онъ началъ яростно кричать, захлебываясь и давясь словами:

— Подпоручикъ... Ромашовъ... Командиръ полка объявляетъ вамъ... стройжайшій выговоръ... На семь дней... на гауптвахту... въ штабъ дивизіи... Безобразіе, скандалъ... Весь полкъ о . . . . . и!.. Мальчишка!

Ромашовъ не отвѣчалъ ему, даже не повернулъ къ нему головы. Что жъ, конечно, онъ имѣетъ право браниться! Вотъ и солдаты слышали, какъ адъютантъ кричалъ на него. «Ну, что жъ, и пускай слышали, такъ мнѣ и надо, и пускай,—съ острой ненавистью къ самому

себѣ подумалъ Ромашовъ.—Все теперь пропало для меня. Я застрѣлюсь. Я опозоренъ навѣки. Все, все пропало для меня. Я смѣшной, я маленькій, у меня блѣдное, некрасивое лицо, какое-то нелѣпое лицо, противнѣе всѣхъ лицъ на свѣтѣ. Все пропало! Солдаты идутъ сзади меня, смотрятъ мнѣ въ спину и смѣются, и подталкиваютъ другъ друга локтями. А можетъ-быть, жалѣютъ меня? Нѣтъ, я непремѣнно, непремѣнно застрѣлюсь!»

Полуроты, отходя довольно далеко отъ корпуснаго командира, одна за другой заворачивали лѣвымъ плечомъ и возвращались на прежнее мѣсто, откуда онѣ начали движеніе. Тутъ ихъ перестраивали въ развернутый ротный строй. Пока подходили заднія части, людямъ позволили стоять вольно, а офицеры сошли съ своихъ мѣстъ, чтобы размяться и покурить изъ рукава. Одинъ Ромашовъ оставался въ серединѣ фронта, на правомъ флангѣ своей полуроты. Концомъ обнаженной шашки онъ сосредоточенно ковырялъ землю у своихъ ногъ и хотя не подымалъ опущенной головы, но чувствовалъ, что со всѣхъ сторонъ на него устремлены любопытные, насмѣшливые и презрительные взгляды.

Капитанъ Слива прошелъ мимо Ромашова и, не останавливаясь, не глядя на него, точно разговаривая самъ съ собою, проворчалъ хрипло, со сдержанной злобой, сквозь сжатые зубы:

— С-сегодня же из-звольте подать рапорть о п-переводѣ въ другую роту.

Потомъ подошелъ Вѣткинъ. Въ его свѣтлыхъ, добрыхъ глазахъ и въ углахъ опустившихся губъ Ромашовъ прочелъ то брезгливое и жалостное выраженіе, съ какимъ люди смотрятъ на раздавленную поѣздомъ собаку. И въ то же время самъ Ромашовъ, съ отвращеніемъ почувствовалъ у себя на лицѣ какую-то безсмысленную, тусклую улыбку.

— Пойдемъ, покуримъ, Юрій Алексѣичъ, — сказалъ Вѣткинъ.

И, чмокнувъ языкомъ и качнувъ головой, онъ прибавилъ съ досадой:

— Эхъ, голубчикъ!..

У Ромашова затрясся подбородокъ, а въ гортани стало горько и тѣсно. Едва удерживаясь отъ рыданій, онъ отвѣтилъ обрывающимся, задушеннымъ голосомъ обиженнаго ребенка:

— Нѣтъ ужъ... что̀ ужъ тутъ... я не хочу...

Вѣткинъ отошелъ въ сторону. «Вотъ возьму сейчасъ, подойду и ударю Сливу по щекѣ,—мелькнула у Ромашова ни съ того ни съ сего отчаянная мысль.—Или подойду къ корпусному и скажу: «Стыдно тебѣ, старому человѣку, играть въ солдатики и мучить людей. Отпусти ихъ отдохнуть. Изъ-за тебя двѣ недѣли били солдатъ».

Но вдругъ ему вспомнились его недавнія горделивыя мечты о стройномъ красавцѣ-подпоручикѣ, о дамскомъ восторгѣ, объ удовольствіи въ глазахъ боевого генерала,—и ему стало такъ стыдно, что онъ мгновенно покраснѣлъ не только лицомъ, но даже грудью и спиной.

«Ты смѣшной, презрѣнный, гадкій человѣкъ! — крикнулъ онъ самому себѣ мысленно.—Знайте же всѣ, что я сегодня застрѣлюсь!»

Смотръ кончался. Роты еще нѣсколько разъ продефилировали передъ корпуснымъ командиромъ: сначала поротно шагомъ, потомъ бѣгомъ, затѣмъ сомкнутой колонной съ ружьями на перевѣсъ. Генералъ какъ будто смягчился немного и нѣсколько разъ похвалилъ солдатъ. Было уже около четырехъ часовъ. Наконецъ полкъ остановился, и приказали людямъ стоять вольно. Штабъ-горнистъ затрубилъ «вызовъ начальниковъ».

— Господа офицеры, къ корпусному командиру!—пронеслось по рядамъ.

Офицеры вышли изъ строя и сплошнымъ кольцомъ окружили корпуснаго командира. Онъ сидѣлъ на лошади, сгорбившись, опустившись, повидимому, сильно утомленный, но его умные, прищуренные, опухшіе глаза живо и насмѣшливо глядѣли сквозь золотыя очки.

— Буду кратокъ,—заговорилъ онъ отрывисто и вѣско.—Полкъ никуда не годенъ. Солдатъ не браню, обвиняю начальниковъ. Кучеръ плохъ—и лошади не везутъ. Не вижу въ васъ сердца, разумнаго пониманія заботы о людяхъ. Помните твердо: «Блаженъ, иже душу свою положитъ за други своя». А у васъ одна мысль—лишь бы угодить на смотру начальству. Людей завертѣли, какъ извозчичьихъ лошадей. Офицеры имѣютъ запущенный и дикій видъ, какіе-то дьячки въ мундирахъ. Впрочемъ, объ этомъ прочтете въ моемъ приказѣ. Одинъ прапорщикъ, кажется, шестой или седьмой роты, потерялъ равненіе и сдѣлалъ изъ роты кашу. Стыдно! Не требую шагистики въ три темпа, но глазомѣръ и спокойствіе прежде всего.

«Обо мнѣ!»—съ ужасомъ подумалъ Ромашовъ, и ему показалось, что всѣ стоящіе здѣсь одновременно обернулись на него. Но никто не пошевелился. Всѣ стояли молчаливые, понурые и неподвижные, не сводя глазъ съ лица генерала.

— Командиру пятой роты мое горячее спасибо!—продолжалъ корпусный командиръ.—Гдѣ вы, капитанъ? А, вотъ!—генералъ нѣсколько театрально, двумя руками поднялъ надъ головой фуражку, обнажилъ лысый мощный черепъ, сходящійся шишкой надъ лбомъ, и низко поклонился Стельковскому.—Еще разъ благодарю васъ и съ удовольствіемъ жму вашу руку. Если приведетъ Богъ драться моему корпусу подъ моимъ начальствомъ,—глаза генерала заморгали и засвѣтились слезами:—то помните, капитанъ, первое опасное дѣло поручу вамъ. А теперь,

господа, мое почтеніе-съ. Вы свободны, радъ буду видѣть васъ въ другой разъ, но въ другомъ порядкѣ. Позвольте-ка дорогу коню.

— Ваше превосходительство, — выступилъ впередъ Шульговичъ:—осмѣлюсь предложить отъ имени общества господъ офицеровъ отобѣдать въ нашемъ собраніи. Мы будемъ...

— Нѣтъ, ужъ зачѣмъ!—сухо оборвалъ его генералъ.—Премного благодаренъ, я приглашенъ сегодня къ графу Ледоховскому.

Сквозь широкую дорогу, очищенную офицерами, онъ галопомъ поскакалъ къ полку. Люди сами, безъ приказанія, встрепенулись, вытянулись и затихли.

— Спасибо, N—цы!—твердо и привѣтливо крикнулъ генералъ.—Даю вамъ два дня отдыха. А теперь... — онъ весело возвысилъ голосъ:—по палаткамъ бѣгомъ маршъ! Ура!

Казалось, онъ этимъ короткимъ крикомъ сразу толкнулъ весь полкъ. Съ оглушительнымъ радостнымъ ревомъ кинулись полторы тысячи людей въ разныя стороны, и земля затряслась и загудѣла подъ ихъ ногами.

Ромашовъ отдѣлился отъ офицеровъ, толпою возвращавшихся въ городъ, и пошелъ дальней дорогой, черезъ лагерь. Онъ чувствовалъ себя въ эти минуты какимъ-то жалкимъ отщепенцемъ, выброшеннымъ изъ полковой семьи, какимъ-то непріятнымъ, чуждымъ для всѣхъ человѣкомъ, и даже не взрослымъ человѣкомъ, а противнымъ, порочнымъ и уродливымъ мальчишкой.

Когда онъ проходилъ сзади палатокъ своей роты, по офицерской линіи, то чей-то сдавленный, но гнѣвный крикъ привлекъ его вниманіе. Онъ остановился на минутку и въ просвѣтѣ между палатками увидѣлъ своего фельдфебеля Рыпду, маленькаго, краснолицаго, апопле-

ктическаго крѣпыша, который, неистово и скверно ругаясь, билъ кулаками по лицу Хлѣбникова. У Хлѣбникова было темное, глупое, растерянное лицо, а въ безсмысленныхъ глазахъ свѣтился животный ужасъ. Голова его жалко моталась изъ одной стороны въ другую, и слышно было, какъ при каждомъ ударѣ громко клацали другъ о друга его челюсти.

Ромашовъ торопливо, почти бѣгомъ, прошелъ мимо. У него не было силъ заступиться за Хлѣбникова. И въ то же время онъ болѣзненно почувствовалъ, что его собственная судьба и судьба этого несчастнаго, забитаго, замученнаго солдатика какъ-то странно, родственно-близко и противно сплелись за нынѣшній день. Точно они были двое калѣкъ, страдающихъ одной и той же болѣзнью и возбуждающихъ въ людяхъ одну и ту же брезгливость. И хотя это сознаніе одинаковости положеній и внушало Ромашову колючій стыдъ и отвращеніе, но въ немъ было также что-то необычайное, глубокое, истинно-человѣческое.

XVI.

Изъ лагеря въ городъ вела только одна дорога—черезъ полотно желѣзной дороги, которое въ этомъ мѣстѣ проходило въ крутой и глубокой выемкѣ. Ромашовъ по узкой, плотно утоптанной, почти отвѣсной тропинкѣ быстро сбѣжалъ внизъ и сталъ съ трудомъ взбираться по другому откосу. Еще съ середины подъема онъ замѣтилъ, что кто-то стоитъ наверху въ кителѣ и въ шинели въ накидку. Остановившись на нѣсколько секундъ и прищурившись, онъ узналъ Николаева.

«Сейчасъ будетъ самое непріятное!»—подумалъ Ромашовъ. Сердце у него тоскливо заныло отъ тревожнаго предчувствія. Но онъ все-таки покорно подымался кверху.

Офицеры не видались около пяти дней, но теперь они почему-то не поздоровались при встрѣчѣ, и почему-то Ромашовъ не нашелъ въ этомъ ничего необыкновеннаго, точно иначе и не могло случиться въ этотъ тяжелый, несчастный день. Ни одинъ изъ нихъ даже не прикоснулся рукой къ фуражкѣ.

— Я нарочно ждалъ васъ здѣсь, Юрій Алексѣичъ,— сказалъ Николаевъ, глядя куда-то въ даль, на лагерь, черезъ плечо Ромашова.

— Къ вашимъ услугамъ, Владимиръ Ефимычъ,—отвѣтилъ Ромашовъ съ фальшивой развязностью, но дрогнувшимъ голосомъ. Онъ нагнулся, сорвалъ прошлогоднюю, сухую, коричневую былинку и сталъ разсѣянно ее жевать. Въ то же время онъ пристально глядѣлъ, какъ въ пуговицахъ на пальто Николаева отражалась его собственная фигура, съ узкой, маленькой головкой и крошечными ножками, но безобразно раздутая въ бокахъ.

— Я васъ не задержу, мнѣ только два слова, —сказалъ Николаевъ.

Онъ произносилъ слова особенно мягко, съ усиленной вѣжливостью вспыльчиваго и разсерженнаго человѣка, рѣшившагося быть сдержаннымъ. Но такъ какъ разговаривать, избѣгая другъ друга глазами, становилось съ каждой секундой все болѣе неловко, то Ромашовъ предложилъ вопросительно:

— Такъ пойдемте?

Извилистая стежка, протоптанная пѣшеходами, пересѣкала большое свекловичное поле. Вдали виднѣлись бѣлые домики и красныя черепичныя крыши города. Офицеры пошли рядомъ, сторонясь другъ отъ друга и ступая по мясистой, густой, хрустѣвшей подъ ногами зелени. Нѣкоторое время оба молчали. Наконецъ Николаевъ, переведя широко и громко, съ видимымъ трудомъ, дыханіе, заговорилъ первый:

— Я прежде всего долженъ поставить вопросъ: относитесь ли вы съ должнымъ уваженіемъ къ моей женѣ... къ Александрѣ Петровнѣ?

— Я не понимаю, Владиміръ Ефимовичъ...—возразилъ Ромашовъ.—Я, съ своей стороны, тоже долженъ спросить васъ...

— Позвольте!—вдругъ загорячился Николаевъ. — Будемъ спрашивать поочередно, сначала я, а потомъ вы. А иначе мы не столкуемся. Будемте говорить прямо и откровенно. Отвѣтьте мнѣ прежде всего: интересуетъ васъ хоть сколько-нибудь то, что о ней говорятъ и сплетничаютъ? Ну, словомъ... чортъ!.. ея репутація? Нѣтъ, нѣтъ, подождите, не перебивайте меня... Вѣдь вы, надѣюсь, не будете отрицать того, что вы отъ нея и отъ меня не видѣли ничего, кромѣ хорошаго, и что вы были въ нашемъ домѣ приняты, какъ близкій, свой человѣкъ, почти какъ родной.

Ромашовъ оступился въ рыхлую землю, неуклюже споткнулся и пробормоталъ стыдливо:

— Повѣрьте, я всегда буду благодаренъ вамъ и Александрѣ Петровнѣ...

— Ахъ, нѣтъ, вовсе не въ этомъ дѣло, вовсе не въ этомъ. Я не ищу вашей благодарности, — разсердился Николаевъ.—Я хочу сказать только то, что моей жены коснулась грязная, лживая сплетня, которая... ну, то-есть, въ которую...—Николаевъ часто задышалъ и вытеръ лицо платкомъ.—Ну, словомъ, здѣсь замѣшаны и вы. Мы оба—я и она—мы получаемъ чуть ли не каждый день какія-то подлыя, хамскія анонимныя письма. Не стану вамъ ихъ показывать... мнѣ омерзительно это. И вотъ въ этихъ письмахъ говорится...—Николаевъ замялся на секунду.—Ну, да, чортъ!.. говорится о томъ, что вы—любовникъ Александры Петровны, и что... ухъ, какая подлость!.. Ну, и такъ далѣе... что у васъ еже-

дневно происходятъ какія-то тайныя свиданія, и будто бы весь полкъ объ этомъ знаетъ. Мерзость!

Онъ злобно заскрипѣлъ зубами и сплюнулъ.

— Я знаю, кто писалъ,—тихо сказалъ Ромашовъ, отворачиваясь въ сторону.

— Знаете?

Николаевъ остановился и грубо схватилъ Ромашова за рукавъ. Видно было, что внезапный порывъ гнѣва сразу разбилъ его искусственную сдержанность. Его воловьи глаза расширились, лицо налилось кровью, въ углахъ задрожавшихъ губъ выступила густая слюна. Онъ яростно закричалъ, весь наклоняясь впередъ и приближая свое лицо въ упоръ къ лицу Ромашова:

— Такъ какъ же вы смѣете молчать, если знаете! Въ вашемъ положеніи долгъ каждаго мало-мальски порядочнаго человѣка—заткнуть ротъ всякой сволочи. Слышите вы... армейскій донъ-жуанъ! Если вы честный человѣкъ, а не какая-нибудь...

Ромашовъ, блѣднѣя, посмотрѣлъ съ ненавистью въ глаза Николаеву. Ноги и руки у него вдругъ страшно отяжелѣли, голова сдѣлалась легкой и точно пустой, а сердце упало куда-то глубоко внизъ и билось тамъ огромными, болѣзненными толчками, сотрясая все тѣло.

— Я попрошу васъ не кричать на меня,—глухо и протяжно произнесъ Ромашовъ.—Говорите приличнѣе, я не позволю вамъ кричать.

— Я вовсе на васъ и не кричу,—все еще грубо, но понижая тонъ, возразилъ Николаевъ.—Я васъ только убѣждаю, хотя имѣю право требовать. Наши прежнія отношенія даютъ мнѣ это право. Если вы хоть сколько-нибудь дорожите чистымъ, незапятнаннымъ именемъ Александры Петровны, то вы должны прекратить эту травлю.

— Хорошо, я сдѣлаю все, что могу,—сухо отвѣтилъ Ромашовъ.

Онъ повернулся и пошелъ впередъ, по серединѣ тропинки. Николаевъ тотчасъ же догналъ его.

— И потомъ... только вы, пожалуйста, не сердитесь...— заговорилъ Николаевъ смягченно, съ оттѣнкомъ замѣшательства.—Ужъ разъ мы начали говорить, то лучше говорить все до конца... Не правда ли?

— Да?—полувопросительно произнесъ Ромашовъ.

— Вы сами видѣли, съ какимъ чувствомъ симпатіи мы къ вамъ относились, то-есть я и Александра Петровна. И если я теперь вынужденъ... Ахъ, да вы сами знаете, что въ этомъ паршивомъ городишкѣ нѣтъ ничего страшнѣе сплетни!

— Хорошо,—грустно отвѣтилъ Ромашовъ.—Я перестану у васъ бывать. Вѣдь вы объ этомъ хотѣли просить меня? Ну, хорошо. Впрочемъ, я и самъ рѣшилъ прекратить мои посѣщенія. Нѣсколько дней тому назадъ я зашелъ всего на пять минутъ, возвратить Александрѣ Петровнѣ ея книги, и, смѣю увѣрить васъ, это въ послѣдній разъ.

— Да... такъ вотъ...—сказалъ неопредѣленно Николаевъ и смущенно замолчалъ.

Офицеры въ эту минуту свернули съ тропинки на шоссе. До города оставалось еще шаговъ триста, и такъ какъ говорить было больше не о чемъ, то оба шли рядомъ, молча и не глядя другъ на друга. Ни одинъ не рѣшался—ни остановиться ни повернуть назадъ. Положеніе становилось съ каждой минутой все болѣе фальшивымъ и натянутымъ.

Наконецъ около первыхъ домовъ города имъ попался навстрѣчу извозчикъ. Николаевъ окликнулъ его.

— Да... такъ вотъ...—опять нелѣпо промолвилъ онъ, обращаясь къ Ромашову.—Итакъ, до свиданія, Юрій Алексѣевичъ.

Они не подали другъ другу рукъ, а только притро-

нулись къ козырькамъ. Но когда Ромашовъ глядѣлъ на удаляющійся въ пыли бѣлый, крѣпкій затылокъ Николаева, онъ вдругъ почувствовалъ себя такимъ оставленнымъ всѣмъ міромъ и такимъ внезапно одинокимъ, какъ будто отъ его жизни только-что отрѣзали что-то самое большое, самое главное.

Онъ медленно пошелъ домой. Гайнанъ встрѣтилъ его на дворѣ, еще издали дружелюбно и весело скаля зубы. Снимая съ подпоручика пальто, онъ все время улыбался отъ удовольствія и, по своему обыкновенію, приплясывалъ на мѣстѣ.

— Твоя не обѣдалъ?—спрашивалъ онъ съ участливой фамильярностью.—Небось, голодный? Сейчасъ побѣжу въ собранію, принесу тебѣ обѣдъ.

— Убирайся къ чорту!—визгливо закричалъ на него Ромашовъ.—Убирайся, убирайся, и не смѣй заходить ко мнѣ въ комнату. И, кто бы ни спрашивалъ—меня нѣтъ дома. Хоть бы самъ государь императоръ пришелъ.

Онъ легъ на постель и зарылся головой въ подушку, вцѣпившись въ нее зубами. У него горѣли глаза, что-то колючее, постороннее распирало и въ то же время сжимало горло, и хотѣлось плакать. Онъ жадно искалъ этихъ горячихъ и сладостныхъ слезъ, этихъ долгихъ, горькихъ, облегчающихъ рыданій. И онъ снова и снова нарочно вызывалъ въ воображеніи прошедшій день, сгущая всѣ нынѣшнія обидныя и позорныя происшествія, представляя себѣ самого себя, точно со стороны, оскорбленнымъ, несчастнымъ, слабымъ и заброшеннымъ, и жалостно умиляясь надъ собой. Но слезы не приходили.

Потомъ случилось что-то странное. Ромашову показалось, что онъ вовсе не спалъ, даже не задремалъ ни на секунду, а просто въ теченіе одного только момента лежалъ безъ мыслей, закрывъ глаза. И вдругъ онъ неожиданно засталъ себя бодрствующимъ, съ прежней то-

ской на душѣ. Но въ комнатѣ уже было темно. Оказалось, что въ этомъ непонятномъ состояніи умственнаго оцѣпенѣнія прошло болѣе пяти часовъ.

Ему захотѣлось ѣсть. Онъ всталъ, прицѣпилъ шашку, накинулъ шинель на плечи и пошелъ въ собраніе. Это было недалеко, всего шаговъ двѣсти, и туда Ромашовъ всегда ходилъ не съ улицы, а черезъ черный ходъ, какими-то пустырями, огородами и перелазами.

Въ столовой, въ бильярдной и на кухнѣ свѣтло горѣли лампы, и отъ того грязный, загроможденный дворъ офицерскаго собранія казался чернымъ, точно залитымъ чернилами. Окна были всюду раскрыты настежь. Слышался говоръ, смѣхъ, пѣніе, рѣзкіе удары бильярдныхъ шаровъ.

Ромашовъ уже взошелъ на заднее крыльцо, но вдругъ остановился, уловивъ въ столовой раздраженный и насмѣшливый голосъ капитана Сливы. Окно было въ двухъ шагахъ, и, осторожно заглянувъ въ него, Ромашовъ увидѣлъ сутуловатую спину своего ротнаго командира.

— В-вся рота идетъ, к-какъ одинъ ч-человѣкъ —ать! ать! ать!—говорилъ Слива, плавно подымая и опуская протянутую ладонь:—а о н о о д н о, точно насмѣхъ,—о!о!—якъ тотъ козелъ.—Онъ суетливо и безобразно ткнулъ нѣсколько разъ указательнымъ пальцемъ вверхъ.—Я ему п-прямо сказалъ б-безъ церемоніи: уходите-ка, п-почтеннѣйшій, въ друг-гую роту. А лучше бы вамъ и вовсе изъ п-полка уйти. Какой изъ васъ къ чорту офицеръ? Такъ, м-междометіе какое-то...

Ромашовъ зажмурилъ глаза и съежился. Ему казалось, что если онъ сейчасъ пошевелится, то всѣ сидящіе въ столовой замѣтятъ это и высунутся изъ оконъ. Такъ простоялъ онъ минуту или двѣ. Потомъ, стараясь дышать какъ можно тише, сгорбившись и спрятавъ голову въ плечи, онъ на цыпочкахъ двинулся вдоль стѣны, про-

шелъ, все ускоряя шагъ, до воротъ и, быстро перебѣжавъ освѣщенную луной улицу, скрылся въ густой тѣни противоположнаго забора.

Ромашовъ долго кружилъ въ этотъ вечеръ по городу, держась все время тѣневыхъ сторонъ, но почти не сознавая, по какимъ улицамъ онъ идетъ. Разъ онъ остановился противъ дома Николаевыхъ, который ярко бѣлѣлъ въ лунномъ свѣтѣ, холодно, глянцовито и странно сіяя своей зеленой металлической крышей. Улица была мертвенно-тиха, безлюдна и казалась незнакомой. Прямыя четкія тѣни отъ домовъ и заборовъ рѣзко дѣлили мостовую пополамъ—одна половина была совсѣмъ черная, а другая масляно блестѣла гладкимъ, круглымъ булыжникомъ.

За темно-красными плотными занавѣсками большимъ теплымъ пятномъ просвѣчивалъ свѣтъ лампы.—«Милая, неужели ты не чувствуешь, какъ мнѣ грустно, какъ я страдаю, какъ я люблю тебя!»—прошепталъ Ромашовъ, дѣлая плачущее лицо и крѣпко прижимая обѣ руки къ груди.

Ему вдругъ пришло въ голову заставить Шурочку, чтобы она услышала и поняла его на разстояніи, сквозь стѣны комнаты. Тогда, сжавъ кулаки такъ сильно, что подъ ногтями сдѣлалось больно, сцѣпивъ судорожно челюсти, съ ощущеніемъ холодныхъ мурашекъ по всему тѣлу, онъ сталъ твердить въ умѣ, страстно напрягая всю свою волю:

«Посмотри въ окно... Подойди къ занавѣскѣ. Встань съ дивана и подойди къ занавѣскѣ. Выгляни, выгляни, выгляни. Слышишь, я тебѣ приказываю, сейчасъ же подойди къ окну!»

Занавѣски оставались неподвижными.—«Ты не слышишь меня!—съ горькимъ упрекомъ прошепталъ Ромашовъ.—Ты сидишь теперь съ нимъ рядомъ, около лампы, спокой-

ная, равнодушная, красивая. Ахъ, Боже мой, Боже, какъ я несчастливъ!»

Онъ вздохнулъ и утомленной походкой, низко опустивъ голову, побрелъ дальше.

Онъ проходилъ и мимо квартиры Назанскаго, но тамъ было темно. Ромашову, правда, почудилось, что кто-то бѣлый мелькалъ по неосвѣщенной комнатѣ мимо оконъ, но ему стало почему-то страшно, и онъ не рѣшился окликнуть Назанскаго.

Спустя нѣсколько дней Ромашовъ вспоминалъ, точно далекое, никогда не забываемое сновидѣніе, эту фантастическую, почти бредовую прогулку. Онъ самъ не могъ бы сказать, какимъ образомъ очутился онъ около еврейскаго кладбища. Оно находилось за чертой города и взбиралось на гору, обнесенное низкой бѣлой стѣной, тихое и таинственное. Изъ свѣтлой спящей травы печально подымались кверху голые, однообразные, холодные камни, бросавшіе отъ себя одинаковыя, тонкія тѣни. А надъ кладбищемъ безмолвно и строго царствовала торжественная простота уединенія.

Потомъ онъ видѣлъ себя на другомъ концѣ города. Можетъ-быть, это и въ самомъ дѣлѣ было во снѣ? Онъ стоялъ на серединѣ длинной, укатанной, блестящей плотины, широко пересѣкающей Бугъ. Сонная вода густо и лѣниво колыхалась подъ его ногами, мелодично хлюпая о землю, а мѣсяцъ отражался въ ея зыбкой поверхности дрожащимъ столбомъ, и казалось, что это милліоны серебряныхъ рыбокъ плещутся на водѣ, уходя узкой дорожкой къ дальнему берегу, темному, молчаливому и пустынному. И еще запомнилъ Ромашовъ, что повсюду—и на улицахъ и за городомъ—шелъ за нимъ сладкій, нѣжно-вкрадчивый ароматъ цвѣтущей бѣлой акаціи.

Странныя мысли приходили ему въ голову въ эту ночь—одинокія мысли, то печальныя, то жуткія, то ме-

лочно, по-дѣтски, смѣшныя. Чаще же всего ему, точно неопытному игроку, проигравшему въ одинъ вечеръ все состояніе, вдругъ представлялось съ соблазнительной ясностью, что вовсе ничего не было непріятнаго, что красивый подпоручикъ Ромашовъ отлично прошелся въ церемоніальномъ маршѣ передъ генераломъ, заслужилъ общія похвалы, и что онъ самъ теперь сидитъ вмѣстѣ съ товарищами въ свѣтлой столовой офицерскаго собранія и хохочетъ, и пьетъ красное вино. Но каждый разъ эти мечты обрывались воспоминаніями о брани Федоровскаго, о язвительныхъ словахъ ротнаго командира, о разговорѣ съ Николаевымъ, и Ромашовъ снова чувствовалъ себя непоправимо опозореннымъ и несчастнымъ.

Тайный, внутренній инстинктъ привелъ его на то мѣсто, гдѣ онъ разошелся сегодня съ Николаевымъ. Ромашовъ въ это время думалъ о самоубійствѣ, но думалъ безъ рѣшимости и безъ страха, съ какимъ-то скрытымъ, пріятно-самолюбивымъ чувствомъ. Обычная, неугомонная фантазія растворила весь ужасъ этой мысли, украсивъ и расцвѣтивъ ее яркими картинами.

«Вотъ Гайнанъ выскочилъ изъ комнаты Ромашова. Лицо искажено испугомъ. Блѣдный, трясущійся, вбѣгаетъ онъ въ офицерскую столовую, которая полна народомъ. Всѣ невольно подымаются съ мѣстъ при его появленіи. «Ваше высокоблагородіе... подпоручикъ... застрѣлился!..»—съ трудомъ произноситъ Гайнанъ. Общее смятеніе. Лица блѣднѣютъ. Въ глазахъ отражается ужасъ. «Кто застрѣлился? Гдѣ? Какой подпоручикъ?»—«Господа, да вѣдь это денщикъ Ромашова! — узнаетъ кто-то Гайнана. — Это его черемисъ». Всѣ бѣгутъ на квартиру, нѣкоторые безъ шапокъ. Ромашовъ лежитъ на кровати. Лужа крови на полу, и въ ней валяется револьверъ Смита и Вессона, казеннаго образца... Сквозь толпу офицеровъ, наполнявшихъ маленькую комнату, съ трудомъ пробирается пол-

ковой докторъ Знойко. «Въ високъ!—произноситъ онъ тихо, среди общаго молчанія.—Все кончено». Кто-то замѣчаетъ вполголоса: «Господа, снимите же шапки!». Многіе крестятся. Вѣткинъ находитъ на столѣ записку, твердо написанную карандашомъ, и читаетъ ее вслухъ: «Прощаю всѣхъ, умираю по доброй волѣ, жизнь такъ тяжела и печальна! Сообщите поосторожнѣе матери о моей смерти. Георгій Ромашовъ». Всѣ переглядываются, и всѣ читаютъ въ глазахъ другъ у друга одну и ту же безпокойную, невысказанную мысль: «Это мы его убійцы!»

«Мѣрно покачивается гробъ подъ золотымъ парчевымъ покровомъ на рукахъ восьми товарищей. Всѣ офицеры идутъ слѣдомъ. Позади ихъ—шестая рота. Капитанъ Слива сурово хмурится. Доброе лицо Вѣткина распухло отъ слезъ, но теперь, на улицѣ, онъ сдерживаетъ себя. Лбовъ плачетъ навзрыдъ, не скрывая и не стыдясь своего горя,—милый, добрый мальчикъ! Глубокими, скорбными рыданіями несутся въ весеннемъ воздухѣ звуки похороннаго марша. Тутъ же и всѣ полковыя дамы и Шурочка. «Я его цѣловала!—думаетъ она съ отчаяніемъ.—Я его любила! Я могла бы его удержать, спасти!»—«Слишкомъ поздно!» —думаетъ въ отвѣтъ ей съ горькой улыбкой Ромашовъ.

«Тихо разговариваютъ между собой офицеры, идущіе за гробомъ. «Эхъ, какъ жаль бѣднягу! Вѣдь какой славный былъ товарищъ, какой прекрасный, способный офицеръ!.. Да... не понимали мы его!» Сильнѣе рыдаетъ похоронный маршъ: это—музыка Бетховена «На смерть героя». А Ромашовъ лежитъ въ гробу, неподвижный, холодный, съ вѣчной улыбкой на губахъ. На груди у него скромный букетъ фіалокъ,—никто не знаетъ, чья рука положила эти цвѣты. Онъ всѣхъ простилъ: и Шурочку, и Сливу, и Федоровскаго, и корпуснаго командира. Пусть

же не плачутъ о немъ. Онъ былъ слишкомъ чистъ и прекрасенъ для этой жизни! Ему будетъ лучше т а м ъ!»

Слезы выступили на глаза, но Ромашовъ не вытиралъ ихъ. Было такъ отрадно воображать себя оплакиваемымъ, несправедливо обиженнымъ!

Онъ шелъ теперь вдоль свекловичнаго поля. Низкая толстая ботва пестрѣла путанными бѣлыми и черными пятнами подъ ногами. Просторъ поля, освѣщеннаго луной, точно давилъ Ромашова. Подпоручикъ взобрался на небольшой земляной валикъ и остановился надъ желѣзнодорожной выемкой.

Эта сторона была вся въ черной тѣни, а на другую падалъ ярко-блѣдный свѣтъ, и, казалось, на ней можно было разсмотрѣть каждую травку. Выемка уходила внизъ, какъ темная пропасть; на днѣ ея слабо блестѣли отполированные рельсы. Далеко за выемкой бѣлѣли среди поля правильные ряды остроконечныхъ палатокъ.

Немного ниже гребня выемки, вдоль полотна, шелъ неширокій уступъ. Ромашовъ спустился къ нему и сѣлъ на траву. Отъ голода и усталости онъ чувствовалъ тошноту, вмѣстѣ съ ощущеніемъ дрожи и слабости въ ногахъ. Большое пустынное поле, внизу выемка — на половину въ тѣни, наполовину въ свѣтѣ, смутно-прозрачный воздухъ, росистая трава,—все было погружено въ чуткую, крадущуюся тишину, отъ которой гулко шумѣло въ ушахъ. Лишь изрѣдка на станціи вскрикивали маневрирующіе паровозы, и въ молчаніи этой странной ночи ихъ отрывистые свистки принимали живое, тревожное и угрожающее выраженіе.

Ромашовъ легъ на спину. Бѣлыя, легкія облака стояли неподвижно, и надъ нами быстро катился круглый мѣсяцъ. Пусто, громадно и холодно было наверху, и казалось, что все пространство отъ земли до неба наполнено вѣчнымъ ужасомъ и вѣчной тоской. «Тамъ —

Богъ!»—подумалъ Ромашовъ, и вдругъ, съ наивнымъ порывомъ скорби, обиды и жалости къ самому себѣ, онъ заговорилъ страстнымъ и горькимъ шопотомъ:

— Богъ! Зачѣмъ Ты отвернулся отъ меня? Я—маленькій, я—слабый, я—песчинка, что я сдѣлалъ Тебѣ дурного, Богъ? Ты вѣдь все можешь, Ты добрый, Ты все видишь,—зачѣмъ же Ты несправедливъ ко мнѣ, Богъ?

Но ему стало страшно, и онъ зашепталъ поспѣшно и горячо:

— Нѣтъ, нѣтъ, добрый, милый, прости меня, прости меня! Я не стану больше.—И онъ прибавилъ съ кроткой, обезоруживающей покорностью. — Дѣлай со мной все, что Тебѣ угодно. Я всему повинуюсь съ благодарностью.

Такъ онъ говорилъ, и въ то же время у него въ самыхъ тайникахъ души шевелилась лукаво-невинная мысль, что его терпѣливая покорность растрогаетъ и смягчитъ всевидящаго Бога, и тогда вдругъ случится чудо, отъ котораго все сегодняшнее—тягостное и непріятное—окажется лишь дурнымъ сномъ.

«Гдѣ ты ту-утъ?»—сердито и торопливо закричалъ паровозъ.

А другой подхватилъ низкимъ тономъ, протяжно и съ угрозой:

«Я—ва-асъ!»

Что-то зашуршало и мелькнуло на той сторонѣ выемки, на самомъ верху освѣщеннаго откоса. Ромашовъ слегка приподнялъ голову, чтобы лучше видѣть. Что-то сѣрое, безформенное, мало похожее на человѣка, спускалось сверху внизъ, едва выдѣляясь отъ травы въ призрачно-мутномъ свѣтѣ мѣсяца. Только по движенію тѣни да по легкому шороху осыпавшейся земли можно было услѣдить за нимъ.

Вотъ оно перешло черезъ рельсы. «Кажется — сол-

датъ?—мелькнула у Ромашова безпокойная догадка.—Во всякомъ случаѣ, это человѣкъ. Но такъ странно итти можетъ только лунатикъ или пьяный. Кто это?»

Сѣрый человѣкъ пересѣкъ рельсы и вошелъ въ тѣнь. Теперь стало совсѣмъ ясно видно, что это солдатъ. Онъ медленно и неуклюже взбирался наверхъ, скрывшись на нѣкоторое время изъ поля зрѣнія Ромашова. Но прошло двѣ-три минуты, и снизу начала медленно подыматься круглая стриженая голова безъ шапки.

Мутный свѣтъ прямо падалъ на лицо этого человѣка, и Ромашовъ узналъ лѣвофланговаго солдата своей полуроты—Хлѣбникова. Онъ шелъ съ обнаженной головой, держа шапку въ рукѣ, со взглядомъ, безжизненно устремленнымъ впередъ. Казалось, онъ двигался подъ вліяніемъ какой-то чужой, внутренней, таинственной силы. Онъ прошелъ такъ близко около офицера, что почти коснулся его полой своей шинели. Въ зрачкахъ его глазъ яркими, острыми точками отражался лунный свѣтъ.

— Хлѣбниковъ! Ты?—окликнулъ его Ромашовъ.

— Ахъ!—вскрикнулъ солдатъ и вдругъ, остановившись, весь затрепеталъ на одномъ мѣстѣ отъ испуга.

Ромашовъ быстро поднялся. Онъ увидѣлъ передъ собой мертвое, истерзанное лицо, съ разбитыми, опухшими, окровавленными губами, съ заплывшимъ отъ синяка глазомъ. При ночномъ невѣрномъ свѣтѣ слѣды побоевъ имѣли зловѣщій, преувеличенный видъ. И, глядя на Хлѣбникова, Ромашовъ подумалъ: «Вотъ этотъ самый человѣкъ вмѣстѣ со мной принесъ сегодня неудачу всему полку. Мы одинаково несчастны».

— Куда ты, голубчикъ? Что съ тобой?—спросилъ ласково Ромашовъ и, самъ не зная зачѣмъ, положилъ обѣ руки на плечи солдату.

Хлѣбниковъ поглядѣлъ на него растеряннымъ, дикимъ взоромъ, но тотчасъ же отвернулся. Губы его чмокнули,

медленно раскрылись, и изъ нихъ вырвалось короткое, безсмысленное хрипѣніе. Тупое, раздражающее ощущеніе, похожее на то, которое предшествуетъ обмороку, похожее на приторную щекотку, тягуче заныло въ груди и въ животѣ у Ромашова.

— Тебя били? Да? Ну, скажи же. Да? Сядь здѣсь, сядь со мною.

Онъ потянулъ Хлѣбникова за рукавъ внизъ. Солдатъ, точно складной манекенъ, какъ-то нелѣпо-легко и послушно упалъ на мокрую траву, рядомъ съ подпоручикомъ.

— Куда ты шелъ?—спросилъ Ромашовъ.

Хлѣбниковъ молчалъ, сидя въ неловкой позѣ съ нестественно выпрямленными ногами. Ромашовъ видѣлъ, какъ его голова постепенно, едва замѣтными толчками опускалась на грудь. Опять послышался подпоручику короткій хриплый звукъ, и въ душѣ у него шевельнулась жуткая жалость.

— Ты хотѣлъ убѣжать? Надѣнь же шапку. Послушай, Хлѣбниковъ, я теперь тебѣ не начальникъ, я самъ—несчастный, одинокій, убитый человѣкъ. Тебѣ тяжело? Больно? Поговори же со мной откровенно. Можетъ-быть, ты хотѣлъ убить себя?—спрашивалъ Ромашовъ безсвязнымъ шопотомъ.

Что-то щелкнуло и забурчало въ горлѣ у Хлѣбникова, но онъ продолжалъ молчать. Въ то же время Ромашовъ замѣтилъ, что солдатъ дрожитъ частой, мелкой дрожью: дрожала его голова, дрожали съ тихимъ стукомъ челюсти. На секунду офицеру сдѣлалось страшно. Эта безсонная лихорадочная ночь, чувство одиночества, ровный, матовый, неживой свѣтъ луны, чернѣющая глубина выемки подъ ногами, и рядомъ съ нимъ молчаливый, обезумѣвшій отъ побоевъ солдатъ — все, все представилось ему какимъ-то нелѣпымъ, мучительнымъ сновидѣ-

ніемъ, въ родѣ тѣхъ сновъ, которые, должно-быть, будутъ сниться людямъ въ самые послѣдніе дни міра. Но вдругъ приливъ теплаго, самозабвеннаго, безконечнаго состраданія охватилъ его душу. И, чувствуя свое личное горе маленькимъ и пустячнымъ, чувствуя себя взрослымъ и умнымъ въ сравненіи съ этимъ забитымъ, затравленнымъ человѣкомъ, онъ нѣжно и крѣпко обнялъ Хлѣбникова за шею, притянулъ къ себѣ и заговорилъ горячо, со страстной убѣдительностью:

— Хлѣбниковъ, тебѣ плохо? И мнѣ нехорошо, голубчикъ, мнѣ тоже нехорошо, повѣрь мнѣ. Я ничего не понимаю изъ того, что дѣлается на свѣтѣ. Все—какая-то дикая, безсмысленная, жестокая чепуха! Но надо терпѣть, мой милый, надо терпѣть... Это надо.

Низко склоненная голова Хлѣбникова вдругъ упала на колѣни Ромашову. И солдатъ, цѣпко обвивъ руками ноги офицера, прижавшись къ нимъ лицомъ, затрясся всѣмъ тѣломъ, задыхаясь и корчась отъ подавляемыхъ рыданій.

— Не могу больше... — лепеталъ Хлѣбниковъ безсвязно:—не могу я, баринъ, больше... Охъ, Господи... Бьютъ, смѣются... взводный денегъ проситъ, отдѣленный кричитъ... Гдѣ взять? Животъ у меня надорванный... еще мальчонкомъ надорвалъ... Кила у меня, баринъ. Охъ, Господи, Господи!

Ромашовъ близко нагнулся надъ головой, которая изступленно моталась у него на колѣняхъ. Онъ услышалъ запахъ грязнаго, нездороваго тѣла и немытыхъ волосъ и прокислый запахъ шинели, которой покрывались во время сна. Безконечная скорбь, ужасъ, непониманіе и глубокая, виноватая жалость переполнили сердце офицера и до боли сжали и стѣснили его. И, тихо склоняясь къ стриженой, колючей, грязной головѣ, онъ прошепталъ чуть слышно:

— Братъ мой!

Хлѣбниковъ схватилъ руку офицера, и Ромашовъ почувствовалъ на ней, вмѣстѣ съ теплыми каплями слезъ, холодное и липкое прикосновеніе чужихъ губъ. Но онъ не отнималъ своей руки и говорилъ простыя, трогательныя, успокоительныя слова, какія говоритъ взрослый обиженному ребенку.

Потомъ онъ самъ отвелъ Хлѣбникова въ лагерь. Пришлось вызывать дежурнаго по ротѣ унтеръ-офицера Шаповаленку. Тотъ вышелъ въ одномъ нижнемъ бѣльѣ, зѣвая, щурясь и почесывая себѣ то спину, то животъ.

Ромашовъ приказалъ ему сейчасъ же смѣнить Хлѣбникова съ дневальства. Шаповаленко пробовалъ-было возражать:

— Такъ что, ваше благородіе, имъ еще не подошла смѣна!..

— Не разговаривать!—крикнулъ на него Ромашовъ.— Скажешь завтра ротному командиру, что я такъ приказалъ... Такъ ты придешь завтра ко мнѣ?—спросилъ онъ Хлѣбникова, и тотъ молча отвѣтилъ ему робкимъ, благодарнымъ взглядомъ.

Медленно шелъ Ромашовъ вдоль лагеря, возвращаясь домой. Шопотъ въ одной изъ палатокъ заставилъ его остановиться и прислушаться. Кто-то полузадушеннымъ тягучимъ голосомъ разсказывалъ сказку:

— Во-отъ посылаетъ той самый чортъ до того солдата самаго своево главнаго вовшебника. Вотъ приходитъ той вовшебникъ и говоритъ: «Солдатъ, а солдатъ, я тебя зъѣмъ!» А солдатъ ему отвѣчаетъ и говоритъ: «Ни, ты меня не можешь зъѣсть, такъ что я и самъ вовшебникъ!»

Ромашовъ опять подошелъ къ выемкѣ. Чувство нелѣпости, сумбурности, непонятности жизни угнетало его. Остановившись на откосѣ, онъ поднялъ глаза вверхъ,

къ небу. Тамъ попрежнему былъ холодный просторъ и безконечный ужасъ. И почти неожиданно для самого себя, поднявъ кулаки надъ головою и потрясая ими, Ромашовъ закричалъ бѣшено:

— Ты! Старый обманщикъ! Если ты что-нибудь можешь и смѣешь, то... ну вотъ: сдѣлай такъ, чтобы я сейчасъ сломалъ себѣ ногу.

Онъ стремглавъ, закрывши глаза, бросился внизъ съ крутого откоса, двумя скачками перепрыгнулъ рельсы и, не останавливаясь, однимъ духомъ взобрался наверхъ. Ноздри у него раздулись, грудь порывисто дышала. Но въ душѣ у него вдругъ вспыхнула гордая, дерзкая и злая отвага.

XVII.

Съ этой ночи въ Ромашовѣ произошелъ глубокій душевный надломъ. Онъ сталъ уединяться отъ общества офицеровъ, обѣдалъ большею частью дома, совсѣмъ не ходилъ на танцовальные вечера въ собраніе и пересталъ пить. Онъ точно созрѣлъ, сдѣлался старше и серьезнѣе за послѣдніе дни, и самъ замѣчалъ это по тому грустному и ровному спокойствію, съ которымъ онъ теперь относился къ людямъ и явленіямъ. Нерѣдко по этому поводу вспоминались ему чьи-то давнымъ-давно слышанныя или читанныя имъ смѣшныя слова, что человѣческая жизнь раздѣляется на какіе-то «люстры»—въ каждомъ люстрѣ по семи лѣтъ—и что въ теченіе одного люстра совершенно мѣняется у человѣка составъ его крови и тѣла, его мысли, чувства и характеръ. А Ромашову недавно окончился 21-й годъ.

Солдатъ Хлѣбниковъ зашелъ къ нему, но лишь по второму напоминанію. Потомъ онъ сталъ заходить чаще. Первое время онъ напоминалъ своимъ видомъ голод-

ную, опаршивѣвшую, много битую собаку, пугливо отскакивающую отъ руки, протянутой съ лаской. Но вниманіе и доброта офицера понемногу согрѣли и оттаяли его сердце. Съ совѣстливой и виноватой жалостью узналъ Ромашовъ подробности о его жизни. Дома—мать съ пьяницей-отцомъ, съ полуидіотомъ-сыномъ и съ четырьмя малолѣтними дѣвчонками; землю у нихъ насильно и несправедливо отобралъ міръ; всѣ ютятся гдѣ-то въ выморочной избѣ изъ милости того же міра; старшіе работаютъ у чужихъ людей, младшіе ходятъ побираться. Денегъ изъ дома Хлѣбниковъ не получаетъ, а на вольныя работы его не берутъ по слабосилію. Безъ денегъ же, хоть самыхъ маленькихъ, тяжело живется въ солдатахъ: нѣтъ ни чаю ни сахару, не на что купить даже мыла, необходимо время отъ времени угощать взводнаго и отдѣленнаго водкой въ солдатскомъ буфетѣ, все солдатское жалованье — 22½ к. въ мѣсяцъ—идетъ на подарки этому начальству. Бьютъ его каждый день, смѣются надъ нимъ, издѣваются, назначаютъ не въ очередь на самыя тяжелыя и непріятныя работы.

Съ удивленіемъ, съ тоской и ужасомъ начиналъ Ромашовъ понимать, что судьба ежедневно и тѣсно сталкиваетъ его съ сотнями этихъ сѣрыхъ Хлѣбниковыхъ, изъ которыхъ каждый болѣетъ своимъ горемъ и радуется своимъ радостямъ, но что всѣ они обезличены и придавлены собственнымъ невѣжествомъ, общимъ рабствомъ, начальническимъ равнодушіемъ, произволомъ и насиліемъ. И ужаснѣе всего была мысль, что ни одинъ изъ офицеровъ, какъ до сихъ поръ и самъ Ромашовъ, даже и не подозрѣваетъ, что сѣрые Хлѣбниковы съ ихъ однообразно-покорными и обезсмысленными лицами—на самомъ дѣлѣ живые люди, а не механическія величины, называемыя ротой, батальономъ, полкомъ...

Ромашовъ кое-что сдѣлалъ для Хлѣбникова, чтобы

доставить ему маленькій заработокъ. Въ ротѣ замѣтили это необычайное покровительство офицера солдату. Часто Ромашовъ замѣчалъ, что въ его присутствіи унтеръ-офицеры обращались къ Хлѣбникову съ преувеличенной, насмѣшливой вѣжливостью и говорили съ нимъ нарочно слащавыми голосами. Кажется, объ этомъ зналъ и капитанъ Слива. По крайней мѣрѣ онъ иногда ворчалъ, обращаясь въ пространство:

— От-тъ из-звольте. Либералы п-пошли. Развращаютъ роту. Ихъ д-драть, подлецовъ, надо, а они с-сюсюкаютъ съ ними.

Теперь, когда у Ромашова оставалось больше свободы и уединенія, все чаще и чаще приходили ему въ голову непривычныя, странныя и сложныя мысли, въ родѣ тѣхъ, которыя такъ потрясли его мѣсяцъ тому назадъ, въ день его ареста. Случалось это обыкновенно послѣ службы, въ сумерки, когда онъ тихо бродилъ въ саду, подъ густыми засыпающими деревьями, и, одинокій, тоскующій, прислушивался къ гудѣнію вечернихъ жуковъ и глядѣлъ на спокойное, розовое, темнѣющее небо.

Эта новая внутренняя жизнь поражала его своей многообразностью. Раньше онъ не смѣлъ и подозрѣвать, какія радости, какая мощь и какой глубокій интересъ скрываются въ такой простой, обыкновенной вещи, какъ человѣческая мысль.

Онъ уже зналъ теперь твердо, что не останется служить въ арміи и непремѣнно уйдетъ въ запасъ, какъ только минуютъ три обязательныхъ года, которые ему надлежало отбыть за образованіе въ военномъ училищѣ. Но онъ никакъ не могъ себѣ представить, что онъ будетъ дѣлать, ставши штатскимъ. Поочередно онъ перебиралъ: акцизъ, желѣзную дорогу, коммерцію, думалъ быть управляющимъ имѣніемъ, поступить въ департаментъ. И тутъ впервые онъ съ изумленіемъ представилъ

себѣ все разнообразіе занятій и профессій, которымъ отдаются люди. «Откуда берутся,—думалъ онъ:—разныя смѣшныя, чудовищныя, нелѣпыя и грязныя спеціальности? Какимъ, напримѣръ, путемъ вырабатываетъ жизнь тюремщиковъ, акробатовъ, мозольныхъ операторовъ, палачей, золотарей, собачьихъ цырюльниковъ, жандармовъ, фокусниковъ, проститутокъ, банщиковъ, коноваловъ, могильщиковъ, педелей? Или, можетъ-быть, нѣтъ ни одной даже самой пустой, случайной, капризной, насильственной или порочной человѣческой выдумки, которая не нашла бы тотчасъ же исполнителя и слуги?»

Также поражало его,—когда онъ вдумывался поглубже,—то, что огромное большинство интеллигентныхъ профессій основано исключительно на недовѣріи къ человѣческой честности и такимъ образомъ обслуживаетъ человѣческіе пороки и недостатки. Иначе къ чему были бы повсюду необходимы конторщики, бухгалтеры, чиновники, полиція, таможня, контролеры, инспекторы и надсмотрщики—если бы человѣчество было совершенно?

Онъ думалъ также о священникахъ, докторахъ, педагогахъ, адвокатахъ и судьяхъ—обо всѣхъ этихъ людяхъ, которымъ, по роду ихъ занятій, приходится постоянно соприкасаться съ душами, мыслями и страданіями другихъ людей. И Ромашовъ съ недоумѣніемъ приходилъ къ выводу, что люди этой категоріи скорѣе другихъ черствѣютъ и опускаются, погружаясь въ халатность, въ холодную и мертвую формалистику, въ привычное и постыдное равнодушіе. Онъ зналъ, что существуетъ и еще одна категорія—устроителей внѣшняго, земного благополучія: инженеры, архитекторы, изобрѣтатели, фабриканты, заводчики. Но они, которые могли бы общими усиліями сдѣлать человѣческую жизнь изумительно прекрасной и удобной,—они служатъ только богатству. Надъ всѣми ими тяготѣетъ страхъ за свою шкуру, животная любовь

къ своимъ дѣтенышамъ и къ своему логовищу, боязнь жизни и отсюда трусливая привязанность къ деньгамъ. Кто же наконецъ устроитъ судьбу забитаго Хлѣбникова, накормитъ, выучитъ его и скажетъ ему: «Дай мнѣ твою руку, братъ».

Такимъ образомъ Ромашовъ неувѣренно, чрезвычайно медленно, но все глубже и глубже вдумывался въ жизненныя явленія. Прежде все казалось такимъ простымъ. Міръ раздѣлялся на двѣ неравныя части: одна—меньшая—офицерство, которое окружаетъ честь, сила, власть, волшебное достоинство мундира и вмѣстѣ съ мундиромъ почему-то и патентованная храбрость, и физическая сила, и высокомѣрная гордость; другая—огромная и безличная—штатскіе, иначе—шпаки, штафирки и рябчики; ихъ презирали; считалось молодечествомъ изругать или побить ни съ того ни съ сего штатскаго человѣка, потушить объ его носъ зажженную папироску, надвинуть ему на уши цилиндръ; о такимъ подвигахъ еще въ училищѣ разсказывали другъ другу съ восторгомъ желторотые юнкера. И вотъ теперь, отходя какъ будто въ сторону отъ дѣйствительности, глядя на нее откуда-то, точно изъ потайного угла, изъ щелочки, Ромашовъ начиналъ понемногу понимать, что вся военная служба, съ ея призрачной доблестью, создана жестокимъ, позорнымъ всечеловѣческимъ недоразумѣніемъ. «Какимъ образомъ можетъ существовать сословіе,—спрашивалъ самъ себя Ромашовъ:—которое въ мирное время, не принося ни одной крошечки пользы, поѣдаетъ чужой хлѣбъ и чужое мясо, одѣвается въ чужія одежды, живетъ въ чужихъ домахъ, а въ военное время—идетъ безсмысленно убивать и калѣчить такихъ же людей, какъ они сами?»

И все яснѣй и яснѣй становилась для него мысль, что существуютъ только три гордыхъ призванія человѣка: наука, искусство и свободный физическій трудъ. Съ но-

вой силой возобновились мечты о литературной работѣ. Иногда, когда ему приходилось читать хорошую книгу, проникнутую истиннымъ вдохновеніемъ, онъ мучительно думалъ: «Боже мой, вѣдь это такъ просто, я самъ это думалъ и чувствовалъ. Вѣдь и я могъ бы сдѣлать то же самое!» Его тянуло написать повѣсть или большой романъ, канвой къ которому послужили бы ужасъ и скука военной жизни. Въ умѣ все складывалось отлично,— картины выходили яркія, фигуры живыя, фабула развивалась и укладывалась въ прихотливо-правильный узоръ, и было необычайно весело и занимательно думать объ этомъ. Но, когда онъ принимался писать, выходило блѣдно, по-дѣтски вяло, неуклюже, напыщенно или шаблонно. Пока онъ писалъ,—горячо и быстро, — онъ самъ не замѣчалъ этихъ недостатковъ, но стоило ему рядомъ съ своими страницами прочитать хоть маленькій отрывокъ изъ великихъ русскихъ творцовъ, какъ имъ овладѣвали безсильное отчаяніе, стыдъ и отвращеніе къ своему искусству.

Съ такими мыслями онъ часто бродилъ теперь по городу въ теплыя ночи конца мая. Незамѣтно для самого себя онъ избиралъ все одну и ту же дорогу—отъ еврейскаго кладбища до плотины и затѣмъ къ желѣзнодорожной насыпи. Иногда случалось, что, увлеченный этой новой для него страстной головной работой, онъ не замѣчалъ пройденнаго пути, и вдругъ, приходя въ себя и точно просыпаясь, онъ съ удивленіемъ видѣлъ, что находится на другомъ концѣ города.

И каждую ночь онъ проходилъ мимо оконъ Шурочки, проходилъ по другой сторонѣ улицы, крадучись, сдерживая дыханіе, съ бьющимся сердцемъ, чувствуя себя такъ, какъ будто онъ совершаетъ какое-то тайное, постыдное воровское дѣло. Когда въ гостиной у Николаевыхъ тушили лампу, и тускло блестѣли отъ мѣсяца чер-

ныя стекла оконъ, онъ притаивался около забора, прижималъ крѣпко къ груди руки и говорилъ умоляющимъ шопотомъ:

— Спи, моя прекрасная, спи, любовь моя. Я—возлѣ, я стерегу тебя!

Въ эти минуты онъ чувствовалъ у себя на глазахъ слезы, но въ душѣ его, вмѣстѣ съ нѣжностью, съ умиленіемъ и съ самоотверженной преданностью, ворочалась слѣпая животная ревность созрѣвшаго самца.

Однажды Николаевъ былъ приглашенъ къ командиру полка на винтъ. Ромашовъ зналъ это. Ночью, идя по улицѣ, онъ услышалъ за чьимъ-то заборомъ, изъ палисадника, пряный и страстный запахъ нарциссовъ. Онъ перепрыгнулъ черезъ заборъ и въ темнотѣ нарвалъ съ грядки, перепачкавъ руки въ сырой землѣ, цѣлую охапку этихъ бѣлыхъ, нѣжныхъ, мокрыхъ цвѣтовъ.

Окно въ Шурочкиной спальнѣ было открыто; оно выходило во дворъ и было не освѣщено. Со смѣлостью, которой онъ самъ отъ себя не ожидалъ, Ромашовъ проскользнулъ въ скрипучую калитку, подошелъ къ стѣнѣ и бросилъ цвѣты въ окно. Ничто не шелохнулось въ комнатѣ. Минуты три Ромашовъ стоялъ и ждалъ, и біеніе его сердца наполняло стукомъ всю улицу. Потомъ, съежившись, краснѣя отъ стыда, онъ на цыпочкахъ вышелъ на улицу.

На другой день онъ получилъ отъ Шурочки короткую сердитую записку:

«Не смѣйте никогда больше этого дѣлать. Нѣжности во вкусѣ Ромео и Джульетты смѣшны, особенно если онѣ происходятъ въ пѣхотномъ армейскомъ полку».

Днемъ Ромашовъ старался, хоть издали, увидать ее на улицѣ, но этого почему-то не случалось. Часто, увидавъ издали женщину, которая фигурой, походкой, шляпкой напоминала ему Шурочку, онъ бѣжалъ за ней со стѣсненнымъ сердцемъ, съ прерывающимся дыханіемъ,

чувствуя, какъ у него руки отъ волненія дѣлаются холодными и влажными. И каждый разъ, замѣтивъ свою ошибку, онъ ощущалъ въ душѣ скуку, одиночество и какую-то мертвую пустоту.

XVIII.

Въ самомъ концѣ мая въ ротѣ капитана Осадчаго повѣсился молодой солдатъ и, по странному расположенію судьбы, повѣсился въ то же самое число, въ которое въ прошломъ году произошелъ въ этой ротѣ такой же случай. Когда его вскрывали, Ромашовъ былъ помощникомъ дежурнаго по полку и поневолѣ вынужденъ былъ присутствовать при вскрытіи. Солдатъ еще не успѣлъ разложиться. Ромашовъ слышалъ, какъ изъ его развороченнаго на куски тѣла шелъ густой запахъ сырого мяса, точно отъ тушъ, которыя выставляютъ при входѣ въ мясныя лавки. Онъ видѣлъ его сѣрыя и синія ослизлыя глянцовитыя внутренности, видѣлъ содержимое его желудка, видѣлъ его мозгъ—сѣро-желтый, весь въ извилинахъ, вздрагивавшій на столѣ отъ шаговъ, какъ желе, перевернутое изъ формы. Все это было ново, страшно и противно и въ то же время вселяло въ него какое-то брезгливое неуваженіе къ человѣку.

Изрѣдка, время отъ времени, въ полку наступали дни какого-то общаго, повальнаго, безобразнаго кутежа. Можетъ-быть, это случалось въ тѣ странные моменты, когда люди, случайно между собой связанные, но всѣ вмѣстѣ осужденные на скучную бездѣятельность и безсмысленную жестокость, вдругъ прозрѣвали въ глазахъ другъ у друга, тамъ, далеко, въ запутанномъ и угнетенномъ сознаніи, какую-то таинственную искру ужаса, тоски и безумія. И тогда спокойная, сытая, какъ у племенныхъ быковъ, жизнь точно выбрасывалась изъ своего русла.

Такъ случилось и послѣ этого самоубійства. Первымъ началъ Осадчій. Какъ разъ подошло нѣсколько дней праздниковъ подъ рядъ, и онъ въ теченіе ихъ велъ въ собраніи отчаянную игру и страшно много пилъ. Странно: огромная воля этого большого, сильнаго и хищнаго, какъ звѣрь, человѣка увлекла за собой весь полкъ въ какую-то вертящуюся книзу воронку, и во все время этого стихійнаго, припадочнаго кутежа Осадчій съ цинизмомъ, съ наглымъ вызовомъ, точно ища отпора и возраженія, поносилъ сквернымъ словами имя самоубійцы.

Было шесть часовъ вечера. Ромашовъ сидѣлъ съ ногами на подоконникѣ и тихо насвистывалъ вальсъ изъ «Фауста». Въ саду кричали воробьи и стрекотали сороки. Вечеръ еще не наступилъ, но между деревьями уже бродили легкія задумчивыя тѣни.

Вдругъ у крыльца его дома чей-то голосъ запѣлъ громко, съ воодушевленіемъ, но фальшиво:

Бѣсятся кони, бренчатъ мундштуками,
Пѣнятся, рвутся, храпя-а-атъ...

Съ грохотомъ распахнулись обѣ входныя двери, и въ комнату ввалился Вѣткинъ. Съ трудомъ удерживая равновѣсіе, онъ продолжалъ пѣть:

Барыни, барышни взоромъ отчаяннымъ
Вслѣдъ уходящимъ глядятъ.

Онъ былъ пьянъ, тяжело, угарно, со вчерашняго. Вѣки глазъ отъ безсонной ночи у него покраснѣли и набрякли. Шапка сидѣла на затылкѣ. Усы, еще мокрые, потемнѣли и висѣли внизъ двумя густыми сосульками, точно у моржа.

— Р-ромуальдъ! Анахоретъ сирійскій, дай я тебя лобзну!—завопилъ онъ на всю комнату.—Ну, чего ты киснешь? Пойдемъ, братъ. Тамъ весело: играютъ, поютъ. Пойдемъ!

Онъ крѣпко и продолжительно поцѣловалъ Ромашова въ губы, смочивъ его лицо своими усами.

— Ну, будетъ, будетъ, Павелъ Павловичъ,—слабо сопротивлялся Ромашовъ:—къ чему телячьи восторги?

— Другъ, руку твою! Институтка. Люблю въ тебѣ я прошлое страданье и юность улетѣвшую мою. Сейчасъ Осадчій такую вѣчную память вывелъ, что стекла задребезжали. Ромашевичъ, люблю я, братецъ, тебя! Дай я тебя поцѣлую, по-настоящему, по-русски, въ самыя губы.

Ромашову было противно опухшее лицо Вѣткина съ остеклянѣвшими глазами, былъ гадокъ запахъ, шедшій изъ его рта, прикосновеніе его мокрыхъ губъ и усовъ. Но онъ былъ всегда въ этихъ случаяхъ беззащитенъ и теперь только дѣланно и вяло улыбался.

— Постой, зачѣмъ я къ тебѣ пришелъ?..—кричалъ Вѣткинъ, икая и пошатываясь.—Что-то было важное... А, вотъ зачѣмъ. Ну, братъ, и выставилъ же я Бобетинскаго. Понимаешь—все до тла, до копеечки. Дошло до того, что онъ проситъ играть на запись! Ну, ужъ я тутъ ему говорю: «Нѣтъ ужъ, батенька, это атàнде-съ, не хотите ли чего-нибудь помягче-съ?» Тутъ онъ ставитъ револьверъ. На-ка вотъ, Ромашенко, погляди.—Вѣткинъ вытащилъ изъ брюкъ, выворотивъ при этомъ карманъ наружу, маленькій изящный револьверъ въ сѣромъ замшевомъ чехлѣ.—Это, братъ, системы Мервина. Я спрашиваю: во сколько ставишь?—Двадцать пять.—Десять!—Пятнадцать.—Ну, чортъ съ тобой! Поставилъ онъ рубль въ цвѣтъ и въ масть въ круглую. Бацъ, бацъ, бацъ, бацъ!—На пятомъ абцугѣ я его даму—чикъ! Здра-авствуйте, сто гусей. За нимъ еще что-то осталось. Великолѣпный револьверъ и патроны къ нему. На тебѣ, Ромашевичъ. Въ знакъ памяти и дружбы нѣжной дарю тебѣ сей револьверъ, и помни всегда прилежно, какой Вѣткинъ—храбрый офицеръ. На! Это стихи.

— Зачѣмъ это, Павелъ Павловичъ? Спрячьте.

— Что, ты думаешь, плохой револьверъ? Слона можно убить. Постой, мы сейчасъ попробуемъ. Гдѣ у тебя помѣщается твой рабъ? Я пойду, спрошу у него какую-нибудь доску. Эй, р-р-рабъ! Оруженосецъ!

Колеблющимися шагами онъ вышелъ въ сѣни, гдѣ обыкновенно помѣщался Гайнанъ, повозился тамъ немного и черезъ минуту вернулся, держа подъ правымъ локтемъ за голову бюстъ Пушкина.

— Будетъ, Павелъ Павловичъ, не стоитъ, — слабо останавливалъ его Ромашовъ.

— Э, чепуха! Какой-то шпакъ. Вотъ мы его сейчасъ поставимъ на табуретку. Стой смирно, каналья!—погрозился Вѣткинъ пальцемъ на бюстъ.—Слышишь? Я тебѣ задамъ!

Онъ отошелъ въ сторону, прислонился къ подоконнику рядомъ съ Ромашовымъ и взвелъ курокъ. Но при этомъ онъ такъ нелѣпо, такими пьяными движеніями размахивалъ револьверомъ въ воздухѣ, что Ромашовъ только испуганно морщился и часто моргалъ глазами, ожидая нечаяннаго выстрѣла.

Разстояніе было не болѣе восьми шаговъ. Вѣткинъ долго цѣлился, кружа дуломъ въ разныя стороны. Наконецъ онъ выстрѣлилъ, и на бюстѣ, на правой щекѣ, образовалась большая, неправильная черная дыра. Въ ушахъ у Ромашова зазвенѣло отъ выстрѣла.

— Видалъ миндалъ?—закричалъ Вѣткинъ. — Ну, такъ вотъ, на тебѣ, береги на память и помни мою любовь. А теперь надѣвай китель и айда въ собраніе. Дернемъ во славу русскаго оружія.

— Павелъ Павловичъ, право жъ, не стоитъ, право же, лучше не нужно,—безсильно умолялъ его Ромашовъ.

Но онъ не сумѣлъ отказаться: не находилъ для этого ни рѣшительныхъ словъ ни крѣпкихъ интонацій въ го-

лосѣ. И, мысленно браня себя за тряпичное безволіе, онъ вяло поплелся за Вѣткинымъ, который нетвердо, зигзагами шагалъ вдоль огородныхъ грядокъ, по огурцамъ и капустѣ.

Это былъ безпорядочный, шумный, угарный—поистинѣ сумасшедшій вечеръ. Сначала пили въ собраніи, потомъ поѣхали на вокзалъ пить глинтвейнъ, потомъ опять вернулись въ собраніе. Сначала Ромашовъ стѣснялся, досадовалъ на самого себя за уступчивость и испытывалъ то нудное чувство брезгливости и неловкости, которое ощущаетъ всякій свѣжій человѣкъ въ обществѣ пьяныхъ. Смѣхъ казался ему неестественнымъ, остроты—плоскими, пѣніе—фальшивымъ. Но красное горячее вино, выпитое имъ на вокзалѣ, вдругъ закружило его голову и наполнило ее шумнымъ и какимъ-то судорожнымъ весельемъ. Передъ глазами стала сѣрая завѣса изъ милліоновъ дрожащихъ песчинокъ, и все сдѣлалось удобно, смѣшно и понятно.

Часъ за часомъ пробѣгали какъ секунды, и только по тому, что въ столовой зажгли лампы, Ромашовъ смутно понялъ, что прошло много времени и наступила ночь.

— Господа, поѣдемте къ дѣвочкамъ, — предложилъ кто-то.—Поѣдемте всѣ къ Шлейфершѣ.

— Къ Шлейфершѣ, къ Шлейфершѣ. Ура!

И всѣ засуетились, загрохотали стульями, засмѣялись. Въ этотъ вечеръ все дѣлалось какъ-то само собой. У воротъ собранія уже стояли пароконные фаэтоны, но никто не зналъ, откуда они взялись. Въ сознаніи Ромашова уже давно появились черные сонные провалы, чередовавшіеся съ моментами особенно яркаго обостреннаго пониманія. Онъ вдругъ увидѣлъ себя сидящимъ въ экипажѣ рядомъ съ Вѣткинымъ. Впереди на скамейкѣ помѣщался кто-то третій, но лица его Ромашовъ никакъ не

могъ ночью разсмотрѣть, хотя и наклонялся къ нему, безсильно мотаясь туловищемъ влѣво и вправо. Лицо это казалось темнымъ и то суживалось въ кулачокъ, то растягивалось въ косомъ направленіи и было удивительно знакомо. Ромашовъ вдругъ засмѣялся и самъ точно со стороны услыхалъ свой тупой, деревянный смѣхъ.

— Врешь, Вѣткинъ, я знаю, братъ, куда мы ѣдемъ,— сказалъ онъ съ пьянымъ лукавствомъ.—Ты, братъ, меня везешь къ женщинамъ. Я, братъ, знаю.

Ихъ перегналъ, оглушительно стуча по камнямъ, другой экипажъ. Быстро и сумбурно промелькнули въ свѣтѣ фонарей гнѣдыя лошади, скакавшія нестройнымъ карьеромъ, кучеръ, неистово вертѣвшій надъ головой кнутомъ, и четыре офицера, которые съ крикомъ и свистомъ качались на своихъ сидѣньяхъ.

Сознаніе на минуту съ необыкновенной яркостью и точностью вернулось къ Ромашову. Да, вотъ онъ ѣдетъ въ то мѣсто, гдѣ нѣсколько женщинъ отдаютъ кому угодно свое тѣло, свои ласки и великую тайну своей любви. За деньги? На минуту? Ахъ, не все ли равно! Женщины! Женщины!—кричалъ внутри Ромашова какой-то дикій и сладкій, нетерпѣливый голосъ. Примѣшивалась къ нему, какъ отдаленный, чуть слышный звукъ, мысль о Шурочкѣ, но въ этомъ совпаденіи не было ничего низкаго, оскорбительнаго, а, наоборотъ, было что-то отрадное, ожидаемое, волнующее, отъ чего тихо и пріятно щекотало въ сердцѣ.

Вотъ онъ сейчасъ пріѣдетъ къ нимъ, еще неизвѣстнымъ, еще ни разу невиданнымъ, къ этимъ страннымъ, таинственнымъ, плѣнительнымъ существамъ—къ женщинамъ! И сокровенная мечта сразу станетъ явью, и онъ будетъ смотрѣть на нихъ, брать ихъ за руки, слушать ихъ нѣжный смѣхъ и пѣніе, и это будетъ непонятнымъ, но радостнымъ утѣшеніемъ въ той страстной жаждѣ, съ

которой онъ стремится къ одной женщинѣ въ мірѣ, къ ней, къ Шурочкѣ! Но въ мысляхъ его не было никакой опредѣленно-чувственной цѣли,—его, отвергнутаго одной женщиной, властно, стихійно тянуло въ сферу этой неприкрытой, откровенной, упрощенной любви, какъ тянетъ въ холодную ночь на огонь маяка усталыхъ и иззябшихъ перелетныхъ птицъ. И больше ничего.

Лошади повернули направо. Сразу прекратился стукъ колесъ и дребезжаніе гаекъ. Экипажъ сильно и мягко заколебался на колеяхъ и выбоинахъ, круто спускаясь подъ горку. Ромашовъ открылъ глаза. Глубоко внизу подъ его ногами, широко и въ безпорядкѣ разбросались маленькіе огоньки. Они то ныряли за деревья и невидимые дома, то опять выскакивали наружу, и казалось, что тамъ, по долинѣ, бродитъ большая, разбившаяся толпа, какая-то фантастическая процессія съ фонарями въ рукахъ. На мигъ откуда-то пахнуло тепломъ и запахомъ полыни, большая темная вѣтка зашелестѣла по головамъ, и тотчасъ же потянуло сырымъ холодомъ, точно дыханіемъ стараго погреба.

— Куда мы ѣдемъ?—спросилъ опять Ромашовъ.

— Въ Завалье!—крикнулъ сидѣвшій впереди, и Ромашовъ съ удивленіемъ подумалъ: «Ахъ, да, вѣдь это поручикъ Епифановъ. Мы ѣдемъ къ Шлейфершѣ».

— Неужели вы ни разу не были?—спросилъ Вѣткинъ.

— Убирайтесь вы оба къ чорту!—крикнулъ Ромашовъ.

Но Епифановъ смѣялся и говорилъ:

— Послушайте, Юрій Алексѣичъ, хотите, мы шепнемъ, что вы въ первый разъ въ жизни? А? Ну, миленькій, ну, душечка. Онѣ это любятъ. Что̀ вамъ сто̀итъ?

Опять сознаніе Ромашова заволоклось плотнымъ, непроницаемымъ мракомъ. Сразу, точно безъ малѣйшаго перерыва, онъ увидѣлъ себя въ большой залѣ съ паркетнымъ поломъ и съ вѣнскими стульями вдоль всѣхъ стѣнъ.

Надъ входной дверью и надъ тремя другими дверьми, ведущими въ темныя каморки, висѣли длинныя ситцевыя портьеры, красныя, въ желтыхъ букетахъ. Такія же занавѣски слабо надувались и колыхались надъ окнами, отворенными въ черную тьму двора. На стѣнахъ горѣли лампы. Было свѣтло, дымно, и пахло острой еврейской кухней, но по временамъ изъ оконъ доносился свѣжій запахъ мокрой зелени, цвѣтущей бѣлой акаціи и весенняго воздуха.

Офицеровъ пріѣхало около десяти. Казалось, что каждый изъ нихъ одновременно и пѣлъ, и кричалъ, и смѣялся. Ромашовъ, блаженно и наивно улыбаясь, бродилъ отъ одного къ другому, узнавая, точно въ первый разъ, съ удивленіемъ и съ удовольствіемъ: Бекъ-Агамалова, Лбова, Вѣткина, Епифанова, Арчаковскаго, Олизара и другихъ. Тутъ же былъ и штабсъ-капитанъ Лещенко; онъ сидѣлъ у окна со своимъ всегдашнимъ покорнымъ и унылымъ видомъ. На столѣ, точно сами собой, какъ и все было въ этотъ вечеръ, появились бутылки съ пивомъ и съ густой вишневой наливкой. Ромашовъ пилъ съ кѣмъ-то, чокался и цѣловался, и чувствовалъ, что руки и губы у него стали липкими и сладкими.

Тутъ было пять или шесть женщинъ. Одна изъ нихъ, по виду дѣвочка лѣтъ четырнадцати, одѣтая пажомъ, съ ногами въ розовомъ трико, сидѣла на колѣняхъ у Бекъ-Агамалова и играла шнурами его аксельбантовъ. Другая, крупная блондинка, въ красной шелковой кофтѣ и темной юбкѣ, съ большимъ, красивымъ, напудреннымъ лицомъ и круглыми, черными, широкими бровями, подошла къ Ромашову.

— Мужчина, что вы такой скучный? Пойдемте въ комнату,—сказала она низкимъ голосомъ.

Она бокомъ, развязно, сѣла на столъ, положивъ ногу на ногу. Ромашовъ увидѣлъ, какъ подъ платьемъ гладко

опредѣлилась ея круглая и мощная ляжка. У него задрожали руки и стало холодно во рту. Онъ спросилъ робко:

— Какъ васъ зовутъ?

— Меня? Мальвиной. — Она равнодушно отвернулась отъ офицера и заболтала ногами.—Угостите папиросочкой.

Откуда-то появились два музыканта-еврея: одинъ—со скрипкой, другой—съ бубномъ. Подъ докучный фальшивый мотивъ польки, сопровождаемый глухими дребезжащими ударами, Олизаръ и Арчаковскій стали плясать канканъ. Они скакали другъ передъ другомъ то на одной, то на другой ногѣ, прищелкивая пальцами вытянутыхъ рукъ, пятились назадъ, раскорячивъ согнутыя колѣни и заложивъ большіе пальцы подъ мышки, и съ грубо-циничными жестами вихляли бедрами, безобразно наклоняя туловище то впередъ, то назадъ. Вдругъ Бекъ-Агамаловъ вскочилъ со стула и закричалъ рѣзкимъ, высокимъ, изступленнымъ голосомъ:

— Къ чорту шпаковъ! Сейчасъ же вонъ! Фить!

Въ дверяхъ стояло двое штатскихъ—ихъ знали всѣ офицеры въ полку, такъ какъ они бывали на вечерахъ въ собраніи: одинъ—чиновникъ казначейства, а другой—братъ судебнаго пристава, мелкій помѣщикъ,—оба очень приличные молодые люди.

У чиновника была на лицѣ блѣдная насильственная улыбка, и онъ говорилъ искательнымъ тономъ, но стараясь держать себя развязно:

— Позвольте, господа... раздѣлить компанію. Вы же меня знаете, господа... Я же Дубецкій, господа... Мы, господа, вамъ не помѣшаемъ.

— Въ тѣснотѣ, да не въ обидѣ,—сказалъ братъ судебнаго пристава и захохоталъ напряженно.

— Во-онъ!—закричалъ Бекъ-Агамаловъ.—Маршъ!

— Господа, выставляйте шпаковъ!—захохоталъ Арчаковскій.

Поднялась суматоха. Все въ комнатѣ завертѣлось клубкомъ, застонало, засмѣялось, затопало. Запрыгали вверхъ, коптя, огненные язычки лампъ. Прохладный ночной воздухъ ворвался изъ оконъ и трепетно дохнулъ на лица. Голоса штатскихъ, уже на дворѣ, кричали съ безсильнымъ и злымъ испугомъ, жалобно, громко и слезливо:

— Я этого такъ тебѣ не оставлю! Мы командиру полка будемъ жаловаться. Я губернатору напишу. Опричники!

— У-лю-лю-лю-лю! Ату ихъ! — вопилъ тонкимъ фальцетомъ Вѣткинъ, высунувшись изъ окна.

Ромашову казалось, что всѣ сегодняшнія происшествія слѣдуютъ одно за другимъ безъ перерыва и безъ всякой связи, точно передъ нимъ разматывалась крикливая и пестрая лента съ уродливыми, нелѣпыми, кошмарными картинами. Опять однообразно завизжала скрипка, загудѣлъ и задрожалъ бубенъ. Кто-то безъ мундира, въ одной бѣлой рубашкѣ, плясалъ въ присядку посреди комнаты, ежеминутно падая назадъ и упираясь рукой въ полъ. Худенькая красивая женщина,—ея раньше Ромашовъ не замѣтилъ,—съ распущенными черными волосами и съ торчащими ключицами на открытой шеѣ, обнимала голыми руками печальнаго Лещенку за шею и, стараясь перекричать музыку и гомонъ, визгливо пѣла ему въ самое ухо:

Когда заболѣешь чахоткой навсегда,
Станешь блѣдный, какъ эта стѣна, —
Кругомъ тебя доктора.

Бобетинскій плескалъ пивомъ изъ стакана черезъ перегородку въ одну изъ темныхъ отдѣльныхъ каморокъ, а оттуда недовольный, густой, заспанный голосъ говорилъ ворчливо:

— Да, господа... да будетъ же. Кто это тамъ? Что за свинство!

— Послушайте, давно ли вы здѣсь?—спросилъ Ромашовъ женщину въ красной кофтѣ и воровато, какъ будто незамѣтно для себя, положилъ ладонь на ея крѣпкую, теплую ногу.

Она что-то отвѣтила, чего онъ не разслышалъ. Его вниманіе привлекла дикая сцена. Подпрапорщикъ Лбовъ гонялся по комнатѣ за однимъ изъ музыкантовъ и изо всей силы колотилъ его бубномъ по головѣ. Еврей кричалъ быстро и непонятно и, озираясь назадъ съ испугомъ, метался изъ угла въ уголъ, подбирая длинныя фалды сюртука. Всѣ смѣялись. Арчаковскій отъ хохота упалъ на полъ и со слезами на глазахъ катался во всѣ стороны. Потомъ послышался пронзительный вопль другого музыканта. Кто-то выхватилъ у него изъ рукъ скрипку и со страшной силой ударилъ ее объ землю. Дека ея разбилась въ дребезги, съ пѣвучимъ трескомъ, который странно слился съ отчаяннымъ крикомъ еврея. Потомъ для Ромашова настало нѣсколько минутъ темнаго забвенія. И вдругъ опять онъ увидѣлъ, точно въ горячечномъ снѣ, что всѣ, кто были въ комнатѣ, сразу закричали, забѣгали, замахали руками. Вокругъ Бекъ-Агамалова быстро и тѣсно сомкнулись люди, но тотчасъ же они широко раздались, разбѣжались по всей комнатѣ.

— Всѣ вонъ отсюда! Никого не хочу!—бѣшено кричалъ Бекъ-Агамаловъ.

Онъ скрежеталъ, потрясалъ предъ собой кулаками и топалъ ногами. Лицо у него сдѣлалось малиновымъ, на лбу вздулись, какъ шнурки, двѣ жилы, сходящіяся къ носу, голова была низко и грозно опущена, а въ выкатившихся глазахъ страшно сверкали обнажившіеся круглые бѣлки.

Онъ точно потерялъ человѣческія слова и ревѣлъ, какъ взбѣсившійся звѣрь, ужаснымъ вибрирующимъ голосомъ:

— А-а-а-а!

Вдругъ онъ, быстро и неожиданно-ловко изогнувшись тѣломъ влѣво, выхватилъ изъ ножекъ шашку. Она лязгнула и съ рѣзкимъ свистомъ сверкнула у него надъ головой. И сразу всѣ, кто были въ комнатѣ, ринулись къ окнамъ и къ дверямъ. Женщины истерически визжали. Мужчины отталкивали другъ друга. Ромашова стремительно увлекли къ дверямъ, и кто-то, протѣсняясь мимо него, больно, до крови, черкнулъ его концомъ погона или пуговицей по щекѣ. И тотчасъ же на дворѣ закричали, перебивая другъ друга, взволнованные, торопливые голоса. Ромашовъ остался одинъ въ дверяхъ. Сердце у него часто и крѣпко билось, но вмѣстѣ съ ужасомъ онъ испытывалъ какое-то сладкое, буйное и веселое предчувствіе.

— Зарублю-у-у-у! — кричалъ Бекъ-Агамаловъ, скрипя зубами.

Видъ общаго страха совсѣмъ опьянилъ его. Онъ съ припадочной силой въ нѣсколько ударовъ расщепилъ столъ, потомъ яростно хватилъ шашкой по зеркалу, и осколки отъ него сверкающимъ радужнымъ дождемъ брызнули во всѣ стороны. Съ другого стола онъ однимъ ударомъ сбилъ всѣ стоявшіе на немъ бутылки и стаканы.

Но вдругъ раздался чей-то пронзительный, неестественно-наглый крикъ:

— Дуракъ! Хамъ!

Это кричала та самая простоволосая женщина съ голыми руками, которая только-что обнимала Лещенку. Ромашовъ раньше не видѣлъ ея. Она стояла въ нишѣ за печкой и, упираясь кулаками въ бедра, вся наклоняясь впередъ, кричала безъ перерыва крикомъ обсчитанной рыночной торговки:

— Дуракъ! Хамъ! Холуй! И никто тебя не боится! Дуракъ, дуракъ, дуракъ, дуракъ!..

Бекъ-Агамаловъ нахмурилъ брови и, точно растеря-

вшись, опустилъ внизъ шашку. Ромашовъ видѣлъ, какъ постепенно блѣднѣло его лицо, и какъ въ глазахъ его разгорался зловѣщій желтый блескъ. И въ то же время онъ все ниже и ниже сгибалъ ноги, весь съеживался и вбиралъ въ себя шею, какъ звѣрь, готовый сдѣлать прыжокъ.

— Замолчи!—бросилъ онъ хрипло, точно выплюнулъ.

— Дуракъ! Болванъ! Армяшка! Не замолчу! Дуракъ! Дуракъ!—выкрикивала женщина, содрогаясь всѣмъ тѣломъ при каждомъ крикѣ.

Ромашовъ зналъ, что и самъ онъ блѣднѣетъ съ каждымъ мгновеніемъ. Въ головѣ у него сдѣлалось знакомое чувство невѣсомости, пустоты и свободы. Странная смѣсь ужаса и веселья подняла вдругъ его душу кверху, точно легкую пьяную пѣну. Онъ увидѣлъ, что Бекъ-Агамаловъ, не сводя глазъ съ женщины, медленно поднимаетъ надъ головой шашку. И вдругъ пламенный потокъ безумнаго восторга, ужаса, физическаго холода, смѣха и отваги нахлынулъ на Ромашова. Бросаясь впередъ, онъ еще успѣлъ разслышать, какъ Бекъ-Агамаловъ прохрипѣлъ яростно:

— Ты не замолчишь? Я тебя въ послѣдній...

Ромашовъ крѣпко, съ силой, которой онъ самъ отъ себя не ожидалъ, схватилъ Бекъ-Агамалова за кисть руки. Въ теченіе нѣсколькихъ секундъ оба офицера, не моргая, пристально глядѣли другъ на друга, на разстояніи пяти или шести вершковъ. Ромашовъ слышалъ частое, фыркающее, какъ у лошади, дыханіе Бекъ-Агамалова, видѣлъ его страшные бѣлки и остро-блестящіе зрачки глазъ и бѣлыя, скрипящія, движущіяся челюсти, но онъ уже чувствовалъ, что безумный огонь съ каждымъ мгновеніемъ потухаетъ въ этомъ искаженномъ лицѣ. И было ему жутко и невыразимо радостно стоять такъ, между жизнью и смертью, и уже знать, что онъ выходитъ побѣдителемъ

въ этой игрѣ. Должно-быть, всѣ тѣ, кто наблюдали эту сцену извнѣ, поняли ея опасное значеніе. На дворѣ за окнами стало тихо,—такъ тихо, что гдѣ-то въ двухъ шагахъ, въ темнотѣ, соловей вдругъ залился громкой, беззаботной трелью.

— Пусти!—хрипло выдавилъ изъ себя Бекъ-Агамаловъ.

— Бекъ, ты не ударишь женщину, — сказалъ Ромашовъ спокойно.—Бекъ, тебѣ будетъ на всю жизнь стыдно. Ты не ударишь.

Послѣднія искры безумія угасли въ глазахъ Бекъ-Агамалова. Ромашовъ быстро замигалъ вѣками и глубоко вздохнулъ, точно послѣ обморока. Сердце его забилось быстро и безпорядочно, какъ во время испуга, а голова опять сдѣлалась тяжелой и теплой.

Пусти!—еще разъ крикнулъ Бекъ-Агамаловъ съ ненавистью и рванулъ руку.

Теперь Ромашовъ чувствовалъ, что онъ уже не въ силахъ сопротивляться ему, но онъ уже не боялся его и говорилъ жалостливо и ласково, притрогиваясь чуть слышно къ плечу товарища:

— Простите меня... Но вѣдь вы сами потомъ скажете мнѣ спасибо.

Бекъ-Агамаловъ рѣзко, со стукомъ вбросилъ шашку въ ножны.

— Ладно! Къ чорту!—крикнулъ онъ сердито, но уже съ долей притворства и смущенія.—Мы съ вами еще раздѣлаемся. Вы не имѣете права!..

Всѣ, глядѣвшіе на эту сцену со двора, поняли, что самое страшное пронеслось. Съ преувеличеннымъ, напряженнымъ хохотомъ, толпой ввалились они въ двери. Теперь всѣ они принялись съ фамильярной и дружеской развязностью успокаивать и уговаривать Бекъ-Агамалова. Но онъ уже погасъ, обезсилѣлъ, и его сразу потемнѣвшее лицо имѣло усталое и брезгливое выраженіе.

Прибѣжала Шлейферша, толстая дама съ засаленными грудями, съ жесткимъ выраженіемъ глазъ, окруженныхъ темными мѣшками, безъ рѣсницъ. Она кидалась то къ одному, то къ другому офицеру, трогала ихъ за рукава и за пуговицы и кричала плачевно

— Ну, господа, ну, кто мнѣ заплатитъ за все: за зеркало, за столъ, за напитки и за дѣвочекъ?

И опять кто-то невѣдомый остался объясняться съ ней. Прочіе офицеры вышли гурьбой наружу. Чистый, нѣжный воздухъ майской ночи легко и пріятно вторгся въ грудь Ромашова и наполнилъ все его тѣло свѣжимъ, радостнымъ трепетомъ. Ему казалось, что слѣды сегодняшняго пьянства сразу стерлись въ его мозгу, точно отъ прикосновенія мокрой губки.

Къ нему подошелъ Бекъ-Агамаловъ и взялъ его подъ руку.

— Ромашовъ, садитесь со мной,—предложилъ онъ:— хорошо?

И когда они уже сидѣли рядомъ, и Ромашовъ, наклоняясь вправо, глядѣлъ, какъ лошади нестройнымъ галопомъ, вскидывая широкими задами, вывозили экипажъ на гору, Бекъ-Агамаловъ ощупью нашелъ его руку и крѣпко, больно и долго сжалъ ее. Больше между ними ничего не было сказано.

XIX.

Но волненіе, которое было только-что пережито всѣми, сказалось въ общей нервной, безпорядочной взвинченности. По дорогѣ въ собраніе офицеры много безобразничали. Останавливали проходящаго еврея, подзывали его и, сорвавъ съ него шапку, гнали извозчика впередъ; потомъ бросали эту шапку куда-нибудь за заборъ, на дерево. Бобетинскій избилъ извозчика. Остальные громко

пѣли и безтолково кричали. Только Бекъ-Агамаловъ, сидѣвшій рядомъ съ Ромашовымъ, молчалъ всю дорогу, сердито и сдержанно посапывая.

Собраніе, несмотря на поздній часъ, было ярко освѣщено и полно народомъ. Въ карточной, въ столовой, въ буфетѣ и въ бильярдной безпомощно толклись ошалѣвшіе отъ вина, отъ табаку и отъ азартной игры люди въ разстегнутыхъ кителяхъ, съ неподвижными кислыми глазами и вялыми движеніями. Ромашовъ, здороваясь съ нѣкоторыми офицерами, вдругъ замѣтилъ среди нихъ, къ своему удивленію, Николаева. Онъ сидѣлъ около Осадчаго и былъ пьянъ и красенъ, но держался твердо. Когда Ромашовъ, обходя столъ, приблизился къ нему, Николаевъ быстро взглянулъ на него и тотчасъ же отвернулся, чтобы не подать руки, и съ преувеличеннымъ интересомъ заговорилъ съ своимъ сосѣдомъ.

— Вѣткинъ, идите пѣть!—крикнулъ Осадчій черезъ головы товарищей.

— Сп-о-ем-те что-ни-и-будь! — запѣлъ Вѣткинъ на мотивъ церковнаго антифона.

— Спо-ем-те что-ни-будь. Споемте что-о-ни-и-будь!— подхватили громко остальные.

— За поповымъ перелазомъ подралися трое разомъ,— зачастилъ Вѣткинъ церковной скороговоркой: — попъ, дьякъ, понамарь та ще губернскій секретарь. Совайся, Ничипоре, со-вайся.

— Совайся, Ничи-поре, со-о-вай-ся, — тихо, полными аккордами отвѣтилъ ему хоръ, весь сдержанный и точно согрѣтый мягкой октавой Осадчаго.

Вѣткинъ дирижировалъ пѣніемъ, стоя посреди стола и распростирая надъ поющими руки. Онъ дѣлалъ то страшные, то ласковые и одобрительные глаза, шипѣлъ на тѣхъ, кто пѣлъ невѣрно, и едва замѣтнымъ трепетаніемъ протянутой ладони сдерживалъ увлекающихся.

— Штабсъ-капитанъ Лещенко, вы фальшивите! Вамъ медвѣдь на ухо наступилъ. Замолчите! — крикнулъ Осадчій.—Господа, да замолчите же кругомъ! Не галдите, когда поютъ.

— Какъ бога-тый мужикъ ѣстъ пушъ гля-се...—продолжалъ вычитывать Вѣткинъ.

Отъ табачнаго дыма рѣзало въ глазахъ. Клеенка на столѣ была липкая, и Ромашовъ вспомнилъ, что онъ не мылъ сегодня вечеромъ рукъ. Онъ пошелъ черезъ дворъ въ комнату, которая называлась «офицерскими номерами»,—тамъ всегда стоялъ умывальникъ. Это была пустая холодная каморка въ одно окно. Вдоль стѣнъ стояли раздѣленныя шкапчикомъ, на больничный манеръ, двѣ кровати. Бѣлья на нихъ никогда не мѣняли, такъ же, какъ никогда не подметали полъ въ этой комнатѣ и не провѣтривали воздухъ. Отъ этого въ номерахъ всегда стоялъ затхлый, грязный запахъ заношеннаго бѣлья, застарѣлаго табачнаго дыма и смазныхъ сапогъ. Комната эта предназначалась для временнаго жилья офицерамъ, пріѣзжавшимъ изъ дальнихъ отдѣльныхъ стоянокъ въ штабъ полка. Но въ нее обыкновенно складывали во время вечеровъ, по-двое и даже по-трое на одну кровать, особенно пьяныхъ офицеровъ. Поэтому она также носила названіе «мертвецкой комнаты», «трупарни» и «морга». Въ этихъ названіяхъ крылась безсознательная, но страшная жизненная иронія, потому что съ того времени, какъ полкъ стоялъ въ городѣ,—въ офицерскихъ номерахъ, именно на этихъ самыхъ двухъ кроватяхъ, уже застрѣлилось нѣсколько офицеровъ и одинъ денщикъ. Впрочемъ, не было года, чтобы въ N—скомъ полку не застрѣлился кто-нибудь изъ офицеровъ.

Когда Ромашовъ вошелъ въ мертвецкую, два человѣка сидѣли на кроватяхъ у изголовій, около окна. Они сидѣли безъ огня, въ темнотѣ, и только по едва слышной

вознѣ Ромашовъ замѣтилъ ихъ присутствіе и съ трудомъ узналъ ихъ, подойдя вплотную и нагнувшись надъ ними. Это были штабсъ-капитанъ Клодтъ, алкоголикъ и воръ, отчисленный отъ командованія ротой, и подпрапорщикъ Золотухинъ, долговязый, пожилой, уже плѣшивый, игрокъ, скандалистъ, сквернословъ и тоже пьяница, изъ типа вѣчныхъ подпрапорщиковъ. Между обоими тускло поблескивала на столѣ четвертная бутыль водки, стояла пустая тарелка съ какой-то жижей и два полныхъ стакана. Не было видно никакихъ слѣдовъ закуски. Собутыльники молчали, точно притаившись отъ вошедшаго товарища, и, когда онъ нагибался надъ ними, они, хитро улыбаясь въ темнотѣ, глядѣли куда-то внизъ.

— Боже мой, что̀ вы тутъ дѣлаете?— спросилъ Ромашовъ испуганно.

— Т-ссс!—Золотухинъ таинственно, съ предостерегающимъ видомъ поднялъ палецъ кверху. — Подождите. Не мѣшайте.

— Тихо! — короткимъ шопотомъ сказалъ Клодтъ.

Вдругъ гдѣ-то вдалекѣ загрохотала телѣга. Тогда оба торопливо подняли стаканы, стукнулись ими и одновременно выпили.

— Да что̀ же это такое, наконецъ?! — воскликнулъ въ тревогѣ Ромашовъ.

— А это, родной мой, — многозначительнымъ шопотомъ отвѣтилъ Клодтъ: — это у насъ такая закуска. Подъ стукъ телѣги. Фендрикъ, — обратился онъ къ Золотухину. — Ну, теперь подо что̀ выпьемъ? Хочешь подъ свѣтъ луны?

— Пили ужъ,—серьезно возразилъ Золотухинъ и поглядѣлъ въ окно на узкій серпъ мѣсяца, который низко и скучно стоялъ надъ городомъ.—Подождемъ. Вотъ, можетъ-быть, собака залаетъ. Помолчи.

Такъ они шептались, наклоняясь другъ къ другу, охва-

ченные мрачной шутливостью пьянаго безумія. А изъ столовой въ это время доносились смягченные, заглушенные стѣнами и оттого гармонично-печальные звуки церковнаго напѣва, похожаго на отдаленное погребальное пѣніе.

Ромашовъ всплеснулъ руками и схватился за голову.

— Господи, ради Бога, оставьте: это страшно,—сказалъ онъ съ тоскою.

— Убирайся къ дьяволу! — заоралъ вдругъ Золотухинъ.—Нѣтъ, стой, братъ! Куда? Раньше выпейте съ порядочными господами. Нѣ-ѣтъ, не перехитришь, братъ. Держите его, штабсъ-капитанъ, а я запру дверь.

Они оба вскочили съ кровати и принялись съ сумасшедшимъ лукавымъ смѣхомъ ловить Ромашова. И все это вмѣстѣ — эта темная вонючая комната, это тайное фантастическое пьянство среди ночи, безъ огня, эти два обезумѣвшихъ человѣка—все вдругъ повѣяло на Ромашова нестерпимымъ ужасомъ смерти и сумасшествія. Онъ съ пронзительнымъ крикомъ оттолкнулъ Золотухина далеко въ сторону и, весь содрогаясь, выскочилъ изъ мертвецкой.

Умомъ онъ зналъ, что ему нужно итти домой, но по какому-то непонятному влеченію онъ вернулся въ столовую. Тамъ уже многіе дремали, сидя на стульяхъ и подоконникахъ. Было невыносимо жарко, и, несмотря на открытыя окна, лампы и свѣчи горѣли, не мигая. Утомленная, сбившаяся съ ногъ прислуга и солдаты-буфетчики дремали стоя и ежеминутно зѣвали, не разжимая челюстей, однѣми ноздрями. Но повальное, тяжелое, общее пьянство не прекращалось.

Вѣткинъ стоялъ уже на столѣ и пѣлъ высокимъ, чувствительнымъ теноромъ:

Бы-ы-стры, какъ волны-ы,
Дни-и нашей жиз-ни...

Въ полку было много офицеровъ изъ духовныхъ, и потому пѣли хорошо даже въ пьяные часы. Простой, печальный, трогательный мотивъ облагораживалъ пошлыя слова. И всѣмъ на минуту стало тоскливо и тѣсно подъ этимъ низкимъ потолкомъ въ затхлой комнатѣ, среди узкой, глухой и слѣпой жизни.

Умрешь, похоронятъ,
Какъ не жилъ на свѣтѣ...—

пѣлъ выразительно Вѣткинъ, и отъ звуковъ собственнаго высокаго и растроганнаго голоса и отъ физическаго чувства общей гармоніи хора—въ его добрыхъ, глуповатыхъ глазахъ стояли слезы. Арчаковскій бережно вторилъ ему. Для того, чтобы заставить свой голосъ вибрировать, онъ двумя пальцами трясъ себя за кадыкъ. Осадчій густыми, тягучими нотами аккомпанировалъ хору, и казалось, что всѣ остальные голоса плавали, точно въ темныхъ волнахъ, въ этихъ низкихъ органныхъ звукахъ.

Пропѣли эту пѣсню, помолчали немного. На всѣхъ нашла сквозь пьяный угаръ тихая, задумчивая минута. Вдругъ Осадчій, глядя внизъ на столъ опущенными глазами, началъ вполголоса:

«Въ путь узкій ходшіе прискорбный вси—житіе, яко яремъ, вземшіе...»

— Да будетъ вамъ!—замѣтилъ кто-то скучающимъ тономъ.—Вотъ прицѣпились вы къ этой панихидѣ. Въ десятый разъ.

Но другіе уже подхватили похоронный напѣвъ, и вотъ въ загаженной, заплеванной, прокуренной столовой понеслись чистые, ясные аккорды панихиды Іоанна Дамаскина, проникнутые такой горячей, такой чувственной печалью, такой страстной тоской по уходящей жизни:

«И мнѣ послѣдовавшіе вѣрою пріидите, насладитеся,

яже уготовахъ вамъ почестей и вѣнцовъ небесныхъ»...

И тотчасъ же Арчаковскій, знавшій службу не хуже любого дьякона, подхватилъ возгласъ:

— Рцемъ вси отъ всея души...

Такъ они и прослужили всю панихиду. А когда очередь дошла до послѣдняго воззванія, то Осадчій, наклонивъ внизъ голову, напруживъ шею, со странными и страшными, печальными и злыми глазами заговорилъ нараспѣвъ низкимъ голосомъ, рокочущимъ, какъ струны контрабаса:

«Во блаженномъ успеніи животъ и вѣчный покой подаждь, Господи, усопшему рабу твоему Никифору... — Осадчій вдругъ выпустилъ ужасное, циничное ругательство: — и сотвори ему вѣ-ѣ-ѣчную»...

Ромашовъ вскочилъ и бѣшено, изо всей силы ударилъ кулакомъ по столу.

— Не позволю! Молчите! — закричалъ онъ пронзительнымъ, страдальческимъ голосомъ. — Зачѣмъ смѣяться? Капитанъ Осадчій, вамъ вовсе не смѣшно, а вамъ больно и страшно! Я вижу! Я знаю, что вы чувствуете въ душѣ!

Среди общаго мгновеннаго молчанія только одинъ чей-то голосъ промолвилъ съ недоумѣніемъ:

— Онъ пьянъ?

Но тотчасъ же, какъ и давеча, у Шлейферши, все загудѣло, застонало, вскочило съ мѣста и свернулось въ какой-то пестрый, движущійся, крикливый клубокъ. Вѣткинъ, прыгая со стола, задѣлъ головой висячую лампу; она закачалась огромными плавными зигзагами, и тѣни отъ бѣснующихся людей, то вырастая, какъ великаны, то исчезая подъ полъ, зловѣще спутались и заметались по бѣлымъ стѣнамъ и по потолку.

Все, что теперь происходило въ собраніи съ этими развинченными, возбужденными, пьяными и несчастными

людьми,—совершалось быстро, нелѣпо и непоправимо. Точно какой-то злой, сумбурный, глупый, яростно-насмѣшливый демонъ овладѣлъ людьми и заставлялъ ихъ говорить скверныя слова и дѣлать безобразныя, нестройныя движенія.

Среди этого чада Ромашовъ вдругъ увидѣлъ совсѣмъ близко около себя чье-то лицо, съ искривленнымъ кричащимъ ртомъ, которое онъ сразу даже не узналъ — такъ оно было перековеркано и обезображено злобой. Это Николаевъ кричалъ ему, брызжа слюной и нервно дергая мускулами лѣвой щеки подъ глазомъ:

— Сами позорите полкъ! Не смѣйте ничего говорить. Вы—и разные Назанскіе! Безъ году недѣля!..

Кто-то осторожно тянулъ Ромашова назадъ. Онъ обернулся и узналъ Бекъ-Агамалова, но, тотчасъ же отвернувшись, забылъ о немъ. Блѣднѣя отъ того, что сію минуту произойдетъ, онъ сказалъ тихо и хрипло, съ измученной, жалкой улыбкой:

— А при чемъ же здѣсь Назанскій? Или у васъ есть особыя таинственныя причины быть имъ недовольнымъ?

— Я вамъ въ морду дамъ! Подлецъ, сволочь! —закричалъ Николаевъ высокимъ, лающимъ голосомъ. — Хамъ!

Онъ рѣзко замахнулся на Ромашова кулакомъ и сдѣлалъ грозные глаза, но ударить не рѣшался. У Ромашова въ груди и въ животѣ сдѣлалось тоскливое, противное обморочное замираніе. До сихъ поръ онъ совсѣмъ не замѣчалъ, точно забылъ, что въ правой рукѣ у него все время находится какой-то посторонній предметъ. И вдругъ быстрымъ, короткимъ движеніемъ онъ выплеснулъ въ лицо Николаеву остатки пива изъ своего стакана.

Въ то же время, вмѣстѣ съ мгновенной тупой болью, бѣлыя яркія молніи брызнули изъ его лѣваго глаза. Съ протяжнымъ, звѣринымъ воемъ кинулся онъ на Ни-

колаева, и они оба грохнулись внизъ, сплелись руками и ногами и покатились по полу, роняя стулья и глотая грязную, вонючую пыль. Они рвали, комкали и тискали другъ друга, рыча и задыхаясь. Ромашовъ помнилъ, какъ случайно его пальцы попали въ ротъ Николаеву за щеку, и какъ онъ старался разорвать ему этотъ скользкій, противный, горячій ротъ... И онъ уже не чувствовалъ никакой боли, когда бился головой и локтями объ полъ въ этой безумной борьбѣ.

Онъ не зналъ также, какъ все это окончилось. Онъ засталъ себя стоящимъ въ углу, куда его оттѣснили, оторвавъ отъ Николаева. Бекъ-Агамаловъ поилъ его водой, но зубы у Ромашова судорожно стучали о края стакана, и онъ боялся, какъ бы не откусить кусокъ стекла. Китель на немъ былъ разорванъ подъ мышками и на спинѣ, а одинъ погонъ, оторванный, болтался на тесемочкѣ. Голоса у Ромашова не было, и онъ кричалъ беззвучно, однѣми губами:

— Я ему... еще покажу!.. Вызываю его!..

Старый Лехъ, до сихъ поръ сладко дремавшій на концѣ стола, а теперь совсѣмъ очнувшійся, трезвый и серьезный, говорилъ съ непривычной суровой повелительностью:

— Какъ старшій, приказываю вамъ, господа, немедленно разойтись. Слышите, господа, сейчасъ же. Обо всемъ будетъ мною утромъ поданъ рапортъ командиру полка.

И всѣ расходились смущенные, подавленные, избѣгая глядѣть другъ на друга. Каждый боялся прочесть въ чужихъ глазахъ свой собственный ужасъ, свою рабскую, виноватую тоску — ужасъ и тоску маленькихъ, злыхъ и грязныхъ животныхъ, темный разумъ которыхъ вдругъ освѣтился яркимъ человѣческимъ сознаніемъ.

Былъ разсвѣтъ, съ яснымъ, дѣтски-чистымъ небомъ

и неподвижнымъ прохладнымъ воздухомъ. Деревья, влажныя, окутанныя чуть виднымъ паромъ, молчаливо просыпались отъ своихъ темныхъ, загадочныхъ ночныхъ сновъ. И когда Ромашовъ, идя домой, глядѣлъ на нихъ и на небо, и на мокрую, сѣдую отъ росы траву, то онъ чувствовалъ себя низенькимъ, гадкимъ, уродливымъ и безконечно чужимъ среди этой невинной прелести утра, улыбавшагося спросонокъ.

XX.

Въ тотъ же день—это было въ среду—Ромашовъ получилъ короткую официальную записку:

«Судъ общества офицеровъ N—скаго пѣхотнаго полка приглашаетъ подпоручика Ромашова явиться къ шести часамъ въ залъ офицерскаго собранія. Форма одежды обыкновенная.

«Предсѣдатель суда подполковникъ Мигуновъ».

Ромашовъ не могъ удержаться отъ невольной грустной улыбки: эта «форма одежды обыкновенная»—мундиръ съ погонами и цвѣтнымъ кушакомъ—надѣвается именно въ самыхъ необыкновенныхъ случаяхъ: на судѣ, при публичныхъ выговорахъ и во время всякихъ непріятныхъ явокъ по начальству.

Къ шести часамъ онъ пришелъ въ собраніе и приказалъ вѣстовому доложить о себѣ предсѣдателю суда. Его попросили подождать. Онъ сѣлъ въ столовой у открытаго окна, взялъ газету и сталъ читать ее, не понимая словъ, безъ всякаго интереса, механически пробѣгая глазами буквы. Трое офицеровъ, бывшихъ въ столовой, поздоровались съ нимъ сухо и заговорили между собой вполголоса, такъ, чтобъ онъ не слышалъ. Только одинъ подпоручикъ Михинъ долго и крѣпко, съ мокрыми глазами, жалъ ему руку, но ничего не сказалъ, покраснѣлъ, торопливо и неловко одѣлся и ушелъ.

Вскорѣ въ столовую черезъ буфетъ вышелъ Николаевъ. Онъ былъ блѣденъ, вѣки его глазъ потемнѣли, лѣвая щека все время судорожно дергалась, а надъ ней ниже виска синѣло большое пухлое пятно. Ромашовъ ярко и мучительно вспомнилъ вчерашнюю драку и, весь сгорбившись, сморщивъ лицо, чувствуя себя расплюснутымъ невыносимой тяжестью этихъ позорныхъ воспоминаній, спрятался за газету и даже плотно зажмурилъ глаза.

Онъ слышалъ, какъ Николаевъ спросилъ въ буфетѣ рюмку коньяку и какъ онъ прощался съ кѣмъ-то. Потомъ почувствовалъ мимо себя шаги Николаева. Хлопнула на блокѣ дверь. И вдругъ черезъ нѣсколько секундъ онъ услышалъ со двора за своей спиной осторожный шопотъ:

— Не оглядывайтесь назадъ! Сидите спокойно. Слушайте.

Это говорилъ Николаевъ. Газета задрожала въ рукахъ Ромашова.

— Я, собственно, не имѣю права разговаривать съ вами. Но къ чорту эти французскія тонкости. Что случилось, того не поправишь. Но я васъ все-таки считаю человѣкомъ порядочнымъ. Прошу васъ, слышите ли, я прошу васъ: ни слова о женѣ и объ анонимныхъ письмахъ. Вы меня поняли?

Ромашовъ, закрываясь газетой отъ товарищей, медленно наклонилъ голову. Песокъ захрустѣлъ на дворѣ подъ ногами. Только спустя пять минутъ Ромашовъ обернулся и поглядѣлъ на дворъ. Николаева уже не было.

— Ваше благородіе,—выросъ вдругъ передъ нимъ вѣстовой. — Ихъ высокоблагородіе просятъ васъ пожаловать

Въ залѣ, вдоль дальней узкой стѣны, были составлены нѣсколько ломберныхъ столовъ и покрыты зеленымъ сукномъ. За ними помѣщались судьи, спинами къ окнамъ;

отъ этого ихъ лица были темными. Посрединѣ въ креслѣ сидѣлъ предсѣдатель, подполковникъ Мигуновъ—толстый, надменный человѣкъ, безъ шеи, съ поднятыми вверхъ круглыми плечами; по бокамъ отъ него — подполковники: Рафальскій и Лехъ, дальше съ правой стороны—капитаны: Осадчій и Петерсонъ, а съ лѣвой—капитанъ Дювернуа и штабсъ-капитанъ Дорошенко, полковой казначей. Столъ былъ совершенно пустъ, только передъ Дорошенкой, дѣлопроизводителемъ суда, лежала стопочка бумаги. Въ большой, пустой залѣ было прохладно и темновато, несмотря на то, что на дворѣ стоялъ жаркій, сіяющій день. Пахло старымъ деревомъ, плѣсенью и ветхой мебельной обивкой.

Предсѣдатель положилъ обѣ большія, бѣлыя, полныя руки ладонями вверхъ на сукно стола и, разглядывая ихъ поочередно, началъ деревяннымъ тономъ:

— Подпоручикъ Ромашовъ, судъ общества офицеровъ, собравшійся по распоряженію командира полка, долженъ выяснить обстоятельства того печальнаго и недопустимаго въ офицерскомъ обществѣ столкновенія, которое имѣло мѣсто вчера между вами и поручикомъ Николаевымъ. Прошу васъ разсказать объ этомъ со всевозможными подробностями.

Ромашовъ стоялъ передъ ними, опустивъ руки внизъ и теребя околышъ шапки. Онъ чувствовалъ себя такимъ затравленнымъ, неловкимъ и растеряннымъ, какъ бывало съ нимъ только въ ученическіе годы на экзаменахъ, когда онъ проваливался. Обрывающимся голосомъ, запутанными и несвязными фразами, постоянно мыча и прибавляя нелѣпыя междометія, онъ сталъ давать показаніе. Въ то же время, переводя глаза съ одного изъ судей на другого, онъ мысленно оцѣнивалъ ихъ отношенія къ нему. «Мигуновъ — равнодушенъ, онъ точно каменный, но ему льститъ непривычная роль главнаго судьи и та страшная

власть и отвѣтственность, которыя сопряжены съ нею. Подполковникъ Бремъ глядитъ жалостными и какими-то женскими глазами,—ахъ, мой милый Бремъ, помнишь ли ты, какъ я бралъ у тебя десять рублей взаймы? Старый Лехъ серьезничаетъ. Онъ сегодня трезвъ, и у него подъ глазами мѣшки, точно глубокіе шрамы. Онъ не врагъ мнѣ, но онъ самъ такъ много набезобразничалъ въ собраніи въ разныя времена, что теперь ему будетъ выгодна роль суроваго и непреклоннаго ревнителя офицерской чести. А Осадчій и Петерсонъ—это уже настоящіе враги. По закону я, конечно, могъ бы отвести Осадчаго,—вся ссора началась изъ-за его панихиды,—а впрочемъ, не все ли равно? Петерсонъ чуть-чуть улыбается однимъ угломъ рта—что-то скверное, низменное, змѣиное въ улыбкѣ. Неужели онъ зналъ объ анонимныхъ письмахъ? У Дювернуа—сонное лицо, а глаза—какъ большіе мутные шары. Дювернуа меня не любитъ. Да и Дорошенко тоже. Подпоручикъ, который только расписывается въ полученіи жалованья и никогда не получаетъ его. Плохи ваши дѣла, дорогой мой Юрій Алексѣевичъ».

— Виноватъ, на минутку, — вдругъ прервалъ его Осадчій.—Господинъ полковникъ, вы позволите мнѣ предложить вопросъ?

— Пожалуйста,—важно кивнулъ головой Мигуновъ.

— Скажите намъ, подпоручикъ Ромашовъ, — началъ Осадчій вѣско, съ растяжкой: — гдѣ вы изволили быть до того, какъ пріѣхали въ собраніе въ такомъ невозможномъ видѣ?

Ромашовъ покраснѣлъ и почувствовалъ, какъ его лобъ сразу покрылся частыми каплями пота.

— Я былъ... я былъ... ну, въ одномъ мѣстѣ, — и онъ добавилъ почти шопотомъ: — былъ въ публичномъ домѣ.

— Ага, вы были въ публичномъ домѣ? — нарочно

громко, съ жестокой четкостью подхватилъ Осадчій.—И, вѣроятно, вы что-нибудь пили въ этомъ учрежденіи?

— Д-да, пилъ, — отрывисто отвѣтилъ Ромашовъ.

— Такъ-съ. Больше вопросовъ не имѣю, — повернулся Осадчій къ предсѣдателю.

— Прошу продолжать показаніе, — сказалъ Мигуновъ. — Итакъ, вы остановились на томъ, что плеснули пивомъ въ лицо поручику Николаеву... Дальше?

Ромашовъ несвязно, но искренно и подробно разсказалъ о вчерашней исторіи. Онъ уже началъ-было угловато и стыдливо говорить о томъ раскаяніи, которое онъ испытываетъ за свое вчерашнее поведеніе, но его прервалъ капитанъ Петерсонъ. Потирая, точно при умываніи, свои желтыя костлявыя руки съ длинными мертвыми пальцами и синими ногтями, онъ сказалъ усиленно-вѣжливо, почти ласково, тонкимъ и вкрадчивымъ голосомъ:

— Ну да, все это, конечно, такъ и дѣлаетъ честь вашимъ прекраснымъ чувствамъ. Но скажите намъ, подпоручикъ Ромашовъ... вы до этой злополучной и прискорбной исторіи не бывали въ домѣ поручика Николаева?

Ромашовъ насторожился и, глядя не на Петерсона, а на предсѣдателя, отвѣтилъ грубовато:

— Да, бывалъ, но я не понимаю, какое это отношеніе имѣетъ къ дѣлу.

— Подождите. Прошу отвѣчать только на вопросы,— остановилъ его Петерсонъ.—Я хочу сказать, не было ли у васъ съ поручикомъ Николаевымъ какихъ-нибудь особенныхъ поводовъ ко взаимной враждѣ, поводовъ, характера не служебнаго, а домашняго, такъ сказать, семейнаго?

Ромашовъ выпрямился и прямо, съ открытой ненавистью посмотрѣлъ въ темные чахоточные глаза Петерсона.

— Я бывалъ у Николаевыхъ не чаще, чѣмъ у другихъ моихъ знакомыхъ,—сказалъ онъ громко и рѣзко.— И съ

нимъ прежде у меня никакой вражды не было. Все произошло случайно и неожиданно, потому что мы оба были нетрезвы.

— Хе-хе-хе, это уже мы слыхали о вашей нетрезвости, — опять прервалъ его Петерсонъ: — но я хочу только спросить, не было ли у васъ съ нимъ раньше этакого какого-нибудь столкновенія? Нѣтъ, не ссоры, поймите вы меня, а просто этакого недоразумѣнія, натянутости, что ли, на какой-нибудь частной почвѣ. Ну, скажемъ, несогласіе въ убѣжденіяхъ, или тамъ какая-нибудь интрижка. А?

— Господинъ предсѣдатель, могу я не отвѣчать на нѣкоторые изъ предлагаемыхъ мнѣ вопросовъ? — спросилъ вдругъ Ромашовъ.

— Да, это вы можете, — отвѣтилъ холодно Мигуновъ.—Вы можете, если хотите, вовсе не давать показаній или давать ихъ письменно. Это ваше право.

— Въ такомъ случаѣ заявляю, что ни на одинъ изъ вопросовъ капитана Петерсона я отвѣчать не буду, — сказалъ Ромашовъ. — Это будетъ лучше для него и для меня.

Его спросили еще о нѣсколькихъ незначительныхъ подробностяхъ, и затѣмъ предсѣдатель объявилъ ему, что онъ свободенъ. Однако его еще два раза вызывали для дачи дополнительныхъ показаній, одинъ разъ въ тотъ же день вечеромъ, другой разъ въ четвергъ утромъ. Даже такой неопытный въ практическомъ отношеніи человѣкъ, какъ Ромашовъ, понималъ, что судъ ведетъ дѣло халатно, неумѣло и до-нельзя небрежно, допуская множество ошибокъ и безтактностей. И самымъ большимъ промахомъ было то, что, вопреки точному и ясному смыслу статьи 149 дисциплинарнаго устава, строго воспрещающей разглашеніе происходящаго на судѣ, члены суда чести не воздержались отъ праздной болтовни. Они разсказали о результатахъ засѣданій своимъ женамъ, жены—

знакомымъ городскимъ дамамъ, а тѣ—портнихамъ, акушеркамъ и даже прислугѣ. За однѣ сутки Ромашовъ сдѣлался сказкой города и героемъ дня. Когда онъ проходилъ по улицѣ, на него глядѣли изъ оконъ, изъ калитокъ, изъ палисадниковъ, изъ щелей въ заборахъ. Женщины издали показывали на него пальцами, и онъ постоянно слышалъ у себя за спиной свою фамилію, произносимую быстрымъ шопотомъ. Никто въ городѣ не сомнѣвался, что между нимъ и Николаевымъ произойдетъ дуэль. Держали даже пари объ ея исходѣ.

Утромъ въ четвергъ, идя въ собраніе мимо дома Лыкачевыхъ, онъ вдругъ услышалъ, что кто-то зоветъ его по имени.

— Юрій Алексѣевичъ, Юрій Алексѣевичъ, подите сюда!

Онъ остановился и поднялъ голову кверху. Катя Лыкачева стояла по ту сторону забора на садовой скамеечкѣ. Она была въ утреннемъ легкомъ японскомъ халатикѣ, треугольный вырѣзъ котораго оставлялъ голою ея тоненькую, прелестную дѣвичью шею. И вся она была такая розовая, свѣжая, вкусная, что Ромашову на минуту стало весело.

Она перегнулась черезъ заборъ, чтобы подать ему руку, еще холодную и влажную отъ умыванья. И въ то же время она тараторила картаво:

— Отчего у насъ не бываете? Стыдно дьюзей забывать. Зьой, зьой, зьой... Т-ссс, я все, я все, все знаю!— Она вдругъ сдѣлала большіе, испуганные глаза.—Возьмите себѣ вотъ это и надѣньте на шею, непьемѣнно, непьемѣнно надѣньте.

Она вынула изъ-за своего керимона, прямо съ груди, какую-то ладанку изъ синяго шелка на шнурѣ и торопливо сунула ему въ руку. Ладанка была еще теплая отъ ея тѣла.

— Помогаетъ? — спросилъ Ромашовъ шутливо. — Что это такое?

— Это тайна, не смѣйте смѣяться. Безбожникъ. Зьой.

«Однако я нынче въ модѣ. Славная дѣвочка»,—подумалъ Ромашовъ, простившись съ Катей. Но онъ не могъ удержаться, чтобы и здѣсь въ послѣдній разъ не подумать о себѣ въ третьемъ лицѣ красивой фразой:

«Добродушная улыбка скользнула по суровому лицу стараго бретера».

Вечеромъ въ этотъ день его опять вызвали въ судъ, но уже вмѣстѣ съ Николаевымъ. Оба врага стояли передъ столомъ почти рядомъ.Они ни разу не взглянули другъ на друга, но каждый изъ нихъ чувствовалъ на разстояніи настроеніе другого и напряженно волновался этимъ. Оба они упорно и неподвижно смотрѣли на предсѣдателя, когда онъ читалъ имъ рѣшеніе суда:

«Судъ общества офицеровъ N—скаго пѣхотнаго полка, въ составѣ — слѣдовали чины и фамиліи судей — подъ предсѣдательствомъ подполковника Мигунова, разсмотрѣвъ дѣло о столкновеніи въ помѣщеніи офицерскаго собранія поручика Николаева и подпоручика Ромашова, нашелъ, что, въ виду тяжести взаимныхъ оскорбленій, ссора этихъ оберъ-офицеровъ не можетъ быть окончена примиреніемъ, и что поединокъ между ними является единственнымъ средствомъ удовлетворенія оскорбленной чести и офицерскаго достоинства. Мнѣніе суда утверждено командиромъ полка».

Окончивъ чтеніе, подполковникъ Мигуновъ снялъ очки и спряталъ ихъ въ футляръ.

— Вамъ остается, господа,—сказалъ онъ съ каменной торжественностью:—выбрать себѣ секундантовъ, по два съ каждой стороны, и прислать ихъ къ девяти часамъ вечера сюда, въ собраніе, гдѣ они совмѣстно съ нами выработаютъ условія поединка. Впрочемъ, — приба-

вилъ онъ, вставая и пряча очечникъ въ задній карманъ:— впрочемъ, прочитанное сейчасъ постановленіе суда не имѣетъ для васъ обязательной силы. За каждымъ изъ васъ сохраняется полная свобода драться на дуэли, или...—онъ развелъ руками и сдѣлалъ паузу:—или оставить службу. Затѣмъ... вы свободны, господа... Еще два слова. Ужъ не какъ предсѣдатель суда, а какъ старшій товарищъ, совѣтовалъ бы вамъ, господа офицеры, воздержаться до поединка отъ посѣщенія собранія. Это можетъ повести къ осложненіямъ... До свиданья.

Николаевъ круто повернулся и быстрыми шагами вышелъ изъ залы. Медленно двинулся за нимъ и Ромашовъ. Ему не было страшно, но онъ вдругъ почувствовалъ себя исключительно одинокимъ, странно обособленнымъ, точно отрѣзаннымъ отъ всего міра. Выйдя на крыльцо собранія, онъ съ долгимъ, спокойнымъ удивленіемъ глядѣлъ на небо, на деревья, на корову у забора напротивъ, на воробьевъ, купавшихся въ пыли среди дороги, и думалъ: «Вотъ — все живетъ, хлопочетъ, суетится, растетъ и сіяетъ, а мнѣ уже больше ничто не нужно и не интересно. Я приговоренъ. Я одинъ».

Вяло, почти со скукой пошелъ онъ разыскивать Бекъ-Агамалова и Вѣткина, которыхъ онъ рѣшилъ просить въ секунданты. Оба охотно согласились—Бекъ-Агамаловъ съ мрачной сдержанностью, Вѣткинъ съ ласковыми и многозначительными рукопожатіями.

Итти домой Ромашову не хотѣлось, тамъ было жутко и скучно. Въ эти тяжелыя минуты душевнаго безсилія, одиночества и вялаго непониманія жизни ему нужно было видѣть близкаго, участливаго друга и въ то же время тонкаго, понимающаго, нѣжнаго сердцемъ человѣка.

И вдругъ онъ вспомнилъ о Назанскомъ.

XXI.

Назанскій былъ, по обыкновенію, дома. Онъ только-что проснулся отъ тяжелаго хмельного сна и теперь лежалъ на кровати въ одномъ нижнемъ бѣльѣ, заложивъ руки подъ голову. Въ его глазахъ была равнодушная, усталая муть. Его лицо совсѣмъ не измѣнило своего соннаго выраженія, когда Ромашовъ, наклоняясь надъ нимъ, говорилъ неувѣренно и тревожно:

— Здравствуйте, Василій Нилычъ, не помѣшалъ я вамъ?

— Здравствуйте,—отвѣтилъ Назанскій сиплымъ, слабымъ голосомъ. — Что хорошенькаго? Садитесь.

Онъ протянулъ Ромашову горячую, влажную руку, но глядѣлъ на него такъ, точно передъ нимъ былъ не его любимый, интересный товарищъ, а привычное видѣніе изъ давнишняго скучнаго сна.

— Вамъ нездоровится? — спросилъ робко Ромашовъ, садясь въ его ногахъ на кровать.—Такъ я не буду вамъ мѣшать. Я уйду.

Назанскій немного приподнялъ голову съ подушки и, весь сморщившись, съ усиліемъ посмотрѣлъ на Ромашова.

— Нѣтъ... Подождите. Ахъ, какъ голова болитъ! Послушайте, Георгій Алексѣичъ... у васъ что-то есть... есть... что-то необыкновенное. Постойте, я не могу собрать мыслей. Что такое съ вами?

Ромашовъ глядѣлъ на него съ молчаливымъ состраданіемъ. Все лицо Назанскаго странно измѣнилось за то время, какъ оба офицера не видѣлись. Глаза глубоко ввалились и почернѣли вокругъ, виски пожелтѣли, а щеки съ неровной грязной кожей опустились и оплыли книзу и некрасиво обросли жидкими курчавыми волосами.

— Ничего особеннаго, просто мнѣ захотѣлось видѣться съ вами, — сказалъ небрежно Ромашовъ. — Завтра я де-

русь на дуэли съ Николаевымъ. Мнѣ противно итти домой. Да это, впрочемъ, все равно. До свиданья. Мнѣ, видите ли, просто не съ кѣмъ было поговорить... Тяжело на душѣ.

Назанскій закрылъ глаза, и лицо его мучительно исказилось. Видно было, что онъ неестественнымъ напряженіемъ воли возвращаетъ къ себѣ сознаніе. Когда же онъ открылъ глаза, то въ нихъ уже свѣтились внимательныя теплыя искры.

— Нѣтъ, подождите... мы сдѣлаемъ вотъ что̀.— Назанскій съ трудомъ переворотился на бокъ и поднялся на локтѣ.—Достаньте тамъ, изъ шкапчика... вы знаете... Нѣтъ, не надо яблока... Тамъ есть мятныя лепешки. Спасибо, родной. Мы вотъ что̀ сдѣлаемъ... Фу, какая гадость!.. Повезите меня куда-нибудь на воздухъ — здѣсь омерзительно, и я здѣсь боюсь... Постоянно такія страшныя галлюцинаціи. Поѣдемъ, покатаемся на лодкѣ и поговоримъ. Хотите?

Онъ, морщась, съ видомъ крайняго отвращенія пилъ рюмку за рюмкой, и Ромашовъ видѣлъ, какъ понемногу загорались жизнью и блескомъ и вновь становились прекрасными его голубые глаза.

Выйдя изъ дому, они взяли извозчика и поѣхали на конецъ города, къ рѣкѣ. Тамъ, на одной сторонѣ плотины, стояла еврейская турбинная мукомольня — огромное красное зданіе, а на другой—были расположены купальни, и тамъ же отдавались напрокатъ лодки. Ромашовъ сѣлъ на весла, а Назанскій полулегъ на кормѣ, прикрывшись шинелью.

Рѣка, задержанная плотиной, была широка и неподвижна, какъ большой прудъ. По обѣимъ ея сторонамъ берега уходили плоско и ровно вверхъ. На нихъ трава была такъ ровна, ярка и сочна, что издали хотѣлось ее потрогать рукой. Подъ берегами въ водѣ зеленѣлъ

камышъ, и среди густой, темной, круглой листвы бѣлѣли большія головки кувшинокъ.

Ромашовъ разсказалъ подробно исторію своего столкновенія съ Николаевымъ. Назанскій задумчиво слушалъ его, наклонивъ голову и глядя внизъ на воду, которая лѣнивыми, густыми струйками, переливавшимися, какъ жидкое стекло, раздавалась вдаль и вширь отъ носа лодки.

— Скажите правду, вы не боитесь, Ромашовъ? —спросилъ Назанскій тихо.

— Дуэли? Нѣтъ, не боюсь,—быстро отвѣтилъ Ромашовъ. Но тотчасъ же онъ примолкъ и въ одну секунду живо представилъ себѣ, какъ онъ будетъ стоять совсѣмъ близко противъ Николаева и видѣть въ его протянутой рукѣ опускающееся черное дуло револьвера. — Нѣтъ, нѣтъ, — прибавилъ Ромашовъ поспѣшно: — я не буду лгать, что не боюсь. Конечно, страшно. Но я знаю, что я не струшу, не убѣгу, не попрошу прощенья.

Назанскій опустилъ концы пальцевъ въ теплую, вечернюю, чуть-чуть ропщущую воду и заговорилъ медленно, слабымъ голосомъ, поминутно откашливаясь:

— Ахъ, милый мой, милый Ромашовъ, зачѣмъ вы хотите это дѣлать? Подумайте: если вы знаете твердо, что не струсите,—если совсѣмъ твердо знаете,—то вѣдь во сколько разъ тогда будетъ смѣлѣе взять и отказаться.

— Онъ меня ударилъ... въ лицо! — сказалъ упрямо Ромашовъ, и вновь жгучая злоба тяжело колыхнулась въ немъ.

— Ну, такъ, ну, ударилъ, — возразилъ ласково Назанскій и грустными, нѣжными глазами поглядѣлъ на Ромашова. — Да развѣ въ этомъ дѣло? Все на свѣтѣ проходитъ, пройдетъ и ваша боль и ваша ненависть. И вы сами забудете объ этомъ. Но о человѣкѣ, котораго вы убили, вы никогда не забудете. Онъ будетъ съ вами въ постели, за столомъ, въ одиночествѣ и въ толпѣ. Пусто-

звоны, фильтрованные дураки, мѣдные лбы, разноцвѣтные попугаи увѣряютъ, что убійство на дуэли — не убійство. Какая чепуха! Но они же сентиментально вѣрятъ, что разбойникамъ снятся мозги и кровь ихъ жертвъ. Нѣтъ, убійство—всегда убійство. И важна здѣсь не боль, не смерть, не насиліе, не брезгливое отвращеніе къ крови и трупу,—нѣтъ, ужаснѣе всего то, что вы отнимаете у человѣка его радость жизни. Великую радость жизни! — повторилъ вдругъ Назанскій громко, со слезами въ голосѣ.—Вѣдь никто—ни вы, ни я, ахъ, да просто-напросто никто въ мірѣ не вѣритъ ни въ какую загробную жизнь. Оттого всѣ страшатся смерти, но малодушные дураки обманываютъ себя перспективами лучезарныхъ садовъ и сладкаго пѣнія кастратовъ, а сильные—молча перешагиваютъ грань необходимости. Мы — не сильные. Когда мы думаемъ, что̀ будетъ послѣ нашей смерти, то представляемъ себѣ пустой, холодный и темный погребъ. Нѣтъ, голубчикъ, все это враки: погребъ былъ бы счастливымъ обманомъ, радостнымъ утѣшеніемъ. Но представьте себѣ весь ужасъ мысли, что совсѣмъ, совсѣмъ ничего не будетъ, ни темноты, ни пустоты, ни холоду... даже мысли объ этомъ не будетъ, даже страха не останется! Хотя бы страхъ! Подумайте!

Ромашовъ бросилъ весла вдоль бортовъ. Лодка едва подвигалась по водѣ, и это было замѣтно лишь по тому, какъ тихо плыли въ обратную сторону зеленые берега.

— Да, ничего не будетъ, — повторилъ Ромашовъ задумчиво.

— А посмотрите, нѣтъ, посмотрите только, какъ прекрасна, какъ обольстительна жизнь! — воскликнулъ Назанскій, широко простирая вокругъ себя руки.—О, радость, о, божественная красота жизни! Смотрите: голубое небо, вечернее солнце, тихая вода—вѣдь дрожишь отъ восторга, когда на нихъ смотришь—вонъ тамъ, далеко,

вѣтряныя мельницы машутъ крыльями, зеленая кроткая травка, вода у берега—розовая, розовая отъ заката. Ахъ, какъ все чудесно, какъ все нѣжно и счастливо!

Назанскій вдругъ закрылъ глаза руками и расплакался, но тотчасъ же онъ овладѣлъ собой и заговорилъ, не стыдясь своихъ слезъ, глядя на Ромашова мокрыми, сіяющими глазами:

— Нѣтъ, если я попаду подъ поѣздъ, и мнѣ перерѣжутъ животъ, и мои внутренности смѣшаются съ пескомъ и намотаются на колеса, и если въ этотъ послѣдній мигъ меня спросятъ: «Ну что, и теперь жизнь прекрасна?»—я скажу съ благодарнымъ восторгомъ: — «Ахъ какъ она прекрасна!» Сколько радости даетъ намъ одно только зрѣніе! А есть еще музыка, запахъ цвѣтовъ, сладкая женская любовь! И есть безмѣрнѣйшее наслажденіе—золотое солнце жизни, человѣческая мысль! Родной мой Юрочка!.. Простите, что я васъ такъ назвалъ.—Назанскій, точно извиняясь, протянулъ къ нему издали дрожащую руку.—Положимъ, васъ посадили въ тюрьму на вѣки вѣчные, и всю жизнь вы будете видѣть изъ щелки только два старыхъ изъѣденныхъ кирпича... нѣтъ, даже положимъ, что въ вашей тюрьмѣ нѣтъ ни одной искорки свѣта, ни единаго звука — ничего! И все-таки, развѣ это можно сравнить съ чудовищнымъ ужасомъ смерти? У васъ остается мысль, воображеніе, память, творчество — вѣдь и съ этимъ можно жить. И у васъ даже могутъ быть минуты восторга отъ радости жизни

— Да, жизнь прекрасна, — сказалъ Ромашовъ.

— Прекрасна! — пылко повторилъ Назанскій. — И вотъ два человѣка изъ-за того, что одинъ ударилъ другого, или поцѣловалъ его жену, или просто, проходя мимо него и крутя усы, невѣжливо посмотрѣлъ на него, — эти два человѣка стрѣляютъ другъ въ друга, убиваютъ другъ

друга. Ахъ, нѣтъ, ихъ раны, ихъ страданія, ихъ смерть— все это къ чорту! Да развѣ онъ себя убиваетъ — жалкій движущійся комочекъ, который называется человѣкомъ? Онъ убиваетъ солнце, жаркое, милое солнце, свѣтлое небо, природу,—всю многообразную красоту жизни, убиваетъ величайшее наслажденіе и гордость—человѣческую мысль! Онъ убиваетъ то, что̀ ужъ никогда, никогда, никогда не возвратится. Ахъ, дураки, дураки!

Назанскій печально, съ долгимъ вздохомъ покачалъ головой и опустилъ ее внизъ. Лодка вошла въ камыши. Ромашовъ опять взялся за весла. Высокіе, зеленые, жесткіе стебли, шурша о борта, важно и медленно кланялись. Тутъ было темнѣе и прохладнѣе, чѣмъ на открытой водѣ.

— Что̀ же мнѣ дѣлать?—спросилъ Ромашовъ мрачно и грубовато.—Уходить въ запасъ? Куда я дѣнусь?

Назанскій улыбнулся кротко и нѣжно.

— Подождите, Ромашовъ. Поглядите мнѣ въ глаза. Вотъ такъ. Нѣтъ, вы не отворачивайтесь, смотрите прямо и отвѣчайте по чистой совѣсти. Развѣ вы вѣрите въ то, что вы служите интересному, хорошему, полезному дѣлу? Я васъ знаю хорошо, лучше, чѣмъ всѣхъ другихъ, и я чувствую вашу душу. Вѣдь вы совсѣмъ не вѣрите въ это.

— Нѣтъ,—отвѣтилъ Ромашовъ твердо. — Но куда я пойду?

— Постойте, не торопитесь. Поглядите-ка вы на нашихъ офицеровъ. О, я не говорю про гвардейцевъ, которые танцуютъ на балахъ, говорятъ по-французски и живутъ на содержаніи у своихъ родителей и законныхъ женъ. Нѣтъ, подумайте вы о насъ, несчастныхъ армеутахъ, объ армейской пѣхотѣ, объ этомъ главномъ ядрѣ славнаго и храбраго русскаго войска. Вѣдь все это заваль, рвань, отбросы. Въ лучшемъ случаѣ—сыновья искалѣченныхъ капитановъ. Въ большинствѣ же—убоявшіеся премудро-

сти гимназисты, реалисты, даже неокончившіе семинаристы. Я вамъ приведу въ примѣръ нашъ полкъ. Кто у насъ служитъ хорошо и долго? Бѣдняки, обремененные семьями, нищіе, готовые на всякую уступку, на всякую жестокость, даже на убійство, на воровство солдатскихъ копеекъ, и все это изъ-за своего горшка щей. Ему приказываютъ: стрѣляй, и онъ стрѣляетъ, — кого? за что? Можетъ-быть, понапрасну?—Ему все равно, онъ не разсуждаетъ. Онъ знаетъ, что дома пищатъ его замурзанныя, рахитическія дѣти, и онъ безсмысленно, какъ дятелъ, выпуча глаза, долбитъ одно слово: «присяга!». Все, что есть талантливаго, способнаго, — спивается. У насъ семьдесятъ пять процентовъ офицерскаго состава больны сифилисомъ. Одинъ счастливецъ—и это разъ въ пять лѣтъ—поступаетъ въ академію, его провожаютъ съ ненавистью. Болѣе прилизанные и съ протекціей неизмѣнно уходятъ въ жандармы или мечтаютъ о мѣстѣ полицейскаго пристава въ большомъ городѣ. Дворяне и тѣ, кто хотя съ маленькимъ состояніемъ, идутъ въ земскіе начальники. Положимъ, остаются люди чуткіе, съ сердцемъ, но что они дѣлаютъ? Для нихъ служба—это сплошное отвращеніе, обуза, ненавидимое ярмо. Всякій старается выдумать себѣ какой-нибудь побочный интересъ, который его поглощаетъ безъ остатка. Одинъ занимается коллекціонерствомъ, многіе ждутъ не дождутся вечера, когда можно сѣсть дома, у лампы, взять иголку и вышивать по канвѣ крестиками какой-нибудь паршивенькій, ненужный коверчикъ или выпиливать лобзикомъ ажурную рамку для собственнаго портрета. На службѣ они мечтаютъ объ этомъ, какъ о тайной сладостной радости. Карты, хвастливый спортъ въ обладаніи женщинами — объ этомъ я ужъ не говорю. Всего гнуснѣе служебное честолюбіе, мелкое, жестокое честолюбіе. Это—Осадчій и компанія, выбивающіе зубы и глаза своимъ солдатамъ. Знаете ли, при мнѣ

Арчаковскій такъ билъ своего денщика, что я насплу отнялъ его. Потомъ кровь оказалась не только на стѣнахъ, но и на потолкѣ. А чѣмъ это кончилось, хотите ли знать? Тѣмъ, что денщикъ побѣжалъ жаловаться ротному командиру, а ротный командиръ послалъ его съ запиской къ фельдфебелю, а фельдфебель еще полчаса билъ его по синему, опухшему, кровавому лицу. Этотъ солдатъ дважды заявлялъ жалобу на инспекторскомъ смотру, но безъ всякаго результата.

Назанскій замолчалъ и сталъ нервно тереть себѣ виски ладонями.

— Постойте... Ахъ, какъ мысли бѣгаютъ...—сказалъ онъ съ безпокойствомъ.—Какъ это скверно, когда не ты ведешь мысль, а она тебя ведетъ... Да, вспомнилъ! Теперь дальше. Поглядите вы на остальныхъ офицеровъ. Ну, вотъ вамъ, для примѣра, штабсъ-капитанъ Плавскій. Питается чортъ знаетъ чѣмъ — самъ себѣ готовитъ какую-то дрянь на керосинкѣ, носитъ почти лохмотье, но изъ своего 48-ми-рублеваго жалованья каждый мѣсяцъ откладываетъ 25. Ого-го! У него уже лежитъ въ банкѣ около двухъ тысячъ, и онъ тайно отдаетъ ихъ въ ростъ товарищамъ подъ звѣрскіе проценты. Вы думаете, здѣсь врожденная скупость? Нѣтъ, нѣтъ, это только средство уйти куда-нибудь, спрятаться отъ тяжелой и непонятной безсмыслицы военной службы... Капитанъ Стельковскій—умница, сильный, смѣлый человѣкъ. А что составляетъ суть его жизни? Онъ совращаетъ неопытныхъ крестьянскихъ дѣвчонокъ. Наконецъ возьмите вы подполковника Брема. Милый, славный чудакъ, добрѣйшая душа—одна прелесть,—и вотъ онъ весь ушелъ въ заботы о своемъ звѣринцѣ. Что ему служба, парады, знамя, выговоры, честь? Мелкія, ненужныя подробности въ жизни.

— Бремъ—чудный, я его люблю,—вставилъ Ромашовъ.

— Такъ-то такъ, конечно, милый,—вяло согласился

Назанскій. — А знаете ли, — заговорилъ онъ вдругъ, нахмурившись:—знаете, какую штуку однажды я видѣлъ на маневрахъ? Послѣ ночного перехода шли мы въ атаку. Сбились мы всѣ тогда съ ногъ, устали, разнервничались всѣ: и офицеры и солдаты. Бремъ велитъ горнисту играть повѣстку къ атакѣ, а тотъ, Богъ его знаетъ почему, трубитъ вызовъ резерва. И одинъ разъ, и другой, и третій. И вдругъ этотъ самый—милый, добрый, чудный Бремъ подскакиваетъ на конѣ къ горнисту, который держитъ рожокъ у рта, и изо всѣхъ силъ трахъ кулакомъ по рожку! Да. И я самъ видѣлъ, какъ горнистъ вмѣстѣ съ кровью выплюнулъ на землю раскрошенные зубы.

— Ахъ, Боже мой!—съ отвращеніемъ простоналъ Ромашовъ.

— Вотъ такъ и всѣ они, даже самые лучшіе, самые нѣжные изъ нихъ, прекрасные отцы и внимательные мужья,—всѣ они на службѣ дѣлаются низменными, трусливыми, злыми, глупыми звѣрюшками. Вы спросите: почему? Да именно потому, что никто изъ нихъ въ службу не вѣритъ и разумной цѣли этой службы не видитъ. Вы знаете вѣдь, какъ дѣти любятъ играть въ войну? Было время кипучаго дѣтства и въ исторіи, время буйныхъ и веселыхъ молодыхъ поколѣній. Тогда люди ходили вольными шайками, и война была общей, хмельной радостью, кровавой и доблестной утѣхой. Въ начальники выбирался самый храбрый, самый сильный и хитрый, и его власть до тѣхъ поръ, пока его не убивали подчиненные, принималась всѣми истинно, какъ божеская. Но вотъ человѣчество выросло и съ каждымъ годомъ становится все болѣе мудрымъ, и вмѣсто дѣтскихъ шумныхъ игръ его мысли съ каждымъ днемъ становятся серьезнѣе и глубже. Безстрашные авантюристы сдѣлались шулерами. Солдатъ не идетъ уже на военную службу, какъ

на веселое и хищное ремесло. Нѣтъ, его влекутъ на арканѣ за шею, а онъ упирается, проклинаетъ и плачетъ. И начальники изъ грозныхъ, обаятельныхъ, безпощадныхъ и обожаемыхъ атамановъ обратились въ чиновниковъ, трусливо живущихъ на свое нищенское жалованье. Ихъ доблесть—подмоченная доблесть. И воинская дисциплина—дисциплина за страхъ—соприкасается съ обоюдною ненавистью. Красивые фазаны облиняли. Только одинъ подобный примѣръ я знаю въ исторіи человѣчества. Это монашество. Начало его было смиренно, красиво и трогательно. Можетъ-быть—почемъ знать—оно было вызвано міровой необходимостью? Но прошли столѣтія, и что же мы видимъ? Сотни тысячъ бездѣльниковъ, развращенныхъ, здоровенныхъ лоботрясовъ, ненавидимыхъ даже тѣми, кто въ нихъ имѣетъ время отъ времени духовную потребность. И все это прикрыто внѣшней формой, шарлатанскими знаками касты, смѣшными, вывѣтрившимися обрядами. Нѣтъ, я не напрасно заговорилъ о монахахъ, и я радъ, что мое сравненіе логично. Подумайте только, какъ много общаго. Тамъ—ряса и кадило, здѣсь—мундиръ и гремящее оружіе; тамъ—смиреніе, лицемѣрные вздохи, слащавая рѣчь, здѣсь—напряженное мужество, гордая честь, которая все время вращаетъ глазами: «А вдругъ меня кто-нибудь обидитъ?»—выпяченныя груди, вывороченные локти, поднятыя плечи. Но и тѣ и другіе живутъ паразитами и знаютъ, вѣдь знаютъ это глубоко въ душѣ, но боятся познать это разумомъ и, главное, животомъ. И они подобны жирнымъ вшамъ, которыя тѣмъ сильнѣе отъѣдаются на чужомъ тѣлѣ, чѣмъ оно больше разлагается.

Назанскій злобно фыркнулъ носомъ и замолчалъ.

— Говорите, говорите, — попросилъ умоляюще Ромашовъ.

— Да, настанетъ время, и оно уже у воротъ. Время

великихъ разочарованій и страшной переоцѣнки. Помните, я говорилъ вамъ какъ-то, что существуетъ отъ вѣка незримый и безпощадный геній человѣчества. Законы его точны и неумолимы. И чѣмъ мудрѣе становится человѣчество, тѣмъ болѣе и глубже оно проникаетъ въ нихъ. И вотъ я увѣренъ, что по этимъ непреложнымъ законамъ все въ мірѣ рано или поздно приходитъ въ равновѣсіе. Если рабство длилось вѣка, то распаденіе его будетъ ужасно. Чѣмъ громаднѣе было насиліе, тѣмъ кровавѣе будетъ расправа. И я глубоко, я твердо увѣренъ, что настанетъ время, когда насъ, патентованныхъ красавцевъ, неотразимыхъ соблазнителей, великолѣпныхъ щеголей станутъ стыдиться женщины и наконецъ перестанутъ слушаться солдаты. И это будетъ не за то, что мы били въ кровь людей, лишенныхъ возможности защищаться, и не за то, что намъ, во имя чести мундира, проходило безнаказаннымъ оскорбленіе женщинъ, и не за то, что мы, опьянѣвъ, рубили въ кабакахъ въ окрошку всякаго встрѣчнаго и поперечнаго. Конечно, и за то и за это, но есть у насъ болѣе страшная и уже теперь непоправимая вина. Это то, что мы—слѣпы и глухи ко всему. Давно уже, гдѣ-то вдали отъ нашихъ грязныхъ, вонючихъ стоянокъ совершается огромная новая, свѣтозарная жизнь. Появились новые, смѣлые, гордые люди, загораются въ умахъ пламенныя, свободныя мысли. Какъ въ послѣднемъ дѣйствіи мелодрамы, рушатся старыя башни и подземелья, и изъ-за нихъ уже видится ослѣпительное сіяніе. А мы, надувшись, какъ индѣйскіе пѣтухи, только хлопаемъ глазами и надменно болбочемъ: «Что? Гдѣ? Молчать! Бунтъ! Застрѣлю!» И вотъ этого-то индюшачьяго презрѣнія къ свободѣ человѣческаго духа намъ не простятъ — во вѣки вѣковъ.

Лодка выѣхала въ тихую, тайную водяную прогалинку. Кругомъ тѣсно обступилъ ее, круглой зеленой стѣной,

высокій и неподвижный камышъ. Лодка была точно отрѣзана, укрыта отъ всего міра. Надъ ней съ крикомъ носились чайки, иногда такъ близко, почти касаясь крыльями Ромашова, что онъ чувствовалъ дуновеніе отъ ихъ сильнаго полета. Должно-быть, здѣсь, гдѣ-нибудь въ чащѣ тростника, у нихъ были гнѣзда. Назанскій легъ на корму навзничь и долго глядѣлъ вверхъ на небо, гдѣ золотыя неподвижныя облака уже окрашивались въ розовый цвѣтъ.

Ромашовъ сказалъ робко:

— Вы не устали? Говорите еще.

И Назанскій, точно продолжая вслухъ свои мысли, тотчасъ же заговорилъ:

— Да, наступаетъ новое, чудное, великолѣпное время. Я вѣдь много прожилъ на свободѣ и много кой-чего читалъ, много испыталъ и видѣлъ. До этой поры старыя вороны и галки вбивали въ насъ съ самой школьной скамьи: «Люби ближняго, какъ самого себя, и знай, что кротость, послушаніе и трепетъ суть первыя достоинства человѣка». Болѣе честные, болѣе сильные, болѣе хищные говорили намъ: «Возьмемся объ руку, пойдемъ и погибнемъ, но будущимъ поколѣніямъ приготовимъ свѣтлую и легкую жизнь». Но я никогда не понималъ этого. Кто мнѣ докажетъ съ ясной убѣдительностью,—чѣмъ связанъ я съ этимъ—чортъ бы его побралъ!—моимъ ближнимъ, съ подлымъ рабомъ, съ зараженнымъ, съ идіотомъ? О, изъ всѣхъ легендъ я болѣе всего ненавижу—всѣмъ сердцемъ, всей способностью къ презрѣнію—легенду объ Юліанѣ Милостивомъ. Прокаженный говоритъ: «Я дрожу, лягъ со мной въ постель рядомъ. Я озябъ, приблизь твои губы къ моему смрадному рту и дыши на меня». Ухъ, ненавижу! Ненавижу прокаженныхъ и не люблю ближнихъ. А затѣмъ, какой интересъ заставитъ меня разбивать свою голову ради счастья лю-

дей тридцать второго столѣтія? О, я знаю этотъ куриный бредъ о какой-то міровой душѣ, о священномъ долгѣ. Но даже тогда, когда я ему вѣрилъ умомъ, я ни разу не чувствовалъ его сердцемъ. Вы слѣдите за мной, Ромашовъ?

Ромашовъ со стыдливой благодарностью поглядѣлъ на Назанскаго.

— Я васъ вполнѣ, вполнѣ понимаю, — сказалъ онъ. — Когда меня не станетъ, то и весь міръ погибнетъ? Вѣдь вы это говорите?

— Это самое. И вотъ, говорю я, любовь къ человѣчеству выгорѣла и вычадилась изъ человѣческихъ сердецъ. На смѣну ей идетъ новая, божественная вѣра, которая пребудетъ безсмертной до конца міра. Это любовь къ себѣ, къ своему прекрасному тѣлу, къ своему всесильному уму, къ безконечному богатству своихъ чувствъ. Нѣтъ, подумайте, подумайте, Ромашовъ: кто вамъ дороже и ближе себя? — Никто. Вы — царь міра, его гордость и украшеніе. Вы — богъ всего живущаго. Все, что̀ вы видите, слышите, чувствуете, принадлежитъ вамъ. Дѣлайте, что̀ хотите. Берите все, что̀ вамъ нравится. Не страшитесь никого во всей вселенной, потому что надъ вами никого нѣтъ и никто не равенъ вамъ. Настанетъ время, и великая вѣра въ свое Я осѣнитъ, какъ огненные языки Святого Духа, головы всѣхъ людей, и тогда уже не будетъ ни рабовъ, ни господъ, ни калѣкъ, ни жалости, ни пороковъ, ни злобы, ни зависти. Тогда люди станутъ богами. И подумайте, какъ осмѣлюсь я тогда оскорбить, толкнуть, обмануть человѣка, въ которомъ я чувствую равнаго себѣ, свѣтлаго бога? Тогда жизнь будетъ прекрасна. По всей землѣ воздвигнутся легкія, свѣтлыя зданія, ничто вульгарное, пошлое не оскорбитъ нашихъ глазъ, жизнь станетъ сладкимъ трудомъ, свободной наукой, дивной музыкой, ве-

селымъ, вѣчнымъ и легкимъ праздникомъ. Любовь, освобожденная отъ темныхъ путъ собственности, станетъ свѣтлой религіей міра, а не тайнымъ, позорнымъ грѣхомъ въ темномъ углу, съ оглядкой, съ отвращеніемъ. И самыя тѣла наши сдѣлаются свѣтлыми, сильными и красивыми, одѣтыми въ яркія великолѣпныя одежды. Такъ же, какъ вѣрю въ это вечернее небо надо мной, — воскликнулъ Назанскій, торжественно поднявъ руку вверхъ:—такъ же твердо вѣрю я въ эту грядущую богоподобную жизнь!

Ромашовъ, взволнованный, потрясенный, пролепеталъ поблѣднѣвшими губами:

— Назанскій, это мечты, это фантазіи!

Назанскій тихо и снисходительно засмѣялся.

— Да,—промолвилъ онъ съ улыбкой въ голосѣ: — какой-нибудь профессоръ догматическаго богословія или классической филологіи разставитъ врозь ноги, разведетъ руками и скажетъ, склонивъ на бокъ голову: лову: «Но вѣдь это проявленіе крайняго индивидуализма!». Дѣло не въ страшныхъ словахъ, мой дорогой мальчикъ, дѣло въ томъ, что нѣтъ на свѣтѣ ничего практичнѣе, чѣмъ тѣ фантазіи, о которыхъ теперь мечтаютъ лишь немногіе. Онѣ, эти фантазіи—вѣрнѣйшая и надежнѣйшая спайка для людей. Забудемъ, что мы—военные. Мы—шпаки. Вотъ на улицѣ стоитъ чудовище, веселое, двухголовое чудовище. Кто ни пройдетъ мимо него, оно его сейчасъ въ морду, сейчасъ въ морду. Оно меня еще не ударило, но одна мысль о томъ, что оно меня можетъ ударить, оскорбить мою любимую женщину, лишить меня по произволу свободы,—эта мысль вздергиваетъ на дыбы всю мою гордость. Одинъ я его осилить не могу. Но рядомъ со мною стоитъ такой же смѣлый и такой же гордый человѣкъ, какъ я, и я говорю ему: «Пойдемъ и сдѣлаемъ вдвоемъ такъ, чтобы оно ни тебя ни меня

не ударило». И мы идемъ. О, конечно, это грубый примѣръ, это схема, но въ лицѣ этого двухголоваго чудовища я вижу все, что̀ связываетъ мой духъ, насилуетъ мою волю, унижаетъ мое уваженіе къ своей личности. И тогда-то не телячья жалость къ ближнему, а божественная любовь къ самому себѣ соединяетъ мои усилія съ усиліями другихъ, равныхъ мнѣ по духу людей!

Назанскій умолкъ. Видимо, его утомилъ непривычный нервный подъемъ. Черезъ нѣсколько минутъ онъ продолжалъ вяло, упавшимъ голосомъ:

— Вотъ такъ-то, дорогой мой Георгій Алексѣевичъ. Мимо насъ плыветъ огромная, сложная, вся кипящая жизнь, родятся божественныя, пламенныя мысли, разрушаются старыя позолоченныя идолища. А мы стоимъ въ нашихъ стойлахъ, упершись кулаками въ бока, и ржемъ: «Ахъ, вы, идіоты! Шпаки! Дррать васъ!». И этого жизнь намъ никогда не проститъ...

Онъ привсталъ, поежился подъ своимъ пальто и сказалъ устало:

— Холодно... Поѣдемте домой...

Ромашовъ выгребъ изъ камышей. Солнце сѣло за дальними городскими крышами, и онѣ черно и четко выдѣлялись въ красной полосѣ зари. Кое-гдѣ яркими отраженными огнями играли оконныя стекла. Вода въ сторону зари была розовая, гладкая и веселая, но позади лодки она уже сгустилась, посинѣла и наморщилась.

Ромашовъ сказалъ внезапно, отвѣчая на свои мысли:

— Вы правы. Я уйду въ запасъ. Не знаю самъ, какъ это сдѣлаю, но объ этомъ я и раньше думалъ.

Назанскій кутался въ пальто и вздрагивалъ отъ холода.

— Идите, идите,—сказалъ онъ съ ласковой грустью.— Въ васъ что-то есть, какой-то внутренній свѣтъ... я не знаю, какъ это назвать. Но въ нашей берлогѣ его пога-

сятъ. Просто плюнутъ на него и потушатъ. Главное — не бойтесь вы, не бойтесь жизни: она веселая, занятная, чудная штука—эта жизнь. Ну, ладно, не повезетъ вамъ— падете вы, опуститесь до босячества, до пропойства. Но вѣдь, ей-Богу, родной мой, любой бродяжка живетъ въ десять тысячъ разъ полнѣе и интереснѣе, чѣмъ Адамъ Иванычъ Зегржтъ или капитанъ Слива. Ходишь по землѣ туда-сюда, видишь города, деревни, знакомишься со множествомъ странныхъ, безпечныхъ, насмѣшливыхъ людей, смотришь, нюхаешь, слышишь, спишь на росистой травѣ, мерзнешь на морозѣ, ни къ чему не привязанъ, никого не боишься, обожаешь свободную жизнь всѣми частицами души... Эхъ, какъ люди вообще мало понимаютъ! Не все ли равно: ѣсть воблу или сѣдло дикой козы съ трюфелями, напиваться водкой или шампанскимъ, умереть подъ балдахиномъ или въ полицейскомъ участкѣ. Все это детали, маленькія удобства, быстро проходящія привычки. Онѣ только затѣняютъ, обезцѣниваютъ самый главный и громадный смыслъ жизни. Вотъ часто гляжу я на пышныя похороны. Лежитъ въ серебряномъ ящикѣ подъ дурацкими султанами одна дохлая обезьяна, а другія живыя обезьяны идутъ за ней слѣдомъ, съ вытянутыми мордами, понавѣсивъ на себя и спереди и сзади смѣшныя звѣзды и побрякушки... А всѣ эти визиты, доклады, засѣданія... Нѣтъ, мой родной, есть только одно непреложное, прекрасное и незамѣнимое — свободная душа, а съ нею творческая мысль и веселая жажда жизни. Трюфели могутъ быть и не быть—это капризная и весьма пестрая игра случая. Кондукторъ, если онъ только не совсѣмъ глупъ, черезъ годъ выучится прилично и не безъ достоинства царствовать. Но никогда откормленная, важная и тупая обезьяна, сидящая въ каретѣ, со стекляшками на жирномъ пузѣ, не пойметъ гордой прелести свободы, не испытаетъ радости вдох-

повенія, не заплачетъ сладкими слезами восторга, глядя, какъ на вербовой вѣткѣ серебрятся пушистые барашки!

Назанскій закашлялся и кашлялъ долго. Потомъ, плюнувъ за бортъ, онъ продолжалъ:

— Уходите, Ромашовъ. Говорю вамъ такъ, потому что я самъ попробовалъ воли, и если вернулся назадъ, въ загаженную клѣтку, то виною тому... ну, да ладно... все равно, вы понимаете. Смѣло ныряйте въ жизнь, она васъ не обманетъ. Она похожа на огромное зданіе съ тысячами комнатъ, въ которыхъ свѣтъ, пѣніе, чудныя картины, умные, изящные люди, смѣхъ, танцы, любовь,—все, что̀ есть великаго и грознаго въ искусствѣ. А вы въ этомъ дворцѣ до сихъ поръ видѣли одинъ только темный, тѣсный чуланчикъ, весь въ сору и въ паутинѣ,— и вы боитесь выйти изъ него.

Ромашовъ причалилъ къ пристани и помогъ Назанскому выйти изъ лодки. Уже стемнѣло, когда они пріѣхали на квартиру Назанскаго. Ромашовъ уложилъ товарища въ постель и самъ накрылъ его сверху одѣяломъ и шинелью.

Назанскій такъ сильно дрожалъ, что у него стучали зубы. Ежась въ комокъ и зарываясь головой въ подушку, онъ говорилъ жалкимъ, безпомощнымъ, дѣтскимъ голосомъ:

— О, какъ я боюсь своей комнаты... Какіе сны, какіе сны!

— Хотите, я останусь ночевать?—предложилъ Ромашовъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, не надо. Пошлите, пожалуйста, за бромомъ... и.... немного водки. Я безъ денегъ...

Ромашовъ просидѣлъ у него до одиннадцати часовъ. Понемногу Назанскаго перестало трясти. Онъ вдругъ открылъ большіе, блестящіе, лихорадочные глаза и сказалъ рѣшительно, отрывисто:

— Теперь уходите. Прощайте.

— Прощайте,—сказалъ печально Ромашовъ.

Ему хотѣлось сказать: «Прощайте, учитель», но онъ застыдился фразы и только прибавилъ съ натянутой шуткой:

— Почему — прощайте? Почему не до свиданія?

Назанскій засмѣялся жуткимъ, безсмысленнымъ, неожиданнымъ смѣхомъ.

— А почему не досвишвеція?—крикнулъ онъ дикимъ голосомъ сумасшедшаго.

И Ромашовъ почувствовалъ на всемъ своемъ тѣлѣ дрожащія волны ужаса.

XXII.

Подходя къ своему дому, Ромашовъ съ удивленіемъ увидѣлъ, что въ маленькомъ окнѣ его комнаты, среди теплаго мрака лѣтней ночи, брезжитъ чуть замѣтный свѣтъ. «Что это значитъ?—подумалъ онъ тревожно и невольно ускорилъ шаги.—Можетъ-быть, это вернулись мои секунданты съ условіями дуэли?» Въ сѣняхъ онъ натолкнулся на Гайнана, не замѣтилъ его, испугался, вздрогнулъ и воскликнулъ сердито:

— Что за чортъ! Это ты, Гайнанъ? Кто тутъ?

Несмотря на темноту, онъ почувствовалъ, что Гайнанъ, по своей привычкѣ, заплясалъ на одномъ мѣстѣ.

— Тамъ тебѣ барина пришла. Сидитъ.

Ромашовъ отворилъ дверь. Въ лампѣ давно уже вышелъ весь керосинъ, и теперь она, потрескивая, догорала послѣдними чадными вспышками. На кровати сидѣла неподвижная женская фигура, неясно выдѣляясь въ тяжеломъ, вздрагивающемъ полумракѣ.

— Шурочка! — задыхаясь, сказалъ Ромашовъ и по-

чему-то на цыпочкахъ осторожно подошелъ къ кровати.— Шурочка, это вы?

— Тише. Садитесь, — отвѣтила она быстрымъ шопотомъ. — Потушите лампу.

Онъ дунулъ сверху въ стекло. Пугливый синій огонекъ умеръ, и сразу въ комнатѣ стало темно и тихо, и тотчасъ же торопливо и громко застучалъ на столѣ незамѣчаемый до сихъ поръ будильникъ. Ромашовъ сѣлъ рядомъ съ Александрой Петровной, сгорбившись и не глядя въ ея сторону. Странное чувство боязни, волненія и какого-то замиранія въ сердцѣ овладѣло имъ и мѣшало ему говорить.

— Кто у васъ рядомъ, за стѣной?—спросила Шурочка. — Тамъ слышно?

— Нѣтъ, тамъ пустая комната... старая мебель.... хозяинъ—столяръ. Можно говорить громко.

Но все-таки оба они продолжали говорить шопотомъ, и въ этихъ тихихъ, отрывистыхъ словахъ, среди тяжелаго, густого мрака, было много боязливаго, смущеннаго и тайно крадущагося. Они сидѣли, почти касаясь другъ друга. У Ромашова глухими толчками шумѣла въ ушахъ кровь.

— Зачѣмъ, зачѣмъ вы это сдѣлали?—вдругъ сказала она тихо, но со страстнымъ упрекомъ.

Она положила ему на колѣно свою руку. Ромашовъ сквозь одежду почувствовалъ ея живую, нервную теплоту и, глубоко передохнувъ, зажмурилъ глаза. И отъ этого не стало темнѣе, только передъ глазами всплыли похожіе на сказочныя озера черные овалы, окруженные голубымъ сіяніемъ.

— Помните, я просила васъ быть съ нимъ сдержаннымъ. Нѣтъ, нѣтъ, я не упрекаю. Вы не нарочно искали ссоры—я знаю это. Но неужели въ то время, когда въ васъ проснулся дикій звѣрь, вы не могли хотя

бы на минуту вспомнить обо мнѣ и остановиться. Вы никогда не любили меня!

— Я люблю васъ, — тихо произнесъ Ромашовъ и слегка прикоснулся робкими, вздрагивающими пальцами къ ея рукѣ.

Шурочка отняла ее, но не сразу, потихоньку, точно жалѣя и боясь его обидѣть.

— Да, я знаю, что ни вы ни онъ не назвали моего имени, но ваше рыцарство пропало понапрасну: все равно по городу катится сплетня.

— Простите меня, я не владѣлъ собой... Меня ослѣпила ревность, — съ трудомъ произнесъ Ромашовъ.

Она засмѣялась долгимъ и злымъ смѣшкомъ.

— Ревность? Неужели вы думаете, что мой мужъ былъ такъ великодушенъ послѣ вашей драки, что удержался отъ удовольствія разсказать мнѣ, откуда вы пріѣхали тогда въ собраніе? Онъ и про Назанскаго мнѣ сказалъ.

— Простите, — повторялъ Ромашовъ.—Я тамъ ничего дурного не дѣлалъ. Простите.

Она вдругъ заговорила громче, рѣшительнымъ и суровымъ шопотомъ:

— Слушайте, Георгій Алексѣевичъ, мнѣ дорога каждая минута. Я и то ждала васъ около часа. Поэтому будемъ говорить коротко и только о дѣлѣ. Вы знаете, что̀ такое для меня Володя. Я его не люблю, но я на него убила часть своей души. У меня больше самолюбія, чѣмъ у него. Два раза онъ проваливался, держа экзаменъ въ академію. Это причиняло мнѣ гораздо больше обиды и огорченія, чѣмъ ему. Вся эта мысль о генеральномъ штабѣ принадлежитъ мнѣ одной, цѣликомъ мнѣ. Я тянула мужа изо всѣхъ силъ, подхлестывала его, зубрила вмѣстѣ съ нимъ, репетировала, взвинчивала его гордость, ободряла его въ минуту унынія. Это—мое соб-

ственное, любимое, больное дѣло. Я не могу оторвать отъ этой мысли своего сердца. Что бы тамъ ни было, но онъ поступитъ въ академію.

Ромашовъ сидѣлъ, низко склонившись головой на ладонь. Онъ вдругъ почувствовалъ, что Шурочка тихо и медленно провела рукой по его волосамъ. Онъ спросилъ съ горестнымъ недоумѣніемъ:

— Что же я могу сдѣлать?

Она обняла его за шею и нѣжно привлекла его голову къ себѣ на грудь. Она была безъ корсета. Ромашовъ почувствовалъ щекой податливую упругость ея тѣла и услышалъ его теплый, пряный, сладострастный запахъ. Когда она говорила, онъ ощущалъ ея прерывистое дыханіе на своихъ волосахъ.

— Ты помнишь, тогда... вечеромъ.... на пикникѣ. Я тебѣ сказала всю правду. Я не люблю его. Но, подумай: три года, цѣлыхъ три года надеждъ, фантазій, плановъ и такой упорной, противной работы! Ты вѣдь знаешь, я ненавижу до дрожи это мѣщанское, нищенское офицерское общество. Я хочу быть всегда прекрасно одѣтой, красивой, изящной, я хочу поклоненія, власти! И вдругъ—нелѣпая пьяная драка, офицерскій скандалъ—и все кончено, все разлетѣлось въ прахъ! О, какъ это ужасно! Я никогда не была матерью, но я воображаю себѣ: вотъ у меня растетъ ребенокъ—любимый, лелѣемый, въ немъ всѣ надежды, въ него вложены заботы, слезы, безсонныя ночи... и вдругъ—нелѣпость, случай, дикій, стихійный случай: онъ играетъ на окнѣ, нянька отвернулась, онъ падаетъ внизъ, на камни. Милый, только съ этимъ материнскимъ отчаяніемъ я могу сравнить свое горе и злобу. Но я не виню тебя.

Ромашову было неудобно сидѣть перегнувшись и боясь сдѣлать ей тяжело. Но онъ радъ былъ бы сидѣть такъ цѣлые часы и слышать въ какомъ-то страшномъ,

душномъ опьянѣніи частыя и точныя біенія ея маленькаго сердца.

— Ты слушаешь меня? — спросила она, нагибаясь къ нему.

— Да, да... Говори.... Если я только могу, я сдѣлаю все, что̀ ты хочешь.

— Нѣтъ, нѣтъ. Выслушай меня до конца. Если ты его убьешь, или если его отставятъ отъ экзамена — кончено! Я въ тотъ же день, когда узна̀ю объ этомъ, бросаю его и ѣду—все равно куда—въ Петербургъ, въ Одессу, въ Кіевъ. Не думай, это не фальшивая фраза изъ газетнаго романа. Я не хочу пугать тебя такими дешевыми эффектами. Но я знаю, что я молода, умна, образована. Не красива. Но я сумѣю быть интереснѣе многихъ красавицъ, которыя на публичныхъ балахъ получаютъ въ видѣ преміи за красоту мельхіоровый подносъ или будильникъ съ музыкой. Я надругаюсь надъ собой, но сгорю въ одинъ мигъ и ярко, какъ фейерверкъ!

Ромашовъ глядѣлъ въ окно. Теперь его глаза, привыкшіе къ темнотѣ, различали неясный, чуть видный переплетъ рамы.

— Не говори такъ... не надо.... мнѣ больно,—произнесъ онъ печально.—Ну, хочешь, я завтра откажусь отъ поединка, извинюсь передъ нимъ? Сдѣлать это?

Она помолчала немного. Будильникъ наполнялъ своей металлической болтовней всѣ углы темной комнаты. Наконецъ она произнесла еле слышно, точно въ раздумьѣ, съ выраженіемъ, котораго Ромашовъ не могъ уловить:

— Я такъ и знала, что ты это предложишь.

Онъ поднялъ голову и, хотя она удерживала его за шею рукой, выпрямился на кровати.

— Я не боюсь!—сказалъ онъ громко и глухо.

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, — заговорила она горячимъ, поспѣшнымъ, умоляющимъ шопотомъ. — Ты меня не понялъ. Иди ко мнѣ ближе... какъ раньше... Иди же!..

Она обняла его обѣими руками и зашептала, щекоча его лицо своими тонкими волосами и горячо дыша ему въ щеку:

— Ты меня не понялъ. У меня совсѣмъ другое. Но мнѣ стыдно передъ тобой. Ты такой чистый, добрый, и я стѣсняюсь говорить тебѣ объ этомъ. Я расчетливая, я гадкая...

— Нѣтъ, говори все. Я тебя люблю.

— Послушай,—заговорила она, и онъ скорѣе угадывалъ ея слова, чѣмъ слышалъ ихъ. — Если ты откажешься, то вѣдь сколько обидъ, позора и страданій падетъ на тебя. Нѣтъ, нѣтъ, опять не то. Ахъ, Боже мой, въ эту минуту я не стану лгать передъ тобой. Дорогой мой, я вѣдь все это давно обдумала и взвѣсила. Положимъ, ты отказался. Честь мужа реабилитирована. Но, пойми, въ дуэли, окончившейся примиреніемъ, всегда остается что-то... какъ бы сказать?.. Ну, что ли, сомнительное, что-то возбуждающее недоумѣніе и разочарованіе.... Понимаешь ли ты меня? — спросила она съ грустной нѣжностью и осторожно поцѣловала его въ волосы.

— Да. Такъ что же?

— То, что въ этомъ случаѣ мужа почти навѣрно не допустятъ къ экзаменамъ. Репутація офицера генеральнаго штаба должна быть безъ пушинки. Между тѣмъ, если бы вы на самомъ дѣлѣ стрѣлялись, то тутъ было бы нѣчто героическое, сильное. Людямъ, которые умѣютъ держать себя съ достоинствомъ подъ выстрѣломъ, многое, очень многое прощаютъ. Потомъ... послѣ дуэли... ты могъ бы, если хочешь, и извиниться... Ну, это ужъ твое дѣло.

Тѣсно обнявшись, они шептались, какъ заговорщики, касаясь лицами и руками другъ друга, слыша дыханіе другъ друга. Но Ромашовъ почувствовалъ, какъ между ними незримо проползало что-то тайное, гадкое, склизкое, отъ чего пахнуло холодомъ на его душу. Онъ опять хотѣлъ высвободиться изъ ея рукъ, но она его не пускала. Стараясь скрыть непонятное, глухое раздраженіе, онъ сказалъ сухо:

— Ради Бога, объяснись прямѣе. Я все тебѣ обѣщаю.

Тогда она повелительно заговорила около самаго его рта, и слова ея были, какъ быстрые, трепетные поцѣлуи:

— Вы непремѣнно должны завтра стрѣляться. Но ни одинъ изъ васъ не будетъ раненъ. О, пойми же, пойми меня, не осуждай меня! Я сама презираю трусовъ, я женщина. Но ради меня сдѣлай это, Георгій! Нѣтъ, не спрашивай о мужѣ, онъ знаетъ. Я все, все, все сдѣлала.

Теперь ему удалось упрямымъ движеніемъ головы освободиться отъ ея мягкихъ и сильныхъ рукъ. Онъ всталъ съ кровати и сказалъ твердо:

— Хорошо, пусть будетъ такъ. Я согласенъ.

Она тоже встала. Въ темнотѣ, по ея движеніямъ онъ не видѣлъ, а угадывалъ, чувствовалъ, что она торопливо поправляетъ волосы на головѣ.

— Ты уходишь?—спросилъ Ромашовъ.

— Прощай, — отвѣтила она слабымъ голосомъ.—Поцѣлуй меня въ послѣдній разъ.

Сердце Ромашова дрогнуло отъ жалости и любви. Впотьмахъ, ощупью, онъ нашелъ руками ея голову и сталъ цѣловать ея щеки и глаза. Все лицо Шурочки было мокро отъ тихихъ, неслышныхъ слезъ. Это взволновало и растрогало его.

— Милая... не плачь.... Саша... милая...—твердилъ онъ жалостно и мягко.

Она вдругъ быстро закинула руки ему за шею, том-

пымъ, страстнымъ и сильнымъ движеніемъ вся прильнула къ нему и, не отрывая своихъ пылающихъ губъ отъ его рта, зашептала отрывисто, вся содрогаясь и тяжело дыша:

— Я не могу такъ съ тобой проститься... Мы не увидимся больше. Такъ не будемъ ничего бояться... Я хочу, хочу этого. Одинъ разъ... возьмемъ наше счастье... Милый, иди же ко мнѣ, иди, иди...

И вотъ оба они, и вся комната, и весь міръ сразу наполнились какимъ-то нестерпимо-блаженнымъ, знойнымъ бредомъ. На секунду среди бѣлаго пятна подушки Ромашовъ со сказочной отчетливостью увидѣлъ близко-близко около себя глаза Шурочки, сіявшіе безумнымъ счастьемъ, и жадно прижался къ ея губамъ...

— Можно мнѣ проводить тебя? — спросилъ онъ, выйдя съ Шурочкой изъ дверей на дворъ.

— Нѣтъ, ради Бога, не нужно, милый... Не дѣлай этого. Я и такъ не знаю, сколько времени провела у тебя. Который часъ?

— Не знаю, у меня нѣтъ часовъ. Положительно не знаю.

Она медлила уходить и стояла, прислонившись къ двери. Въ воздухѣ пахло отъ земли и отъ камней сухимъ, страстнымъ запахомъ жаркой ночи. Было темно, но сквозь мракъ Ромашовъ видѣлъ, какъ и тогда въ рощѣ, что лицо Шурочки свѣтится страннымъ бѣлымъ свѣтомъ, точно лицо мраморной статуи.

— Ну, прощай же, мой дорогой, — сказала она наконецъ усталымъ голосомъ. — Прощай.

Они поцѣловались, и теперь ея губы были холодны и неподвижны. Она быстро пошла къ воротамъ, и сразу ее поглотила густая тьма ночи.

Ромашовъ стоялъ и слушалъ до тѣхъ поръ, пока не скрипнула калитка и не замолкли тихіе шаги Шурочки. Тогда онъ вернулся въ комнату.

Сильное, но пріятное утомленіе внезапно овладѣло имъ. Онъ едва успѣлъ раздѣться—такъ ему хотѣлось спать. И послѣднимъ живымъ впечатлѣніемъ передъ сномъ былъ легкій, сладостный запахъ, шедшій отъ подушки—запахъ волосъ Шурочки, ея духовъ и прекраснаго молодого тѣла.

XXIII.

2-го іюня 18**.
Городъ Z.

Его Высокоблагородію
командиру N—скаго пѣхотнаго полка
Штабсъ-капитана того же полка Дицъ

РАПОРТЪ.

Настоящимъ имѣю честь донести Вашему Высокоблагородію, что сего 2-го іюня, согласно условіямъ, доложеннымъ вамъ вчера, 1-го іюня, состоялся поединокъ между поручикомъ Николаевымъ и подпоручикомъ Ромашовымъ. Противники встрѣтились безъ пяти минутъ въ 6 час. утра, въ рощѣ, именуемой «Дубечная», расположенной въ 3½ верстахъ отъ города. Продолжительность поединка, включая сюда и время, употребленное на сигналы, была 1 мин. 10 сек. Мѣста, занятыя дуэлянтами, были установлены жребіемъ. По командѣ «впередъ» оба противника пошли другъ другу навстрѣчу, при чемъ выстрѣломъ, произведеннымъ поручикомъ Николаевымъ, подпоручикъ Ромашовъ раненъ былъ въ правую верхнюю часть живота. Для выстрѣла поручикъ Николаевъ остановился, точно такъ же, какъ и оставался стоять, ожидая отвѣтнаго выстрѣла. По истеченіи установленной полминуты для отвѣтнаго выстрѣла, обнаружилось, что подпоручикъ Ромашовъ отвѣчать противнику не можетъ. Вслѣдствіе этого секунданты подпоручика Рома-

шова предложили считать поединокъ оконченнымъ. Съ общаго согласія, это было сдѣлано. При перенесеніи подпоручика Ромашова въ коляску, послѣдній впалъ въ тяжелое обморочное состояніе и черезъ семь минутъ скончался отъ внутренняго кровоизліянія. Секундантами со стороны поручика Николаева были: я и поручикъ Васинъ, со стороны же подпоручика Ромашова: поручики Бекъ-Агамаловъ и Вѣткинъ. Распоряженіе дуэлью, съ общаго согласія, было предоставлено мнѣ. Показаніе младшаго врача кол. ас. Знойко при семъ прилагаю.

Штабсъ-капитанъ Дицъ.

ДОЗНАНІЕ.

Подпоручикъ Козловскій задумчиво чертилъ на бѣлой клеенкѣ стола тонкій профиль женскаго лица со взбитой кверху гривкой и съ воротникомъ à la Марія Стюартъ. Лежавшее передъ нимъ предписаніе начальства коротко приказывало ему произвести немедленное дознаніе о кражѣ пары голенищъ и тридцати семи копеекъ деньгами, произведенной рядовымъ Мухаметомъ Байгузинымъ изъ запертаго сундука, принадлежащаго молодому солдату Венедикту Есипакѣ. Собранные по этому дѣлу свидѣтели: фельдфебель Остапчукъ и ефрейторъ Пискунъ, и вмѣстѣ съ ними рядовой Кучербаевъ, вызванный въ качествѣ переводчика, помѣщались въ хозяйской кухнѣ, откуда ихъ по одному впускалъ въ комнату денщикъ подпоручика, сохранявшій на лицѣ приличное случаю — степенное и даже нѣсколько высокомѣрное выраженіе.

Первымъ вошелъ фельдфебель, Тарасъ Гавриловичъ Остапчукъ, и тотчасъ же далъ о себѣ знать учтивымъ покашливаніемъ, для чего поднесъ ко рту фуражку. Тарасъ Гавриловичъ — «зубъ» по уставной части, непоколебимый авторитетъ для всего галуннаго начальства — пользовался въ полку весьма широкою извѣстностью. Подъ его опытнымъ руководствомъ сходили благополучно для роты смотры, парады и всякіе инспекторскіе опросы, ме-

жду тѣмъ какъ ротный командиръ проводилъ дни и ночи въ изобрѣтеніи финансовыхъ мѣръ противъ тѣхъ исполнительныхъ листовъ, которые то и дѣло представляли на него въ канцелярію полка безчисленные кредиторы изъ полковыхъ ростовщиковъ. Снаружи фельдфебель производилъ впечатлѣніе маленькаго, сильнаго крѣпыша съ наклонностью къ сытой полнотѣ, съ квадратнымъ краснымъ лицомъ, на которомъ зорко и остро глядѣли узенькіе глазки. Тарасъ Гавриловичъ былъ женатъ и въ лагерное время послѣ вечерней переклички пилъ чай съ молокомъ и горячей булкой, сидя въ полосатомъ халатѣ передъ своей палаткой. Онъ любилъ говорить съ вольноопредѣляющимися своей роты о политикѣ, при чемъ всегда оставался при особомъ мнѣніи, а несогласнаго назначалъ иногда на лишнее дежурство.

— Какъ... тебя... зовутъ? — спросилъ нерѣшительно Козловскій.

Онъ еще и года не выслужилъ въ полку и всегда запинался, если ему приходилось говорить «ты» такой заслуженной особѣ, какъ Тарасъ Гавриловичъ, у котораго на груди висѣла большая серебряная медаль «за усердіе» и лѣвый рукавъ былъ расшитъ золотыми и серебряными углами.

Опытный фельдфебель очень тонко и вѣрно оцѣнилъ замѣшательство молодого офицера и, нѣсколько польщенный имъ, назвалъ себя съ полною обстоятельностью.

— Разскажите... разскажите.... кто тамъ эту кражу совершилъ? Сапоги тамъ какіе-то, что ли? Чортъ знаетъ, что такое!

Чорта онъ прибавилъ, чтобы хоть немного поддать своему тону увѣренности. Фельдфебель выслушалъ его съ видомъ усиленнаго вниманія, вытянувъ впередъ шею. Показаніе свое онъ началъ неизбѣжнымъ «такъ что».

— Такъ что, вашъ бродь, сижу я и переписываю на-

рядъ. Внезапно прибѣгаетъ ко мнѣ дежурный, этотъ самый, значитъ, Пискунъ, и докладываетъ: такъ и такъ, господинъ фельдфебель, въ ротѣ неблагополучно.—«Какъ такъ неблагополучно?»—«Точно такъ, говоритъ, у молодого солдатика сапоги украли и тридцать копеекъ денегъ». —«А зачѣмъ онъ, спрашиваю, сундука не запиралъ?» Потому что, вашъ бродь, у нихъ, у каждаго, при сундучкѣ замокъ долженъ находиться.—«Точно такъ, говоритъ, онъ запиралъ, только у него взломали».—«Кто взломалъ? Какъ смѣли? Эт-та что за безобразіе?»—«Не могу знать, господинъ фельдфебель». Тогда я пошелъ къ ротному командиру и доложилъ: такъ и такъ, ваше высокоблагородіе, и вотъ что случилось, а только меня въ это время въ ротѣ не было, потому что я ходилъ до оружейнаго мастера.

— Это все, что тебѣ извѣстно?

— Точно такъ.

— Ну, а этотъ солдатъ, Байгузинъ, хорошій онъ солдатъ? Раньше его замѣчали въ чемъ-нибудь?

Тарасъ Гавриловичъ потянулъ впередъ подбородокъ, какъ будто бы воротникъ рѣзалъ ему шею.

— Точно такъ, въ прошломъ году въ бѣгахъ былъ три недѣли. Я полагаю, что эти татаре — самая несообразная нація. Потому что они на луну молятся и ничего по-нашему не понимаютъ. Я полагаю. вашъ бродь, что ихъ больше, татаръ то-есть, ни въ одномъ государствѣ не водится...

Тарасъ Гавриловичъ любилъ поговорить съ образованнымъ человѣкомъ. Козловскій слушалъ молча и кусалъ ручку пера.

Благодаря недостатку служебнаго опыта, онъ не могъ ни собраться съ духомъ, ни найти надлежащій, твердый тонъ, чтобы осадить политичнаго фельдфебеля. Наконецъ, запикаясь, онъ спросилъ, чтобы только что-нибудь ска-

зать, и въ то же время чувствуя, что Тарасъ Гавриловичъ понимаетъ ненужность его вопроса:

— Ну, и что же теперь будутъ съ Байгузинымъ дѣлать?

Тарасъ Гавриловичъ отвѣтилъ съ самымъ благосклоннымъ видомъ:

— Надо полагать, что Байгузина, вашъ бродь, будутъ теперь пороть. Потому, ежели бы онъ въ прошломъ году не бѣгалъ, ну, тогда дѣло другого рода, а теперь я такъ полагаю, что его безпремѣнно выдерутъ. Потому, какъ онъ штрафованный.

Козловскій прочелъ ему дознаніе и далъ для подписи. Тарасъ Гавриловичъ бойко и тщательно написалъ свое званіе, имя, отчество и фамилію, потомъ перечелъ написанное, подумалъ и, неожиданно придѣлавъ подъ подписью закорючку, хитро и дружелюбно поглядѣлъ на офицера.

Затѣмъ вошелъ ефрейторъ Пискунъ. Онъ еще не дорось до разбиранія степени авторитетности начальства и потому одинаково пучилъ на всѣхъ глаза, стараясь говорить «громко, смѣло и при томъ всегда правду». Отъ этого, уловивъ въ вопросѣ начальника намекъ на положительный отвѣтъ, онъ кричалъ: «точно такъ», а въ противномъ случаѣ—«никакъ нѣтъ».

— Ты не знаешь, кто укралъ у молодого солдата Есипаки голенища?

Пискунъ закричалъ, что онъ не можетъ знать.

— А можетъ-быть, это Байгузинъ сдѣлалъ?

— Точно такъ, ваше благородіе!—закричалъ Пискунъ радостнымъ и увѣреннымъ голосомъ.

— Почему же ты такъ думаешь?

— Не могу знать, ваше благородіе.

— Такъ ты, можетъ-быть, и не видалъ вовсе, какъ онъ кралъ-то?

— Никакъ нѣтъ, не видалъ. А когда солдаты пошли на ужинъ, то онъ все около наръ вертѣлся. Я его спросилъ: «Чего ты здѣсь околачиваешься?» А онъ говоритъ: «Я хлѣбъ свой ищу».

— Значитъ, ты самой кражи не видалъ?

— Не видалъ, ваше благородіе.

— Да, можетъ-быть, кто-нибудь еще, кромѣ Байгузина, тамъ былъ? Можетъ-быть, это вовсе и не онъ укралъ?

— Точно такъ, ваше благородіе.

Съ ефрейторомъ Козловскій чувствовалъ себя несравненно развязнѣе и потому, назвавъ его осломъ, далъ ему для подписи дознаніе.

Пискунъ долго пристраивался, громко сопя и высовывая кончикъ языка отъ усердія, и наконецъ вывелъ съ громаднымъ трудомъ: ефре Спирйдонь Пескуноу.

Теперь Козловскій понялъ, что все дѣло въ концѣ концовъ сводилось къ одному шаткому показанію дежурнаго по ротѣ—Пискуна, который видѣлъ Байгузина околачивающимся во время ужина въ казармѣ. Что же касается до молодого солдата Есипаки, то его еще раньше отправили въ госпиталь, потому что онъ заболѣлъ трахомой.

Наконецъ денщикъ впустилъ обоихъ татаръ. Они вошли робко, съ преувеличенною осторожностью ступая сапогами, съ которыхъ кусками валилась на полъ осенняя грязь, и остановились у самой двери. Козловскій приказалъ имъ подойти ближе; они сдѣлали еще по три шага, высоко поднимая ноги.

— Фамиліи! — обратился къ нимъ офицеръ.

Кучербаевъ очень бойко отчеканилъ свою фамилію, въ которую входили и «оглы», и «гирей», и «мирза».

Байгузинъ молчалъ и глядѣлъ въ землю.

— Скажи ему по-татарски, чтобы онъ назвалъ свою фамилію,—приказалъ Козловскій переводчику.

Кучербаевъ поворотился къ обвиняемому и что-то проговорилъ по-татарски ободрительнымъ тономъ.

Байгузинъ поднялъ глаза, поглядѣлъ на переводчика тѣмъ немигающимъ и печальнымъ взглядомъ, какимъ смотритъ на своего хозяина маленькая обезьянка, и проговорилъ быстро, хриплымъ и равнодушнымъ голосомъ:

— Мухаметъ Байгузинъ.

— Точно такъ, ваше благородіе, Мухаметъ Байгузинъ,—доложилъ переводчикъ.

— Спроси его, взялъ онъ у Есипаки голенища?

Подпоручикъ опять убѣдился въ своей неопытности и малодушіи, потому что изъ какого-то стыдливаго и деликатнаго чувства немогъ выговорить настоящее слово «укралъ».

Кучербаевъ снова поворотился и заговорилъ, на этотъ разъ вопросительно и какъ будто бы съ оттѣнкомъ строгости. Байгузинъ поднялъ на него глаза и опять промолчалъ. И на всѣ вопросы онъ отвѣчалъ такимъ же печальнымъ молчаніемъ.

— Не хочетъ говорить, — объяснилъ переводчикъ.

Офицеръ всталъ, прошелся задумчиво взадъ и впередъ по комнатѣ и спросилъ:

— А по-русски-то онъ совсѣмъ ничего не понимаетъ?

— Понимаетъ, ваше благородіе. Онъ даже говоритъ можетъ. Эй! Харандашъ, корàли мингà *), — обратился онъ опять къ Байгузину и заговорилъ по-татарски что-то длинное, на что Байгузинъ отвѣчалъ только своимъ обезьяньимъ взглядомъ.

— Никакъ нѣтъ, ваше благородіе, не хочетъ.

Наступило молчаніе; подпоручикъ еще разъ прошелся

---

*) Корàли мингà — значитъ по-татарски—смотри на меня. Харандашъ—пріятель.

изъ угла въ уголъ и вдругъ закричалъ со злостью на переводчика:

— Иди. Ты мнѣ больше не нуженъ... Ступай, ступай!

Когда Кучербаевъ ушелъ, Козловскій еще долго ходилъ изъ угла въ уголъ вдоль своей единственной комнаты. Въ трудныя минуты жизни онъ всегда прибѣгалъ къ этому испытанному средству. И каждый разъ, проходя мимо Байгузина, онъ сбоку, такъ, чтобы это было незамѣтно, разсматривалъ его. Этотъ защитникъ отечества былъ худъ и малъ, точно двѣнадцатилѣтній мальчикъ. Его дѣтское лицо, коричневое, скуластое и совсѣмъ безволосое, смѣшно и жалко выглядывало изъ непомѣрно-широкой сѣрой шинели съ рукавами по колѣни, въ которой Байгузинъ болтался, какъ горошина въ стручкѣ. Глазъ его не было видно, потому что онъ ихъ все время держалъ опущенными.

— Отчего ты не хочешь отвѣчать? — спросилъ подпоручикъ, остановившись передъ солдатикомъ.

Татаринъ молчалъ, не поднимая глазъ.

— Ну, чего же ты молчишь, братецъ? Вотъ про тебя говорятъ, что ты взялъ голенища. Такъ, можетъ-быть, это и не ты вовсе? А? Ну, говори же, взялъ ты или нѣтъ? А?

Не дождавшись отвѣта, Козловскій опять принялся ходить. Осенній вечеръ быстро темнѣлъ, и все въ комнатѣ принимало скучный и сѣрый оттѣнокъ. Углы совсѣмъ потонули въ темнотѣ, и Козловскій съ трудомъ различалъ понурую, неподвижную фигуру, мимо которой онъ каждый разъ проходилъ. Подпоручикъ понималъ, что если бы онъ такъ продолжалъ ходить весь вечеръ и всю ночь, вплоть до утра, то и понурая фигура продолжала бы такъ же неподвижно и молчаливо стоять на своемъ мѣстѣ. Эта мысль была ему особенно тяжела и непріятна.

Стѣнные часы съ гирьками быстро и глухо пробили

одиннадцать часовъ, потомъ зашипѣли и, какъ будто бы въ раздумьѣ, прибавили еще три.

Козловскому стало очень жаль этого ребенка въ большой солдатской шинели. Впрочемъ, это было почти неуловимое, странное и совсѣмъ новое чувство для Козловскаго, который не умѣлъ въ немъ разобраться. Какъ будто бы въ жалкой пришибленности и безпомощности Байгузина былъ виноватъ не кто иной, какъ самъ подпоручикъ Козловскій. Въ чемъ заключалась эта вина, онъ не сумѣлъ бы отвѣтить, но ему сдѣлалось бы стыдно, если бы теперь кто-нибудь напомнилъ ему, что онъ недуренъ собой и ловко танцуетъ, что его считаютъ неглупымъ, что онъ выписываетъ толстый журналъ и имѣетъ связь съ хорошенькой дамой.

Стало такъ темно, что Козловскій уже не различалъ фигуры татарина. На печкѣ заиграли длинныя блѣдныя пятна отъ восходившаго молодого мѣсяца.

— Послушай, Байгузинъ, — заговорилъ Козловскій искреннимъ, дружелюбнымъ голосомъ. — Богъ вѣдь у насъ у всѣхъ одинъ. Ну, Аллахъ, что ли, по-вашему? Такъ вѣдь надо правду говорить. А? Если не скажешь теперь, все равно потомъ узнаютъ, и будетъ еще хуже. А сознаешься—все-таки не такъ. И я за тебя попрошу. Честное слово, ужъ я тебѣ говорю, что просить буду за тебя. Понимаешь, одно слово — Аллахъ.

Опять въ комнатѣ сдѣлалось тихо, и только часы стучали съ настойчивымъ и скучнымъ однообразіемъ.

— Ну, Байгузинъ, я же тебя, какъ человѣкъ, прошу. Ну, просто какъ человѣкъ, а не какъ начальникъ. Начальникъ йокъ. Понимаешь? У тебя отецъ-то есть? А? Можетъ-быть, и инай есть?—прибавилъ онъ, вспомнивъ случайно, что по-татарски мать — инай.

Татаринъ молчалъ. Козловскій прошелся по комнатѣ, перетянулъ кверху гирьки часовъ и затѣмъ, подойдя къ

окну, сталъ глядѣть съ тоскливымъ сердцемъ въ холодную темноту осенней ночи.

И вдругъ онъ вздрогнулъ, услышавъ сзади себя хриплый и тонкій голосъ:

— Инай есть.

Козловскій быстро обернулся. Онъ какъ разъ въ это время думалъ, что и у него есть инай, милая старушка инай, отъ которой онъ отдѣленъ пространствомъ въ полторы тысячи верстъ. Онъ вспомнилъ, что, въ сущности, безъ нея онъ былъ совсѣмъ одинокъ въ этомъ краѣ, гдѣ говорятъ ломанымъ русскимъ языкомъ и гдѣ онъ всегда чувствовалъ себя чужимъ; вспомнилъ ея теплую ласку и нѣжную заботу; вспомнилъ, что иногда, увлекаемый шумной, подчасъ безалаберной жизнью, онъ позабывалъ въ продолженіе мѣсяцевъ отвѣчать на ея длинныя, обстоятельныя и нѣжныя письма, въ которыхъ она неизмѣнно поручала его покровительству Царицы Небесной.

Между подпоручикомъ и молчаливымъ татариномъ вдругъ возникла тонкая и нѣжная связь. Козловскій рѣшительно подошелъ къ солдату и положилъ ему обѣ руки на плечи.

— Ну, послушай, голубчикъ, говори правду, укралъ ты или не укралъ эти голенища?

Байгузинъ потянулъ носомъ и повторилъ точно эхо:

— Укралъ голенища.

— И тридцать семь копеекъ укралъ?

— Тридцать семь копеекъ укралъ.

Подпоручикъ вздохнулъ и опять зашагалъ по комнатѣ. Теперь онъ уже сожалѣлъ, что началъ разговоръ про «инай» и довелъ Байгузина до сознанія. Раньше, по крайней мѣрѣ, хоть не было ни одной прямой улики.

«Ну, околачивался онъ въ казармѣ, и что же изъ того, что околачивался? И никто бы ничего не могъ до-

казать. А теперь ужъ по одному чувству долга приходится его сознаніе записать. Да полно, долгъ ли это? А можетъ-быть, долгъ-то мой теперь въ томъ и состоитъ, чтобы этого сознанія не записывать? Вѣдь проникло же ему въ душу какое-то хорошее чувство и даже, вѣроятнѣе всего, раскаяніе. А его, какъ рецидивиста, ужъ непремѣнно, непремѣнно высѣкутъ. Развѣ это поможетъ? Вотъ и «инай» у него тоже есть. И кромѣ того долгъ, вѣдь это «тягучее понятіе», какъ говоритъ капитанъ Гребберъ. Ну, а если его еще разъ будутъ допрашивать? Не могу же я входить съ нимъ въ соглашеніе, учить его обманывать начальство. И для какого чорта только я про эту «инай» вспомнилъ! Ахъ, ты, бѣдняга, бѣдняга! Я же тебѣ своимъ сочувствіемъ бѣды надѣлалъ».

Козловскій приказалъ татарину отправиться въ казармы и прійти завтра раннимъ утромъ. До этого времени онъ надѣялся обдумать все дѣло и остановиться на какомъ-нибудь мудромъ рѣшеніи. Самымъ лучшимъ ему все-таки казалось обратиться къ кому-нибудь изъ особенно симпатичныхъ начальниковъ и объяснить всѣ подробности.

Поздно ночью, ложась въ постель, онъ спросилъ у своего денщика, что, по его мнѣнію, сдѣлаютъ съ Байгузинымъ.

— Безпремѣнно его выдерутъ, ваше благородіе,—отвѣтилъ денщикъ убѣжденнымъ тономъ. — Да какъ же его не драть, когда онъ у солдата послѣднія голенища тащитъ? Солдатъ—человѣкъ Богу обреченный... Гдѣ же это видано, чтобы у своего брата послѣднія голенища воровать? Скаж-жите, пожалуйста!..

Стояло ясное и слегка морозное осеннее утро. Трава, земля, крыши домовъ — все было покрыто тонкимъ бѣлымъ налетомъ инея; деревья казались тщательно напудренными.

Широкій казарменный дворъ, обнесенный со всѣхъ четырехъ сторонъ длинными деревянными строеніями, кишѣлъ, точно муравейникъ, сѣрыми солдатскими фигурами. Сначала казалось, что въ этой муравьиной суетѣ не было никакого порядка, но опытный взглядъ уже могъ замѣтить, какъ въ четырехъ концахъ двора образовались четыре кучки, и какъ постепенно каждая изъ нихъ развертывалась въ длинный правильный строй. Послѣдніе запоздавшіе люди торопливо бѣжали, дожевывая на ходу кусокъ хлѣба и застегивая ремень съ сумками.

Черезъ нѣсколько минутъ роты одна за другой блеснули и звякнули ружьями и одна за другой вышли къ самому центру двора, гдѣ стали лицами внутрь, въ видѣ правильнаго четырехугольника, въ серединѣ котораго осталась небольшая площадь, шаговъ около сорока въ квадратѣ.

Небольшая кучка офицеровъ стояла въ сторонѣ, вокругъ батальоннаго командира. Предметомъ разговора служилъ рядовой Байгузинъ, надъ которымъ долженъ былъ сегодня приводиться въ исполненіе приговоръ полкового суда.

Разговоромъ больше всѣхъ завладѣлъ громадный рыжій офицеръ въ толстой шинели солдатскаго сукна съ баранымъ воротникомъ. Эта шинель имѣла свою исторію и была извѣстна въ полку подъ двумя названіями: постового тулупа и бабушкина капота. Впрочемъ, никто такъ не называлъ этой шинели при самомъ владѣльцѣ, потому что всѣ побаивались его длиннаго и грязнаго языка. Онъ говорилъ, какъ всегда, грубо, съ малорусскимъ произношеніемъ, съ широкими жестами, никогда не подходившими къ смыслу разговора, съ тѣмъ нелѣпымъ строеніемъ фразы, которое обличаетъ бывшаго семинариста.

— Вотъ у насъ въ бурсѣ такъ дѣйствительно драли.

Хочешь-не-хочешь, бывало, а въ субботу снимай штаны! Такъ и говорили: «правда твоя, миленькій, правда, — а ну-ка, ложись...» Коли виноватъ — въ наказаніе, а не виноватъ—въ поощреніе.

— Ну, этому сильно, должно-быть, достанется,—вставилъ батальонный командиръ:—солдаты воровства не прощаютъ.

Рыжій офицеръ быстро повернулся въ сторону батальоннаго съ готовымъ возраженіемъ, но раздумалъ и замолчалъ.

Къ батальонному командиру подбѣжалъ сбоку фельдфебель и вполголоса доложилъ:

— Ваше высокоблагородіе, ведутъ этого самаго татарчонка.

Всѣ обернулись назадъ. Живой четырехугольникъ вдругъ зашевелился безъ всякой команды и затихъ. Офицеры поспѣшно пошли къ ротамъ, застегивая на ходу перчатки.

Среди наступившей тишины рѣзко слышались тяжелые шаги трехъ человѣкъ. Байгузинъ шелъ въ серединѣ между двумя конвойными. Онъ былъ все въ той же непомѣрной шинели, заплатанной на спинѣ кусками разныхъ оттѣнковъ; рукава попрежнему болтались по колѣно. Поля нахлобученной шапки опустились спереди на кокарду, а сзади высоко поднялись, что̀ придавало татарину еще болѣе жалкій видъ. Странное производилъ впечатлѣніе этотъ маленькій, сгорбленный преступникъ, когда онъ остановился между двумя конвойными, посреди четырехсотъ вооруженныхъ людей.

Съ тѣхъ поръ, какъ подпоручикъ Козловскій прочелъ въ приказѣ о назначеніи надъ Байгузинымъ тѣлеснаго наказанія, имъ овладѣли дикія и очень смѣшанныя впечатлѣнія. Ему ничего не удалось сдѣлать для Байгузина, потому что начальство на другой же день зато-

ропило его съ дознаніемъ. Правда, помня данное татарину слово, онъ обратился къ своему ротному командиру за совѣтомъ, но потерпѣлъ полную неудачу. Ротный командиръ сначала удивился, потомъ расхохотался и наконецъ, видя возрастающее волненіе молодого офицера, заговорилъ о чемъ-то постороннемъ и отвлекъ его вниманіе. Теперь Козловскій чувствовалъ себя не то что предателемъ, но ему казалось, будто онъ обманомъ вытянулъ у Байгузина признаніе въ воровствѣ. «Вѣдь это, пожалуй, еще хуже, — думалъ онъ: — растрогать человѣка воспоминаніемъ о домѣ, о матери, да потомъ сразу и прихлопнуть». Сейчасъ, слушая рыжаго офицера, онъ особенно сильно ненавидѣлъ его непріятную, грязную бороду, его тяжелую, грубую фигуру, замасленныя косички его волосъ, торчавшихъ сзади изъ-подъ шапки. Этотъ человѣкъ, повидимому, съ удовольствіемъ пришелъ на зрѣлище, виновникомъ котораго Козловскій считалъ все-таки себя.

Батальонный командиръ вышелъ на середину батальона и, повернувшись задомъ къ Байгузину, протяжно и рѣзко закричалъ командныя слова:

— Ша-ай! На кра-а...

Козловскій вытащилъ до половины изъ ноженъ шашку, вздрогнулъ, точно отъ холода, и потомъ уже все время не переставалъ дрожать мелкою нервною дрожью. Батальонный скользнулъ глазами по строю и отрывисто крикнулъ:

— ...улъ!..

Четырехугольникъ шевельнулся, отчетливо бряцнулъ два раза ружьями и замеръ.

— Адъютантъ, прочтите приговоръ полкового суда,— произнесъ батальонный своимъ твердымъ, яснымъ голосомъ.

Адъютантъ вышелъ на середину. Онъ совсѣмъ не умѣлъ

ѣздить верхомъ, но подражалъ походкѣ кавалерійскихъ офицеровъ, раскачиваясь на ходу и наклоняясь впередъ корпусомъ при каждомъ шагѣ.

Онъ читалъ съ неправильными удареніями, неразборчиво и растягивая безъ надобности слова:

— Полковой судъ N — скаго пѣхотнаго полка въ составѣ подполковника N. и членовъ такого-то и такого-то...

Байгузинъ попрежнему, понурясь, стоялъ между двумя конвойными и лишь изрѣдка обводилъ безучастнымъ взглядомъ ряды солдатъ. Видно было, что онъ ни слова не слыхалъ изъ того, что̀ читалось, да и врядъ ли хорошо сознавалъ, за что его собираются наказывать. Одинъ разъ только онъ шевельнулся, потянулъ носомъ и утерся рукавомъ шинели.

Козловскій также не вникалъ въ смыслъ приговора и вдругъ вздрогнулъ, услышавъ свою фамилію. Это было въ томъ мѣстѣ, гдѣ говорилось о его дознаніи. Онъ сразу испыталъ такое чувство, какъ будто бы всѣ мгновенно повернули къ нему головы и тотчасъ же отвернулись. Его сердце испуганно забилось. Но это ему только показалось, потому что, кромѣ него, фамиліи никто не разслышалъ, и всѣ одинаково равнодушно слушали, какъ адъютантъ однообразно и быстро отбарабанивалъ приговоръ. Адъютантъ кончилъ на томъ, что Байгузинъ приговаривается къ наказанію розгами, въ размѣрѣ ста ударовъ.

Батальонный командиръ скомандовалъ: «къ ногѣ» и сдѣлалъ знакъ головою доктору, который боязливо и вопросительно выглядывалъ изъ-за рядовъ. Докторъ, молодой и серьезный человѣкъ, первый разъ въ жизни присутствовалъ при экзекуціи. Теряясь и чувствуя себя точно связаннымъ подъ сотнями уставленныхъ на него глазъ, онъ неловко вышелъ на середину батальона, блѣдный, съ дрожащею нижнею челюстью. Когда Байгузину прика-

зали раздѣться, татаринъ не сразу понялъ, и только когда ему повторили еще разъ и показали знаками, что̀ надо сдѣлать, онъ медленно, неумѣлыми движеніями, разстегнулъ шинель и мундиръ. Докторъ, избѣгая глядѣть ему въ глаза, съ выраженіемъ брезгливаго ужаса на лицѣ, выслушалъ сердце и пульсъ и пожалъ въ недоумѣніи плечами. Онъ не замѣтилъ даже малѣйшихъ слѣдовъ обычнаго въ этихъ случаяхъ волненія. Очевидно было, что или Байгузинъ не понималъ того, что̀ съ нимъ хотятъ дѣлать, или его темный мозгъ и крѣпкіе нервы не могли проникнуться ни стыдомъ ни трусостью.

Докторъ сказалъ нѣсколько словъ на ухо батальонному командиру и быстро, тѣмъ же неловкимъ шагомъ ушелъ за строй. Откуда-то выскочили человѣкъ пять солдатъ и окружили Байгузина. Одинъ изъ нихъ, барабанщикъ, остался въ сторонѣ и, поднявъ кверху правую руку съ палкой, глядѣлъ выжидательно на батальоннаго командира.

Татаринъ сталъ снимать шинель, но дѣлалъ это очень медленно, такъ что выскочившіе люди принуждены были помочь ему. Нѣкоторое время онъ колебался, не зная, что̀ дѣлать съ этой шинелью, наконецъ постлалъ ее аккуратно на землю и началъ раздѣваться. Тѣло у него было черное и до страннаго худое. У Козловскаго мелькнула мысль, что татарину, должно-быть, очень холодно, и отъ этой мысли офицеръ задрожалъ еще сильнѣе.

Татаринъ стоялъ неподвижно. Хлопотавшіе вокругъ него солдаты стали ему показывать, что надо ложиться. Онъ медленно, неловко опустился на колѣни, касаясь руками земли, и легъ на разостланную шинель. Одинъ солдатъ, присѣвъ на корточки, сталъ держать его голову, другой сѣлъ ему на ноги. Третій, унтеръ-офицеръ, сталъ въ сторонѣ, чтобы считать удары, и только въ это время Козловскій замѣтилъ, что на землѣ у ногъ остальныхъ

двухъ, которые стали по бокамъ Байгузина, лежали связки красныхъ гибкихъ прутьевъ.

Батальонный командиръ кивнулъ головою, и барабанщикъ громко и часто забилъ дробь. Два солдата, стоявшіе по бокамъ Байгузина, нерѣшительно глядѣли другъ на друга; ни одинъ изъ нихъ не хотѣлъ нанести первый ударъ. Унтеръ-офицеръ подошелъ къ нимъ и что-то сказалъ... Тогда стоявшій по правую сторону, стиснувъ зубы, сдѣлалъ ожесточенное лицо, взмахнулъ быстро розгами и такъ же быстро опустилъ ихъ, нагнувшись всѣмъ тѣломъ впередъ. Козловскій услышалъ отрывистый свистъ прутьевъ, глухой ударъ и голосъ унтеръ-офицера, крикнувшаго: «разъ!». Татаринъ слабо, точно удивленно, вскрикнулъ. Унтеръ-офицеръ скомандовалъ: «два!». Стоявшій слѣва солдатъ такъ же быстро взмахнулъ розгами и нагнулся. Татаринъ опять закричалъ, на этотъ разъ громче, и въ голосѣ его отозвалось страданіе истязуемаго молодого тѣла.

Козловскій поглядѣлъ на стоявшихъ рядомъ съ нимъ солдатъ. Ихъ однообразныя сѣрыя лица были такъ же неподвижны и безучастны, какъ всегда они бываютъ въ строю. Ни сожалѣнія ни любопытства,—никакой мысли нельзя было прочесть на этихъ каменныхъ лицахъ. Подпоручикъ все время дрожалъ отъ холода и волненія; всего мучительнѣе было для него — не крики Байгузина, не сознаніе своего участія въ наказаніи, а именно то, что татаринъ и вины своей, какъ видно, не понялъ, и за что его бьютъ—не знаетъ толкомъ; онъ пришелъ на службу, наслышавшись еще дома про нее всякихъ ужасовъ, уже заранѣе готовый къ строгости и несправедливости. Первымъ его движеніемъ послѣ суроваго пріема, оказаннаго ему ротой, казармой и начальствомъ, было—бѣжать къ роднымъ белебеевскимъ нивамъ. Его поймали и засадили въ карцеръ. Потомъ онъ взялъ эти голенища. Изъ ка-

кихъ побужденій взялъ, для какой надобности, онъ не сумѣлъ бы разсказать даже самому близкому человѣку: отцу или матери. И самъ Козловскій не такъ мучился бы, если бы наказывали сознательнаго, расчетливаго вора, или даже хоть совсѣмъ невиннаго человѣка, но только бы способнаго чувствовать весь позоръ публичныхъ побоевъ.

Сто ударовъ были отсчитаны, барабанщикъ пересталъ бить, и вокругъ Байгузина опять закопошились тѣ же солдатики. Когда татаринъ всталъ и началъ неловко застегиваться, его глаза и глаза Козловскаго встрѣтились, и опять, какъ и во время дознанія, подпоручикъ почувствовалъ между собой и солдатомъ странную духовную связь.

Четырехугольникъ дрогнулъ, и его сѣрыя стѣны начали расходиться. Офицеры шли всѣ вмѣстѣ къ казарменнымъ воротамъ.

— Що жъ, — говорилъ рыжій офицеръ въ капотѣ, дѣлая руками широкіе, несуразные жесты:—развѣ это называется выдрать? У насъ въ бурсѣ, когда драли, такъ раньше розги въ уксусѣ выпаривали... Отъ, дали бъ мнѣ того татарина, я бъ ему показалъ эти голенища! А то не дерутъ, а щекочутъ.

У Козловскаго вдругъ что-то зашумѣло въ головѣ, а передъ глазами поплылъ красный туманъ. Онъ заступилъ дорогу рыжему офицеру и съ дрожью въ голосѣ, чувствуя себя въ эту минуту смѣшнымъ и еще больше раздражаясь отъ такого сознанія, закричалъ визгливо:

— Вы уже сказали разъ эту гадость и... и... не трудитесь повторять!.. Все, что вы говорите, безчеловѣчно и гнусно.

Рыжій офицеръ, глядя сверху внизъ на своего неожиданнаго врага, пожалъ плечами.

— Вы, вѣрно, молодой человѣкъ, нездоровы? Чего вы ко мнѣ прицѣпились?

— Чего?—закричалъ визгливо Козловскій. — Чего?.. А того, что вы... что если вы сейчасъ же не замолчите...

Его уже тянули назадъ за руки встревоженные неожиданной ссорой офицеры, и онъ, вдругъ закрывъ лицо ладонями, разразился громкими рыданіями, сотрясаясь всѣмъ тѣломъ, точно плачущая женщина, и жестоко, до боли стыдясь своихъ слезъ...

НОЧЛЕГЪ.

Въ послѣднихъ числахъ августа, во время большихъ маневровъ, N — скій пѣхотный полкъ совершалъ большой сорокаверстный переходъ отъ села Большихъ Зимовецъ до деревни Нагорной. День стоялъ жаркій, палящій, томительный. На горизонтѣ, серебряномъ отъ тонкой далекой пыли, дрожали прозрачныя волнующіяся струйки нагрѣтаго воздуха. По обѣимъ сторонамъ дороги, куда только хваталъ глазъ, тянулось все одно и то же пространство сжатыхъ полей, съ торчащими на немъ желтыми, колючими остатками соломы.

Слѣдъ отряда издали обозначался длинной извилистой и узкой лентой желтоватой пыли. Солдаты шли, совершенно окутанные ею. Пыль скрипѣла во рту, садилась на вспотѣвшія лица и дѣлала ихъ черными. Только зубы да бѣлки глазъ сверкали своею бѣлизною на этихъ измученныхъ, исхудавшихъ, казавшихся суровыми лицахъ. Согнувшись подъ тяжестью ранцевъ и надѣтыхъ поверхъ ихъ, скатанныхъ въ кольца шинелей, солдаты шли молча, вразбродъ, едва волоча усталыя ноги. Лишь изрѣдка, когда чей-нибудь штыкъ съ лязганьемъ задѣвалъ о сосѣдній штыкъ, изъ рядовъ слышалось грубое, озлобленное ругательство. Люди не высыпались и томились отъ зноя, усталости и жажды. Нѣкоторые вяло, безъ всякаго аппетита, чтобы только чѣмъ-нибудь сократить время длин-

наго и скучнаго перехода, жевали на ходу розданный утромъ хлѣбъ.

Офицеры шли не въ рядахъ,—вольность, на которую высшее начальство смотрѣло въ походѣ сквозь пальцы,—а обочиною, съ правой стороны дороги. Ихъ бѣлые кителя потемнѣли отъ пота на спинахъ и на плечахъ. Ротные командиры и адъютанты дремали, сгорбившись и распустивъ поводья, на своихъ худыхъ, бракованныхъ лошадяхъ. Каждому хотѣлось какъ можно скорѣе, во что бы то ни стало, дойти до привала и лечь въ тѣни.

Поручикъ Авиловъ, болѣзненный, молчаливый и нервный молодой человѣкъ, шелъ противъ перваго ряда своей 11-й роты. Новые сапоги сильно жали ему ноги, портупея оттягивала плечо, въ головѣ мягко и тяжело билась кровь. Но болѣе всего угнетала Авилова всегда овладѣвавшая имъ во время похода тупая скука, отъ которой онъ старался избавиться какимъ-нибудь мелкимъ занятіемъ. То онъ срывалъ съ придорожной ивы гибкій хлыстъ и отчищалъ его зубами и ногтями отъ коры, то старательно сшибалъ шашкою пунцовыя головки колючаго репейника, то, намѣтивъ вдали какой-нибудь пунктъ, старался угадать, сколько до него шаговъ, и потомъ провѣрялъ себя. Наконецъ, когда все это ему надоѣдало, онъ принимался «мечтать», какъ, бывало, дѣлалъ еще въ корпусѣ, за всенощной, чтобы убить время. Онъ мысленно спрашивалъ себя: «Ну, о чемъ же теперь?»—и начиналъ перебирать въ умѣ все, что могло бы ему доставить удовольствіе, или что раньше заинтересовало его воображеніе въ слышанномъ и прочитанномъ. Иногда онъ представлялъ себя извѣстнымъ путешественникомъ, въ родѣ Пржевальскаго или Елисѣева. Онъ собиралъ экспедицію изъ отважныхъ, закаленныхъ въ перенесеніи трудовъ и опасностей авантюристовъ, которые трепетали передъ однимъ его взглядомъ. Онъ открывалъ неизвѣданные еще

острова и земли и водружалъ на нихъ русскій флагъ. Имя его гремѣло по всему свѣту. Когда онъ возвращался въ Россію, ему устраивали шумныя встрѣчи. Женщины бросали ему цвѣты и въ восхищеніи шептали одна другой: «Вотъ онъ, вотъ тотъ, самый знаменитый!». Иногда онъ воображалъ, что маневры уже окончились, и онъ идетъ со своей ротой на вольныя работы къ какому-нибудь помѣщику, баснословно богатому и непремѣнно съ аристократическимъ именемъ. У помѣщика есть дочь — блѣдная, задумчивая красавица. Свѣтскіе кавалеры давно опротивѣли ей своей безцвѣтной пустотой, и она съ перваго взгляда же влюбляется въ простого пѣхотнаго поручика, бѣднаго и гордаго, постоянно замкнутаго въ себѣ, «съ печатью разочарованія на челѣ». Лунная ночь, свиданіе въ старомъ запущенномъ саду, пламенныя признанія въ любви... «Намъ необходимо разстаться, — говоритъ мрачно Авиловъ:—ты богата, а я нищій, мы не будемъ никогда счастливы». Помѣщичья дочь плачетъ у него на груди, онъ утѣшаетъ ее. Изъ-за кустовъ неожиданно появляется самъ помѣщикъ, растроганный, со слезами на глазахъ. «Дѣти мои,—говоритъ помѣщикъ:—я хочу, чтобы вы любили другъ друга. Не деньги, а истинная любовь приноситъ людямъ счастье». Съ этими словами онъ благословляетъ влюбленныхъ; всѣ трое обнимаются и плачутъ. Черезъ нѣсколько дней въ приказѣ по полку товарищи съ удивленіемъ и завистью читаютъ, что поручикъ Авиловъ, рапортомъ за № такимъ-то, проситъ разрѣшенія на вступленіе въ первый законный бракъ съ дѣвицею, княжною Зэтъ...

Порою фантазія такъ ярко рисовала ему эти сцены, что и дорога, и пыль, и сѣрые, однообразно шагающіе ряды солдатъ переставали для него существовать. Онъ шелъ съ низко опущенной головой, съ неопредѣленной улыбкой на губахъ, съ расширившимися и потемнѣвшими

неподвижными глазами. Нѣсколько верстъ уходили незамѣтно, и, когда Авиловъ просыпался отъ своихъ грезъ, передъ нимъ уже разстилалась совершенно новая мѣстность.

Вечернія тѣни удлинились. Солнце стояло надъ самой чертой земли, окрашивая пыль въ яркій пурпуровый цвѣтъ. Дорога пошла подъ гору. Далеко на горизонтѣ показались неясныя очертанія лѣса и жилыхъ строеній.

Навстрѣчу отряду тянулся безконечный крестьянскій обозъ. При приближеніи солдатъ, хохлы медленно, одинъ за другимъ, сворачивали своихъ громадныхъ, сѣрыхъ, круторогихъ, лѣнивыхъ воловъ съ дороги и снимали шапки. Всѣ они, какъ одинъ, были босикомъ, въ широчайшихъ холщевыхъ штанахъ, въ холщевыхъ же рубахахъ. Изъ разстегнутыхъ воротовъ рубахъ выглядывали обнаженныя шеи, темно-бронзовыя отъ загара и покрытыя безчисленными мелкими морщинами.

По мѣрѣ того, какъ солдаты проходили мимо обоза, изъ рядовъ сыпались нетерпѣливые вопросы:

— Дядька, а далеко еще до Нагорной?

— Землякъ, сколько верстъ осталось до Нагорной?

— Что, братцы, это тамъ Нагорная видна?

Хохлы лѣниво, съ разстановкой отвѣчали, что до Нагорной «версты три, або четыре, мабудь, е, съ гакомъ». Солдаты ободрялись, поднимали выше головы и невольно прибавляли шагу.

Черезъ четверть часа внизу, въ глубокой лощинѣ блеснула синяя широкая лента рѣки. Солнце сѣло. Западъ пылалъ цѣлымъ пожаромъ ярко-пурпуровыхъ и огненно-золотыхъ красокъ; немного выше эти горячіе тона переходили въ дымно-красные, желтые и оранжевые оттѣнки, и только извилистые края прихотливыхъ облаковъ отливали расплавленнымъ серебромъ; еще выше смугло-розовое небо незамѣтно переходило въ нѣжный зеленоватый,

почти бирюзовый цвѣтъ. Тонкій серпъ молодого мѣсяца, блѣдный, едва замѣтный, стоялъ посреди неба; первыя звѣзды начинали робко поблескивать въ вышинѣ.

— Господа офицеры, по мѣстамъ! Барабанщики, походъ!—закричалъ въ головѣ отряда раскатистый начальническій голосъ.

Одинъ за другимъ, въ разныхъ мѣстахъ длинной колонны, глухо зарокотали барабаны. Солдаты бѣгомъ заскакивали въ ряды, поправляя на ходу толчкомъ спины и плечъ ранецъ и подпрыгивая, чтобы попасть въ ногу. Офицеры, обнажая на ходу шашки, поспѣшно отыскивали свои мѣста.

Наклонъ дороги сдѣлался еще круче. Отъ рѣки сразу повѣяло сырой прохладой. Скоро старый, дырявый деревянный мостъ задрожалъ и заходилъ подъ тяжелымъ, дробнымъ топотомъ ногъ. Первый батальонъ уже перешелъ мостъ, взобрался на высокій крутой берегъ и шелъ съ музыкой въ деревню. Гулъ разговоровъ стоялъ въ оживившихся и выровнявшихся рядахъ.

— Федорчукъ, не пыли... Подымай, бисовъ сынъ, ноги.

— А что̀, Шаповаловъ, ловкая у тебя въ Зимовицахъ была хозяйка? А? Какъ она яво, братцы мои, уфатомъ!

— Не лѣзь.

— Очень просто. Потому что онъ сичасъ съ руками.

— Ужъ это безпремѣнно, ребята: какъ вечеромъ небо красное—къ завтрашнему жди вѣтра.

— Эй, третій взводъ, кто за хлѣбомъ? Смотри, черти, опять прозѣваете!

— Подержи, землякъ, ружье, я шинель поправлю. А любезная эта самая вешшь — маневра! Куда лучше, чѣмъ, напримѣръ, ротная школа.

— Не отставай, четвертый взводъ! Дохлые!

Съ пригорка была видна вся деревня. Бѣлыя мазанныя хатенки, тонущія въ вишневыхъ садкахъ, раскину-

лись широко въ огромной долинѣ и по ея склонамъ. За крайнія хаты высыпала пестрая толпа, большею частью бабъ и ребятишекъ, посмотрѣть на «москалей». Запѣвала 11-й роты, ефрейторъ Нога, самый голосистый во всемъ полку, не дожидаясь приказанія начальства, выскочилъ впередъ, попалъ въ тактъ, оглянулся на идущихъ сзади, сбилъ шапку на затылокъ и, принявъ небрежно-хмурый видъ, преувеличенно-широко размахивая правой рукой, запѣлъ:

Зима люта-ая проходить,
Весына-красна настаеть,
Весна-красна д'настаеть,
У солдата сердце мреть.

Сто здоровыхъ голосовъ оглушительно подхватили припѣвъ, и каждый солдатъ, проходя съ притворно-равнодушнымъ видомъ передъ глазами изумленной толпы, чувствовалъ себя героемъ въ эту минуту. «Это все мужичье, развѣ они что-нибудь понимаютъ? Имъ военная служба страшнѣе самого чорта: и бьютъ, молъ, тамъ, и на ученьи морятъ, и изъ ружья стрѣляютъ, и въ походы на турковъ водятъ. А я вотъ ничего этого не боюсь, и мнѣ на все наплевать, и никакого я на васъ, мужиковъ, вниманія не обращаю, потому что мнѣ некогда, я своимъ солдатскимъ дѣломъ занятъ, самымъ важнымъ и серьезнымъ дѣломъ въ мірѣ». Эту мысль Авиловъ читалъ на всѣхъ лицахъ, начиная отъ запѣвалы и кончая послѣднимъ штрафованнымъ татариномъ, и самъ онъ, противъ воли, проникался сознаніемъ какой-то суровой лихости и шелъ легкой, плывущей походкой, высоко поднявъ голову и выпрямивъ грудь.

Намъ ученье чижало,
Между проч-чимъ ничего! —

пѣлъ Нога, коверкая изъ молодечества слова и подкрикивая хору жесточайшимъ фальцетомъ. Никто не думалъ

больше о натертыхъ ногахъ и объ ранцахъ, наломившихъ спины. Люди давно уже, издали, замѣтили четырехъ «своихъ» квартирьеровъ, идущихъ ротѣ навстрѣчу, чтобы сейчасъ же развести ее по заранѣе назначеннымъ дворамъ. Еще нѣсколько шаговъ, и взводы разошлись, точно растаяли, по разнымъ переулкамъ деревни, слѣдуя съ громкимъ хохотомъ и неумолкающими шутками каждый за своимъ квартирьеромъ.

Авиловъ нехотя, лѣнивыми шагами доплелся до воротъ, на которыхъ мѣломъ была сдѣлана крупная надпись: «квартера Поручика авелова». Домъ, отведенный Авилову, замѣтно отличался отъ окружающихъ его хатенокъ и размѣрами, и бѣлизною стѣнъ, и желѣзной крышей. Половина двора заросла густой, выше человѣческаго роста кукурузой и гигантскими подсолнечниками, низко гнувшимися подъ тяжестью своихъ желтыхъ шапскъ. Около оконъ, почти закрывая простѣнки между ними, подымались длинныя, тонкія мальвы со своими блѣдно-розовыми и красными цвѣтами.

Денщикъ Авилова, Никифоръ Чурбановъ—ловкій, веселый и безобразный, точно обезьяна, солдатъ—уже раздувалъ на крыльцѣ снятымъ съ ноги сапогомъ самоваръ. Увидя барина, онъ бросилъ сапогъ на землю и вытянулся.

— Сколько разъ я тебѣ повторялъ, чтобы ты не раздувалъ сапогомъ,—сказалъ брезгливо Авиловъ.—Покажи, гдѣ здѣсь пройти.

Денщикъ отворилъ дверь изъ сѣней направо. Комната была просторная и свѣтлая; на окнахъ красныя ситцевыя гардинки; диванъ и стулья, обитые тѣмъ же дешевымъ ситцемъ; на чисто побѣленныхъ стѣнахъ множество фотографическихъ карточекъ въ деревянныхъ ажурныхъ рамахъ и два олеографическихъ «приложенія»; маленькій пузатый комодъ съ висящимъ надъ нимъ квадратнымъ тусклымъ зеркаломъ и, наконецъ, въ углу необыкновенно

высокая двухспальная кровать съ цѣлой пирамидой подушекъ—отъ громадной, во всю ширину кровати, до крошечной думки. Пахло мятою, любисткомъ и чебрецомъ. Въ Малороссіи пучки этихъ травъ всегда втыкаются «для духу» за образа.

Авиловъ стянулъ съ себя объ спинку кровати сапоги и легъ, закинувъ руки за голову. Теперь ему стало еще скучнѣе, чѣмъ на походѣ. «Ну, вотъ и пришли, ну и что же изъ этого?—думалъ онъ, глядя въ одну точку на потолкѣ.—Читать нечего, говорить не съ кѣмъ, занятія нѣтъ никакого. Пришелъ, растянулся, какъ усталое животное, выспался, а опять завтра иди, а тамъ опять спать, и опять итти, и опять, и опять... Развѣ заболѣть да отправиться въ госпиталь?»

Темнѣло. Гдѣ-то близко за стѣной торопливо тикалъ маятникъ часовъ. Со двора слышалось, какъ всей грудью и подолгу не переводя духу, раздувалъ Никифоръ уголья въ самоварѣ. Вдругъ Авилову пришла въ голову мысль искупаться.

— Никифоръ!—крикнулъ онъ громко.

Никифоръ поспѣшно вошелъ, хлопая дверьми и стуча надѣтыми уже сапогами, и остановился у порога.

— Здѣсь рѣка есть?—спросилъ Авиловъ.

— Такъ точно!

— А что, если бы выкупаться? Какъ ты думаешь?

— Такъ точно, можно, вашбродь, — немедленно согласился денщикъ.

— Да ты навѣрное говори. Можетъ-быть, грязно?

— Такъ точно, страсть — грязно, вашбродь. Такъ что—прямо болото. Даве кавалерія лошадей поила, такъ лошади пить не хотятъ.

— Ну и дуракъ! А ты вотъ что скажи мнѣ...

Авиловъ запнулся. Онъ и самъ не зналъ, что спросить. Ему просто не хотѣлось оставаться одному.

— Скажи мнѣ... Хозяйка хорошенькая?

Денщикъ засмѣялся, отеръ рукавомъ губы и съ конфузливымъ видомъ отвернулъ голову къ стѣнѣ.

— Ну?—нетерпѣливо поощрилъ Авиловъ.

— Такъ что... Не могу знать... Онѣ — ничего, вашбродь, хорошенькія... въ родѣ какъ монашки.

— А мужъ старый? Молодой?

— Не очень старый, вашбродь. Такъ точно, молодой. Онъ писаремъ здѣсь, мужъ овонный, служитъ.

— Писаремъ? А почему же, какъ монашка? Ты съ ней разговаривалъ?

— Такъ точно, разговаривалъ. Я говорю, смотрите, сейчасъ баринъ мой придетъ, такъ чтобы у васъ все въ порядкѣ было...

— Ну, а она?

— Она что жъ? Она повернулась, да и пошла себѣ. Сердитая.

— А мужъ ея дома?

— Дома. Только теперь его нѣтъ, — ушелъ куда-то.

— Ну, хорошо. Давай самоваръ, да поди, скажи хозяйкѣ, что я прошу ее на чашку чаю. Понимаешь?

Черезъ нѣсколько минутъ Никифоръ внесъ самоваръ и зажегъ свѣчи. Заваривая чай, онъ произнесъ:

— Ходилъ я сейчасъ... къ хозяйкѣ-то...

— Ну и что же?

— Сказалъ.

— Ну?

— Она говоритъ: оставьте меня, пожалуйста, въ покоѣ. Никакого, говоритъ, мнѣ вашего чая не надо.

— И чортъ съ ней!—рѣшилъ Авиловъ, зѣвая.—Наливай чай!

Онъ молча поужиналъ холодной говядиной и яйцами и напился чаю. Никифоръ такъ же молча ему прислужи-

валъ. Когда офицеръ кончилъ чай, денщикъ унесъ самоваръ и остатки ужина къ себѣ въ сарай.

Авиловъ раздѣлся и легъ. Какъ всегда послѣ сильной усталости—ему не спалось. Изъ-за стѣны попрежнему слышалось однообразное тиканье часовъ и какой-то странный шумъ, похожій на то, какъ будто бы два человѣка разговаривали быстрымъ и сердитымъ шопотомъ. Въ окнѣ, прямо передъ глазами Авилова, на темно-синемъ небѣ отчетливо рисовался недалекій пирамидальный тополь, стройный, тонкій и темный, а рядомъ съ нимъ, сбоку, ярко-желтый мѣсяцъ. Едва Авиловъ закрывалъ вѣки, передъ нимъ тотчасъ же назойливо вставала скучная картина похода: сѣрыя, комковатыя поля, желтая пыль, согнутыя подъ ранцами фигуры солдатъ. На мгновеніе онъ забывался, и, когда опять открывалъ глаза, ему казалось, что онъ только-что спалъ, но сколько времени—минуту или часъ—онъ не зналъ. Наконецъ ему удалось на самомъ дѣлѣ заснуть легкимъ, тревожнымъ сномъ, но и во снѣ онъ слышалъ быстрое тиканье маятника за стѣной и видѣлъ скучную дневную дорогу.

Часа черезъ полтора Авиловъ вдругъ опять почувствовалъ себя лежащимъ съ открытыми глазами и опять спрашивалъ себя: спалъ онъ, или это только была одна секунда полнаго забвенія, отсутствія мысли? Мѣсяцъ, уже не желтый, а серебряный, поднялся къ самой верхушкѣ тополя. Небо стало еще синѣе и холоднѣе. Порою на мѣсяцъ набѣгало бѣлое, легкое, какъ паутина, облачко, и вдругъ все оно освѣщалось оранжевымъ сіяніемъ. Быстрый сердитый шопотъ, который Авиловъ слышалъ давеча за стѣною, перешелъ въ сдержанный, но довольно громкій разговоръ, похожій на ссору, вотъ-вотъ готовую прорваться въ озлобленныхъ крикахъ. Авиловъ прислушался. Спорили два голоса: мужской—низкій, то дребезжащій, то глухой, точно изъ бочки, какой бываетъ

только у чахоточныхъ пьяницъ, и женскій—очень нѣжный, молодой и печальный. Голосъ этотъ на мгновеніе вызвалъ въ головѣ Авилова какое-то смутное, отдаленное воспоминаніе, но такое неясное, что онъ даже и не остановился на немъ.

— Спать я тебѣ не даю?—спрашивалъ мужчина съ желчной ироніей.—Спать тебѣ хочется? А если ты меня, можетъ-быть, на цѣлую жизнь сна рѣшила? Это ничего? А? У, под-длая! Спать хочется? Да ты, дрянь ты этакая, ты еще дышать-то смѣешь ли на бѣломъ свѣтѣ? Ты...

Мужчина внезапно раскашлялся глухимъ, задыхающимся кашлемъ. Авиловъ долго слышалъ, какъ онъ плевалъ, хрипѣлъ и ворочался на постели. Наконецъ ему удалось справиться съ кашлемъ.

— Тебѣ спать хочется, а я, какъ овца, по твоей милости кашляю... Вотъ, погоди, ты меня и въ гробъ скоро вгонишь... Тогда выспишься, змѣя.

— Да вольно же вамъ, Иванъ Сидорычъ, водку пить,— возразилъ печальный и нѣжный женскій голосъ.—Не пили бы, и грудь бы не болѣла.

— Не пить? Не пить, ты говоришь? Да ты это что же? Я твои деньги, что ли, въ кабакѣ оставляю? А? Отвѣчай, твои?

— Свои, Иванъ Сидорычъ,—покорно и тихо отвѣтила женщина.

— Ты въ домъ принесла хоть грошъ какой-нибудь, когда я тебя бралъ-то? А? Хоть гривенникъ дырявый ты принесла?

— Да вы вѣдь сами знали, Иванъ Сидорычъ, я дѣвушка была бѣдная, взять мнѣ было неоткуда. Кабы у меня родители богатые...

Мужчина вдругъ засмѣялся злобнымъ, презрительнымъ, долгимъ хохотомъ и опять раскашлялся.

— Бѣ-ѣдная?—спросилъ онъ ядовитымъ шопотомъ,

едва переводя дыханіе.—Бѣдная? Это мнѣ все равно, что бѣдная. А ты знаешь, какое у дѣвушки богатство? Ты это знаешь?

Женщина молчала.

— Ежели она себя соблюла, вотъ ея богатство! Че-е-есть! Ты этого слова не слыхала? Что? Я тебя спрашиваю, ты это слово слыхала или нѣтъ? Ну?

— Слыхала, Иванъ Сидорычъ...

— Врешь, не слыхала. Кабы ты слыхала, ты сама бы честная была. А я тебя развѣ честную замужъ взялъ? Ну?

— Что же, Иванъ Сидорычъ, я какъ передъ Богомъ... Моя вина... Пятый годъ прошу прощенія у васъ.

Она заплакала тихо, тоненько и жалобно. Но ея слезы только еще болѣе раздражили мужа. Онъ отъ нихъ пришелъ въ ярость.

— И десять лѣтъ проси—не прощу. Никогда я тебя, развратница, не прощу. Слышишь, никогда!.. Зачѣмъ ты мнѣ не призналась? Зачѣмъ ты меня обманывала? Ага! Ты думала, я чужіе грѣхи буду покрывать? Вотъ, молъ, дуракъ, слава Богу, нашелся, за честь сочтетъ чужими объѣдками пользоваться. Да ты знаешь ли, тварь, я на купеческой дочкѣ могъ бы жениться, если бы не ты... Я бы карьеру свою теперь сдѣлалъ. Я бы..

— Да вѣдь не сама я, Иванъ Сидорычъ, — отвѣчала, всхлипывая, женщина:—не своей охотой я пошла то за васъ. Вы сами знаете, какъ меня маменька била въ то время.

Это оправданіе довело мужчину до бѣшенства. Онъ опять страшно закашлялся, и въ промежуткахъ между приступами кашля Авиловъ услышалъ цѣлый потокъ озлобленной сквернои ругани. Потомъ вдругъ въ сосѣдней комнатѣ раздался рѣзкій и сухой звукъ пощечины, за нимъ другой, третій, четвертый, и въ ночной тишинѣ посыпались безпощадные, разсчитанные, ожесточенные

удары. А затѣмъ какъ-то все сразу смолкло. Стало такъ тихо, что можно было разслышать пискъ червяка, точившаго дерево. Авиловъ лежалъ, широко раскрывъ глаза; сердце его учащенно билось отъ какого-то жуткаго, грустнаго и жалостливаго чувства. Потомъ онъ услышалъ тихій голосъ женщины, заглушаемый сдержаннымъ плачемъ.

— Боже мой, Господи,—причитала она, рыдая, скрежеща зубами и захлебываясь отъ слезъ:—отчего Ты мнѣ не пошлешь смерти мучительной? Вѣдь пять лѣтъ... пять лѣтъ каждая ночь не обойдется безъ попрековъ. Хотя убилъ бы меня сразу, извергъ! За что ты меня терзаешь? За что? Развѣ я не слуга тебѣ? Развѣ я не твоя раба? Ну, хоть бы одну ноченьку ты изъ меня души моей не вымотывалъ. Одну только ночь! Что же ты думаешь, я т о г о, проклятаго, любила? Пусть его Господь покараетъ за меня позорной смертью. Если бы я встрѣтила его, задушила бы, вотъ такъ, пальцами бы своими задушила!.. Жизнь онъ мою загубилъ, негодяй! Двадцать пять лѣтъ мнѣ, я ужъ старухой стала... Моченьки моей нѣтъ!

Долго Авиловъ слушалъ эти страстныя, отчаянныя жалобы, все стараясь припомнить, гдѣ онъ раньше слышалъ похожій голосъ, и вдругъ неожиданно, сразу, заснулъ крѣпкимъ здоровымъ сномъ, безъ всякихъ видѣній.

Подъ утро онъ опять проснулся. Мѣсяца уже не было видно. Небо изъ темно-синяго сдѣлалось свѣтло-сѣрымъ. Авиловъ съ удивленіемъ опять услышалъ за стѣнкою тѣ же голоса.

— Милая моя, дорогая,—говорилъ мужчина растроганнымъ, ослабѣвшимъ голосомъ:—если бы не это, какъ бы я тебя любилъ-то! То-есть вѣтру на тебя дохнуть не позволилъ бы. Барыней бы у меня была, вотъ что.

— Ахъ, Иванъ Сидорычъ, ну, простите вы меня на-

конецъ. Ну, будемъ, какъ люди, какъ всѣ... На что ужъ я вамъ послушна, а тогда вотъ, кажется, мысли бы ваши угадывала...

Наступило молчаніе, и Авиловъ услышалъ за стѣною звуки продолжительныхъ поцѣлуевъ.

— Ну хорошо, ну хорошо, — заговорилъ ласково и успокоительно мужчина.—Ну будетъ, будетъ... Ты думаешь, мнѣ самому сладко? У меня сердце кровью обливается, а не то что... Голубка моя.

И опять до ушей Авилова донесся долгій поцѣлуй.

— Да, вотъ вы говорите—хорошо, — прошептала женщина, слегка задыхаясь:—а завтра опять... Ужъ сколько разъ вы обѣщались не попрекать больше, а сами... Передъ образами божились сколько разъ...

— Ну будетъ, ну перестань... Ты мнѣ только скажи, ты того-то, тогдашняго, не любишь вѣдь? Правда?

— Ахъ, Иванъ Сидорычъ, ну что вы спрашиваете? Да я зарѣзала бы его своими руками, если бы только встрѣтила гдѣ!..

Разговоръ за стѣной затихъ, понизился до шопота, все чаще слышались поцѣлуи и подавленный, счастливый смѣхъ Ивана Сидоровича.

Сонъ опять началъ сковывать Авилова, но онъ боролся съ нимъ и все старался припомнить, гдѣ онъ слышалъ такой же голосъ? Порою онъ уже вотъ-вотъ готовъ былъ вспомнить, но мысли его разсѣивались и путались, какъ всегда у засыпающаго человѣка... Наконецъ, совершенно засыпая, онъ вспомнилъ.

Это было лѣтъ шесть тому назадъ. Онъ—только-что произведенный тогда въ офицеры—пріѣхалъ на лѣто къ своему дядѣ въ имѣніе, въ Тульскую губернію. Скука была въ деревнѣ страшная, и Авиловъ постоянно и усиленно искалъ хоть какого-нибудь развлеченія. Охота, рыбная ловля—давно надоѣли, ѣздить верхомъ было слишкомъ жарко.

Вѣроятно, отъ скуки, онъ однажды обратилъ вниманіе на дядину горничную Харитину, высокую, сильную дѣвушку, тихую и серьезную, съ большими, синими, постоянно немного грустными глазами. Какъ-то вечеромъ, встрѣтившись съ Харитиной въ сѣняхъ, Авиловъ обнялъ ее. Дѣвушка молча отбросила его руки отъ своей груди и такъ же молча ушла. Офицеръ смутился и, озираясь, на цыпочкахъ, съ краснымъ лицомъ и бьющимся сердцемъ прошелъ въ свою комнату.

Недѣли двѣ спустя, въ жаркій, истомный іюньскій полдень Авиловъ лежалъ на краю громаднаго густого сада, на сѣнѣ, и читалъ. Вдругъ онъ услышалъ совсѣмъ близко за своею спиной легкіе шаги. Онъ обернулся и увидѣлъ Харитину, которая, повидимому, его не замѣчала.

— Ты куда собралась, Харитина?—окликнулъ ее Авиловъ.

Она сначала испугалась, потомъ сконфузилась.

— Я тутъ... вотъ.... купалась сейчасъ...

Авиловъ подошелъ къ ней, тревожно оглянулся по сторонамъ и обнялъ ее. Она молча, опустивъ глаза и покраснѣвъ, уперлась руками въ его грудь и дѣлала усилія оттолкнуть его. Офицеръ все крѣпче притягивалъ дѣвушку къ себѣ, тяжело дыша и торопливо цѣлуя ея волосы и щеки.

Харитина сопротивлялась долго, съ молчаливымъ упорствомъ и озлобленіемъ. Она была очень сильна. Авиловъ началъ изнемогать и хотѣлъ уже выпустить дѣвушку, какъ вдругъ она страшно поблѣднѣла, руки ея безсильно упали внизъ, глаза закрылись.

Очнувшись, она принялась истерично плакать. Всѣ утѣшенія и обѣщанія Авилова были напрасны. Онъ такъ и ушелъ изъ сада, оставивъ Харитину бившейся въ рыданіяхъ на травѣ.

Она объ этомъ случаѣ никому не сказала ни слова и только старательно избѣгала встрѣчъ съ Авиловымъ.

Да, впрочемъ, и самъ Авиловъ черезъ четыре дня уѣхалъ изъ деревни, по телеграммѣ матери, неожиданно заболѣвшей.

Съ тѣхъ поръ онъ не видалъ Харитины, и только сейчасъ голосъ женщины за стѣною слегка ему ее напомнилъ, слегка,—потому что Авиловъ не успѣлъ еще разобраться въ своихъ воспоминаніяхъ, какъ уже опять заснулъ крѣпкимъ утреннимъ сномъ.

— Вашбродь, вставайте! Вставайте, вашбродь. Ужъ ротный командиръ пошодши къ ротѣ!—будилъ Никифоръ разоспавшагося Авилова, тряся его, съ должнымъ однако почтеніемъ, за плечо.

— Мм... а самоваръ?—промычалъ Авиловъ, съ трудомъ раскрывая глаза.

— Никакъ нѣтъ! Вещи всѣ отправлены: фельдфебель приказали. Я ужъ васъ, почитай, цѣлый часъ будилъ: изволили ругаться и сказали, что чаю не будете пить.

Авиловъ сдѣлалъ наконецъ надъ собою усиліе, быстро вскочилъ съ постели и сталъ поспѣшно одѣваться. Онъ боялся опоздать. Поспѣшно плеснулъ нѣсколько разъ на лицо водою, едва застегнувъ сюртукъ, онъ побѣжалъ къ сборному мѣсту, на ходу надѣвая шарфъ съ кобуромъ и шашку.

Батальоны уже стояли правильными черными четырехугольниками вдоль широкой улицы, рядомъ, одинъ около другого. Авиловъ поспѣшно вступилъ въ свое мѣсто, стараясь не встрѣчаться глазами съ укоризненнымъ взглядомъ командира.

Небо было ясное, чистое, нѣжно-голубого цвѣта. Легкія бѣлыя облака, освѣщенныя съ одной стороны розовымъ блескомъ, лѣниво плыли въ прозрачной вышинѣ. Востокъ алѣлъ и пламенѣлъ, отливая въ иныхъ мѣстахъ перламутромъ и серебромъ. Изъ-за горизонта, точно гигантскіе растопыренные пальцы, тянулись вверхъ по небу золотыя полосы отъ лучей еще не взошедшаго солнца.

Черезъ десять минутъ изъ-за праваго фланга выѣхалъ на своемъ громадномъ сѣромъ меринѣ полковой командиръ. Его голосъ оживленно и явственно раздался въ утреннемъ воздухѣ:

— Здорово, первый ба-тальо-онъ!

— Здра-жла-ва-со!..—весело и бодро крикнули четыреста молодыхъ голосовъ.

Онъ объѣхалъ такимъ образомъ всѣ батальоны, затѣмъ выѣхалъ передъ середину полка, шаговъ на пятьдесятъ, откинулся тѣломъ назадъ и, закинувъ вверхъ голову, молодцоватымъ, радостнымъ голосомъ скомандовалъ:

— Подъ знамена! Ша-а-ай! На кра-у-улъ!

Батальоны брякнули ружьями и замерли. Прозрачно и рѣзко разносясь въ воздухѣ, раздались звуки встрѣчнаго марша. Знамя, обернутое сверху кожанымъ футляромъ, показалось надъ рядами, мѣрно колыхаясь подъ звуки музыки. Того, кто его несъ, не было видно. Потомъ оно остановилось, и музыка замолкла.

Полкъ вытянулся въ длинную, узкую колонну и двинулся. Солдаты шли бодро, радуясь свѣжему, веселому утру, отдохнувшіе и сытые. Всѣмъ хотѣлось пѣть, и, когда Нога своимъ звонкимъ, сильнымъ голосомъ затянулъ:

Ой да изъ-подъ горки, ой изъ-подъ крутой
Ѣхалъ майоръ молодой,

солдаты подхватили припѣвъ особенно дружно и согласно.

Извиваясь длинной лентой, полкъ одну за другой проходилъ улицы большого села. Авиловъ издали узналъ домъ, въ которомъ онъ провелъ ночь. У калитки его стояла какая-то женщина съ коромысломъ на плечѣ, въ темномъ платьѣ, съ бѣлымъ платкомъ на головѣ. «Это, должно-быть, моя хозяйка,—подумалъ Авиловъ:—интересно на нее взглянуть».

Когда онъ сровнялся съ нею, женщина быстро, точно отъ внезапнаго толчка, обернулась назадъ и встрѣтилась

глазами съ Авиловымъ. Онъ сразу узналъ ее. Это была, несомнѣнно, Харитина: тѣ же глубокіе, кроткіе глаза, то же серьезное и печальное лицо...

И она его тотчасъ же узнала. Въ глазахъ ея попеременно отразились и изумленіе, и гнѣвъ, и страхъ, и презрѣніе.... она поблѣднѣла, и ея ведра упали вмѣстѣ съ коромысломъ на землю, дребезжа и катясь.

Авиловъ обернулся. Тяжелая, острая скорбь внезапно охватила его: точно кто-то сжалъ грубой рукой его сердце. И почему-то въ то же время онъ показался себѣ такимъ маленькимъ-маленькимъ, такимъ подленькимъ трусишкой. И, чувствуя на своей спинѣ взглядъ Харитины, онъ весь съеживался и приподнялъ вверхъ плечи, точно ожидая удара.

А рядомъ съ нимъ справа, слѣва, впереди, сзади—здоровые голоса орали съ гиканьемъ, визгомъ и пронзительнымъ свистомъ:

Здравствуй, Саша, здравствуй, Маша,
Здравствуй, милая моя...

Оглавленіе

II тома.

стр.

Поединокъ 3

Дознаніе 294

Ночлегъ 312

72

LR
K9655
1912

670559
Kuprin, Aleksandr Ivanovich
Полное собранiе сочиненiй.
v. 1-2
[Transliterated: Polnoe sobranie sochineny]

NAME OF BORROWER

DATE
13/1/1958

University of Toronto
Library

DO NOT
REMOVE
THE
CARD
FROM
THIS
POCKET

Acme Library Card Pocket
LOWE-MARTIN CO. LIMITED